947
C232

900/471

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач——— Зак. 32

...ъ.

...игѣ

...цы

...і-

...ственными органами
...редназначенный для
...спроса", и считался
...о бѣдныхъ" [2]). Ставя
...ерѣ „общественныхъ
...болѣе обнищавшему
...ѣры *предупрежденія*
...анализѣ этого обще-
...ибудь—чѣмъ проще,
...кретному лицу пред-
...ихъ суммъ. Въ силу
...редствъ шелъ на за-
...ничтожную цѣнность

Commons on the Dishen,

Commission on Labour,

№ 4589
Читальня
947
С. 22

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

Василію Осиповичу

КЛЮЧЕВСКОМУ

его учениками, друзьями и почитателями
ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности
въ Московскомъ Университетѣ.

(5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года)

Съ тремя портретами В. О. Ключевскаго, исполненными фототипіей и геліогравюрой, и приложеніемъ списка трудовъ его.

Часть II.

Чистая выручка съ изданія поступитъ на стипендію имени В. О. Ключевскаго при Московскомъ Университетѣ.

Городская безплатная
Библіотека-читальня
им. гр. Л. Н. Толстого
Московская Губернская
Центральная Библиотека

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1909.

Ко
Эк
Библіотека Читальня имени Гр. Л. Н. Толстого
49 Л.
137857

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

Василію Осиповичу

КЛЮЧЕВСКОМУ

его учениками, друзьями и почитателями
ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности
въ Московскомъ Университетѣ.

(5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года)

Съ тремя портретами В. О. Ключевскаго, исполненными фототипіей и геліогравюрой, и приложеніемъ списка трудовъ его.

ЧАСТЬ II.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Участвуютъ: *Я. Л. Барсковъ, прив.-доц. С. В. Бахрушинъ, проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, С. Б. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Р. Ю. Випперъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, прив.-доц. В. Е. Данилевичъ, проф. М. А. Дьяконовъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, проф. С. А. Котляревскій, проф. И. И. Лаппо, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, проф. М. К. Любавскій, прив.-доц. А. С. Орловъ, проф. Д. М. Петрушевскій, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. М. М. Покровскій, прив.-доц. свящ. Н. Г. Поповъ, проф. В. К. Поржезинскій, В. С. Протопоповъ, проф. С. В. Рождественскій, проф. А. Н. Савинъ, проф. С. И. Смирновъ, проф. М. Н. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, проф. А. Н. Филипповъ, прив.-доц. А. С. Хахановъ, проф. М. М. Хвостовъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, Г. Н. Шмелевъ, проф. Е. Ф. Шмурло, проф. Е. Н. Щепкинъ, В. О. Эйнгорнъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ.*

Чистая выручка съ изданія поступитъ на стипендію имени В. О. Ключевскаго при Московскомъ Университетѣ.

947
С232

МОСКВА, 1909.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.

Симонова монастыря архимандрита Гаврила з братьею съ Матвѣемъ Евлаховымъ въ убивствѣ Симонова-жъ монастыря слушки Васки Иванова и въ бою и въ увѣчьѣ крестьянъ и въ грабежѣ». Думается, что и здѣсь все ограничивалось гражданскимъ искомъ, такъ какъ дѣла объ убійствѣ восходили обычно на рѣшеніе верховной власти.

Дѣла въ Расправную Палату взносились или по иниціативѣ приказа, или по челобитью одной изъ тяжущихся сторонъ. Въ первомъ случаѣ приказъ, не рѣшивъ спора по неясности закона или по запутанности дѣла, искалъ компетентныхъ указаній высшей инстанціи. Иниціатива эта проявлялась очень туго; во всѣхъ случаяхъ, когда мы можемъ прослѣдить ходъ дѣла, возбудившаго въ приказѣ сомнѣніе и переданнаго въ Расправную Палату, находимъ дьячью помѣту, что царь указалъ учинить указъ въ томъ или иномъ приказѣ, а «зачѣмъ указу учинить не мочно, и то дѣло взнесть въ Расправную Палату» или «взнесть къ боярамъ ко кн. Н. И. Одоевскому съ товарищи». Помѣты о взнесеніи дѣлъ, которыхъ зачѣмъ вершить не мочно, государямъ за періодъ предсѣдательствованія въ Палатѣ князей Никиты и Якова Одоевскихъ очень рѣдки.

По челобитью сторонъ въ Расправную Палату взносились дѣла, по которымъ приказъ или задерживалъ своимъ рѣшеніемъ, или, по мнѣнію челобитчика, далъ неправильное направленіе, или вынесъ неправильное рѣшеніе. Дѣла, не бывшія на разсмотрѣніи приказовъ, поступали въ Палату очень рѣдко. Дѣло Новгородскаго Духова монастыря съ Новгородскимъ дворяниномъ Аѳ. Базловымъ было рѣшено Новгородскимъ воеводой княземъ Прозоровскимъ, а потомъ прислано въ Новгородскій приказъ, но власти, не жалуясь ни въ чемъ на приказъ, просили взнесть дѣло въ Расправную Палату, и государи удовлетворили просьбу [1]. Другой случай имѣется въ дѣлѣ Ганки и Куземки Солоденниковыхъ, обозвавшихъ Вологодскаго старожила, бывшаго у писцоваго дѣла, воромъ; приговоръ былъ вынесенъ воеводой Борисомъ Змѣевымъ и обжалованъ Солоденниковыми, минуя приказъ, прямо въ Расправной Палатѣ, которая не только отмѣнила приговоръ, но и наказала воеводу взысканіемъ съ него проѣстей и волокиты [2]. Думать, что въ данномъ случаѣ Расправная Палата судитъ по преступленіямъ должностныхъ лицъ въ первой инстанціи, было бы не основательно, такъ какъ жалоба Чарондцевъ на воеводу Лаврентія Змѣева въ разореніи, взяткахъ, мученіи, убійствѣ трехъ человѣкъ (все это оцѣнивалось, какъ убытокъ въ 1070 руб.) направлено по помѣтѣ думнаго дьяка въ Устюжскій приказъ и только въ случаѣ, если думный дьякъ Е. И. Украинцевъ не рѣшится вынести своего приговора, дѣло дол-

[1] Монастырскія дѣла 1687 г. № 17.

[2] П. Д. С. Л. 1691 г. № 242.

жно поступить въ Палату. Вторичное челобитье Чаронддевъ направило дѣло прямо въ Расправную Палату [1]).

Приведенные случаи свидѣтельствуютъ о неустойчивости того общаго правила, которое подчеркивается въ помѣтахъ думныхъ дьяковъ и въ приговорахъ Палаты, что всякое дѣло сперва должно быть на разсмотрѣніи въ приказѣ и только тогда можетъ быть взнесено въ Расправную Палату. Власти Симонова монастыря искали на монастырскомъ служкѣ Борискѣ убытковъ въ 563 руб. Только что дѣло поступило въ Посольскій приказъ, какъ Бориска подалъ челобитье о взносѣ дѣла въ Расправную Палату, которая дѣло разсматривать не стала, а возвратила въ приказъ [2]). Въ спискѣ дѣлъ, взнесенныхъ въ Расправную Палату, находимъ запись, что дѣло Т. Домецкой съ полковникомъ Циклеромъ о спорной вотчинѣ снесено изъ Палаты въ приказъ, потому-что взнесено не вершенное. Пос. ч. Петрушка Кононовъ жалуется, что его тяжба со старцемъ Иринархомъ рѣшена воеводой неправильно и проситъ дѣло взнесть въ Расправную Палату, но государи велѣли указъ учинить д. д. Украинцеву [3]).

Понятіе о волокитѣ, за отсутствіемъ сроковъ разсмотрѣнія дѣлъ въ приказахъ, понимается челобитчиками различно. Бывали случаи, что дѣло залеживалось въ приказѣ до полугода, не вызывая протеста сторонъ, а иногда очень незначительная задержка вызывала жалобу, что приказъ дѣла не вершитъ и указа не учинилъ. 24 декабря 1689 г. д. д. Украинцевъ получилъ порученіе разсмотрѣть челобитную властей Вышеостровскаго Олонецкаго монастыря объ откупѣ рыбныхъ ловель. 3 января 1690 года, т.-е. черезъ 10 дней, власти снова бьютъ челомъ, чтобы дѣло было взнесено въ Расправную Палату, такъ какъ д. д. Украинцевъ и самъ указа не ученилъ и вверхъ не взнесъ [4]). Нѣкоторые челобитчики, зная о недружбѣ судей, старались во избѣжаніе волокиты перенести дѣло въ другой приказъ, и правительство съ эпическимъ спокойствіемъ сознается, что его ближайшіе агенты способны не только затянуть дѣло, но и помѣшать разсмотрѣнію тяжбы въ высшей инстанціи. Царь указалъ думному дьяку Е. И. Украинцеву передать дѣло И. А. Желябужскаго съ И. Ѳ. Окинѳовымъ изъ Новгородскаго приказа въ Стрѣлецкій, соглашаясь съ опасеніемъ Желябужскаго, что «ты Окинѳову другъ и тѣхъ дѣлъ не вершишь и въ Расправную Палату къ боярамъ не взнесешь» [5]).

---

[1]) П. Д. С. Л. 1690 г. № 101.
[2]) Книга Посольскаго приказа № 8, л. 124.
[3]) П. Д. С. Л. 1692 г. № 49.
[4]) Монастырскія дѣла 1689 г. № 53.
[5]) П. Д. С. Л. 1692 г. 62.

Возстановленіе нарушенныхъ процессуальныхъ формъ производилось Расправной Палатой не только по окончаніи, но и въ серединѣ судебнаго дѣла, такъ что имѣется рядъ дѣлъ, поступившихъ въ Палату невершенными, и приговоровъ, въ которыхъ дается указаніе, какъ надо вести процессъ. Въ 1687 г. кн. В. В. Голицынъ, разсматривая дѣло по жалобѣ Бронной слободы тяглеца Я. Еремѣева на иноземца Адольфа Гутмана въ бою и увѣчьѣ, велѣлъ дать исцу вѣру, но тотъ остался этимъ недоволенъ и, боясь жаловаться на кн. Голицына, пріостановилъ ходъ дѣла на 3 года. Только въ 1690 г. Еремѣевъ подалъ жалобу въ Расправную Палату, указывая, что у него съ Гутманомъ была общая ссылка, и потому присяги примѣнять не слѣдовало. Бояре, однако, одобрили распоряженіе кн. Голицына [1]).

Самый обширный разрядъ дѣлъ, поступавшихъ по челобитьямъ сторонъ въ Расправную Палату, это дѣла, вершенныя въ приказахъ, по мнѣнію челобитчиковъ, неправильно. Жалоба обыкновенно была подробно мотивирована съ изложеніемъ хода дѣла. Только изрѣдка находимъ челобитье, глухо заявлявшее, что дѣло рѣшено не противъ указовъ и Уложенья, по недружбѣ, безъ подлиннаго розыска. Ссылка на нарушенныя статьи Уложенія—обычный мотивъ жалобы, или же указывается, что въ дѣлѣ выписаны неподходящія статьи Уложенія. Неправильно сдѣланная въ приказѣ выписка изъ дѣла и внесеніе уже послѣ судоговоренія новыхъ или оставленіе безъ вниманія неопороченныхъ документовъ также даютъ матеріалъ для челобитья.

Если дѣло было на разсмотрѣніи у государя, то Расправная Палата, конечно, отказывалась пересматривать его. Въ одной дьячей помѣтѣ такъ и читаемъ: «в. г. пожаловалъ, велѣлъ, будетъ тѣ дѣла вершены въ приказѣ, а въ докладѣ не были, взнесть къ боярамъ, ко кн. Я. И. Одоевскому съ тов.» [2]). Опочецкіе рейтары жаловались, что земли, пожалованныя имъ вмѣсто кормовъ, у нихъ отписаны на Красногородскихъ солдатъ, а Новгородскій приказъ по этой претензіи не выноситъ своего рѣшенія. Дѣло было взнесено въ Расправную Палату, но оттуда невершенное отослано обратно въ приказъ, такъ какъ передача земель состоялась по именному царскому указу ***). Въ другомъ случаѣ, по тяжбѣ Старорушанъ съ Спасскимъ монастыремъ о пожняхъ и рыбныхъ ловляхъ, рѣшенной именнымъ указомъ, выписка была взнесена въ Расправную Палату и тамъ лежала $1^1/_2$ года, пока по новому челобитью не была возвращена въ приказъ для исполненія приговора по прежнему указу [4]). Можно было жаловаться по подобнымъ дѣламъ

[1]) П. Д. С. Л. 1686 г. № 174.
[2]) П. Д. С. Л. 1689 г. № 235.
[3]) П. Д. С. Л. 1691 г. № 145.
[4]) Монастырскія дѣла 1690 г. № 27.

только въ томъ случаѣ, если челобитчики находили, что царскій указъ приводится въ исполненіе неправильно.

Челобитье подавалось обыкновенно въ томъ приказѣ, гдѣ находилось дѣло, но мы знаемъ нѣсколько случаевъ, когда просители обращались съ своими жалобами въ Золотой Палатѣ къ самому предсѣдателю Расправной Палаты. Челобитье это должно имѣть помѣту думнаго дьяка (подписано) объ указѣ государя взнесть дѣло въ Палату. Подписывали челобитную различные думные дьяки, и тѣ которые засѣдали въ Расправной Палатѣ, и тѣ, которые служили въ приказахъ, но не въ томъ, на дѣйствія котораго направлена жалоба. Значеніе челобитья, которое подписывалось безъ справки съ подлиннымъ дѣломъ, было очень велико. Челобитчикъ, утаивая нѣкоторыя неблагопріятныя для него обстоятельства и документы, могъ привести очень убѣдительные доводы въ защиту своей просьбы. Истецъ проситъ взнесть дѣло въ Расправную Палату, царь указываетъ взнесть; отвѣтчикъ бьетъ челомъ, чтобы дѣло было возвращено въ приказъ, какъ неподлежащее разсмотрѣнію Палаты, царь указываетъ возвратить [1]).

Сроковъ для подачи жалобы на рѣшеніе приказа не было установлено или по словамъ кн. Одоевскаго «въ Уложеньѣ о томъ, какъ исцамъ въ обидахъ своихъ на отвѣтчиковъ бить челомъ, урочныхъ лѣтъ не положено» [2]). Дѣйствительно, послѣ паденія царевны Софьи въ Расправную Палату поступили старыя, казалось, забытыя дѣла. Приговоръ приказа немедленно вступалъ въ силу, если только недовольный не успѣвалъ заявить о своемъ намѣреніи подать жалобу. Посадскій человѣкъ Петрушка Кононовъ, проигравшій тяжбу со старцемъ Иринархомъ, всячески оттягивалъ продажу своего имущества и утверждая, что подалъ жалобу въ Расправную Палату, нѣкоторое время проводилъ такого опытнаго дѣльца, какъ думный дьякъ Е. Украинцевъ [3]). Но вообще, затягивать дѣло, перенося его въ Палату, было невыгодно, такъ какъ преѣсти и волокита съ обвиненнаго взимались съ начала дѣла и до приговора бояръ.

Полученная въ приказѣ подписная челобитная подклеивалась къ выпискѣ изъ дѣла и съ этими бумагами, обыкновенно, въ самомъ непродолжительномъ времени изъ приказа посылали подьячаго, а чаще дьяка въ Золотую Палату, гдѣ дѣло записывалось въ «взносную» книгу и въ пріемѣ выдавалась росписка дьякомъ или подьячимъ Расправной Палаты. Опредѣленныхъ дней для взноса докладовъ изъ того или другого приказа не было, не было опредѣленныхъ дней и для засѣданій бояръ въ Палатѣ.

---

[1]) Монастырскія дѣла 1690 г. № 27.

[2]) П. Д. С. Л. 1686 г. № 9.

[3]) П. Д. С. Л. 1692 г. № 49.

Во время засѣданія выписку читалъ передъ боярами подьячій, большею частію тотъ, который принялъ дѣло. Какъ совѣщались между собою думные люди, какъ рѣшали дѣло, единогласно или большинствомъ голосовъ, какъ улаживались между ними несогласія,—на все это не находимъ въ документахъ никакого отвѣта. Знаемъ только одно, что запрещалось присутствовать при разборѣ дѣла тѣмъ, которые заинтересованы были въ его исходѣ по родству [1]). Одинъ примѣръ несогласія между боярами, вѣдавшими Москву, можемъ привести, но ко времени болѣе раннему, чѣмъ интересующій насъ періодъ. Въ 1659 г. кн. Борисъ Репнинъ жаловался царю, бывшему въ отъѣздѣ, что оставленный съ нимъ въ товарищахъ кн. А. Ѳ. Литвиновъ-Масальскій въ городъ не ѣздитъ, хотя дѣлъ очень много, недовольный тѣмъ, что его имени въ отпискахъ царю не упоминается, а пишутъ только имя старшаго [2]).

Очень часто Палата не ограничивалась только разсмотрѣніемъ выписки, требуя подлиннаго дѣла или по своей иниціативѣ, или по челобитью сторонъ. Напримѣръ, стольникъ А. В. Безобразовъ указываетъ, что по его земляному дѣлу съ посадскими людьми Погорѣлаго Городища «въ Устюжскомъ приказѣ подьячій въ выписку выписывалъ сверхъ суднаго дѣла прибавку своимъ вымысломъ» и просилъ взнесть въ Палату подлинное дѣло [3]). Если приказные люди были очень заинтересованы въ томъ или иномъ приговорѣ, то они стараются скрыть нѣкоторые документы и посылаютъ дѣло не все [4]). Но челобитчикъ зорко слѣдитъ за этимъ и жалуется въ случаѣ злоупотребленія. Но и разсмотрѣніе подлиннаго дѣла не всегда удовлетворяло бояръ, разбиравшихъ тяжбу по существу. Они не были стѣснены ни въ возвращеніи дѣла въ приказъ для дослѣдованія, ни въ самостоятельномъ допросѣ челобитчиковъ. Дѣятельность самой Палаты по разслѣдованію дѣла выражалась въ слѣдующихъ формахъ. Бояре сами допрашиваютъ отвѣтчика: грекъ Панаіотъ Роденъ взятъ въ 1690 г. изъ Посольскаго приказа и въ пріемѣ его выдана росписка [5]); вызываютъ экспертовъ: по тяжбѣ гречанъ Юрія Юрьева съ Іоанникіемъ и Софроніемъ Лихудами въ торговомъ дѣлѣ Расправная Палата вызываетъ черезъ Посольскій приказъ 10 гречанъ же торговыхъ людей самыхъ лучшихъ для счета [6]); по дѣлу Ивана и Григорія Строгановыхъ о родствѣ устраивается передъ боярами очная ставка иска съ отвѣтчикомъ [7]); вслѣдствіе

[1]) Полн. Собр. Зак. т. II, № 885.
[2]) Московскаго стола столбецъ № 289, л. 424.
[3]) П. Д. С. Л. 1688 г. № 274.
[4]) Монастырскія дѣла 1689 г. № 21.
[5]) П. Д. С. Л. 1690 г. № 322.
[6]) П. Д. С. Л. 1691 г. № 123.
[7]) Строгановскія дѣла 1686 г. 18 сент.

спора Еренчанъ съ Сольвычегодцами о разверткѣ расходовъ по ямской гоньбѣ, Расправная Палата разсматриваетъ Ямскія загонныя книги [1]).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Расправная Палата выносила свой приговоръ согласно Уложенію и царскимъ указамъ. Послѣднее постоянно подчеркивается и въ дьячихъ помѣтахъ, и въ челобитныхъ. Подьячій, читавшій выписку или подлинное дѣло, читалъ передъ боярами проектъ приговора, который по утвержденіи скрѣплялся подписью одного изъ думныхъ дьяковъ, засѣдавшихъ въ Палатѣ. Если подтверждалось прежнее постановленіе приказа, то приговоръ былъ, обыкновенно, кратокъ и только иногда содержалъ въ себѣ опроверженія челобитья, по которому дѣло было взнесено. Но если приказный приговоръ измѣнялся, то Палата приводила мотивы своего рѣшенія, иногда кратко, а иногда очень подробно съ ссылками на Уложеніе и на указы. По одному дѣлу, рѣшенному кн. В. В. Голицынымъ, Расправная Палата, вынося иное рѣшеніе, шагъ за шагомъ разбираетъ подробный приговоръ приказа [2]).

Обыкновенно, Расправная Палата не задерживала рѣшенія дѣлъ, но иногда, особенно при кн. Черкасскомъ, дѣла залеживались по цѣлымъ годамъ. Одно дѣло о спорной землѣ взнесено въ Золотую Палату 10 авг. 1692 г., а только 16 окт. 1693 г. бояре приказали рѣшить дѣло на мѣстѣ, осмотрѣвъ межи. По тяжбѣ о спорномъ дворѣ дѣло было взнесено въ Палату 8 февр. 1693 г. и тамъ оставалось безъ движенія до закрытія самого учрежденія, т.-е. болѣе года, хотя въ дѣлѣ не было ничего такого, что затрудняло его рѣшеніе [3]).

Разсматривая приговоры Палаты, находимъ, что большая часть ихъ подтверждаетъ приказныя рѣшенія, а меньшинство ихъ отмѣняетъ. Приговоры эти вскрываютъ намъ, что бояре разсматривали дѣла и въ апелляціонномъ, и въ кассаціонномъ порядкѣ. Процессы перваго рода, конечно, въ значительной степени отступаютъ отъ тѣхъ принциповъ, какіе мы видимъ въ современныхъ судахъ. Даже предметъ судебнаго разбирательства иногда видоизмѣнялся. Въ 1686 г. власти Новгородскаго Духова монастыря, замѣтивъ, что дворянинъ Аѳанасій Базловъ запахалъ часть ихъ вотчинной земли, подали въ судъ жалобу. Базловъ поспѣшилъ кончить дѣло миромъ, и обѣ стороны подписали запись, въ которой точно указанъ срокъ, когда межи должны быть возстановлены и пятый снопъ съ сжатаго на захваченной землѣ хлѣба

---

[1]) П. Д. С. Л. 1691 г. № 53.
[2]) П. Д. С. Л. 1686 г. № 9.
[3]) П. Д. С. Л. 1692 г. № 69.

выданъ монастырю подъ росписку архимандрита. Неисполненіе какого-либо условія влекло за собою уплату неустойки въ 200 р. Когда наступилъ назначенный день, то каждая сторона попыталась «пригнать» другую къ неустойкѣ: архимандритъ утверждалъ, что Базловъ росписки не взялъ, а самъ Базловъ жаловался, что архимандритъ отказался выдать росписку. Хлѣба съ поля никто не бралъ, боясь новаго процесса. Черезъ 4 года дѣло по инстанціямъ дошло до Расправной Палаты, при чемъ успѣхъ былъ на сторонѣ Базлова. За день до разсмотрѣнія дѣла въ Палатѣ монастырскій стряпчій подалъ челобитье, чтобы бояре разсудили и о томъ, о чемъ ничего не говорилось въ низшихъ инстанціяхъ, о томъ, кому принадлежитъ полусгнившій хлѣбъ, лежавшій на полѣ. Хлѣбъ былъ присужденъ монастырю [1]).

Укажемъ также случай, когда рѣшеніе Расправной Палаты совершенно не вызывалось челобитьемъ. На Вологодскаго воеводу, вынесшаго неправильное рѣшеніе по дѣлу о безчестьѣ, потерпѣвшій жаловался боярамъ, которые постановили рѣшеніе воеводы отмѣнить и взять съ него проѣсть и волокиту [2]). Другой подобный случай еще интереснѣе, потому-что Расправная Палата, удовлетворивъ искъ челобитчика, наказала его за неустойчивость характера; въ приговорѣ говорится: «а что онъ, Иванъ поступился было ему, Ѳедору, а после ту поступку спорилъ, и за то ему учинить наказанье, бить батоги для того, что ему того городническаго помѣстья поступатца было не довелось, и доправить на немъ, Иване, проѣсть и волокиту». Кассаціонный процессъ возникалъ или среди разсмотрѣнія дѣла въ низшей инстанціи, о чемъ было сказано раньше, или по окончаніи дѣла въ приказѣ. Вообще же процессы этого рода очень рѣдки. Приведемъ одинъ примѣръ. Новгородецъ посадскій человѣкъ Ѳедка Бабкинъ подалъ жалобу, что кн. В. В. Голицынъ рѣшилъ его дѣло съ кр. Иваномъ Анисимовымъ о спорномъ дворѣ безъ примѣненія очной ставки. Палата постановила: приговоръ кн. Голицына отставить и вернуть дѣло въ низшую инстанцію на Балахну къ воеводѣ, которому предлагалось поставить исца и отвѣтчика на очную ставку и сообразно съ этимъ вынести свое рѣшеніе [3]).

Жалобы на нарушеніе процессуальныхъ формъ часты, но большею частію они влекли за собою не кассацію приговора, а пересмотръ дѣла по существу. Конечно въ XVII в. еще не выработалось понятія ни объ апелляціонномъ, ни о кассаціонномъ процессѣ, и современную терминологію мы приводимъ по тому, что привыкли къ пересмотру рѣшеннаго судебнаго дѣла прибавлять то или другое понятіе.

---

[1]) Монастырскія дѣла 1687 г. № 17.

[2]) П. Д. С. Л. 1691 г. № 242.

[3]) П. Д. С. Л. 1689 г. № 164.

Дѣло съ подписаннымъ къ нему приговоромъ отсылалось въ тотъ приказъ и въ тотъ столъ, откуда поступило. Нарушеніе этого правила считалось злоупотребленіемъ, на которое можно принести жалобу. Такая жалоба была подана на подьячаго Леонтія Матвѣева, который изъ Расправной Палаты отнесъ дѣло съ приговоромъ не въ Владимірскій приказъ, по принадлежности, а въ Аптекарскій приказъ, куда былъ переведенъ этотъ подьячій [1]). Сообразно съ приговоромъ, приказъ составлялъ указъ, который вручался для доставки по назначенію выигравшему процессъ, при чемъ послѣдній долженъ былъ внести печатную пошлину. Были случаи, когда выигравшій дѣло, не имѣя средствъ, чтобы заплатить пошлину, указа не получалъ, и приговоръ Расправной Палаты оставался безъ послѣдствій [2]).

Въ рѣдкихъ случаяхъ грамота посылалась изъ Золотой Палаты за приписью дьяка Палаты, но отпускъ грамоты хранился въ дѣлахъ соотвѣтствующаго приказа. Мы знаемъ также случаи, когда бояре принимали участіе въ исполненіи приговора; напримѣръ, просроченная по кабалѣ сумма вносится въ Палату, Палата же выдаетъ данную на дворы согласно своему приговору [3]). На эти случаи надо смотрѣть, какъ на исключеніе.

Рѣшеніе Расправной Палаты считается окончательнымъ. На это общее правило, какъ вытекавшее изъ царскаго указа, ссылаются туляне посадскіе люди, когда пушкарскій сынъ Меркулко Боковъ задумалъ добиться пересмотра приговора, вынесеннаго Палатой по дѣлу о спорныхъ лавкахъ: «А по ихъ, великихъ государей, указу, которые дѣла въ Расправную Палату передъ бояръ передъ кн. Я. Н. Одоевского съ тов. взношены и вершены, и тѣхъ дѣлъ перевершать не велѣно» [4]). Однако, находимъ нѣсколько случаевъ, когда согласно помѣтѣ, Палата пересматриваетъ и даже отмѣняетъ свое рѣшеніе. Такъ въ 1681 г. кн. Н. И. Одоевскій отмѣняетъ свой приговоръ [5]). Въ 1690 г. именитый человѣкъ Григорій Строгановъ имѣлъ съ Иваномъ Строгановымъ судное дѣло о спорномъ мельницѣ и неправильномъ присвоеніи Иваномъ фамиліи Строгановыхъ. И по тому, и по другому вопросу состоялся приговоръ въ Расправной Палатѣ, но Григорій, проигравшій дѣло, продолжалъ оспаривать принадлежность Ивана къ семейству Строгановыхъ и добился того, что бояре въ Палатѣ стали снова разбирать дѣло и какъ будто склоняться на сторону иска. Конца этого дѣла, къ сожалѣнію, не сохранилось [5]). Въ 1691 г. Палата по новомъ

---

[1]) Книга по Владиміру № 25, л. 126.
[2]) П. Д. С. Л. 1688 г. № 15 и 1689 г. № 164.
[3]) Книга по Владиміру № 25.
[4]) П. Д. С. Л. 1679 г. № 290.
[5]) Строгановскія дѣла 1686 г. 18 сент.

разсмотрѣніи дѣла Чарондцевъ мірскихъ людей со воеводой Л. Змѣевымъ въ разореніи и убыткахъ подтверждаетъ свои пригнворъ [1]).

Но приговоръ Расправной Палаты могъ быть отмѣненъ въ высшей инстанціи—въ Думѣ. Устьянцы съ Тотемцами долго спорили о томъ, какую долю въ ямскихъ расходахъ должны нести тотъ и другой уѣздъ. Палата приговорила, чтобы расходы дѣлились пополамъ. Устьянцы остались недовольны, и по ихъ челобитью дѣло слушалось царемъ съ боярами, которые постановили приговоръ Расправной Палаты отмѣнить [2]).

Какъ высшая судебная инстанція, Расправная Палата своими рѣшеніями создавала прецеденты, которые имѣли въ виду и судьи, и тяжущіеся. Стряпчій Саввина монастыря въ подтвержденіе своего челобитья говоритъ: «въ Расправной Палате и въ Судномъ Дворцовомъ приказѣ съѣздами исповъ и отвѣтчиковъ винить велено, и дела вершились» [3]). Думный дьякъ Е. И. Украинцевъ разсматривалъ тяжбу между Крестнымъ монастыремъ и крестьянами Биричевской волости Каргапольскаго уѣзда о сѣнныхъ покосахъ. Въ дѣлѣ оказалась выписка «на примѣръ» изъ приговора Расправной Палаты тоже о сѣнныхъ покосахъ, которые не подѣлили Крестный и Кожеезерскій монастыри. Замѣчательно, что приговоръ Украинцева составленъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и приговоръ Расправной Палаты [4]).

Укажу еще на роль Палаты, какъ авторитетнаго учрежденія, поддерживающаго своимъ голосомъ рѣшеніе приказа. Сольвычегодцы чинили Еренчанамъ при проѣздѣ задержаніе и убытки. По челобитью послѣднихъ приказъ посылаетъ въ Сольвычегодскъ грамоту съ запрещеніемъ обижать Еренчанъ. Грамота не подѣйствовала, и обиженные просятъ послать грамоту вторично. Тогда Расправная Палата посылаетъ отъ своего имени послушную грамоту [5]).

Отношеніе Расправной Палаты къ Думѣ мало освѣщается имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаломъ. Прежде всего замѣтимъ, что приговоры Палаты не нуждались въ утвержденіи со стороны Думы. Въ Палатѣ засѣдали только думные люди, но это обстоятельство не даетъ ничего положительнаго, потому-что высшіе сановники всѣ принадлежали къ числу думныхъ людей. Выше было указано, что Дума была высшей инстанціей для Палаты и имѣла право отмѣнять ея рѣшенія. Такое подчиненное положеніе подчеркивается еще однимъ интереснымъ документомъ. Въ январѣ 1690 года Палата разсылаетъ по приказамъ боярскій приговоръ о томъ, чтобы всѣ акты судебнаго про-

---

1) П. Д. С. Л. 1690 г. № 101.
2) П. Д. С. Л. 1686 г. № 183.
3) П. Д. С. Л. 1690 г. № 267.
4) П. Д. С. Л. 1692 г. № 60.
5) П. Д. С. Л. 1691 г. № 53.

цесса во избѣжаніе споровъ скрѣплялись подписями сторонъ [1]). Палата оказалась въ роли передаточной инстанціи между Думой и приказами по судебнымъ дѣламъ. Повидимому, думская комиссія постепенно приближалась къ типу приказовъ и по внутреннему устройству, и по отношенію къ Думѣ, но приказомъ сдѣлаться не могла, такъ какъ была поставлена надъ приказами.

С. Богоявленскій.

---

[1]) Портфель Миллера № 130, XIII. Книга по Новгороду № 124, л. 83.

XX.

Годичныя книги англійскихъ судовъ, какъ историческій источникъ.

Однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и содержательныхъ источниковъ по исторіи англійскаго права являются такъ называемыя «Годичныя книги» (Year Books). Это замѣтки, сдѣланныя присутствовавшими при судоговореніи студентами (apprentices). Такимъ путемъ начинающіе юристы составляли себѣ справочныя книги, къ которымъ они могли впослѣдствіи обращаться за указаніями, когда имъ приходилось выступать уже въ качествѣ служащихъ адвокатовъ (servientes, serjeants). Составители не старались точно передавать внѣшнія обстоятельства различныхъ дѣлъ и ихъ фактическій исходъ—для этого служили офиціальные протоколы судовъ (records). Цѣль была—фиксировать пріемы юридической діалектики. По выраженію Мэтланда эти отчеты напоминаютъ современныя записи шахматныхъ партій, которыя изучаются любителями ради искусныхъ ходовъ, ловушекъ, поучительныхъ дебютовъ.... Между средневѣковой записью и современнымъ отчетомъ (report) та существенная разница, что послѣдній составляется главнымъ образомъ, чтобы облегчить ссылки на состоявшіяся рѣшенія въ связи съ проведенной въ нихъ аргументаціей, между тѣмъ какъ записи (year books)—результатъ работы студентовъ и служатъ педагогическимъ цѣлямъ. Поэтому «отчетъ» (report) долженъ быть точенъ по отношенію къ именамъ, мѣстностямъ и существу рѣшеній, тогда какъ запись (year book) сосредоточиваетъ все вниманіе на доводахъ сторонъ и замѣчаніяхъ судей и, относясь равнодушно къ внѣшней рамкѣ дѣлъ, опускаетъ и искажаетъ имена, передаетъ фактическій составъ процессовъ лишь въ наброскахъ и пренебрегаетъ рѣшеніемъ, поскольку оно касается фактической стороны дѣла. Эта педагогическая особенность «записей» вполнѣ сознавалась ихъ авторами, и бывали примѣры, что сами судьи обращали на нее вниманіе въ теченіе какого-нибудь поучительнаго процесса[1]).

[1]) Напр. Selden Society, Yearb. III, 36: *Bereford*: jeo vous say graunt gree de votre chalenge, et pur les jeovens ceinz, et nent pur nous qe seoms en baunc (Берефордъ, предсѣдатель суда, обращаясь къ одному изъ адвокатовъ, Уесткоту: спасибо за возраженіе, не столько ради насъ, засѣдающихъ на судейской скамьѣ, сколько ради присутствующей молодежи). Ср. Замѣчаніе предсѣдателя Призо (33 Henry VI, f. 41) SS. YBB. III, p. XV.

Записи возникли въ опредѣленный періодъ исторіи англійской юриспруденціи: онѣ начинаются въ царствованіе Эдуарда I, когда основанія «общаго права», заложенныя при Генрихѣ II, Ричардѣ, Іоаннѣ, Генрихѣ III, подверглись существеннымъ измѣненіямъ и планомѣрному развитію вслѣдствіи изданія цѣлаго ряда законодательныхъ актовъ (статутовъ). Значительная часть процессуальнаго матеріала болѣе раннихъ записей посвящена какъ разъ согласованію статутарнаго права съ общимъ.

Первая изданная годичная книга записей относится къ 1292 году (20 Edward I ed. by Horwood, Rollsseries), но въ позднѣйшемъ сокращеніи годичныхъ книгъ, составленномъ Фицгербертомъ, сохранились слѣды болѣе раннихъ записей, напр. замѣтокъ 1284 года[2]). Литература эта постепенно разростается, причемъ записи ведутся частными лицами—учениками, собранными за загородками (Crib) въ зданіи суда[3]). Отъ XIV и XV вѣковъ, несмотря на ихъ чрезвычайно бурную политическую исторію, остались сотни списковъ такого рода. Въ XVI вѣкѣ, послѣ воцаренія Тюдоровъ, наступаетъ ослабленіе работы, записи нѣсколько разъ прерываются, и наконецъ изсякаютъ, но сразу вслѣдъ за этимъ начинается серія «отчетовъ», «reports», которая тянется, все расширяясь, до нашихъ дней. Перерывъ записей объясняется двумя обстоятельствами[4]): во 1-хъ, кризисомъ, который переживали при Тюдорахъ суды общаго права, тѣснимые со всѣхъ сторонъ исключительными трибуналами и королевской администраціей, во 2-хъ, упадкомъ французскаго языка, на которомъ велось судоговореніе въ англійскихъ средневѣковыхъ судахъ: хотя французскіе термины и техническія формулы продолжали быть въ употребленіи и до нѣкоторой степени сохранили свою жизненность до сихъ поръ (напр. chose in action), но адвокаты и записывавшіе за ними ученики постепенно отвыкали отъ живой французской рѣчи, такъ что когда въ царствованіе Елизаветы вмѣсто записей явились отчеты, ихъ пришлось составлять на англійскомъ языкѣ.

Въ виду частнаго происхожденія, годичныхъ книгъ, записи значительно разнятся въ различныхъ рукописяхъ: одинъ выхватывалъ опредѣленные пункты процесса; на другого производили впечатлѣніе другія стороны дѣла: вслѣдствіе этого во многихъ случаяхъ приходится слѣдить за существенными варіантами, а иногда и искаженіями различныхъ записей. Особенно любопытные слѣды сужденій и споровъ, которыми сопровождались въ средѣ студентовъ тяжебныя столкновенія,

---

[2]) См. введеніе Мэтланда къ II тому Year books изданныхъ Сельденскимъ Обществомъ.

[3]) SS. YBB, II, p. XVI и IV, p. XLI.

[4]) *Brunner*, Grundriss der Quellen und Literatur des englischen Rechts, *Maitland*, English law and the Renaissance.

остались въ одной изъ рукописей эпохи Эдуарда II. Это рукопись Британскаго Музея Add. 35116. Составитель ея передаетъ не только ходъ аргументаціи сторонъ и замѣчанія судей, но также разсужденія слушателей по поводу происходившихъ передъ ними состязаній. Напримѣръ, по поводу одного рѣшенія 1312 года (Mich. 4 Edw. II), присудившаго одному изъ двухъ братьевъ половину участка, который онъ искалъ, составитель замѣчаетъ: «я употребилъ всѣ старанія, чтобы выяснить, принадлежитъ ли ему эта половина отдѣльно отъ брата или совмѣстно съ послѣднимъ. Всѣ адвокаты (narratores) были различнаго мнѣнія. А Робертъ Sturtey сказалъ мнѣ, что по подобному же поводу былъ споръ между серомъ Уильямомъ Леборномъ и серомъ Робертомъ Бергешъ: одинъ изъ нихъ желалъ произвести раздѣлъ, но ему не удалось никакими способами добиться удовлетворенія въ этомъ дѣлѣ. И тоже сказалъ Ридиналь; (SS. YBB. IV, № 36, p. 142 cp., ib. p. 146). Приводимыя составителемъ рукописи имена указываютъ на дѣятелей двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIV вѣка, которые, очевидно, въ 1311, 1312, 1313 годахъ толпились за загородкой суда Общихъ Тяжбъ, сообщали другъ другу свои впечатлѣнія о ходѣ дѣлъ и справлялись о мнѣніи адвокатовъ [5]).

Другая характерная черта этихъ студенческихъ записей—широкое мѣсто, удѣляемое драматическимъ эпизодамъ, вносившимъ оживленіе и юморъ въ однообразіе техническихъ аргументовъ и утомительныхъ формальностей. Въ этихъ наскоро схваченныхъ наброскахъ воскресаютъ передъ нами живые люди—методическій діалектикъ—адвокатъ Герль, любившій вести счеты своихъ доводовъ и перечислять всѣ логическія возможности, вытекавшія изъ даннаго случая, нетерпѣливый судья Стантонъ, прозванный Гервеемъ Поспѣшнымъ (Hervy le Hasty), въ особенности—остроумный, ученый и тщеславный предсѣдатель суда Общихъ Тяжбъ, серъ Уильямъ Берефордъ. Вотъ напр., сценка изъ одного процесса 1312 года. Повѣренный истца Лоуферъ жаловался на то, что нѣкая Алиса Латимеръ не исполняетъ повинностей, которыя она обязалась исполнять вмѣсто истца въ имѣніяхъ Уайбольдистонъ и Итонъ, вслѣдствіе чего сеньеръ имѣнія Уайбольдистонъ взыскиваетъ эти повинности прямо съ истца. Адвокаты отвѣтчицы обращали вниманіе на

---

[5]) Введеніе Мэтланда къ III тому Сельденскаго изданія Годичныхъ Записей, p. XXII. Въ дополненіи къ его наблюденіямъ замѣчу, что Ридиналь, о которомъ упоминаютъ записывавшіе, былъ, повидимому, одинъ изъ секретарей суда Общихъ Тяжбъ (IV, 193: Hervi [de Stanton] a Ridenal: entres ceste demande et severez les). Ср. III, 197. Составитель записи упомянутой рукописи Британскаго музея, дважды обращается за разъясненіями къ Дж. Шельтону или Чельтону (IV, 146, 191). Повидимому дѣло идетъ о Джонѣ Шельтонѣ, который упоминается изрѣдка въ числѣ адвокатовъ въ концѣ царствованія Эдуарда I и началѣ царствованія Эдуарда II. См. IV, p. XLIV.

разницу между указомъ объ искѣ, въ которомъ упоминается лишь имѣніе Уайбольдистонъ, и изложеніемъ дѣла въ судѣ (count), въ которомъ повѣренный истца ссылался на обязательства по двумъ имѣніямъ. Въ силу этого формальнаго противорѣчія отвѣтчикъ просилъ въ искѣ отказать. Лоуферъ объясняетъ, что имѣніе зависитъ отъ двухъ различныхъ сеньеровъ и что предъявляетъ требованія относительно повинностей одинъ. Тутъ гнѣвно (cum)—(ira) вмѣшивается предсѣдатель суда: «Съ какого же часа въ году начинается ваше изложеніе, дрянной, ничтожный человѣкъ» (mauvais cheitif)? На это Лоуферъ не сказалъ ни одного слова (non loquebatur unum verbum). «Я полагаю, что сначала вамъ надо отчистить (снять кожу) указъ объ искѣ (escorcher votre bref), а потомъ разсказать, какъ было дѣло. А вы сперва при очисткѣ указа просите объ исполненіи повинностей въ Уайбольдистонѣ, а затѣмъ при изложеніи дѣла разсказываете, что у васъ держанія и въ томъ имѣніи и въ другомъ. Изъ-за этого разнорѣчія они и требуютъ приговора» (съ отказомъ въ искѣ [6]). Въ другомъ процессѣ, когда повѣренный одной изъ сторонъ ссылался на то, что отецъ и дѣдъ его довѣрителя уже взыскивали повинности, составлявшія предметъ спора, Берефордъ разсказалъ, какъ нѣкоему тяжебщику приснилось, что онъ умеръ и что душа его, путешествуя въ загробномъ мірѣ, наткнулась на три висѣлицы. На двухъ болтались тѣла казненныхъ, а третья была пустая. Когда преставившійся спросилъ, кто виситъ на первой висѣлицѣ, ему сказали, что это его дѣдъ, неправильно захвативший чужое имѣніе. На второй оказался отецъ—за ту же провинность. А третья приготовлена была для самого спрашивавшаго. Такъ что, заключилъ предсѣдатель суда, ссылка на юридическое положеніе предковъ не всегда бываетъ удачна [7]).

Къ сожалѣнію эти драгоцѣнные памятники англійскаго правового развитія еще далеко не въ полной мѣрѣ доступны для изученія. Правда уже юристы XVII и XVI вѣка знали имъ цѣну, какъ показываютъ напр. отзывы Сельдена, Геля, Норта. Но конечно пользоваться ими въ рукописи могли лишь весьма немногіе. Большею частью обращались къ изданіямъ XVII вѣка и къ сокращеніямъ Фицгерберта, Брука и др. Между тѣмъ изданы были трудные французскіе тексты въ XVII в. въ высокой степени небрежно и неправильно. Ссылающійся на эти изданія всегда рискуетъ принять какое нибудь отрицательное заявленіе за положительное и т. п. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Горвудъ положилъ наконецъ начало болѣе точному изданію, напечатавъ въ Rolls Series нѣсколько томовъ годичныхъ книгъ эпохи Эдуарда I. Въ послѣднее время Пайкъ продолжаетъ предпріятіе Горвуда изданіемъ книгъ царствованія Эдуарда III. Его работа значительно точнѣе и акуратнѣе

[6]) Rungeferv Latimer, IV, 132.

[7]) Mareys v. Cogan, II, 117.

нежели работа его предшественника. Но образецъ критической обработки текстовъ данъ былъ Мэтландомъ по отношенію къ книгамъ царствованія Эдуарда II въ изданіяхъ Сельденскаго Общества. Изданныя имъ четыре тома (IV закончен послѣ его смерти Тернеромъ) представляютъ мастерскую обработку записей на основаніе цѣлаго ряда важнѣйшихъ рукописей, съ прекрасными введеніями и коментаріями юридическаго, историческаго и даже филологическаго содержанія[8]). Надо надѣяться что начало, положенное великимъ ученымъ, найдетъ достойныхъ продолжателей: въ настоящее время Сельденское Общество готовитъ къ изданію V томъ послѣдовательныхъ годовыхъ книгъ и любопытный сборникъ записей судебнаго объѣзда въ графствѣ Кентъ 6 года Эдуарда II (1313).

137857

Безъ сомнѣнія, для настоящаго ознакомленія съ этими данными нужно долгое и внимательное изученіе. Топографическія, филологическія и технически правовыя трудности, которыми обставлены занятія нашими памятниками, очень велики. Неопытный читатель едва ли разберется въ сложныхъ ходахъ, обусловленныхъ формулами судебныхъ указовъ, и въ ухищреніяхъ ловкихъ адвокатовъ XIV вѣка. Но мнѣ хотѣлось бы по крайней мѣрѣ на примѣръ нѣсколькихъ болѣе или менѣе доступныхъ процессовъ показать, какъ великъ интересъ этихъ данныхъ по содержанію. Быть можетъ это побудитъ того или другого начинающаго ученаго затратить извѣстное количество времени и усилій, чтобы оріентироваться въ лабиринтѣ упомянутыхъ тяжбъ. Какое реальное значеніе имѣла самая формалистика процессуальныхъ средствъ, показываетъ напр. какъ нельзя лучше событіе, разсказанное Берефордомъ въ 1310 году (Goldington v. Bassingburne, III, 196). Въ царствованіи покойнаго короля Эдуарда былъ посланъ канцеляріей (Chancerie—управленіе Канцлера) указъ шерифу Нортумберланда, чтобы онъ вызвалъ Изабеллу, графиню Албемарль, къ отвѣту передъ королемъ въ слѣдующемъ парламентѣ, и въ указѣ было сказано «по обвиненіямъ, которыя будутъ ей предъявлены» (super sibi obiiciendis). Графиня явилась въ парламентъ, и самъ король прибылъ въ засѣданіе, затѣмъ ей было предъявлено однимъ судьей обвиненіе въ 30 пунктахъ. Графиня черезъ своего адвоката просила отвергнуть указъ на томъ основаніи, что въ указѣ не было упомянуто въ точности никакихъ пунктовъ, а обвиненіе было предъявлено по цѣлому ряду статей. Двое судей хотѣли признать указъ правильнымъ. Тогда серъ Ральфъ Генгамъ (предсѣдатель суда Общихъ Тяжбъ) сказалъ одному изъ судей: «Вы вѣроятно хотѣли постановить здѣсь приговоръ, какъ вы сдѣлали въ С. при «очищеніи тюремъ» (gaol-delivery—сессія уголовнаго суда): укрывателя повѣсили, а главнаго преступника оправдали». А другому судьѣ онъ сказалъ: «Въ N. вы повѣсили

[8]) Въ настоящей статьѣ я пользовался именно этимъ изданіемъ.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

человѣка, объявленнаго внѣ закона. А потомъ король по своей милости даровалъ его наслѣдство преемнику. Такъ что эти приговоры совсѣмъ не соотвѣтствовали закону страны». Затѣмъ Генгамъ сказалъ: «Законъ требуетъ, чтобы никого въ королевскомъ судѣ не захватывали врасплохъ, а если слѣдовать вамъ, госпожа эта будетъ въ отвѣтѣ на судѣ по инымъ пунктамъ нежели тѣ, которые перечислены въ указѣ. Она должна быть предупреждена указомъ о пунктахъ, по которымъ ее будутъ обвинять— таковъ законъ страны». Мудрый король всталъ и сказалъ: «Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ споровъ, но, клянусь Божьей кровью, вы не выйдете изъ засѣданія, пока не составите мнѣ указа, какой требуется». Коментаріи по этому характерному эпизоду излишни. Изъ него явствуетъ, во-первыхъ, что засѣданія парламента, какъ судебнаго мѣста, были обставлены тѣми же юридическими гарантіями, какъ процедура обыкновенныхъ судовъ. А главное ясно, что, несмотря на злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ, судебное сословіе Англіи уже шестьсотъ лѣтъ тому назадъ было проникнуто сознаніемъ великаго принципа законности и необходимости ограждать права всякаго обвиняемаго на обставленный юридическими гарантіями судъ.

Въ другомъ любопытномъ случаѣ ревнивое и щепетильное отношеніе къ судебнымъ гарантіямъ вызываетъ вопросъ о разграниченіи сферы дѣятельности различныхъ судовъ. Громадное большинство дѣлъ, о которыхъ мы читаемъ въ годичныхъ записяхъ, производились въ судѣ Общихъ Тяжбъ (Common Pleas, Common Bench), который въ силу извѣстнаго постановленія Великой Хартіи (17) засѣдалъ въ Уестминстерѣ. Рядомъ съ этимъ трибуналомъ дѣйствовалъ такъ называемый судъ Королевской Скамьи (King's Bench), переѣзжавшій вмѣстѣ съ королемъ и считавшійся судомъ въ «Высочайшемъ присутствіи» (Coram Rege), хотя на практикѣ король самъ рѣдко засѣдалъ въ немъ. Въ трибуналѣ Королевской скамьи производились дѣла, имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ интересамъ короны и изъ общихъ гражданскихъ дѣлъ—нѣкоторыя тяжбы, вытекавшія изъ нарушенія обязательствъ (personal actions, напр. detinue). Въ извѣстныхъ случаяхъ могли происходить конфликты юрисдикціи между двумя судами, какъ показываетъ дѣло Knoville v. Plukenet, Mich. 4 Edw. II, 27 SS. YBB. IV, 115). Истецъ просилъ присудить ему имѣнія, находившіяся во владѣніи отвѣтчика, на томъ основаніи, что онъ, истецъ, ближайшій родственникъ умершаго собственника по боковой линіи. Отвѣтчикъ просилъ въ искѣ отказать, такъ какъ ранѣе того, тотчасъ послѣ смерти Джона Уальронда (прежняго собственника) обѣ стороны обратились въ канцелярское управленіе съ просьбами ввести ихъ во владѣніе его землями. Сначала были произведены административныя изслѣдованія на мѣстѣ въ силу указа «diem clausit extremum», но эти разслѣдованія привели къ противо-

рѣчивымъ результатамъ. Тогда стороны были вызваны въ судъ Королевской Скамьи и каждая изъ нихъ формулировала свои притязанія. Вопросъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію состава присяжныхъ изъ мѣстностей, гдѣ находились спорныя имѣнія, и присяжные дали вердиктъ въ пользу Алана Plukenet. Этотъ вердиктъ былъ засвидѣтельствованъ протоколами суда Королевской Скамьи.—Герль, повѣренный истца, возражалъ на это, что разслѣдованіе, произведенное судомъ Королевской Скамьи было лишь административнымъ разслѣдованіемъ, а не судебнымъ производствомъ, такъ какъ ему не предшествовалъ вызовъ въ судъ въ силу одного изъ судебныхъ указовъ, вчиняющихъ тяжбу (bref original). Поэтому истецъ требуетъ разбора дѣла за ново на основаніи Общаго права и въ судѣ Общихъ Тяжбъ. Берефордъ и его товарищи, однако, отказались удовлетворить это требованіе и притомъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ, потому что отвѣтчикъ не предъявилъ своего возраженія во время разбирательства въ судѣ Королевской Скамьи, а напротивъ принялъ въ немъ участіе и обжаловалъ его лишь послѣ того, какъ вердиктъ состоялся не въ его пользу, во 2-хъ, была выставлена теорія, что присутствіе самого короля закрываетъ возможность подчиненныхъ судебныхъ мѣстъ пересмотрѣть дѣло, рѣшеніе котораго вытекаетъ изъ королевской прерогативы (стр. 122). Контрастъ юридическихъ принциповъ знаменателенъ, хотя дѣло и не получило еще рѣшенія, соотвѣтствующаго позднѣйшимъ конституціоннымъ взглядамъ. Во всякомъ случаѣ уже въ началѣ XIV в. намѣчаются противоположности, такъ ярко выразившіяся впослѣдствіи въ спорахъ между Эллесмиромъ и Бекономъ, съ одной стороны, Кокомъ, съ другой [9]).

Интересные слѣды оставило въ этихъ документахъ постепенное ограниченіе государственной властью правъ, вытекавшихъ изъ захвата и давности. Такъ называемыя изслѣдованія Quo warranto были направлены къ тому, чтобы по возможности сузить и сократить примѣненія права сильнаго, не обоснованнаго опредѣленнымъ пожалованіемъ или договоромъ. По отношенію къ свѣтскимъ магнатамъ, однако, даже Эдуардъ I принужденъ былъ иногда признавать завоеваніе и захватъ, какъ источникъ привилегіи. Но по отношенію къ духовнымъ корпораціямъ выработалось правило, что въ оправданіе своихъ привилегій онѣ обязаны ссылаться на опредѣленныя пожалованія короны (SS. YBB. II, 73), и правила. Это получило хорошую иллюстрацію въ дѣлѣ Prior of Coventry v. Grauntpie. Пріоръ монастыря въ Ковентри жаловался, что Уильямъ Grauntpie и другіе торгуютъ сукномъ, пряностями и т. п. въ части города, которая зовется Erleshalfe (Графская половина), въ ущербъ рынку, который монастырь съ незапамятныхъ временъ держалъ

[9]) Ср. Pollock & Maitland History of English law, I, 510.

по Пятницамъ въ мѣстности, называемой Priorshalf (пріорова половина). Судъ не придалъ значенія ссылкѣ на давнее пользованіе этой рыночной привилегіей, а потребовалъ точнаго упоминанія объ ограниченіяхъ въ жалованной грамотѣ [10]). Тѣмъ не менѣе воспретили впредь отвѣтчикамъ торговать въ перебой пріору по пятницамъ и присудили ихъ къ уплатѣ убытковъ.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить отвѣтственное и затруднительное положеніе судей въ дѣлахъ, гдѣ формальное право и справедливость сталкивались. Сплошь и рядомъ споръ между адвокатами вертѣлся вокругъ какого нибудь техническаго упущенія или противорѣчія, и суду предстояло рѣшить, слѣдовать ли буквѣ закона или пренебречь до нѣкоторой степени формою ради духа и смысла (нап. SS. YBB. I, 107, 112, 114, 117, 141; III, 35 etc.). Но иногда дѣло было еще сложнѣе. Одна изъ сторонъ могла опираться на юридически неоспоримые доводы и всетаки преслѣдовать несправедливую цѣль. Въ дѣлѣ Thorgrein v. Bishop of Hereford, епископъ наложилъ арестъ на скотъ, принадлежавшій одному изъ его держателей, чтобы добиться исполненія повинностей, которыя были выкуплены истцомъ у предшественника Епископа. Предсѣдатель Берефордъ открыто заявилъ въ судѣ, что безчестно со стороны порядочнаго человѣка требовать того, что уступилъ его предшественникъ (IV, 67). По другому отчету онъ высказался весьма нелестно о поведеніи духовенства въ подобныхъ дѣлахъ: «У членовъ святой церкви удивительный образъ дѣйствій. Если они ступятъ ногой на чью либо землю, то имъ непремѣнно нужно влѣзть туда всѣмъ тѣломъ». Несмотря на явное неудовольствіе судей епископъ все таки добился своего въ данномъ случаѣ.

Но бывали дѣла, въ которыхъ судьи отказывали въ удовлетвореніи явно несправедливыхъ претензій, прибѣгая при этомъ иногда къ любопытному ухищренію. Берефорду случилось отложить рѣшеніе по такому дѣлу на нѣсколько лѣтъ. Формальный законъ нарушенъ не былъ, а неправая сторона тѣмъ не менѣе не получила удовлетворенія.

Я ограничиваюсь на этотъ разъ приведенными немногими примѣрами, но надѣюсь, что и ихъ достаточно, чтобы показать какъ богаты содержаніемъ годичныя записи англійскихъ судовъ бозпокойной эпохи Эдуарда II.

Павелъ Виноградовъ.

---

[10]) SS. YBB. II, 71: Scrop (Justice): gentz de religion n'ount rien par conqueste, mei tut du grant le Roy, le quel grant est a nuli prejudicciel en tiel cas. Par qey si vous les voillez fere venir a votre marché, il vous covent mettre avant especiauté de grant le Roy.

XXI.

Начало византиновѣдѣнія въ Россіи.

Знакомство съ прошлымъ и современнымъ состояніемъ Европы съ очевидностію убѣждаетъ безпристрастныхъ изслѣдователей ея судебъ, что успѣхами своей цивилизаціи и гражданственности обязана она не однимъ своимъ передовымъ людямъ («культуртрегерамъ»), но и христіанской *Византіи*, которая со времени Константина Великаго въ продолженіе тысячелѣтія сдерживала разноплеменныя варварскія полчища, устремлявшіяся на юго-западъ Европы, и въ то же время питала ее своими духовными благами. Христіанское просвѣщеніе, глубоко пустившее свои корни въ Византіи, уже отсюда расходилось по другимъ странамъ Европы. Такъ, западное богословіе, мораль, юриспруденція, общественное устройство издавна и долгое время стояли подъ руководствомъ Византіи. Она же питала своими сюжетами и снабжала формами свѣтскую литературу и изобразительныя искусства Европы [1]).

Если таково было вліяніе Византіи на западную Европу, то, безспорно, громадное вліяніе имѣла она на славянскій міръ, бывшій у нея подъ бокомъ, и особенно на нашу Русь. Съ начала своего историческаго бытія (съ конца IX в.) до Петра Великаго она стояла въ самыхъ живыхъ и близкихъ отношеніяхъ къ Византіи.

Со временъ Олега, который, по лѣтописному сказанію, повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Царя-града, русскіе не разъ предпринимали туда походы, жили тамъ по торговымъ дѣламъ, заключали съ греками торговые и военные договоры, а также принимали грековъ въ Кіевѣ въ качествѣ пословъ и купцовъ, которые привозили къ намъ шелковыя ткани, парчу, ювелирныя издѣлія, вина и т. п. въ обмѣнъ на наши мѣха, медъ и воскъ. Начавъ съ XI в. путешествовать, и часто—большими артелями, на поклоненіе палестинскимъ святынямъ, русскіе паломники (напр., Антоній, архіеп. Новгородскій, Игнатій, еп. Смоленскій) нерѣдко захо-

---

[1]) Ѳ. Ив. Успенскій.—Византія. Ст. въ Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона. т. 14, стр. 250—275. Поповъ Н. Г., свящ.—Заслуги Византіи предъ Европой. М. 1905. Стр. 1—49. Krumbacher—Geschichte d. byzantin. Litteratur, München, 1897. S.S. 1078, 1098, 1123.

дили и въ Константинополь, о которомъ послѣ и разсказывали своимъ соотечественникамъ. Со временъ князя Владиміра русскіе князья охотно женились на греческихъ царевнахъ и также посѣщали Босфоръ. И чѣмъ дальше развивалась русская исторія, тѣмъ короче и прочнѣе становились наши отношенія къ Византіи [1]).—«Многочастны и многообразны связи, соединяющія русскую исторію съ византійской, говоритъ одинъ нашъ современный ученый. Основанная на достовѣрныхъ источникахъ, а не на народныхъ преданіяхъ, наша древняя исторія есть въ сущности часть византійской» [2]).

Древняя Русь, по выраженію одного изъ послѣднихъ ея представителей (Ѳеофана Прокоповича), «на грековъ смотрѣла, отъ нихъ чину и обычаю училась» [3]), хотя не всегда и не во всемъ. Византійская исторія иногда научала нашихъ предковъ то одному, то совершенно противоположному, въ зависимости отъ того, куда преднамѣренно направлялась ихъ собственная историческая логика. Однако и при этомъ они всетаки не сходили, такъ сказать, съ византійской почвы. Вниманіе къ Византіи и подражательное отношеніе къ ней сильно ослабѣло на Руси лишь со времени Петра Великаго, когда началось наше сближеніе съ западной Европой, далеко опередившей насъ и политически отжившую Византію, главнымъ образомъ, въ области техники и государственной экономіи. Конечно, и прежде на Руси иногда понимали, что «греки для насъ не евангеліе»; но съ эпохи Петра такое недовѣріе къ грекамъ перешло уже въ полное пренебреженіе къ нимъ. Теперь въ византійской исторіи вовсе перестали видѣть образцы для подражанія; если на нее и обращали иногда вниманіе, то лишь съ отрицательной цѣлью,—научиться на основаніи примѣровъ, чего должно избѣгать, «дабы не имѣть жребія монархіи греческой“ [4]). Съ теченіемъ времени русское общество и совсѣмъ стало игнорировать Византію, представляя ее себѣ лишь въ мрачныхъ чертахъ. Но забывать Византію или искажать ея исторію намъ совершенно нельзя. Для насъ Византія—ощутительный предметъ, важный для познанія нашей собственной исторіи, которая не можетъ быть понята безъ близкаго знакомства съ византійской, потому что нашъ государственный строй, общественный бытъ, искусство, законодательство, народная и книжная мудрость развивались подъ вліяніемъ Византіи. Ей мы безгранично обязаны. Вѣдь, почти только ея культурными началами жила древняя Русь, и многія изъ этихъ началъ вошли въ плоть и кровь русскаго народа и сказываются въ немъ доселѣ,

[1]) Терновскій Ф.—Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Вып. 2, стр 37—40. Поповъ, ор. с., стр. 50—51.

[2]) Лѣтоп. истор.-филолог. Общ. при Новороссійск. Унив., визант. отд., I стр. 100 (хроника).

[3]) Терновскій, ор. с., стр. 265, 112—113, 175.

[4]) Терновскій, ор. с., стр. 264.

содѣйствуя упроченію нашего историческаго бытія[1]). Поэтому, если нужно намъ понять духъ своего народа, узнать, на сколько онъ самобытенъ, если важно для насъ предусматривать его дальнѣйшее развитіе, мы должны знакомиться съ источникомъ тѣхъ вліяній, подъ которыми онъ воспитался.

Однако, научная разработка у насъ византійской исторіи началась сравнительно поздно,—конечно, въ зависимости отъ уровня нашего общаго образованія. Тогда какъ на западѣ, который съ эпохи возрожденія усиленно питался философіей и культурой Византіи[2]), уже извѣстны были имена Іерон. Вольфа, Стеф. Герлаха, Леунклавія, Меурсія (XVI в.), Дюканжа, Гоара, Монфокона, Лекьена Бандури и мн. др. [3]), собиравшихъ, изучавшихъ и издававшихъ въ печати памятники византійской исторіи (въ широкомъ смыслѣ этого слова), въ Россіи еще и не помышляли о научномъ знакомствѣ съ нею. Вниманіе науки въ Россіи обратилось къ византійской исторіи,—какъ ни странно это на первый взглядъ,—лишь съ эпохи Петра Великаго, когда у насъ стали искать идеаловъ уже не въ Византіи, а на романо-германскомъ западѣ. При томъ, и первые шаги по византиновѣдѣнію были сдѣланы у насъ не природными русскими, а иностранцами, изъ среды которыхъ, главнымъ образомъ, избиралъ себѣ сотрудниковъ и исполнителей своихъ предначертаній нашъ великій преобразователь.... Иностранцы и научили насъ цѣнить отжившую Византію и ея исторію, въ то время, какъ мы искали для себя руководства исключительно въ образцахъ западно-европейской дѣйствительности, которые доживали иногда уже и тамъ свое послѣднее время (напр., феодализмъ, сословное устройство).

Подъ вліяніемъ знакомства съ Лейбницемъ и членами французской академіи наукъ, подъ конецъ своей преобразовательной дѣятельности, Петръ Великій рѣшилъ создать въ Россіи въ своемъ родѣ collegium sapientiae, которое бы объединяло и развивало различныя отрасли русской науки [4]). По заключеніи мира съ Персіей, Петръ Великій и поручилъ своему личному врачу Л. Блументросту († 1755) составить регламентъ такого учрежденія въ Россіи. Самому великому преобразователю не суждено было дожить до осуществленія его просвѣтительнаго плана. Но и на смертномъ одрѣ умирающій государь умолялъ свою преемницу, Екатерину I, выполнить этотъ планъ и вдохнуть жизнь въ учрежденіе, которое,—болѣе, чѣмъ всѣ его завоеванія,—заслужило бы ему благодарность потомства. Екатерина I свято выполнила завѣтъ

---

[1]) Поповъ, op. c., 52—64.

[2]) Поповъ—Заслуги Византіи предъ Европой. стр. 42—49.

[3]) В. Г. Васильевскій.—Обозрѣніе трудовъ по визант. исторіи. СПБ. 1890.

[4]) Пекарскій.—Исторія Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ 1870. Т. I, XXI—XXXVII.

своего почившаго супруга[1]). 27 Декабря 1726 г. уже состоялось первое торжественное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ[2]), которая до сихъ поръ и господствуетъ въ научной жизни русскаго народа.

Занимая такое почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія, Императорская Академія Наукъ не могла, конечно, не обратить своего вниманія, между прочимъ, и на наши исконныя отношенія къ Византіи. Какой же вкладъ внесла Академія въ русскую науку по части византиновѣдѣнія?

Желая создать на прочныхъ основахъ зданіе русской исторіи, Академія, уже въ лицѣ своихъ первыхъ членовъ,—иностранцевъ, приглашенныхъ русскимъ правительствомъ къ участію въ развитіи у насъ науки, скоро поняла значеніе Византіи въ минувшихъ судьбахъ Россіи. Приступая къ критическому изученію нашей національной «Несторовой» лѣтописи, сокровища, которому завидуютъ государства запада[3]), русская академическая наука увидѣла, что ключъ къ выясненію лѣтописи можно получить лишь отъ византійской исторіи[4]). Въ сознаніи этого первые члены Академіи и стали посвящать свои силы установленію отношенія «Несторовой» лѣтописи къ византійскимъ источникамъ, и уже первые опыты въ этомъ направленіи увѣнчались великимъ успѣхомъ.

На поприще византиновѣдѣнія впервые вступилъ въ Россіи *Зигфридъ Байеръ* († 1738), бывшій профессоромъ греческой литературы въ Кёнигсбергскомъ университетѣ и въ 1725 г. перебравшійся въ Петербургъ въ качествѣ профессора Академіи по исторіи и филологіи. Создавъ Museum sinicum (1730), историко-литературную энциклопедію Китая, Байеръ остановилъ затѣмъ свое вниманіе на русско-византійскихъ отношеніяхъ. Его перу, между прочимъ, принадлежатъ работы: De Varagis, De russorum prima expeditione constantinopolitana, Origines russicae, Geographia Russiae vicinarumque regionum и мн. др., своевременно помѣщенныя въ академическомъ изданіи (Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae), отчасти переведенныя на русскій языкъ (Кондратовичемъ, Таубертомъ) и напечатанныя отдѣльно[5]). Въ названныхъ работахъ Байеръ старался установить первоначальную географію Россіи и освѣтить вопросъ о происхожденіи русскаго народа, пользуясь произведеніемъ Константина Порфирогеннита De administrando imperii, откуда и заимствовалъ неожиданные аргументы для отрицанія славянскаго происхожденія Руси. Этими работами Байеръ и положилъ основаніе такъ

---

[1]) P. Aurelio Palmieri.—Gli Studi Bizantini in Russia. Roma. 1900. P. 11.
[2]) Пекарскій, ор. с., стр. XXXVIII.
[3]) Погодинъ.—Древняя русская исторія. М. 1871. Т. II, стр. 668.
[4]) P. Aurelio Palmieri.—Gli Studi Byzantini in Russia. Roma. 1900. P. 13.
[5]) Пекарскій, ор. с., стр. 194—196

называемой „скандинавской теоріи“ [1]), которая впослѣдствіи стала пользоваться все большими и большими симпатіями ученыхъ въ области исторіи Россіи.

Непосредственнымъ продолжателемъ изслѣдованій Байера о русско-византійскихъ отношеніяхъ былъ *Герардъ-Фридрихъ Мюллеръ* († 1783), родившійся въ 1705 г. въ Гердорфѣ, учившійся въ Лейпцигѣ, съ 1725 г. студентъ С.-Петербургской Академіи, потомъ преподаватель академической гимназіи, редакторъ академическихъ изданій, изслѣдователь Сибири, профессоръ, академикъ и, наконецъ, «исторіографъ россійскаго государства». Между прочимъ, съ 1732 г. при участіи Байера и др. имъ было выпущено въ свѣтъ многотомное изданіе Sammlung russischer Geschichte,—первый опытъ полной исторіи Россіи, а въ 1749 г. къ торжественному собранію Академіи приготовлена рѣчь: «*Происхожденіе народа и имени россійскаго*», напечатанная потомъ въ Гёттингенѣ, въ V части Allgemeine historische Bibliotheck. Въ этой рѣчи Мюллеръ съ особенной рѣшительностью и,—даже по отзыву его враговъ,—«съ большою ученостію» развилъ «скандинавскую теорію» Байера, чѣмъ и возбудилъ неудовольствіе большинства членовъ Академіи, не только не допустившихъ произнесенія рѣчи, но и уничтожившихъ рукописные и корректурные ея экземпляры, такъ какъ въ ней будто бы наносилось „оскорбленіе русской славѣ“ [2]).

Но этимъ уже нельзя было заглушить идей Байера и Мюллера. Надъ выясненіемъ происхожденія Руси при свѣтѣ византійскихъ источниковъ неутомимо работалъ въ Академіи *Августъ-Людвигъ Шлёцеръ* († 1809 г.), родившійся (въ 1735 г.) и изучавшій филологію въ Гёттингенѣ, въ 1761 г. прибывшій въ Петербургъ по приглашеніи Мюллера и вскорѣ назначенный его адъюнктомъ по Академіи[3]), а затѣмъ (въ 1764 г.) и ординарнымъ академикомъ [4]). Главнѣйшимъ предметомъ его изслѣдованій была «Несторова» лѣтопись. Очищая, исправляя и разъясняя текстъ ея, Шлёцеръ въ этой критической своей работѣ съ богатой эрудиціей пользовался финскими, западно-европейскими, славянскими и византійскими хрониками, постоянно указывая и другимъ на пользу и важность византійскихъ авторовъ для изученія русской исторіи. Уже въ 1764 г. онъ представилъ въ Академію свою статью Periculum antiquitatis russicae graecis collustratae luminibus, гдѣ далъ образчикъ возстановленія двухъ мѣстъ «Нестора» при помощи греческаго текста

---

[1]) Ibidem, стр. 57.
[2]) Пекарскій, ор. c., стр. 56—57, 359—360, 405.
[3]) Ibid., стр. 374—375, 379.
[4]) Ibid., стр. 390.

Кедрина и объяснилъ по византійскимъ же источникамъ нѣкоторыя малопонятныя выраженія нашей лѣтописи (напр., судъ, дымъ, кувара и др.).—«Главною моею темою, говоритъ Шлёцеръ въ автобіографіи по поводу этой статьи, было неслыханное со временъ Байера дѣло, что русскій изслѣдователь исторіи долженъ знать по-гречески и преимущественно предъ всѣми изучать византійцевъ“ [1]). Послѣ нѣсколькихъ другихъ работъ о русско-византійскихъ отношеніяхъ, (по смерти ихъ автора изданныхъ въ Германіи), въ 1773 году Шлёцеръ выступилъ въ наукѣ съ изслѣдованіемъ «Askold und Dir—eine russische Geschichte», а въ 1802—1809 г.г. выпустилъ въ свѣтъ въ Гёттингенѣ (въ 4 т.) «Nestor-russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt und erklärt.». Это произведеніе, изданное въ 3 т. въ 1809 г. въ Петербургѣ и на русскомъ языкѣ (въ переводѣ Д. Языкова), доставило самому Шлёцеру неувядаемую славу. Хотя онъ и ошибался въ указаніяхъ источниковъ, вліявшихъ на «Несторову» лѣтопись,—честь вѣрнаго рѣшенія этого вопроса принадлежитъ позднѣйшимъ его изслѣдователямъ, Кругу и Муральту,—однако никогда не утратится въ русской наукѣ память о Шлёцерѣ потому, что онъ настойчиво побуждалъ Академію проникнуть въ неизслѣдованное поле „византинизма“ [2]).

Убѣжденная въ дѣйствительной важности этого для изученія судебъ не только русскаго народа, но и ближайшихъ его сосѣдей, сама Академія Наукъ, наконецъ, выразила желаніе видѣть собраніе (въ хронологическомъ порядкѣ) свѣдѣній, сообщаемыхъ византійскими писателями о древнихъ обитателяхъ Руси. Выполненіе этого труда было возложено Академіей на *Іоанна-Готлиба Стриттера* (1740—1801), бывшаго конректоромъ академической гимназіи и потомъ управлявшаго архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. При содѣйствіи Шлёцера, Мюллера и Фишера, онъ издалъ въ Петербургѣ свой обширный трудъ «Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad Septentrionem incolentium, e scriptoribus historiae byzantinae erutae et digestae» (T. I—IV, 1771—1779), впослѣдствіи переведенный и на русскій языкъ Василіемъ Прокоф. Свѣтовымъ, переводомъ котораго [3]), впрочемъ, нужно пользоваться съ большой осторожностью. Предварительно сдѣлавъ очеркъ исторіи Византіи и ея литературы по Лаббе

[1]) Пекарскій, ор. с., т. II, стр. 826 A. L. Schlözer's Öffentliches und Privat—Leben. Göttingen, 1802, S. 202.

[2]) Palmieri, ор. с., 26—28.

[3]) „Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія россійскую исторію древнихъ временъ и переселеніе народовъ; собраны и хронологическимъ порядкомъ расположены Иваномъ Штриттеромъ“. Въ СПБ. 1770—1775. 4 ч., in 8⁰. —Учен. Записки Акад. Н., 1852, I, LXXV. Сухомлиновъ. Исторія россійской Академіи. СПБ. 1878, Вып. 4, стр. 306.

(Apparatus historiae byzantinae), Фоссіусу (De historicis graecis, 1624) и Ганке (De byzantinarum rerum scriptoribus), Стриттеръ въ хронологическомъ порядкѣ привелъ изъ византійскихъ авторовъ массу цѣннаго историческаго матеріала, касающагося древнихъ обитателей Руси и сосѣднихъ съ ней племенъ—вандаловъ, готовъ, гунновъ, славянъ, турокъ, татаръ, печенѣговъ, скиѳовъ, варяговъ, аланъ, иверовъ и др. Хотя хронологія Стриттера иногда явно ошибочна, латинскій переводъ текста византійскихъ авторовъ не точенъ и лишь изрѣдка сопровождается (подстрочно и безъ удареній) греческимъ оригиналомъ, а комментаріи къ нимъ—ненадежны, однако колоссальный и въ своемъ родѣ единственный трудъ этого ученаго весьма значительно подвинулъ у насъ впередъ знакомство съ византійской исторіей. Драгоцѣнное пособіе пріобрѣли въ немъ изслѣдователи русской исторіи. Благодаря указателю, которымъ снабжено названное изданіе, оно и теперь еще можетъ служить удовлетворительнымъ справочникомъ при историческихъ работахъ, когда нужно отыскать то или другое свидѣтельство византійскихъ авторовъ [1]); нельзя только при этомъ полагаться на текстъ ихъ, напечатанный въ изданіи. Критическій анализъ этого текста не входилъ въ задачу Стриттера, да и былъ для него одного непосильнымъ, въ особенности въ то время, когда византиновѣдѣніе лишь зарождалось въ Россіи. Восполнить недостатки «Memoriae populorum» предстояло другимъ.

Одной изъ слабыхъ сторонъ византиновѣдѣнія не только въ Россіи, но и на западѣ всегда была неопредѣленность и шаткость хронологіи византійской исторіи. У насъ это почувствовалось вскорѣ же, какъ только приступлено было къ изслѣдованію «Несторовой» лѣтописи. Разнорѣчіе и сбивчивость хронологическихъ датъ у византійскихъ писателей ясно видѣлъ уже Стриттеръ. Но при осуществленіи главнѣйшей цѣли своего труда онъ не находилъ для себя возможнымъ бороться съ такимъ неудобствомъ своего громаднаго историческаго матеріала [2]).

Задачу спеціальнаго изслѣдованія византійской хронологіи и построенія ея на устойчивыхъ основаніяхъ принялъ на себя *Іоаннъ-Филиппъ Кругъ* († 1844 г.), который своей работой въ этой сферѣ расчистилъ путь для болѣе плодотворныхъ занятій другихъ историковъ. Онъ родился 20 января 1764 г. въ г. Галле (въ Саксоніи) и по окончаніи курса въ знаменитомъ университетѣ этого города, съ жаждою видѣть таинственныя для западныхъ людей области Россіи, въ 1795 г. прибылъ

[1]) *Memoriae populorum* дали матеріалъ даже такому авторитетному русскому историку, какъ Е. Е. Голубинскій (см., напр., стр. 14, 38, 42, 46 и 66 его 1-й половины 1 тома „Исторіи русской церкви“. М. 1880).

[2]) In singulos annos, ad quos res gestae tot populorum pertineant, tanta inquirere diligentia, quanta, si historiam unius et alterius eorum scribere suscepissem, expectari poterat, res immensi fere laboris fuisset.—Memoriae populorum, p. XIII.

въ Москву въ качествѣ воспитателя дѣтей гр. Ив. Григор. Орлова [1]). Въ короткое время онъ усвоилъ здѣсь русскій языкъ, отдавая въ то же время силы изученію русскихъ монетъ, такъ какъ еще съ дѣтства увлекался нумизматикой. Страсть къ этой наукѣ привела его въ 1803 г. въ Петербургъ, гдѣ, занимаясь въ Эрмитажѣ, могъ онъ найти обширныя и еще неиспользованныя учеными коллекціи русскихъ монетъ. Плодомъ нумизматическихъ изслѣдованій Круга была его монографія о русскихъ монетахъ, появившаяся въ свѣтъ въ 1805 г. и вскорѣ съ нѣкоторыми измѣненіями переведенная на русскій языкъ [2]). Она открыла Кругу и доступъ въ Академію, обративъ на него вниманіе ученыхъ [3]).

Успѣхъ этой монографіи измѣнилъ и сферу дальнѣйшихъ занятій Круга. Побуждаемый Шлёцеромъ, онъ направилъ свою энергію на другую, не менѣе неизслѣдованную научную область, на хронологію первоначальной русской исторіи. Но при этомъ Кругъ, естественно, не могъ не видѣть, какъ важно для такой цѣли установить достоинство хронологическихъ указаній и византійскихъ авторовъ, соприкасавшихся съ нашей исторіей на значительномъ ея протяженіи. И вотъ, въ 1809 г., по предложенію Круга, Академія Наукъ объявила премію для работы, въ которой была бы вполнѣ подвергнута сравненію, по возможности исправлена и провѣрена хронологія византійскихъ авторовъ отъ основанія Константинополя до завоеванія его турками [4]). Но лишь въ 1854 г. библіотекарь Петербургской Публичной Библіотеки, швейцарецъ *Эдуардъ Муральтъ* получилъ половину преміи изъ Демидовскаго капитала Академіи за свой «*Опытъ византійской хронографіи*» (Essai de chronographie byzantine pour servir a l'examen des annales du Bas-Empire et particulierement de chronographes Slavons. S.-Petersbourg, 1855—1871, T. I—II), обнимающій время съ 395 по 1453 г.[5]). Въ ожиданіи же подобной работы самъ Кругъ не остался спокойнымъ. Въ ушахъ его, какъ говорилъ онъ, звучали слова Шлёцера, призывавшаго любителей русской исторіи вырыть богатыя сокровища, погребенныя въ византійскихъ хроникахъ[6]). Постоянно памятуя этотъ призывъ, въ 1810 г. Кругъ и издалъ въ свѣтъ небольшой по объему, но капитальный по своему значенію

---

[1]) Krug—Forschungen in der ältern Geschichte Russlands, S.—Petersburg, 1848. P. I. S. X.

[2]) Zur Münzkunde Russlands. St.—Petersburg. 1805. 200 S. S. Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ. СПБ. 1807.

[3]) Krug—Forschungen in der ältern Geschishte Russlands, S.-Petersburg, 1848 P. I, S. II, IX, XVI, XXIII, XXIV, XXVIII. Palmieri, op. c., Roma, 1901. P. 3—4.

[4]) Krug, op. c., S. XC. Palmieri, op. c., p. 4—5. Куникъ—Объ обработкѣ византійской хронографіи. Учен. Записки Ак. Н., по I и III отд., т. III, 1855 г., стр. 467.

[5]) Уч. Записки Ак. Н., I и III Отдѣл., т. III, вып. 3, стр. 465—478.

[6]) Schlözer—Nestor..... III, S. 327.

для того времени трудъ «Kritischer Versuch zur Aufklärung der bizantinischen Chronologie» (S.-Petersburg), касающійся, впрочемъ, очень ограниченнаго періода времени византійской жизни, съ 886 г. до 992 г., отъ императора Льва VI Мудраго до половины царствованія Василія II Болгаробойцы, современника нашего князя Владиміра, крестившаго русскій народъ. Но и такой опытъ византійской хронологіи былъ встрѣченъ единодушными похвалами иностранныхъ и русскихъ ученыхъ, какъ явленіе чрезвычайной важности[1]). Руководясь главнымъ образомъ Θеофаномъ, Никифоромъ и Симеономъ Логоѳетомъ, Кругъ въ своемъ трудѣ разбираетъ ихъ даты, опредѣляетъ историческіе періоды и бросаетъ яркіе лучи свѣта на русскую и византійскую хронологію. Въ результатѣ этой работы оказались серьезныя поправки къ изслѣдованіямъ Паги, Лаббе, Дюканжа, Шлёцера и др.[2]). Въ своей „Исторіи государства россійскаго» Н. М. Карамзинъ уже пользовался выводами Круга.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшая его учено-литературная дѣятельность въ области византиновѣдѣнія ограничилась лишь небольшими статьями о положеніи варяговъ при византійскомъ дворѣ, о жизни готовъ и русскихъ купцовъ въ Константинополѣ, о походахъ русскихъ противъ Византіи[3]) и другими малозначительными трактатами, хотя при своей эрудиціи, послѣ неоднократнаго чтенія византійскихъ хроникъ, онъ могъ бы дать здѣсь наукѣ нѣчто и болѣе капитальное.

Но Кругъ всегда живо интересовался успѣхами византиновѣдѣнія въ Россіи, побуждалъ другихъ къ работамъ въ этой области и руководилъ послѣдними. Онъ, напр., высказывался противъ перевода византійскихъ хроникъ на русскій языкъ, полагая, что для диллетантовъ такой переводъ оказался бы мало интереснымъ, а для ученыхъ, которые должны знать греческій языкъ, совершенно безполезнымъ. За то Кругъ всячески содѣйствовалъ изданію этихъ хроникъ въ подлинникѣ[4]). Когда знаменитый канцлеръ гр. Николай Петр. Румянцевъ предложилъ Академіи 25000 рублей на критическое изданіе русскихъ лѣтописей и она обратилась къ Кругу, приглашая его къ выполненію этого предпріятія, онъ отклонилъ отъ себя столь лестное и въ то же время трудное порученіе[5]). Но, пользуясь своей близостью къ гр. Румянцеву,

[1]) Krug—Forschungen.... S. XCIX. Goett. Gel. Anz., 31 ott. 1811, n. 173, Куникъ—Учен. Зап. Ак. Н., 1855 г., по I и III отд., т. III, стр. 467. Palmieri, op. c., p. 5.

[2]) Forschungen, S. CXXXV.

[3]) *Ueber die Bäder der russischen Geschäftsträger zu Kpel im X Iahrhund.—Ascold und Dir. Ihre Einwanderung mit Rurik, Herkunft, Trennung von Rurik, Besitznahme von Kiev, ihr Zug gegen die Griechen, ihr Tod und Begräbniss.*—Forschungen, S.S. 315—396, 559—566.

[4]) Forschungen, S. CXXXIV—CXXXVI. Palmieri, op. c., p. 6—7.

[5]) Иконниковъ.—Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ, 1891 г., т. I, стр. 149. Ж. М. Н. Пр., LXV, V, стр. 11.

Кругъ расположилъ его къ изданію византійскихъ источниковъ по исторіи славянъ, въ особенности—хроникъ Георгія Амартола и Льва Діакона, давшихъ, по мнѣнію ученаго, матеріалъ и образецъ для «Несторовой» лѣтописи. Въ тревожное для Европы время 1813—1814 г.г. Кругъ сносился съ Парижскимъ эллинистомъ *Газе* (B. Hase) относительно критическаго изданія хроники Льва Діакона за счетъ русскаго мецената [1]). Въ 1819 г. эта хроника въ качествѣ послѣдняго тома парижскаго изданія византійскихъ историковъ, дѣйствительно, вышла въ свѣтъ, съ образцовыми комментаріями Газе. Къ сожалѣнію, экземпляры этого изданія вскорѣ же стали большой рѣдкостью, такъ какъ судно, на которомъ отправлено было въ Россію 150 экземпляровъ изданія, погибло во время бури. Впрочемъ, хроника Льва Діакона почти со всѣми комментаріями Газе вошла въ «Corpus scriptorum historiae byzantinae», въ 1829 г. предпринятый *Нибуромъ* (Bonnae), а затѣмъ повторена была *Минемъ* въ его «Patrologiae cursus completus» (ser. gr., t. 117 [2]). Неудача съ этой хроникой однако не смутила ни Круга, ни гр. Румянцева, которыхъ Газе извѣщалъ потомъ, что имѣетъ уже приготовленныя къ печати произведенія Михаила Пселла, Георгія Амартола, Никифора Григоры, Григорія Паламы и др. Гр. Румянцевъ опять послалъ Газе щедрую субсидію, предлагая ему прежде всего сдѣлать критическое изданіе Георгія Амартола, къ которому, по изслѣдованіямъ Круга, ближе всего стоитъ „Несторова“ лѣтопись [3]). Но смерть гр. Румянцева пріостановила осуществленіе мечты Круга [4]). Однако послѣднее обстоятельство не ослабило его энергіи и онъ съ прежней неутомимостью, не смотря на свои преклонныя лѣта, продолжалъ заниматься собираніемъ новыхъ матеріаловъ для освѣщенія раннѣйшей русской исторіи. Свои изслѣдованія въ этой области Кругъ передалъ передъ смертью Кунику, который въ 1848 г. и издалъ ихъ въ Петербургѣ въ 2-хъ частяхъ, съ приложеніемъ своихъ статей,—объ этеріи хазаръ въ Византіи и о сношеніяхъ дронитовъ и русскихъ съ византійской имперіей,—и съ большимъ предисловіемъ, въ которомъ изображается жизнь самаго Круга и его выдающіяся заслуги предъ русской исторической наукой [5]).

---

[1]) Forschungen, S. CLXV.

[2]) Krumbacher—Geschichte der Byzantinischen Litteratur. München, 1897. S. 268.

[3]) Forschungen, S. CLXVI. Журналъ Мин. Нар. Пр.,—Содѣйствіе Круга канцлеру гр. Румянцеву въ пользу русской исторіи. 1850, т. LXV, отд. V, стр. 4,24 и слѣд.

[4]) При жизни его, въ 1838 г., хроника Георгія Амартола далеко не въ совершенномъ видѣ вошла въ Боннскій Corpus scriptorum historiae byzantinae.—Krumbacher, op, c., S. 356.

[5]) Krug—Forschungen, S. CLXVII. Palmieri, op. c., p. 8.

Эрнестъ-Эдуардъ Кунинъ († 1899), обычно именовавшійся Аристомъ Аристовичемъ, былъ не только литературнымъ наслѣдникомъ ученаго достоянія Круга, но и истиннымъ «патріархомъ» византиновѣдѣнія въ Россіи.—Родившійся въ 1814 г. въ силезскомъ городѣ Лигницѣ, онъ проходилъ филологію въ Бреславльскомъ и Берлинскомъ университетахъ, а въ 1839 г. прибылъ въ Москву, гдѣ и изучалъ русскій языкъ, сотрудничая въ то же время въ «Москвитянинѣ» Погодина. Въ этомъ журналѣ, знакомя русскихъ людей съ произведеніями западной исторической литературы, Куникъ стремился примирить и сблизить идеи германства и славянства, доселѣ враждовавшихъ между собой, вмѣсто того, чтобы опираться другъ на друга въ достиженіи своихъ провиденціальныхъ цѣлей. Собравъ въ такомъ направленіи огромный историко-филологическій матеріалъ, для изданія его молодой ученый отправился въ Германію, но, встрѣтивъ тамъ повсюду среди ученаго міра холодный пріемъ, разочарованный и утомленный, по совѣту Погодина снова возвратился въ Россію. Въ поискахъ занятій, которыя давали бы возможность продолжать историческія изслѣдованія, Куникъ однако и здѣсь встрѣтился съ тягостнымъ разочарованіемъ, хотя ему и обѣщали свое покровительство Кругъ и министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ. Кунику было отказано даже въ должности библіотекаря Румянцевскаго музея, потомучто онъ былъ иностраннымъ подданнымъ и не имѣлъ оффиціальнаго диплома. Лишь въ февралѣ 1844 г., удалось Кунику получить должность сверхштатнаго хранителя въ нумизматическомъ музеѣ Императорской Академіи Наукъ. И съ тѣхъ поръ начался періодъ его широкой научно-литературной извѣстности.

Въ 1844—1845 г.г. въ Петербургѣ появился въ печати капитальный и геніальный трудъ Куника «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates» (I—II Abtheilung, XXVIII—182 + XVI—496 S. S.), окончательно разрѣшавшій въ пользу «скандинавской теоріи» давнишній и запутанный споръ о варягахъ и о происхожденіи Руси. Этотъ трудъ, заключающій въ себѣ и полный эрудиціи критическій комментарій къ византійскимъ хроникамъ, открылъ автору и двери Академіи: онъ былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ русской исторіи. Другой безцѣнной заслугой Куника было то, что онъ, можно сказать, до осязательности выяснилъ въ наукѣ важность Византіи и ея литературы для русской исторіи. Въ длинномъ ряду его работъ, которыхъ насчитывается свыше 130[1]), кромѣ вышеупомянутаго изданія сочиненій Круга, къ области византиновѣдѣнія еще относятся: «Der Raubzug und die Bekeh-

[1]) Ernesti Eduardi Kunik—Index operum omnium, составленный академикомъ К. Г. Залеманомъ, былъ напечатанъ, по желанію самого Куника, лишь въ 3-хъ экземплярахъ (Petropoli, 1894, 1—36 р.). Визант. Временникъ, 1899, т. V, стр. 632.

rung eines Russenfürsten nach der Biographie des Bischoffs Georg vom Amastris» (Bull. hist.-phil., III, p. 33; 1845), нѣсколько статей о рѣчахъ патр. Фотія (Bull. hist.-phil., VI—VIII = Mél. russes, I, 1849—1850), «*Почему Византія донынѣ остается загадкой во всемірной исторіи?*» (Учен. Зап. Имп. Ак. Н., по I и III Отдѣл., т. II, 1853), «*О трудахъ византиниста Тафеля*» (ibid), «*Основаніе трапезунтской имперіи въ 1204 г.*» (Учен. Зап. Имп. Ак. Н., по I и III Отдѣл., т. II, 1854), «*О связи трапезунтско-сельджукской войны 1223 г. съ нашествіемъ татаръ на сѣверное Черноморье*» (ibid), «*Дополненія къ статьямъ о трапезунтскихъ и татарскихъ дѣлахъ*» (ibid.), «*О трудахъ византиниста Муллаха*» (Учен. Зап. Имп. Ак. Н., по I и III Отд., т. III, 1855), «*Объ обработкѣ византійской хронографіи*» (по поводу сочин. Э. Муральта,—ibid.), «*Доказательство, что текущій XIV великій индиктіонъ начинается 1 марта 6917 мартовскаго и сентябрьскаго года отъ с. м. (= 1 марта 1409 юліанскаго г.), въ пятницу*» (Ж. М. Н. Пр., ч. 96, 1857), «*О запискѣ безъимяннаго таврическаго*» (Anonimus Tauricus,—Отч. о четырнадцат. присужд. наградъ гр. Уварова, СПБ. 1872), «*О запискѣ Готскаго топарха*» (Зап. Имп. Ак. Н., т. 24, кн. I, 1875), «*Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ*» (СПБ. 1878), «Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung des Lebens Hl. Georg vom Amastris» (Bull. hist.-phil., XXVIII, p. 338=Mél. russes, V, p. 8; 1881) и мн. др.

Сюда же можно причислить и работы Куника по нумизматикѣ. Занявши по избранію Академіи въ 1859 г. должность хранителя музея Эрмитажа, онъ вскорѣ же выпустилъ въ свѣтъ и свои изслѣдованія: «*О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича съ изображеніемъ св. Георгія*» (СПБ., 1860) и «*Розысканія о славяно-византійскихъ монетахъ*» (Изв. Императ. Археол. Общ., т. III, 1861), въ которыхъ, обосновывая догадки Круга, доказалъ возможность обращенія въ Россіи монетъ русско-византійской чеканки еще въ до-монгольскій періодъ, въ X—XI в.в. Это положеніе и теперь пока господствуетъ въ наукѣ [1]).

Плодотворно было и то вліяніе, какое оказывалъ Куникъ на другихъ, направляя ихъ ученыя занятія. «А. А. Куникъ, говоритъ проф. В. Гр. Васильевскій, былъ человѣкъ почина; въ его головѣ постоянно слагались новые планы и кипѣли живыя мысли, которыя онъ развивалъ съ одушевленіемъ и жаромъ; одушевляя другихъ, онъ долго не остывалъ и самъ. Есть цѣлый рядъ солидныхъ работъ, приведенныхъ болѣе или менѣе благополучно къ концу подъ его руководствомъ...

---

[1]) Визант. Временникъ, 1899, т. VI, стр. 627—628.

По его вызову работали надъ арабскими текстами такіе большіе люди въ наукѣ какъ Ильминскій, какъ бар. В. Р. Розенъ» [1]). По внушенію Куника и Эд. Муральтъ взялся за свой трудъ «Опытъ византійской хронографіи», достоинства котораго были привѣтствованы прежде всѣхъ самимъ руководителемъ. При участіи Куника въ 1895 г. возникъ въ Петербургѣ при Академіи Наукъ и спеціальный журналъ «Византійскій Временникъ», хотя по преклонности лѣтъ самъ онъ уже и не могъ сотрудничать въ этомъ высоко-ученомъ изданіи. Вообще, своими учеными работами и личнымъ вліяніемъ Куникъ во второй половинѣ минувшаго столѣтія воспиталъ значительный кругъ солидныхъ ученыхъ, обратившихъ свои силы на изученіе Византіи и ея литературныхъ сокровищъ.

Ученая дѣятельность Куника еще при жизни его вполнѣ заслуженно была оцѣнена не только Академіей Наукъ, но и другими высшими просвѣтительными учрежденіями въ Россіи. Такъ, Новороссійскій и Кіевскій Университеты избрали его въ число своихъ почетныхъ членовъ и второй въ 1871 г. присудилъ ему степень доктора русской исторіи [2]) А вскорѣ послѣ его смерти (19 февр. 1899 г.) во всѣхъ отношеніяхъ „первый“ русскій византинистъ—проф. Вас. Гр. Васильевскій, скончавшійся въ томъ же году, успѣлъ посвятить его памяти краснорѣчивый некрологъ, въ которомъ выставилъ въ блестящемъ свѣтѣ громадную ученость своего «незабвеннаго товарища» и его безспорныя заслуги предъ исторической наукой въ Россіи. По отзыву проф. Васильевскаго, Куникъ былъ не только ученымъ, обладавшимъ неисчерпаемымъ сокровищемъ свѣдѣній, но и высокоблагороднымъ и доброжелательнымъ человѣкомъ, котораго въ этомъ отношеніи цѣнили даже люди, несочувствовавшіе его научнымъ воззрѣніямъ [3]).

Со смертію Куника, можно сказать, и закончился начальный періодъ византиновѣдѣнія въ Россіи, когда въ этой научной области у насъ впервые стала выясняться тѣсная связь между русской и византійской дѣйствительностью, были сдѣланы первые опыты изслѣдованія разнообразныхъ взаимныхъ отношеній той и другой, давшіе плодотворные результаты для освѣщенія важныхъ вопросовъ русской исторіи, и намѣчался методъ и отчасти планъ дальнѣйшихъ подобныхъ изслѣдованій. Все это было дѣломъ ученыхъ иностранцевъ, стоявшихъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ Императорской Академіи Наукъ приблизительно за первое столѣтіе ея существованія. Какъ бы отъ лица всѣхъ этихъ ученыхъ Куникъ въ 1853 г. говорилъ, что и для русскихъ людей наступило время освободиться отъ свинцовой тяжести равнодушія къ

[1]) Визант. Времен., 1899, т. VI, стр. 620, 629.
[2]) Byzantin. Zeitschrift, 1899, VIII, S. 610.
[3]) Визант. Временникъ, 1899, т. VI, стр. 620.

историческому прошлому Византіи, бросающему яркіе лучи свѣта и на исторію Россіи, которой теперь нельзя оставаться праздной въ виду научной дѣятельности Европы, давно уже рѣшившейся разрѣдить мракъ, скопившійся надъ Византіей [1]). Эти слова Куника, какъ завѣщаніе авторитетнѣйшаго представителя ученыхъ иностранцевъ, посвящавшихъ свои силы насажденію у насъ византиновѣдѣнія, были приняты, наконецъ, съ должнымъ вниманіемъ русскими учеными. Трудами проф. В. Г. Васильевскаго, директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ Ѳ. И. Успенскаго, проф. Д. Ѳ. Бѣляева, академ. Н. П. Кондакова, проф. Н. В. Покровскаго, проф. Ал. П. Лебедева, проф. Скабалановича, еп. Порфирія (Успенскаго) и др., пользующихся широкой научной извѣстностью и на западѣ, у насъ началось самостоятельное всестороннее изученіе византійской исторіи. Число талантливыхъ и трудолюбивыхъ русскихъ византинистовъ ежегодно растетъ, и ихъ теперь нужно считать не единицами, а уже цѣлыми десятками [2]) И это любителямъ византиновѣдѣнія даетъ основаніе питать надежду, что въ недалекомъ будущемъ изученіе Византіи въ трудахъ русскихъ ея изслѣдователей пойдетъ уже равномѣрно съ развитіемъ всей русской исторической науки.

Свящ. Н. Поповъ.

---

[1]) Ученыя Зап. Импер. Акад. Наукъ по I и III Отд., т. II. *Почему Византія доныне остается загадкой во всемірной исторіи?*—Стр. 444.

[2]) Визант. Временникъ, т. VI, 1899. Приложеніе.

XXII.

Страница изъ исторіи англійскаго средневѣкового города.

Около 1326 года, немедленно по низложеніи Эдуарда II, когда государство еще шаталось („adhuc regni statu vacillante“), и миръ новаго короля, Эдуарда III, еще не былъ оповѣщенъ по графствамъ, лондонскіе горожане, „обуянные дерзостной смѣлостью“ (temeraria abutentes audacia), принудили, по словамъ сэнтъ-албанскаго хроникёра Томаса Уолсингэма, [1]) всѣхъ прибывавшихъ по какой бы то ни было надобности въ Лондонъ представителей духовной и свѣтской знати („omnes regni proceres, tam praelatos ecclesiae quam laicos“) заключить съ ними клятвенный договоръ („illos per corporalis juramenti vinculum astrinxerunt“), чтобы вмѣстѣ отстаивать какія то вольности („nescio quas libertates tuendas communiter cum eisdem“) „Слѣдуя ихъ примѣру, общины городовъ, мѣстечекъ и деревень (civitatum, burgorum, et villarum communitates), набравшись необузданной смѣлости, пытались силой и насиліемъ исторгнуть у своихъ сеньеровъ грамоты и вольности, благодаря которымъ они стали бы совсѣмъ свободны“.

Послѣдовали ихъ опасному примѣру, („perniciosum exemplum“) и горожане Сентъ-Альбанса. „Подняли они свою пяту противъ аббатства (contra Abbathiam erexerunt calcamen suum)“ послѣ праздника Богоявленія. Во второй половинѣ января (1326 г.) собрались низшіе слои сентъ-албанскаго населенія („inferiores villae“) и заключили между собою клятвенный союзъ („et sese mutuo confoederaverant per fidei sacramentum“). Въ теченіе трехъ дней число ихъ настолько возросло, что они заставили открыто перейти на ихъ сторону всѣхъ нотаблей города. („omnes majores dictae villae in eorum sectam publice transire compellerent“), которые, по словамъ хроникера, и сами имъ сочувствовали и даже потакали, хотя и притворялись преданными монастырю.

---

[1]) *Gesta Abbatum Monasterii Sancti, Albani, a Thoma Walsingham,* Regnante Ricardo Secundo, ejusdem Ecclesiae praecentore, compilata. Edited by Henry Thomas Riley. Vol. II. A. D. 1290—1349. London. 1867 (изъ серіи Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores).

Какъ разъ въ это время долженъ былъ проѣзжать черезъ Сентъ-Альбансъ направлявшійся въ Лондонъ дядя короля и глава учрежденнаго при королѣ временнаго совѣта Генрихъ, графъ Ланкастерскій. Боясь, какъ бы не стряслась надъ ними бѣда, если аббатъ вздумаетъ пожаловаться на нихъ графу, сентъ-албанскіе горожане отправили къ аббату Гугону двѣнадцать городскихъ нотаблей (duodecim de villae majoribis) съ просьбой не сообщать графу объ ихъ заговорѣ („ne. . . .hujus conjurationis mentionem faceret“) и не жаловаться ему, обѣщая уладить все это дѣло законнымъ и мирнымъ путемъ[1]). Аббатъ согласился. Графъ уѣхалъ.

Въ самый день отъѣзда графа Ланкастерскаго одному изъ слугъ аббата случилось быть въ городѣ по монастырскимъ дѣламъ. Горожане схватили его и съ угрозами потребовали, чтобы онъ присягнулъ ихъ дѣлу. Тотъ не соглашался. Его стали колотить. Убѣгая, онъ нанесъ ударъ одному изъ преслѣдовавшихъ его горожанъ, отъ котораго тотъ палъ мертвымъ („unum ex illis ictu unico peremisset“). Поднялся весь городъ. На рыночной площади горожане поставили эшафотъ и къ нему веревкой привязали большой топоръ, чтобы рубить головы всѣмъ, кто не согласится быть съ ними за одно. [2])

На другой день явились къ аббату уже извѣстные намъ двѣнадцать городскихъ нотаблей (duodecim villae majores) и отъ имени всей общины (nomine totius communitatis) обратились къ нему сначала съ просьбой, а потомъ съ сопровождавшимся страшными угрозами требованіемъ („verbis primo supplicibus, deinde minacibus, et furore plenis“) утвердить за ними и за ихъ преемниками на вѣчныя времена нѣкоторыя вольности, которыя они здѣсь и изложили аббату. Аббатъ, посовѣщавшись съ членами монастырскаго совѣта, предложилъ горожанамъ явиться къ нему за отвѣтомъ на четвертый день и попросилъ ихъ представить ему свои требованія въ письменной формѣ. Горожане согласились. Но уже на другой день они явились въ монастырь, представили аббату уже готовую петицію и шумно потребовали отъ него немедленно отвѣта. Вотъ эта петиція:

„Община города св. Альбана (communitas villae Sancti Albani) проситъ аббата и монастырь выдать имъ грамоты ихъ вольностей (Chartas libertatis eorum), по которымъ названный городъ и его горожане сдѣлались свободными какъ вольный городъ и горожане (quibus dicta villa, et ejusdem burgenses, fiebant ita liberi sicut burgus et bur-

---

[1]) „. . .promittentes fideliter ad hoc se rem perducturos, ut per vim legum regni villani suas querelas modeste exequerentur“. *Gesta Abbatum*, II, 156—7.

[2]) „Erexerant nempe villani truncum quemdam in foro; cui per catenam alligaverant grandem securim; ut qui nollent consentire illorum molitionibus, ibidem capite plecterentur“. Ibid., 157.

genses), каковыми вольностями они пользовались со времени составленія названныхъ грамотъ, пока не встрѣтили помѣхи со стороны названнаго аббата и его ближайшаго предшественника, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ хартія вольности (charta libertatis) и нѣкая книга въ королевскомъ казначействѣ, которая по-англійски называется „*Domusday*“.

„Сверхъ того, просятъ, чтобы позволено имъ было выбирать людей, то есть двухъ горожанъ, по собственному выбору, которые бы отправлялись въ парламентъ королевства отъ названнаго города согласно вольности, уступленной (всякому) другому городу (alii burgo), какъ они пользовались этимъ въ прошломъ. [1])

„Сверхъ того, чтобы позволено имъ было отвѣчать передъ разъѣздными судьями и при всякихъ другихъ разслѣдованіяхъ и судебныхъ разбирательствахъ черезъ посредство двѣнадцати горожанъ названнаго города, безъ примѣси постороннихъ, какъ этимъ пользовались они въ прошлое время. [2])

„Сверхъ того, чтобы ассиза хлѣба и пива названнаго города впредь охранялась двѣнадцатью присяжными горожанами, какъ это было издревле въ обычаѣ. [3])

„Сверхъ того, чтобы они имѣли общинныя права на земляхъ, въ лѣсахъ, водахъ, рыбныхъ ловляхъ и въ другихъ угодьяхъ, какъ это содержится въ *Domusday*, и какъ они ихъ издревле обыкновенно имѣли въ силу тѣхъ же вольностей. [4])

„Сверхъ того, чтобы имъ позволено было имѣть ручныя мельницы (molas manuales), какъ они обыкновенно ихъ имѣли, и чтобы имъ были возмѣщены убытки, которые они потерпѣли, когда ихъ у нихъ не было.

„Сверхъ того, чтобы присяжный бэйлиффъ города св. Альбана впредь приводилъ бы въ исполненіе всѣ распоряженія, касающіяся названнаго города, безъ посредничества бэйлиффа иммунитета или какого другого.“ [5])

---

[1]) „Item, quaerunt quod liceat eis homines eligere, videlicet, duos burgenses, electione propria adeundi gratia ad Parliamenta regni pro dicta villa, secundum libertatem alii burgo concessam; sicut usi sunt temporibus retroactis“, Gesta Abbatum, II, 158.

[2]) „Item, quod liceat eis respondere in Iustitiis Itinerantibus, et omnibus aliis inquisitionibus et placitis, per duodecim burgenses dictae villae, sine commixtione forinsecorum; sicut usi sunt tempore retroactro“. Ibid., 158.

[3]) „Item, quod assisa panis et cervisiae dictae villae de caetero per duodecim burgenses juratos custodiatur, sicut antiquitus consuevit“. Ibid., 158.

[4]) „Item, quod habeant commune in terris, boscis, aquis, piscariis, et aliis commoditatibus, sicut continetur in *Domusday*; et sicut antiquitus habere solebant per easdem libertates“. Ibid., 158.

[5]) „Item, quod ballivus villae sancti Albani juratus faciat omnes executiones dictae villae de caetero, absque interpositione ballivi, libertatis vel alicujus alterius“. Ibib., 158.

Аббатъ и его совѣтъ устно отвѣтили на каждый параграфъ петиціи, [1]) но отказались закрѣпить документально свое вынужденное согласіе на требованія сентъ-албанцевъ. Горожане въ негодованіи покинули монастырь. Въ тотъ же день вооруженные отряды сентъ-албанцевъ, пѣшіе и конные, сдѣлали нападеніе на гэлиуэллскія ворота аббатства; но взять воротъ имъ не удалось: кромѣ монаховъ ихъ защищалъ находившійся въ распоряженіи монастыря отрядъ изъ двухъ сотенъ превосходно вооруженныхъ людей, который аббатъ содержалъ, вообще опасаясь горожанъ, а въ особенности послѣ того, какъ среди нихъ началось движеніе къ свободѣ („quorum malitias Abbas praecavens, praecipue a principio confoederationis eorum et dementiae“). Не взявъ воротъ приступомъ, горожане подвергли монастырь правильной осадѣ; преградивъ подвозъ къ монастырю съѣстныхъ припасовъ, они разсчитывали голодомъ заставить монаховъ согласиться на ихъ требованія.

Вѣсть обо всемъ этомъ дошла до слуха новаго короля Эдуарда III-го, и онъ отправилъ шерифу гертфодрскаго графства приказъ созвать ополченіе графства (posse Comitatus sui) и идти на выручку аббатства, оповѣстивъ предварительно въ предѣлахъ своего округа его королевскій миръ, и если послѣ объявленія королевскаго мира найдутся какіе либо бунтовщики, немедленно ихъ арестовать и держать въ королевской тюрьмѣ впредь до особыхъ распоряженій о нихъ со стороны короля. Въ началѣ февраля королевское повелѣніе было оповѣщено въ городѣ Сентъ-Альбансѣ, и горожане сняли осаду и прекратили военныя дѣйствія, „но злословія, угрозъ и богохульства и сношеній какъ съ сосѣдними городами, такъ и съ лондонскими гражданами, съ которыми были соединены узами клятвы, не прекратили“. [2])

Не добившись цѣли съ помощью вооруженной силы, сентъ-албанцы рѣшили перенести дѣло на почву судебнаго состязанія. На средства, взятыя изъ общей кассы, учрежденной ими теперь во время борьбы за городскія вольности, они наняли адвокатовъ и предложили аббату (черезъ посредство шестерыхъ нотаблей города, дѣйствовавшихъ совмѣстно съ нѣсколькими жителями сосѣднихъ мѣстностей какъ друзьями посредниками („velut amicis intermediis“) отъ имени всей общины города) устроить совѣщаніе въ Лондонѣ въ церкви св. Павла для мирнаго улаженія дѣла. Аббатъ согласился.

Когда представители сторонъ отправились въ Лондонъ, сентъ-албанскіе горожане опять заволновались, опять осадили монастырь, опять

---

[1]) „...ab Abbate, et suo consilio, singula singulis articulis verbo tenus data sunt responsa“. Ibid., 158.

[2]) „De convitiis tamen, minis, et blasphemiis, ac confoederationibus, tam collateralium villarum, quam Londoniensium civium, quibis se confoederabant per vinculum juramenti, non cessabant“. Ibid., 160.

собрались у гэлиуэллскихъ воротъ и произвели аттаку на монастырь, громко обзывая монаховъ разбойниками и ворами („ribaldos fures turpiter acclamantes“). Хотя нападеніе было сдѣлано ночью, но оно не застали монаховъ врасплохъ, и вмѣстѣ съ вооруженными людьми, находившимися въ аббатствѣ, они успѣшно отбили аттаку.

Между тѣмъ отправившіеся въ Лондонъ представители сентъ-албанскихъ горожанъ, „не щадя издержекъ“, очень энергично принялись за дѣло. Имъ удалось добиться того, что аббату былъ посланъ королевскій приказъ слѣдующаго содержанія. Сентъ-албанскіе горожане довели до свѣдѣнія короля („nobis est ostensum“), что они и ихъ предшественники, съ незапамятныхъ временъ („a tempore quo non extat memoria“) имѣли въ названномъ городѣ нѣкоторыя вольности и свободные обычаи (quasdam libertates et liberas consuetudines), а между тѣмъ аббатъ и его бэйлиффы несправедливо (minus juste) всякими способами препятствуютъ (molestatis et multipliciter inquietatis) этимъ горожанамъ пользоваться этими вольностями и свободными обычаями, какъ пользовались ими сами они и ихъ предшественники, къ немалому ущербу самихъ горожанъ (in ipsorum burgensium damnum non modicum) и въ противность смыслу Великой Хартіи о вольностяхъ Англіи, которая должна быть соблюдаема твердо и нерушимо во всѣхъ и каждой изъ своихъ статей (et contra tenorem Magnae Chartae de libertatibus Angliae, quam in omnibus et singulis suis articulis firmiter et inviolabiliter observari volumus), и въ одной изъ статей которой содержится, что всѣ города (civitates, burgi et villae) должны имѣть всѣ свои вольности и свободные обычаи. Не желая, чтобы названные выше горожане терпѣли несправедливость, король требуетъ, если дѣйствительно все это такъ, чтобы и самъ аббатъ совсѣмъ пересталъ чинить горожанамъ затрудненія и безпокойства въ пользованіи ими ихъ вольностями или свободными обычаями (ab hujusmodi molestationibus et inquietationibus praefatis burgensibus, super libertatibis seu liberis consuetudinibus, inferendis, penitus desistentes) и запретилъ ихъ чинить своимъ бэйлиффамъ названнаго выше города и позволилъ горожанамъ безъ всякой помѣхи пользоваться (uti et gaudere, absque impedimento aliquo) этими своими вольностями и вольными обычаями, какъ имъ надлежитъ пользоваться ими въ названномъ выше городѣ, и какъ обыкновенно пользовались ими и сами они, и ихъ предшественники. Приказъ помѣченъ восьмымъ февраля. Одновременно съ этимъ приказомъ (breve) былъ отправленъ приказъ въ Палату Шахматной Доски (Thesaurario et Camerario Scaccari) произвести разслѣдованіе о томъ, дѣйствительно ли городъ Сентъ-Альбансъ есть вольный бургъ и его жители свободные горожане, или же нѣтъ („utrum villa de Sancto Aebano sit liber burgus, et homines ejusdem villae liberi burgenses existant, necne“), для этого разсмотрѣть Книгу Страшнаго

Суда (inspecto libro nostro de *Doumsday*) и результаты разслѣдованія безъ замедленія отчетливо и открыто (distincte et aperte) сообщить королю.

Едва ли справка изъ Книги Страшнаго Суда могла дать много сентъ-албанскимъ горожанамъ. Изъ нея можно было узнать, что городъ (villa) святого Альбана „защищаетъ себя“ за десять гайдъ (pro decem hidis se defendit), что земли здѣсь шестнадцать карукатъ, что въ доменѣ (in dominio) три гайды, и что здѣсь есть двѣ карукаты, и можетъ быть образована третья (et tertia potest fieri), что въ Сентъ-Альбансѣ четверо Francigenae и шестнадцать виллановъ (villani) съ тринадцатью бордаріями (cum tresdecim bordariis), и земли у нихъ тринадцать карукатъ; что здѣсь сорокъ шесть горожанъ (burgenses); что рыночнаго сбора и другихъ поступленій (de theolonio et de aliis redditibus villae) ежегодно получается съ города одиннадцать фунтовъ и четырнадцать шиллинговъ (solidi); что есть три мельницы съ доходомъ въ сорокъ шиллинговъ, лугъ въ двѣ карукаты (pratum duarum carrucatarum), лѣсъ на тысячу свиней съ доходомъ въ семь шиллинговъ; что въ этомъ городѣ (villa) есть еще двѣнадцать котаріевъ (cotarii), есть также паркъ, населенный лѣсными звѣрями (unus parcus ibi est bestiarum sylvaticarum) и рыбный садокъ (unum vivarium piscium), и что горожане (burgenses) владѣютъ полгайдой.

Собравшись въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ, стороны соглашаются назначить двѣнадцать третейскихъ судей какъ изъ рыцарей, такъ и изъ юристовъ (dudecim fidedignos, tam milites quam legisperitos) Эти третейскіе судьи вмѣстѣ съ тремя присланными королемъ джентельменами (tribus proceribus) удаляются для совѣщанія и приходятъ, по словамъ хроникера, къ соглашенію, неблагопріятному для интересовъ монастыря. Послѣ этого былъ назначенъ день для новой встрѣчи сторонъ, на этотъ разъ въ самомъ Сентъ-Альбансѣ, въ церкви св. Альбана. Когда въ назначенный день (6-го марта 1326 года) явились сюда „безъ шума оружія (sine armorum strepitu)“ стороны, имъ показана была грамота короля Генриха Второго о вольностяхъ и владѣніяхъ церкви св. Альбана. Въ грамотѣ этой говорилось между прочимъ о пожалованіи церкви св. Альбана города св. Альбана съ рынкомъ и всякой вольностью, которую долженъ имѣть бургъ („in qua continetur quod inter caeteras libertates et possessiones, contulit Ecclesiae Sancti Albani villam Sancti Albani cum foro et omni libertate quam burgus debet habere“). Эта послѣдняя фраза и въ особенности слово *burgus* произвели на горожанъ сильное впечатлѣніе („quibus verbis pronunciatis, mox villani scandalizati sunt in hoc verbo „burgus“), и они стали требовать, чтобы за ними было утверждено званіе горожанъ (illis statum burgensium confirmari) и скрѣплено грамотой и общей печатью

монастыря (scripto et sigillo communi Conventus communiri). Это грозило монастырю величайшимъ ущербомъ (quia hoc in eccesiae praejudicium maximum verti videretur), и поэтому дѣло было перенесено въ Уэстминстеръ на 10-е марта.

Въ Уэстминстеръ, куда явились представлять интересы сентъ-албанскаго аббата три монаха и магистръ Томасъ Пайротъ, „профессоръ римскаго права (et Magistrum Thomam Pyrot, Iuris Civilis Professorem)“, дѣло приняло крайне неблагопріятный для аббатства оборотъ. Представители аббата должны были въ сущности капитулировать предъ сентъ-албанскими горожанами. Стороны согласились на томъ, чтобы горожане избрали изъ своей среды 24 болѣе заслуживающихъ довѣрія (magis fideles) людей, которые бы провели новыя границы города Сентъ-Албанса (perambularent villae limites, et antiquas metas fideliter consideratas et notatas, praesentarent), а аббатъ и монастырь общей своей печатью утвердили бы за горожанами Сентъ-Альбанса и ихъ преемниками эти границы, введя предварительно ихъ во владѣніе этими границами (et quod Abbas et Conventus sigillo suo communi confirmarent burgensibus Sancti Albani, et eorum successoribis, data prius eis seisina, praedictas metas et bondas), „а также и нѣкоторыя иныя церкви святого Альбана крайне отяготительныя вещи“ (et quaedam Ecclesiae Sancti Albani nimium onerosa).

Комиссія двадцати четырехъ была выбрана (изъ людей болѣе пожилого возраста, provectioris aetatis), и 15-го марта каждый изъ ея членовъ отдѣльно принесъ въ присутствіи аббата и его совѣта присягу, что добросовѣстно будетъ исполнять возложенное на него порученіе (quod fidelem facerent perambulationem dictae villae). Въ тотъ же день они приступили къ работѣ и на слѣдующій день уже окончили ее. Въ документѣ, озаглавленномъ хроникеромъ *Indentura super perambulatione, et libertatibus villanorum praedictorum*,[1]) мы находимъ описаніе этой perambulationis. Но мы находимъ въ этомъ соглашеніи, состоявшемся между сентъ-албанскимъ аббатамъ Гугономъ de Everisdene и монастыремъ съ одной стороны и „добрыми людьми, горожанами того же города святого Альбана, съ другой (et les bones gentz, burgeis de mesme la ville de saint Alban, dautre part), и болѣе интересныя вещи, именно тѣ, которыя были „крайне отяготительны для церкви святого Альбана“. Съ момента этого соглашенія городъ Сентъ-Альбансъ долженъ быть и считаться бургомъ (soit Burgh, et pur Burgh tenu), и всѣ держанія внутри названныхъ границъ (должны быть и считаться) городскими держаніями (et touz le tenementz dedlinx les dites boundes, burgages), и всѣ добрые люд (toutz les bones gentz), обитающіе (demoerantz) внутри названныхъ

[1]) Gesta Abbatum, II, 166—170.

границъ, ихъ наслѣдники и преемники (lur heirs, et lur successours) должны быть горожанами и считаться горожанами на всегда (soient burgeys, et pur burgeys tenuz au touz jours); и чтобы они сами могли избирать двухъ горожанъ (deus borgeys) въ каждый парламентъ (daler au chescun Parlement); и чтобы они сами избирали изъ своей среды двѣнадцать (присяжныхъ) безъ смѣшенія съ посторонними или постороннихъ съ ними (et quil ayent dozeyne de eaux mesmes, sanz medler ove foreyns, ou foreyns ov eaux), исключая только то, что они должны отправляться въ сотенный суда аббата, когда въ силу приказа они призываются сюда, какъ это они дѣлали обыкновенно въ прежнія времена (sauve quils veignent al Hundred lAbbe, quant par bref serront enpledez, sicom ils soloient auncienement faire); и что ассиза хлѣба и пива и прочіе пункты, касающіеся названной Ассизы, будетъ составляться и охраняться по представленію двѣнадцати горожанъ города, принесшихъ присягу, какъ это было въ старину; и что бэйлиффъ города будетъ приводить въ исполненіе приказы внутри названнаго города, такъ что если будетъ обнаружено небреженіе съ его стороны, будетъ приводить ихъ въ исполненіе на этотъ разъ бэйлиффъ сотни". Все это не должно наносить никакого ущерба церкви сентъ-албанской, ея правамъ и вольностямъ („issint nequident, qe par la grant avandit riens ne destrece ne tourne en prejudice de lour esglise avantdite, mes davoir et useer toutes lours autres franchesis, et lours droitures qe a lour esglise appendent"). Въ частности, не должно это нарушать права аббата и монастыря требовать, чтобы сентъ-албанскіе горожане мололи свой хлѣбъ на монастырскихъ мельницахъ и не заводили собственныхъ ручныхъ мельницъ („ne que ceo graunt ne tourne au lour esglise en prejudice, en droit des mainmoiles, etde suyte qe les avaunditz Abbe et covent demandent des ditz burgeys de moudre au lur molyns").

Аббату и его совѣту волей—неволей пришлось пойти на всѣ эти уступки, „подчиниться наглой волѣ своихъ супостатовъ" (cedere... importunae voluntati adversariorum suorum, licet inviti), „принимая въ Ѣваженіе бурныя времена (ad saeculum tempestuosum habentes respectum) и въ виду того, что государство было лишено почти всякой помощи права". Едва ли, впрочемъ, не рѣшающее значеніе имѣлъ полученный аббатомъ отъ короля приказъ утвердить соглашеніе и приложить къ нему общую печать аббата и монастыря. Было созвано аббатомъ общее собраніе монаховъ (conventus), былъ прочитанъ текстъ соглашенія, и было предложено аббатомъ присутствующимъ приложить къ нему общую монастырскую печать. Всѣ монахи единодушно и рѣшительно протестовали противъ требованія аббата, открыто заявляя, что они скорѣе умрутъ, чѣмъ скрѣпятъ подобную рукопись общей печатью. Отъ имени ихъ сталъ говорить архидіаконъ монастыря, указы-

вавшій на то, что исполненіе требованія аббата грозитъ разореніемъ монастырю и полнымъ его разрушеніемъ (in exhaeredationem Monasterii tenderet, et dilapidationem, in futurum). Тогда аббатъ прочелъ приказъ короля и настаивалъ на своемъ требованіи, ссылаясь на долгъ повиновенія. Тогда всѣ присутствовавшіе на собраніи монахи „изъ страха передъ приказомъ короля и долгомъ повиновенія (prae timore mandati regii et obedientiae, territi)“ поднялись и оставили собраніе, рѣшительно протестуя. Въ концѣ концовъ имъ пришлось, скрѣпя сердце, согласиться на требованіе аббата, выставлявшаго на видъ опасности, грозившія монастырю отъ ихъ упорства; но предварительно они заявили свой оффиціальный протестъ у нотаріевъ, заявивъ въ присутствіи свидѣтелей, что дѣлаютъ эту уступку, подчиняясь давленію и страху (per vim et metum), а не по доброй волѣ.

Горожане торжествовали. Немедленно же они потребовали, чтобы имъ были переданы общинныя права въ Барнетскомъ лѣсу, которыхъ они давно добивались. Они рѣшительно отказались давать свое согласіе на предложеніе аббата предварительно обсудить это дѣло въ комиссіи выборныхъ отъ той и другой стороны и требовали „угрожающими и надутыми словами (verbis comminacibus et ampullosis)“ передать имъ эти права теперь же, безъ всякаго замедленія. Аббату ничего другого не оставалось, какъ, заручившись согласіемъ нѣкоторыхъ изъ братіи, велѣть своему сенешалу ввести сентъ-албанцевъ во владѣніе барнетскимъ лѣсомъ. Толпами, точно одержимые, тронулись горожане въ лѣсъ и, наломавъ, въ знакъ ввода во владѣніе (nomine seisinae) буковыхъ вѣтвей, съ торжественнымъ крикомъ (cum clamore pomposo) носили ихъ по городу. Кромѣ того они сравняли съ землею рвы и сломали живыя изгороди возлѣ барнетскаго и сосѣдняго съ нимъ лѣса и луга. Они стали съ этихъ поръ ловить рыбу въ прудахъ аббата безъ всякаго ограниченія (ad libitum) и въ теченіе послѣдующихъ пяти лѣтъ гоняли зайцевъ и кроликовъ въ заповѣдныхъ мѣстахъ (in garenna) и выстроили въ окрестностяхъ города до восьмидесяти ручныхъ мельницъ (molas manuales). И до конца своей жизни не могъ аббатъ Гугонъ положить предѣлъ всему этому и заставить горожанъ возмѣстить столько ущербовъ, причиненныхъ ими монастырю, жалуется сентъ-албанскій монахъ—хроникёръ и съ облегченнымъ чувствомъ собирается разсказывать о томъ, какъ все это удалось сдѣлать преемнику аббата Гугона, сумѣвшему вернуть сентъ-албанскихъ горожанъ въ ихъ прежнее положеніе (ad pristinum gradum) и заставить ихъ хоть отчасти возмѣстить нанесенные ими ущербы.

Дмитрій Петрушевскій.

XXIII.

Проблема роста производительныхъ силъ въ теоріи соціальнаго развитія.

Къ числу тѣхъ историковъ XIX вѣка, которые совершенно самостоятельно, повидимому помимо какихъ-либо прямыхъ книжныхъ или «идеологическихъ» вліяній, дѣйствіемъ собственнаго углубленнаго изученія фактовъ и собственной интуиціей пришли къ признанію важности «экономическаго» фактора въ процессѣ соціальнаго развитія, принадлежитъ и В. О. Ключевскій. Про свое поколѣніе я смѣло могу сказать, что экономическому объясненію исторіи оно училось не только изъ «Капитала» Маркса, но и изъ «Боярской Думы» Ключевскаго, гдѣ вліяніе хозяйственныхъ силъ и побужденій на соціальную эволюцію русскаго допетровскаго общества было изображено съ такой классической пластичностью, которою никогда не располагалъ Марксъ. И этотъ фактъ да послужитъ оправданіемъ тому, что въ сборникѣ статей, посвящаемомъ почитаемому всей образованной Россіей мастеру русской исторической науки, читателямъ будутъ предоставлены критическія соображенія объ одномъ изъ тѣхъ основныхъ вопросовъ соціальнаго развитія, которые можно объединить подъ общимъ названіемъ конечныхъ или предѣльныхъ проблемъ хозяйственнаго развитія общества. Я имѣю въ виду проблему производительныхъ силъ и роста ихъ, какъ опредѣляющаго момента всего соціальнаго развитія. Для того, чтобы сразу перейти къ самому существу дѣла, войти in medias res, я буду отправляться отъ ставшаго классическимъ мѣста у Маркса въ его «Zur Kritik der politischen Oekonomie» (предисловіе). Вотъ оно (въ моемъ собственномъ переводѣ):

«Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли отношенія, отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру

Библіотека

общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ вообще соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или, что̀ является лишь юридическимъ выраженіемъ таковыхъ, съ отношеніями собственности, въ предѣлахъ которыхъ они до тѣхъ поръ двигались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ ихъ путы. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономической основы преобразуется быстрѣе или медленнѣе вся громадная надстройка. При разсмотрѣніи такихъ переворотовъ необходимо всегда различать между матеріальнымъ, съ естественно-научной точностью могущимъ быть констатированнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства и юридическими, политическими, религіозными, художественными или философскими, говоря коротко, идеологическими формами, въ которыхъ люди сознаютъ этотъ конфликтъ и проводятъ его. Такъ же, какъ нельзя судить объ индивидѣ по тому, что онъ самъ о себѣ мнитъ, точно такъ же нельзя объ эпохѣ такого переворота судить на основаніи его сознанія; наоборотъ, надлежитъ это сознаніе объяснить изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Никакая общественная формація не погибаетъ, прежде чѣмъ не разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она достаточно широка, и новыя, болѣе высокія производственныя отношенія не являются на ея мѣсто, прежде чѣмъ не будутъ подготовлены матеріальныя условія ихъ существованія въ нѣдрахъ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить, ибо при болѣе точномъ разсмотрѣніи всегда скажется, что самая задача возникаетъ только тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея разрѣшенія имѣются уже налицо, или, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ своего возникновенія. Въ крупныхъ очертаніяхъ можно въ качествѣ послѣдовательныхъ эпохъ общественнаго развитія назвать азіатскій, античный, феодальный и современно-буржуазный способъ производства. Буржуазныя производственныя отношенія—послѣдняя антагонистическая форма общественнаго производственнаго процесса, антагонистическая не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, а въ смыслѣ антагонизма, вырастающаго изъ общественныхъ условій жизни индивида. Но развивающіяся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества производительныя силы создаютъ въ то же время

матеріальныя условія для разрѣшенія этого антагонизма. На этой общественной формаціи заканчивается поэтому доисторическая эпоха (die Vorgeschichte) человѣческаго общества».

Въ этомъ разсужденіи Маркса содержится, въ сущности говоря, два основныхъ тезиса: во-первыхъ, утвержденіе, что совокупности данныхъ производительныхъ силъ соотвѣтствуетъ въ каждый данный моментъ тотъ или иной строй общества; во-вторыхъ, что весь вообще процессъ развитія общества обусловливается ростомъ производительныхъ силъ: когда производительныя силы въ процессѣ своего роста приходятъ въ несоотвѣтствіе и въ противорѣчіе съ данной структурой общества, то происходитъ переворотъ, вновь устанавливающій нарушенное въ обществѣ равновѣсіе. Для насъ особенно важна эта вторая динамическая часть формулы Маркса.

Если первую половину формулы можно принять или отвергнуть, можно толковать такъ или иначе, то о второй приходится сказать, что она возбуждаетъ принципіальныя недоумѣнія.

Процессъ развитія общества ставится въ ней въ зависимость отъ роста производительныхъ силъ. Дается притязающая быть всеобъемлющей теорія соціальныхъ измѣненій, но въ основу ея полагается лишь одинъ возможный случай зависимости. Теорія соціальнаго развитія или, еще общѣе, соціальныхъ измѣненій должна принимать во вниманіе не только случаи роста или прогресса, но и случаи умаленія или регресса производительныхъ силъ. Этого теорія Маркса не дѣлаетъ. Самая мысль о томъ, что эволюція и основной ея рычагъ, приспособленіе, есть понятіе нейтральное съ точки зрѣнія человѣческихъ оцѣнокъ, совершенно чужда соціологической концепціи Маркса. Между тѣмъ, такова на самомъ дѣлѣ идея эволюціи въ той дисциплинѣ, въ которой произошло ея научное рожденіе: въ біологіи (дарвинизмъ). Въ біологіи приспособленіе, въ силу котораго происходитъ переживаніе извѣстныхъ особей, вовсе не есть синонимъ усовершенствованія; оно даже не синонимъ ни усложненія, ни дифференціаціи. Приспособленіе есть понятіе нейтральное: наиболѣе приспособленныя особи могутъ быть наименѣе совершенныя особи, наиболѣе простыя организаціи, наименѣе дифференцированныя образованія.

Такимъ образомъ динамическій тезисъ соціологическаго ученія Маркса обнаруживается передъ нами не какъ теорія развитія или эволюціи, а какъ самая недвусмысленная теорія прогресса или усовершенствованія общества. Въ немъ заключается допущеніе, что выживаетъ, т.-е. оказывается наиболѣе приспособленнымъ къ жизни, экономически наиболѣе производительное, т.-е. экономически наиболѣе разумное. Въ этомъ допущеніи содержатся два момента, тѣсно между собою связанные. Во-первыхъ, оно означаетъ внесеніе

телеологическаго, чисто «человѣческаго» критерія экономической раціональности въ схему эволюціи. Во-вторыхъ, такое допущеніе окрашиваетъ всю эту схему въ оптимистическій цвѣтъ, который вообще характеренъ для всѣхъ теорій прогресса. Совершенно ясно, что наибольшая производительность (или наибольшая экономическая раціональность) вовсе *не должна* («должна» въ смыслѣ естественной необходимости) означать наибольшую приспособленность къ жизни; это въ данномъ отрѣзкѣ времени можетъ быть, но можетъ и не быть, это—частный случай эволюціи, который принципіально невозможно возвести въ ея общій законъ. «Производительность» (въ экономическомъ смыслѣ) стоитъ въ связи съ другими психическими качествами, и ея повышеніе означаетъ повышеніе этихъ качествъ, утонченіе всей духовной организаціи, означаетъ, словомъ, усовершенствованіе человѣка. Но усовершенствованіе организаціи съ такой человѣческой точки зрѣнія вовсе не логически и вовсе не всегда исторически означаетъ лучшее приспособленіе къ жизни, если разсматривать вопросъ именно съ позитивно-научной точки зрѣнія. Біологія учитъ насъ, что приспособленіе къ жизни иногда сопровождается упрощеніемъ и пониженіемъ организаціи съ точки зрѣнія «человѣческой». Уэльсъ въ одномъ изъ своихъ фантастическихъ романовъ изобразилъ борьбу низшей, но болѣе приспособленной къ жизни породы людей съ культурнымъ человѣчествомъ. Въ этомъ фантастическомъ образѣ воплощенъ именно внѣшній, независимый отъ человѣческихъ критеріевъ характеръ того біологическаго процесса, который принято называть приспособленіемъ къ жизни.

Итакъ, мысль объ опредѣляющемъ значеніи въ соціальномъ развитіи роста производительныхъ силъ сознательно или безсознательно опирается на два предположенія: 1) что развитіе человѣчества есть необходимо улучшеніе, ростъ положительныхъ (съ человѣческой, телеологической точки зрѣнія) силъ и 2) что во всякую эпоху экономически наиболѣе разумное преодолѣваетъ, переживаетъ экономически неразумное.

Тутъ вскрывается нѣчто весьма любопытное: соціологическая концепція, лежащая въ основѣ такъ называемаго «научнаго соціализма» обнаруживается, какъ оптимистическій раціонализмъ. Убѣжденіе, что развитіе общества «управляется» развитіемъ производительныхъ силъ, покоится на мысли: дѣйствительность раціональна. Между тѣмъ—и всякій историкъ, думается мнѣ, долженъ настаивать на этомъ—она часто совершенно ирраціональна. Прежде всего, власть есть—по своему происхожденію всегда и вообще и по своему психологическому содержанію и смыслу часто и по крайней мѣрѣ очень долгое время—факторъ ирраціональный, и дѣйствуетъ она часто совершенно ирраціонально. Мы наблюдаемъ это въ рѣзкой формѣ въ такъ называемомъ примитив-

номъ обществѣ. (Тутъ часто власть должна быть расточительна: вожди бразиліанскихъ лѣсныхъ племенъ «не должны быть бережливы» въ интересахъ сохраненія своего реномэ и своей власти; у новогвинейцевъ «скупецъ» есть величайшее поношеніе, которое можетъ быть только высказано о вождѣ). Далѣе, мы имѣемъ въ исторіи грандіозные примѣры экономически нераціональныхъ дѣйствій власти—религіозныя преслѣдованія въ католическихъ государствахъ, какъ достаточно извѣстно, были съ точки зрѣнія роста производительныхъ силъ въ высшей степени нераціональны. Личная и имущественная необезпеченность, характеризующая отсталыя общества, есть не болѣе и не менѣе, какъ свободное дѣйствіе въ обществѣ фактора физическаго превосходства одного лица или одного хозяйствующаго субъекта надъ другимъ или другими. Факторъ этотъ внѣэкономическій и экономически ирраціональный. А между тѣмъ значеніе этого фактора можетъ быть чрезвычайно велико для всего соціальнаго уклада. Почему въ средніе вѣка не могло быть независимой мелкой земельной «собственности»? Если не исключительно, то въ значительной мѣрѣ оттого, что безъ «покровительства» такой мелкій собственникъ или, вѣрнѣе, владѣлецъ не былъ ни лично, ни имущественно обезпеченъ. Господство права, которое намъ въ извѣстныхъ предѣлахъ кажется теперь естественнымъ, необходимымъ реквизитомъ всякаго общежитія, есть такой порядокъ, который въ извѣстной мѣрѣ р а ц і о н а л и з и р у е т ъ общественную дѣйствительность и тѣмъ даетъ возможность въ болѣе чистомъ видѣ проявляться въ ней, въ частности, и раціональности хозяйственныхъ актовъ, а тѣмъ самымъ на ея основѣ открываетъ просторъ дѣйствію отбора экономически наиболѣе приспособленныхъ.

Но и этотъ отборъ экономически наиболѣе приспособленныхъ, который кажется столь простымъ факторомъ соціальной эволюціи, таитъ въ себѣ на самомъ дѣлѣ сложнѣйшія проблемы. Пусть переживаетъ наиболѣе приспособленный типъ, пусть таковымъ будетъ экономически наиболѣе производительный типъ. Но что это значитъ? Тутъ возникаютъ двѣ проблемы.

I. Мыслима-ли экономическая производительность, какъ конечное, далѣе неразложимое понятіе?

II. Во-вторыхъ, къ какому единству должно быть отнесено это понятіе—къ индивиду или къ обществу?

По первому вопросу мы можемъ сказать: экономическая производительность индивида не есть какое-то изолированное свойство, она стоитъ въ тѣсной связи съ иными свойствами личности. Другими словами: проблема экономической производительности индивида упирается въ болѣе общую проблему личной годности (efficiency, Tüchtigkeit, Leistungsfähigkeit). Тутъ мостъ между экономикой, съ одной стороны,

моралью и религіей, съ другой, не тотъ мостъ практическаго подчиненія экономикѣ морали и религіи, который предносится разнымъ школамъ соціальной политики, разнымъ соціализмамъ, а мостъ объективной психологической связи. Тѣ свойства, которыя необходимы для экономической производительности, по своей солидарной связанности съ другими свойствами личности, неотдѣлимы отъ нихъ въ общемъ и цѣломъ. Выдержка, самоограниченіе, расчетливость—всѣ эти свойства по общему правилу или, иначе, въ массовомъ своемъ проявленіи связаны съ извѣстными моральными свойствами личности, а эти моральныя свойства въ свою очередь исторически, какъ мы это знаемъ, связаны съ извѣстнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ. Теперь, послѣ блестящихъ изслѣдованій Макса Вебера трудно отрицать, что духъ капитализма и капиталистическаго обогащенія стоитъ въ извѣстной исторической связи съ той укрѣпленной на религіозной вѣрѣ методикой жизни, которую выработали нѣкоторыя, и притомъ радикальныя, теченія реформаціи.

Проблема личной годности есть въ то же время біологическая проблема и въ качествѣ таковой ее выдвинулъ знаменитый англійскій изслѣдователь наслѣдственности Гальтонъ въ своей «евгеникѣ» или ученіи о благорожденіи: «Евгеника есть наука, которая занимается всѣми тѣми вліяніями, которыя совершенствуютъ прирожденныя свойства расы, а также тѣми, которыя подымаютъ ихъ на высшую ступень»[1]).

При обсужденіи въ Лондонскомъ Соціологическомъ Обществѣ проблемы «евгеники», поставленной Гальтономъ, другой извѣстный англійскій соціологъ Бенжаменъ Киддъ сдѣлалъ одно вѣрное, прямо бьющее въ точку замѣчаніе: «Много неясностей остается въ настоящее время въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ вслѣдствіе смѣшенія двухъ совершенно различныхъ вещей, а именно годности индивидуальной и годности соціальной». Киддъ иллюстрировалъ эту мысль на слѣдующихъ примѣрахъ: «Хорошо извѣстно, что всѣ свойства пчелъ направлены на достиженіе возможно болѣе высокой годности пчелиныхъ обществъ. Между тѣмъ, эти свойства отнюдь не являются такими, которыя мы были бы склонны разсматривать, какъ свойства совершеннаго индивида. Если бы пчелы въ одну изъ болѣе раннихъ стадій развитія понимали «евгенику» такъ, какъ мы теперь понимаемъ эту проблему—съ какимъ нарочитымъ осужденіемъ онѣ, напримѣръ, отнеслись бы къ пчелиной маткѣ, которая посвящаетъ свою жизнь исключительно произведенію потомства! Я боюсь также, что съ этой точки зрѣнія любопытные

---

[1]) Francis Galton. Eugenics; its definition, scope and aims. Sociological papers published forthe Sociological Society. London 1905.

нравы трутней подверглись бы осужденію со стороны елейныхъ блюстителей нравственности того времени. Что подумали бы тогда и о пчелахъ-рабочихъ, чѣмъ съ точки зрѣнія совершенства индивида представились бы онѣ съ ихъ неразвитыми тѣлами и недоразвитыми инстинктами? А между тѣмъ всѣ эти явленія въ высокой степени содѣйствовали годности общества и несомнѣнно обусловили данному типу успѣхъ въ процессѣ эволюціи», т.-е., иными словами, представляя полезное приспособленіе для вида, содѣйствовали его переживанію.

Въ замѣчаніяхъ Кидда обрисовывается вторая изъ формулированныхъ нами проблемъ, самая постановка которой выясняетъ одно кардинальное противорѣчіе въ обычной (или классической) формулировкѣ «матеріалистическаго пониманія исторіи». Допустимъ, что наибольшая производительность обезпечиваетъ наилучшее приспособленіе. Чье? Классическій текстъ Маркса не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ имѣетъ при этомъ въ виду *все* общество. Но именно въ этомъ пунктѣ заключается грандіозная проблема именно съ точки зрѣнія Марксовой соціологіи. Пусть наиболѣе производительная система обезпечиваетъ наилучшее сохраненіе и воспроизведеніе жизни всего общества. Но изъ этого допущенія или изъ этого пониманія, единственно соотвѣтствующаго и данному тексту Маркса и общему смыслу той концепціи, которая лежитъ въ основѣ его историческаго матеріализма— изъ этого пониманія вытекаетъ съ логической неизбѣжностью выводъ, стоящій въ рѣзкомъ, прямо кричащемъ противорѣчіи со всѣмъ содержаніемъ Марксовой соціологіи. А именно, если наиболѣе производительная система обезпечиваетъ наилучшее сохраненіе и воспроизведеніе жизни *всего* общества, то, значитъ, въ поддержаніи этой системы, пока она остается наиболѣе производительной системой, солидарно или гармонически заинтересовано все населеніе *безъ различія классовыхъ дѣленій*.

Противоположность классовыхъ интересовъ погашается въ общемъ гармоническомъ интересѣ поддержанія жизни, обезпечиваемаго данной системой производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, теорія историческаго развитія, которая основнымъ своимъ понятіемъ имѣетъ производительныя силы и ихъ развитіе, необходимо опирается на идею извѣстной общественной *гармоніи* въ періоды *нормальнаго*, нереволюціоннаго существованія общества. И это вполнѣ понятно потому, что теорія общественныхъ производительныхъ силъ относитъ понятіе этихъ силъ ко всему обществу, какъ къ ихъ носителю.

Огромная роль, приписываемая марксизмомъ классовой борьбѣ, съ ученіемъ объ опредѣляющемъ значеніи производительныхъ силъ, какъ это ученіе формулировалъ именно самъ Марксъ, не можетъ быть объединена въ одно стройное цѣлое.

Иначе это можно формулировать такъ: теорія «производительныхъ силъ» есть не только плохо замаскированная теорія прогресса, но и теорія предустановленной общественной гармоніи.

Нельзя сказать, чтобы Марксъ совершенно не понималъ, что тутъ заключается огромная трудность и глубочайшая проблема соціальной философіи. Эту трудность и эту проблему онъ самъ обрисовываетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Theorien über den Mehrwert»[1]) и даетъ ей такое разрѣшеніе, которое всецѣло подтверждаетъ нашу критическую характеристику теоріи производительныхъ силъ и въ то же время вскрываетъ ея основной философскій мотивъ.

Противопоставляя «честнаго» Рикардо «подлому» попу Мальтусу, Марксъ такъ характеризуетъ перваго: «Рикардо справедливо для своего времени разсматриваетъ капиталистическій способъ производства какъ наиболѣе выгодный для производства вообще, какъ наиболѣе выгодный для созданія богатства. Рикардо желаетъ производства ради производства, и это правильно[2]). Если утверждаютъ, какъ это дѣлаютъ сентиментальные противники Рикардо, что производство какъ таковое не есть цѣль, то забываютъ, что производство ради производства не означаетъ ничего иного какъ развитіе человѣческихъ производительныхъ силъ, т.-е. развитіе богатства человѣческой природы, какъ цѣль въ себѣ. Когда противополагаютъ, какъ это дѣлаетъ Сисмонди, благо индивидовъ этой цѣли, то утверждаютъ, что развитіе рода должно быть задержано, дабы обезпечить благо индивидовъ, что напримѣръ не слѣдуетъ вести войнъ, въ которыхъ во всякомъ случаѣ гибнутъ индивиды. Сисмонди правъ только, когда выступаетъ противъ экономистовъ, которые затушевываютъ, отрицаютъ эту противоположность. Тутъ, не говоря уже о безплодности подобныхъ разсужденій, обнаруживается непониманіе того, что это развитіе способностей рода человѣка, хотя оно сперва совершается на счетъ большинства человѣческихъ индивидовъ и нѣкоторыхъ классовъ людей, въ концѣ концовъ пробиваетъ брешь въ этомъ антагонизмѣ и совпадаетъ съ развитіемъ отдѣльнаго индивида, т.-е. что высшее развитіе индивидуальности достается цѣной историческаго процесса, въ которомъ индивиды приносятся въ жертву. Ибо выгоды рода въ человѣческомъ царствѣ, въ царствѣ животномъ и растительномъ всегда осуществляются[3]) на счетъ выгодъ индивидовъ. Прямолинейность[4]) Рикардо была, стало быть, не только научно-честной, но и научно-необходи-

---

[1]) Herausgegeben von Karl Kautsky. Stuttgart 1905 II, 1. SS. 309—310.
[2]) „Er will die Produktion der Produktion halber und dieses mit Recht“.
[3]) „Setzen sich durch“.
[4]) „Die Rücksichtslosigkeit“.

мой [1]) для его точки зрѣнія. Поэтому для него (Рикардо) совершенно безразлично, что и кого убиваетъ развитіе производительныхъ силъ, земельную собственность или рабочихъ. Если этотъ прогрессъ обезцѣниваетъ капиталъ промышленной буржуазіи, то онъ это такъ же привѣтствуетъ. Если развитіе производительныхъ силъ труда обезцѣниваетъ вдвое наличный основной капиталъ [2]), какая въ этомъ важность, говоритъ Рикардо. Производительность человѣческаго труда удвоилась. Вотъ это—научная честность. Если пониманіе Рикардо въ общемъ соотвѣтствуетъ интересу промышленной буржуазіи, то только потому и постольку, что и поскольку ея интересъ совпадаетъ съ таковымъ производства, или производительнаго развитія человѣческаго труда. Поскольку буржуазія вступаетъ въ противорѣчіе съ этимъ развитіемъ, Рикардо также рѣшительно выступаетъ противъ нея, какъ въ другихъ случаяхъ онъ рѣшительно становится противъ пролетаріата».

Мысль Маркса состоитъ съ одной стороны въ томъ, что интересъ рода, прикрѣпляющійся къ развитію производительныхъ силъ, осуществляется на счетъ индивидовъ и цѣлыхъ общественныхъ классовъ во всякой «антагонистической» системѣ хозяйства и общества. Но этотъ интересъ «рода» потому и является «родовымъ», что онъ интересъ всего общества, передъ которымъ должны склоняться всѣ отдѣльные, индивидуальные и классовые, интересы. За эмпирической рознью интересовъ стоитъ общій интересъ производства или производительныхъ силъ. Этотъ общій интересъ для Маркса есть не метафизическое понятіе, не имѣющее никакого эмпирическаго значенія и примѣненія, а, наоборотъ, нѣчто эмпирически-реальное; онъ есть жизненная инстанція, господствующая надъ отдѣльными интересами, индивидуальными и классовыми, и ихъ себѣ подчиняющая. При этомъ, конечно, классовый интересъ «прогрессивнаго» класса можетъ совпадать съ этимъ интересомъ производства, какъ такового, интересомъ, который сводится къ «развитію богатства человѣческой природы». Но во всякомъ случаѣ, этотъ послѣдній интересъ есть реальная сила, движущая впередъ общество и его производительныя силы. Въ осуществленіи этого интереса реально выражается единство общества, какъ нѣкоего цѣлаго.

Наличность этого общаго интереса, носителемъ котораго и во всякой «антагонистической» системѣ хозяйства и общества, характеризующейся борьбой классовъ, является общество, какъ цѣлое, есть на-

---

[1]) „Die Rücksichtslosigkeit Ricardos war also nicht nur wissenschaftlich ehrlich, sondern wissenschaftlich geboten für seinen Standpunkt“.

[2]) „Das vorhandene fixe Kapital“.

[3]) „Wo sie in Gegensatz dazu tritt ist er ebenso rücksichtslos gegen die Bourgeoisie, als er sonst gegen das Proletariat und die Aristokratie ist“.

личность реальной опредѣляющей весь историческій процессъ надклассовой инстанціи, въ которой погашается вся классовая дисгармонія антагонистическаго общества. Такимъ образомъ даже наиболѣе раздираемое антагонизмами общество заключаетъ въ себѣ для Маркса примиряющій элементъ общаго надклассоваго интереса. И этотъ интересъ совпадаетъ въ схемѣ Маркса съ самой движущей силой историческаго процесса, съ ростомъ производительныхъ силъ.

Въ этомъ подчеркиваніи «родового» или «общественнаго» интереса, какъ реальной силы, существующей рядомъ съ интересами индивидуальными и классовыми и надъ ними господствующей, обнаруживается одинъ изъ основныхъ философскихъ мотивовъ, проходящихъ черезъ всю систему Маркса. Я имѣю въ виду его «универсализмъ» (или «реализмъ» въ логическомъ смыслѣ) [1]). Совершенно ясно, что для Маркса общество было не «именемъ», а реальностью, независимо отъ «составляющихъ» его индивидовъ и классовъ. И эта реальность по своимъ интересамъ можетъ для Маркса находиться въ противорѣчіи съ индивидами и классами.

Чему, такъ сказать, на сторонѣ человѣка соотвѣтствуетъ ростъ производительныхъ силъ? Марксъ, какъ мы видимъ, говоритъ о «производствѣ ради производства». Но это «производство ради производства» всетаки не есть совершенно отвлеченное отъ нуждъ и потребностей человѣка созданіе благъ. У «производства ради производства» есть «дестинатаръ», и мы уже видѣли, что такимъ «дестинатаромъ» является въ построеніи Маркса «родъ» или «общество». Если такъ, то ясно, чему же служитъ «производство», въ чемъ оно должно черпать критерій своей «производительности». «Производство» въ цѣломъ тѣмъ производительнѣе, чѣмъ большее количество «жизни» общества оно можетъ поддерживать. Поддержаніе и умноженіе жизни есть «цѣль», къ которой стремится развитіе (ростъ) производительныхъ силъ. Наибольшая производительность означаетъ наилучшее приспособленіе къ жизни, когда она наиболѣе обезпечиваетъ сохраненіе и умноженіе жизни. Послѣднее есть цѣль, а производительныя силы и ихъ ростъ—средства. А то, что есть «цѣль» и «средство» въ порядкѣ телеологическомъ, то можетъ быть и часто бываетъ «причиной» и «слѣдствіемъ» въ порядкѣ каузальномъ.

Тутъ въ «ростѣ производительныхъ силъ» вскрывается новая проблема.

Марксъ никогда не задавался вопросомъ о соотношеніи между «ростомъ производительныхъ силъ» и «ростомъ населенія». Въ этомъ

---

[1]) На универсализмъ Маркса я указалъ въ своей статьѣ „О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія. Реализмъ и номинализмъ въ политической экономіи“, напечатанной въ „Извѣстіяхъ СПБ. Политехническаго института“. Томъ X, вып. 1. 1908 г.

вопросѣ онъ былъ наивнымъ «гармонистомъ», для котораго не существовало и самой проблемы.

Это отразилось и на его историческихъ построеніяхъ. Игнорируя проблему населенія, Марксъ, тотъ самый Марксъ, который вмѣстѣ съ Энгельсомъ такъ возставалъ противъ Дюринговой теоріи насилія, какъ фактора общественнаго развитія, въ основу своей концепціи генезиса капитализма положилъ насильственную экспропріацію непосредственныхъ производителей [1]). Происхожденіе того безземельнаго пролетаріата который былъ нуженъ для развитія современной промышленности, получило у него, можно сказать, чисто политическое объясненіе. Такую постановку вопроса у Маркса, конечно, можно отнести въ извѣстной мѣрѣ на счетъ того обстоятельства, что въ распоряженіи Маркса находилось сравнительно мало фактическаго матеріала, освѣщающаго и частный воопросъ о происхожденіи безземельнаго пролетаріата, и процессъ историческаго происхожденія капитализма вообще. А съ другой стороны въ созданіи этой теоріи сыграла крупную роль политическая и соціальная тенденціозность Маркса, его симпатіи и антипатіи, какъ революціонно настроеннаго соціалиста. Но главную роль тутъ всетаки сыграло то обстоятельство, что проблемы населенія, какъ конечной соціологической проблемы, для Маркса вовсе не существовало.

Теперь вопросъ о происхожденіи пролетаріата долженъ быть подвергнутъ всестороннему пересмотру на основѣ новаго фактическаго матеріала. Попытка такого пересмотра была сдѣлана русскимъ ученымъ И. Н. Гранатомъ еще въ 1899 г. въ докладѣ, прочитанномъ имъ въ Московскомъ Юридическомъ обществѣ и обратившемъ на себя гораздо меньше вниманія, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Недавно тотъ же ученый, стоящій на почвѣ марксистской соціологіи и пользующійся, какъ принято говорить (впрочемъ, философски не только неточно, но и прямо невѣрно) марксистскимъ м е т о д о м ъ, опубликовалъ изслѣдованіе по вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи, совершенно расшатывающее выставленную Марксомъ теорію происхожденія безземельнаго пролетаріата путемъ насильственной экспропріаціи. Я имѣю въ виду книгу: «Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи» вышедшую въ Москвѣ въ 1908 году. Изъ этой работы явствуетъ во всякомъ случаѣ, что процессъ обезземеленія крестьянства въ Англіи былъ гораздо болѣе постепеннымъ, болѣе эволюціоннымъ и болѣе «экономическимъ», чѣмъ это представлялось Марксу, что насиліе не играло въ немъ той роли, которую ему Марксъ приписывалъ. По мнѣнію Маркса, «громадное большинство населенія Англіи состояло

---

[1]) Въ извѣстной XXIV главѣ перваго тома „Капитала“, озаглавленной: „Такъ называемое первоначальное накопленіе“.

въ концѣ XIV-го, а еще болѣе въ XV-мъ столѣтіи изъ свободныхъ крестьянъ, имѣющихъ собственныя хозяйства все равно подъ какими бы феодальными правами ни скрывалось ихъ право собственности... Земледѣльческіе наемные рабочіе состояли частью изъ крестьянъ, которые употребляли свое свободное время на работу у крупныхъ землевладѣльцевъ, частью изъ самостоятельнаго, какъ относительно, такъ и абсолютно немногочисленнаго класса настоящихъ наемныхъ рабочихъ. Но и послѣдніе фактически были въ то же время крестьянами съ собственнымъ хозяйствомъ, такъ какъ они кромѣ платы получали коттеджъ съ четырьмя и болѣе акрами земли»[1]). По даннымъ изслѣдованія Граната оказывается, что еще въ концѣ XI вѣка существовали малоземельные и безземельные крестьяне, составлявшіе 45% всѣхъ несвободныхъ крестьянскихъ дворовъ, не считая рабовъ, что эта категорія крестьянъ уже тогда, «когда, конечно, ни о какомъ капитализмѣ не могло быть и рѣчи», вынуждена была въ значительной степени разсчитывать на сторонніе заработки, на продажу своей рабочей силы [2]). Резюмируя собранный имъ матеріалъ, цитируемый нами авторъ говоритъ: «во всякомъ случаѣ, принимая численность необезпеченнаго сельскаго населенія въ треть всего крестьянства, мы будемъ не выше дѣйствительности, а скорѣе ниже ея. Статистика землевладѣнія показываетъ, такимъ образомъ, что широко распространенное представленіе, будто до возникновенія капиталистической промышленности все крестьянство въ Англіи было обезпечено землей, совершенно ошибочно. Для цѣлой трети населенія своя земля могла имѣть вспомогательное и часто очень ничтожное значеніе, главнымъ же источникомъ средствъ долженъ былъ быть трудъ по найму. За нѣсколько вѣковъ до возникновенія капитализма въ странѣ уже существовалъ обширный классъ наемныхъ рабочихъ и съ развитіемъ обрабатывающей промышленности оставалось только перевести этихъ безнадѣльныхъ крестьянъ изъ деревни въ городъ, побудить ихъ окончательно порвать слабую связь, которая у нихъ была съ землей [3]). Причину такого значительнаго обезземеленія цитируемый нами авторъ видитъ въ особенностяхъ строя англійской общины, характеризуемаго нераздѣльностью участковъ и единонаслѣдіемъ, тѣмъ, что нераздѣльный участокъ переходилъ всегда къ младшему сыну. Эти же особенности строя англійской общины были обусловлены въ свою очередь необходимостью для крестьянскаго хозяйства значительнаго живого инвентаря, что стоитъ въ связи съ качествами англійской почвы. «Не недостатокъ земли, говоритъ онъ, а недостатокъ скота порождалъ громадный безхозяйный пролетаріатъ,

[1]) Гранатъ. Назв. соч. стр. 1—2.
[2]) Тамъ же, стр. 5.
[3]) Тамъ же, стр. 26.

столь поражающій въ англійской средневѣковой деревнѣ; не земля, а сельскохозяйственный капиталъ, наличность живого инвентаря являлась рѣшающимъ моментомъ въ жизни англійскаго крестьянина феодальной эпохи, ...только во вліяніи этого фактора, въ необходимости обезпечить хозяйство извѣстнымъ минимумомъ скота, а не въ малоземельѣ... должны мы искать причину, вызвавшую къ жизни систему недѣлимости крестьянскаго двора и единонаслѣдіе. Тяжелая англійская почва требовала особенно много рабочаго скота. Это кардинальный фактъ всего аграрнаго развитія Англіи. Дворы могли складываться скотомъ для обработки своей земли и дѣйствительно широко практиковали супрягу. Но этимъ вопросъ не рѣшался; и при супрягѣ всякій дворъ, для сколько-нибудь правильнаго веденія хозяйства все же долженъ былъ имѣть больше скота, чѣмъ въ другихъ странахъ, врядъ-ли менѣе, чѣмъ пару воловъ, и потому живой инвентарь двора не могъ дѣлиться и вмѣстѣ съ землей въ полномъ составѣ переходилъ къ одному сыну. Другіе сыновья должны были искать себѣ землю гдѣ могли... Но искать землю они должны были на сторонѣ не потому, что въ родномъ селѣ не было земли, а потому что имъ нужна была не одна земля, а прежде всего скотъ для обработки земли: они должны были искать землю со скотомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ источникахъ сохранилось очень много слѣдовъ снабженія крестьянъ—вѣроятно новоселовъ—скотомъ и вообще инвентаремъ отъ вотчинника» [2]).

Итакъ, Гранатомъ констатировано существованіе большого числа безземельныхъ въ Англіи еще въ раннее средневѣковье и дано вполнѣ удовлетворительное объясненіе этого явленія, сводящее его къ дѣйствію такихъ основныхъ факторовъ, какъ характеръ почвы и вытекающая изъ него техника хозяйства. Изслѣдованіе Граната отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ «экономическаго матеріализма». Эти новые факты и эти новыя соображенія заставляютъ внести очень и очень существенныя поправки въ ту картину «первоначальнаго накопленія»,которую такъ ярко и выпукло нарисовалъ Марксъ. Но эти же фактическія поправки скрываютъ за собой проблему, которую можно формулировать слѣдующимъ образомъ: каковы тѣ основныя условія, при которыхъ могъ вообще возникнуть «капитализмъ»? Очевидно одно изъ этихъ основныхъ условій, одна изъ необходимыхъ предпосылокъ капиталистическаго строя—это наличность «диспонибельнаго для капитала» рабочаго. Какъ фактически показываетъ изслѣдованіе Граната, для того, чтобы такой слой населенія существовалъ въ моментъ возникновенія капиталистическаго строя, нужна наличность докапиталистическаго перенаселенія. Еще Ф. А. Ланге въ своей знаменитой книгѣ о «рабочемъ вопросѣ» указывалъ на то,

---

[2]) Тамъ же, стр. 75.

что капитализмъ вырастаетъ на основѣ докапиталистической нужды, того, что я называю «докапиталистическимъ перенаселеніемъ». Я иду дальше: тѣ новыя фактическія указанія, которыя даетъ г. Гранатъ и которыя свидѣтельствуютъ о наличности такого перенаселенія именно въ Англіи, логически приводятъ къ существенному расширенію общей схемы Маркса какъ разъ въ томъ направленіи, на которое я уже указалъ выше. Я говорю о введеніи въ эту схему фактора роста населенія. Вводя въ эту конструкцію факторъ роста населенія, мы нащупываемъ моментъ, который можетъ относиться къ росту производительныхъ силъ, какъ «причина» къ «слѣдствію». Во многихъ случаяхъ — нельзя однако сказать, чтобы всегда—именно такая связь этихъ двухъ факторовъ способна дать намъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе экономической эволюціи. Въ частности этими двумя факторами, быть можетъ, удовлетворительно объясняется именно происхожденіе капитализма.

Значеніе роста населенія, какъ основного момента экономической эволюціи, неоднократно выдвигалось въ соціологической литературѣ. Въ сущности эта мысль implicite заключена во всемъ построеніи Мальтуса. Въ особенности ясно и рѣзко высказалъ эту мысль швейцарскій экономистъ Герреншвандъ (1730—1807). Онъ уже намѣтилъ то положеніе, которое дальше нашло себѣ плодотворное развитіе, а именно, что всякой «хозяйственной системѣ» соотвѣтствуетъ извѣстная емкость территоріи по отношенію къ населенію. Эту мысль блистательно развилъ Фридрихъ Листъ въ своей «Національной Системѣ Политической Экономіи». Вслѣдъ за Листомъ ее развивалъ и обосновывалъ Дюрингъ; изъ новыхъ экономистовъ ее проводитъ грацскій профессоръ Рихардъ Гильдебрандъ (сынъ Бруно Гильдебранда); въ частности онъ примѣнилъ ее къ аграрной эволюціи. Извѣстный итальянскій соціологъ и экономистъ Лоріа сводитъ къ тому же моменту всѣ измѣненія хозяйственныхъ формъ. Такую же соціологическую концепцію мы находимъ у Максима Ковалевскаго. Вопросъ о ростѣ населенія фигурировалъ и въ спорѣ объ условіяхъ возникновенія и развитія капитализма въ Россіи, происходившемъ между «народниками» и «марксистами». Огромное значеніе роста населенія и соотношенія между его размноженіемъ и хозяйственнымъ строемъ было положено мною въ основу объясненія новѣйшаго экономическаго развитія Россіи въ книгѣ: «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» (1894 г.). Это была та мысль, которая клала рѣзкую грань между моимъ пониманіемъ процесса новѣйшаго экономическаго развитія Россіи и пониманіемъ какъ народническимъ, такъ и ортодоксально-марксисткимъ.

Народническая теорія экономическаго развитія Россіи видѣла только разрушеніе натурально-хозяйственнаго строя капитализмомъ. Въ частности, въ построеніи автора «Очерковъ нашего поре-

форменнаго общественнаго хозяйства» (Н. Даніельсона) паденіе крестьянскаго хозяйства объяснилось вытѣсненіемъ продуктовъ домашняго труда (въ частности предметовъ одѣянія) продуктами капиталистическихъ фабрикъ (вытѣсненіе домашнихъ льняныхъ и пеньковыхъ тканей хлопчатобумажными!). Конкуренція фабрики убила домашній трудъ. На самомъ дѣлѣ паденіе домашняго производства никогда одной только конкуренціей капиталистическаго производства объяснено быть не можетъ. Въ частности наши крестьяне, поскольку они сокращали посѣвы льна и конопли, дѣлали это отчасти ради расширенія посѣвовъ хлѣба, т.-е. площади идущей непосредственно на питаніе населенія, отчасти вслѣдствіе расширенія этой площади и соотвѣтственнаго сокращенія кормовой площади и содержанія скота, который давалъ удобреніе, столь необходимое, напримѣръ, для культуры конопли; кромѣ того самая пищевая площадь по мѣрѣ истощенія земли требовала удобренія, которое отнималось у другихъ культуръ. Совершенно ясно, что въ основѣ всего этого процесса лежало не просто «торжество капитализма», а гораздо болѣе фундаментальный фактъ роста населенія. Игнорированіе этого факта и фактора было грѣхомъ одинаково какъ марксистовъ-народниковъ, такъ и правовѣрнаго марксизма, хотя ученіе объ опредѣляющемъ значеніи роста населенія есть лишь одинъ изъ варіантовъ экономическаго объясненія исторіи. Ростъ населенія есть факторъ столь же матеріальный, сколько и ростъ производительныхъ силъ, но несомнѣнно по существу болѣе первичный, и потому въ учетѣ причинныхъ моментовъ его слѣдуетъ, разсуждая отвлеченно, поставить раньше, чѣмъ ростъ производительныхъ силъ. Ростъ производительныхъ силъ есть какъ бы процессъ приспособленія къ тому положенію, которое для той или иной человѣческой группы создается ростомъ населенія. Такимъ образомъ—какъ это ни представляется на первый взглядъ страннымъ въ виду извѣстнаго крайне отрицательнаго отношенія Маркса къ Мальтусу и его ученію—въ основу экономическаго матеріализма въ смыслѣ Маркса должна быть положена та же мысль, которая является основой и для ученія Мальтуса. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что, расширяя кругъ своихъ экономическихъ размышленій, Энгельсъ въ извѣстной обработкѣ книги Моргана о первобытномъ обществѣ вынужденъ былъ признать значеніе роста населенія рядомъ съ ростомъ производительныхъ силъ. Въ указанной обработкѣ Энгельсъ выставилъ положеніе, что, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, опредѣляющимъ моментомъ въ исторіи является производство и воспроизведеніе непосредственной жизни. Оно же двоякаго рода: 1) производство средствъ жизни и средствъ для ихъ производства и 2) производство самого человѣка, размноженіе рода. Однако Энгельсъ не уяснилъ себѣ

смысла этого признанія роста населенія, какъ соціологическаго фактора, и не сдѣлалъ изъ него никакихъ выводовъ.

Поскольку Марксъ отрицалъ начисто построеніе Мальтуса, въ этомъ отрицаніи заключалась мысль, что ростъ производительныхъ силъ всегда приспособляется къ росту населенія, что населеніе никогда не опережаетъ производительныхъ силъ. Это, конечно, вообще и въ частности для «капиталистической эпохи»—доктринальное предположеніе, не могущее быть эмпирически оправдано. Но, съ другой стороны, и Мальтусъ и мальтусіанство чисто доктринально утверждаютъ, что ростъ населенія всегда опережаетъ (или имѣетъ тенденцію опережать) ростъ производительныхъ силъ. Однако нѣтъ вовсе никакой абсолютной необходимости даже въ томъ, чтобы населеніе вообще росло. Основная ошибка Мальтуса именно въ томъ и заключалась, что онъ считалъ ростъ населенія чѣмъ-то абсолютнымъ и неизбѣжнымъ. Вовсе не неизбѣжно, чтобы росло населеніе, такъ же какъ, съ другой стороны, отнюдь не неизбѣжно, чтобы возрастали производительныя силы общества.

Фактическая зависимость между ростомъ производительныхъ силъ и ростомъ населенія чрезвычайно сложна. Населеніе само есть одинъ изъ элементовъ производительныхъ силъ и въ то же время ростъ населенія означаетъ давленіе нужды, принужденіе къ совершенствованію хозяйства. Тотъ фактъ, что населеніе есть одна изъ производительныхъ силъ, является главной теоретической основой всѣхъ оптимистическихъ ученій о населеніи, самымъ характернымъ образчикомъ которыхъ является ученіе Генри Джорджа, утверждающаго, что ростъ числа людей означаетъ ipso facto ростъ производительныхъ силъ и средствъ существованія. Въ этихъ теоріяхъ ростъ населенія есть непосредственная матеріальная основа роста производительныхъ силъ. Это значеніе фактора населенія не слѣдуетъ смѣшивать съ давленіемъ, оказываемымъ ростомъ населенія на всю «экономику» общества. Тутъ населеніе дѣйствуетъ не непосредственно какъ «производительная сила», а «психологически» черезъ «нужду», какъ плетка или бичъ, со стороны «потребностей» или «потребленія».

Зависимость между ростомъ населенія и ростомъ производительныхъ силъ можетъ быть разсмотрѣна и иллюстрирована на примѣрахъ, взятыхъ изъ современности. Во Франціи населеніе остается стаціонарнымъ, оно не растетъ. Несомнѣнно въ связи съ этимъ находятся очень многія особенности хозяйственнаго строя Франціи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что здѣсь замѣчается извѣстный застой и въ хозяйственной жизни, и въ техникѣ сравнительно съ сосѣдними съ Франціей странами, которыя при быстро растущемъ населеніи быстрѣе прогрессируютъ и въ техническомъ, и въ экономическомъ отношеніи. Такимъ образомъ тутъ передъ нами интереснѣйшій и своеобразнѣйшій экономическій «экспери-

ментъ», продѣлываемый исторіей и позволяющій прослѣдить вліяніе роста населенія на всю общественную жизнь страны. Ибо различное развитіе въ смыслѣ роста населенія имѣетъ значеніе, выходящее далеко за предѣлы одной лишь «экономики». Именно то обстоятельство, что во Франціи населеніе остается стаціонарнымъ, въ то время какъ въ сосѣдней съ нею Германіи оно растетъ, снимаетъ съ очереди вопросъ о «реваншѣ и, въ извѣстномъ смыслѣ, опредѣляетъ политическое положеніе Франціи. И обиліе во Франціи капиталовъ, ищущихъ приложенія за ея границами, можно поставить въ связь со стаціонарностью ея населенія. Если бы во Франціи росло населеніе, она ни въ коемъ случаѣ не могла бы такъ обильно снабжать другихъ странъ своими капиталами. Внѣ всякаго сомнѣнія эти капиталы находили бы приложеніе внутри страны. При такомъ исторически обусловленномъ накопленіи капиталовъ, какое наблюдается во Франціи, въ случаѣ роста населенія, безъ сомнѣнія быстро развивалась бы хозяйственная жизнь и росли производительныя силы самой Франціи. Но французскій крестьянинъ «воздерживается» отъ дѣторожденія и потому не развиваетъ того потребленія, которое способствовало бы развитію производительныхъ силъ страны и расширяло бы внутренній рынокъ. Его «воздержаніе» играетъ роль въ томъ, что французскіе капиталы усиленно выбрасываются заграницу. Такимъ образомъ на примѣрѣ Франціи мы убѣждаемся въ огромномъ значеніи роста населенія для экономическаго развитія. И если мы обобщимъ положеніе Франціи, то мы тѣмъ самымъ зададимся общимъ соціологическимъ вопросомъ: чѣмъ человѣчество могло бы замѣнить давленіе, которое производитъ приростъ населенія, давленіе, которое толкаетъ человѣчество впередъ и преобразуетъ его хозяйственную жизнь, принуждая къ совершенствованію производительныхъ силъ?

Въ отношеніи къ проблемѣ роста населенія, какъ движущей силы соціальнаго развитія, скрывающейся за «производительными силами» и ихъ «ростомъ», встаетъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ вопросъ: есть-ли сохраненіе и умноженіе жизни «рода» нѣчто реальное именно въ отличіе отъ сохраненія и умноженія жизни индивидовъ и отдѣльныхъ общественныхъ группъ? Съ «универсалистической» точки зрѣнія Маркса тутъ нѣтъ вопроса. Для сознательно-критическаго, позитивно-эмпирическаго изслѣдованія, которое не признаетъ никакихъ «универсалій» a priori, тутъ возникаютъ проблема и даже не одна. Нѣкоторыя изъ этихъ проблемъ я намѣчу здѣсь въ самой общей формѣ.

«Наибольшая производительность» можетъ обезпечивать сохраненіе и умноженіе жизни вовсе не всего общества, а только одной какой-нибудь его группы. Для Маркса эта возможность не существуетъ или, вѣрнѣе, не существенна именно потому, что «универсальный» интересъ такихъ реальныхъ цѣлыхъ, или существъ, какъ «родъ» или «общество»,

для него заранѣе данъ, a priori установленъ, какъ верховная инстанція, которой подчиняется весь историческій процессъ—онъ въ немъ не можетъ сомнѣваться.

Съ другой стороны, «наибольшая производительность» въ производственномъ смыслѣ можетъ вовсе не совпадать съ умноженіемъ и сохраненіемъ ж и з н и, какъ таковой. «Экономическая» (а также культурная и духовная) производительность можетъ не совпадать съ біологической. Этотъ случай Марксъ видѣлъ и выдвигалъ даже какъ аргументъ противъ Мальтуса. Онъ только не видѣлъ того, что между прочимъ именно этотъ случай упраздняетъ всеобщность его теоріи соціальнаго развитія. Общество съ низкимъ развитіемъ производительныхъ силъ, но энергично размножающееся можетъ своей массой задавить общество съ высоко развитыми производительными силами, но не умножающее непосредственной жизни. Будучи экономически болѣе слабыми, извѣстныя низшія формы могутъ, какъ «родъ», оказаться біологически сильнѣе формъ болѣе высокихъ, и это соотношеніе можетъ оказаться рѣшающимъ моментомъ въ экономическомъ состязаніи и тѣмъ самымъ въ соціальномъ развитіи. Таковъ общій смыслъ вопроса о вторженіи китайцевъ и вообще желтокожихъ въ экономическую среду высшихъ расъ, ибо дешевизна труда опредѣляется массой труда, т.-е. въ конечномъ счетѣ размноженіемъ населенія.

Сводя воедино наши критическія замѣчанія о теоріи соціальнаго развитія, центральнымъ понятіемъ которой является ростъ производительныхъ силъ, мы можемъ сказать, что въ этомъ понятіи, которое на первый взглядъ кажется простымъ и основнымъ, скрывается цѣлый рядъ сложныхъ проблемъ. При этомъ, анализируя Марксову теорію соціальнаго развитія, мы нашли, что въ ея основѣ лежатъ, съ одной стороны, нѣкоторыя предположенія раціоналистическаго оптимизма, въ силу которыхъ она является не теоріей нейтральной эволюціи, а теоріей прогресса, и, съ другой стороны, не подвергшійся никакой критической провѣркѣ общій философскій мотивъ, а именно соціологическій универсализмъ, родственный логическому реализму и съ нимъ переплетающійся. Этотъ послѣдній мотивъ побуждаетъ Маркса a priori признавать объективную реальность и объективный приматъ универсальнаго «родового» или «общественнаго» интереса надъ интересами «партикулярными», индивидуальными и групповыми. Этотъ апріорный соціологическій универсализмъ Маркса, придающій извѣстный, если угодно, метафизическій характеръ всему его построенію, на мой взглядъ несомнѣнно восходитъ къ универсализму (или «реализму») Гегеля и его школы. Отъ универсализма такихъ новѣйшихъ соціологовъ, какъ Киддъ, универсализмъ

Маркса отличается тѣмъ, что для Маркса дисгармонія «родового» или «общественнаго» интереса съ индивидуальными и групповыми въ процессѣ историческаго развитія разрѣшается въ гармонію. Соціальный процессъ движется въ направленіи къ гармоніи, осуществляемой «соціализмомъ». Но болѣе того: въ каждую данную эпоху въ наличности универсальнаго «родового» интереса, господствующаго надъ интересами партикулярными, заключается примиряющій, погашающій всякую рознь интересовъ моментъ. Поэтому въ извѣстномъ отвлеченномъ, или теоретическомъ смыслѣ, Марксъ такой же несомнѣнный соціальный «гармонистъ», какимъ былъ Гегель.

Чѣмъ же объясняется скрытый раціоналистическій и оптимистическій характеръ теоріи соціальнаго развитія Маркса? Тутъ мы должны и имѣемъ полное право примѣнить къ этой «идеологіи» тотъ принципъ объясненія идеологій, который выставленъ самимъ Марксомъ. Его теорія соціальнаго развитія есть обобщеніе на весь историческій процессъ весьма реальныхъ и мѣтко наблюденныхъ чертъ новѣйшаго экономическаго, т.-е. капиталистическаго развитія. Въ примѣненіи къ этому частному случаю экономическаго и соціальнаго развитія можно съ извѣстнымъ правомъ утверждать, что бóльшая приспособленность совпадаетъ съ большей производительностью. И это—потому, что тутъ экономическая раціональность есть могущественное дѣйствующее въ жизни начало, ее изнутри и на всѣхъ пунктахъ регулирующее. Марксъ постоянно настаивалъ на томъ, что экономическія построенія и идеологіи слѣдуетъ объяснять исторически, видя въ нихъ «отраженіе» реальныхъ экономическихъ отношеній и условій. Съ этой точки зрѣнія онъ неоднократно толковалъ воззрѣнія классической политической экономіи. «Абстракціи» классической политической экономіи, съ его точки зрѣнія, отражали общественно-психологическую природу «капиталистическаго» человѣка. То же всецѣло примѣнимо и къ «матеріалистическому объясненію исторіи» въ цѣломъ. Въ основѣ его лежитъ «экономически раціональная» природа капиталистическаго человѣка. Стоитъ подставить другого человѣка, другія соціально-психологическія предпосылки—и все построеніе теряетъ смыслъ. «Экономическое» объясненіе исторіи потому не можетъ быть всеобъемлющимъ, что самое понятіе «экономическаго» (=«экономически раціональному») есть, такъ сказать, историческая категорія. Тутъ въ самомъ «историзмѣ» Маркса открывается неожиданная родственная связь его съ классической политической экономіей; связь эта дается неосознанною «раціоналистическою» основою самого историзма Маркса.

Такимъ образомъ, одна черта «экономическаго матеріализма»—лежащій въ его основѣ «универсализмъ»—восходитъ къ нѣмецкой классической философіи. Другая его черта—раціонализмъ (и тѣсно связанный съ

нимъ оптимизмъ) восходитъ къ англо-французской политической экономіи и къ тѣмъ философскимъ источникамъ, изъ которыхъ послѣдняя питалась. Всего менѣе въ созданіе «экономическаго матеріализма» вложился типическій философскій матеріализмъ, не потому, чтобы Марксъ не былъ подверженъ его вліянію (въ дѣйствительности дѣло обстояло наоборотъ), а потому, что, по скудости своего идейнаго содержанія, философскій матеріализмъ могъ всего менѣе внести въ ту соціологическую концепцію, которая для Маркса была въ одно и то же время и фундаментомъ его соціальной философіи, и основой его практической вѣры въ грядущее царство соціализма.

Апрѣль 1909 г.

Петръ Струве.

XXIV.

Пушкинъ и римскіе историки [1].

Современникъ великихъ переворотовъ, совершавшихся по всей Европѣ въ первую четверть 19-го вѣка, Пушкинъ съ юныхъ лѣтъ относился съ большой впечатлительностью къ крупнымъ политическимъ явленіямъ своего времени.

Еще на лицейской скамьѣ его вниманіе поглощено было фигурами двухъ великихъ противниковъ, приковывавшихъ къ себѣ взоры всего міра—Александра I и Наполеона I; въ послѣднемъ юный Пушкинъ готовъ былъ видѣть тиранна во вкусѣ ложноклассической трагедіи («Наполеонъ на Эльбѣ») и узурпатора, посягнувшаго на права законнаго наслѣдника престола (сказка о Бовѣ). Интересъ къ Наполеону у Пушкина никогда не ослабѣвалъ; въ частности для періода (1825 г.) созданія «Бориса Годунова» (а это былъ періодъ напряженія критической мысли у нашего поэта) характерно, что Пушкинъ желаетъ уяснить себѣ Наполеона, какъ *политика*, по его собственнымъ запискамъ, а также по запискамъ Фуше (*Саитовъ*, Переписка № 128,—дальше будемъ цитировать «Саит. № . . .»).

Естественно, что еще сильнѣе и жизненнѣе было впечатлѣніе, производимое на Пушкина Александромъ I и его политикой. «Дней Александровыхъ прекрасное начало» смѣнилось мрачной реакціей, слишкомъ сурово и незаслуженно покаравшей молодого поэта.

Подневольное пребываніе на югѣ и послѣдовавшая затѣмъ ссылка на сѣверъ заставили его не только серьезно задуматься о своемъ личномъ отношеніи къ русской монархіи, но и углубиться въ болѣе сложный вопросъ о монархіи вообще и о типахъ монарховъ.

Это было тѣмъ болѣе естественно, что республиканскія и даже умѣренно-либеральныя движенія были повсюду въ Европѣ шагъ за шагомъ подавлены побѣдоносной монархіей и реакціей.

---

[1] Нѣкоторые пункты настоящаго этюда входятъ—подъ другимъ угломъ зрѣнія—въ другую работу автора („О шекспиризмѣ Пушкина"), которая появится въ IV томѣ изданія Пушкина подъ редакціей С. А. Венгерова.

Уже въ 1822 г. («Историческія замѣчанія») Пушкинъ далъ очень мѣткую характеристику политики преемниковъ Петра Великаго, кончая Екатериной II. Позднѣе, въ Михайловскомъ,—отчасти подъ вліяніемъ увлеченія историческими драмами Шекспира,—онъ расширяетъ и углубляетъ свой историческій и политическій горизонтъ: теперь его очень занимаетъ и самъ Петръ [2]) и его сподвижники и послѣдователи [3]); помимо другихъ вліяній, уже исторія его собственнаго рода и фамильныя преданія [4]) являются для него однимъ изъ толчковъ къ внимательному изученію не только новой Россіи, начиная съ династіи Романовыхъ [5]), но и Россіи до-Романовской. Интересно, что въ «Борисѣ Годуновѣ» довольно опредѣленно очерчены съ одной стороны предшественники Бориса (Ѳедоръ, Иванъ Грозный и Иванъ III, «смиритель бурь, разумный самодержецъ»), а съ другой его преемники—царевичъ Ѳедоръ съ его жаждой къ просвѣщенію, Лже-Димитрій и Шуйскій—оба одаренные политическими талантами, хотя, конечно, каждый въ своемъ родѣ.

Общій интересъ къ теоріи и исторіи монархіи естественно привелъ Пушкина, бывшаго всегда тонкимъ цѣнителемъ и знатокомъ римской литературы, къ спеціальному изученію исторіи римскаго принципата, въ которой онъ нашелъ съ одной стороны отзвукъ на свои собственныя настроенія, а съ другой—великолѣпный матеріалъ для иллюстраціи темъ о царяхъ, тираннахъ, узурпаторахъ, народныхъ вождяхъ и самозванцахъ.

---

[2]) Очень интересная характеристика дѣятельности Петра I дана въ „Стансахъ“ къ Николаю I. Правда, „Стансы“ хронологически относятся къ 1826 г., но въ нашей статьѣ о шекспиризмѣ Пушкина (упомянутой въ прим. 1) будетъ показано, что ихъ идеи волновали Пушкина именно въ 1825 году.

[3]) Ср. похвалу свободолюбивому сподвижнику Петра Долгорукому въ стихотвореніи „Н. С. Мордвинову“ (1825 г.—см. также „Стансы“ и предыдущее примѣчаніе), или, напр., продуманную и прочувствованную характеристику Ломоносова въ статьѣ „О предисловіи Г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова“ (1825 г.).

[4]) Сант. № 128 (въ началѣ февраля 1825 г.): „Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы“. Ср. стихотвореніе „Къ Языкову“: „Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ.... скрывался прадѣдъ мой арапъ“....

[5]) Сант. № 170, первая половина іюня 1825 г.): „видѣлъ ли ты Н. М. (Карамзина)? идетъ ли впередъ его исторія? гдѣ онъ остановится? не на избраніи ли Ром.? Неблагодарные! 6 Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту, да двое руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?...“ Здѣсь какъ бы сквозитъ субъективная, такъ сказать, автобіографическая тенденція оцѣнить политику Александра I въ связи со всей исторіей династіи Романовыхъ....

Можно сказать, съ первыхъ же дней невольнаго пребыванія на югѣ Пушкинъ проникается особой симпатіей къ Овидію не только какъ къ блестящему поэту, но и какъ къ политической жертвѣ Августа; и уже въ стихотвореніи «Къ Овидію» поэтъ прямо сравниваетъ себя съ знаменитымъ римскимъ изгнанникомъ, добродушіе и слава котораго не могли тронуть холоднаго Августа.

Т.-е. параллель между *Августомъ и Александромъ I* въ ихъ отношеніи къ людямъ, незаслуженно ими сосланнымъ, сама собой вытекаетъ изъ смысла стихотворенія.

Позднѣе, наканунѣ ссылки на сѣверъ (Саит. № 82—середина іюня 1824 г.), Пушкинъ уподобляетъ *Александра I* уже не Августу, но *Тиберію:* «я поссорился съ Воронцовымъ..., но чѣмъ кончатъ власти, еще неизвѣстно. Тиверій радъ будетъ придраться; а европейская молва о европейскомъ образѣ мыслей графа Сеяна обратитъ всю отвѣтственность на меня».

Такимъ образомъ Тиберій интересуетъ Пушкина даже лично, и въ слѣдующемъ году, въ Михайловскомъ, Пушкинъ читаетъ «Анналы» Тацита, чтобы понять Тиберія (какъ человѣка и политика) и тѣмъ самымъ понять Александра I. Весьма характерно, что Пушкинъ неоднократно защищаетъ Тиберія отъ нападокъ Тацита. Умерщвленіе (№ 1) внука Августа Агриппы Постума, имѣвшаго право на власть, онъ считаетъ не злодѣяніемъ, какъ Тацитъ, но политическимъ убійствомъ, которое «въ самодержавномъ государствѣ можетъ быть извинено государственной необходимостью». Запутанность и скрытность Тиберія (№ 2) въ отношеніяхъ только къ сенату Пушкинъ готовъ объяснить «подлостью» многихъ членовъ самого сената. Скептически относится Пушкинъ и къ предположенію Тацита о зависти Августа (№ 3) къ своему преемнику и о зависти самого Тиберія къ своимъ провинціальнымъ намѣстникамъ (№ 10), а также къ почестямъ своей матери Ливіи (№ 7) и къ преторамъ, числа которыхъ онъ не пожелалъ увеличить (№ 7).

Въ противоположность Тациту Пушкинъ отдаетъ предпочтеніе сухому, нѣсколько жесткому Друзу передъ гуманнымъ и пылкимъ Германикомъ въ дѣлѣ усмиренія бунта Паннонскихъ и Германскихъ легіоновъ и становится на сторону Тиберія, который съ большей откровенностью похвалилъ Друза, чѣмъ Германика (№ 4).

При всемъ томъ Пушкинъ долженъ былъ вслѣдъ за Тацитомъ отмѣтить (№ 8), что Тиберій тотчасъ же по вступленіи на престолъ показалъ себя настоящимъ самодержцемъ, уничтоживъ республику уничтоженіемъ народныхъ (избирательныхъ) собраній на Марсовомъ полѣ («народъ ропщетъ, сенатъ охотно соглашается; тѣнь правленія перенесена на сенатъ»).

До сихъ поръ въ «Замѣчаніяхъ» Пушкина чувствуется критическій, довольно безпристрастный тонъ. Но одинъ отрывокъ изъ этихъ «Замѣчаній» прямо поражаетъ своей съ перваго взгляда неожиданной страстностью: «Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на какомъ-то безводномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что *человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни.* Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ умовъ древности».

Любопытно, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ не вчитался въ разсказъ Тацита (IV 30), изъ котораго слѣдуетъ, что Вибій осужденъ былъ неправильно, подъ давленіемъ злопамятства Тиберія, и Тиберій лишь для приличія ходатайствовалъ о смягченіи приговора.

По всѣмъ признакамъ эта курьезная ошибка имѣетъ для Пушкина автобіографическое значеніе.

Самый разсказъ этотъ помѣщенъ Пушкинымъ въ письмѣ къ Дельвигу отъ 23 іюня 1825 г. (Саит. № 178), а около этого времени Пушкинъ изливался въ жалобахъ на жестокость Александра I-аго, отправившаго его въ ссылку, гдѣ нельзя ни работать, ни лѣчиться. Вотъ что пишетъ онъ Вяземскому въ первой половинѣ сентября 1825 г. (Саит. № 207): «Мнѣ нуженъ англійскій языкъ—и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: *не имѣю способовъ учиться*, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ!»

Еще энергичнѣе пишетъ онъ ему же 13 сент. 1825 г. (Саит. № 208): «Царская милость огорчила меня... Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ по крайней мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи... И вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ *ѣхать лѣчиться въ ссылку*... Гораздо ужъ лучше отъ нелѣченія умереть въ Михайловскомъ.—По крайней мѣрѣ могила моя будетъ живымъ упрекомъ... Моеръ, конечно, можетъ совершить операцію и въ сибирскомъ рудникѣ».

Почти столь же энергично звучитъ 1-ая редакція чернового письма къ Александру I-му, проектированнаго въ концѣ мая или началѣ іюня 1825 г. (Саит. № 167):

„Un anevrisme de coeur exige une prompte opération, un traitement prolongé; la ville qui m'en était assignée *ne peut me procurer aucun secours*. Je supplie V. M..... de m'ordonner un endroit de l'Europe où *je puis prendre soin de mon existence*“.

Сходныя чувства,—правда, въ болѣе мягкой формѣ,—изложены и въ «Воображаемомъ разговорѣ съ Императоромъ Александромъ I» (1825 г.).

Вообще Пушкинъ въ это время не можетъ отдѣлаться отъ мысли о томъ, что̀ такое монархія Александра I-го, или, лучше сказать, что́ такое самодержавіе въ Россіи сравнительно съ самодержавіемъ у другихъ народовъ. Надо прибавить, что самое письмо къ Дельвигу, въ которомъ помѣщенъ отрывокъ изъ Тацита, написано очень осторожно, въ видѣ намековъ, и вотъ въ началѣ его и въ концѣ, передъ отрывкомъ изъ Тацита, Пушкинъ намекаетъ на неудачу ходатайства объ освобожденіи изъ ссылки. Ср. также прим. 5 (выдержка изъ письма къ Дельвигу—Сант. № 170—о династіи Романовыхъ и объ исторіи рода Пушкиныхъ).

Итакъ мысль Пушкина ясна: *римскій Тиберій выше и гуманнѣе русскаго.*

Если Тиберій въ изображеніи Тацита занималъ Пушкина по отношенію къ Александру I, то почти въ такой же степени и Тиберій и его изобразитель Тацитъ были важны Пушкину для пониманія западнаго самодержца Наполеона I.

Въ концѣ тѣхъ же замѣчаній на Анналы Тацита мы читаемъ (№ 10): «съ таковыми сужденіями неудивительно, что Тацитъ, *бичъ тирановъ*, не нравился Наполеону,—но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю».

Здѣсь Пушкинъ имѣетъ въ виду чрезвычайную популярность Тацита—какъ изобличителя «тайнъ деспотіи» (secreta dominationis)—среди французскихъ республиканцевъ конца 18-го и начала 19-го вѣка, приводившую въ негодованіе Наполеона I. Такъ, Ла-Гарпъ писалъ, что тираны представляются читателю наказанными, когда ихъ обрисовываетъ Тацитъ; Марія-Жозефъ-Шенье находилъ, что книга Тацита—это верховный трибуналъ, произносящій приговоръ въ послѣдней инстанціи и притѣсненнымъ и притѣснителямъ; онъ же поплатился при Наполеонѣ отставкой отъ учебной должности за свои знаменитые стихи на тему, что уже одно произнесеніе имени Тацита заставляетъ тирановъ блѣднѣть («et son nom prononcé fait pâlir les tyrans»); въ отместку за это онъ написалъ трагедію «Тиберій», которая, разумѣется, не могла быть своевременно поставлена на сцену.

Въ свою очередь, Наполеонъ старался изгнать Тацита изъ школы и замѣнить его Ю. Цезаремъ, а въ бесѣдахъ съ разными лицами, между прочимъ, съ Виландомъ, признавалъ, правда, за Тацитомъ извѣстное искусство, или, скорѣе, ловкость, но при этомъ находилъ, что Тацитъ, какъ риторъ, слишкомъ гонится за эффектами, что онъ искажаетъ исторію, для того чтобы изображать краснорѣчиво [6]) и т. д.

---

[6]) См. *F. Ramorino* Cornelio Tacito nella storia della coltura (Milano, 1898), стр. 70, 71, 73 и примѣчанія 125 и 126.

Сопоставляя все вышесказанное, мы видимъ, какимъ сложнымъ путемъ подходилъ Пушкинъ къ созданію своего Бориса: индивидуальная характеристика этого царя сплетается съ размышленіями о самодержавіи вообще, и при томъ размышленіями не холодными, но въ значительной степени основанными на личномъ тяжеломъ опытѣ.

Этотъ пріемъ творчества вообще характеренъ для хроники Пушкина. Собирательный элементъ засвидѣтельствованъ имъ самимъ для фигуры Пимена (Саит. № 312): «въ немъ *собралъ я черты,* плѣнившія меня въ нашихъ лѣтописяхъ,—простодушіе, умилительная кротость» и т. д.

Вполнѣ правдоподобно, что такимъ же способомъ работалъ Пушкинъ и надъ своимъ главнымъ персонажемъ—Лже-Димитріемъ. По крайней мѣрѣ онъ самъ подчеркиваетъ извѣстное родство своего Димитрія съ Генрихомъ IV (Саит. № 379). Сверхъ того, отдѣльныя черты Самозванца впослѣдствіи повторяются то въ Карлѣ XII, то въ Донъ-Жуанѣ. Вообще индивидуальная характеристика Лже-Димитрія легко могла быть соединена съ изученіемъ типовъ самозванцевъ во всемірной исторіи. Между прочимъ, исторія римской имперіи какъ разъ была богата самозванцами, и по этому вопросу однимъ изъ интереснѣйшихъ источниковъ является опять-таки Тацитъ.

Въ «Замѣчаніяхъ» на его Анналы Пушкинъ, по всѣмъ признакамъ, обратилъ на это вниманіе.

То, что пишетъ онъ объ упомянутомъ выше Агриппѣ Постумѣ, невольно напоминаетъ концепцію Лже-Димитрія: «первое злодѣяніе Тиберія (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августова... Агриппа, родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайной силой, *дерзостью* и *простотой* ума. Таковыя лица всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника[7])».

Во всякомъ случаѣ умерщвленіе Агриппы Постума имѣло своимъ послѣдствіемъ появленіе самозваннаго Агриппы—одного изъ рабовъ убитаго,—и лѣтами и наружностью имѣвшаго сходство съ господиномъ. Романтическій разсказъ Тацита объ этой политической авантюрѣ (Ann. II 39—40), можно сказать, такъ и просится въ рамки «Бориса Годунова».

Упомянутый рабъ задумалъ хитростью или силой похитить Агриппу и увезти его къ германскимъ арміямъ, но случайно опоздалъ: Агриппа былъ уже убитъ. Тогда предпріимчивому рабу приходятъ въ голову болѣе отважные, до безразсудства фантастическіе планы: онъ

---

[7]) „Ей нравится безумная отвага“ (Шуйскій о толпѣ). „За мной гнались—я духомъ не смутился и дерзостью неволи избѣжалъ“ (Самозванецъ). „А говорятъ о милости твоей, что ты—дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ и молодецъ“ (русскій плѣнникъ).

начинаетъ съ того, что похищаетъ прахъ убитаго (а этимъ въ глазахъ легковѣрнаго народа парализуется слухъ объ убійствѣ), самъ скрывается въ потаенныхъ мѣстахъ и, чтобы болѣе походить на Агриппу, отпускаетъ себѣ волосы и бороду; затѣмъ черезъ подходящихъ людей распространяетъ слухъ о томъ, что Агриппа живъ. Слухъ заинтересовываетъ толпу; сначала говорятъ о немъ тайкомъ; мало по малу усиливаясь, слухъ этотъ находитъ себѣ вѣру среди людей невѣжественныхъ, а также безпокойныхъ и потому жаждущихъ переворота [8]). Наконецъ и самъ самозванецъ начинаетъ появляться въ разныхъ городахъ, но съ романтическими предосторожностями: онъ заходитъ въ городъ въ сумерки, избѣгаетъ, чтобы его видѣли на народѣ, не остается долго въ одномъ мѣстѣ; куда уже проникла молва о немъ, оттуда онъ спѣшитъ уйти въ другой городъ, гдѣ о немъ еще не говорили. Истина, замѣчаетъ Тацитъ, усиливается зрѣніемъ и временемъ, а ложь—поспѣшностью и неопредѣленностью [9]).

Кончилось дѣло тѣмъ, что и въ Римѣ стали вѣрить въ спасеніе Агриппы и даже говорить объ этомъ на тайныхъ собраніяхъ [10]). Тиберій находился все время въ колебаніи: обуздать ли раба военной силой [11]), или дать пустому легковѣрію разсѣяться отъ времени [12]); колеблясь между стыдомъ и страхомъ, онъ то полагалъ, что ничего не слѣдуетъ презирать, то полагалъ, что не всего слѣдуетъ бояться [13])....

Въ VI книгѣ Анналъ (гл. 10) Пушкинъ могъ прочесть о появленіи Лже-Друза [14]), а въ «Исторіяхъ» Тацита (II 8—9, если Пушкинъ ихъ

[8]) „Безсмысленная чернь измѣнчива, *мятежна*, суевѣрна, легко пустой надеждѣ предана, мгновенному внушенію послушна“ (Шуйскій).

[9]) (Чернь) „для истины глуха и равнодушна, а баснями питается она“ (Шуйскій).

[10]) Ср. тайную бесѣду Шуйскаго съ Пушкинымъ.

[11]) „Возможно ли? Растрига, бѣглый инокъ на насъ ведетъ злодѣйскія дружины, дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно, пора смирить безумца!“ (Борисъ).

[12]) „Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ, и замолчитъ и слухъ о самозванцѣ; его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря заморскаго“ (Басмановъ). Это однако удалось Тиберію и другимъ римскимъ Цезарямъ, но не Борису Годунову.

[13]) „Кто на меня? Пустое имя, тѣнь! Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру, иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства? Безумецъ я! чего жъ я испугался? На призракъ сей подуй—и нѣтъ его. Такъ рѣшено: не окажу я страха—но презирать не должно ничего“.

[14]) Позволительно считать вполнѣ допустимымъ знакомство Пушкина съ VI книгой Анналъ: какъ разъ первыя шесть книгъ этого произведенія заняты характеристикой Тиберія, котораго Пушкинъ желаетъ поглубже разгадать („чѣмъ *болѣе* читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ“).

Бо́льшая часть замѣчаній Пушкина на Анналы относится, правда, къ 1-ой книгѣ, но есть важныя замѣтки и къ другимъ, даже и послѣднимъ, книгамъ: кромѣ упомянутаго выше разсказа о Вибіи Серенѣ (IV 30) ср. разсказъ о смерти Мессаллины (XI 37—38), о самоубійствѣ Сенеки и о покушеніи на самоубійство его жены Паулины (XV 3).

читалъ, въ чемъ впрочемъ нѣтъ ничего невозможнаго) о Лже-Неронѣ (отдѣльныя черты этой послѣдней авантюры напоминаютъ авантюру Лже-Агриппы).

Въ этой связи любопытно сохранившееся въ запискахъ Смирновой (стр. 38) слѣдующее воспоминаніе Пушкина о своей ссылкѣ: «въ деревнѣ я перечитывалъ *Тацита и другихъ римскихъ историковъ*. Въ Римѣ преторіанцы кончили тѣмъ, что избрали *Геліогабала;* это— упадокъ».

О Геліогабалѣ Пушкинъ могъ прочесть главнымъ образомъ у Лампридія, одного изъ шести Scriptores historiae Augustae (Uitae diversorum principum ac tyrannorum). Характерно самое имя. Вѣдь Геліогабалъ (или Элагабалъ) былъ своего рода самозванецъ. До возведенія на престолъ онъ нравился солдатамъ своей красотой, ростомъ и жреческимъ саномъ; а главное, они вѣрили въ то, что онъ сынъ Антонина Каракаллы, и силой посадили его на престолъ въ виду популярности самой фамиліи Антониновъ (ср. у Пушкина: «опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ: онъ именемъ ужаснымъ ополченъ»).

Между прочимъ, въ деревнѣ собесѣдница Пушкина П. О. Осипова была большой любительницей римской исторіи, и въ ея библіотекѣ, въ которой Пушкинъ любилъ работать, до сихъ поръ сохранились книги по римской исторіи, и въ частности «Шесть писателей исторіи о Августахъ» (СПтб. 1775), Кая Светонія Транквилла «Жизнь двѣнадцати первыхъ Цесарей Римскихъ» (СПтб. 1776) и т. д. («Пушкинъ и его современники», вып. I. Б. Л. *Модзалевскій.* Поѣздка въ село Тригорское въ 1902 г., стр. 12 и 45).

Это свидѣтельство Смирновой мы считаемъ правдоподобнымъ какъ потому, что оно ладитъ съ другими фактами изъ жизни Пушкина въ 1825 г., такъ и потому, что оно довольно оригинально: вѣдь имя Геліогабала извѣстно въ сущности только тѣмъ, кто спеціально занимается (съ ученой или иной цѣлью, безразлично) исторіей римской имперіи.

Впрочемъ Пушкинъ самъ даетъ намъ доказательство того, что его интересовалъ не одинъ только Тацитъ, но и другіе историки Рима, такъ или иначе группирующіеся около Тацита. Уже Анненковъ (Матеріалы [2], 159) отмѣтилъ, что вошедшее въ составъ «Египетскихъ ночей» стихотвореніе «Чертогъ сіялъ» было написано въ 1825 г. съ помѣткой въ черновой тетради сбоку: Aurelius Victor.

Черновые наброски «Египетскихъ ночей» (правда, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ импровизація «Чертогъ сіялъ») показываютъ, что Пушкинъ читалъ Аврелія Виктора въ связи съ Тацитомъ и сумѣлъ выдѣлить изъ него, какъ и изъ Тацита, наиболѣе существенное (разумѣется, въ согласіи съ своими текущими настроеніями и литературными

планами). «Аврелій Викторъ»—писатель IV столѣтія... Сочиненія его приписываютъ Корнелію Непоту и даже Светонію. Онъ написалъ книгу De viris illustribus... Книжонка его довольно ничтожна, но въ ней находится то сказаніе (о Клеопатрѣ), которое меня такъ поразило; и—что замѣчательно!—въ этомъ мѣстѣ сухой и скучный Аврелій Викторъ силой выраженія равняется Тациту: haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostiterit; tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint.

«Прекрасно! воскликнулъ Вершневъ: это напоминаетъ мнѣ Саллюстія—помните? Tantae».... (2-ое изд. Морозова, стр. 542).

Михаилъ Покровскій.

XXV.

Къ Саксонской Правдѣ (Неудачная разгадка статьи XIV).

Конечно каждый помнитъ изящныя и *простыя* разгадки, темныхъ мѣстъ въ источникахъ, Василія Осиповича; по закону контраста пишущему эти строки вспоминается, хотя не лишенная остроумія, но крайне *сложная* разгадка Гекка. Критическій разборъ разгадки Гекка и составитъ предметъ настоящей замѣтки.

Въ Саксонской Правдѣ ст. XIV, qui nobilem occiderit 1440 solidos componat; ruoda dicitur apud Saxones 120 solidi, et in praemium 120 solidi, издавна привлекала вниманіе изслѣдователей[1]). Оригинальное толкованіе предложено Геккомъ [2]).

Въ Саксонской Правдѣ по Гекку три загадочныхъ явленія:

I. Отношеніе между вергельдами эделинговъ (1440 sol.) и лита (120) 12:1; между тѣмъ при пеняхъ мы находимъ отношеніе 12:3[3]) или 12:4[4]). Подобное отношеніе вергельдовъ не пояснимо спеціальнымъ саксонскимъ миромъ, ибо по аналогіи съ Фризской Правдой и по даннымъ саксонскихъ экстравагантовъ [5]) это едва ли мыслимо.

II. Бросается въ глаза, что такса штрафовъ для эделинга дана подробно, для лита кратко, а для фрилинга совершенно пропущена.

---

[1]) Главнѣйшія мнѣнія приведены мной въ прим. 23 къ Саксонской Правдѣ (Сборникъ законодательныхъ Памятниковъ древняго западно-европейскаго права, издаваемый подъ редакціей И. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Выпускъ II).

[2]) Heck Die Gemeinfreien der Karolingischen Volksrechte.

[3]) Capitulatio de partibus Saxoniae ст. 19,20,21. Capitulare Saxonicum 797 г. ст. 5.

[4]) Lex Sax. ст. 36 Cap. Sax. 797 г. ст. 3.

[5]) Подъ этимъ Геккъ разумѣетъ 70-ый капитулярій въ изданіи Боретіуса (часть I стр. 160).

III. До сихъ поръ не разъяснены слова: „ruoda dicitur apud Saxones 120 solidi, et in praemium 120 solidi“. Если эти слова даже и признать за глоссу, то все-таки они нуждаются въ объясненіи.

I. Геккъ предлагаетъ попытку рѣшенія всѣхъ трехъ загадокъ слѣдующей гипотезой: 1) всѣ вергельды и ихъ части имѣли двойную градацію: а) въ зависимости отъ сословія потерпѣвшаго (Passivrelation) б) совершившаго (Activrelation), 2) въ Правдѣ сокращенно выражена эта система.

Фризская Правда даетъ намъ наглядную картину системы съ двойной шкалой, правда, не вергельдовъ, но числа соприсяжниковъ.

Затѣмъ Геккъ вводитъ обозначенія эделинга черезъ E, фрилинга черезъ F и лита черезъ L; для отличія пострадавшаго отъ посягнувшаго-знакъ′ и получаетъ таблицу числа соприсяжниковъ при очистительной клятвѣ въ убійствѣ, по Фризской Правдѣ[6]):

$$EE' = 12 \quad FE' = 18 \quad LE' = 36.$$
$$EF' = 8 \quad FF' = 12 \quad LF' = 24.$$
$$EL' = 4 \quad FL' = 6 \quad LL' = 12.$$

Такъ какъ эти 9 комбинацій повторяются при всѣхъ деликтахъ, то полное проведеніе системы было бы черезчуръ растянутымъ; да оно и вполнѣ излишне. Если извѣстны отношенія какъ полученія, такъ и уплаты (Empfangs und Pflichtrelation), то достаточно дать сумму при одной комбинаціи, чтобы фиксировать всѣ остальныя. Обозначивъ черезъ e, f, l, числа уплаты (Leistungszahlen) черезъ e′, f′, l′ числа полученія (Empfangszahlen), тогда, если дана сумма w за убійство при комбинаціи E E′, мы находимъ результатъ[7]) $E\ E' = e \times \left(\frac{w}{e}\right)$; $F\ E' = f \times \left(\frac{w}{e}\right)$; $L\ E' = l \times \left(\frac{w}{e}\right)$.

Число $\frac{w}{e}$, служащее для опредѣленія вергельдовъ, приходящихся сословію E, Геккъ называетъ „основными деньгами сословія E“ (Grundgebühr des Standes E) и обозначаетъ черезъ Re. Вергельды рядовъ F′ и L′ выразятся черезъ соотвѣтственныя вспомогательныя количества Rf и Rl, находящіяся къ Re въ отношеніи чиселъ полученія (Empfangszahen, Passivrelation).

Можно получить значеніе ряда E посредствомъ аналогичнаго вспомогательнаго числа, которое названо Геккомъ “основной платой“ (Grundleistung) сословія E, и которое получается изъ дѣленія w на

---

[6]) Въ книгѣ дана не самая таблица числа соприсяжниковъ, но §§ первой статьи Фризской Правды, въ которыхъ находятся эти числа.

[7]) У Гекка всѣсто F E′ и L E′ напечатано E F′ и E L′.

число полученія сословія E (e′). Очевидно рядъ для E будетъ[8]): E E′ = $= e' \times \left(\frac{W}{e'}\right)$; E F′ = $f' \times \left(\frac{W}{e'}\right)$; E L′ = $l' \times \left(\frac{W}{e'}\right)$. Основную плату Геккъ обозначаетъ черезъ Pe, Pf, Pl.

Если мы имѣемъ систему съ двойной шкалой и намъ извѣстны отношенія, то достаточно имѣть даннымъ одинъ изъ девяти вергельдовъ, чтобъ вычислить всѣ остальные. Однако вычисленія облегчатся, если для основного сословія будутъ даны основныя деньги (R) и основная плата (P). Въ качествѣ, такъ сказать, повѣрки можно еще дать заключительный случай L L′.

Геккъ и считаетъ, что въ приведенной въ началѣ статьѣ (XIV) Саксонской Правды мы имѣемъ сокращенную схему вергельдовъ съ двойной шкалой, гдѣ даны EE′ и LL′, между которыми вставлены значенія для Re и Pe.

Раньше чѣмъ послѣдовать за дальнѣйшей аргументаціей Геккa, считаю нужнымъ обратить вниманіе, что для рѣшенія задачи тѣмъ пріемомъ, какимъ желаетъ Геккъ, необходимо знать не только отношенія полученія и уплаты, но и самыя числа полученія и уплаты (точнѣе одно изъ двухъ, такъ какъ второе при данномъ первомъ или первое при данномъ второмъ опредѣлится дѣленіемъ), ибо безъ этого числа R и P неопредѣлимы. Числа уплаты, по мнѣнію Геккa, даны въ ст. XXVI Правды[9]) и въ ст. III саксонскаго капитулярія 797 г.[10]) Въ обоихъ случаяхъ штрафъ эделинга относится къ штрафу лита какъ 12:4 (In beiden Angaben *verhält sich*[11]) die Leistung des Edelings zu der des Liten wie 12:4).

Поэтому Re = $\frac{W}{e} = \frac{1440}{12} = 120$ солидамъ; Rl = $\frac{120}{4}$[12]) = 30 солидамъ. Слѣдовательно вергельды EL′ = 12.30 = 360 солидамъ; LE′ = 4.120 = = 480 солидамъ.

Здѣсь очевидное пренебреженіе математической истиной, ибо изъ того, что намъ извѣстно отношеніе между двумя числами, нельзя заключить, что извѣстны самыя числа.

Я нарочно не указываю, что въ другихъ памятникахъ намъ даны другія отношенія, ибо имѣю въ виду прослѣдить аргументацію Геккa о разгадкѣ данными только того памятника, въ которомъ находится загадка.

---

[8]) У Геккa вмѣсто E F′ и E L′ напечатано на F E′ и L E′.

[9]) pro fredo si nobilis fuerit solidas 12, si liber 6, si litus 4.

[10]) nobiliores Saxones solidos 12, ingenui 5, liti 4 conponant.

[11]) Курсивъ мой.

[12]) Вергельдъ лита по ст. 16 Правды 120 солидовъ.

II. Приведенными разсужденіями, думаетъ Геккъ, рѣшается и недоумѣніе о томъ, что въ Правдѣ не упоминается фрилингъ, ибо при сокращенномъ изложеніи, имѣющемъ въ виду начальную и конечную комбинаціи, средніе члены ряда должны были исчезнуть.

III. Становятся, по Гекку, понятными и слова: „ruoda dicitur apud Saxones 120 solidi et in praemium 120 solidi„. Слово ruoda означаетъ земельную мѣру, именно часть гуфы; въ нашемъ случаѣ—сумму денегъ. Поэтому цѣлое, часть коего составляетъ ruoda, тоже должно быть количествомъ денегъ. Непосредственно передъ этимъ упомянутъ вергельдъ въ 1440 солидовъ, котораго двѣнадцатую часть и составляютъ 120 солидовъ. Поэтому Геккъ считаетъ возможнымъ переводить ruoda черезъ часть вергельда (Wergeldtheil, Wergeldquote).

Praemium въ каролингскихъ источникахъ имѣетъ кромѣ значенія вознагражденія и значеніе синонимическое съ pretium. А мы знаемъ, что было представленіе о вергельдѣ, какъ о pretium sanguinis. Къ словамъ „et in praemium 120 solidi“ надо безъ сомнѣнія подразумѣвать какъ сказуемое dabuntur и тогда возможно понять приведенныя слова такимъ образомъ: „и будутъ какъ деньги“ уплачиваться 120 солидовъ (und auf das „Geld“ werden von ihm 120 Shillinge gezahlt). Конечно и здѣсь имѣется въ виду nobilis, о которомъ была рѣчь во всѣхъ предыдущихъ статьяхъ. Окончательный переводъ загадочнаго мѣста тогда будетъ слѣдующій: Основныя деньги (эделинга) у саксовъ 120 солидовъ, и онъ платитъ при вергельдѣ, какъ основную плату, 120 солидовъ (Die Grundgebühr [des Edelings] wird bei den Sachsen auf 120 Schillinge fixirt und er hat auf das Wergeld [als Grundleistung] 120 Schillinge zu zahlen).

Результатъ изслѣдованія Гекка: Въ Правдѣ даны основныя числа Re и Pe, изъ которыхъ посредствомъ умноженія на числа полученія и уплаты можно получить ряды E′ и E. При этомъ понятно, почему эта замѣтка находится между вергельдами EE′ и LL′.

Разгадку Гекка нельзя признать удачной, не говоря уже о ея крайней сложности и искусственности, ибо разрѣшеніе всѣхъ трехъ недоумѣній не состоятельно.

Совершенно „оптическимъ явленіемъ“, употребляя выраженіе Гекка, оказывается его разгадка словъ, такъ какъ, если даже признать его толкованіе правильнымъ, то окажется вполнѣ непонятнымъ, зачѣмъ понадобилось въ сокращенномъ изложеніи давать количество Pe (praemium), которымъ воспользоваться невозможно[13]).

---

[13]) Цыфры полученія (e′, f′, l′) совершенно неизвѣстны.

Пропускъ фрилинга нисколько не поясняется Геккомъ. Если мы имѣемъ въ Правдѣ сокращенное изложеніе системы, то по всѣмъ вѣроятіямъ лицо, умѣющее производить всѣ тѣ выкладки, о которыхъ говоритъ Геккъ, сообразило бы, что по тому сокращенію, которое оно даетъ въ Правдѣ, нельзя опредѣлить тотъ рядъ, въ которомъ пострадавшимъ оказывается фрилингъ.

Наконецъ первое недоумѣніе разрѣшено, какъ показано выше, цѣной игнорированія положенія, что, если $\frac{e}{l} = C$, то и $\frac{em}{lm} = C$.

Въ настоящей замѣткѣ отнюдь не имѣлось въ виду затрагивать значеніе и общую тенденцію книги Гекка. Это выяснено вполнѣ въ статьяхъ Шрёдера, Бруннера и П. Г. Виноградова.

В. Протопоповъ.

XXVI.

Отношеніе населенія и областной администраціи къ выборамъ на земскіе соборы въ XVII в. [1].

Когда нужно было въ XVII в. созвать земскій соборъ, тогда изъ Разряда отправлялись въ разные города Московскаго государства грамоты съ предписаніемъ произвести выборы и съ указаніемъ количества и качества депутатовъ отъ каждаго чина и срока явки выборныхъ въ Москву. Воевода, получивъ подобный указъ, принималъ мѣры къ тому, чтобы его содержаніе сдѣлалось извѣстнымъ «всякихъ чиновъ людямъ». Съ этой цѣлью онъ приказывалъ биричю «кликати», т.-е. громко читать грамоту въ городѣ «по многіе торговые дни», а въ уѣздъ отправлялъ курьеровъ, которые должны были объѣхать вотчины и помѣстья и сообщить содержаніе указа ихъ владѣльцамъ—служилымъ людямъ.

Какъ же населеніе принимало вѣсть о созывѣ новаго земскаго собора и о новыхъ выборахъ? Была ли эта вѣсть для него радостной, а выборы—крупнымъ, серьезнымъ событіемъ въ его жизни? Охотно ли служилые люди покидали свои деревенскіе дома и ѣхали въ городъ, чтобы тамъ выбрать изъ своей среды депутатовъ на земскій соборъ?

Едва ли теперь можно дать полные, вполнѣ удовлетворительные отвѣты на поставленные вопросы; но кое-что отвѣтить все-таки можно. Я и попытаюсь сдѣлать это въ дальнѣйшемъ изложеніи.

---

3 декабря 1636 г., галицкій воевода Петръ Щетининъ получилъ изъ Разряда грамоту съ предписаніемъ «разослать во весь Галицкій

[1] Рефератъ, прочитанный въ засѣданіи Общ. ист. и древн. рос. при Москов. Универ. 25 окт. 1908 г. Документы, послужившіе главнымъ матеріаломъ для этого реферата, хранятся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ скоромъ времени они будутъ мною опубликованы. Нѣкоторые изъ нихъ я далъ для напечатанія въ изданіи *Н. Н. Клочкова* „Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ“ (№№ X, XI, XIII—XV.).

уѣздъ разсыльщиковъ и пушкарей и затинщиковъ, а велѣть дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ галичаномъ и бѣляномъ галицкимъ помѣщикомъ учинить срокъ съѣхатца въ Галичъ для государева и земского дѣла». Съѣхавшіеся служилые люди должны были выбрать изъ своей среды 6 депутатовъ на земскій соборъ, которые обязаны были пріѣхать въ Москву къ 25 декабря. Воевода Щетининъ въ тотъ же день, когда получилъ грамоту, т.-е. 3 декабря, разослалъ по уѣзду курьеровъ; и черезъ нѣкоторое время въ Галичъ съѣхались помѣщики «*немногіе*»— всего только 20 человѣкъ, которые и выбрали 6 депутатовъ [1]).

По десятнѣ 1635 г., составъ служилыхъ людей Галицкаго уѣзда представляется въ такомъ видѣ:

1) „выбору“	28	чел.
2) „дворовыхъ“	63	„
3) „городовыхъ“	204	„
4) „новиковъ“	159	„
Всего	454	„ [2])

Такимъ образомъ, въ выборахъ 1636 г. принимали участіе только 4,4% галицкихъ служилыхъ людей.

Еще болѣе любопытныя свѣдѣнія имѣемъ мы о выборахъ, которые происходили въ 1648 г. въ Переславлѣ—Рязанскомъ.

9 августа 1648 г., воевода названнаго города получилъ изъ Разряда грамоту о выборѣ депутатовъ на земскій соборъ; при чемъ отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ большихъ становъ приказано было выбрать по два человѣка, а изъ меньшихъ становъ—по одному, отъ бордаковскихъ новокрещенъ и отъ бѣлозерцевъ—рязанскихъ помѣщиковъ тоже по одному человѣку. Значитъ, отъ 8 становъ, на которые дѣлился рязанскій уѣздъ, требовалось выбрать болѣе 8 депутатовъ; кромѣ того—и это слѣдуетъ отмѣтить—такіе малочисленные группы служилыхъ людей, какъ бордаковскіе новокрещены (нѣсколько болѣе 17 человѣкъ) и бѣлозерцы, испомѣщенные въ Каменскомъ стану рязанскаго уѣзда (15 чел.), должны были послать на земскій соборъ каждая по одному депутату.

Потревоженные въ своемъ деревенскомъ уединеніи, служилые люди собирались медленно и неохотно.

---

[1]) Стт. Новгородскаго стола, № 68, л.л. 543—546.

[2]) Въ это число не вошли: 4 челов. „городовыхъ“ (1 въ губныхъ старостахъ, 1 въ Кирилловѣ монастырѣ въ служкахъ, 1 „написался въ житье“ и 1 „бѣденъ и безпомѣстенъ, онъ же одержимъ чернымъ недугомъ)“ и 6 человѣкъ „городовыхъ“ и 1 „новикъ“, написанные въ рейтары; всего 11 чел. М. А. М. Ю. Дѣла десятенъ, № 220, л.л. 1—134.

20 августа «объявилось» въ съѣзжей избѣ всего только 11 челов., которые вполнѣ основательно заявили воеводѣ, что «имъ малыми людьми выборныхъ людей выбрать не умѣть, потому: городъ-де большой». По-видимому, воевода согласился съ такимъ доводомъ и рѣшилъ подождать, когда соберется побольше служилыхъ людей. Черезъ недѣлю (27 авг.), пріѣхало еще 10 челов.; кромѣ того, нѣсколько избирателей прибыло въ сентябрѣ. Ждать дольше было нельзя, потому что срокъ явки депутатовъ въ Москву (1 сент.) давно истекъ—и вотъ 24 сент. рязанцы дворяне и дѣти боярскіе «немногіе люди» (не болѣе 25) выбрали 7 депутатовъ, т.-е. меньше того количества, которое было предписано правительствомъ. Десятня 1648 г. насчитываетъ въ 8 станахъ рязанскаго уѣзда 1627 служилыхъ людей [1]). Слѣдовательно, въ выборахъ участвовало всего 1,5%.

Бордаковскіе новокрещены выбрали изъ своей среды одного депутата, а группа бѣлозерцевъ—рязанскихъ помѣщиковъ вмѣсто «выбора» подала воеводѣ челобитную любопытнаго содержанія. Въ этой челобитной они указываютъ на два обстоятельства: во-первыхъ, на то, что изъ 24 человѣкъ, испомѣщенныхъ въ Каменскомъ стану рязанскаго уѣзда, ихъ осталось теперь только 15: 9 человѣкъ «на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ побиты и померли»; во-вторыхъ, на то, что служилые люди Бѣлозерскаго уѣзда уже выбрали двухъ депутатовъ. Челобитная заканчивается просьбой «челобитье записать». Цѣль приведеннаго челобитья, мнѣ кажется, выступаетъ довольно ясно: она заключается въ томъ, чтобы оправдать нежеланіе челобитчиковъ выбрать изъ своей среды депутата на земскій соборъ. [2]) Итакъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться очень цѣннымъ, казалось бы, правомъ послать представителя на земскій соборъ, группа бѣлозерцевъ, испомѣщенныхъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, отказалась отъ этого права, какъ отъ тяжелаго бремени.

Приведенные примѣры выясняютъ до нѣкоторой степени отношеніе къ выборамъ, если не всего населенія, то, по крайней мѣрѣ, той его части, представители которой имѣли численный перевѣсъ на земскихъ соборахъ, т.-е. провинціальныхъ служилыхъ людей.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что они относились къ выборамъ болѣе, чѣмъ равнодушно: они тяготились выборами, смотрѣли на нихъ, какъ на лишнее бремя, взваленное на ихъ плечи правитель-

---

[1]) *В. Н. Сторожевъ.* Составъ рязанскаго дворянства по десятнямъ XVII в. Рязань 1891, стр. 8.

[2]) Стт. Владимірскаго стола, № 138, л.л. 170—172, 179—188, 209—212 и 224—229.

ствомъ. По всей вѣроятности, на выборы являлись обыкновенно «немногіе люди» [1]).

Я думаю, что подобное отношеніе къ выборамъ является прямымъ результатомъ того взгляда на участіе въ земскихъ соборахъ, который сложился въ обществѣ—по крайней мѣрѣ, въ той его части, которая обыкновенно посылала депутатовъ на земскіе соборы, т.-е. въ средѣ служилыхъ людей и посадскихъ. Въ этой части общества установился взглядъ на участіе въ земскихъ соборахъ, какъ на *службу*. Напримѣръ, иноземецъ Иванъ Маировъ говоритъ въ своей челобитной, что онъ «у государева дѣла на соборехъ (1648—49 г.г.) былъ и за свою братью иноземцевъ государю объ всякихъ нуждахъ билъ челомъ съ своею братьею съ выборными людьми вмѣстѣ; и за ту де ихъ *службу* государева жалованья выборнымъ людемъ прибавлено помѣстнаго окладу по сту чети, денегъ по 5 рублевъ» [2]). Точно также жилецъ Дмитрій Еремѣевъ сообщаетъ въ своемъ челобитьѣ: «Въ нынѣшнемъ, государь, въ 157 г. ноября въ 20 день судомъ Божіимъ не стало на Москвѣ новгородскаго помѣщика Антонья Иванова сына Лихарева; а былъ онъ, Антоній, на Москвѣ *на твоей государевъ службѣ* изъ Великаго-Новгорода изъ Вотской пятины въ выборныхъ у твоего государева, у земскаго дѣла» [3]). Ни откуда не видно, чтобы въ приведенныхъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, подъ службой понималось служеніе обществу или что-нибудь въ этомъ родѣ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что, съ точки зрѣнія служилыхъ и посадскихъ людей XVII в., участіе въ земскихъ соборахъ не отличалось по существу отъ другихъ службъ, лежавшихъ на этихъ двухъ классахъ населенія. Такъ, напр., депутатъ отъ служилыхъ людей Верейскаго уѣзда Григорій Левшинъ, желая быть записаннымъ «по выбору», перечисляетъ въ челобитной свои «службы» въ Курскѣ и въ Карповѣ сторожевьѣ, гдѣ онъ «городовое дѣло дѣлалъ, на городъ лѣсъ возилъ и земляной валъ валилъ»; тутъ же онъ упоминаетъ, что теперь (т.-е. въ концѣ 1648 г.) онъ живетъ въ Москвѣ «у государева и земскаго дѣла въ выборѣ» [4]). На такой же точкѣ зрѣнія стоитъ и жилецъ Никита Ивановъ сынъ Хвостовъ: онъ говоритъ въ своей челобитной, что его отецъ служилъ «всякія государскія службы выборныя и рядовыя» и, между прочимъ, былъ «у государева, земскаго дѣла и въ Уложенной книги» [5]). Что касается посадскихъ людей, то

---

[1]) *В. Латкинъ.* Мат. для исторіи зем. оборовъ XVII ст. Спб. 1884, стрр. 104 и 120. Ср. *И. И. Дитятинъ.* Къ вопросу о зем. оборахъ XVII ст. Рус. М. за 1883 г., XII, стрр. 98—99.

[2]) *А. Н. Зерцаловъ.* Новыя данныя о зем. соб. 1648—49 г.г. М. 1887, стр. 20

[3]) *В. Латкинъ.* Мат. для истор. земств. собор. XVII ст., стрр. 72—73.

[4]) Ibid., стр. 67: см. также стрр. 53 и 70—71.

[5]) *А. Н. Зерцаловъ.* Новыя дан. о зем. соб. 1648—49 г.г., стр. 40.

въ нашемъ распоряженіи нѣтъ прямыхъ указаній на отношеніе ихъ къ выборамъ на земскіе соборы, но есть указанія косвенныя: мы знаемъ, что и посадскіе люди, подобно служилымъ, смотрѣли на участіе въ земскихъ соборахъ, какъ на службу и службу, повидимому, нелегкую; отсюда, мнѣ кажется, можно сдѣлать выводъ, что и они должны были относиться къ выборамъ съ тѣмъ-же равнодушіемъ, какое мы отмѣтили въ средѣ служилаго люда [1]).

Итакъ, служилые и посадскіе люди смотрѣли на участіе въ земскихъ соборахъ не какъ на цѣнное право, а какъ на тяжелую обязанность, какъ на лишнюю повинность, наваленную на нихъ правительствомъ; если только была возможность, они старались отдѣлаться отъ этой повинности. Вполнѣ естественно, что они отправляли эту повинность далеко не охотно: они дѣйствовали въ данномъ случаѣ не столько по доброй волѣ, сколько подъ давленіемъ привычнаго страха передъ правительствомъ, «бояся государева страху», хотя за уклоненіе отъ участія въ земскихъ соборахъ, повидимому, не полагалось наказанія [2]).

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно любопытное обстоятельство. Служилые люди, съѣхавшись на выборы, обыкновенно избирали депутатовъ не изъ своей среды, не изъ среды присутствовавшихъ на выборахъ, а изъ числа отсутствовавшихъ; при этомъ не замѣтно, чтобы избранный имѣлъ право отказаться.

Какими соображеніями руководствовались при избраніи въ члены земскихъ соборовъ? Повидимому, депутатами старались выбирать такихъ людей, которые легче другихъ могли нести депутатскую повинность, т.-е. либо наиболѣе состоятельныхъ, либо тѣхъ, которые по той или другой причинѣ были освобождены отъ личной военной службы; самымъ подходящимъ депутатомъ считался такой человѣкъ, который удовлетворялъ обоимъ названнымъ условіямъ. Съ этой точки зрѣнія идеаломъ своего рода былъ дворянинъ Федоръ Федоровъ сынъ Кривцовъ, котораго мы видимъ въ качествѣ одного изъ депутатовъ отъ служилыхъ людей Болховского уѣзда на земскихъ соборахъ 1648—49 и 1651 г.г. Въ десятнѣ 1622 г., гдѣ онъ написанъ «по выбору», т.-е. въ высшемъ разрядѣ, про него сказано, что у него «руки нѣтъ по плечо», почему «службы служить ему не велѣно, а быть у приказныхъ дѣлъ».

Такъ какъ, съ точки зрѣнія служилыхъ и посадскихъ людей, участіе въ земскихъ соборахъ являлось службой и службой тягостной, то вполнѣ понятно, что они старались получить за эту службу и дѣйствительно получали тѣ же виды вознагражденія, какіе они получали за другія службы. Служилые люди за отбываніе депутатской повин-

---

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ, подъ ред. *Ю. В. Готье*, №№ XVI—XVIII.

[2]) *В. Латкинъ*. Матеріалы для ист. зем. соб. XVII ст. стр. 51.

ности повышались въ рангѣ, получали прибавки къ помѣстнымъ и денежнымъ окладамъ, жаловались «по воеводствамъ и по приказамъ» и проч. [1]).

Что касается посадскихъ людей, то имъ служба въ депутатахъ зачитывалась за другія службы; кромѣ того, они награждались за отбываніе депутатской повинности нѣкоторыми привиллегіями: напр., освобождались отъ постоя и пользовались правомъ «питье—вино и пиво—держать про себя безъявочно и безпошленно» [2]). Это тѣ самыя привиллегіи, которыми пользовались, между прочимъ, гости.

Равнодушное отношеніе населенія къ выборамъ влекло за собой энергичное вмѣшательство воеводъ; намъ пока извѣстна одна только форма этого вмѣшательства и форма очень рѣзкая: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, далеко не рѣдкихъ, выборовъ совсѣмъ не было, а воеводы своей властью *назначали* депутатовъ.

Такъ было, напр., въ Карачевѣ въ 1651 г. По приглашенію воеводы, въ городъ съѣхались служилые люди «немногіе» и вмѣсто того, чтобы или подождать пріѣзда большаго числа избирателей, или тотчасъ же приступить къ выборамъ, они заявили воеводѣ, что у нихъ въ спискѣ числится «по выбору» 12 человѣкъ такихъ-то. Воевода распорядился послать за этими «выборными» дворянами; но посланные не застали ихъ дома; черезъ нѣкоторое время пріѣхали въ городъ только двое: Романъ Брасовъ да Іовъ Бошинъ. Воевода этихъ двухъ «выборныхъ» дворянъ и назначилъ депутатами на земскій соборъ и вмѣстѣ съ депутатомъ отъ посадскихъ людей «выслалъ» въ Москву 12 февраля [3]).

Также, повидимому, поступилъ и ливенскій воевода въ томъ же 1651 г. Въ Ливнахъ посадское населеніе состояло изъ бобылей и дворниковъ. Воевода назначилъ депутатомъ кузнеца Кондрашку Лобова, который и поѣхалъ въ Москву въ качествѣ представителя торгово-промышленнаго населенія г. Ливенъ [4]).

Крапивенскій воевода Василій Астафьевъ точно такъ же назначилъ своей властью требуемое количество депутатовъ отъ обѣихъ группъ населенія: 2 отъ служилыхъ людей и 2 отъ посадскихъ. Такъ какъ въ Крапивнѣ было только три посадскихъ человѣка—«и тѣ худы», то онъ въ качествѣ представителей торгово-промышленнаго населенія города отправилъ въ Москву боярскаго сына Ѳедоса Богданова по тѣмъ соображеніямъ, что онъ жилъ на посадѣ и часто исполнялъ обязанности полковаго подьячаго, да пушкаря Ивана Ѳомина. За свой произвольный поступокъ Астафьевъ получилъ изъ Москвы строгій выговоръ [5]).

---

[1]) *В. Латкинъ*. Мат. для ист. зем. соб. XVII ст. стрр. 67—71.

[2]) Акты относящіеся къ исторіи зем. соборовъ, подъ ред. *Ю. В. Готье*, №№ XVI—XVIII.

[3]) *В. Латкинъ*. Мат. для ист. зем. соб. XVII ст. стр. 104.

[4]) Ibid., стр. 108.

[5]) Ibid., стр. 103. *А. Н. Зерцаловъ*. Новыя дан. о зем. соб. 1648—49 г.г. стр. 4.

Что касается населенія, то оно отнеслось къ дѣйствіямъ воеводы довольно спокойно, не найдя, повидимому, въ нихъ ничего особеннаго, необычнаго. Мы убѣждаемся въ этомъ послѣ знакомства съ документами, имѣющими отношеніе къ двумъ изъ крапивенскихъ депутатовъ—къ Роману Иванову сыну Сатину и Ѳедосу Богданову.

Между этими лицами загорѣлась вражда, превратившаяся потомъ въ смертельную ненависть, по крайней мѣрѣ съ одной стороны—со стороны Романа Сатина, который грозилъ убить Богданова и «мяса его ѣсть».

Если вѣрить Ѳедосу Богданову, вражда возникла изъ-за того, что Романъ Сатинъ вмѣстѣ со своими дѣтьми завладѣлъ имуществомъ Богданова на сумму 35 руб. Желая спокойно пользоваться незаконно пріобрѣтеннымъ имуществомъ, онъ рѣшилъ добиться того, чтобы Ѳедоса Богданова сослали «въ украинные городы на черту». Съ этой цѣлью Романъ Сатинъ «съ друзьями своими и совѣтники» составили челобитную, въ которой Богдановъ обвинялся въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ. Нужно замѣтить, что челобитная была написана отъ имени соловлянъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, крапивенскихъ казаковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ и людей всякихъ чиновъ. Богданова обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что онъ, «стакався съ вѣдомымъ воришкомъ и смертнымъ убойцомъ съ приказнымъ человѣкомъ съ Васильемъ Остафьевымъ, вмѣсто посадскихъ людей пріѣхалъ» въ Москву «по его Васильевой отпискѣ къ государеву великому царственному и земскому и литовскому дѣлу *будто въ выборныхъ*»; но «дворяне и дѣти боярскіе и городскіе всякихъ чиновъ люди такова воришка и составщика и понамаренка къ государеву великому дѣлу не выбирали и выбору не давали, и такому воришку Ѳедоску Степанову у такова государева царственнаго дѣла быть нельзя».

Челобитье оканчивается просьбой: 1) удалить Богданова изъ Крапивны, 2) вычеркнуть его изъ списка соловлянъ и 3) исключить изъ числа членовъ земскаго собора. Два послѣдніе пункта были исполнены. На челобитной находится помѣта думнаго дьяка Семена Заборовскаго такого содержанія: «Государь пожаловалъ: не велелъ ему (т.-е. Богданову) у своево дела быть—велелъ ево отставить». Далѣе, онъ, повидимому, былъ исключенъ изъ списка соловлянъ и записанъ по Звенигороду. И первый пунктъ просьбы былъ близокъ къ осуществленію: сначала рѣшили было сослать Богданова въ Козловъ, но вскорѣ, вслѣдствіе челобитья обвиняемаго, исполненіе этого рѣшенія было пріостановлено впредь до разсмотрѣнія дѣла.

Въ разсмотрѣнномъ случаѣ мы видимъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ борьбы сильнаго, какимъ былъ Романъ Сатинъ, со слабымъ, какимъ является Ѳедосъ Богдановъ. Борьба имѣла обычный исходъ:

сильный одержалъ верхъ надъ слабымъ, разорилъ, унизилъ его и выжилъ изъ Крапивны, хотя право было не на сторонѣ перваго. И смѣшно, и грустно читать, какъ Богдановъ, не смотря на то, что ему удалось добыть въ Москвѣ цѣлыхъ три грамоты и въ томъ числѣ «опасную съ большою заповѣдью», принужденъ былъ, испугавшись сильныхъ угрозъ энергичнаго врага, поспѣшно уѣхать опять въ Москву «съ женишкою и съ дѣтишками», бросивъ въ Крапивнѣ на произволъ Р. Сатина «свое домишко и всѣ свои животишка».

На челобитную Р. Сатина, конечно, нельзя смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣнія всего или даже большей части населенія Крапивны съ уѣздомъ: челобитная эта—дѣло рукъ Р. Сатина и его «друзей и совѣтниковъ». Едва ли подъ вліяніемъ благородныхъ побужденій эта компанія интересовалась вопросомъ о томъ, какъ Ѳедосъ Богдановъ пріобрѣлъ депутатскія полномочія—путемъ ли выбора, или путемъ воеводскаго назначенія: она освѣтила этотъ вопросъ въ своей челобитной съ той единственной цѣлью, чтобы выставить лишній аргументъ противъ «воришка, ябедника и составщика» Ѳ. Богданова; быть можетъ, при этомъ имѣлось также въ виду столкнуть воеводу, чтобы посадить на его мѣсто Р. Сатина; подтвержденіе этой догадки какъ будто можно видѣть въ томъ, что уже во второй половинѣ 1651 г. мы видимъ Р. Сатина крапивенскимъ воеводой. Едва ли Р. Сатинъ и его пріятели имѣли что-нибудь противъ того способа пріобрѣтенія депутатскихъ полномочій, на который они указали въ своей челобитной: вѣдь и самъ Р. Сатинъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Никитой Хрипковымъ сдѣлались депутатами не по выбору своей братьи, а по воеводскому назначенію. Судя по тому, что воевода Астафьевъ называется въ челобитной Р. Сатина «вѣдомымъ воришкомъ и смертнымъ убойцомъ», нужно думать, что отношенія между этими двумя господами не были проникнуты теплотой и нѣжностью. Значитъ, воевода Астафьевъ, назначая депутатами отъ служилыхъ людей Р. Сатина и Н. Хрипкова, руководился не пріятельскими отношеніями, а чѣмъ-то другимъ: можетъ быть, выборъ воеводы остановился на указанныхъ лицахъ потому, что они уже были депутатами на земскомъ соборѣ 1648—49 г.г. [1]).

Любопытно, что Ѳедосъ Богдановъ въ двухъ своихъ контръ-челобитныхъ, которыя намъ извѣстны, ни словомъ не обмолвился о томъ, что и его врагъ, Р. Сатинъ, пріобрѣлъ свои депутатскія полномочія совершенно такимъ же способомъ, какимъ получилъ ихъ онъ, Ѳ. Богдановъ; значитъ, послѣдній не придавалъ никакого значенія вопросу о способахъ пріобрѣтенія депутатскихъ полномочій.

Итакъ, Ѳ. Богдановъ былъ исключенъ изъ числа членовъ земскаго собора 1651 г. не потому, что онъ былъ назначенъ воеводой, а потому,

[1]) *В. Латкинъ.* Мат. для ист. зем. соб, XVII ст., стр. 40.

что у него нашелся сильный врагъ; не будь этого врага—онъ, по всей вѣроятности, спокойно засѣдалъ бы на упомянутомъ соборѣ вмѣстѣ со многими другими членами, такимъ же путемъ, какъ и онъ, получившими свои депутатскія полномочія [1]).

Нѣсколько иную, чѣмъ сейчасъ описанная, но тоже любопытную и довольно красочную картину выборовъ рисуютъ намъ документы, относящіеся къ собору 1648—49 г.г. Воеводская отписка сообщаетъ, что выборы въ г. Ельцѣ прошли вполнѣ гладко и обычнымъ порядкомъ: служилые люди съѣхались въ городъ, «выбрали къ Москвѣ ельчанъ Дениса Ермолова сына Шилова да Григорья Кузмина сына Перцова» и дали на нихъ «выборъ за руками».

Челобитная елецкихъ служилыхъ людей свидѣтельствуетъ, что выборы происходили совсѣмъ не такъ, какъ доносилъ воевода: оказывается, что выборовъ совсѣмъ и не было, а воевода Алексѣй Хрущовъ своей властью назначилъ депутатовъ.

Сначала воевода, «по наговору» стрѣлецкаго головы Ивана Буженинова, назначилъ депутатами на земскій соборъ ельчанъ дѣтей боярскихъ Дмитрія Снетина и Василья Козлова. Служилые люди, конечно, должны были бы указать воеводѣ на незаконность его поступка и настаивать на своемъ правѣ избирать депутатовъ. Вмѣсто того они «били челомъ» Алексѣю Хрущову, что назначеннымъ Дмитрію Снетину и Василью Козлову нельзя быть у государева и земскаго дѣла, потому что названныя лица—«ушники»: они заодно съ воеводами «продаютъ» свою братью—служилыхъ людей и «наговариваютъ» на нихъ «небылыя слова». Не смотря на то, что заявленіе было сдѣлано въ довольно почтительной формѣ, воевода отнесся къ нему очень недружелюбно: онъ набросился на вожаковъ ельчанъ—на дѣтей боярскихъ Мокея Андреева и Василья Насонова, билъ ихъ ослопомъ да полусмерти, а потомъ «вметалъ въ разбойную тюрьму», приговаривая: «вы заводъ заводите недобрый, и запись у васъ межи себя написана заговорная съ заводу». Воевода эту «запись» отнялъ и взялъ себѣ, а затѣмъ рѣшилъ сдѣлать уступку служилымъ людямъ и, вмѣсто прежнихъ лицъ, назначилъ депутатами двухъ другихъ: Дениса Шилова и Григорья Перцова. Чтобы оформить дѣло, Хрущовъ приказалъ написать «выборъ» «и къ тому выбору уѣздныхъ поповъ заставилъ руки прикладывать сильно, а не по велѣнью» служилыхъ людей. Ельчане остались недовольны и новыми депутатами на томъ основаніи, что они—люди «отводные»: когда елецкіе служилые люди били челомъ государю на «ушниковъ» Дмитрія Снетина «съ товарыщи», тогда Денисъ Шиловъ и Григорій Перцовъ были «написаны въ отводѣ, потому что они съ ними, ушниками, въ заговорѣ и во всемъ имъ помогаютъ». Чтобы имѣть вѣрное представленіе о разобранной чело-

[1]) Стт. Бѣлгородскаго ст., № 332, л.л. 3—5 и 204—207.

битной, нужно замѣтить, что ея содержаніе не ограничивается тѣмъ, что приведено выше: послѣ разсказа о выборахъ, идетъ довольно длинный перечень злоупотребленій воеводы и стрѣлецкаго головы. Очевидно, главная цѣль челобитной—добиться смѣщенія названныхъ должностныхъ лицъ.

Итакъ, протестъ елецкихъ служилыхъ людей былъ направленъ не противъ права воеводы назначать депутатовъ на земскій соборъ—они, повидимому, не отрицали за нимъ такого права — а противъ лицъ, выбранныхъ воеводой. Но если, какъ я старался доказать выше, служилые люди тяготились депутатской повинностью, то не было ли для нихъ все равно, на кого бы эта повинность ни пала? Повидимому, нѣтъ. Въ разсмотрѣнномъ случаѣ ельчане, вѣроятно, боялись, какъ бы назначенные воеводой депутаты, враждебно къ нимъ настроенные, не повредили имъ тамъ, въ Москвѣ: эти «отводные» люди могли, напр., поступить такъ же, какъ поступилъ курскій депутатъ Гавріилъ Малышевъ—могли «огласить весь городъ всякимъ дурномъ».

Любопытно, что въ Москвѣ, судя по помѣтѣ на разсмотрѣнной челобитной, обратили вниманіе на слѣдующіе три пункта: 1) на подозрительную «заводную запись», 2) на примѣненіе воеводой мучительной пытки (вбиваніе спицъ за ногти) и 3) на насильственную смерть пятисотнаго дьяка Григорья Бѣлозорова, смерть, виновниками которой были, повидимому, воевода и стрѣлецкій голова. Что касается *назначенія* дворянскихъ депутатовъ воеводой, то обстоятельству этому не придали въ Москвѣ серьезнаго значенія, даже болѣе — оставили его безъ вниманія [1]).

Мы видѣли, что нѣкоторые воеводы, отличавшіеся, должно быть, благоразуміемъ, считали нужнымъ скрывать передъ правительствомъ свое вмѣшательство въ выборы депутатовъ; другіе же не придерживались такой осторожной тактики, были болѣе откровенны и прямо заявляли въ своихъ отпискахъ, что депутатовъ назначили именно они своей властью. Вопреки мнѣнію одного изслѣдователя [2]), я думаю, что многія воеводскія отписки о выборахъ на земскій соборъ 1651 г. нужно понимать *буквально*.

Итакъ, въ результатѣ предыдущаго изложенія можно, мнѣ кажется, придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) у служилыхъ и посадскихъ людей сложился взглядъ на участіе въ земскихъ соборахъ, какъ на тяжелую службу, какъ на своего рода повинность и повинность нелегкую.

---

[1]) Стт. Бѣлгородскаго ст. № 275, л.л. 136—141 и 152—154.

[2]) *М. А. Дьяконовъ.* Очерки общ. и государ. строя др. Руси, I стр. 491. *И. И. Дитятинъ.* Къ вопросу о зем. соборахъ XVII ст. Рус. М. за 1883 г., XII, стрр. 96—97.

2) Подъ вліяніемъ такого взгляда они относились къ выборамъ довольно равнодушно, что выразилось, между прочимъ, въ абсентеизмѣ избирателей.

3) На почвѣ равнодушія избирателей выросло и окрѣпло энергичное вмѣшательство въ выборы воеводъ, которые, повидимому, нерѣдко своей властью назначали членовъ земскаго собора; поэтому многіе члены были не избранниками населенія, а депутатами по воеводскому назначенію.

Гр. Шмелевъ.

XXVII.

Историческія переживанія въ старинахъ о Суханѣ.

Въ раннихъ записяхъ старинъ,—въ Сказаніи о походѣ русскихъ богатырей на Царьградъ, XVII в. и въ Сборникѣ Кирши Данилова, XVIII в.—упоминается среди «русскихъ могучихъ богатырей» Суханъ Домантьевичъ. Эти раннія записи ограничиваются регистраціей одного имени, спеціальнаго же повѣствованія о богатырѣ нѣтъ.

Пѣсни о подвигахъ Сухана записаны гораздо позже, съ голоса сказателей, притомъ въ незначительномъ количествѣ варіантовъ. Эти устные пересказы, удаленные по времени отъ основной пѣсни, многое забыли, иное поняли и объяснили иначе, иное исказили. Порча прежде всего сказалась въ имени: Суханъ, очень распространенное въ XVI—XVII вв. имя и для старинъ отмѣченное древнѣйшими записями, въ устной передачѣ измѣнилось на: Сухмана, Сухмантія, Сухматія; Домантьевичъ дало послѣдовательно отчества: Долмантьевичъ, Одихмантьевичъ, Замантьевичъ.

По содержанію дошедшія до насъ старины о Суханѣ дѣлятся на двѣ редакціи. Къ первой слѣдуетъ отнести записи, сдѣланныя Рыбниковымъ (I, 6) и Гильфердингомъ (№ 63) въ Шальскомъ погостѣ Пудожскаго уѣзда. Ко второй—сибирскую запись на Сузунскомъ заводѣ, помѣщенную въ сборникѣ Тихонравова и Миллера (№ 54) [1]).

Обѣ старины первой редакціи совпадаютъ по схемѣ, но полнѣе и красочнѣе рыбниковская запись. Обѣ онѣ дѣлятся на двѣ части. Передамъ сначала содержаніе старины Рыбникова. Первая часть начинается описаніемъ обычнаго пира на всѣхъ князей, бояръ, богатырей,

---

[1]) Къ этому перечню слѣдуетъ прибавить: 1) двѣ старины, записанныя г. Григорьевымъ въ Архангельской г., но еще ненапечатанныя. Ими пользовалась г-жа Якубъ въ своей статьѣ о Суханѣ, помѣщенной въ Этногр. Обозрѣніи 1904. кн. 1. 2) Двѣ въ сборникѣ старинъ новой и недавней записи, изъ Саратовской г. и Якутской области. Эти пересказы безнадежно далеки отъ разбираемаго сюжета.

«и на всю паленицу удалую». Всѣ на пиру пьяны-веселы, всѣ расхвастались. Молчаливъ одинъ Сухмантій Одихмантьевичъ. Князь Владиміръ выпытываетъ, почему онъ такъ пригорюнился:

26. Али чара ти шла не рядобная,
Или мѣсто было не по отчинѣ,
Али пьяница надсмѣялся ти?

Въ отвѣтъ Сухмантій рѣшается похвастать,—обѣщаетъ привезти князю «лебедь бѣлую», не раненую, не кровавленую, а «живьемъ въ рукахъ».

Вторая часть описываетъ сборы Сухмантія на охоту. Но охота не удачна: куда онъ ни пріѣдетъ, нигдѣ нѣтъ дичи. Сухмантій призадумался: отъ исхода охоты, оказывается, зависитъ его участь, князь Владиміръ не очень то ласковъ:

61. Какъ поѣхать мнѣ ко славному городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Поѣхать мнѣ,—живу не бывать.

Тогда богатырь держитъ путь къ Нѣпрѣ рѣкѣ. Подъѣзжая, видитъ, что рѣка течетъ не по старому,—«вода съ пескомъ помутилася». Нѣпра разсказываетъ Сухмантію о несмѣтной силѣ татарской, что стоитъ на берегу и мосты моститъ для переправы:

81. Днемъ мостятъ, а ночью я повырою:
Изъ силъ матушка Нѣпра рѣка повыбилась!

Сухмантій напускается на татарскую силу, вырваннымъ дубомъ избиваетъ всѣхъ, кромѣ трехъ, укрывшихся въ прирѣчныхъ ракитахъ. Эти бѣглецы дожидаются возвращающагося съ боя богатыря и пускаютъ въ него стрѣлы. Сухмантій выдергиваетъ стрѣлы, закладываетъ кровоточивыя раны маковыми листочками, а татаръ убиваетъ.

Затѣмъ Сухмантій возвращается въ Кіевъ, гдѣ князь ждетъ не дождется бѣлой лебеди. Богатырь объясняетъ, что ему было «не до лебедушки»,—онъ отвратилъ татарское нашествіе. И вотъ, вмѣсто благодарности, князь отдаетъ приказъ—засадить героя въ глубокій погребъ. Для провѣрки разсказа Сухмантія на мѣсто побоища посылается Добрыня, который подтверждаетъ, что «правдой хвасталъ» богатырь; какъ доказательство, онъ привозитъ окровавленную «дубиночку»—оружіе Сухмантія. Тогда князь, спохватившись, велитъ вывести героя изъ темницы, обѣщаетъ за услугу миловать-жаловать

176. Городами его съ пригородкамы,
Али селамы со приселкамы,
Аль безсчетной золотой казной до люби.

Но обиженный Сухмантій замѣчаетъ, что жаловать надо во-время; онъ выдергиваетъ маковые листочки, кровь льется ручьями, и богатырь умираетъ, приговаривая:

196. Потеки Сухманъ рѣка
Отъ моя отъ крови отъ горючія,
Отъ горючія крови отъ напрасныя!

Другая старина этой редакціи, запись Гильфердинга,—плохой сохранности. Первая часть передаетъ нѣсколько сокращенно все то же, что и первая часть предыдущей. И здѣсь Сухманъ Долмантьевичъ обѣщаетъ привезти лебедушку князю «живьемъ въ руки».

Схема второй части—та же, что у Рыбникова: неудачная охота, мутное теченье матушки Нѣпры рѣки, невѣрная сила, мостящая мосты, для того чтобы Кіевъ градъ

49. . . . . огнемъ пожгатъ,
А Владимира-того во полонъ-тотъ взять.

Отъ татаръ уцѣлѣло только двое: они убѣжали и спрятались «за кустья».

Далѣе слѣдуетъ: возвращеніе Сухмана въ Кіевъ, разочарованье князя, увидавшаго богатыря съ пустыми руками, разсказъ Сухмана о подвигѣ, заключенье его въ погреба глубокіе, посылка Ильи Муромца «ослѣдовать» дѣло, подтвержденіе разсказа Сухмана и привозъ его «дубиночки», освобожденіе Сухмана изъ темницы и обѣщаніе милостей-жалованья. Одинаковъ и конецъ героя: выдернувъ маковыя листочки изъ ранъ, онъ говоритъ:

198. Протеки отъ ранъ отъ великіихъ,
Протеки Сухманъ рѣка ты кровавая!

Совпадая по схемѣ, пересказъ этотъ, однако, сильно искаженъ. Во-первыхъ пѣвецъ забылъ упомянуть о томъ, что скрывшіеся въ кустьяхъ два татарина пустили въ богатыря стрѣлы, и онъ, выдернувъ ихъ, приложилъ къ ранамъ маковые листочки. Иначе неожиданное упоминаніе въ концѣ старины о «маковыхъ листочкахъ» и о приговорѣ Сухмана рѣкѣ крови, потекшей изъ ранъ, совершенно непонятны. Чувствуя пропускъ и желая дать роль двумъ скрывшимся татарамъ, пѣвецъ между 116 и 151 стихами совершенно некстати заставляетъ ихъ встрѣтиться и вступить въ разговоръ съ Ильей Муромцемъ, при чемъ весь этотъ вставочный эпизодъ является простымъ повтореніемъ извѣстнаго мотива встрѣчи и разговора Ильи Муромца съ Идолищемъ. Подъ этимъ вліяніемъ Илья Муромецъ и заступилъ мѣсто развѣдчика Добрыни. Весь эпизодъ, такимъ образомъ,—простое повтореніе этого мотива.

Эта старина утрируетъ разочарованіе Владимира: Сухманъ

освободилъ князя отъ возможнаго полона, а тотъ негодуетъ, говоря съ ироніей:

72. Ѣздилъ ты да трои суточки,
Привезъ ты ко мнѣ нынь лебедушку,
Обѣщался кою да живьемъ въ руки,
А ни сѣраго ни малаго утеныша!

По сравненію съ предыдущей въ этой старинѣ можно отмѣтить одну подробность: князь опаляется на Сухмана и велитъ отвести его въ темницу не столько по личному побужденію, сколько по «наговору» князей-бояръ:

88. Ахъ ты, Владимиръ столенъ-кіевской!
Не надъ нами Сухманъ насмѣхается,
Надъ тобою Сухманъ нарыгается,
Надъ тобой ли нынь какъ Владимиръ князь.

Этого навѣта достаточно, чтобы князь засадилъ Сухмана въ «погреба глубокіе».

Представителямъ миѳологической школы сказаніе о Суханѣ было знакомо только въ первой редакціи. Какъ извѣстно, это эпическое лицо причислялось миѳологами къ разряду богатырей «старшихъ», но даже О. Миллеру такое опредѣленіе Сухана казалось невѣроятнымъ. Изслѣдователь этотъ находилъ въ Рыбниковской старинѣ яркіе слѣды «подновленія», выразившіеся прежде всего въ коренномъ измѣненіи характера князя Владимира. Владиміръ здѣсь скорѣе «грозный царь», чѣмъ ласковый князь. Дожидаясь лебеди на столъ княженецкій и увидя Сухана съ пустыми руками, князь приказываетъ слугамъ засадить его въ погребъ. Здѣсь, по мнѣнію О. Миллера, князь представленъ барином самодуромъ, сторонникомъ произвола, явившагося результатомъ измѣненія «порядка вещей подъ вліяніемъ Московщины». Владиміръ—московскій грозный царь, вотъ параллель, предложеная главою миѳологической школы. Такимъ же, какъ въ старинѣ о Суханѣ, изображенъ Владиміръ въ старинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ, у котораго онъ пожелалъ отнять жену. Князь, стремящійся жениться при живой женѣ, О. Миллеру казался соотвѣтствующимъ именно «многоженцу Ивану Грозному».

Черты Московщины О. Миллеръ находилъ и въ бытовыхъ деталяхъ старины. Въ полномъ, безпрекословномъ подчиненіи «вѣрныхъ слугъ» князю, одинаково исполняющихъ приказы о заключеніи въ тюрьму и объ освобожденіи, изслѣдователь видѣлъ холопство и отраженіе исторической опричнины. Въ способѣ жалованья городами съ пригородками—начало помѣстной раздачи. «Грозный» князь похожъ на историческаго Грознаго и своей подозрительностью: молчаливость Сухана на пиру для него не безразлична. Но О. Миллеръ пошелъ далѣе: все «положенье» въ старинѣ напомнило ему ту пору, когда спаситель Руси отъ

крымскихъ татаръ—кн. Воротынскій—былъ изжаренъ на углях Иваномъ IV. И историческій и старинный богатыри спасли родную землю и за это оба подверглись опалѣ и казни.

Отказавъ Сухану въ древнѣйшемъ, миѳологическомъ происхожденіи, О. Миллеръ, независимо отъ себя, раскрылъ весьма позднюю композицію сказанія. Къ указаннымъ имъ чертамъ Московщины можно прибавить только еще указаніе на мѣстничество, навѣты бояръ, вызывающіе опалу и, пожалуй, на самое описаніе пира, отражающее скорѣе пиры Грознаго, чѣмъ совершенно неизвѣстные пиры Владимира.

Главѣ миѳологической школы, однако, необходимо было признаніе въ пѣснѣ о Суханѣ древней основы, осложнившейся поздними чертами. Но разборъ этихъ наслоеній покажетъ, что и вся композиція пѣсни принадлежитъ позднему періоду.

Первая редакція старинъ о Суханѣ, какъ указано, дѣлится на двѣ части. Послѣднія соединены механически, и въ первой части замѣчается что-то недоговоренное. Дѣйствительно непонятно, почему такой могучій богатырь, какъ Суханъ, побивающій, не хуже Ильи Муромца, несмѣтную силу татарскую кряковистымъ дубомъ, вырваннымъ съ корнемъ, можетъ похвастаться только тѣмъ, что привезетъ князю бѣлую лебедь. И князь съ удовольствіемъ отпускаетъ его на охоту. Охота въ старинахъ или вводится какъ простая забава богатырская (Илья Муромецъ, Добрыня), или является особымъ видомъ промышленности (Чурило), но представленіе могучаго Сухана, собирающагося удивить князя охотой, странно [1]).

Въ дошедшихъ до насъ пересказахъ приходится считаться съ обычнымъ явленіемъ въ жизни старинъ—буквальнымъ пониманіемъ и отсюда—затемнѣніемъ поэтическаго образа. Поймать бѣлую лебедь значило—найти невѣсту. Тогда ясно, что поѣздка Сухана за бѣлой лебедью означала отправленіе за трудно достижимой и желанной добычей. Въ одной изъ старинъ о Дунаѣ (Гильфердингъ № 108), Владимиру желательна такая невѣста:

11. Походочка у ней чтобъ была павлиная,
Разговоръ чтобъ былъ лебединый.

Въ старинахъ о Данилѣ Ловчанинѣ Илья Муромецъ, укоряя князя за то, что онъ беретъ отъ живого мужа жену, говоритъ:

Изведешь ты яснова сокола,
Не пымать теѣ бѣлой лебеди.

---

[1]) Роль охотника, которую беретъ на себя Суханъ, кажется странной и г-жѣ Якубъ, пытавшейся объяснить этотъ мотивъ „однимъ изъ общихъ эпическихъ пріемовъ“; въ первоначальной редакціи, по ея мнѣнію, подробность объ охотѣ имѣла случайный характеръ.

Владимиръ поэтому и разсердился на Сухана, что тотъ похвасталъ, но не досталъ ему лебеди-невѣсты.

Сказатели позабыли символику бѣлой лебеди, отправили Сухана на реальную охоту и скомкали всю первую часть разбираемой редакціи, трактующую, слѣдовательно, какъ и многія старины—женитьбу князя Владимира. Отсюда первая часть является слабымъ воспоминаніемъ мотива о сватовствѣ, почему не можетъ считаться органичной для первой редакціи, говорящей о незаслуженной гибели спасителя-героя. Схема этой редакціи, слѣдовательно, можетъ быть представлена въ такомъ видѣ: Герой выступаетъ противъ несмѣтной татарской силы, пытающейся перейти рѣку. Бой кончается полнѣйшимъ разгромомъ врага, но побѣдитель раненъ. Остановивъ кровь, онъ возвращается въ городъ, чтобы разсказать о подвигѣ. Князь не желаетъ вѣрить разсказу и приказываетъ заключить въ темницу. Когда посланные на развѣдки подтверждаютъ справедливость показанія, князь собирается осыпать героя милостями, но—поздно. Обиженный слуга не желаетъ болѣе стоять за князя: онъ разбережаетъ раны и умираетъ отъ потери крови.

Причиной, почему къ этому сказанью присоединилось представленіе о Суханѣ—сватѣ является, повидимому, одинаковая участь его со сватомъ Владимира—Дунаемъ: оба погибаютъ, и кровь обоихъ течетъ рѣкою, носящею имя героя (Суханъ-рѣка, Дунай).

Большинство сказателей поняли и этотъ поэтическій образъ буквально и представили, что рѣка протекла *отъ крови* богатыря. Миѳологи въ причети Сухана (и Дуная) видѣли даже намекъ на миѳъ о происхожденіи рѣкъ отъ крови героевъ. Между тѣмъ здѣсь обычный мотивъ, часто встрѣчающійся въ воинскихъ повѣстяхъ: кровь изъ ранъ льется рѣкою. Въ повѣсти о разореніи Рязани Батыемъ сказано: «Течаше кровь крестьянская, яко рѣка сильная». Еще ближе къ старинѣ описаніе въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ: «сильни полки съступишася, *изъ нихъ же вытекаютъ кровавые ручьи*... льющеся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны».

Въ основѣ первой редакціи сказанія о Суханѣ лежитъ, слѣдовательно, мотивъ опалы князя на побѣдителя и смерти послѣдняго. Чему же поэтической иллюстраціей можетъ служить это сказаніе? Отвѣтъ слѣдуетъ искать въ воспоминаніи о любомъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ эпохи Грознаго, которымъ даетъ общую оцѣнку князь Андрей Курбскій: «Побіени жъ отъ него стратилаты, або ротмистры мнози, *мужіе храбрые и искусные въ военныхъ вещахъ*... (слѣдуютъ имена). Такожде и отъ рязанскія шляхты благородныхъ мужей, зацныхъ въ родѣхъ, мужественныхъ же и храбрыхъ и славными заслугами украшенныхъ, Данила Чулкова и *другихъ нѣкоторыхъ искусныхъ полянищъ* и воеводителей, *вкратцѣ же рещи,—пагубниковъ басурман-*

скихъ, а оборонителей крайнъ христіанскихъ, и ротмистра, нарочитаго въ мужествѣ Ѳеодора Булгакова съ братіями ихъ и со другими многими единоплеменными всероднѣ погублено...»

Еще болѣе близокъ къ разсматриваемой редакціи передаваемый Курбскимъ эпизодъ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ, эпизодъ, о которомъ вскользь упомянулъ О. Миллеръ. Перекопскій царь со всей силой бусурманской пошелъ на Русь, желая разорить ее окончательно. Грозный бѣжалъ въ Новгородъ, (гдѣ пировалъ на свадьбѣ своего шурина Колтовского), а землю боронить повелѣлъ Воротынскому. Крѣпкій и мужественный воевода началъ великую битву «съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ». Нѣсколько дней длился бой, кончившійся полнѣйшимъ разгромомъ татаръ и плѣненіемъ знатныхъ вельможъ. Добытые трофеи князь отправилъ къ тому «хоронякѣ и бѣгуну», который былъ храбръ только съ тѣми, кто ему не противился. «Что же воздалъ за сію ему службу?»—спрашиваетъ Курбскій. Подыскавъ лжесвидѣтеля, Иванъ IV по навѣту его предалъ героя лютому мученью, а потомъ повелѣлъ отвезти «въ темницу на Бѣлое озеро», но князь умеръ. И вотъ, «за оную пресвѣтлую побѣду надъ бусурманы, ее же произвелъ еси и поставилъ мужествомъ храбрости своея..., сподобился еси мзду премногую получити, еже пострадалъ еси неповиннѣ отъ онаго кровопійцы».

Не являясь отраженіемъ именно этого факта, сказанье о Суханѣ все же является болѣе близкимъ отголоскомъ подобнаго рода поступковъ Ивана Грознаго, чѣмъ того лѣтописнаго извѣстія о Демьянѣ Куденевичѣ, съ которымъ сближали Сухана сначала проф. Халанскій, потомъ г-жа Якубъ [1]).

Сказаніе о подвигахъ переяславскаго богатыря Демьяна Куденевича занесено въ видѣ двухъ отрывковъ въ Никоновскую лѣтопись. Съ стариной о Суханѣ сближается, обыкновенно, второй отрывокъ, разсказывающій о смерти переяславскаго героя.

Къ Переяславлю подошли половцы, ночью, неожиданно. Демьянъ Куденевичъ одинъ выѣхалъ изъ города, безъ оружія, много убилъ враговъ, но и самъ, бывъ раненъ, вернулся въ городъ. Враги со страху убѣжали. Когда Демьянъ почувствовалъ себя хуже, великій князь Мстиславъ Изяславичъ поспѣшилъ къ нему съ дарами и «властью», но герой умеръ со словами: «О суетія человѣческаго! кто мертвъ сый желаетъ дароваңья тлѣннаго и власти погибающія!»

Халанскій усматривалъ параллель между Суханомъ и Демьяномъ въ томъ, что оба они, безъ ратнаго вооруженія, съ первымъ попавшимся оружіемъ, вышли на бой съ врагами и побѣдили, оба получили раны,

[1]) Первый въ своей диссертаціи: „Великорусскія былины кіевскаго цикла“, глава V; вторая—въ указанной раньше статьѣ.

обоимъ была обѣщана награда. Суханъ былъ обиженъ княземъ и отказался отъ чести; въ отвѣтѣ Демьяна изслѣдователю чувствовалось какое-то недовольство, разочарованье.

Но въ сказаніи о Демьянѣ нѣтъ какъ разъ главнаго мотива—недовѣрія князя къ совершенному подвигу. Психологія Сухана опредѣляется обидой на незаслуженную опалу. Пѣсня именно эту обиду желала подчеркнуть причетью Сухана ручьямъ текущей изъ ранъ крови. Демьянъ между тѣмъ—признанный герой: онъ сражался на виду у города, по немъ былъ «отъ всѣхъ» великій плачъ. Его отказъ отъ награды—самолюбиво-смиренный. Впрочемъ и проф. Халанскій признавалъ мало убѣдительнымъ выставленное имъ сходство, считая сказанье о Демьянѣ не «историческимъ подлежащимъ» старинъ о Суханѣ, а отраженіемъ одного общаго эпическаго мотива.

Другой изслѣдователь старины о Суханѣ [1]) не согласенъ съ осторожнымъ предположеніемъ проф. Халанскаго и категорически утверждаетъ, что народное сказанье XII вѣка о Демьянѣ Куденевичѣ послужило основаніемъ для разсматриваемой старины, куда вошло со многими основными подробностями. Въ основѣ сказанья о Суханѣ лежитъ, такимъ образомъ, не эпическій мотивъ, а историческій фактъ—битва Черниговскихъ князей и половцевъ съ великимъ княземъ Ярополкомъ Владимировичемъ на рѣкѣ Супоѣ въ 1136 г. Въ этой битвѣ погибъ какой-то кіевскій храбръ, по имени Демьянъ, который долженъ быть, по мнѣнію изслѣдователя, однимъ лицомъ съ Демьяномъ Куденевичемъ. Вышеприведенный разсказъ о послѣднемъ авторъ считаетъ вполнѣ совпадающимъ по схемѣ со старинами о Суханѣ.

Однако самъ авторъ долженъ былъ признать, что сказанія о Демьянѣ нѣтъ въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ,—Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ. Въ нихъ всего естественнѣй слѣдовало бы ему находиться, между тѣмъ онъ читается только въ поздней Никоновской лѣтописи. Главное же—авторъ не обратилъ вниманія на хронологію: Демьянъ погибъ на рѣкѣ Супоѣ въ 1136 г., а Демьянъ Куденевичъ умеръ отъ ранъ въ Переяславлѣ въ 1148 году. Отсюда вытекаетъ, что Демьянъ обѣихъ лѣтописныхъ записей не одно и то же лицо, или что Никоновская лѣтопись воспользовалась какимъ-то эпическимъ матеріаломъ для иллюстраціи событій 1136 и 1148 гг.

Перехожу ко второй редакціи.

Первая редакція сказанія о Суханѣ для сказателей представляла два интересныхъ момента: 1) битву съ врагами, разгромъ ихъ и пораненіе героя; 2) недовѣріе князя и опалу, вызвавшія обиду и смерть героя. Въ послѣдовательной жизни старины второй моментъ, какъ за-

---

[1]) Г-жа Якубъ.

ключавшій въ себѣ извѣстную мотивировку, долженъ былъ забываться легче, чѣмъ первый, внѣшняя красочность котораго не только легко удерживалась въ памяти, но и охотно подновлялась. Примѣромъ такого подновленія сюжета служитъ единственная старина, представляющая вторую редакцію.

Суханьшѣ Замантьеву, выѣхавшему на охоту, случилось доѣхать «до быстра Днѣпра». Днѣпръ течетъ не по старому, разгулялся, какъ въ половодье, несетъ на себѣ лѣсъ и коней «со всей приправой молодецкою». На вопросъ Суханьши Днѣпръ сообщаетъ о несмѣтной силѣ «Мамая безбожнаго», который идетъ на Кіевъ и на домъ Пресвятыя Богородицы. Сила Мамаева—громадна:

23. Черному ворону въ ночь силы не скаркати,
Сѣрому волку въ ночь не обрыскати,
Доброму молодцу въ день не объѣхати.

У Суханьши расходилось сердце: онъ напускается на силу, бьется трое сутокъ,

33. Навалитъ труповъ коню до стремени,
Горячей крови до подчереза.
Въ трупахъ конь не можетъ поскакивати,
Горячей крови прорыскивати.

Самъ герой—раненъ; много получилъ онъ ударовъ и среди нихъ—три кровавыхъ сердечныхъ раны. Онъ удаляется съ побоища

43. На то болото зыбучее,
Ко той кочкѣ болотинной.
Клалъ сѣделышко черкасское
На ту кочку болотную,
Подъ облако поплавучее,
И клалъ свою буйну голову
На сѣделышко на черкасское.

Въ такомъ состояніи находитъ его Владимиръ князь. Узнавъ, кто—этотъ раненый герой, князь «соскакивалъ съ добра коня» и «велъ» героя въ Кіевъ, къ соборной церкви, гдѣ Суханьша переставился.

Старина этой редакціи не касается вовсе отношеній князя къ Сухану, и самъ Владимиръ выступаетъ здѣсь въ исключительной роли. Найдя Сухана, онъ обращается къ нему съ такими словами:

54. Какой ты есть и откудова?
Если вѣрной силы, побратаемся,
А невѣрной силы, перевѣдаемся.

Это обычное обращеніе богатырей при встрѣчахъ другъ съ другомъ нигдѣ не прилагается ко Владимиру.

Въ виду единственнаго пересказа нельзя судить, въ какой мѣрѣ вторая редакція сохранила основную пѣсню. Со схемой первой редакціи

она совпадаетъ въ представленіи Днѣпра разлившейся рѣкою, въ разсказѣ Днѣпра, битвѣ и пораненіи Сухана. Причиной забвенія другихъ частей схемы, какъ было указано, послужило перенесеніе центра вниманія на бой богатыря съ врагами и его пораненіе. Редакторъ занялся спеціальной отдѣлкой этого мотива и ввелъ въ старину нѣсколько любопытныхъ подробностей.

Прежде всего, рать, идущая на Кіевъ и домъ Пресвятой Богородицы названа въ этой редакціи силой Мамая безбожнаго. О Мамаѣ безбожномъ существуетъ сказка, источникомъ для которой послужила одна изъ редакцій повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Упоминаніе о Мамаѣ—не случайно. Въ разбираемой старинѣ отразились какъ вообще книжные мотивы, такъ и въ частности—повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ.

Описаніе многочисленности татарской силы весьма близко къ соотвѣтствующему описанію силы Батыя, обступившей Кіевъ, въ старинахъ о Василіи Игнатьевичѣ и Батыѣ:

45. А той ли той да силы счету нѣтъ,
А той ли той да силы смѣту нѣтъ:
Соколу будетъ летѣть да на меженный долгій день,
А малою то птички не облетѣть [1]).

Этой многочисленностью рати и объясняется, почему рѣка Днѣпръ выступила изъ береговъ своихъ, какъ весною въ половодье.

Оба эти мотива постоянны въ воинскихъ повѣстяхъ. Параллель первому можно найти въ 3 редакціи поэтической повѣсти объ Азовскомъ сидѣніи: «Отъ крыку ихъ бусорманскаго и отъ конскаго ржанія, отъ такихъ ихъ великихъ силъ не можетъ *птица ни мала, ни велика вверхъ подятися*» [2]). Второе описаніе—очень часто въ различныхъ редакціяхъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ: «Великое жъ то поле Куликово прегибающеся; рѣкы жъ выступаху изъ мѣстъ своихъ». Или: «река Непрядна аки весною разлияся».

Горы труповъ, среди которыхъ не можетъ конь поскакивать, но въ крови по колѣна бродитъ,—мотивъ также частый. Въ Повѣданіи о Мамаевомъ побоищѣ (писаніе Софоніи): конь «въ крови по колѣни бродитъ». Въ Сказаніи о томъ же: «черезъ трупы борзъ конь не можетъ скочити, а въ крови по колѣни бродяху».

Книжный характеръ старины никакъ не можетъ заставить считать ее наиболѣе древнимъ изводомъ. Подходя по формальнымъ особен-

---

[1]) У Гильфердинга № 60 Ср. дальнѣйшую переработку мотива:
35 Колько было де въ лиси лѣсу стоячево,
На лѣсочку то прутья вѣсучево,
Да на прутьицахъ листьица зелененькаго,
Только у Батыги было силы нагонено. (Гильф. № 258).

[2]) Текстъ съ комментаріями изданъ А. С. Орловымъ.

ностямъ вообще къ книжнымъ воинскимъ повѣстямъ, разбираемая старина кромѣ того можетъ указать на опредѣленный источникъ. Недаромъ въ ней, какъ я говорилъ, упоминается о Мамаѣ безбожномъ.

Въ повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ, въ различныхъ редакціяхъ, почти одинаково разсказывается эпизодъ о пораненіи Дмитрія Ивановича въ бою съ татарами. Не смотря на уговоры князей-бояръ, великій князь рѣшилъ биться съ врагами, какъ простой воинъ, въ первыхъ рядахъ. Во время боя онъ былъ раненъ «тремя татарами» и «нужею склонился съ побоища»,—изнемогая отъ ранъ, вышелъ изъ рядовъ сражающихся. Битва кончилась побѣдой, но виновника торжества не находилось. Воины разсыпались по побоищу, долго искали великаго князя среди труповъ. Наконецъ двоимъ удалось увидать его, вдали отъ поля, прилегшимъ подъ «сѣченымъ деревомъ березою», раненымъ, но живымъ. Быстро дали знать двоюродному брату великаго князя, и князь Владиміръ Андреевичъ поспѣшилъ къ уединенной березѣ, чтобы помочь и поздравить Дмитрія съ побѣдой.

Раненый Суханъ также склоняется съ побоища въ уединенное мѣсто, къ болотинной кочкѣ, т.-е. туда, куда трудно проникнуть. Тамъ онъ кладетъ «буйну голову» на черкасское сѣделко. Ситуація одна и та же. Параллель можно продолжить указаніемъ на то, что и Сухана находитъ «князь Владиміръ», охарактеризованный иначе, чѣмъ вообще въ старинахъ.

Популярное сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ было особенно распространено въ той редакціи, которая помѣщена въ Синопсисѣ. Изъ послѣдняго вышла сказочная переработка. Приведенный разсказъ о пораненіи великаго князя Дмитрія въ народной сказкѣ еще ближе къ соотвѣтствующему въ разбираемой старинѣ [1]).

Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ напускается на силу Мамая безбожнаго, какъ острая коса въ мягкой травѣ въ пору сѣнокосную: куда проѣдетъ на конѣ—тамъ улица, поворотится—переулочекъ, оборота на конѣ даетъ—площадью силу сдѣлаетъ. (Это общее мѣсто характерно потому, что оно—постоянно при описаніи боя Сухана). Не въ моготу стало биться задонскому князю: забрызгалъ онъ свои очи поганою кровью татарскою, тутъ у него и свѣтъ выбрало—отемнѣлъ. (Такъ сказка объясняетъ пораненіе Дмитрія тремя татарами). Законался онъ своему коню доброму: «Увези ты меня конь отъ скорыя смерти!» Поднимался конь—только топъ стоитъ. Привозилъ онъ князя въ поле чистое, къ кудрявой березѣ, а опричь той кудрявой березки въ полѣ нѣтъ ни лѣсинки. Законался тогда князь своему коню: «Побѣгай мой добрый конь въ чистыя поля, въ широкіе луга, ѣшь шелкову траву,

---

[1]) См. Сказки Аѳанасьева № 182. „Про Мамая безбожнаго“.

пей свѣжую воду; не достанься мой добрый конь поганому Мамаю безбожному, псу смердящему». «На этой березѣ» и нашелъ великаго князя «русскій посолъ Захарій Тютринъ». (Сказка вмѣсто князя Владимира, двоюроднаго брата Дмитрія, пользуется именемъ излюбленнаго героя редакціи Синопсиса, посла Захарія Тютрина).

Такимъ образомъ изображеніе раненаго въ бою богатыря подновлялось матеріаломъ книжной повѣсти, разсказывавшей также о пораненіи бившагося съ татарами героя. Вторая редакція, сохранившая эпизодъ боя и пораненія, обработала его согласно соотвѣтствующему книжному,—говорившему о такомъ же боѣ и пораненіи героя Куликовской побѣды. Обычнаго конца—причети Сухана—нѣтъ въ этой редакціи, такъ какъ она совершенно не касается отношеній служилаго богатыря къ своему князю. Завися отъ книги, эта обработка въ широкой степени воспользовалась вообще книжными мотивами для своихъ описаній.

Изложенная сказка записана въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, т.-е. почти тамъ же, гдѣ записана г. Марковымъ старина о Суханѣ [1]). Записанная отъ сказательницы Крюковой, старина эта, какъ и всѣ ея репертуара, своеобразна. Многословная и, если можно такъ выразиться, со склонностью растолковывать сюжетъ старина эта, какъ ни странно, представляетъ сводку всѣхъ представленныхъ выше мотивовъ. Сказательница сама дала понять свою работу, какъ сводчика, заявленіемъ: «Думаю, не всю спѣла, гдѣ все запомнить». По схемѣ пересказъ Крюковой вполнѣ соотвѣтствуетъ рыбниковской записи первой редакціи, подлинныя выраженія которой часто повторяетъ. Сухматій Сухматьевичъ сидитъ на пиру—всѣ хвастаются—вопросъ князя Владимира, почему Сухматій молчитъ—вызовъ привести живую лебедь. Та же схема и во второй части: сборы на охоту—разговоръ о татарахъ съ Нѣпрой, которая вырываетъ мосты—бой съ татарами дубиночкой—пріѣздъ въ Кіевъ—разочарованье князя—отвѣтъ Сухматія, почему ему было «не до лебедушки» (ср. Рыбникова)—приказъ посадить въ темницу — посылка Добрыни — обѣщанье милостей — выдергиваніе листковъ—причеть рѣкѣ крови.

Совпадая съ основной стариной о Суханѣ, разбираемая пѣсня имѣетъ двѣ особенности.

Вмѣсто укрывшихся татаръ, подстерегающихъ Сухана, здѣсь фигурируетъ «Идолишо поганое», которое ранитъ богатыря. Эта вставка во-первыхъ не складна по изложенію:

71. Онъ стрѣлялъ то все въ дородня добра молодца
А въ того ли то въ Сухматія Сухматьевича;

---

[1]) Въ его собраніи № 11.

Онъ направилъ свою все *калену стрѣлу*,
Онъ просьтрѣлилъ у ево да все какъ правой бокъ;
Ише вышла *пуля-та* все въ лѣвой бокъ.

Во-вторыхъ,она помѣщена не на мѣстѣ. Оказывается, что раненый Суханъ «спалъ» съ коня, обложилъ раны листьями, а потомъ взялъ дубину, и побилъ татаръ всѣхъ до единаго.

Въ-третьихъ, присутствіе Идолища поганаго здѣсь странно потому, что выше, при разборѣ 1 редакціи, мною указано на вставочный эпизодъ разговора татаръ съ Ильей Муромцемъ, заимствованный какъ разъ изъ старины объ Идолищѣ поганомъ. Органической вставка эта быть не могла въ старинѣ Гильфердинга, совпаденіе же реминисценцій кажется подозрительнымъ.

Вторую особенность представляетъ конецъ разбираемой старины. Неучествованный Суханъ выражаетъ желаніе ѣхать «во чисто поле». Тамъ онъ отдергиваетъ отъ ранъ листочки и приговариваетъ:

151. Ужъ ты гой еси, мои раны кровавыя!
Протеки-тко се изъ ранъ да все Сухманъ-рѣка.

Вслѣдъ за этимъ (кстати сказать совершенно непонятымъ) образомъ, Суханъ обращается къ своему коню со словами, *буквально* повторяющими обращеніе къ коню въ сказкѣ Аѳанасьева, цитированное выше:

160. Ужъ ты конь, ты все конь, моя лошадь добрая!
Ты не стой, не плащь у тѣла богатырьского,
Ты поди ко се, бѣги да куды хошь поди,
Во луга ступай поди да во зеленыя,
Ты питайсе-ко все травой шелковою,
Ходи пей-ко-се ключову-ту сьвѣжу воду.

Здѣсь — примѣръ продолжающагося вліянія обработокъ Мамаева побоища на старины о Суханѣ. Внѣ этого эпизода въ пересказѣ Крюковой нѣтъ ни малѣйшаго указанія на обработку, подобную второй редакціи.

Незначительное количество варіантовъ не позволяетъ провести далѣе анализа этой очень интересной старины. Весьма вѣроятно только, что первая редакція представляетъ пѣсню наименѣе разрушенной и отразившей на себѣ отношенія Грознаго къ своимъ воеводамъ. Волнеръ (съ мнѣніемъ котораго не согласился проф. Халанскій), исходя изъ сантиментальнаго характера этой старины, признавалъ на ней «литературное вліяніе и притомъ, вѣроятно, позднѣйшаго времени». Съ извѣстной точки зрѣнія это приложимо именно ко 2 редакціи.

С. Шамбинаго.

XXVIII.

Земельныя нужды русской деревни по крестьянскимъ наказамъ въ Екатерининскую законодательную Комиссію 1767 г.

Для изслѣдователей русскаго общества второй половины XVIII в. депутатскіе наказы въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г. являются богатѣйшимъ источникомъ для характеристики сословныхъ отношеній въ Россіи на порогѣ царствованія Екатерины II. Въ этихъ наказахъ свободное русское населеніе должно было дать императрицѣ руководящую нить для составленія проекта новаго Уложенія и познакомить правительственныя сферы съ коренными недостатками провинціальной жизни.

Привезенные депутатами изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ имперіи, наказы дѣйствительно развертываютъ передъ нами грандіозную картину разнообразныхъ житейскихъ отношеній, какъ они сложились къ серединѣ 60-хъ г.г. XVIII в. При чтеніи ихъ передъ нами встаетъ тогдашняя провинціальная Россія безъ всякихъ оффиціальныхъ прикрасъ во всей своей неприглядной, но вполнѣ конкретной дѣйствительности. Подобное же впечатлѣніе отъ изученія матерьяловъ своей законодательной комиссіи получила и сама императрица Екатерина, выразивъ его въ одной изъ своихъ записокъ слѣдующими словами: „Комиссія Уложенія подала Намъ совѣтъ и свѣдѣнія съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно“.

Воспитанная на твореніяхъ западно-европейской просвѣтительной философіи, всецѣло проникнутой принципами раціонализма, Екатерина мечтала дать Россіи новое законодательство, составленное по указаніямъ разума. Для того же, чтобы новые законы были въ духѣ народнаго умоначертанія, она предписала депутатамъ привезти отъ избирателей наказы о ихъ нуждахъ и недостаткахъ. Призванное къ выборамъ манифестомъ 14 декабря 1767 г., свободное русское населеніе и постаралось высказать въ наказахъ свои сословныя пожеланія, можетъ быть иногда сгу-

щая краски при характеристикѣ бытовыхъ отношеній, существовавшихъ въ то время въ русской провинціи. Никогда еще до этого времени отдѣльныя сословія въ Россіи не имѣли возможности одновременно такъ полно и подробно изложить свои горести и печали и выразить правительственнымъ сферамъ свои общественные идеалы.

Русская историческая наука только съ конца 60-хъ г.г. XIX в., получила возможность ознакомиться во всей полнотѣ съ матерьялами законодательной комиссіи 1767 г., когда Имп. Рус. Ист. Общество взяло на себя ихъ изданіе. Постепенно были опубликованы сперва дворянскіе, городскіе и, лишь въ самое послѣднее время, крестьянскіе наказы. Этимъ сравнительно позднимъ изданіемъ депутатскихъ наказовъ отъ свободнаго крестьянскаго населенія и объясняется тотъ фактъ, что еще до сихъ поръ основныя пожеланія русской деревни середины XVIII в. не подвергнуты были спеціальной обработкѣ въ нашей исторической литературѣ. Правда, В. И. Семевскій для IIт. своего капитальнаго изслѣдованія, „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“ пользовался отчасти крестьянскими наказами 1767 г., но онъ не изучалъ ихъ во всей полнотѣ, выбирая изъ нихъ только отдѣльныя мѣста для иллюстраціи положенія различныхъ группъ тогдашняго сельскаго населенія.

Въ настоящей статьѣ мы и дѣлаемъ попытку восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, пользуясь тѣми наказами, которые вошли въ составъ 115 и 123 т. т. Сборника Рус. Ист. Общ., хотя этотъ матерьялъ и далеко не охватываетъ всего громаднаго количества присланныхъ въ комиссію крестьянскихъ наказовъ. Однако и по этой сравнительно небольшой части изданныхъ крестьянскихъ наказовъ можно составить довольно полное впечатлѣніе о существенныхъ нуждахъ и пожеланіяхъ свободнаго сельскаго населенія Европейской Россіи [1]), начиная съ отдаленныхъ уѣздовъ поморскаго сѣвера и кончая предгорьемъ Кавказа и южными частями Астраханской губерніи. *).

По составленному императрицей Екатериной обряду выборовъ слѣдующіе разряды свободнаго сельскаго населенія должны были прислать отъ себя депутатовъ въ законодательную комиссію: 1) однодворцы, 2) пахотные солдаты и старыхъ службъ служилые люди, содержащіе ландмилицію, 3) черносошные и ясачные крестьяне, 4) инородцы крещеные и некрещеные и 5) казацкія и запорожскія войска. Отъ каждой изъ этихъ группъ сельскихъ обывателей долженъ былъ быть избранъ одинъ депутатъ отъ каждой провинціи. Для его избранія прежде всего выби-

---

[1]) Наказы отъ инородческаго и русскаго земледѣльческаго населенія Сибири пока еще не изданы Рус. Ист. Общ.

*) Въ своемъ очеркѣ мы сосредоточиваемъ преимущественно наше вниманіе на анализѣ поземельныхъ отношеній въ русской деревнѣ XVIII в., поскольку они выясняются изъ изученія крестьянскихъ наказовъ 1767 г.

рался уѣздный повѣренный, а для выбора сего послѣдняго назначался повѣренный отъ каждаго погоста. Выборъ погостнаго повѣреннаго дѣлался сообразно обыкновеніямъ каждой мѣстности; но погостамъ предоставлялось на ихъ волю присылать или не присылать повѣреннаго. Право выбора имѣлъ всякій, владѣвшій въ погостѣ домомъ и землею; въ повѣренные же избирались лица, имѣвшіе недвижимую собственность, и сверхъ того, женатые и имѣющіе дѣтей, не моложе 30 лѣтъ, и не бывшіе въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ и явныхъ порокахъ, но добраго и незазорнаго поведенія [2]). Погостные повѣренные получали отъ своихъ избирателей довѣренныя письма за подписью священника и не менѣе, чѣмъ семи домохозяевъ погоста. Эти письма съ изложеніемъ нуждъ и недостатковъ даннаго погоста вручались уѣздному повѣренному, который въ свою очередь передавалъ ихъ провинціальному депутату.

По словамъ проф. В. И. Сергѣевича „дѣйствительность не оправдала предначертаній императрицы. Однодворцы тоже содержали ландмилицію, а потому писали иногда наказы вмѣстѣ со служилыми людьми старыхъ службъ и съ пахотными солдатами, а черносошные крестьяне— отдѣльно отъ ясашныхъ, крещеные инородцы также отдѣльно отъ инородцевъ некрещеныхъ, такъ какъ ихъ нужды и недостатки не во всемъ совпадали“ [3]). Такимъ образомъ на практикѣ отдѣльныя группы сельскаго населенія не были такъ разграничены другъ отъ друга, какъ то предполагала императрица, и при выборахъ одна избирательная курія нерѣдко сливалась съ другой. Что касается тѣхъ наказовъ, которые должны были отразить въ себѣ основныя пожеланія русской деревни въ моментъ производства выборовъ, то ихъ было прислано въ Комиссію болѣе 1000, что объясняется отсутствіемъ сводныхъ наказовъ по цѣлой провинціи.

„Повѣренные отъ волостей и погостовъ, говоритъ В. И. Семевскій, просто передавали свои довѣренности уѣзднымъ повѣреннымъ, а тѣ въ свою очередь—выбранному ими провинціальному депутату, иногда, впрочемъ, присоединяя къ тому и довѣренности отъ крестьянъ всего уѣзда, своднаго же наказа отъ цѣлой провинціи не было представлено ни одного“ [4]). Такимъ образомъ каждый изъ провинціальныхъ депутатовъ привозилъ съ собой цѣлый ворохъ погостныхъ и уѣздныхъ наказовъ, изъ которыхъ многіе часто буквально были сходны между собой. Такъ, депутатъ Велико-Устюжской провинціи привезъ 192 наказа, или довѣренности отъ черносошныхъ крестьянъ, да еще 16 отъ половниковъ [5]).

---

[2]) См. Сб. Р. И. О. IV, 7 стр.

[3]) Сб. Р. И. О. CXV, стр. I.

[4]) В. И. Семевскій „Крестьяне въ царств. Имп. Ек. II“ т. II, стр. 434. СПБ. 1901 г.

[5]) Ibid. стр. 604. Всего крестьянскихъ наказовъ въ Комиссію было подано 1093.

Конечно, не всѣ села и деревни одинаково откликнулись на призывъ Екатерины, тѣмъ болѣе, что сама императрица предоставляла на волю избирателей принять участіе въ выборахъ или уклониться отъ нихъ. Естественно, что нѣкоторые погосты и волости воспользовались этимъ разрѣшеніемъ и не отправили своихъ уполномоченныхъ на общеуѣздный съѣздъ. Но отъ этого нисколько не тускнѣютъ яркія краски той картины крестьянскихъ жалобъ и пожеланій, которая развертывается передъ нами при чтеніи депутатскихъ наказовъ. Слишкомъ много было общихъ больныхъ мѣстъ въ жизни русской деревни XVIII в., такъ что то, что замалчивалось наказами однихъ погостовъ или волостей, дополнялось довѣренными письмами другихъ сосѣднихъ избирательныхъ единицъ. Иногда жители погоста даже мотивировали тѣмъ или инымъ способомъ свое уклоненіе отъ участія въ выборахъ: „Въ нашемъ Семежскомъ Усольѣ“,— читаемъ въ одномъ заявленіи черносошныхъ крестьянъ Мезенскаго уѣзда,—„погоста не имѣется, только черносошныхъ крестьянъ и съ записными раскольниками всего пятнадцать душъ, и по такому малоимѣнію для выбору уѣзднаго повѣреннаго, мы отъ себя повѣреннаго не желаемъ, а о нуждахъ и недостаткахъ во всемъ утверждаемся на Кузнецовую слободку [6]). Рядомъ съ указаніемъ на малолюдство поселка избиратели нерѣдко выставляли и другіе мотивы для объясненія своего нежеланія избрать погостнаго повѣреннаго и составить ему наказъ о своихъ нуждахъ. Такъ, въ наказъ уѣзднаго повѣреннаго Двинскаго уѣзда было включено представленіе сотскаго и крестьянъ бывшей вотчины Антоніева Сійскаго монастыря о томъ, „что у насъ никакихъ нуждъ къ проекту новаго уложенія не имѣется; въ томъ мы сотскій и крестьяне подъ симъ и подписуемся“. [7]).

Какъ извѣстно, за единицу, отъ которой должны были производиться выборы и составляться наказы, „Обрядъ“ принималъ погостъ, но это предписаніе не могло быть выполнено на практикѣ, такъ какъ погосты, какъ административныя подраздѣленія уѣзда, встрѣчались только въ Новгородскомъ краю и были совсѣмъ неизвѣстны остальнымъ провинціямъ Екатерининской Россіи. Поэтому большинство крестьянскихъ наказовъ составлено не отъ погостовъ, а отъ селъ и деревень. Дворцовые крестьяне Важескаго уѣзда Шенкурской четверти подали свой наказъ отъ „Афанасьевской и Есиповской боярщинъ“ [8]). Этотъ бытовой терминъ „боярщина“, сохранившійся въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ, мысленно переноситъ насъ изъ второй половины XVIII в. въ эпоху новгородской вольницы, когда въ Важескомъ и Шенкурскомъ краю, какъ и въ другихъ

---

[6]) Сб. Р. И. О. CXXIII стр. 51. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ римской цыфрой мы будемъ обозначать данный томъ Сборника, а арабской—страницу.

[7]) CXXIII, 22.

[8]) CXXIII, 68.

мѣстностяхъ поморья, было разбросано много крупныхъ владѣній новгородскихъ бояръ, которыя въ актовомъ матерьялѣ обыкновенно носятъ названіе „боярщинъ“.

Среди наказовъ даже попадаются единоличныя заявленія, напр. вродѣ наказа Устюжскаго уѣзда отъ мельника Прозоровскаго при деревнѣ Пенье, живущаго въ услуженіи у устюжскихъ купцовъ и деревенскихъ владѣльцевъ Вас. Кабкова и Ѳед. Онушкова [9]).

Уполномоченные выбирались на „мирскомъ воловомъ сходѣ“, и имъ давались наставленія „со изъясненіемъ о нашихъ крестьянскихъ нуждахъ и недостаткахъ и отягощеніяхъ“ [10]). При составленіи наказовъ крестьяне всецѣло проникнуты были значительностью того новаго положенія, въ которое поставилъ ихъ избирательный манифестъ 14 декабря 1766 г., и объявляли „состоящія въ народѣ нужды и отягощенія въ силу присяжной должности, памятуя будущую жизнь“ [11]).

Далеко не всѣ сельскіе избиратели одинаково ясно представляли себѣ, на какихъ началахъ должно покоиться зданіе обновленнаго русскаго законодательства. Въ нѣкоторыхъ наказахъ вполнѣ откровенно высказывается мнѣніе, что составленіе законовъ вовсе не по плечу сѣрой массѣ деревенскаго люда тогдашней Россіи. Становясь втупикъ передъ такимъ неслыханнымъ и важнымъ дѣломъ, какимъ являлось сочиненіе проекта новаго уложенія, обитатели отдаленныхъ медвѣжьихъ угловъ, какъ сѣверной, такъ и южной Россіи, нерѣдко возлагали эту новую, вышавшую на ихъ долю, трудную обязанность на свое ближайшее начальство. Такъ, черносошные крестьяне трехъ волостей Важескаго уѣзда дали довѣренность своему погостному выборщику, избранному „для выбора къ сочиненію проекта новаго уложенія уѣзднаго повѣреннаго въ томъ, что всѣ нынѣ мы свои нужды и недостатки пологаемъ на наши главныя команды, въ чемъ и подписуемся“. [12]) Ту-же мысль, только еще болѣе якро формулированную, встрѣчаемъ въ наказахъ Гребенскаго, Кизлярскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, при чемъ составители ихъ стараются подчеркнуть, что сочиненіе новаго законодательнаго кодекса цѣликомъ входитъ въ компетенцію высшихъ правительственныхъ сферъ. „Что же касается до сочиненія проекта новаго уложенія, то мы, всеподданнѣйшіе рабы, повергаемъ себя въ высочайшее Е. И. В. Матернее соизволеніе, и какою матернею оное для всего государственнаго общества и пользы утверждено и освящено будетъ, оное зависитъ отъ высокаго соизволенія“. [13]).

---

[9]) CXXIII, 94.
[10]) Ibid. 78, 79.
[11]) Ibid. 286.
[12]) CXXIII, 67.
[13]) CXV. 469, 491.

Если въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ сельскіе обыватели всячески старались избавиться отъ трудной и непривычной роли законодателей и подавали заявленія о своемъ нежеланіи взять на себя эти непривычныя обязанности, то въ другихъ селахъ и деревняхъ тогдашней Россіи попадались составители наказовъ, которымъ удавалось подняться до принципіальной высоты и съ общегосударственной точки зрѣнія опредѣлить основныя положенія будущей Уложенной книги. „Нечего больше сказать къ прямому сохраненію закона“,—читаемъ въ наказѣ ясашныхъ татаръ Казанскаго уѣзда,—„когда онъ только въ томъ состоять будетъ, чтобъ кто себѣ чего не хочетъ, того бъ другому не дѣлалъ; а преступникъ онаго, въ какомъ бы то не было видѣ, такъ наказанъ долженъ быть, какъ пренебрегатель вышней надъ нимъ власти. И отъ того наказанія ни честь, ни званіе и ни другія какія преимущества ко избавленію никогда-бъ не приписывались. Ибо, преступая безъ всякой нужды волею, больше долженъ наказанъ быть, нежели подлый человѣкъ, невѣдѣніемъ впадшій въ погрѣшеніе“. [14]).

Въ нѣкоторыхъ наказахъ можно уловить то радостное впечатлѣніе, которое произвелъ на русскую деревню избирательный манифестъ 1766 г. Въ темное царство безправія и невѣжества, въ которомъ пребывало сельское населеніе Екатерининской Россіи, онъ вносилъ лучъ надежды на болѣе свѣтлое и отрадное будущее. Наиболѣе ярко обнаружилось это приподнятое настроеніе деревенскаго люда въ началѣ избирательной кампаніи 1766—67 г. въ наказѣ крестьянъ, приписанныхъ къ Ягошихинскому и Мотовилихинскому заводамъ гр. Воронцева въ Кунгурскомъ уѣздѣ. „Какъ же мы, нижайшіе, Е. И. В. нынѣ матерняго милосердія и обнародованнаго манифеста дождались и выслушали, по полученіи, въ церкви и со страхомъ Божіимъ, велія радости наполнилися и Всевышняго Господа Бога прославляемъ. И безъ всякаго мы, нижайшіе, пристрастія свои нужды и недостатки въ вышеписанныхъ пунктахъ съ жалобою приносимъ, отъ самой своей всекрайней нищеты и убожества, и ожидаемъ матерняго о насъ, нижайшихъ милосердія“ [15]).

Въ нѣкоторыхъ заводскихъ районахъ рабочее населеніе возлагало на избранныхъ депутатовъ обязанность просить объ освобожденіи отъ заводскихъ работъ, и надежда на успѣшный исходъ этой просьбы, замѣчаетъ В. И. Семевскій, была даже однимъ изъ поводовъ къ волненію среди приписныхъ къ заводамъ Походяшина и Чернышева. [16]).

Такимъ образомъ, гдѣ въ радостномъ, гдѣ въ возбужденномъ настроеніи, а гдѣ съ нѣкоторой робостью и недоумѣніемъ многомилліонная масса свободнаго крестьянства приступала къ выборамъ весною 1767 г.

[14]) Ibid., 378.

[15]) CXV, 285.

[16]) В. И. Семевскій „Крест. въ царств. Ек. II“, т. II, 435 стр.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьяне откликнулись на призывъ императрицы и подробно остановились на своихъ сословныхъ нуждахъ и пожеланіяхъ, систематически изложивъ ихъ въ наказахъ и заявленіяхъ, данныхъ погостнымъ и уѣзднымъ повѣреннымъ. На этомъ безбрежномъ морѣ крестьянскихъ горестей и печалей, которое раскрывается передъ нами при чтеніи депутатскихъ наказовъ и инструкцій, мы и остановимъ теперь свое вниманіе.

Центральное мѣсто въ крестьянскихъ наказахъ, какъ и слѣдовало ожидать, отведено вопросамъ чисто экономическаго характера. Земледѣліе и промыслы являлись главными устоями хозяйственнаго благополучія крестьянской массы, и поэтому сельскіе избиратели возлагали на своихъ представителей обязанность довести до свѣдѣнія законодательной Комиссіи и самой императрицы, въ какомъ безотрадномъ положеніи находился русскій земледѣлецъ и крестьянинъ—промышленникъ въ серединѣ XVIII в.

Такъ какъ чисто земледѣльческаго населенія среди тогдашнихъ государственныхъ крестьянъ было больше, чѣмъ промышленнаго, то и въ перечнѣ жалобъ, характеризующихъ тяжелое хозяйственное положеніе русской деревни, земельныя нужды выступаютъ на первый планъ. Наказы подробно останавливаются на крестьянскомъ малоземельѣ, всесторонне выясняютъ его причины и выставляютъ цѣлый рядъ пожеланій, отъ осуществленія которыхъ аграрный вопросъ могъ бы получить благопріятное разрѣшеніе. Земельный голодъ не былъ, какъ видно изъ крестьянскихъ заявленій, чисто случайнымъ или мѣстнымъ явленіемъ. Онъ былъ затяжнымъ хроническимъ недугомъ, которымъ подтачивались силы хозяйственнаго организма русской деревни. Аграрный вопросъ являлся жизненной, соціально-экономической проблемой и для черносошнаго крестьянина поморскихъ уѣздовъ, и для однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ центральныхъ провинцій государства, и для пріуральскихъ инородцевъ и приписанныхъ къ партикулярнымъ заводамъ поссесіонныхъ крестьянъ, и даже для представителей казачьяго войска, живущаго въ своихъ станицахъ по Тереку и нижней Волгѣ. Со всѣхъ сторонъ несутся жалобы на скудное земельное обезпеченіе, и наказы даютъ не мало яркихъ иллюстрацій для характеристики горемычной доли земледѣльческаго населенія.

Конечно, всего труднѣе приходилось земледѣльцамъ Поморскаго сѣвера, гдѣ и климатъ былъ крайне суровый, и почвенныя условія мало подходили для земледѣльческой культуры. У крестьянъ Шемогоцкой волости Устюжскаго уѣзда пахатной земли приходилось всего „по пяти осминъ четверти“ на душу, при этомъ только половина этой земли унаваживалась, а остальная засѣивалась безъ удобренія. Въ Ихалитскомъ улусцѣ Тотемскаго уѣзда на крестьянскій дворъ съ населеніемъ въ 5 душъ высѣвалось всего по одной четверти ржи, а на дворъ въ 7 душъ

всего по 2 четверти, т. е. подъ ржанымъ посѣвомъ въ первомъ случаѣ было не больше одной десятины, а во второмъ— не больше двухъ, при этомъ, по словамъ наказа, „въ урожаѣ бываетъ вдвое, а въ хорошій годъ втрое“.[17]) Довольно ярко рисуютъ тѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать поморскому земледѣльцу, крестьяне Лохоцкаго погоста Важескаго уѣзда. „Дворцовыя важескія волости“,—пишутъ они въ своемъ наказѣ,—состоятъ въ поморской холодной сторонѣ и имѣется у насъ пахотной сѣвчей земли не съ удовольствіемъ и то песчаная и болотная между мокрыми мѣстами.., а сѣнокосной земли, за неимѣніемъ большой рѣки, по рѣчкамъ и ручьямъ имѣется малое число и затѣмъ расплодить скота къ хлѣбопашеству невозможно, и отъ того хлѣбу имѣется оскудѣніе“ [18]). Недостатокъ въ сѣнныхъ угодьяхъ заставлялъ крестьянъ сокращать до minimum'а количество рогатаго и рабочаго скота, а нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждалъ даже распродавать на сторону весь свой домашній скотъ. По словамъ наказа волости Сидоровы едомы „есть такіе крестьяне, и не единой скотины у себя не имѣютъ“. Такіе безлошадные крестьяне, конечно, доходили до крайне тяжелаго матерьяльнаго положенія и старались, какъ могли, изобразить его въ своихъ наказахъ. „И крестьяне нужные и скудные и въ хлѣбѣ имѣютъ великій недостатокъ, а въ продажу хлѣба никогда не бываетъ, а иные крестьяне и сами прикупаютъ“. [19]).

Если мы мысленно перенесемся изъ лѣсистой и болотистой мѣстности сѣвернаго Поморья въ область древнихъ заоцкихъ и замосковныхъ городовъ, гдѣ имѣло мѣсто землевладѣніе однодворцевъ, старыхъ службъ служилыхъ людей, пахотныхъ солдатъ и городовыхъ казаковъ, то и здѣсь мы неизбѣжно столкнемся все съ той-же грустной картиной земельной нужды. „И какъ въ землѣ, такъ и въ сѣнныхъ покосахъ претерпѣваемъ нужду“,—говорятъ Алексинскіе, Пушкарскіе и Стрѣлецкіе слобожане,—„и приходимъ въ несостояніе и скудость“. Малоземелье и отсутствіе собственныхъ лѣсовъ заставляли старыхъ службъ служилыхъ людей г. Козельска нанимать у мѣстныхъ обывателей пашенныя земли и луговыя угодья „на собственные свои деньги дорогими цѣнами, и отъ того только мало пропитанія съ домовными имѣть“. На крайній недостатокъ отведен-

---

[17]) CXXIII, 108, 295,

[18]) Ibid. 77. Сѣнокосы также находились на сѣверѣ не въ благопріятныхъ условіяхъ, что затрудняло разведеніе скота. Въ наказѣ Николаевск. погоста Устюж. у. читаемъ: „сѣнокосная страда ежели бываетъ поставкою къ ведру, въ то время и ставимъ сѣно, буде къ дождевой страдѣ, то сѣна у насъ сноситъ дождевою водою, а досталную траву не просушиваетъ солнцемъ, и отъ того гніетъ вся, и отъ безсѣнницы остаемся въ недовольствіи пашенной земли навозомъ, отчего мы черносошные крестьяне и пришли въ крайнюю скудость“. (CXXIII, 113).

[19]) CXXIII, 119, 141.

ной пахотной земли жалуются и старыхъ службъ служилые люди г. Пензы. [20]).

Въ районѣ инородческихъ поселеній въ Поволжьѣ и въ Прикамьѣ, а также въ области горныхъ Уральскихъ заводовъ земельный голодъ давалъ себя чувствовать не менѣе остро деревенскому земледѣльческому населенію. Наказы крещеныхъ и некрещеныхъ инородцевъ, а также приписанныхъ къ казеннымъ и частнымъ заводамъ государственныхъ крестьянъ всесторонне освѣщаютъ намъ положеніе аграрнаго вопроса въ этихъ восточныхъ провинціяхъ. Скорбными нотами звучитъ заявленіе ясашныхъ черемисъ Казанскаго уѣзда: „ко удовольствію пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и протчихъ угодій имѣемъ весма мало, и за такимъ неудовольствіемъ къ насѣянію хлѣбовъ пашенной земли, и сѣнныхъ покосовъ, и всякихъ угодій, приходимъ въ великую скудость и убожество". [21]) Почти аналогичное мѣсто съ изображеніемъ тѣхъ убійственныхъ почвенныхъ условій, въ которыхъ находилось крестьянское землевладѣніе въ Приуральѣ встрѣчаемъ въ наказѣ государственныхъ крестьянъ Чардынскаго уѣзда, приписанныхъ къ партикулярнымъ горнымъ заводамъ. Ежегодно затрачивая громадное количество непосильной работы на борьбу со скупой и суровой природой, чардынскіе крестьяне, какъ и большинство крестьянъ сосѣднихъ уѣздовъ, едва могли существовать на своихъ скудныхъ земельныхъ участкахъ. „Во всемъ же Чердынскомъ уѣздѣ у насъ, крестьянъ", говорятъ составители наказа,—„пахотныя земли имѣются при низменныхъ, мокрыхъ, болотныхъ и боровыхъ и лѣсныхъ, а особливо каменистыхъ и песчаныхъ мѣстахъ, на которыхъ не токмо въ урожаѣ хлѣба по спаханіи земли по два или по три года, но и въ первое лѣто недородъ бываетъ". Конечно, при такихъ скудныхъ урожаяхъ крестьянамъ трудно было прокормиться собственнымъ хлѣбомъ и приходилось больше довольствоваться покупнымъ. [22]).

Приведенныя выше выдержки изъ крестьянскихъ заявленій наводятъ читателя на самыя мрачныя размышленія и рисуютъ въ самыхъ сѣрыхъ тонахъ положеніе земледѣльческаго населенія въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ крестьянамъ приходилось жить исключительно доходами съ земли. На ряду съ жалобами на малоземелье и безкормицу, на ряду съ указаніями на тѣ громадныя затрудненія, которыя приходилось пре-

---

[20]) CXV. 56, 23, 171. Называя себя мірскими людьми, яранскіе пахотные солдаты пишутъ въ наказѣ: „И есть такіе, что многіе не токмо скота и пажити имѣютъ, но и ежедневнаго пропитанія себѣ не имѣютъ, а питаются мірскимъ подаяніемъ". (CXV, 182).

[21]) CXV, 382. Новокрещеные отяцкіе жители Слободскаго у. включаютъ въ свой наказъ слѣд. мѣсто: „земля и покосы почти всѣ къ дорогамъ въ отгороду отошли и хлѣба сѣять не начѣмъ". (CXV, 447).

[22]) CXV, 300.

одолѣвать крестьянамъ земледѣльцамъ, въ большинствѣ наказовъ довольно опредѣленно вскрыты тѣ причины, которыя являлись источникомъ земельной нужды, а подчасъ и прямо земельнаго голода въ русской деревнѣ изучаемой эпохи. Причинъ этихъ было очень много, и онѣ давали себя чувствовать крестьянскому населенію повсемѣстно.

Въ однихъ мѣстахъ главная вина падаетъ на суровую и не гостепріимную природу, стихійныя проявленія которой иногда въ нѣсколько часовъ уничтожали многолѣтнюю работу пахаря, въ другихъ же мѣстностяхъ источникомъ земельной тѣсноты были сильные и властные сосѣди, которые безнаказанно захватывали крестьянскія земли и доводили многихъ деревенскихъ обывателей почти до нищеты. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ и природными, и соціальными условіями, крестьяне, находясь на краю хозяйственной бездны, измученные, разоренные и обнищавшіе, нерѣдко, махнувъ на все рукой, уходили на всѣ четыре стороны, питаясь Христовымъ именемъ. Въ яркихъ, взятыхъ прямо изъ жизни, краскахъ рисуетъ намъ подобную картину наказъ пахотныхъ солдатъ разныхъ слободъ г. Михайлова. „Имѣются намъ, именованнымъ, всѣмъ бѣднымъ и безпомощнымъ, какъ въ землѣ, такъ и во всякихъ угодіяхъ великіе недостатки, и въ недопашкахъ хлѣба суще крайне пришли къ убожеству, и за недородомъ хлѣба весьма нужно имѣемъ себѣ и дневной пищи; а вдовы и сироты наши ходятъ по міру, питаются Христовымъ именемъ, а протчіе многіе съ великаго ужасу нестерпимости, оставя все имѣніе и домы свои, разошлись по разнымъ городамъ съ пашпортами, а нищіе разбѣжались и безъ пашпортовъ“. [23]).

На дикомъ сѣверѣ природныя условія всего сильнѣе оказывали вліяніе на крестьянскія земли, разбросанныя рѣдкими участками среди безбрежнаго моря дремучихъ лѣсовъ и топкихъ болотъ. Особенно пагубныя послѣдствія имѣли весенніе разливы и лѣтніе паводки многоводныхъ сѣверныхъ рѣкъ. Цѣлый рядъ крестьянскихъ наказовъ Устюжскаго уѣзда какъ разъ съ этой стороны освѣщаетъ вопросъ о деревенскомъ малоземельѣ. Крестьянамъ Бѣлослуцкаго стана приходилось изъ за смыва и свала земель переносить свои дворы на другія болѣе безопасныя мѣста. „А сѣнные покосы валитъ, а у иныхъ жителей и все свалило и снесло все безъ остатка, а у другихъ и скотскіе выпуски“. Экономическіе крестьяне Спасскаго погоста въ своемъ наказѣ также сѣтуютъ на рѣчные разливы: „Деревни Строкинской два поля пашенной земли вешнею большою водою снесло и сѣнныхъ покосовъ на сто на пятьдесятъ копенъ“. [24]). Если такія громадныя бѣдствія причиняли небольшія рѣчки, вродѣ Слудки, то можно себѣ представить, какъ приходилось страдать жителямъ селъ

---

[23]) CXV, 75.

[24]) CXXIII, 110—111, 186.

и деревень, расположенныхъ по берегамъ многоводной сѣверной Двины, этой главной питательной артеріи Поморья. Въ живыхъ и яркихъ краскахъ изображены тѣ непоправимыя бѣдствія, которыя причиняетъ Двина своими весенними разливами, въ наказѣ черносошныхъ крестьянъ Ракульской волости. [25]).

Но не весенніе разливы и паводки были основной причиной земельной скудости крестьянства! Такой коренной причиной являлись земельные захваты, и въ этихъ захватахъ повинны были всѣ, кто только считалъ, что можетъ безнаказанно обидѣть крестьянина—земледѣльца. На сѣверѣ и отчасти на сѣверо-востокѣ, гдѣ помѣстнаго землевладѣнія не было, черносошная деревня страдала отъ кущовъ и посадскихъ людей; въ Поволжьѣ и въ Прикамьѣ главную обиду наносили крестьянамъ владѣльцы горныхъ заводовъ и представители чиновной приказной массы; на Нижней Волгѣ и въ Прикаспійскихъ степяхъ главной язвой для осѣдлаго земледѣльца были кочующіе инородцы, а въ центральныхъ и южныхъ уѣздахъ государства деревенскому люду всего больше приходилось терпѣть отъ дворянъ—землевладѣльцевъ. Крестьяне двухъ погостовъ Быканурскаго стана Устюжскаго уѣзда жалуются на Устюжскихъ кущовъ, „которые оброчныя угодныя земли и при рѣчкахъ сѣнные покосы изобрали по торгу къ себѣ во владѣніе, оставя только пашенную пустую землю“ [26]). На завладѣніе лучшими деревнями посадскими купеческими людьми указываютъ и черносошные крестьяне Стриленской волости [27]). Въ Алексинскомъ станѣ Усольскаго уѣзда посадскіе отобрали у крестьянъ ихъ печишные сѣнные покосы, такъ что, по словамъ составителей наказа, „токмо оставлено намъ малое число для прокормленія нашего скота, въ чемъ повсегодно имѣемъ скудость“ [28]). Шеномскіе крестьяне Яренскаго уѣзда терпѣли не столько отъ кущовъ, сколько отъ своей же братіи сосѣднихъ крестьянъ, которые „невѣдомо по какому виду завладѣли пашенной землею и сѣнными покосами“ [29]). Не только сосѣдніе крестьяне тѣснили иногда жителей

---

[25]) „Многія у насъ деревни ни копны печишнаго, т.-е. крѣпостного сѣна не имѣютъ, по причинѣ что которое сѣно по писцовымъ дачамъ было все силнымъ стремленіемъ въ вешнія времена лежащей мимо той нашей Сакульской волости подъ пашенною землею, рѣки Двины и несеніемъ лда, по низкости и слабости береговъ, снесло не малое число пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ, печишныхъ, такъ и оброчныхъ много снесло и безъ остатка; а оброки платятся спуста не малое число“. (CXXIII, 123).

[26]) CXXIII, 142.

[27]) Ibid. 177. На прописки Устюжскихъ и Соль-Вычегодскихъ кущовъ и посадскихъ, и служителей господъ бароновъ Строгановыхъ жалуются черносошные крестьяне Почезерской волости Усольскаго уѣзда. Всѣ эти лица забрали крестьянскія земли и насильственно ими владѣютъ. (CXXIII, 217).

[28]) CXXIII, 223.

[29]) CXXIII, 235.

сѣверныхъ погостовъ и деревень, въ наказахъ нерѣдко можно встрѣтить жалобы и на обиды со стороны своихъ—же односельчанъ, крестьянъ—богатѣевъ. Такіе хозяйственные мужички, напр. въ Молской волости „завладѣли оброчными пустошами и порожними землями, на которыхъ и поселились, и называютъ тѣ земли своими“. Погостные повѣренные дворцовыхъ крестьянъ Важескаго уѣзда пространно говорятъ въ своемъ наказѣ о захватѣ ихъ земель черносошными и экономическими крестьянами Холмогорскаго и другихъ сосѣднихъ уѣздовъ; на разоренія своихъ рыбныхъ ловель и лѣсныхъ угодій экономическими крестьянами Галицкаго уѣзда приносятъ жалобу Вохомскіе крестьяне смежнаго Устюжскаго уѣзда [30]). Такимъ образомъ земледѣльческое населеніе почти все время должно было находиться въ оборонительномъ положеніи, ведя долгую и упорную борьбу, какъ съ деревенскими владѣльцами изъ сосѣднихъ посадовъ, такъ и съ крестьянами другихъ вѣдомствъ и смежныхъ уѣздовъ. Въ этой борьбѣ съ каждымъ годомъ уменьшалась площадь крестьянскаго землепользованія, и хозяйственный бытъ сѣверной деревни долженъ былъ неминуемо ухудшаться.

Еще болѣе рельефно выступаетъ передъ нами картина соціальнаго антагонизма въ наказахъ восточныхъ провинцій, гдѣ подъ широкимъ покровительствомъ придворныхъ и правительственныхъ сферъ безгранично царили вельможные заводчики и крупные промышленники. Въ этомъ царствѣ соляной и горно-заводской промышленности правительственные концессіонеры эксплоатировали не только природныя богатства страны, но и рабочія руки мѣстнаго русскаго и инородческаго населенія. Эта упорная борьба между капиталомъ и трудомъ, перевѣсъ въ которой всегда выпадалъ на долю капиталистовъ, сопровождалась массовымъ захватомъ крестьянскихъ и инородческихъ земель, на что горько жалуются всѣ безъ исключенія наказы этого района.

Черносошные крестьяне Соликамскаго уѣзда заявляютъ въ своемъ наказѣ: „Да и многія нашего владѣнія пашенныя земли и сѣнные покосы города Соликамска соляные промышленники насильствомъ своимъ завладѣли и никакого платежа и оброка намъ не даютъ“ [31]). Очень ярко, изображая свою земельную тѣсноту, приписные крестьяне Кунгурскаго уѣзда характеризуютъ захватную политику владѣльцевъ горныхъ заводовъ. „Да и оные заводчики“,—говорятъ они,—сверхъ тѣхъ проданныхъ и закладныхъ отъ татаръ имъ земель и лѣсовъ завладѣли крестьянскаго владѣнія немалое число. И тѣмъ насъ пижайшихъ крестьянъ землями и лѣсами умалили“ [32]). Самую беззастѣнчивую экспропріацію своихъ земель-

---

[30]) CXXIII, стр. V, 35, 168.
[31]) CXV, 291—292.
[32]) Ibid, 269.

ныхъ владѣній подъ желѣзные заводы отмѣчаютъ и новокрещены отяцкіе жители Слободскаго уѣзда. Обиды владѣльцевъ желѣзныхъ заводовъ составители этого наказа изображаютъ такъ: „изъ тѣхъ нашихъ дачъ лѣсу, пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ къ тѣмъ заводамъ отобрано безъ нашего дозволенія и договору на нѣсколько верстъ, изъ коего лѣсу ни на какія наши надобности рубить намъ не даютъ, а изъ пашенныхъ земель и изъ сѣнныхъ покосовъ, кромѣ рудниковъ, не только-жъ отгородили для выпуску и пасбы своего скота, но и тѣмъ не удовольствуясь, и въ поляхъ нашихъ вытравляютъ скотомъ хлѣбъ и луга“ [33]). Оброчные черемисы Кунгурскаго уѣзда приносятъ пространную жалобу на дворянина Александра Демидова, одного изъ богатѣйшихъ заводчиковъ Приуралья, приказчики котораго отмежевали себѣ самовольно большое пространство лѣсныхъ угодій, чѣмъ лишили инородцевъ ихъ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ [34]).

Рядомъ съ обидами отъ владѣльцевъ желѣзныхъ и мѣдеплавильныхъ заводовъ наказы Казанской губерніи заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ данныхъ для выясненія тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, какія имѣла русская колонизація восточной окраины для судебъ землевладѣнія заволжскихъ инородцевъ. Служилые мурзы и татары, указавъ на беззастѣнчивый захватъ русскими помѣщиками татарскихъ земель, требуютъ въ своемъ наказѣ возврата ихъ „въ наше иновѣрческое владѣніе“ [35]) и свода съ нихъ поселенныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Если татары жаловались на русскихъ помѣщиковъ, то новокрещены изъ чувашъ Симбирскаго уѣзда сѣтовали на обиды и земельные захваты со стороны инородцевъ, а именно ординскихъ калмыковъ. Во время пріѣзда ихъ для продажи и мѣны скота „отъ тѣхъ калмыковъ — пишутъ составители наказа — чинится намъ немалая обида, потому что имѣемъ мы дачи за Волгою рѣкою и тѣ калмыки нашъ хлѣбъ и сѣнные покосы травятъ и вытаптываютъ своимъ скотомъ и заготовленные нами стога пожигаютъ. И отъ того приходимъ мы въ крайнія обиды“ [36]). Нерѣдки бывали столкновенія изъ-за захвата земель и угодій между самими инородцами, при этомъ обидчиками обыкновенно являлись тѣ изъ нихъ, которые, перейдя въ православіе, чувствовали за собой силу и могли при случаѣ найти покровительство у мѣстнаго начальства. Вмѣстѣ съ такими новокрещенами насильничали надъ инородцами и русскіе помѣщичьи крестьяне, разсчитывая на покровительство своихъ вельможныхъ господъ. Въ наказѣ новокрещенъ изъ чувашъ Царево-Кокшайскаго уѣзда довольно правдиво изображено, какъ новокрещены изъ сосѣднихъ селъ и крестьяне изъ смежныхъ помѣстій

[33]) CXV, 449.
[34]) Ibid. 367.
[35]) CXV, 322, 329.
[36]) Ibid. 355.

„денно и нощно въ наши лѣсныя дачи и въ заповѣдныя на нашей землѣ казенныя и дубовыя рощи ѣздятъ, и чинятъ во оныхъ заповѣдному лѣсу порубку и подточку“ [37]). Даже казаки, поселенные на юго-восточной окраинѣ, въ цѣляхъ охраны границъ государства, жалуются на насильственное завладѣніе инородцами ихъ земельными угодьями. Такъ въ наказѣ отъ войскового атамана, старшинъ и всего Волжскаго войска помѣщена просьба о разрѣшеніи владѣть лугами на другой сторонѣ Волги противъ городовъ Саратова, Дмитріевска, Царицына и Чернаго Яра, „понеже мы войско волское такую несносную отъ калмыкъ, какъ въ потравленіи травъ, такъ и кошенаго въ стогахъ сѣна, несемъ крайнюю нужду, что почти всѣ отъ того обезкотили и разорились [38]).

Если земельный захватъ на окраинахъ государственной территоріи достигалъ довольно крупныхъ предѣловъ, то еще больше приходилось терпѣть земледѣльческому населенію отъ сильныхъ и властныхъ сосѣдей въ коренныхъ русскихъ уѣздахъ, тамъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ пустило глубокіе корни частное дворянское землевладѣніе. Крѣпостная атмосфера, насыщенная произволомъ и безправіемъ, здѣсь гораздо ярче давала себя чувствовать, чѣмъ въ заволжскихъ инородческихъ провинціяхъ. Наказы однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ, государственныхъ крестьянъ и другихъ представителей земледѣльческаго люда даютъ обильный матеріалъ для изображенія классоваго антагонизма, который въ этихъ срединныхъ областяхъ государства достигъ своего апогея. Можно сказать, нѣтъ ни одного наказа, который обходилъ бы молчаніемъ этотъ острый и больной вопросъ въ жизни сельскаго населенія, и жалобы на дворянъ-самоуправцевъ красной нитью проходятъ черезъ всѣ крестьянскія печалованія центральнаго района. Насильственному завладѣнію чужими пашнями и угодьями способствовала та продажность, которой отличались провинціальные суды XVIII в. Во многихъ наказахъ безнаказанность дворянскихъ насилій ставится въ связь съ укоренившимся въ общественномъ сознаніи безсудіемъ и судебной волокитой. Подъ покровомъ продажныхъ [39]) судебныхъ чиновниковъ сильные и богатые люди творили въ провинціи, что хотѣли, и только скорбныя крестьянскія жалобы вскрываютъ теперь передъ нами мрачную картину этого грубаго произвола, царившаго не только въ провинціальной глуши, но и вблизи отъ первопрестольной столицы.

---

[37]) Ibid. 439. На обиды со стороны какого-то Ивана Алексѣева сына Корякина и протчихъ яранскихъ купцовъ жалуются въ своемъ наказѣ сотники разныхъ старокрещеныхъ волостей Яранскаго у. (CXV, 444).

[38]) CXV, 515—516.

[39]) Погостные повѣренные отъ однодворцевъ Одоевскаго уѣзда мотивируютъ невозможность оттягать у сосѣднихъ помѣщиковъ свои земли судебной волокитой и продажностью гражданскаго суда. (CXV, 14—15).

За предками однодворцевъ села Левенскаго Одоевскаго уѣзда по писцовымъ книгамъ 20-хъ гг. XVII в. числилось $1016^1/_2$ четвертей пашни и 1130 копенъ сѣна, „но токмо, говорятъ Левенскіе однодворцы въ своемъ наказѣ, изъ оной пожалованной земли и со всѣми принадлежащими угодьи изъ давнихъ лѣтъ завладѣли насильствомъ разные помѣщики“ [40]). Въ перечнѣ этихъ помѣщиковъ попадаются лица и титулованныя, и въ генеральскихъ чинахъ, вродѣ генерала Зыбина и кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго, при чемъ послѣдній, завладѣвъ нѣсколькими пустошами лѣтъ 70 тому назадъ, успѣлъ передать ихъ генералу Карабанову, за которымъ онѣ и числились въ моментъ составленія наказа. Довольно яркую бытовую картину дворянскихъ насилій даетъ наказъ пахотныхъ солдатъ Шечкѣевскаго острога Саранскаго уѣзда: „да сверхъ того,—жалуются его составители,—сосѣдственный съ нами, нижайшими и вѣрноподданными В. И. В. рабами, надворный совѣтникъ Николай Михайловъ сынъ Агаревъ приказными и всѣми крестьянами озорнически въ нашихъ жалованныхъ лѣсныхъ дачахъ въѣзжать запрещаетъ и грабительски также все отнимаетъ, какъ лошадей, такъ и всякую-жъ сбрую и одежду безъ остатка. А насъ именованныхъ домой нагихъ пускаютъ“ [41]). Однодворцы Калужской провинціи, сославшись на неправильныя дѣйствія межевщика Юренева, продавшаго земли Мосальскихъ однодворцевъ разныхъ чиновъ людямъ, указываютъ, что покупщики захватили сверхъ того уже безо всякихъ крѣпостей „сами собой насильно“ много однодворческой земли. Въ длинномъ перечнѣ этихъ обидчиковъ, приложенномъ къ жалобѣ, встрѣчаются канцелярскіе служители, разсыльщики, кущы, мѣщане и другіе городскіе обыватели [42]). Для уплаты лежащихъ на однодворцахъ податей и повинностей имъ приходилось нерѣдко продавать сосѣднимъ помѣщикамъ „не малое число земель“, жалованныхъ ихъ предкамъ за службу. „А оные купя“,—говорятъ повѣренные отъ Одоевскихъ

[40]) CXV, 19 Ср. наказъ уѣздныхъ повѣренныхъ отъ Пензенскихъ новокрещенъ, гдѣ изложены жалобы на насильственные захваты помѣщиками множества десятинъ жалованной земли и на незаконное владѣніе мельницами и угодьями со стороны крѣпостныхъ крестьянъ этихъ помѣщиковъ. (CXV, 418). Интересныя добавленія къ той-же картинѣ безправія даетъ наказъ новокрещенъ изъ мордвы и чувашъ Пензенской, Саранской и Петровской провинціи „и на тѣхъ нашихъ крѣпостныхъ дачахъ другихъ и съ мѣста сбили, усилствомъ же построили мельницы и винокуренные заводы. А мы бѣдные, яко безгласные, принуждены земли наймовать; и чинятъ оные помѣщики, намъ неописанныя изнурительныя разоренія такъ безчеловѣчно, что уже своего скарбишка лишаемся напрасно, отчего пришли въ разореніе, что уже на платежъ податей принуждены занимать“. (CXV, 422).

[41]) CXV, 163.

[42]) Ibid. 7. На громадный недостатокъ земель „противъ тѣхъ, которыми владѣли дѣды и отцы“ вслѣдствіе дворянскихъ захватовъ жалуются старыхъ службъ служилые люди Аптеморскаго острога Саранскаго у. (CXV, 160).

однодворцевъ,—„увѣдавъ однодворческое изнеможеніе, не токмо проданною имъ, но и оставшею дачею, за продажею, жалованною предкамъ нашимъ землею, многимъ людямъ, завладѣли сильно“ [43]).

Такимъ образомъ поземельныя отношенія въ русской деревнѣ середины XVIII в. были запечатлѣны яркимъ проявленіемъ классовой розни, и этотъ призракъ соціальной вражды придавалъ экономическому быту земледѣльческаго населенія какой-то болѣзненный отпечатокъ. Въ постоянной борьбѣ за землю крестьянское населеніе тратило свои нравственныя и физическія силы, а беззастѣнчивый захватъ сильныхъ сосѣдей уменьшалъ и безъ того скудную площадь крестьянскаго землепользованія. Но не слѣдуетъ думать, что крестьяне на своихъ избирательныхъ сходахъ только составляли жалобы и печалованія на свою горемычную долю. Въ своихъ наказахъ они дѣлаютъ не мало вполнѣ конкретныхъ предложеній и съ этой положительной стороной аграрной программы сельскихъ избирателей намъ теперь и слѣдуетъ познакомиться. Всѣ многочисленныя крестьянскія требованія, такъ или иначе касающіяся разрѣшенія земельнаго вопроса, могутъ быть разбиты на слѣдующія три группы:

1) просьбы о дополнительномъ надѣленіи землею;

2) ходатайства объ огражденіи крестьянской земельной собственности

и 3) стремленія урегулировать поземельныя отношенія среди самаго сельскаго населенія.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ сѣверной и восточной Россіи, гдѣ господствовала подсѣчная, или лядинная система землепользованія, крестьяне просятъ въ наказахъ о свободной расчисткѣ лѣсныхъ зарослей подъ пашню и сѣнные покосы, такъ какъ безъ этого они не имѣютъ возможности расширить площадь своего землепользованія [44]).

Тамъ, гдѣ было много пустыхъ казенныхъ земель, сельскіе обыватели просятъ о сдачѣ имъ этихъ земельныхъ угодій на льготныхъ, не обременительныхъ условіяхъ. Такъ можайскіе однодворцы, прося, чтобы казенныя земли сдавались въ оброкъ исключительно имъ, съ платою по 10 коп. за десятину, указываютъ, что отъ этого „Высочайшему интересу имѣетъ быть пополненіе“ [45]). Но всего чаще въ наказахъ можно встрѣтить требованіе о дополнительномъ надѣленіи сельскихъ жителей

---

[43]) CXV, 14.

[44]) Въ наказѣ Сяменжевской волости Тотемскаго у. встрѣчаемъ просьбу „дабы повелѣно намъ въ тѣ лѣса входить и владѣть и подсѣки сѣчь подъ хлѣбъ для пропитанія“. (CXXIII, 322). Крестьяне цѣлаго ряда волостей Яренскаго у. ходатайствуютъ „состоящія въ нашей волости дикія и въ дачахъ ни у кого небывалыя лѣсныя мѣста просить дозволенія расчищать подъ хлѣбопашество и сѣнокосы, кому сколько по семействамъ своимъ возможность, допустить безденежно“. (CXXIII, 231, 255, 271).

[45]) CXV, 98.

казенной землею [46]), при чемъ нерѣдко избиратели устанавливаютъ даже необходимую норму земельнаго надѣла на душу. Это надѣленіе слѣдовало, по мнѣнію крестьянъ, произвести по наличнымъ ревизскимъ душамъ, а величина надѣла на каждую мужскую душу должна была равняться 15 дес. Необходимость надѣленія землею именно въ такомъ количествѣ крестьяне села Никольскаго Петровскаго у. мотивируютъ слѣдующими соображеніями: „и если болѣе онаго числа десятинъ не послѣдуетъ, то въ землѣ имѣетъ быть крайній недостатокъ, п. ч. земля не хлѣбородная, и не болѣе какъ засѣяна и хлѣбъ сниманъ бываетъ лѣтъ десять. А потомъ оставя, распахиваемъ въ другихъ мѣстахъ“ [47]).

Стремясь расширить площадь своихъ земельныхъ угодій, сельскіе обыватели естественно прилагали всѣ усилія, чтобы сохранить въ цѣлости свои земельные надѣлы и обезпечить ихъ со стороны сильныхъ сосѣдей, склонныхъ прибирать къ своимъ рукамъ чужую земельную собственность. Такъ какъ часть земель уходила изъ рукъ крестьянъ путемъ заклада и продажи, то въ наказахъ нерѣдко встрѣчается требованіе „и впредь оныхъ нашихъ земель въ продажѣ и въ закладѣ отъ нашей братіи постороннимъ владѣльцамъ запретить“. Покупая крестьянскія однодворческія земли, сосѣдніе землевладѣльцы тотчасъ же проявляли свои хищническіе инстинкты и начинали чинить обиды деревенскимъ обывателямъ. Для того, чтобы хоть немного оградить себя отъ этихъ обидъ, составители наказовъ и предлагали воспретить отчужденіе крестьянскихъ земель. Такъ погостные повѣренные отъ однодворцевъ Одоевскаго у. пишутъ: „когда однодворцамъ помѣщику свои земли не продавать, то оному въ однодворческую округу вступить и черезъ то таковой-же обиды учинить уже не можетъ“ [48]). Но наибольшій ущербъ крестьянскому землевладѣнію наносился не путемъ продажи и залога, а беззастѣнчивымъ освоеніемъ ихъ надѣловъ, какъ со стороны дворянъ, такъ и со стороны разночинцевъ и посадскихъ, поэтому вполнѣ умѣстно было ходатайство наказовъ: „отобрать отъ всѣхъ силно-владѣльцевъ нашу усадебную землю“ съ тѣмъ, чтобы отобранныя земли отдать въ вѣчное владѣніе крестьянамъ „въ тѣ мѣста, гдѣ тѣ ихъ пашенныя земли и сѣнные покосы состояли“ [49]). При плохомъ состояніи межевого дѣла въ XVIII в. земельныя ссоры встрѣчались, конечно, довольно часто и только путемъ правильнаго размежеванія можно было положить предѣлъ систематическимъ

---

[46]) „Соблаговолено бъ было намъ опредѣлить, намѣрить изъ государевой пашенной земли, или не соблаговолено-ль будетъ изъ казенной государевой засѣки“, читаемъ въ наказѣ жителей казачьихъ дачъ г. Козельска. (CXV, 30). Ср. CXV, 172, 188—89.

[47]) CXV, 11, 221.

[48]) CXV, 11, 16.

[49]) CXV, 11, 227.

массовымъ захватамъ. Въ наказѣ приписанныхъ къ партикулярнымъ заводамъ государственныхъ крестьянъ Кунгурскаго уѣзда и выставлено требованіе о необходимости скорѣйшаго размежеванія, „дабы болѣе со владѣльцы ссоръ происходить не могло“ [50]).

Многія изъ положительныхъ требованій крестьянской аграрной программы были уже отчасти затронуты поземельной политикой русскаго правительства первой половины XVIII в. Особенно подробно останавливаются правительственныя мѣропріятія на вопросѣ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель. Еще въ 1749 г. издано было запрещеніе крестьянамъ заонежскихъ погостовъ продавать и закладывать свои земли, а проданныя велѣно было отобрать назадъ безденежно. Въ 1751 г. велѣно было отобрать въ казну у посадскихъ людей поморскихъ городовъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли не по жалованнымъ грамотамъ и писцовымъ книгамъ, а пріобрѣли по купчимъ и закладнымъ отъ черносошныхъ крестьянъ. Межевая инструкція 1754 г. идетъ еще дальше и предписываетъ отобрать назадъ земли, отчужденныя черносошными крестьянами въ руки приказныхъ служителей и разныхъ лицъ, неположенныхъ въ подушный окладъ [51]).

Такимъ образомъ правительство старалось, по словамъ В. И. Семевскаго, „собрать воедино разсыпанную храмину крестьянскаго владѣнія землями, которыя окончательно признавались казенною собственностью“. По удачному выраженію П. Н. Милюкова „аграрная политика XVIII в. стала инстинктивно можетъ быть на вѣрный путь націонализаціи крестьянской земли“ [52]).

Но, какъ всегда бываетъ, законы и указы не сразу положили конецъ мобилизаціи крестьянской поземельной собственности, и Сенату въ 1768 г. пришлось подтвердить запрещеніе черносошнымъ крестьянамъ, чтобы они не совершали купчихъ крѣпостей на землю [53]). И въ депутатскихъ наказахъ 1767 г. нерѣдко попадаются мѣста, въ которыхъ крестьяне ходатайствуютъ о разрѣшеніи дозволить имъ производить между собою всякаго рода поземельныя сдѣлки. „Крайнее желаніе у всѣхъ крестьянъ есть, говорятъ черносошные крестьяне Каргопольскаго уѣзда, чтобы государственнымъ крестьянамъ между собою деревенскихъ участковъ продажу и мѣну дозволить по прежнему“ [54]). Просьба эта во мно-

---

[50]) CXV, 270.

[51]) Ср. В. И. Семевскій „Крестьяне въ царствованіе Имп. Ек. II“. т. II, стр. 623—624.

[52]) В. И. Семевскій наз. соч. т. II стр. 626; П Н. Милюковъ „Русская аграрная политика прошлаго столѣтія“. (Рус. Мысль 1890 г. № 5; стр. 213).

[53]) П. С. З. т. XVIII, № 13114.

[54]) CXV, 148. Ср. стр. 39.

гихъ наказахъ сопровождается мотивировкой, какъ семейно-бытового, такъ и фискально-податнаго характера [55]).

Другимъ больнымъ мѣстомъ крестьянскихъ поземельныхъ отношеній, на которое обращаютъ вниманіе наказы, былъ вопросъ о формѣ землепользованія. Два принципа—общинный коллективный и личный индивидуальный—находили себѣ сторонниковъ и противниковъ среди сельскихъ избирателей 1767 г. На сѣверѣ въ Архангельской губерніи, по словамъ проф. В. И. Сергѣевича, общинное землевладѣніе не старѣе половины XVIII в. [56]). Оно возникаетъ тамъ, благодаря правительственной дѣятельности въ связи съ урегулированіемъ податныхъ отношеній, которыя послѣ введенія подушной подати оторваны были вполнѣ отъ земли и формы землепользованія. На сѣверѣ, какъ видно изъ крестьянскихъ наказовъ, наиболѣе распространенной формой землевладѣнія была личная собственность. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить указанія на различные способы отчужденія земельныхъ участковъ и на владѣніе землею на наслѣдственномъ правѣ. Распространенность личной формы землевладѣнія приводила къ тому, что наиболѣе сильные въ экономическомъ отношеніи элементы сѣвернаго поморскаго крестьянства захватывали для хозяйственной эксплоатаціи наибольшее количество земли въ ущербъ маломощнымъ своимъ односельчанамъ [57]). Стремясь превратить земельныя владѣнія государственныхъ крестьянъ въ казенную собственность, правительство старалось также привить къ крестьянскому землепользованію общинную форму съ періодическими передѣлами. Межевыми инструкціями 1754 и 1766 гг. положено было начало переходу на черносошномъ сѣверѣ крестьянскаго земельнаго владѣнія отъ личнаго къ общинному. Эти аграрныя мѣропріятія преслѣдовали преимущественно цѣли фискальнаго характера, такъ какъ уравнительными передѣлами старались достигнуть болѣе равномѣрнаго распредѣленія податного бремени. Для болѣе слабыхъ въ хозяйственномъ отношеніи представителей деревенскаго населенія уравнительно общинное землепользованіе было несомнѣнно выгоднымъ, но прин-

---

[55]) Наказъ крестьянъ Ягрышской волости Уст. у. говоритъ: „а въ здѣшнемъ мѣстѣ многіе приходятъ въ несостояніе. Не имѣювые дѣтей, а сами за слабымъ здоровьемъ, или за старостью, домашнею экономіею управлять и состоящую за ними пашенную землю работою снабдѣвать въ несостояніи, а продавать недозволено, отчего тѣ за ними состоявыя деревни приходятъ въ крайнее несостояніе и запустѣніе, и написанныя на тѣхъ деревняхъ души располагаются на протчихъ той волости крестьянъ, отчего и происходитъ общественная нужда и отягощенія". (CXXIII, 129). Иного рода соображеніями мотивируютъ требованіе о свободѣ земельной мобилизаціи кр-не Ужгинской вол., Яренск. у.: „дабы въ случаѣ, которые кр-не придутъ въ упадокъ, то бы могли для поправленія себя подъ закладъ земель деньги займывать, а другой надѣясь на закладъ охотнѣе давать изнеможенію". (Ibid. 255).

[56]) CXXIII, стр. III.

[57]) См. CXXIII, стр. V.

ципъ періодическихъ земельныхъ передѣловъ долженъ былъ неизбѣжно возбудить противъ себя деревенскихъ богатѣевъ, такъ называемыхъ „хозяйственныхъ мужичковъ“, захватившихъ въ свои руки болѣе доходные участки земли. Депутатскіе наказы отражаютъ въ себѣ эти противоположныя теченія хозяйственной жизни деревни, констатируя этимъ совершившееся разслоеніе сельскихъ обывателей на деревенскую буржуазію и земледѣльческій пролетаріатъ. Тамъ, гдѣ на избирательномъ сходѣ брали верхъ „мужики-горланы“, т.-е. богачи-міроѣды, наказъ ратуетъ за сохраненіе наслѣдственнаго подворно-участковаго землевладѣнія; въ тѣхъ же погостахъ, гдѣ перевѣсъ голосовъ былъ на сторонѣ деревенской бѣдноты, въ наказъ удавалось провести требованія объ уравнительныхъ передѣлахъ земельныхъ угодій по внесеннымъ въ ревизскія сказки мужскимъ душамъ. Обѣ стороны сопровождали свои пожеланія рядомъ соображеній и аргументовъ, и наказы нерѣдко развиваютъ высказанную на избирательномъ сходѣ мотивировку.

Нѣсколько примѣровъ изъ крестьянскихъ наказовъ лучше всего помогутъ намъ освѣтить соціальныя противорѣчія въ русской деревнѣ, возникшія на фонѣ предвыборной борьбы сельскихъ избирателей 1767 г. за болѣе пригодную форму пользованія земельными угодьями. Дворцовые крестьяне Лецкаго стана Важескаго уѣзда просятъ въ наказѣ „имѣющіеся нынѣ за нами во владѣніи (земли), по писцовымъ книгамъ и по крѣпостямъ и по другимъ сдѣлочнымъ письмамъ, повелѣно-бъ было владѣть по прежнему порядку безотъемлемо“ [58]). Жители Шеномской волости Яренскаго уѣзда выражаютъ желаніе, чтобы землямъ, находящимся въ смежности со владѣніями трехъсосѣднихъ волостей „какъ издревле и нынѣ, во владѣніи общемъ состоять“. Та-же общинная тенденція ясно выступаетъ и въ наказѣ крестьянъ Молской волости Тотемскаго уѣзда [59]). За поземельную общину стояли не только многіе изъ сѣверныхъ крестьянъ, но также и нѣкоторые изъ крестьянъ восточной окраины. Такъ новокрещены изъ чувашъ Цывильскаго уѣзда Богоявленскаго погоста, указавъ, что у нихъ земля разверстывается и на малолѣтнихъ и на престарѣлыхъ, которые не въ силахъ обрабатывать ее и уплачивать подушную, выражаютъ желаніе, чтобы „на

---

[58]) CXXIII, 73. Наказъ крестьянъ Рождественскаго погоста дворц. Химаневской вол. Важ. у. возстаетъ противъ тунеядцевъ, которые „всегда обращаются въ лѣности и мотовствахъ, и отъ того участки свои размотали, и пришли въ скудость и къ платежу податей въ несостояніе“. Указавъ, что при раздѣлѣ земли на души на каждаго придется по 1 дес. съ небольшимъ, составители наказа замѣчаютъ, что при этомъ никто не будетъ заботиться объ усовершенствованіи земледѣлія, п. ч. „какъ рачительные распахивать, а лѣнивые въ готовое входить и также опять проматывать и запустошать будутъ“ (CXXIII, 63—64).

[59]) CXXIII, 237, 310.

малолѣтнихъ и престарѣлыхъ земли и сѣнныхъ покосовъ не отводить“ [60]), а распредѣлять ее только на взрослыя работоспособныя души. Изрѣдка высказываются даже пожеланія, чтобы опредѣленъ былъ законодательнымъ путемъ минимальный срокъ для земельныхъ передѣловъ. Напр. въ наказѣ ясашныхъ крестьянъ Свіяжскаго у. встрѣчаемъ просьбу о томъ, чтобы разрѣшено было „для лучшаго въ хлѣбопашествѣ порядка... полевую пашенную землю и сѣнные покосы дѣлить между собою отъ переписи до переписи, а не погодно, дабы всякій хозяинъ, проча себѣ, землю свою новозилъ“ [61]).

Такимъ образомъ крестьянскіе наказы во всей конкретности развертываютъ передъ нами сложную картину поземельныхъ отношеній, сложившихся въ русской деревнѣ ко второй половинѣ XVIII в.

Крестьянское малоземелье, нерѣдко граничившее съ полнѣйшимъ безземельемъ, обиды и притѣсненія со стороны сильныхъ и полновластныхъ сосѣдей-землевладѣльцевъ, разладъ среди самой крестьянской массы— вотъ о чемъ намъ говорятъ сельскіе избиратели и ихъ погостные повѣренные. Призванные къ избирательнымъ урнамъ весною 1767 г., крестьяне можетъ быть нѣсколько и сгустили краски, характеризуя тѣ тяжелыя хозяйственныя условія, въ которыхъ жила русская деревня. Но, читая печальную повѣсть на скорбныхъ страницахъ депутатскихъ наказовъ, мы не можемъ не отмѣтить, что въ ней вполнѣ правдиво изображено то тяжелое экономическое положеніе, въ которомъ находилось свободное не закрѣпощенное русское крестьянство къ началу царствованія Екатерины II. Однако, изученные нами наказы не только пространно излагаютъ земельныя нужды деревенскаго люда, но и выставляютъ рядъ положительныхъ требованій, направленныхъ къ благопріятному разрѣшенію аграрнаго вопроса. Аграрная политика первой половины XVIII в. не внесла успокоенія въ русскую деревню, и она ждала разрѣшенія земельной проблемы отъ созываемой императрицей законодательной комиссіи. Но когда съ роспускомъ Уложенной комиссіи у сельскаго населенія была отнята послѣдняя надежда на улучшеніе его хозяйственнаго быта, и внутренняя политика Екатерины II начала пріобрѣтать чисто дворянскій характеръ, крестьяне дружно откликнулись на призывъ Пугачева и его сообщниковъ и насильственнымъ революціоннымъ путемъ рѣшили исправить все то зло, на которое они такъ открыто указывали въ своихъ скорбныхъ челобитьяхъ 1767 г.

В. Бочкаревъ.

---

[60]) CXV, 430.
[61]) CXV, 412.

XXIX.

Сербское житіе Феодосія Печерскаго.

Взаимныя отношенія русской и югославянскихъ литературъ, какъ извѣстно, представляются обычно для до-петровскаго времени въ такомъ видѣ: втеченіи всего времени, начиная съ появленія письменности и христіанства на Руси и до XVII вѣка, югославянскія литературы, въ частности преимущественно болгарская, оказываютъ свое вліяніе на младшую русскую, являясь однимъ изъ крупнѣйшихъ проводниковъ христіанско-византійскаго міросозерцанія въ содержаніи нашей письменности; этотъ источникъ—югославянство—то обильнѣе, то слабѣе вливается въ нашу письменность—рѣже, въ устную словесность—въ зависимости, съ одной стороны, отъ состоянія литературы и общественной жизни на самомъ югѣ славянства, на Балканскомъ полуостровѣ, съ другой стороны, въ зависимости отъ тѣхъ условій и внутреннихъ культурныхъ факторовъ, которые имѣютъ мѣсто на Руси за этотъ долгій періодъ времени. Однако, все это разнообразіе условій развитія литературы тамъ и здѣсь, на Руси и на югѣ славянскомъ, можетъ быть сведено болѣе или менѣе къ опредѣленнымъ перипетіямъ въ жизни литературъ русской и югославянскихъ: наиболѣе интенсивнымъ югославянское вліяніе должно быть признано для старѣйшаго, кіевскаго, періода нашей литературы; къ концу этого періода оно замѣтно слабѣетъ, въ XV вѣкѣ опять становится замѣтнѣе, но за то является кратковременнымъ, и къ половинѣ XVI-го оно, видимо, начинаетъ замирать: въ московской Руси къ этому времени начинаетъ формулироваться вліяніе западно-европейское, которому и суждено было вывести русскую жизнь и литературу на тотъ новый путь, которымъ она идетъ до сихъ поръ, и по которому русская литература дошла теперь до признанія ея мірового значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если мы заглянемъ на югъ славянства, мы замѣтимъ ясно намѣчающуюся, хотя до сихъ поръ не вполнѣ ясно опредѣленную со стороны своего значенія и размѣровъ, новую черту во взаимныхъ отношеніяхъ славянскаго юга и Руси на полѣ литературы; именно: въ югославянской письменности, сербской и болгарской, замѣчается присутствіе русскаго источ-

ника развитія въ видѣ памятниковъ, частью русскихъ оригинальныхъ, входящихъ въ оскудѣвающую югославянскую литературную среду, частью же памятниковъ, по происхожденію хотя и югославянскихъ (оригинальныхъ въ ней, или переводныхъ—безразлично), но оказывающихся здѣсь на югѣ въ редакціи русской по составу или по языку, т.-е., какъ будто совершившихъ круговой путь, на Русь и возвращающихся, не рѣдко уже въ измѣненномъ видѣ, опять на родину. Это „обратное“ теченіе изъ Руси на югъ славянства въ XVII и XVIII вѣкахъ становится насколько уже замѣтнымъ, что можетъ быть учтено по своему значенію для югославянъ, въ частности для исторіи ихъ національнаго возрожденія[1]).

Иначе обстоитъ дѣло съ выясненіемъ взаимоотношеній между русской и югославянскими литературами въ кіевскомъ періодѣ первой изъ нихъ: при несомнѣнно преобладающемъ теченіи съ юга славянства на Русь, мы встрѣчаемъ разрозненные факты, значеніе коихъ, особенно значеніе общее, не легко поддается учету: это—факты, аналогичные упомянутымъ за XVI-XVIII вѣка: присутствіе русскихъ по происхожденію памятниковъ въ югославянской письменности до начала XV вѣка. Факты эти рѣдки, вѣроятно, не только потому, что югославянскія литературы IX-XIV вв. намъ извѣстны, въ силу судебъ своихъ, слишкомъ мало въ своемъ первоначальномъ видѣ[2]), но и потому, что факты этого рода и на самомъ дѣлѣ были не часты, хотя бы въ силу культурнаго преобладанія старшаго югославянства надъ младшей Русью. Такихъ фактовъ—русскихъ памятниковъ на югѣ славянства—за древній періодъ этихъ литературъ до сихъ поръ извѣстно такъ мало, что до сихъ поръ они оставались почти незамѣченными изслѣдователями русской и югославянской литературъ; а самая ихъ малочисленность въ связи съ трудностями, встрѣчаемыми обыкновенно изслѣдователемъ, разъ онъ берется за изученіе древнѣйшаго періода этихъ литературъ, была, повидимому, и остается причиной отсутствія объясненія факта присутствія русскаго памятника у югославянъ, объясненія, хотя бы такого, какое мы въ состояніи дать для эпохи болѣе поздней для аналогичныхъ фактовъ XVI, XVII-го и XVIII вѣковъ.

---

[1]) Нѣсколько фактовъ этого порядка сгруппировано было въ моей статьѣ въ Рус. Фил. Вѣстн. 1896 г. № 3—4, въ моей же замѣткѣ по поводу надписей, собранныхъ Л. Стояновичемъ (Чтенія въ Общ. Нестора лѣт., XVI (1903)), въ статьяхъ: Л. Милетича (Сборникъ за нар. умотв.—министерск., XII), А. Теодорова (Къмъ история на бълг. езикъ—Соф. Пер. Спис., XXXI и сл.), И. Шишманова (Наченки отъ руско влияние въ бълг. книжнина—Бълг. Прѣгледъ, V, 9—10), П. Кулаковскаго (Начало русской школы у сербовъ—Изв. отд. р. я. и сл. И. А. Н., VIII, 2, 3) и др.

[2]) Т.-е., въ сербскихъ и болгарскихъ текстахъ, а не русскихъ, по которымъ мы главнымъ образомъ и знакомимся съ славянскими литературами древнѣйшаго періода.

Такимъ образомъ, по отношенію къ интересующей насъ сторонѣ взаимоотношеній русской и югославянской литературъ древняго періода, ясно, мы находимся пока въ періодѣ накопленія матеріала, который, при томъ, еще не достигъ той степени полноты, которая давала бы право сдѣлать болѣе или менѣе прочную попытку объясненія этого явленія въ цѣломъ, давала бы право не ограничиваться признаніемъ этихъ фактовъ лишь случайностью. Поэтому то, думается, всякій новый фактъ присутствія русскаго памятника въ древнее время на югѣ славянства представляетъ извѣстный интересъ: онъ приближаетъ насъ къ рѣшенію проблемы о значеніи русской литературы древнѣйшаго періода для югославянства, расширяя въ тоже время наше представленіе и о русской литературѣ кіевскаго періода. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ оправданія и настоящая замѣтка: она обращаетъ вниманіе изслѣдователя древнерусской старины на одинъ до сихъ поръ почти не замѣченный фактъ: присутствіе въ югославянской, сербской и м. б. болгарской, письменности житія Феодосія Печерскаго, памятника, восходящаго къ труду Нестора, какъ къ первоисточнику.

Это житіе извѣстно намъ въ югославянскомъ текстѣ давно: оно отмѣчено было уже А. Х. Востоковымъ въ его извѣстномъ „Описаніи русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“ (Спб. 1842), гдѣ въ описаніи Пролога (№ 319) южнаго (т. е. югославянскаго) письма XIII-XIV в. подъ 3 мая (л. 110 об.) отмѣчено житіе Феодосія Печерскаго[3]). Другой, также „южный“, текстъ XIV вѣка того же житія, опять таки въ Прологѣ, но подъ 4-мъ мая, отмѣченъ А. Н. Поповымъ въ „Описаніи рукописей А. И. Хлудова“ (М. 1872) по рукописи № 189 (л. 141)[4]). Больше югославянскихъ списковъ этого житія, при томъ древнихъ, мнѣ не извѣстно.

При первой попыткѣ объяснить появленіе русскаго житія въ переводномъ съ греческаго Прологѣ, возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи это житіе Феодосія находится къ остальнымъ житіямъ, какъ греческимъ, такъ и не греческимъ, составляющимъ древнѣйшую редакцію славянскаго Пролога? Уже А. Х. Востоковъ (у. с., стр. 452) замѣтилъ необычный для Пролога объемъ житія Феодосія въ рук. Рум. Муз. 319: это „есть пространнѣйшая въ настоящемъ Прологѣ статья, ибо занимаетъ въ ономъ $6^1/_2$ страницъ; статьи о греческихъ святыхъ[5]) заклю-

[3]) Ранѣе А. Х. Востокова упомянулъ глухо объ этомъ житіи К. Калайдовичъ въ своемъ „Іоаннѣ Экзархѣ“ (Спб. 1820, стр. 90—91). Изъ послѣднихъ упоминаній о немъ, вмѣстѣ съ Хлудовскимъ текстомъ № 189, можно указать на Н. К. Никольскаго въ его „Матеріалахъ для поврем. списка“, стр. 411.

[4]) Подобныя перемѣщенія памятей на ближайшее число—дѣло случайности, замѣчаются и въ другихъ случаяхъ въ Прологахъ и значенія не имѣютъ. Житіе въ Хлуд. 189 почти буквально совпадаетъ съ помѣщеннымъ въ Рум. 319.

[5]) Прибавимъ отъ себя: и о другихъ русскихъ святыхъ.

чаются обычно въ нѣсколькихъ строкахъ и рѣдко болѣе полустраницы занимаютъ". Это замѣчаніе А. Х. Востокова, уже одно, наводитъ на предположеніе о томъ, что житіе Феодосія въ югославянскихъ Прологахъ является *вставнымъ*.

Предположеніе это, дѣйствительно, находитъ себѣ оправданіе и въ другихъ фактахъ, касающихся исторіи Пролога: 1) не смотря на всѣ отличія и измѣненія въ текстѣ, сербское житіе Феодосія ясно сохранило свою связь съ извѣстнымъ трудомъ Нестора[6]) (что опять таки, не называя, впрочемъ, имени автора, отмѣтилъ А. Х. Востоковъ, сопоставивши его съ разсказомъ Печерскаго патерика, ibid.); стало быть, вставной характеръ сербскаго житія Феодосія не подлежитъ сомнѣнію и съ этой стороны; греческихъ текстовъ житія Феодосія не извѣстно; его память въ греческомъ Прологѣ отсутствуетъ. 2) Обращаясь къ другимъ югославянскимъ и русскимъ Прологамъ (какъ извѣстно, въ древнѣйшей своей редакціи восходящимъ по переводу къ одному греческому оригиналу), найдемъ и еще подтвержденіе нашему предположенію. Въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ югославянскихъ (да и вообще, пожалуй, славянскихъ) Прологѣ половины XIII вѣка Югославянской Академіи (въ Загребѣ, III, с. 6[7]), подъ 3 мая (л. 195 с.) имѣемъ *только память*: „Въ тьжде дьнь паметь прѣподобнаго отьца нашего Ѳеодосия игоумена печерскааго монастыря вь Роусии". Въ томъ же видѣ память Феодосія отмѣчена и въ другихъ югославянскихъ простыхъ (не стишныхъ) Прологахъ[8]) стараго состава, каковы: Хлудова 191 (конца XIV или нач. XV в. среднеболгарскій) л. 135, Уваровскій 973 (70) (XIII вѣка, болгарскій[9]), Бѣлградскій (Народн. библ., 19, XIV в.) л. 56[10]), извѣстный Лѣсновскій (Сербской Акад. Наукъ, 23, XIV в. л. 211 и др.[11]) 3) Наконецъ, если обра-

---

[6]) См. Чтенія Общ. И. и Др. р. 1876 г. кн. 1 или *В. Яковлева* Памятники русской лит. XII и XIII в. (Спб. 1872), стр. 1 и сл.

[7]) Русскіе списки Пролога, мнѣ извѣстные, далѣе конца XIII в. (каковъ, напр., Лобковскій—Хлудова 1262 года № 187) не идутъ. Древнѣйшій датированный русскій Прологъ (проф. Баузе 1229 года), какъ извѣстно, погибъ 1812 г.; ср. Н. Каразинъ „Каталогъ сл.-рос. рук. проф. Баузе"—Чтенія О. И. и Д. р. 1862 г., II, стр. 10 (№ 122).

[8]) Въ стишныхъ древнѣйшихъ (XIV в.) этой памяти и вовсе нѣтъ.

[9]) Ср. *Леонидъ*. Опис. рукоп. гр. А. С. Уварова, II (1893), стр. 291.

[10]) О немъ см. *Ю. Даничича* „Пролог на кожи" (Гласник Српског уч. др., X).

[11]) О немъ см. *В. И. Ламанскаго* О нѣкоторыхъ славянск. рукописяхъ... (Спб. 1864), 19 и сл. Въ томъ же видѣ память Феодосія въ дружкѣ Лѣсновскаго Пролога (писанъ той же рукой, тамъ же, вѣроятно, въ Печи), принадлежащемъ проф. Л. Ковачевичу (Бѣлградъ), но съ любопытной припиской, отсутствующей въ Лѣсновскомъ: „пролог писань напрѣдь на конци сихь книгь", Объ этой рук. нѣсколько словъ см. П. А. Сырку „Очерки изъ литер. сношеній сербовъ и болгаръ" (Спб. 1901), стр. CXC, прим. 1; съ хронологическимъ опредѣленіемъ

тимся къ русскимъ спискамъ древнѣйшей редакціи Пролога, то и здѣсь найдемъ косвенное подтвержденіе данному предположенію: вездѣ на это число (3 мая) отмѣчается не просто „память“ Феодосія, а точно: „Оуспение преподобнаго отца нашего Феодосия игоумена печерскаго монастыря“ (Прол. XIII-XIV в. Синод. Моск. библ. 246, л. 85а); и подъ этимъ заголовкомъ помѣщается *иная* статья о Феодосіи, нежели въ упомянутыхъ двухъ сербскихъ спискахъ; эта „иная“ статья вездѣ въ древнѣйшихъ русскихъ спискахъ Пролога одна и таже[12]). Ясно, что въ югославянскихъ текстахъ статья, насъ интересующая, явилась независимо отъ аналогичной (обѣ говорятъ преимущественно о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ Феодосія) статьи русскаго Пролога. Въ этомъ отношеніи житіе сербское не даетъ и аналогіи къ другимъ русскимъ памятямъ святыхъ, явившимся въ русскихъ текстахъ Пролога, а также въ югославянскихъ: въ тѣхъ и другихъ Прологахъ встрѣчаемъ краткія сказанія: объ убіеніи Глѣба подъ 5 сент.[13]), о кн. Мстиславѣ подъ 15 апр.[14]), о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба подъ 2 мая[15]), о кн. Ольгѣ подъ 11 іюля[16]), о Борисѣ и Глѣбѣ подъ 24 іюля[17]); всѣ эти сказанія, разъ они встрѣчаются въ Прологахъ древняго состава, одинаковы и въ русскихъ и въ

П. А. Сырку этой рукоп. согласиться нельзя: рукоп. Ковачевича онъ считаетъ „подобной“ Рыльскому Панегирику № 62 (а этотъ—1483 г.).

[12]) Напр., мы её находимъ въ Прологахъ: Моск. Типогр. библ. XIII—XIV в. и XIV в. № 168, 171, (л. 27б—28г), 172 (л. 57в,) 173, 179 (л. 76б—77б), Синод. М. библ. 246 (л. 85а), 240 и т. д.. Ея начало: „Въ святыхъ отецъ нашъ прп. Ѳеодосіи бѣ отъ града Василева, бѣста бо родителя его въ вѣрѣ христіанстіи живущи“... (Синод. 246). Въ сербскомъ начало: „Сь блажены отьць нашь Теодосие бѣ оть единого роустекыхь (sic!) градь нарицаемы Василевьскые роушкіе области. Юноу же семоу соущоу прѣстависе отьць его“... (Рум. 319, л, 110 об.). О происхожденіи русской статьи о Феодосіи здѣсь говорить не мѣсто; достаточно отмѣтить, что и она восходитъ въ концѣ концовъ къ труду Нестора, что и она, какъ не греческая, внесена въ переводный Прологъ или позднѣе или при переводѣ его; сербская статья не стоитъ, однако, въ зависимости отъ русской проложной статьи.

[13]) Загр. III, с. 6, л. 7 об; Лобков. (Хлуд. 187), л. 2 об., Синод. 839, л. 66 об. Лѣсновск., л. 7 об.; издано по ряду текстовъ русскихъ у Пономарева (Прологъ ч. I.).

[14]) Хлуд. 191, л. 119; Рум. 319, л. 100 об. (издано у Востокова, у. с., стр. 452), Бѣлгр. 19, л. 31, Лѣсновск,, л. 192 об. (издано у Ламанскаго, у. с., стр. 114—115); Типогр. 177, л. 53; Загр. III. с. 6, л. 179.

[15]) Бѣлг. 19, л. 54; Загр. III с. 6, л. 194; Хлуд. 191, л. 134. Въ Рум. 319 лишь *память*.

[16]) Типогр. 173, л. 157 об., Рум. 319, л. 132 (изд. Востоковымъ, у. с., стр. 452—453), Лѣснов., л. 244 (издано Ламанскимъ, у. с., стр. 113). Въ Рум. 319 и Хлуд. 189 сказаніе помѣщено подъ 11 іюня.

[17]) Синод. 240, л. 148 об; Типогр. 177, л. 83; Лѣсн. л. 284 (напечатано у Ламанскаго, у. с., стр. 113-114). Въ Загр. III, с. 6 и Бѣлгр. 19 лишь *память*.

югославянскихъ текстахъ, т.-е. указываютъ на одинъ общій, ближайшій при томъ, источникъ-Прологъ, отъ котораго идутъ дошедшіе до насъ списки.

Т. о. сербское проложное житіе Феодосія можно считать, несомнѣнно, вставнымъ не только по его объему сравнительно съ остальными статьями Пролога, но и по отсутствію для него аналогіи съ другими русскими наслоеніями въ югославянскихъ текстахъ греческаго Пролога. Тѣ же югославянскіе списки Пролога даютъ возможность намѣтить, хотя бы приблизительно, и путь, какимъ это житіе Феодосія могло войти въ упомянутые два списка, Румянцовскій и Хлудовскій: за исключеніемъ этихъ двухъ списковъ, какъ мы видѣли, въ извѣстныхъ до сихъ поръ югославянскихъ Прологахъ отмѣчается лишь *память* Феодосія; т.-е., въ первоначальный переводный съ греческаго текстъ Пролога внесена была подъ 3 мая только память Феодосія, а затѣмъ стало кое-гдѣ извѣстно и его житіе, и оно тогда было помѣщено подъ краткой этой памятью позднѣе, стало быть, и въ тотъ лишь оригиналъ (уже славянскій), съ котораго писались Рум. 319 и Хлуд. 189. Отсутствіе въ первоначальномъ переводномъ текстѣ житія Феодосія находитъ себѣ подтвержденіе въ тѣхъ типахъ, или редакціяхъ, какія представляетъ уже древній югославянскій Прологъ по наличнымъ его текстамъ; присматриваясь внимательно къ этимъ текстамъ[18]), мы найдемъ въ нихъ двѣ разновидности: а) старшую, представляемую Загр. рук. III, с. 6., Бѣлград. 19, Хлудова 191 и др., въ томъ числѣ большинствомъ русскихъ древнѣйшихъ текстовъ[19]), и б) младшую, представителями которой можно счесть: Рум. 319, Хлуд. 189, Лѣсновскій и Ковачевичевскій текстъ и др.[20]). Разница между этими типами старѣйшей редакціи Пролога сводится главн. обр. къ устраненію въ младшей версіи отдѣльныхъ памятей, преимущественно славянскихъ святыхъ, и во внесеніи иныхъ памятей и тропарей въ честь другихъ славянскихъ же святыхъ, преимущественно болгарскихъ, или такихъ, которыхъ память связана съ исторіей второго Болгарскаго царства[21]); есть

---

[18]) Подробнаго анализа ю. сл. и русскихъ текстовъ не привожу: это должно составить предметъ спеціальной работы; привожу лишь тѣ результаты анализа, которые мною получены, и то только тѣ изъ нихъ, которые нужны для настоящей замѣтки.

[19]) Всѣ извѣстные русскіе тексты Пролога уже осложнили первоначальную основу нарощеніями въ видѣ нравоучительныхъ разсказовъ, поученій, размѣщенныхъ подъ числами; но основа эта ясно еще видна, если удалить эти наслоенія; въ рѣдкихъ спискахъ (напр., Типогр. библ. 171) это особенно наглядно: поученія и разсказы помѣщены въ видѣ 2-й части Пролога въ концѣ его.

[20]) Архіеп. Сергій (Полный мѣсяцесловъ Востока, 2 изд. (Владимиръ 1901), I, 304) этихъ разновидностей не различаетъ.

[21]) Напр., добавлены въ Рум. 319: Ахиллій Ларисскій (подъ 15 мая), Іоаннъ Рыльскій (19 окт.), св. Петка (14 окт.), Петръ, царь болг. (30 янв.); отпущены;

различія и въ чтеніяхъ самыхъ сказаній, хотя и младшая версія сохраняетъ въ основѣ старый переводъ; эти различія производятъ впечатлѣніе пересмотра, редактированія стараго текста примѣнительно къ новымъ условіямъ и въ связи съ новой справой по греческимъ текстамъ, нѣсколько отличнымъ въ чтеніяхъ отъ стараго оригинала. Житіе Феодосія нашлось, какъ разъ, въ младшей разновидности Пролога, и то не во всѣхъ его спискахъ; стало быть, внесено оно было уже послѣ образованія этой версіи. Время же образованія ея опредѣляется приблизительно эпохой второго Болгарскаго царства (конецъ XII и начало XIII в.) и объясняется условіями литературы болгарской этого времени. Это даетъ terminus post quem для времени внесенія житія Феодосія въ югославянскій Прологъ; terminus же ante quem опредѣляется пока временемъ дошедшихъ до насъ текстовъ: обѣ рукописи, Рум. 319 и Хлуд. 189, относятся къ первой половинѣ XIV вѣка [22]).

Путь, которымъ житіе Феодосія проникло къ югославянамъ, отчасти опредѣляется опять таки тѣми же двумя рукописями: обѣ онѣ по письму — сербскія, но съ явными чертами болгаризма въ языкѣ (что и было въ свое время отмѣчено для Рум. 319 А. Х. Востоковымъ); м. б. писаны онѣ съ болгарскаго оригинала, или же, подобно Лѣсновскому и Ковачевичеву текстамъ, въ мѣстности, гдѣ обѣ струи, сербская и болгарская, смѣшивались и слабо разграничивались въ языкѣ и письмѣ, напр., тамъ же въ Печи, гдѣ возникли Лѣсновскій и Ковачевичевскій тексты, того же времени и отчасти того же характера по языку. Эта черта языка проходитъ и въ житіи Феодосія по обоимъ спискамъ. Отсюда съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно заключать, что и наше житіе перешло или черезъ болгарскій текстъ, или же попало прямо изъ русскихъ текстовъ въ младшую версію Пролога путемъ переработки въ той мѣстности, куда ведутъ перечисленныя рукописи Прологовъ, гдѣ то на юго-западѣ Болгаріи, близь Македоніи. Какое рѣшеніе дилеммы надо считать лучшимъ, пока сказать затрудняюсь; несомнѣнно одно: это — болгарское посредство въ томъ или иномъ видѣ.

Изъ сказаннаго выше ясно еще и то, что появленіе житія Феодосія на югѣ славянства ближайшимъ образомъ связано съ наличностью памяти Феодосія подъ 3-мъ мая въ основномъ, старшемъ, типѣ Пролога.

Кириллъ Словянскій, Савва Сербскій и др.. Тропари (стало быть въ связи съ церковнымъ празднованіемъ) старые опущены, частію замѣнены новыми, частью добавлены.

[22]) Опредѣленіе А. Х. Востокова (у. с., стр. 447), относящаго рук. къ концу XIII или началу XIVв., должно быть исправлено; Хлуд. текстъ, писанный, если не тѣмъ же писцомъ, то несомнѣнно въ то же время, относится къ первой половинѣ XIV в.. Кстати: въ болгар. текстѣ XIII в. (Уваровскомъ 973) — житія еще нѣтъ.

Какъ память не греческая, она должна быть считаема, подобно другимъ упомянутымъ русскимъ и славянскимъ памятямъ въ Прологѣ, привнесенной въ греческій текстъ при его переводѣ или вскорѣ послѣ этого: въ греческихъ текстахъ эта память отсутствуетъ [23]). Если эта сторона вопроса о житіи и памяти Феодосія представляется болѣе или менѣе ясной, то вопросъ о томъ, *гдѣ* и *когда* внесена эта память въ славянскій Прологъ, остается открытымъ: внесена ли она на Руси и отсюда перешла на югъ, или независимо явилась на Руси и у югославянъ, или же наконецъ она явилась при самомъ переводѣ Пролога на славянскій? Вопросъ этотъ осложняется еще однимъ общимъ, до сихъ поръ не рѣшеннымъ вопросомъ, именно: о времени и условіяхъ перевода самого Пролога. Особенности языка, въ частности лексики, перевода Пролога [24]) дѣлаютъ этотъ послѣдній вопросъ еще труднѣе: при общемъ характерѣ перевода, указывающемъ на XI—XII вѣкъ югославянства (даже, б. м., точнѣе Болгаріи) въ текстахъ *переводныхъ* его статей (напр. подъ 14 янв.—объ отцахъ, въ Синаѣ убіенныхъ) находимъ во всѣхъ югославянскихъ текстахъ несомнѣнные руссизмы [25]). Отлагая на будущее время окончательное рѣшеніе этого важнаго вопроса, ограничусь лишь указаніемъ, что въ старѣйшемъ намъ доступномъ путемъ реконструкціи намѣченныхъ списковъ текстѣ перевода (совершеннаго, какъ я полагаю, на югѣ славянства, или въ Константинополѣ, или на Аѳонѣ, колективно нѣсколькими лицами, въ числѣ коихъ былъ и русскій человѣкъ) текстѣ, послужившемъ источникомъ дошедшихъ до насъ рукописей, были уже русскія памяти, по крайней мѣрѣ двѣ—три, а въ числѣ ихъ и Феодосія и кн. Мстислава. Внесеніе этихъ памятей могло произойти не ранѣе начала XII вѣка, потому что въ 1108 г. установлено общее соборное празднованіе Феодосію Печерскому [26]),

---

[23]) Сужу по послѣднему капитальному изданію греческаго Пролога, сдѣланному *Нур. Delehaye* (Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae—Propylaeum ad A. SS. Novembris—Bruxell. 1902).

[24]) О нихъ см. *А. Х. Востокова* у. с., стр. 454; ср. *П. А. Сырку* Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в., I, (Спб. 1899), стр. 467; *П. А. Лаврова*, Научная дѣят. Сырку—Ж. М. Н. П. 1906., II, 71.

[25]) Это обстоятельство дало поводъ архіеп. *Сергію* (см. Св. Андрей, Христа ради юродивый, и праздникъ Покрова—въ „Странникѣ“ 1898 г. и отд. стр. 57) утверждать положительно, но неубѣдительно, что переводъ Пролога совершенъ на Руси въ половинѣ XII в.. *Е. Е. Голубинскій* (Ист. ц., изд. 2-е, I, 1, стр. 915) осторожно, но неопредѣленно въ то же время, предполагаетъ, что переводъ сдѣланъ „болгарами или нами самими въ самое первое время нашего христіанства“.

[26]) *Е. Е. Голубинскій*. Исторія канонизаціи рус. св., изд. 2, стр. 51. Впрочемъ, по словамъ того же Е. Е., мѣстное, монастырское чествованіе Феодосія въ Печерскомъ мон. могло имѣть мѣсто и ранѣе, вскорѣ послѣ кончины Феодосія († 1074): житіе его написано Несторомъ, какъ извѣстно, до 1091 года. Ср. *Сергія*, Прав. мѣсяц. Востока, изд. 2, II, 129.

а Мстиславъ канонизованъ вскорѣ послѣ смерти († 1132)[27]. Стало быть, если Прологъ и переведенъ въ Россіи, память Феодосія скорѣе всего внесена въ него въ Россіи же и отсюда вмѣстѣ съ Прологомъ перешла къ югославянамъ; если же переводъ сдѣланъ на югѣ славянства въ XII вѣкѣ (какъ я предполагаю), то память Ф. придется признать внесенной при переводѣ, м. б., однимъ изъ русскихъ участниковъ перевода, и уже такой Прологъ перешелъ на Русь; этимъ то (если принимать мое предположеніе) и объяснится то, что въ русскихъ Прологахъ и югославянскихъ чтенія о Феодосіи оказались различными: когда на Руси стали пополнять Прологъ сказаніями (и м. б. поучительными статьями), русскіе редакторы вставили упомянутое выше свое сказаніе о Феодосіи къ памяти 3-го мая, а югославяне либо сперва ничего не вносили, либо добавили иное сказаніе, но лишь какъ индивидуальную особенность какой либо группы текстовъ, къ которой относятся знакомые уже намъ Рум. 319 и Хлуд. 189.

Приблизительно въ такомъ видѣ, конечно, въ видѣ лишь предположенія, представляется мнѣ исторія памяти и связаннаго съ нею житія Феодосія Печерскаго у югославянъ. Интересующее насъ житіе по своему составу представляетъ, несомнѣнно, передѣлку извѣстнаго житія, написаннаго Несторомъ: не смотря на сильное сокращеніе, которому подвергся оригиналъ (это сокращеніе сказалось прежде всего въ устраненіи риторики житія, концентраціи содержанія съ его фактической стороны, приспособленіи этого содержанія къ дню памяти—разсказу о кончинѣ Феодосія, празднуемой 3-го мая), не смотря на это текстъ сербскій сохранилъ даже текстуальную связь во многихъ мѣстахъ съ трудомъ Нестора[28]. Составитель сербской редакціи, ясно, имѣлъ въ виду дать житіе того же типа и характера, какія находятся въ Прологѣ; поэтому, напр., онъ опускаетъ такія, чисто мѣстныя черты, какъ отношенія Феодосія къ великому князю, кромѣ того, мало говорящія югославянину; при всемъ томъ ему не удалось достичь той краткости, которой отличаются греческія проложныя житія: его трудъ вышелъ, хотя и стройнымъ, но объемистымъ сравнительно съ нормой. Русскія проложныя сказанія о Феодосіи, слѣдуя той же тенденціи сокращать, сохранили свои, такъ сказать, болѣе интимныя подробности оригинала; таковы, напр., обстоятельства самой кончины Феодосія.

Въ результатѣ настоящей замѣтки о сербскомъ житіи Феодосія, мы

---

[27]) *Е. Е. Голубинскій* у. с., стр. 58. Память Мстислава, неизвѣстно почему, вскорѣ исчезаетъ изъ Прологовъ; и изъ ряда русскихъ Прологовъ XIII—XIV в. она мнѣ извѣстна въ одномъ только (Типогр. 177), но за то она есть въ цѣломъ рядѣ югославянскихъ—фактъ, нуждающійся еще въ объясненіи.

[28]) Болѣе подробный сравнительный анализъ долженъ найти мѣсто при изданіи сербскаго текста, мною подготовляемаго.

приходимъ къ заключенію: передъ нами довольно древній фактъ перехода оригинальнаго русскаго произведенія кіевской литературы въ югославянскую письменность, т. е., еще одинъ изъ немногочисленныхъ пока случаевъ, на основаніи коихъ вмѣстѣ съ другими подобными, намъ придется, опредѣлять точнѣе взаимныя отношенія между русской литературой и югославянскими древняго періода, придется внести поправку въ нѣсколько одностороннее, до сихъ поръ господствующее представленіе объ этихъ взаимоотношеніяхъ, рисующихъ русскую литературу только получающею отъ югославянъ, а югославянскую только снабжающею новымъ матеріаломъ русскую. Житіе Феодосія, такимъ образомъ, входитъ въ рядъ такихъ памятниковъ, каковы: изъ переводныхъ древняя „Пчела“, изъ оригинальныхъ—сочиненія Кирилла Туровскаго [29]) и упомянутыя статьи и памяти о русскихъ святыхъ въ томъ же переводномъ Прологѣ.

М. Сперанскій.

---

[29]) О той и другихъ см. мое изслѣдованіе „Переводные сборники изреченій“ (М. 1904), стр. 344 и сл..

XXX.

Очеркъ исторіи ландратской переписи (1715—1721 г.).

Первое общее распоряженіе о ландратской переписи относится къ концу 1715 г. По указу 10-го декабря велѣно было ландратамъ «переписать дворы крестьянскіе и бобыльскіе и въ нихъ людей по имяномъ». Никакихъ нововведеній эта перепись не вносила, такъ какъ предлагалось переписывать «противъ прежнихъ посланныхъ въ губерніи Его Великаго Государя указовъ въ правду безо всякія утайки и понаровки».

Цѣль новой регистраціи такова: чтобы не было «утайки и понаровки». А для побужденія переписчиковъ къ добросовѣстному исполненію возложеннаго на нихъ дѣла въ указѣ было прибавлено: «для свидѣтельства той ихъ переписки, каково они переписывали, правдою ль, присланы будутъ другіе люди». По окончаніи переписи переписныя книги, съ табелью изъ нихъ, нужно было «прислать въ канцелярію сената немедленно»[1]).

Однако прошелъ весь 1716 г., но ниоткуда не поступало переписныхъ книгъ и сенатъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій объ ускореніи переписи, хотя генералъ-ревизоръ В. Н. Зотовъ дѣлалъ неоднократныя представленія по этому поводу. Такъ по поводу указа 10 декабря въ своемъ изъявленіи отъ 21 февраля 1716 г. Зотовъ запрашивалъ сенатъ: «Другими указами подтвержено ль, понеже въ ближнихъ губерніяхъ по се время переписною управитца мочно»[2]).

---

[1]) Указъ 10 декабря 1715 г. (П. С. З., № 2964); разосланъ былъ онъ по губерніямъ за время съ 15 до 21 декабря, именно, въ Сибирскую губ.—15, Московскую, Архангелогородскую, Азовскую—17, Кіевскую—18, С.-Петербургскую, Казанскую, Нижегородскую—19, въ Рижскую—21 декабря (А. М. Ю., дѣла сената, № 37, л. 1118), такъ что фактически общая перепись не могла начаться раньше 1716 года, хотя до того времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворы уже переписывались (Милюковъ, Госуд. хозяйство, 2-ое изд., 407).

[2]) Изъ доношенія В. Зотова Государю (Государ. Архивъ, Каб. Петра, II, № 23 л. 435).

Въ другой разъ, когда сенатъ въ отвѣтъ на челобитье нижегородскихъ посадскихъ людей «о переписке дворового числа вновь по случаю пожарнаго разоренія» опредѣлилъ (1716 г., мартъ): перепись чинить согласно указу 10 декабря, В. Зотовъ снова въ «изъявленіи» обращается съ запросомъ къ сенату: «О полученіи указовъ отвѣтствовано ль, а имянному указу о переписке въ губерніяхъ дворовъ и въ нихъ людей шесть мѣсяцевъ, которой переписке въ ближнихъ губерніяхъ и окончатца было мочно» [1]).

Но уже въ самомъ началѣ 1717 г. сенатъ, имѣя «нужду» въ новой переписи и видя неприсылку «оныхъ переписныхъ книгъ», 2 января постановляетъ: «изъ губерней съ переписныхъ книгъ лантратскихъ копіи и изъ нихъ перечневыя выписки прислать въ канцелярію сената немедленно, понеже въ той переписи обстоитъ нужда» [2]).

Это постановленіе о присылкѣ въ сенатъ копій съ ландратскихъ книгъ было подтверждено указами въ томъ же «717 г. въ разныхъ мѣсяцахъ и числѣхъ» [2]); въ іюлѣ же, очевидно, для ускоренія дѣла прежній указъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ: требовалось доставить въ сенатъ уже не копіи, а «подлинныя переписныя ландратскія книги», «учиня изъ нихъ перечневыя выписки и табели со всякою очисткою», «а въ губерніяхъ съ тѣхъ подлинныхъ книгъ и съ выписокъ и съ табелей оставить копіи» [4]). Копіи для своего домашняго употребленія не требовали такой тщательности и аккуратности въ составленіи, какъ экземпляры, которые нужно было по январскому указу представить въ сенатъ.

Не смотря на неоднократные указы, мѣстныя власти переписныхъ книгъ въ сенатъ не присылали. Это дошло до свѣдѣнія Государя, и вотъ онъ самъ изъ Дорта (1717 г., августа отъ 25) посылаетъ сенату указъ: «чтобъ губернаторы всѣхъ лантратовъ по первому зимнему пути выслали въ С.-Петербурхъ съ переписными книгами, что имъ по указу велѣно переписывать крестьянскіе дворы» [5]).

Какъ только этотъ указъ былъ полученъ сенатомъ (25 сент.), сенатъ дѣлаетъ распоряженіе «о высылкѣ изъ губерней лантратовъ

---

[1]) Тамъ же, № 27, л. 143.

[2]) А. М. Ю., № 37, л. 1119 и сл.; соотвѣтствующіе указы по губерніямъ были разосланы немедленно же, 3 и 4 января. Примѣрный текстъ указа можно видѣть въ указѣ Архангелогор. вице-губ. П. Лодыженскому (№ 83, л. 566).

[3]) О подтвердительныхъ указахъ узнаемъ изъ послѣдующихъ указовъ (іюльскаго 1717 г. и январскаго 1720), но текста этихъ указовъ или соотвѣтствующаго сенатскаго постановленія мнѣ найти не удалось.

[4]) Сенатскій приговоръ отъ 21 іюня (А. М. Ю., № 37, л. 1121 и сл.). Текстъ указа Воронежскому губернатору—тамъ же, № 63, л. 168; Нижегородскому вице-губ. кн. С. П. Путятину—№ 131, л. 697.

[5]) Взято изъ сенатской выписки (№ 68, л. 65).

въ С.-Петербурхъ съ переписными книгами», указывая, что слѣдуетъ «по отбытіи ихъ въ доляхъ управлять велѣть камисарамъ» [1]).

Не довольствуясь этимъ, сенатъ принимаетъ и другія мѣры къ тому, чтобы указъ о высылкѣ ландратовъ неукоснительно былъ исполненъ. Такъ, по приказу сената, «посыланъ на дворъ къ московскому губернатору К. А. Нарышкину дьякъ Семенъ Ивановъ и сказалъ ему Великаго Государя указъ, чтобъ онъ, губернаторъ, для исправленія всякихъ губернаторскихъ дѣлъ, ѣхалъ къ Москвѣ и по самому первому зимнему пути той губерніи лантратовъ всѣхъ съ переписными книгами выслалъ въ С.-Петербурхъ, а потомъ ѣхалъ и онъ, губернаторъ, въ С.-Петербурхъ же» [2]).

Также и нижегородскому вице-губернатору кн. Степану Путятину, въ бытность его въ столицѣ, въ канцеляріи сената «былъ сказанъ Е. В. Государя указъ», «о высылкѣ въ С.-Петербурхъ всѣхъ лантратовъ изъ Нижегородской губерніи» «по первому зимнему пути сего 717 году, а потомъ и самому ему въ С.-Петербурхъ быть же» [3]).

Всѣ эти указы не успѣли еще произвести своего дѣйствія, ландраты еще не съѣхались, какъ сенатъ, потверждая свой прежній указъ (отъ 27 сентября), вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ ландратовъ представленія разныхъ вѣдомостей о сборахъ. «Нынѣ же, читаемъ изъ сенатскаго приговора 10 октября, съ собою привесть вѣдомости 715, 716 г. всякимъ денежнымъ зборамъ какъ таможеннымъ и кабацкимъ и табашнымъ, такъ и другимъ оброчнымъ зборамъ и съ купечества и съ крестьянства порознь по зборамъ, прописавъ оклады, и въ томъ числѣ, что въ которомъ году взято и въ доимкѣ» [4]).

Не было ничего удивительнаго, что ландраты, отъ которыхъ потребовали новыхъ и довольно сложныхъ вѣдомостей, въ Петербургъ не являлись и переписныхъ книгъ не присылали. Тогда сенатъ 23 января 1718 г. постановляетъ: «въ губерніи къ генералъ-губернаторамъ и къ губернаторамъ и къ вице-губернаторамъ послать еще указы, чтобъ они по прежде посланнымъ къ нимъ указамъ ландратовъ съ переписными книгами каждой своей доли выслали въ С.-Петербурхъ немедленно,

---

[1]) Сенатскій приговоръ отъ 27 сентября (№ 68. л. 65—6). Соотвѣтствующій указъ уже 28 сент. былъ посланъ въ Нижегород. губ. (№ 631, л. 699).

[2]) Подъ приведенными словами рукою Нарышкина подписано: «октября 2 дня сей Великаго Государя указъ слышалъ губернаторъ Нарышкинъ» (тамъ же, № 126, л. 744).

[3]) Отъ 2 окт. 1717 г. (А. М. Ю., № 131, л. 696).

[4]) А. М. Ю., дѣла сената, № 518, л. 209. Соотвѣтствующій указъ былъ посланъ въ Нижегородскую губернію 31 окт. и подтвержденъ 30 ноября (№ 131, л. 700—2).

и которые поѣдутъ чрезъ Москву, и они-бъ явились въ Москвѣ правительствующему сенату, а которые нынѣ въ Москвѣ, и тѣхъ спросить, что у нихъ тѣ переписные книги готовы ль и изъ нихъ перечневыя выписки и табели учинены ль» [1]).

Но и этотъ указъ успѣха не имѣлъ, давно уже прошелъ «первый зимній путь», а ландраты не пріѣжали. Кромѣ того, что составленіе нѣсколькихъ различныхъ вѣдомостей отнимало много времени и труда, постоянныя текущія дѣла требовали ихъ присутствія на мѣстахъ. На это указывали и сами губернскіе управители. Такъ вышепомянутый Нижегородскій вице-губернаторъ въ доношеніи сенату (отъ 15 декабря 1717 г.) указывалъ, что по высылкѣ ландратовъ и по его отбытіи въ Петербургъ, какъ того требовало сенатское распоряженіе, некому будетъ «отправлять» «всякіе окладные настоящіе и повсягодные и запросные зборы и рекрутскій наборъ» и другія дѣла, «понеже, поясняль онъ, въ остаткѣ одинъ лантрихтеръ и тотъ у многихъ особыхъ дѣлъ». Потому кн. С. Путятинъ просилъ сенатъ опредѣлить, «кому (въ канцеляріи Нижегородской губ.) всякое управленіе чинить», такъ какъ своею властью замѣстить себя какимъ-либо «знатнымъ человѣкомъ изъ царедворцовъ» онъ «не смѣетъ» [2]).

Сенатъ въ этотъ разъ не проникся доводами Нижегородскаго вице-губернатора и въ своемъ приговорѣ отъ 24 января 718 г. опредѣлилъ: «князю Путятину и лантратомъ о бытіи въ С.-Петербурхъ чинить по прежде посланнымъ Е. В. Государя указомъ о всемъ неотмѣнно, а по отъѣздѣ ихъ государевы и всякія дѣла управлять лантрихтеру, а въ доляхъ опредѣленнымъ камиссарамъ» [3]).

Однако указаніе Путятина на неудобства при вызовѣ въ сенатъ всѣхъ ландратовъ сразу не было одиночнымъ, а потому въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ сенатское распоряженіе было измѣнено въ томъ смыслѣ, что ландратовъ высылать требовалось не всѣхъ сразу, а въ половинномъ количествѣ. Указъ объ этомъ (отъ 17 февраля) гласилъ слѣдующее: «Губернаторамъ и вице-губернаторамъ, которые одни въ губерніяхъ, быть въ С.-Петербурхъ по прежнему Е. В. Государя указу, а лантратовъ изо всѣхъ губерней въ С.-Петербурхъ съ переписными книгами нынѣ выслать по половинѣ, по ихъ губернаторскому разсмотрѣнію, а другую половину для отправленія всякихъ въ губерніяхъ дѣлъ оставить въ тѣхъ губерніяхъ; а какъ помянутые лантраты изъ С.-Петер-

---

[1]) Тамъ же, № 523, л. 12—14.
[2]) А. М. Ю., № 131, л. 706.
[3]) Тамъ же, л. 707.

бурха будутъ отпущены, и потомъ выслать безо всякого мотчанія и другихъ, которые нынѣ въ губерніяхъ будутъ оставлены» [1]).

Только съ 1718 г. ландраты начинаютъ медленно съѣжаться въ Петербургъ и привозить съ собой требуемыя книги и вѣдомости. Къ концу сентября 1718 г., годъ спустя послѣ указа о высылкѣ ландратовъ, когда близокъ былъ новый «зимній путь», въ сенатѣ перебывала лишь незначительная часть ландратовъ, а именно изъ С.-Петербургской губерніи—1, изъ Архангелогородской—2, изъ Рижской—3, Казанской—6, Московской—9, всего—21 человѣкъ; а изъ другихъ губерній никто не явился [2]).

Въ ближайшіе мѣсяцы ландраты продолжали пріѣжать, но пріѣздомъ своимъ далеко не всѣ исправились. Это было замѣчено генералъ-ревизоромъ В. Зотовымъ, и онъ, зная, что «по многимъ указомъ не исполнено», «господамъ сенаторамъ о такихъ неисправахъ не токмо словесно, но и письменно неоднократно доносилъ». Однако сенаторы не обращали вниманія на его представленія: «тѣ мои доношенія, пишетъ Зотовъ, уничтожены». Тогда В. Н. Зотовъ, по долгу своей службы, обратился къ Государю съ доношеніемъ о «неисправахъ», среди которыхъ, упоминая о переписи, пишетъ: «Перепись ландрацкая началась съ 715 году, чему уже три года, и не только по указу лантраты съ тою переписью по первому зимнему пути 717 году сюда не пріѣхали, но и по се число многіе не бывали» [3]).

Ландратскія книги, не смотря на неоднократные подтвердительные указы [4]), поступали медленно и въ слѣдующемъ 1719 г., хотя сенатъ кромѣ того напоминалъ губернскимъ властямъ послѣ каждаго пріѣзда ландрата. Обычно бывало такъ. Ландратъ, пріѣхавши въ Петербургъ, подавалъ въ сенатъ доношеніе, въ которомъ давалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ходѣ переписнаго дѣла въ своемъ ландратствѣ, иногда приводилъ итоги своей переписи, сравнивая ея результаты съ числомъ дворовъ и людей переписи 1678, 1710 и другихъ годовъ, въ которые бывала перепись въ его мѣстности; все это дѣлалось въ зависимости отъ того, были у него подъ руками такія свѣдѣнія или нѣтъ.

---

[1]) Въ концѣ указа прибавлено: «также тѣмъ лантратомъ привесть съ собою вѣдомость о зборѣ провіантскихъ денегъ по прежнимъ указамъ» (тамъ же, № 523, л. 136—139).

[2]) Болѣе подробныя указанія о томъ, кто именно въ сенатъ къ концу сент. 1718 г. явился и какого рода распоряженіе отдавалъ сенатъ послѣ такихъ явокъ, можно найти въ сенатской выпискѣ, имѣющейся въ дѣлѣ № 641, л. 331 и сл.

[3]) Доношеніе отъ 10 декабря 1718 г. (Г. А., Каб. П., II, № 36, л. 99).

[4]) «Въ подтвержденіе (указа 25 сент. 1717 г.) послано указовъ: въ Московскую губ.—2, въ С.-Петерб.—4, Архангелогор.—4, Сибир.—4, Казанск.—3, Нижегород.—5, Кіев.—2, Рижскую—5, Азовскую—2» (Изъ сенат. выписки—А. М. Ю., № 660, л. 411).

А затѣмъ шла просьба о томъ, чтобы переписныя книги были приняты и онъ былъ отпущенъ въ свою губернію. Въ канцеляріи сената книги просматривались и если все было въ порядкѣ, то дѣло о явившемся ландратѣ шло въ докладъ, и сенатъ дѣлалъ постановленіе: такого то ландрата «отпустить въ (такую то) губернію по прежнему»[1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ всякій разъ напоминалъ: «а достальныхъ лантратовъ... высылать въ С.-Петербурхъ, не мотчавъ».

Но и такія напоминанія не всегда дѣйствовали. Близился къ концу 1719 годъ, переписи съ начала ея истекалъ четвертый годъ, однако она была еще далека до завершенія. Тогда сенатъ приступилъ къ болѣе крутымъ мѣрамъ. Чтобы выяснить неисправныхъ, 1-го октября отдается распоряженіе: «сенатскимъ канцеляристамъ подъ симъ подписать, изъ которыхъ доль и кто лантраты переписныя книги въ сенатъ подали и сколько книгъ и откуда такихъ же книгъ не подано и зачѣмъ, о томъ отвѣтствовано ль»[2]). Со сводкой сообщеній, представленныхъ канцеляристами по отдѣльнымъ губерніямъ, дѣло нѣсколько замедлилось; въ декабрѣ мѣсяцѣ было отдано второе подобное же распоряженіе: «подписать немедленно», кто изъ ландратовъ съ переписными книгами въ Петербургѣ не бывали.

По справкамъ выяснилось, что «изъ губерней въ присылкѣ 344 книги», не прислано же: изъ С.-Петербургской губ. изъ 11 доль, Азовской—изъ 21 города, Рижской—изъ 3-хъ городовъ, Архангелогородской—изъ 3-хъ доль, Московской—изъ 8 городовъ, Казанской—изъ одного города. А изъ Кіевской и Сибирской губерній не только никто изъ ландратовъ не пріѣзжалъ, но и не было сообщено въ сенатъ, кто былъ у переписи[3]).

---

[1]) Ландратамъ давался изъ канцеляріи сената «отпускъ», въ которомъ предписывалось «по городамъ комендантомъ и на заставахъ управителемъ онаго (N) отъ С.-Петербурха до N губерніи пропущать безъ задержанія" (А. М. Ю., № 78, л. 766).

[2]) Тамъ же, № 660, л. 436.

[3]) «А по справкѣ въ сенатѣ переписныхъ книгъ подано: изъ С.-Петербурхской въ присылкѣ изъ 8 доль, подлинныхъ—18, перечневыхъ 8 книгъ.

Не прислано изъ 11 доль, а имянно: изъ Нова-Города и Шелон. пятины——отъ лантрата Ив. Мякинина, изъ Бѣжецкой и Деревской пятинъ—отъ Г. Квашнина-Самарина, изъ Пскова и изъ уѣзду—отъ Вас. Милюкова, изъ Ярославля и Ярославскаго у., изъ Ярославскаго жъ у. Гороцкого и Слюжны становъ—отъ Никиты Квашнина-Самарина, изъ Ярославскаго жъ у. Верховского стану—отъ Льва Мусина-Пушкина, изъ Ярославского жъ у. Едомской и Череможской волостей отъ лантрата Парѳена Захарова, изъ Романова и уѣзду отъ князя Димитрія Нерыцкаго, изъ Торопца и Великихъ Лукъ отъ лантрата Льва Челищева, изъ Пошехонья и уѣзду отъ Ѳедора Сикорскаго, изъ Ямбурга и Копорья и уѣздовъ отъ камисара Рукина.

Отсюда видно, что добрая половина ландратовъ и къ началу 1720 года переписью не исправились. Тогда сенатъ прибѣгаетъ къ экстреннымъ мѣрамъ: 11 января 1720 года, «слушавъ выписки» о неявившихся переписчикахъ, сенатъ приказалъ:

«Лантратовъ, которые переписывали въ губерніяхъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы... выслать въ С.-Петербургъ за карауломъ скованныхъ», а губернскимъ властямъ было сдѣлано предупрежденіе, что за всякое «умедленіе» въ исполненіи этого указа, на нихъ самихъ будетъ «взыскано жестоко» [1]).

Январскій указъ 1720 г. повлекъ за собой усиленный пріѣздъ ландратовъ; если же ландраты не могли по какимъ либо причинамъ пріѣхать сами, то высылались въ сенатъ переписныя книги съ комисса-

---

Изъ Азовской: въ присылкѣ подлинныхъ—39, да перечневыхъ 1 книга. Не прислано изъ 19 городовъ, а имянно: изъ Чугуева, Шацка, Керенска, Троицкаго Острогу, Верхняго Ломова, Урыва, Красной Слободы, Наровчаторскаго Городища, съ Черни, изъ Новаго Оскола, изъ Тополей, изъ Волуйки, изъ Усерда, изъ Верхососенка, и изъ Полатова, и изъ Костенска. А отъ кого лантратовъ имянемъ не прислано, о томъ въ сенатѣ невѣдомо.

Изъ Рижской: въ присылкѣ подлинныхъ и перечневыхъ изъ 9 лантратствъ 29 книгъ. Не прислано изъ 3-хъ городовъ, а имянно: изъ Зубова, изъ Старицы, изъ Погорѣлого Городища, отъ кого имянемъ лантрата въ присылкѣ нѣтъ, о томъ въ сенатѣ невѣдомо.

Изъ Архангелогородской: въ присылкѣ изъ 7 доль—27 книгъ. Не прислано изъ 3 доль, а имянно, изъ Вологодской отъ Андрея Курбатова, изъ Тотемской отъ Карпа Неелова, изъ Галицкой отъ Петра Лыкова (на поляхъ: „присланы“)

Изъ Московской: въ присылкѣ изъ 19 городовъ—108 книгъ. Не прислано изъ 8 городовъ, а имянно: изъ Ярославца Малого, изъ Можайска, изъ Борисова, изъ Звенигорода, изъ Гремячева, изъ Крапивны, изъ Богородицкаго, изъ Дѣдилова. А отъ кого лантрата имянемъ не прислано, о томъ въ сенатѣ невѣдомо.

Изъ Казанской и изъ бывшей Нижегородской въ присылкѣ подлинныхъ и перечневыхъ 120 книгъ. Не прислано изъ Болохонскаго у., изъ Боровской доли отъ лантрата Степана Нестерова.

Изъ Кіевской: переписныхъ книгъ ничего не прислано, а губернаторъ отвѣтствовалъ, что лантраты забраны въ Курскъ къ Головину многіе и держались за карауломъ. Кто лантраты у переписи были, о томъ невѣдомо.

Изъ Сибирской: переписныхъ книгъ не прислано и не отвѣтствовано. Кто лантраты у переписи были, о томъ невѣдомо.

Итого изъ губерней въ присылкѣ—344 книги. Не прислано: С.-Петербургской изъ 11 доль, Азовской изъ 21 города, Рижской изъ 3-хъ городовъ, Архангелогородской изъ 3-хъ доль, Московской изъ 8 городовъ, Казанской изъ 1 города.

А изъ Кіевской и изъ Сибирской ничего не прислано и кто были у переписи, о томъ въ сенатъ вѣдѣнія не прислано“. (Изъ сенатской выписки, послужившей основаніемъ для приговора 11-го января 1720 г.— А. М. Ю., № 660, л. 411—415).

[1]) Сенатскій указъ отъ 15 января 1720 г. (А. М. Ю., № 191, л. 1).

рами, дворянами—переписчиками, а иногда и просто съ подьячими, бывшими у переписи. Къ іюлю мѣсяцу переписныя книги уже были «въ присылкѣ изо всѣхъ городовъ» Московской губ., Архангелогородской и Смоленской. Изъ Казанской и Нижегородской, Азовской были присланы почти всѣ книги, за исключеніемъ двухъ мѣстъ (Балахонскаго у. Боровской доли и города Ливенъ). Болѣе неисправными оказались Кіевская губернія, не прислављая переписныхъ книгъ изъ 7 мѣстъ, и Петербургская—изъ 9 долей. Сибирская же губернія не прислала ни одной переписной книги [1]).

Этимъ и закончилась присылка книгъ. О неисправныхъ переписчикахъ еще долгое время продолжалась переписка: сенатъ требовалъ ихъ высылки, а губернскія власти или не могли этого сдѣлать по разнымъ причинамъ или оттоваривались и представляли въ С.-Петербургъ длинныя объясненія. Изъ этой переписки видно, что нѣкоторые ландраты, переписывавшіе дворы, умерли, не докончивъ начатаго дѣла, на другихъ тамъ же возложены были иныя обязанности, а многіе были

---

[1]) Изъ Кіевской губ. было прислано 26 книгъ, а «не прислано книгъ изъ городовъ: бѣлевскихъ, болховскихъ, чернскихъ, орловскихъ, мценскихъ».

Изъ С.-Петербурга были доставлены книги изъ Романова и Пошехонья, изъ остальныхъ же 9 долей, указанныхъ въ прежнемъ реестрѣ, книги не были присланы (№ 660, л. 423—432, гдѣ помѣщенъ «Реестръ о лантратскихъ книгахъ», въ которомъ по губерніямъ сообщается о томъ, откуда и сколько переписныхъ книгъ прислано и откуда не прислано).

Ландратскія книги, согласно сенатскому постановленію отъ 4 марта 1719 г., должны были быть отправлены на храненіе въ камеръ-коллегію. Однако онѣ до іюня мѣсяца 1721 г. все еще лежали въ канцеляріи сената, и только послѣ просьбы со стороны камеръ-коллегіи (доношеніе отъ 31 марта) состоялся 19 іюня приговоръ сената, подтверждавшій его прежнее постановленіе: „переписныя ландратскія книги и перечневыя выписки и табели по прежнему ихъ прав. сената приговору отослать въ камеръ-коллегію"; куда былъ посланъ (21 іюня) соотвѣтствующій указъ съ сообщеніемъ, что «переписныя ландратскія книги посылаются при семъ указѣ съ особыми по губерніямъ реестрами».

Изъ сенатской справки, предшествующей сенатскому приговору, видно, что къ тому времени въ канцеляріи сената переписныхъ книгъ изъ губерній оказалось «въ присылкѣ: изъ Кіева переписныхъ 24, перечневыхъ 2; изъ СПБургской—подлинныхъ 27, перечневыхъ 11; изъ Арханг.—подлин. 38, перечн. 5; Казанской—подлин. 70, перечн. 32; изъ Нижегород.—подлин. 19, перечн. 12; Смоленск.—подлин. 19, перечн. 12; Москов.—подлин. 66, перечн. 51, табелей 54; Азовской—подлин. 59, перечн. 3. Всего подлинныхъ 322, перечн. 129». (А. М. Ю., № 660, л. 420, 434—5).

Въ настоящее время ландратскія переписныя книги хранятся въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи; по списку, имѣющемуся въ Архивѣ, ихъ насчитывается до 330 (нѣсколько меньше сравнительно съ числомъ, указаннымъ Ивановымъ въ Описаніи разр. архива старыхъ дѣлъ); на самомъ же дѣлѣ ихъ гораздо меньше: добрая половина книгъ „ландратскихъ" по времени и по содержанію не соотвѣтствуютъ своему названію.

или совсѣмъ удалены отъ должности или же переведены въ другіе города и уѣзды. Какъ разъ годы собиранія переписныхъ книгъ (1718—1721) совпали съ ломкой провинціальной администраціи, когда одни учрежденія и должности упразднялись, другія же вводились въ жизнь; старый порядокъ прекращался, а новый еще не былъ введенъ, когда, по словамъ московскаго губернатора, «все стало въ остановкѣ, и не точію по новому манеру, но и по старому сбирать стало невозможно» [1]).

Особенно много хлопотъ доставила сенату Великолуцкая провинція, изъ которой, не смотря на неоднократныя распоряженія, переписныхъ книгъ не присылали, а представляли пространныя объясненія. Послѣ одного изъ такихъ объясненій, отчаявшись завершить дѣло, а также зная, что со взятіемъ подушныхъ сказокъ дворовая перепись уже теряетъ свое прежнее значеніе, сенатъ въ сентябрѣ 1721 г. опредѣлилъ: «оную перепись отставить», переписныя книги—присылать въ камеръ-коллегію, а «которыхъ городовъ, селъ и деревень той переписи не учинено, о томъ въ ту коллегію прислать вѣдомости» [2]).

Такъ не совсѣмъ удачно окончилась ландратская перепись. Тянулась она почти 6 лѣтъ (считая съ 10 декабря 1715 г. по сентябрь 1721); благодаря своей продолжительности она пережила ту цѣль, для которой предназначалась: если бы даже ландратская перепись и показала въ своихъ итогахъ дѣйствительное количество дворовъ, то ея цифры уже не были необходимы для обложенія, такъ какъ въ 1721 г. заканчивался пріемъ сказокъ о душахъ мужскаго пола и вскорѣ предполагалось ввести новую податную систему.

Однако собирая цифры о душахъ, правительство думало объ итогахъ и ландратской переписи. Еще въ 1717 и въ 1718 г. оно неоднократно въ своихъ распоряженіяхъ указывало, что въ этой переписи «обстоитъ нужда»; позднѣе же, въ 1719 и 1720 году, когда сказки о душахъ собирались у В. Н. Зотова, сенатъ одновременно торопилъ ландратовъ съ представленіемъ переписныхъ книгъ и заявлялъ, что эти книги нужны «для сочиненія генеральной табели». Была ли «сочиняема» такая табель или нѣтъ—неизвѣстно, скорѣе всего—нѣтъ, но что сенатъ хотѣлъ подвести итоги ландратской переписи и узнать точно цифры дворовъ и людей—это ясно видно изъ его указа 15 января 1720 года и изъ дальнѣйшихъ многочисленныхъ указовъ, когда сенатъ, въ отвѣтъ на представленія изъ губерній, отдавалъ приказъ—всѣми мѣрами перепись окончить и переписныя книги представить въ сенатъ. Эта настойчивость сената разбилась лишь послѣ долгой мелочной переписки, когда выяснилась вся трудность сбора остальныхъ неприсланныхъ ландратскихъ книгъ.

М. Клочковъ.

---

[1]) См. объ этомъ у М. М. Богословскаго, Областная реформа, 74—75.
[2]) А. М. Ю., № 191, л. 278.

XXXI.

Къ исторіи русской грамматики и грамматической терминологіи.

Схемы, термины и опредѣленія русской грамматики восходятъ, какъ извѣстно, къ двумъ источникамъ. Съ одной стороны, южные славяне и древняя Русь получили наслѣдіе греческой науки непосредственно путемъ перевода соотвѣтственныхъ трактатовъ на славянскій языкъ, а, съ другой стороны, въ XVI в. попала въ Москву въ переводѣ толмача Дмитрія Герасимова латинская элементарная грамматика, такъ называемый Донатъ. На западѣ существовалъ рядъ учебниковъ латинскаго языка въ діалогической формѣ извѣстныхъ подъ этимъ именемъ, ставшимъ нарицательнымъ изъ собственнаго, принадлежавшаго ученому IV в. (Ягичъ, Разсужденія старины о церковно-славянскомъ яз.—Изслѣдованія по русскому яз., изданіе Отд. р. яз. и слов., Спб. 1895, стр. 812 сл.). Одно изъ такихъ руководствъ и было переведено Дмитріемъ Герасимовымъ. Было бы, однако, ошибочнымъ мнѣніе, что эта новая струя грамматической мудрости была чѣмъ-то совершенно новымъ для русскихъ книжниковъ того времени. Латинская грамматика является, какъ намъ хорошо извѣстно, перенесеніемъ результатовъ греческой науки на италійскую почву съ нѣкоторымъ приспособленіемъ къ особенностямъ латинскаго языка. Съ теченіемъ времени работа римскихъ ученыхъ перешла къ новымъ европейскимъ народамъ, которые получили наслѣдіе античной греческой мысли въ области грамматики въ отличіе отъ южныхъ и восточныхъ славянъ не непосредственно. По отношенію къ этимъ послѣднимъ возникаетъ интересный вопросъ, какіе результаты имѣла здѣсь встрѣча двухъ теченій, двухъ варіантовъ, восточнаго и западнаго. Не имѣя возможности представить въ настоящее время исчерпывающаго изслѣдованія на эту тему, я ограничусь разсмотрѣніемъ лишь нѣкоторыхъ характерныхъ явленій въ предѣлахъ грамматики русскаго языка и ея предшественницы—грамматики церковно-славянской.

Въ переводной съ греческаго статьѣ „о восьми частяхъ слова“, авторомъ которой считали безъ достаточныхъ основаній, какъ мы это теперь знаемъ *), Іоанна Дамаскина, между тѣмъ какъ самый переводъ нерѣдко приписывали Іоанну экзарху, мы находимъ слѣдующіе термины, обозначающіе части рѣчи: имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣсто имени (мѣсто имене), предлогъ, нарѣчіе (нарѣченіе), союзъ. Во избѣжаніе недоразумѣній спѣшу оговориться, что я привожу здѣсь термины въ современной намъ орѳографіи и въ скобкахъ указываю лишь словесные (не орѳографическіе) варіанты рукописей. Точно такъ же я оставляю въ сторонѣ вопросъ о подлинникѣ упомянутой статьи и отсылаю къ изслѣдованію Ягича, который на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи данныхъ считаетъ ее компиляціей изъ позднихъ греческихъ источниковъ, составленной въ Сербіи въ XIV в. Дѣлаю это потому, что для меня въ данный моментъ важенъ только несомнѣнный фактъ греческаго происхожденія нашего источника.

Принимая тѣ же восемь частей рѣчи, которыя опредѣляла для своего языка греческая грамматическая традиція, книжникъ-славянинъ, переносившій схему своего источника на новую почву, естественно долженъ былъ очутиться въ затрудненіи, какъ быть съ частью рѣчи, именуемою ἄρθρον. Въ своихъ источникахъ онъ находилъ указаніе на то, что ἄρθρον извѣстно двоякаго рода: προτασσόμενον (предчинное) и ὑποτασσόμενον (подчинное). Подъ послѣднимъ греческая грамматика понимала относительное мѣстоименіе, существующее и въ славянскомъ языкѣ; „предчинному“ же члену на славянской почвѣ соотвѣтствія не оказывалось, поэтому пришлось для спасенія схемы искусственно считать то же самое подчинное **иже**, **аже**, **еже** предчиннымъ. Далѣе, какъ уже указалъ Ягичъ (l. c. 352—353), славянскій переводчикъ слѣдовалъ той школѣ, которая считала главною ролью члена обозначенія рода имени, противъ чего особенно сильно возражалъ Аполлоній Дисколъ: 1) нѣтъ вообще ни одной части рѣчи, которая бы служила для устраненія двусмысленности другой части рѣчи, и 2) членъ въ нѣкоторыхъ формахъ не даетъ указаній на родъ имени, напр. τῶν (*Steinthal, Gesch. d. Sprachw.* II², p. 307). Указанною выше теоріею объясняется, надо думать, и самъ терминъ „различіе“. Слабый проблескъ самостоятельной наблюдательности переводчика, по выраженію Ягича, сказался при этомъ въ томъ, что онъ признаетъ ненужность члена при имени въ косвенныхъ падежахъ.

Различіе, какъ особая часть рѣчи, продолжала фигурировать вплоть до Мелетія Смотрицкаго, который выбросилъ за бортъ эту несвойственную славянскому языку категорію (Ἄρθρον: сирѣчь часть слова, различіе называемую, Славенскому языкови не свойственну оставихомъ, мѣсто-

*) Ягичъ, Разсужденіе, стр. 327 сл.

имѣнію долгъ ея доволнѣ исполняющу). Интересно отмѣтить, что московская передѣлка грамматики Смотрицкаго вновь ввела различіе, устранивъ введенное Смотрицкимъ междометіе.

О междометіи этотъ послѣдній говоритъ: „Во осмую же слова часть, междометіе, Латински *interiectio* называемую, свойственнѣ пріяхомъ". Въ упомянутомъ выше Донатѣ мы находимъ терминъ различіе въ соотвѣтствіи съ латинскимъ *interiectio*. Очевидно, Дмитрій Герасимовъ воспользовался извѣстнымъ ему словомъ, давъ ему при этомъ новое значеніе. Интересно отмѣтить, что у Ломоносова мы находимъ „междуметіе", тогда какъ „междометіе" Смотрицкаго образовано по типу славянскихъ сложныхъ словъ съ сложными основами, гдѣ первая основа оканчивается на *о*. Выдѣленіе междометія въ особую часть рѣчи было сдѣлано на римской почвѣ, и съ этихъ поръ оно фигурируетъ во всѣхъ грамматикахъ, хотя, какъ мы теперь знаемъ, междометіе, какъ классъ знаковъ языка, не можетъ быть соотносительно съ классами: имя, глаголъ и т. д., уже по той причинѣ, что сюда относятся знаки чувствъ, а то—знаки предметовъ мысли.

Что касается причастія (μετοχό), то эта часть рѣчи является и у латинскихъ грамматиковъ (participium). Еще Ломоносовъ сохранилъ причастіе въ качествѣ особой части рѣчи, хотя и съ другимъ опредѣленіемъ „причастіе для сокращенія, соединеніемъ глагола и имени въ одно реченіе". Греческая и латинская традиція опредѣляла причастіе, какъ часть рѣчи, участвующую въ свойствахъ глагола и имени, при чемъ латинская грамматика пошла дальше, указывая точнѣе, что̀ именно является у причастія общаго съ глаголомъ и съ именемъ. Затрудненіе, въ которомъ находится грамматическая традиція объясняется очень просто: причастіе по однимъ формамъ принадлежитъ къ прилагательнымъ, по другимъ къ глаголамъ; ясно поэтому, что оно и не будетъ находить себѣ надлежащаго мѣста, пока не будетъ устранено изъ ученія о частяхъ рѣчи недопустимое смѣшеніе принциповъ дѣленія (форма, значеніе, роль въ предложеніи). Впрочемъ, нужно сказать, современная школьная теорія послѣдовательнѣе греческой въ одномъ пунктѣ: причастіе, какъ и неопредѣленная форма, одинаково относятся къ глаголу, тогда какъ греки выдѣляли причастіе въ особый классъ, оставляя неопредѣленную форму при глаголѣ.

Терминъ мѣстоименіе мы находимъ уже у Смотрицкаго. Зизаній пробовалъ замѣнить прежнее реченіе мѣсто имени сложнымъ словомъ мѣстоимя. Въ Донатѣ мы находимъ вслѣдствіе невѣрнаго пониманія латинскаго слова *pronomen*—проименіе.

Терминъ рѣчь, соотвѣтствующій греч. ῥῆμα, въ Адельфотисѣ замѣненъ терминомъ глаголъ, который мы находимъ у Мелетія Смотрицкаго

и въ дальнѣйшей грамматической литературѣ. Въ Донатѣ при рѣчь мы находимъ и терминъ слово (лат. verbum).

Что касается терминовъ предлогъ, нарѣчіе и союзъ, то они ведутъ свое начало отъ статьи о 8 частяхъ словъ (греч. *πρόθεσις*, *ἐπίῤῥημα*, *σύνδεσμος*). Въ Донатусѣ была сдѣлана попытка передѣлать латинскіе термины *adverbium* и *propositio* словами „предлогъ слову“ и „представленіе“.

Античная грамматика не выдѣляла, какъ мы знаемъ, прилагательныхъ въ особую грамматическую категорію по той причинѣ, что она свои опредѣленія базировала на предшествующей работѣ философовъ, исходившихъ для имени изъ понятіи *ποιότης*, т. е. изъ обозначенія предмета по его качествамъ.

Новая грамматическая теорія, плохо воспринимающая выводы научнаго языкознанія, различаетъ, какъ мы знаемъ, въ качествѣ особыхъ частей рѣчи „имя прилагательное“ и „имя числительное“. Послѣдняя категорія, является плодомъ чистаго недоразумѣнія, при чемъ русская грамматика XIX в. послѣдовала здѣсь за западными образцами. Слова числительныя—это или существительныя, или прилагательныя. Несклоняемыя числительныя должны быть, понятно, отнесены къ тому классу полныхъ словъ (не частичныхъ, которыми являются предлогъ, союзъ и часть нарѣчій), не имѣющихъ ни падежныхъ, ни личныхъ формъ; сюда же принадлежатъ по этому признаку неопредѣленная форма (отнюдь не наклоненіе) глагола и дѣепричастіе.

Рабское слѣдованіе греческому оригиналу заставило переводчика признать и для славянскаго языка только 5 „падежей“, т. е. падежи: правый, родный, виновный, дательный, звательный (въ подлинникѣ вслѣдствіе иного согласованія: права и т. д.). Что касается перваго термина, то онъ передаетъ греческій терминъ *ὀρθή* (*εὐθεῖα*); терминъ „виновный“ соотвѣтствуетъ греческому обозначенію *αἰτιατική*, которое и римлянами было понято аналогичнымъ образомъ; *accusandi casus* или *accusativus* у Варрона повторяетъ или, лучше сказать, предвосхищаетъ ошибку славянскаго переводчика. Это и неудивительно, такъ какъ сами греческіе грамматики толковали слово *αἰτιατική* (*sc.* *πτῶσις*) неправильно, забывъ скоро истинное его значеніе въ данномъ употребленіи и указывая своимъ подражателямъ ложный путь. Штейнталь (*Geschichte der Sprachwissenschaft* I², *p.* 302) совершенно справедливо полагаетъ, что правъ Тренделенбургъ, сопоставляющій этотъ терминъ, введенный еще философами, у которыхъ взяли его грамматики, съ словомъ *αἰτιατόν* „причиненное“: „*is erit casus qui ad actionis effectum indicandum ratus est, ut eum non accusativum, sed potius effectivum vel causativum reddi opportuerit*“, говоритъ Тренделенбургъ. Интересно отмѣтить, что латинскій грамматикъ Присціанъ, опираясь на греческое толкованіе, вы-

водившее названіе разсматриваемаго падежа между прочимъ изъ такого выраженія, какъ αἰτιῶμαι Ἀρίσταρχον, предлагалъ два термина: *accusativus sive causativus: accuso hominem et in causa hominem facio* (*Steinthal*, II² p. 266). Что касается слова „родный“, то оно передаетъ греч. γενική, при чемъ и здѣсь греческіе источники, вышедшіе изъ грамматической школы александрійцевъ, навели на ложный путь. Первоначальнымъ значеніемъ этого термина у стоиковъ было, вѣроятно: падежъ, обозначающій родъ (γένος) (*Steinthal*, 265); въ основаніи такого опредѣленія лежатъ извѣстныя въ широкой мѣрѣ въ греч. яз. случаи употребленія этого падежа въ значеніи такъ называемомъ (неправильно) родит. раздѣлительнаго. Діонисій Ѳракійскій терминъ γενική поясняетъ словами κτητική и πατρική. У латинскихъ грамматиковъ являются соотвѣтственно обозначенія: *patricus casus*; *patrius*; *possessivus et paternus*. Такимъ образомъ и здѣсь греческая традиція сама пошла по ложной дорогѣ, на которую естественно вступали и затѣмъ ея переводчики и перелагатели.

Итакъ, славянскій грамматическій трактатъ, о которомъ идетъ рѣчь, воспользовался въ отношеніи ученія о падежахъ готовой схемой, механически пересадивъ ее на родную почву и не замѣтивъ того, что въ данныя рамки не укладывается все разнообразіе соотвѣтствующихъ явленій своего языка. Римляне поступили иначе. Уже Варронъ прибавилъ одинъ падежъ: *sextus casus*, *qui est proprius Latinus*; впослѣдствіи онъ получилъ названіе *ablativus*, встрѣчающееся у Цезаря, на которомъ и остановились окончательно, послѣ попытки ввести терминъ comparativus. Впрочемъ, какъ указываетъ Штейнталь (II², p. 266), римляне, исходя изъ разнообразія случаевъ употребленія своего „шестого“ падежа, пытались выдѣлить изъ него еще 7 и 8 падежи.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись на Руси къ тому факту, что латинская грамматика, съ которой познакомились, благодаря Димитрію Герасимову (см. выше), знала особый падежъ—*ablativus*, не имѣвшій эквивалента въ греческой теоріи. Въ „Допатусѣ“, изданномъ Ягичемъ по Казанскому списку, мы находимъ слѣдующія названія „падежей“: именовательное, или правое по гречески; родственное, дательное; виновное; звательное и отрицательное. Послѣдній соотвѣтствуетъ латинскому отложительному и поясняется примѣромъ: отъ сего учителя. Изъ дальнѣйшаго обзора склоненій, представляющаго въ дошедшемъ до насъ спискѣ безтолковое, по выраженіи Ягича, перечисленіе латинскихъ формъ въ переводѣ на русскій съ сохраненіемъ кое-гдѣ латинскихъ словъ, написанныхъ славянскими буквами, вытекаетъ съ полною очевидностью, что переводчикъ имѣлъ въ виду именно латинскій аблативъ; въ значеніи творительнаго падежа, латинское magistro и было передано на славянскій языкъ „отъ учителя“, чему конечно способствовало латинское *a*,

ab при творит. ед. въ сочетаніи съ страдательною формою глагола. Само собою разумѣется, что передѣлка „Доната“ имѣла первоначальною цѣлью дать учебникъ латинскаго языка, и только въ рукахъ позднѣйшихъ писцовъ она стала „безтолковымъ“ созданіемъ, не дающимъ знанія ни латинской, ни русской грамматики. Интересно отмѣтить по отношенію къ тому пункту, который насъ интересуетъ въ данное время, что въ концѣ „Донатуса“, въ отдѣлѣ синтактическихъ наставленій, механически передано правило оригинала: *hos casus de pre coram sociеque gubernant;* въ латинскомъ текстѣ мы находимъ указаніе на отрицательный падежъ, зависящій отъ предлоговъ, напр., отъ дому, за страхъ, предъ свѣдѣніемъ. Здѣсь слв. *отъ*, очевидно, не въ томъ значеніи, въ какомъ оно дано было раньше.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что знакомство съ латинской грамматикой заставило задуматься людей XVI в. надъ приведеніемъ въ бо́льшій порядокъ и въ бо́льшее соотвѣтствіе съ фактами языка системы склоненій, взятой изъ греческаго. Когда именно и у кого впервые появился терминъ „творительный“ падежъ, сказать трудно. У Лаврентія Зизанія, грамматика котораго вышла въ Вильнѣ въ 1596 г., мы находимъ уже „творительный“ падежъ. Находимъ мы его и въ рукописной передачѣ статьи о восьми частяхъ слова (см. выше), напечатанной у Ягича подъ № 24.

Терминъ „именовательный“ (Донатусъ) падежъ, передающій лат. *nominativus**), вытѣсняетъ прежнее названіе „правый“, соотвѣтствующее, какъ мы видѣли, греческому ὀρθή; „именовный“ въ Адельфотисѣ и въ грамматикѣ Зизанія замѣненъ уже у Смотрицкаго нынѣ обычнымъ терминомъ „именительный“. „Винительный“ вм. прежняго „винованый“ является у Зизанія. Наконецъ, „родительный“ вм. „родный“ переводныхъ съ греческаго трактатовъ и „родственный“. Донатуса мы находимъ у Смотрицкаго. Наконецъ, у Смотрицкаго является еще сказательный падежъ: „Сказательный есть, имже сказуемъ: яко, о человѣцѣ“. Изъ этого поясненія видно, какимъ образомъ возникъ самый терминъ; путь былъ все тотъ же, знакомый намъ уже по греческимъ образцамъ: названіе для падежа образовывалось на основаніи того или другого случая его употребленія, частью произвольно выхваченнаго изъ ряда другихъ случаевъ. Ломоносовъ въ § 58 своей грамматики говоритъ: „Россійскій языкъ избыточествуетъ передъ прочими, для нѣкоторыхъ предлоговъ, седьмымъ особливымъ падежомъ, который безъ нихъ нигдѣ не употребляется. Напримѣръ: *городъ*, *городахъ*, *рукахъ*, *побѣдахъ* просто сказать нельзя; но съ предлогами: *въ городѣ*, *при городахъ*, *на рукахъ*, *въ побѣдахъ*. Въ Сла-

*) Лат. *nominativus* передаетъ греч. ὀνομαστική какъ между прочимъ назывался этотъ падежъ.

венской грамматикѣ названъ онъ *сказательнымъ;* но свойственнѣе названъ быть можетъ *предложнымъ*“. Любопытно отмѣтить, что въ предшествующемъ § Ломоносовъ, исходя изъ соображеній столь популярной въ XVIII в. „общей грамматики“, писалъ: „По самой натурѣ человѣческаго слова всѣ сіи падежи (т. е. 6 падежей латинской грамматики) потребны, при томъ и довольны“. Далѣе однако, оказывается, что нѣкоторые языки имѣютъ въ нихъ недостатокъ: „и для того имъ одинъ падежъ вмѣсто двухъ служитъ“, а „иные имѣютъ въ томъ избытокъ; и что у протчихъ одинъ падежъ изображаетъ, то въ два раздѣляютъ“. Въ этихъ дополнительныхъ замѣчаніяхъ въ сущности содержится опроверженіе общаго соображенія, однако, настолько были сильны предразсудки „философской грамматики“, что трезвый умъ Ломоносова не остановился передъ явною несообразностью: всѣ 6 падежей потребны по самой натурѣ человѣческаго слова и ихъ довольно, и, съ другой стороны, въ однихъ языкахъ падежей меньше, въ другихъ больше.

На этомъ мы пока остановимся. Быть можетъ, въ будущемъ представится возможность остановиться и на другихъ сторонахъ русской школьной грамматической теоріи, которая и въ самой жизни должна же наконецъ сдѣлаться предметомъ, имѣющимъ лишь историческое значеніе, уступивъ свое мѣсто новой наукѣ, подобно тому какъ аристотелевская физика уже давно замѣнилась новымъ естествознаніемъ.

В. Поржезинскій.

Май 1909 г.

XXXII.

Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.

Предметомъ настоящаго очерка является попытка обрисовать одну сторону дѣятельности русскихъ князей XV и первой половины XVI в., дѣятельности ихъ, не какъ владѣтельныхъ государей, а какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, хозяевъ и эксплоататоровъ обширныхъ земельныхъ богатствъ и угодій, попытка обрисовать размѣры ихъ хозяйства и характерныя черты ихъ хозяйственныхъ пріемовъ. Я имѣю въ виду при этомъ не мелкія княжества XIII и XIV вв., а тѣ крупные удѣлы, которые сложились къ началу XV в. и отчасти еще существовали въ первой половинѣ XVI. Характерныя стороны этого крупнаго удѣльно-княжескаго хозяйства сохранились и до болѣе поздняго времени, послѣ того какъ всѣ княжества слились въ одно Московское, такъ какъ на мѣстахъ хозяйственный бытъ не сразу измѣнялся, и съ переходомъ того или другого княжества подъ власть великаго князя, княжескія имѣнія мѣняли только хозяина, сохраняя свою прежнюю администрацію и организацію.

Резиденція князя въ XV в., будь то Москва, Переяславль-Рязанскій, Можайскъ или Галичъ, являлась не только политическимъ центромъ государства, но и центромъ обширнаго княжескаго хозяйства, тѣмъ, чѣмъ въ частной вотчинѣ является хозяйскій дворъ, хозяйская усадьба. Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ князей Москва-усадьба нерѣдко даже заслоняетъ собою Москву-столицу княжества. Москва XV в. окружена кольцомъ разсыпанныхъ по берегамъ Москвы-рѣки и Яузы селъ, деревень и починковъ, принадлежащихъ великимъ и удѣльнымъ князьямъ; на посадѣ и въ городѣ расположены ихъ дворы, сады и псарни, цѣлыя слободы княжескихъ мастеровъ, огородниковъ, садовниковъ; на Яузѣ, на Неглинной, на Клязьмѣ рядами тянутся княжескія мельницы. Вдоль низкихъ береговъ Москвы-рѣки и Ходынки раскинуты обширные заливные луга и покосы, принадлежащіе имъ. Окрестности Москвы заселены

княжескими оброчниками и купленными людьми, княжескими промышленниками—бобровниками, сокольниками, псарями, конюхами. За Москвой-рѣкой тянутся бортные лѣса. Добрятинская борть съ разбросанными по нимъ деревнями княжескихъ бортниковъ (пчеловодовъ). Среди всѣхъ этихъ селъ и деревень, садовъ и огородовъ, псаренъ и мельницъ, Кремль, наполовину застроенный княжескими дворами, съ ихъ службами-дворцами и житницами, съ сокольней и съ дворами портныхъ и мастеровъ, носитъ яркія черты большой усадьбы, господствующей надъ всей этой пестрой картиной княжескаго хозяйства. Такой же характеръ большой усадьбы носили и прочія княжескія резиденціи: въ Переяславлѣ, столицѣ Рязанскаго княжества, тотъ же рядъ княжескихъ дворовъ; подъ городомъ княжескія мельницы, поля и луга; на посадѣ сидятъ принадлежащіе князьямъ рыболовы и ястребники, за городомъ—ихъ бортники окологородные.

Такова общая картина княжескаго хозяйства XV в. На первомъ планѣ въ немъ стоитъ сельское хозяйство. Князья владѣли многочисленными селами съ уѣздами, съ нивами, съ покосами и съ пашнею. Уже Иванъ Калита перечисляетъ болѣе 50 принадлежащихъ ему селъ [1]). У его преемниковъ ихъ было гораздо больше; въ своихъ духовныхъ вел. кн. Василій Васильевичъ упоминаетъ болѣе 125 селъ или даже группъ селъ, принадлежавшихъ ему и членамъ его семьи, не считая тѣхъ которыхъ онъ не называетъ по имени [2]). Такія-же крупныя владѣнья были и у удѣльныхъ князей: Владиміръ Андреевичъ Серпуховской оставилъ своимъ наслѣдникамъ 38 селъ [3]); Юрій Васильевичъ, братъ Ивана III, князь Дмитровскій—31 село [4]); Иванъ Борисовичъ Волоцкій болѣе 50 [5]). Подъ самой Москвой у князей было нѣсколько очень крупныхъ селъ, какъ-то Воронцовское, Воробьевское, Красное село, Семчинское и много другихъ. Отъ Можайской дороги до Тверской, т. е. отъ теперешняго Смоленскаго рынка до Тріумфальной-Садовой, разбросаны были деревни, тянувшія къ селу Кудрину, принадлежавшему въ XV в. удѣльному князю Владиміру Андреевичу, двоюродному брату Дмитрія Донского. Надъ этой сѣтью деревушекъ господствовалъ на Трехъ Горахъ большой дворъ князя съ построенной при немъ церковью [6]). Таковъ обычный типъ княжескихъ селъ въ XV в. Село не представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое, это только центръ цѣлой группы выдѣлившихся изъ него починковъ и деревень; деревеньки и селища раскинуты на боль-

[1]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 21, 22.
[2]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 86—87.
[3]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
[4]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 96.
[5]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 132.
[6]) Акты Юрид. Быта II № 178 (II).

шомъ пространствѣ въ его окрестностяхъ. Деревни и починки обычно основывались какимъ-нибудь однимъ выходцемъ изъ княжескаго села и часто носили поэтому названіе своего основателя, напримѣръ Митинъ починокъ, Савельевскій починокъ [7]). Основывались они гдѣ-нибудь на сторонѣ, на дикомъ мѣстѣ, въ лѣсу, очищенномъ, выжженномъ подъ пашню, на что указываютъ такія названія какъ „Паншина гарь“ [8]). Эти деревни, состоявшія по большей части изъ одного или двухъ дворовъ, были связаны съ селами лишь происхожденіемъ, общей администраціей и общей службой. Село съ тянувшими къ нему деревнями и починками образовалъ сельскій „уѣздъ“, который въ административномъ отношеніи группировался вокругъ княжескаго двора, резиденціи княжескаго приказчика-дворскаго. Непосредственное завѣдываніе княжескимъ хозяйствомъ въ селахъ лежало на ключникахъ и на посельскихъ, которые въ теченіе всего XV в. были, по большей части, люди несвободные, холопы князя. Они вели все хозяйство, собирали оброки, хранили запасы хлѣба, судили сельчанъ и причтъ сельской церкви, а сами были подсудны князю; они дѣйствовали вполнѣ самостоятельно, наряжали мельницы (такъ, напримѣръ посельскій великой княгини Маріи Ярославовны нарядилъ ей мельницу подъ Можайскомъ на Москвѣ-рѣкѣ [9]), прикупали даже деревни на имя князя и, вѣроятно, на доходы съ тѣхъ селъ, которыя были подъ ихъ управленіемъ: „что мои ключники некупленые“, пишетъ Владиміръ Андреевичъ Серпуховской: „купили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтямъ ненадобны, а деревни ихъ тому, въ чьемъ удѣлѣ“ [10]). Ближе, чѣмъ посельскіе и ключники, были къ сельскому населенію старосты, тоже холопы, но, вѣроятно, назначавшіеся изъ числа самихъ сельчанъ [11]). Первоначально княжескія села были населены холопами, „страдниками“; эти „люди полные въ селахъ“ и воздѣлывали княжескую землю. Отъ князя имъ выдавался скотъ, „животина“. „А что у страдныхъ моихъ людей животины, у кого что будетъ моей животины, тому и есть“, пишетъ въ своей духовной верейскій князь Михаилъ Андреевичъ [12]); при всѣхъ пожалованіяхъ „животина“ упоминается какъ принадлежность княжескихъ селъ. На ряду со страдниками на княжеской землѣ упоминаются свободные крестьяне-издѣльники или серебрянники. Ихъ обязанности по отношенію къ землевладѣльцу опредѣляются этими двумя названьями: они обязаны ему работой „издѣльемъ“, и, кромѣ того, уплатой денежныхъ повинностей—„серебра“. Повинности крестьянъ въ XV в. не поддаются точному опредѣленію. Въ се-

---

[7]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 34.
[8]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
[9]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 87.
[10]) Собр. Г. Гр. и Д. I, № 40.
[11]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 24.
[12]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 121.

лахъ князя Андрея Васильевича волоцкаго, на Вологдѣ и въ Торусѣ за крестьянами числилось княжеское серебро издѣльное и ростовое, сверхъ жита оброчнаго и заемнаго [13]); точно такъ же у Михаила Андреевича верейскаго въ селахъ были „деньги въ ростахъ и въ пашнѣ“ [14]). Изъ этихъ извѣстій явствуетъ, что, садясь на княжескую землю, крестьяне брали у него взаймы денегъ—серебро ростовое („деньги въ ростахъ“) и хлѣбъ—„заемное жито“; кромѣ того платили ему оброкъ хлѣбомъ. Является ли издѣльное серебро („деньги въ пашнѣ“), оброкомъ за пользованіе княжеской землей или формой долга, не можетъ быть выяснено вполнѣ опредѣленно, тѣмъ болѣе, что обѣ формы денежныхъ повинностей, смѣшивались подъ общимъ названіемъ „серебра“. Право выбирать изъ крестьянъ „серебро“ являлось однимъ изъ важнѣйшихъ доходовъ съ селъ и передавалось по наслѣдству и при сдѣлкахъ вмѣстѣ съ селами. Умирая, князья освобождали своихъ страдниковъ и даже надѣляли ихъ скотомъ, а крестьянамъ прощали ихъ долги или недоимки. Такъ великая княгиня Софія Витовтовна велѣла своимъ наслѣдникамъ „половину издѣльнаго серебра христіанамъ-издѣльникамъ отдать, а страдники пойдутъ на свободу“; о своемъ серебрѣ она приказала учинить по обыску: „кто будетъ отъ тѣхъ издѣльниковъ охудѣлъ, а и половины не взможетъ заплатить, и сынъ мой тому велитъ отдать (простить) все серебро, а не охудѣлъ, можетъ заплатить все серебро, и на томъ сынъ мой велитъ издѣльное серебро все взять“ [15]).

Издѣльники и страдники получали участки земли и за это обрабатывали княжескую пашню. О величинѣ княжеской запашки за изучаемый періодъ имѣется очень мало данныхъ; во всякомъ случаѣ она была очень разнообразна: въ началѣ XVI в., Василій Ивановичъ, давъ обѣтъ основать Дѣвичій монастырь, обѣщалъ приписать къ нему одно или два села дворцовыхъ, такъ чтобы получилось 2000 четвертей въ двухъ поляхъ [16]); при селѣ Орудьевѣ великаго князя Ивана IV было только 91 четверть въ полѣ, а всего въ двухъ поляхъ 182 [17]). Урожай весь шелъ въ собственность князя. „А что будетъ въ тѣхъ моихъ селахъ хлѣба стоячаго на полѣ ржи и яри, опричь сѣмянъ ярныхъ, сынъ мой тотъ хлѣбъ велитъ весь продать“, говорится въ духовной великой княгини Софіи [18]). Князья жалуютъ и передаютъ свои деревни „съ хлѣбомъ стоячимъ“ и „съ хлѣбомъ, что въ земли“. Къ работамъ на княжеской пашнѣ привлекались иногда сосѣдніе крестьяне, жившіе на черныхъ зем-

---

[13]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 112.
[14]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 122.
[15]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 83.
[16]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 150.
[17]) Акты Юридич. Быта I № 30 (IV).
[18]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 83.

ляхъ; дворьскій и старосты и ихъ „заимаютъ“ на „княжее дѣло“ [19]); поэтому въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ, оговаривается, что ихъ крестьяне селъ княжескихъ не пашутъ [20]). Когда наступало время молотьбы, то присылался въ село княжескій подьячій, или сытникъ, или хлѣбникъ, или прикащикъ княжескаго хлѣба молотить и муки крупичатой дѣлать [21]); къ молотьбѣ привлекались окрестные крестьяне: они хлѣбъ княжескій возятъ и молотятъ [22]). Во время молотьбы княжескій, посыльщикъ живетъ на счетъ мѣстныхъ крестьянъ, которые впрочемъ „кормятъ его тѣмъ, что сами ѣдятъ“ [23]). Въ связи съ полевымъ хозяйствомъ князья заводили собственныя мельницы; такъ у московскихъ князей было нѣсколько мельницъ на Неглинной, на Яузѣ (въ селахъ Лучинскомъ и Воронцовскомъ и на устьѣ Яузы) и на Клязьмѣ Черкизовская мельница, къ которой было приписано одиннадцать деревень [24]).

Вмѣсто барщины, а иногда на ряду съ барщиной, въ селахъ собиралось огромное количество „оброчнаго жита“ или „хлѣба посопнаго“ [25]), отчего и сами княжескія села нерѣдко назывались „посопными“. Кромѣ того съ селъ шло много „мелкихъ доходовъ“, т. е. продуктовъ сельскаго хозяйства [26]); такъ съ села Сижковъ князь Константинъ Дмитріевичъ, сынъ Дмитрія Донского получалъ сыры и масло [27]); съ одной изъ деревень Тверского уѣзда въ XVI в. шло съ выти по барану, по полтѣ мяса свиного, по 2 сыра кислыхъ, по 2 гривенки масла коровья, по 2 курицы, по 40 яицъ, по сажени дровъ и по копнѣ сѣна [28]). Собиравшійся въ княжескихъ селахъ хлѣбъ ссыпался въ княжескія житницы; такіе житничные дворы у московскихъ князей стояли въ Кремлѣ [29]); много жита было у верейскихъ князей въ ихъ житницахъ на Бѣломъ озерѣ [30]). Здѣсь хранились подъ вѣдѣніемъ княжескаго дворецкаго, ключника или спеціальныхъ житничныхъ (или городовыхъ) прикащиковъ большіе запасы ржи, овса, пшена русскаго, муки ржаной (простой и ситной), муки овсяной и пшеничной, муки толченой и крупитчатой, крупъ овсяныхъ и гречневыхъ, солода ржаного и ячнаго, отрубей, толокна и т. д.

---

[19]) А. А. Э. I № 5.

[20]) Д. А. И. I № 17.

[21]) А. А. Э. I № 201.

[22]) А. И. I № 192. (Грамота Ивана IV отъ 1572 г. съ ссылкой на грамоту Василія III).

[23]) А. А. Э. I № 201.

[24]) Дух. грамоты князей въ I т. С. Г. Гр. и Д. и въ I т. Д. А. И.

[25]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 112; А. А. Э. I № 276.

[26]) А. А. Э. I № 276.

[27]) Карамзинъ, V прим. 122.

[28]) Сергѣевичъ, Рус. Юр. Др. III стр. 126.

[29]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 83.

[30]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 122.

Все это шло для княжеской кухни: овесъ на браги и на кисели, ржаная мука на кислыя щи. Многочисленные княжескіе хлѣбники, нерѣдко холопы, пекли на весь дворъ хлѣбы черные, калачи и ковриги [31]). Кромѣ того, изъ тѣхъ же запасовъ производились выдачи хлѣба на церкви и на монастыри. Напримѣръ, князь Константинъ Дмитріевичъ далъ Симонову монастырю въ Ржевскомъ уѣздѣ въ своемъ селѣ въ Сижкахъ по вся годы по 20 кадей ржи, да по 10 кадей овса, да по 5 кадей пшеницы [32]). Иногда прикащикъ получалъ приказъ, смоловъ рожь, отвозить ее прямо въ монастырь при посредствѣ тѣхъ же селъ крестьянъ, которые тотъ хлѣбъ пахали [33]). Иногда князь давалъ монастырю грамоту на право „имать хлѣбъ ежегодь“; съ этой грамотой являлся старецъ къ посельскому, который, прочтя грамоту, бралъ съ нея списокъ счета для, а самую грамоту возвращалъ и рожь выдавалъ, хотя и неохотно, судя по тому, что бывали случаи, когда посельскіе старались удержать у себя грамоту [34]). Въ другихъ случаяхъ надо было непосредственно обращаться въ городъ къ дворецкому или ключнику [35]). Выдачи хлѣба даютъ представленье о количествѣ хлѣбныхъ запасовъ въ княжескомъ дворцѣ: Воскресенскому собору на Волокѣ Василій Ивановичъ выдавалъ въ общемъ 118 четв. ржи, столько же овса и 20 четв. пшеницы. Андрей Васильевичъ Углицкій выдавалъ ежегодно въ Кирилловъ монастырь въ Петровъ день 150 четв. ржи и 50 четв. овса [36]); опальной старицкой княгинѣ Евфросиніи въ 1563 г. было послано 119 четвертей различной муки [37]); при Иванѣ III устюжанамъ въ награду за службу было послано 700 четвертей муки [38]).

Въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ князей умѣстнѣе всего упомянуть о княжескомъ огородничествѣ и садоводствѣ. Въ XV в. московскимъ князьямъ принадлежало много садовъ въ Москвѣ и на посадахъ: Глѣбковъ садъ, Бутовъ садъ, Моравіевскій, Чичаковъ, Тереховъ садъ за Неглинной и много другихъ [39]). Работа въ княжескихъ садахъ и огородахъ производилась садовниками и огородниками княжескими, которые упоминаются уже въ договорахъ московскихъ князей въ XIV и XV в.в. и первоначально были, вѣроятно, холопы [40]). Такіе же садов-

---

[31]) А. И. I № 171, Рус. Ист. Б. II № 32.
[32]) Карамзинъ V, прим. 122.
[33]) Р. И. Б. II № 32.
[34]) Д. А. И. I № 199.
[35]) А. А. Э. I № 127; Сб. Муханова № 519.
[36]) А. А. Э. I № 127.
[37]) А. И. I № 171.
[38]) Карамзинъ VI, прим. 26.
[39]) Дух. грамоты князей въ I т. С. Г. Гр. и Д.
[40]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 23, 40, 78.

ники были у рязанскихъ князей [41]). Судя по нѣкоторымъ духовнымъ грамотамъ, сады могли также быть какъ бы въ помѣстьѣ за княжескими слугами, въ видѣ награды за службу. Въ садахъ разводились ягоды и плодовыя деревья. Фрукты и ягоды шли въ княжескомъ хозяйствѣ на различные меды, напримѣръ вишни и малина, и на дессертъ—„сласти“; въ великокняжескихъ кладовыхъ хранились цѣлыя ведра яблокъ, грушъ, вишенъ и сливъ [42]). Въ огородахъ разводились овощи: огурцы, дыни, которыя сѣялись съ особеннымъ искусствомъ и заботливостью: складывали въ высокія грядки землю, смѣшанную съ навозомъ, и въ нее зарывали сѣмена [43]); изъ другихъ огородныхъ растеній упоминается конопля, макъ, лукъ, судя по всему—капуста, которая шла на щи [44]).

Говоря о хозяйствѣ въ княжескихъ селахъ, мы уже упоминали о княжескомъ скотѣ. Въ числѣ княжескихъ владѣній нерѣдко встрѣчаемъ обширные заливные луга, которые позволяли князьямъ вести скотоводство, какъ самостоятельную отрасль хозяйства. Подъ Москвою имъ принадлежали большіе луга по Москвѣ рѣкѣ, подъ Крутицами, противъ города (напротивъ княжескаго двора), Самсоновскій лугъ, луга у села Ногатинскаго, Томашинскій лугъ у Перервы [45]). Верейскій князь Михаилъ Андреевичъ владѣлъ обширными пожнями вдоль по Шекснѣ и сосѣднимъ рѣчкамъ [46]). Рязанскому князю Федору Васильевичу принадлежали около Переяславля „поле у города и лугъ [47]). Эти покосы тянулись либо вдоль рѣкъ, представляя изъ себя пространства, заливаемыя водою во время половодья,—„наволоки“, либо низменные берега озеръ—„озерскія пожни“, въ родѣ тѣхъ, что были у Колычевской деревни волоцкаго князя Андрея Васильевича [48]); отличные сѣнокосы были въ болотахъ, наконецъ въ лѣсахъ, въ бору. Эти сѣнокосы давали значительное количество сѣна; такъ на Коневскомъ наволокѣ у кн. Михаила Андреевича верейскаго была пожня—400 копенъ [49]); въ срединѣ XVI в. при селѣ Орудьевѣ, пожалованномъ Иваномъ IV Новинскому монастырю, былъ сѣнокосъ—875 копенъ сѣна [50]).

Покосы организовались князьями посредствомъ дарового труда крестьянъ, которые обязаны сѣна княжескія косить, лугъ или боръ княжескій

---

41) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 127.

42) А. И. I 171 и 174.

43) Замысловскій „Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія о Россіи, стр. 221“.

44) А. И. I № 171; Карамзинъ VI, прим. 26.

45) Дух. завѣщанія князей.

46) А. И. I № 163.

47) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 127.

48) Д. А. И. I № 17.

49) А. И. I № 163.

50) А. Ю. Б. I № 30 (V).

косить [51]). Эта обязанность косить княжескіе луга въ нѣкоторыхъ грамотахъ XV в. носитъ названіе „закоса“, и отъ нея, можетъ быть, можно было откупиться уплатой „закоснаго“ или „лугового“ [52]). Въ рязанскомъ княжествѣ покосы производились подъ наблюденіемъ княжескихъ закосниковъ и боровщиковъ или боровниковъ [53]). Въ другихъ мѣстахъ для производства сѣнокосовъ присылались княжескіе конюхи; пока шелъ сѣнокосъ, конюха содержали и кормили тѣ же крестьяне, которые сѣно косили [54]).

Тѣ же луга служили мѣстомъ выгона для княжескаго скота. По договору Василія Дмитріевича съ дядей Владиміромъ Андреевичемъ относительно слободы Боровской оба князя условились луга не косить и не пахать по гору и уговорились объ общемъ выгонѣ: „а земля наша, а животинѣ ходити опче“ [55]). Мы имѣемъ мало свѣдѣній о княжескомъ скотоводствѣ; знаемъ, что во дворцѣ были большіе запасы молочныхъ продуктовъ: масла коровья, сыровъ кислыхъ и сметанныхъ; въ 1469 г. Иванъ III послалъ отличившимся въ бою устюжанамъ 300 пудовъ масла [56]). Изъ княжескаго же дворца снабжали иностранныхъ пословъ баранами, курами и прочими припасами, при чемъ Иванъ III, какъ рачительный хозяинъ требовалъ обратно овчины съ зарѣзанныхъ барановъ [57]); эти овчины шли на тулупы, которыхъ хранилось много въ княжескихъ кладовыхъ: вмѣстѣ съ угощеніемъ устюжанамъ было послано 300 шубъ бараньихъ [58]).

Нѣсколько больше свѣдѣній имѣемъ мы о княжескомъ коневодствѣ. Князь содержалъ коней сѣдельныхъ, ѣздовыхъ, предназначавшихся подъ верховую ѣзду, и стада жеребцовъ, кобылъ и лошаковъ, которые упоминаются очень часто въ ихъ духовныхъ. Великій князь Семенъ Ивановичъ велѣлъ дать своей супругѣ изъ коней ѣздовыхъ—50 коней и изъ стадъ его—стадо Коломенское и другое стадо Дѣтино [59]). Дмитрій Ивановичъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ коней своихъ и жеребцовъ и стада свои [60]); у Владиміра Андреевича было стадо сѣдельное и стадо кобылье [61]); у Василія Дмитріевича—стада кобыльи [62]); у Ивана Борисо-

[51]) А. И. I № 4, А. А. Э. I №№ 17, 74, 218 и др.
[52]) А. А. Э. I № 39; А. Ю. Б. I № 31 (II) и др.
[53]) А. И. I № 13, 14; А. Юшк. № 111 и др.
[54]) А. А. Э. I № 201.
[55]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 35.
[56]) Карамзинъ VI, прим. 26.
[57]) Соловьевъ т. V.
[58]) Карамзинъ VI, прим. 26.
[59]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 24.
[60]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 34.
[61]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
[62]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 41.

вича Волоцкаго—въ селѣ Щитникахъ стояли кобылы съ жеребятами, не считая коней, ходившихъ подъ сѣдломъ [63]). Упоминаются въ завѣщаньяхъ и отдѣльные кони разныхъ мастей: гнѣдые, курые, чалые, бурые, сѣрые, голубые, вороные, пѣгіе, игрень, и разныхъ достоинствъ: иноходцы, проиноходцы, татарскія лошади, аргамаки [64]); турецкихъ лошадей—аргамаковъ, которыхъ держали для великокняжеской охоты, отмѣчаетъ Герберштейнъ [65]).

Забота о княжескихъ лошадяхъ возлагалась на особую группу княжескихъ слугъ—на конюховъ; конюхи за свой трудъ получали деревни и по своему положенью были мелкими помѣщиками и вели хозяйство въ своихъ деревняхъ крестьянскими руками. Такія деревни „за конюхами“, деревни „конюховы“, безпрестанно упоминаются въ Московскомъ, въ Тверскомъ и другихъ княжествахъ. На обязанности конюховъ лежало содержаніе извѣстнаго количества княжескихъ лошадей, что дѣлалось, впрочемъ, чрезвычайно просто: кони ставились на кормъ по окрестнымъ деревнямъ. Конюхи въѣзжали въ сосѣднія деревни съ своими конями, ставили у крестьянъ коней, брали съ нихъ поборы—либо деньгами (конюшее), либо житомъ [66]). Первоначально обязанность кормить княжескаго коня не распространялась на все населеніе: въ Рязанскомъ княжествѣ еще въ XV в. существовалъ особый классъ конокормовъ [67]); въ Москвѣ въ XIV в. „коней ставить на станамъ“ считалось прерогативой старшаго въ княжеской семьѣ [68]). Позднѣе кормить княжескаго коня дѣлается общей повинностью всѣхъ крестьянъ во всѣхъ княжествахъ.

На ряду съ сельско-хозяйственной промышленностью, князья производятъ въ своихъ владѣніяхъ въ широкихъ размѣрахъ эксплоатацію природныхъ богатствъ—пчелиныхъ бортей, охотничьихъ и рыбныхъ угодій, соляныхъ угодій. На этихъ промыслахъ приходится остановиться нѣсколько дольше, потому что въ хозяйствѣ князей они играли очень важную роль.

Князьямъ XV—XVI в.в. принадлежало много бортныхъ угодій, бортныхъ земель, бортныхъ вотчинъ и околицъ, на которыхъ росли бортные лѣса. Это были сосновые и дубовые лѣса, кишащіе дикими пчелами, которыя устраивали свои ульи въ дуплахъ старыхъ деревьевъ,—бортяхъ,—своего рода громадныя, тянувшіяся на много верстъ дикія пасѣки, богатство, о которомъ сейчасъ мы не имѣемъ представленія. Иностранцы, бывшіе въ Россіи при Иванѣ III, разсказываютъ, что въ дремучихъ лѣ-

---

63) Собр. Г. Гр. и Д. I № 132.
64) Ib. I №№ 96, 132, 151.
65) Замысловскій, op. cit. стр. 286.
66) А. А. Э. I №№ 56, 131 и др.
67) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
68) Собр. Г. Гр. и Д. I № 23.

сахъ и рощахъ вѣтви деревъ бываютъ усѣяны роями пчелъ, эти дикія пчелы складываютъ въ огромномъ количествѣ отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, а въ древесныхъ дуплахъ, въ которыхъ нерѣдко находятъ множество сотовъ стараго меда: поселяне не успѣваютъ осмотрѣть каждаго дерева; поэтому весьма часто встрѣчаются пни громадной толщины, наполненные медомъ [69]). „Мнѣ самому приходилось часто видѣть въ Россіи“, пишетъ Бохъ, бывшій въ Россіи въ 1578 г.,—„какъ безъ всякаго труда со стороны людей накапливается большое количество меда, поразительной величины соты скрываются въ дуплахъ деревьевъ“. Эти бортные лѣса, по большей части дубовые (бортное дубье) или сосновые, изобилующіе бортными деревьями,—разсоховатыми дубами и соснами, часто упоминаются въ грамотахъ XV—XVI в.в. Бортное деревье въ заповѣдныхъ лѣсахъ охранялось отъ истребленія: окрестнымъ жителямъ заповѣдывалось бортное деревье по полямъ, заполицамъ и лѣсамъ съ пчелами и безъ пчелъ беречь, не сѣчь и не поджигать и пчелъ не выдирать, чтобъ тотъ государевъ бортный лѣсъ не запустѣлъ, какъ говорится въ одной грамотѣ Ивана Грознаго отъ 1565 года [70]). Цѣнность представляли не только бортное деревье съ пчелами, но и безъ пчелъ, какъ представляющее дупло удобное для устройства улья. На ряду съ естественными дуплами попадались „выдѣланные“ искусственно, подготовленные для будущихъ роевъ [71]).

Особенно богаты были бортнымъ лѣсомъ берега Оки, княжества Рязанское и Нижегородское. Большая часть этихъ угодій принадлежала князьямъ, часть на правѣ частнаго владѣнья путемъ покупки, мѣны и т. д., часть на томъ общемъ основаніи, что всѣ земли и лѣса, не находящіеся въ документально завѣренномъ владѣніи у частныхъ лицъ считались княжескими и эксплоатировались на князя, и борти съ приписанными къ нимъ деревнями бортниковъ являются одной изъ важныхъ доходныхъ статей въ хозяйствѣ князей.

Рязанскимъ князьямъ въ XV в. принадлежали бортники въ Карабушинскомъ уѣздѣ, въ Пластиковѣ, въ Бовыкинѣ, въ Воронежѣ, Пронскіе бортники, бортники около города Переяславля, Перевитскіе, Рязанскіе, Ясеновскіе и Киструйскіе бортники [72]), у нихъ была громадная бортная вотчина на рѣкахъ Тынордѣ и Воржѣ—лѣсъ Глѣбовскій и бортныя околицы съ бортями за Глѣбовскимъ лѣсомъ [73]). Нижегородскіе князья владѣли бортными угодьями въ Курмурскомъ лѣсу и въ Стрѣлицѣ за

---

[69]) Библ. иностр. пис. о Россіи.
[70]) Ключевскій Боярская Дума, стр. 102, (ср. А. А. Э. I № 199).
[71]) Д. А. И. I № 26.
[72]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
[73]) А. Писк. № 2.

Окою. Подъ Москвою московскіе князья владѣли сообща Добрятинскою бортью съ селомъ Добрятинскимъ и бортниками въ городскихъ станахъ. Кромѣ того московскимъ князьямъ великимъ и удѣльнымъ, принадлежали борти въ окрестностяхъ Коломны, Ржевы, Можайска, Звенигорода, Рузы, Нерехты и Козлова Брода, волость Смоляные съ бортью и съ бортниками вышегородскими, Кремична съ кремиченскими бортниками, Крапивна съ бортниками крапивенскими, исменскими и городошевскими и рудьскими, Юлотцкіе бортники, бортники Радонежскіе, Торусскіе и т. д. [74]). Эти богатства они безпрестанно увеличивали не только путемъ присоединенія къ своимъ владѣньямъ сосѣднихъ княжествъ, но и путемъ покупокъ у частныхъ лицъ.

Первоначально въ XIV в. князья эксплоатировали свои бортныя угодья посредствомъ холоповъ, „купленныхъ бортниковъ и оброчниковъ“, о которыхъ говорится въ духовныхъ завѣщаніяхъ Ивана Калиты и его сына Ивана [75]). Но эта система эксплоатаціи была возможна лишь въ хозяйствѣ небольшихъ размѣровъ. Уже въ духовной князя Владиміра Андреевича [76]) опредѣленно говорится, что большая часть его бортниковъ—люди свободные, обязанные службой лишь по скольку они живутъ на княжеской землѣ: „а не захочетъ кто изъ нихъ жить въ тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойдетъ прочь, а сами сыну князю Ивану не надобны“; только, какъ объ исключеніи говорится о тѣхъ изъ нихъ, на комъ есть грамота полная. Бывшіе холопы постепенно сами теряли черты холопства и сливались съ общей массой прочихъ оброчниковъ. Въ XV и XVI в.в. бортники—свободные люди, которые получаютъ отъ князя землю съ обязанностью за право пользованія ею—эксплоатировать въ пользу князя княжескую борть и доставлять ему опредѣленное количество меда. Бортный, „земецкій“, промыселъ вовсе не являлся для бортниковъ средствомъ пропитанія, а скорѣе обязанностью, платой за пользованіе княжескими землями и угодьями. Жили они, какъ всѣ крестьяне, отъ земли, также рыбной ловлей и охотой. Указаній на такого рода хозяйство въ бортничьихъ деревняхъ можно найти очень много. Такъ въ Рязанскомъ княжествѣ бортники, промышлявшіе на берегахъ озеръ Бокина и Боброваго, пользовались не только земецкими—бортными жребіями, но и рыбными жребіями изъ тѣхъ озеръ [77]); Киструйскіе бортники били бобровъ и ловили рыбу на озеркѣ Болоньѣ и показывали на судѣ (вел. князя Василія III), что это озерко, и истокъ Ваганьскій, и займища вплоть до Оки рѣки, и рыба, и бобры въ томъ озерѣ и истокѣ изстари ихъ, Киструй

---

[74]) Дух. Завѣщанія Князей.
[75]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 21, 22, 25.
[76]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
[77]) А. Лихачева II № 15.

скихъ бортниковъ [78]). Еще любопытнѣе свѣдѣнія, почерпаемыя изъ одной грамоты Ивана III: онъ отнялъ у Спасо-Евѳиміева монастыря и отписалъ земли монастырскія къ своему перевѣсью—покосовъ 3 дес., да пашенной земли $12^1/_2$ дес., а далъ онъ ту землю своему бортнику Гридькѣ къ перевѣсью [79]). Не менѣе точныя данныя даетъ выписка изъ писцовыхъ книгъ 1510 г. объ одной изъ бортныхъ деревень въ Стрѣлицѣ, къ которой было придано пашни пол-пол-пол-четьи сохи, да 200 копенъ сѣна на берегахъ Плоскаго озера [80]). Таковъ обычный видъ собственнаго хозяйства бортниковъ: оно мало чѣмъ отличалось отъ простого крестьянскаго хозяйства, и въ немъ бортничій промыселъ игралъ второстепенную роль: бортное угодье эксплоатировалось на князя, а сами бортники кормились пашней, сѣнокосомъ, охотой на птицъ и на бобровъ, рыбной ловлей.

Земельные участки раздавались бортникамъ отъ имени князя его чиновниками—его волостелями, его дворецкими, его писцами, которые отводили имъ деревни [81]). Бортники селились въ пожалованныхъ имъ деревняхъ обычно по одиночкѣ, и есть цѣлый рядъ указаній на то, что „борть дѣлаетъ“ одинъ бортникъ, и что бортничьи деревни числятся за отдѣльными семьями. Такова напримѣръ бортничья деревня въ Стрѣлицѣ—Марьина: въ 1510 г. она была за Андрейкою Шуменевымъ, нѣсколько позднее мы находимъ ее записанной за его братомъ Лучкой Шуменевымъ, при которомъ живутъ два племянника, сыновья покойнаго Андрейки, въ ней всего два двора; въ 1547 г. эта-же деревня числится на оброкѣ за Соромомъ да за Жилой за Шуменевыми, да за вдовою за Ульяною за Кусковой женой Шуменева-жъ да за ея сыномъ Романомъ [82]). Такимъ образомъ въ теченье сорока лѣтъ деревня находится за одной семьей бортниковъ. Подобное явленье мы встрѣчаемъ и въ болѣе ранній періодъ: въ одной мѣновной великаго князя Дмитрія Ивановича говорится, напримѣръ, опредѣленно о бортныхъ деревняхъ, въ которыхъ живутъ бортники въ одиночку: деревня на Чюдницѣ Карпова Филиппова сына, деревня на Чюдницѣ-жъ Мануилова Беркашина и т. д. [83]). Однако, сѣвъ на пожалованную землю, бортникъ имѣлъ право призывать къ себѣ въ село „товарищей“. Такъ бортникъ Сатя Остафьевъ показывалъ за себя и за своихъ товарищей на судѣ рязанскаго великаго князя Василія, что они раньше жили въ селѣ у частнаго лица: „и послѣ отца твоего преставленія—великаго князя—вышли мы въ твое, великаго князя, село къ

---

[78]) А. Лихачева II № 8.
[79]) А. И. I № 102.
[80]) А. Θед.-Чех. I № 75.
[81]) А. Лихачева II № 7, А. Ю. Быт. II № 175 (I).
[82]) А. Θед.-Чех. I № 75.
[83]) А. Ю. Б. I № 52 (I).

Ескѣ Черному“ [84]). Слѣдовательно, княжескій бортникъ Еска Черный перезвалъ ихъ къ себѣ. Товарищества бортниковъ упоминаются очень часто въ грамотахъ; иногда товарищей было всего двое, напримѣръ въ Стрѣлицѣ одна деревня была за Лукою за Власовымъ, да за Истомою за Прасковьинымъ [85]). Рѣже встрѣчаются болѣе многолюдныя товарищества: Курмурскую бортъ эксплоатировали, „ходили“, какъ тогда говорили, въ первой четверти XVI в. Васюкъ, сынъ Сидоровъ съ тремя сыновьями и внукомъ и съ двумя товарищами, и еще три бортника съ двумя товарищами; послѣдніе работали самостоятельно, но жила вся эта группа однимъ селомъ [86]). Кромѣ полноправныхъ товарищей, у бортниковъ могли быть наймиты, которые работали изъ части добычи; въ мѣновной Дмитрія Ивановича упоминается пять деревень, изъ которыхъ „ужика ходитъ“, что именно означаетъ такихъ работниковъ изъ части добычи [87]).

Такъ или иначе образовывался у окраинъ бортнаго лѣса, на раменьѣ, рядъ поселковъ, населенныхъ либо отдѣльными семьями бортниковъ, либо небольшими группами „товарищей“. Во главѣ такихъ поселковъ стоялъ староста бортный, самъ жившій своей деревнею; возможно, что это былъ тотъ бортникъ, который первый поселился въ этомъ мѣстѣ и сталъ призывать товарищей [88]).

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ производилась самая эксплоатація бортныхъ угодій бортниками. Съ наступленіемъ времени сбора меда, бортники отправлялись на промыселъ, „ходили по лѣсамъ“; они, по словамъ Боха, „въ поискахъ меда обходили обширные лѣса и доставали его изъ дупловъ безъ малѣйшаго труда“. Шли, конечно, къ знакомымъ бортнымъ деревьямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ искали новыхъ бортей. На найденное вновь „бортное деревье“ бортникъ ставилъ свою отмѣтку, „знамя“, обычно состоявшее изъ всевозможныхъ комбинацій условныхъ надрубовъ на корѣ подъ замысловатыми названіями „заячьихъ ушей“, „теса“, „черты“, „вилъ“, „рубежа“, „сапога“, „скамьи“, „мотовила“ и т. п. Каждый бортникъ или каждая группа бортниковъ имѣла свое опредѣленное знамя. Въ Курмурскомъ ухожаѣ ходили лѣсъ бортный названный выше Васюкъ Сидоровъ съ товарищами, „а ходятъ два знамени: знамя на чертѣ крестъ съ вилками, да заячьи уши (v Y), да знамя тесъ съ чертою да съ двумя рубежами (I≡), а Труфаникъ Петрушинъ ходитъ одно знамя: дуга съ ру-

---

[84]) А. Лих. II № 15.

[85]) А. Өед.-Чех. I № 75.

[86]) А. Ю. Б. II № 175. (I).

[87]) А. Ю. Б. I № 52 (I).

[88]) А. Ю. Б. I № 52 (II), „деревня бортничья старосты Игната Жижнева“; А. А. Э. I № 53.

бежами да заячьи уши (—) /\), а Злоба Ивановъ ходитъ два знамени: тесъ съ вилками, да съ чертою, да съ двумя рубежами (Y), да знамя мотовило (Y) и т. д. [89]). Въ бортныхъ лѣсахъ попадалось много „знаменныхъ деревьевъ", обозначенныхъ условными надрубками того или иного бортника: „дубъ, а на немъ борть Памфилова, а знамя скамья".. „сосна, а на ней борть Ефима Малахова, а знамя на ней двѣ дуги врозь, а поперекъ ихъ прутъ" и т. д. [90]).

Въ поискахъ новыхъ бортей бортники заходили иной разъ очень далеко, забродили въ лѣса, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, вступались въ ихъ бортное дубовье и въ ихъ ухожаи. При неопредѣленности границъ и владѣльческихъ правъ, они всегда могли производить опустошительные набѣги на сосѣднія частновладѣльческія рощи и, можетъ быть, не только обирали медъ, но и выдирали пчелъ. Поэтому землевладѣльцы, имѣвшіе борть въ сосѣдствѣ съ княжескимъ лѣсомъ, выхлопатывали у князя особую грамоту съ указаніемъ на то, что его бортники въ „тѣ лѣса не ходятъ и въ ту борть не вступаются ни во что". Но, какъ долго такой грамоты не было, княжескіе бортники считали себя въ правѣ „въѣзжать" въ чужую бортную околицу, брать въ селахъ крестьянъ „на свое дѣло", требовать у нихъ кормовъ и подводъ. Такая подмога считалась само собою разумѣющейся, разъ дѣло шло о княжеской службѣ [91]).

При всемъ этомъ „медовый доходъ" князя не могъ быть особенно великъ. Иностранцы отмѣчаютъ, что очень много меда пропадало даромъ: бортники не успѣваютъ осмотрѣть каждаго дерева. Отсутствіе интенсивности въ эксплоатаціи бортныхъ богатствъ выражается отчасти въ указанномъ выше стремленіи княжескихъ бортниковъ расширить районъ своей дѣятельности. Въ результатѣ доходъ бортничій въ сравненіи съ обширностью угодій былъ незначителенъ и случаенъ. Съ каждаго угодья шло установленное разъ на всегда количество меда. Вотъ, напримѣръ, Курмурскій лѣсъ; это очень богатая борть, ее ходили 12 человѣкъ бортниковъ, а между тѣмъ съ нея шло до 1533 г. всего 5 пуд. меда; и оброкъ былъ повышенъ лишь послѣ того какъ сосѣдній землевладѣлецъ Иванъ Любовниковъ, желавшій отдѣлаться отъ сосѣдства съ княжескими бортниками, „наддалъ передъ старымъ оброкомъ другую 5 пудовъ", хотя прежніе бортники и находили, что съ тѣхъ бортей „по 10 пудовъ меда давать имъ немочно". Все это извѣстье крайне характерно и подтверждаетъ мысль о совершенной случайности бортничьяго дохода [92]). Обычно количество меда, поставляемаго отдѣльными борт-

[89]) А. Юр. Б. II № 175 (II).
[90]) А. Лихачева II № 15; см. также А. Писк. № 2.
[91]) См. Жалов. грамоты въ I т. А. А. Э.
[92]) А. Ю. Б. II № 175. (I).

ничьими поселками, варьировалось въ зависимости не столько отъ богатства бортнаго угодья, сколько отъ количества земли, занимаемой бортниками: съ деревни Марьиной въ Стрѣлицѣ шло въ началѣ XVI в. 2 пуд. оброка, но когда занимавшіе ее бортники расчистили еще лѣса подъ пашню, то имъ надбавили третій пудъ меда [93]). Другая деревня въ Стрѣлицѣ „по старѣ“, какъ значится въ грамотѣ отъ 1534, давала оброка по 5 пудовъ меда, да пошлинъ съ пуда 5 денегъ; [94]) въ 1529 г. крестьяне Гороховской волости, опричь денежнаго оброка, давали $1^1/_2$ п. меда; [95]) съ княжеской борти пожалованной великой княгиней рязанскою Анною — Солотчинскому монастырю, шло по 5 пудовъ рязанскихъ меда въ годъ [96]). Трудно сказать, въ какомъ видѣ доставлялся медъ къ княжескому двору. Подъ Москвою въ XIV вѣкѣ были княжескія медовыя вари, о которыхъ говорится и въ княжескихъ договорахъ и духовныхъ грамотахъ [97]). Есть указаніе, что московскіе князья посылали своихъ деньщиковъ по варямъ, очевидно собирать оброчный медъ [98]). Точно такъ-же Тверскіе князья посылали въ Ладогу собственнаго медовара [99]). Въ Рязанскомъ княжествѣ еще въ XV вѣкѣ существовали особые медовые подвозники [100]). Варка меда на мѣстахъ и доставка его ко двору такъ или иначе средствами самого князя возможна была лишь при условіи очень сравнительно небольшого бортнаго хозяйства, каковымъ оно было еще въ XIV в. При тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, которые оно приняло въ княжествахъ XV в., дѣло должно было измѣниться. О варяхъ медовыхъ при бортяхъ ничего не говорится въ позднѣйшихъ грамотахъ; судя по всему, меды варились въ княжеской резиденціи его сытниками и варились не сразу, а по мѣрѣ надобности. Такъ Иванъ Грозный, выѣзжая на богомолье въ монастырь, высылалъ впередъ своего сытника къ его пріѣзду меды ставить; монастырскія власти отводили сытнику кельи, гдѣ ему меды и квасы ставить, и пивоварни, гдѣ пиво варить, да погреба, гдѣ ему меды и пива ставить, и къ ставленью медовъ и къ пивамъ давали сытнику котлы и чаны, и бочки, и рѣшета, и дрова [101]). Сытниковъ для варки меда князья держали большое число; первоначально это были холопы, позднѣе, какъ и прочіе дворцовые слуги, люди свободные, получавшіе за свою службу земли и

---

[93]) А. Θед.-Чех. I № 75.
[94]) А. Ю. Б. I № 30 (IV).
[95]) А. Лихач. II № 15.
[96]) Акты Пискарева № 7.
[97]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 21, 22, 23, 25.
[98]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 27.
[99]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 1 и др.
[100]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 127.
[101]) А. А. Э. I № 270.

деревни въ помѣстье. Точно также измѣнился способъ доставки меда. Въ XV—XVI в.в. онъ привозился самими оброчниками на княжескій дворъ. Въ Москвѣ медъ сдавался „погребному ключнику“ на Большой дворецъ [102]). Такой-же порядокъ существовалъ и въ другихъ княжествахъ, и, когда удѣльныя княжества были присоединены къ Москвѣ, то мѣстные бортники продолжали вѣдаться администраціей прежнихъ князей: такъ бортныя деревни въ Стрѣлицѣ еще при Иванѣ IV платили свой оброкъ „по старѣ“, „въ Нижнемъ-Новгородѣ ключникамъ“ [103]). Такихъ-же ключниковъ погребныхъ встрѣчаемъ въ XVI в. и въ Твери [104]). Подъ ихъ наблюденьемъ хранились въ княжескихъ погребахъ запасы меда. Несмотря на незначительные размѣры медоваго дохода съ каждой отдѣльной борти, въ общемъ итогѣ меда здѣсь накапливалось очень много, если имѣть въ виду общее число бортей, принадлежавшихъ князьямъ, особенно великому князю въ первой половинѣ XVI в. Достаточно привести въ видѣ примѣра, что въ 1563 г. опальной княгинѣ Ефросиніи Старицкой было послано изъ великокняжескаго погреба 56 п. меда прѣснаго на квасъ, 1 ведро меда стараго и 2 ведра фруктоваго меда [105]).

Общее управленье бортничьими угодьями лежало на тѣхъ же княжескихъ чиновникахъ, въ вѣдѣньѣ которыхъ находился княжескій погребъ—на погребныхъ ключникахъ и чашникахъ. Какъ часть дворца, погребъ и все бортное вѣдомство очень рано было подчинено дворецкому. Надо замѣтить, что такая административная организація складывалась только въ крупныхъ княжествахъ. Въ XIII и началѣ XIV в. Московскіе бортники образовывали всего одну тяглую сотню; эта сотня носитъ обычно названіе Васильцева ста—архаизмъ, сохранившійся до времени Ивана Грознаго. Объясненіе этому названію даетъ духовная грамота Ивана Калиты, гдѣ говорится объ оброкѣ медовомъ городскомъ Васильцева вѣданья; очевидно при немъ или не задолго до него сборъ медоваго оброка находился въ рукахъ опредѣленнаго лица, и съ тѣхъ поръ оставались выдѣленными подъ названьемъ Васильцева ста тѣ бортныя угодья, которыя первоначально были „Васильцева вѣданья“. Въ это Васильцево сто входили, вѣроятно, кромѣ городского медового оброка, всѣ тѣ бортныя угодья, которыя еще до Калиты принадлежали московскимъ князьямъ; такъ Иванъ III въ своемъ завѣщаніи упоминаетъ о деревняхъ дѣловыхъ бортныхъ Васильцева ста въ московской волости Селгѣ. Такимъ образомъ Васильцево сто является тѣмъ вѣдомствомъ, которое первоначально вѣдало сборъ со всѣхъ бортей, принадлежавшихъ

---

[102]) А. Ю. Б. II № 175. (I).
[103]) А. Ю. Б. I № 30 (V).
[104]) Лаппо. Тверской уѣздъ въ XVI в.
[105]) А. И. I № 171.

московскимъ князьямъ, въ то время, когда московское княжество было еще очень мало, хозяйство московскихъ князей, какъ вообще, такъ въ частности бортное, было еще очень незначительно; но уже Иванъ Калита на ряду съ медовымъ оброкомъ Васильцева вѣданья, который долженъ по старой памяти итти его сыновьямъ всѣмъ вмѣстѣ, говоритъ о бортникахъ, подѣленныхъ между его сыновьями и очевидно не имѣвшихъ ничего общаго съ тѣмъ „стомъ“, который вѣдался Васильцемъ; далѣе это Васильцево сто, дававшее раньше самый крупный доходъ, теряется среди массы вновь пріобрѣтенныхъ бортей. Я остановился на общей организаціи бортнаго хозяйства, чтобъ лишній разъ отмѣтить ту разницу, которая существовала между мелкимъ хозяйствомъ князей XIII и XIV в.в. и болѣе позднимъ крупнымъ хозяйствомъ князей XV и XVI в.в. Эту разницу я буду имѣть нѣсколько разъ случай указывать и въ дальнѣйшемъ.

Тѣ-же лѣса, которые представляли такое богатство въ смыслѣ бортныхъ угодій, и въ другомъ отношеніи представляли для князей источникъ дохода, какъ мѣсто охоты на всевозможную дичь. Нѣтъ нужды останавливаться на томъ, насколько богаты дичью были русскіе лѣса въ тѣ времена; еще въ XVII в. Россія представляла, по отзывамъ иностранцевъ, во всей своей совокупности какъ-бы громадный звѣринецъ: нигдѣ въ мірѣ не ловится большее количество бѣлокъ, сѣрыхъ и рыжихъ, горностаевъ, куницъ, лѣсныхъ кошекъ, рысей и т. д. [106]). Подъ самой Москвою рѣчки кишмя кишѣли бобрами, напримѣръ Клязьма, Воря и другія. Рысиными, горностаевыми и бѣличьими мѣхами славились въ XVI в. Галицкое и Углицкое княжества; въ XV в. около Углича еще попадались соболи. Лучшіе куньи мѣха шли изъ Муромскихъ лѣсовъ. Особенно много медвѣдей было, судя по нѣкоторымъ грамотамъ, въ Дмитровскихъ и въ Каширскихъ лѣсахъ. Охота на лосей упоминается повсемѣстно, но больше всего ихъ водилось около Мурома. Не удивительно, что охотничій промыселъ—„звѣриное“—представлялъ одну изъ существенныхъ отраслей княжескаго хозяйства На оленей и лосей организовались правильныя облавы—„воры“; хищниковъ травили собаками, это называлось: „итти на волчьи, на лисьи или на медвѣжьи поля“. Для травли медвѣдей устраивались загоны изъ полусрубленныхъ и переплетенныхъ стволовъ деревьевъ, „медвѣжьи осѣки“, куда загоняли звѣря. Есть извѣстье, что медвѣдей ловили живьемъ [107]).

У князей были особые охотники, ловчіе или ловчане (у рязанскихъ князей), чаще подлазники или подлазщики, которые завѣдывали всей охотой; кромѣ того было много спеціальныхъ загонщиковъ „осочниковъ“

---

[106]) Рейтенфельсъ.

[107]) См. ниже ссылки на жалован. грамоты; Флетчеръ; Соловьевъ т. IV.

и всякаго рода охотниковъ, но при обширныхъ размѣрахъ княжеской ловли своихъ осочниковъ не хватало и тогда прибѣгали къ принудительной помощи окрестныхъ крестьянъ. Во время охоты княжескіе подлазники и ловчіе въѣзжаютъ въ деревни, ставятся и ночуютъ въ нихъ, берутъ подводы на лисьи и медвѣжьи поля, проводниковъ и даже сторожей, вѣроятно, для наблюденія за звѣремъ [108]). Крестьяне должны устраивать загоны, съ княжескимъ ловчимъ медвѣжьи осѣки осѣкать, [109]) должны участвовать въ облавахъ, „ходить въ воры на лосей и на волчьи и на медвѣжьи и лисьи поля“ [110]). Такъ деревня Присѣки была обязана высылать на ловлю бѣжецкаго князя Семена, „на медвѣдей и на лосей и на оленей по 5 человѣкъ съ сохи“ [111]).

Въ поискахъ дичи княжескіе ловчіе не особенно стѣснялись, заходили въ лѣса, принадлежавшіе частнымъ владѣльцамъ, и только въ видѣ привиллегіи Федоръ Борисовичъ волоцкій обезпечилъ Симонову монастырю: „а въ лося у нихъ мои подлазники не вступаются“ [112]). При этомъ могли происходить столкновенія съ окрестными владѣльцами; въ сказаніи о Лукѣ Колоцкомъ разсказывается, что онъ, бывало, нападалъ на ловчихъ можайскаго князя, билъ и грабилъ ихъ и отнималъ у нихъ медвѣдей [113]). Такія столкновенія сами собою понятны, если вспомнить, съ какими неудобствами для окрестнаго населенія были связаны охотничьи экспедиціи князей. Помимо прочаго, вся княжеская охота кормится на счетъ мѣстныхъ крестьянъ; не только берутъ у нихъ кормъ княжескіе ловчіе, псари, охотники, но княжескіе псари ѣздятъ по окрестнымъ деревнямъ съ собаками полдничать, вообще кормятъ собакъ на счетъ крестьянъ, а также своихъ лошадей, травятъ крестьянское сѣно и овесъ травятъ [114]).

Для княжеской охоты необходимо было содержать много собакъ. Гербенштейнъ упоминаетъ при описаніи охоты великаго князя Василія на зайцевъ собакъ трехъ породъ: canes molossi, odoriferi (гончія) и Kurtzi; о послѣднихъ онъ говоритъ, какъ о красивыхъ псахъ съ пушистыми хвостами и ушами, смѣлыхъ, но неспособныхъ къ долгой гонкѣ [115]); это, вѣроятно, борзыя, старо-русское названіе которыхъ было „хорты“ [116]). У московскихъ князей въ XV в. въ селѣ Лучинскомъ на Яузѣ подъ

---

[108]) А. А. Э. I №№ 34, 35, 81, 86, 132 и др.
[109]) А. А. Э. I № 175.
[110]) А. И. I № 178, А. А. Э. I № 201.
[111]) А. А. Э. I № 117.
[112]) А. А. Э. I № 108.
[113]) Соловьевъ V, гл. 3.
[114]) А. А. Э. I №№ 56, 86, 96, 132 и др.
[115]) Замысловскій, op. cit. стр. 286.
[116]) Даль.

самой Москвой была псарня [117]). Но, какъ общее правило, княжескія псарни были разбросаны въ различныхъ углахъ княжествъ. Князья размѣщали по деревнямъ своихъ псарей, поручали имъ содержаніе собакъ и предоставляли имъ за это рядъ привиллегій. Такія псарскія деревни, деревни за псарями, упоминаются и въ Московскомъ, и въ Рязанскомъ и въ Тверскомъ княжествахъ. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ межевыхъ грамотъ, данныхъ Иваномъ III своему сыну Юрію въ 1506 г., названо семь деревень, бывшихъ за псарями [118]). Псари не были простыми крестьянами и ближе подходили къ типу мелкихъ помѣщиковъ; нѣкоторые изъ нихъ держали въ помѣстьѣ нѣсколько деревень, такъ въ межевой грамотѣ 1506 г. за однимъ псаремъ Данилкой въ помѣстьѣ помѣчено три деревни. Самое выраженіе „быть въ помѣстьѣ за псаремъ“ показываетъ, что въ началѣ XVI в. на псарей смотрѣли именно какъ на помѣщиковъ; позднѣе указъ 1602 г. относитъ ихъ, дѣйствительно къ числу таковыхъ. Въ своихъ деревняхъ они вели сельское хозяйство (псарскія деревни упоминаются съ поземомъ и съ рожью) [119]), вѣроятно, при помощи крестьянъ, призываемыхъ со стороны. Сельское хозяйство и являлось для псарей средствомъ пропитанія для нихъ самихъ и содержанія порученныхъ имъ княжескихъ своръ. Кромѣ того, они имѣли право требовать извѣстныхъ субсидій съ окрестныхъ деревень, корма для себя и для собакъ, ѣздить по селамъ и просить жита [120]); эти права, вѣроятно, первоначально ограниченныя сезономъ охоты, вслѣдствіе злоупотребленій съ ихъ стороны, дѣлали псарей бичемъ для прочаго населенія.

Приблизительно такое же положеніе, какъ и псари, занимали и прочіе слуги князей, занятые въ ихъ охотѣ. Въ писцовыхъ книгахъ Тверского уѣзда въ серединѣ XVI в. упоминаются помѣстья за охотниками, осочниками, стрѣльцами и трубниками; помѣстье за стрѣльцомъ упоминается въ межевой грамотѣ 1506 г. [121]). Указы царя Бориса охотниковъ, трубниковъ и сурначеевъ причисляютъ также къ мелкимъ помѣщикамъ, на землѣ которыхъ могутъ жить крестьяне.

Помимо охоты на крупную дичь, князья производили въ широкихъ размѣрахъ охоту на пушного звѣря, спеціально на бобровъ. Въ XV и XVI в.в. на большинствѣ рѣчекъ средней Россіи можно было найти цѣлые поселки бобровъ, „бобровые гоны“, какъ тогда называли мѣста бобровой охоты, огражденные сдѣланной самими бобрами плотиной — „боб-

---

[117]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 144.
[118]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 140.
[119]) А. А. Э. I № 218.
[120]) А. А. Э. I № 217.
[121]) Лаппо, Тверской уѣздъ въ XVI в.

ровой перекопью“ [122]). На бобровъ и производилась ожесточенная охота со стороны княжескихъ охотниковъ, производилось систематическое ихъ истребленіе, которое и привело очень скоро къ полному ихъ исчезновенію. Для охоты на бобровъ у князей были спеціальные бобровники. Какъ и бортники, бобровники первоначально были, по большей части, люди несвободные, но въ XV в. они утратили черты холопства. Какъ и бортники, они жили на княжеской землѣ, въ пожалованныхъ имъ „бобровыхъ деревняхъ“. Они точно такъ же селились и работали по одиночкѣ, семьями—отецъ съ сыновьями, дѣдъ съ внукомъ или очень небольшими группами, вдвоемъ, втроемъ; такъ по рѣкѣ Увоти ловили бобровъ въ первой половинѣ XVI в. крестьяне Плесской волости Исачка Захаровъ да Семка Павловъ вдвоемъ [123]). Въ Уставной грамотѣ Ильмехотскимъ бобровникамъ 1537 г. упоминаются 24 бобровыя деревни и 1 погостъ: въ 15 изъ этихъ деревень расположились либо отдѣльные бобровники, либо съ семьями; въ остальныхъ деревняхъ 2—3 человѣка или семей. Иногда можно прослѣдить самый процессъ образованія болѣе обширной деревни: такъ въ Елпатскомъ жили Андрейка Елпатскій, старожилъ, по имени котораго названъ поселокъ, и очевидно болѣе поздній пришелецъ Ивашко Якуновъ [124]).

Жили бобровники отъ земли, и сельское хозяйство преобладало въ бобровыхъ деревняхъ. Такъ бобровыя деревни князя Юрія Ивановича въ Каменскомъ станѣ обязаны были давать княжескимъ чиновникамъ кормъ соразмѣрно съ тѣмъ, „которая деревня больше пашнею и угодьемъ“. Самый кормъ, а также штрафы въ пользу тѣхъ же чиновниковъ выражались въ продуктахъ земледѣлія—жито, овесъ, рожь, хлѣбъ, возъ сѣна, или скотоводства—баранъ, мясо, сыръ. Въ числѣ возможныхъ судебныхъ казусовъ указывается, когда „кто у кого межу переоретъ — бобровникъ у бобровника“ [125]). Упоминаются сѣнокосы, которыми пользовались бобровники. „Мы помнимъ, господине“, говорятъ старожилы на одномъ процессѣ въ 1493/4 г.: „въ деревнѣ въ Ильинской жилъ Гридя Батинъ, княгини великой бобровникъ, и тотъ наволокъ Андреевскій косилъ“ [126]). Всѣ эти данныя показываютъ, что сами бобровники жили отнюдь не охотой, а сельскимъ хозяйствомъ. Ловля бобровъ для бобровниковъ, какъ для бортниковъ эксплоатація княжескихъ угодій,—первымъ дѣломъ княжеская служба, которой они заслуживали право на занимаемыя ими земли и угодья, форма натуральной повинности за пользованіе княжеской землей. Князь жаловалъ своихъ бобровниковъ бобровыми деревнями [127]).

---

[122]) Акт. Θед.-Чех. I № 14.
[123]) А. Ю. Б. I № 41 (II).
[124]) А. А. Э. I № 183.
[125]) А. А. Э. I № 150 и 183.
[126]) А. Ю. Б. I № 105.
[127]) А. А. Э. I № 183.

Если кто изъ нихъ не всхочетъ жить въ тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойдетъ прочь [128]); но если бобровники живутъ въ княжескихъ деревняхъ, то обязаны „вѣдать съ тѣхъ деревень“ великаго князя службу—бобровую ловлю, ловить имъ бобровъ“ [129]). Иванъ IV въ грамотѣ Плесскимъ крестьянамъ въ такихъ именно выраженіяхъ говоритъ о бобровникахъ, которымъ „велѣно было нашу службу служить, бобры ловить, да ловя бобровъ привозить къ Москвѣ, къ нашей казнѣ“ [130]). Такимъ образомъ на бобровниковъ возлагалась обязанность эксплоатировать извѣстный районъ, который обычно обозначался чрезвычайно неопредѣленно, что давало имъ возможность „вступаться“ даже въ бобровые гоны частныхъ владѣльцевъ. Ежегодно бобровники ѣдутъ на княжескую службу, на бобровую ловлю, идутъ на ловлю съ бобровою снастью, со всѣми приспособленіями для ловли бобровъ [131]); они ходятъ по окрестнымъ рѣкамъ; какъ идущіе на княжескую ловлю, они имѣютъ право ставиться въ деревняхъ и брать съ крестьянъ кормъ: „бобровники мои гдѣ станутъ, и они кормъ емлютъ“, говорится въ княжескихъ грамотахъ. Кромѣ того, они имѣютъ право требовать проводниковъ и подводы для переѣздовъ [132]). Все это объясняется мыслью, что бобровники промышляютъ не на себя, а на князя. Эти набѣги княжескихъ охотниковъ, сопровождавшіеся рядомъ поборовъ, ложились тяжелымъ бременемъ на окрестныхъ владѣльцевъ, которые избавлялись отъ нихъ только жалованными грамотами. Охота на бобровъ производилась преимущественно осенью, когда подростали бобрята: „на бобровъ въ осенинѣ ходили“ [133]); въ осенину по случаю начала охоты бобровники давали мѣстному ловчему, который вѣдалъ ихъ, какъ и прочихъ охотниковъ,— особое приношеніе—„осеннее“ [134]). Охота производилась небольшими группами, какъ жили въ деревняхъ, или даже въ одиночку; за то бобровники имѣли право брать на дѣло окрестныхъ крестьянъ въ селахъ и брать съ нихъ „бобровое“, можетъ быть, въ качествѣ откупа въ случаѣ уклоненья отъ участія въ охотѣ [135]). Охотничьи пріемы, судя по всему, были очень примитивны: забивались истоки, т.-е. выходъ изъ рѣки, и бобровъ загоняли въ сѣти [136]). При всей безцеремонности этихъ способовъ охоты, они далеко не доставляли князю такого значительнаго дохода, какъ мо-

---

[128]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
[129]) А. А. Э. I № 183.
[130]) А. Ю. Б. I № 41 (II).
[131]) А. А. Э. I № 83.
[132]) А. Ю. Б. I № 30 (II), А. А. Э. I № 13 и др.
[133]) А. А. Э. I № 11.
[134]) А. А. Э. I № 183.
[135]) А. А. Э. I №№ 34, 83 и др. жал. грам.
[136]) А. А. Э. I № 11.

жно было бы ожидать. Плесскіе крестьяне, которымъ была предоставлена охота по рѣкѣ Увоти отъ Шуйской дороги до Клязьмы до Увотскаго устья, представляли всего три шкурки: одинъ бобръ карій и два бобра—ярца темнокарихъ (ярцами звались годовалые бобрята), а коли они бобровъ не добудутъ, они должны привозить къ великокняжеской казнѣ деньгами по рублю въ годъ [137]). Другіе, напримѣръ, Ильмехотскіе бобровники во Владимірскомъ уѣздѣ, которые ловили бобровъ въ рѣкѣ Клязьмѣ, да по рѣкѣ Судогдѣ отъ верховья до устья, да по рѣкѣ Колакшѣ, доставляли всю добычу на княжескій дворъ, „что добудутъ бобровъ и имъ бобровъ возить къ Москвѣ, къ казнѣ великаго князя перстью, а не добудутъ бобровъ и имъ давать съ году на годъ $2^1/_2$ рубля“ [138]). Вотъ во что оцѣнивался результатъ годовой охоты Ильмехотскихъ бобровниковъ. Въ концѣ концовъ это было очень немного. Тѣмъ не менѣе въ общемъ итогѣ въ казну, какъ великаго князя, такъ и болѣе мелкихъ князей ежегодно свозилось громадное количество самыхъ разнообразныхъ шкуръ и мѣховъ. Въ XV вѣкѣ въ Рязанскомъ княжествѣ существовали особые подвозники мѣховые, которые обязаны были подвозить въ княжескую резиденцію оброчные мѣха [139]). Такимъ образомъ, накоплялось изъ года въ годъ на казенномъ дворѣ князя подъ вѣдѣньемъ его казначеевъ масса мягкой рухляди. Нѣкоторое отдаленное представленье объ этихъ богатствахъ, хранившихся въ княжеской казнѣ, мы можемъ себѣ сдѣлать изъ духовныхъ грамотъ князей, которые, впрочемъ, упоминаютъ въ нихъ лишь самое цѣнное. Михаилъ Андреевичъ верейскій, помимо прочихъ портъ и рухляди, оставилъ своимъ наслѣдникамъ 10 шубъ (изъ нихъ одна лисья), 2 кортеля горностаевыхъ, одинъ кортель бѣлій и одинъ куній [140]). Иванъ Борисовичъ волоцкій завѣщалъ раздать по монастырямъ 4 собольи шубы, одинъ кожухъ на бѣльихъ черевахъ и одинъ на лисьихъ [141]). Его братъ, кн. Федоръ Борисовичъ нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ нѣкоему Вепрю и нѣкоторымъ другимъ лицамъ 4 шубы на соболяхъ, двѣ шубы на рысяхъ, шубу на черевахъ бѣльихъ и шубу на горностаяхъ [142]); ихъ мать кн. Іуліана оставила 4 шубы на соболяхъ, одну шубу кунью, одинъ кожухъ на соболяхъ, другой на черевахъ бѣльихъ, кортели горностаевый и бѣлій, каптуръ соболій и свою лисью душегрѣйку [143]).

---

[137]) А. Ю. Б. I № 41 (II).
[138]) А. А. Э. I № 183.
[139]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
[140]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 122.
[141]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 132.
[142]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 151.
[143]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 131.

Въ сравненіи съ охотой на крупнаго и на пушного звѣря, охота на птицъ играла по понятнымъ причинамъ второстепенную роль въ княжескомъ хозяйствѣ; мѣста птичьей охоты, перевѣсища, гдѣ развѣшивались между деревьями сѣти-перевѣсы, безпрестанно упоминаются при селахъ и деревняхъ, принадлежащихъ князьямъ; но обычно самостоятельнаго значенья они не имѣли и эксплоатировались на себя лицами, державшими деревню въ помѣстьѣ или въ оброкѣ—псарями, бортниками и т. д. Впрочемъ, встрѣчаются спеціальныя перевѣсныя деревни, населенныя перевѣсниками, промышлявшими этимъ видомъ охоты. Перевѣсы ставились преимущественно на болотныхъ птицъ; упоминаются, напримѣръ, „чирячьи перевѣсы“. Выдѣлена была охота на тетеревовъ; существовала особая группа тетеревниковъ или тетеревичей, но въ общемъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни объ организаціи охоты на князя, ни объ доставкѣ битой дичи ко двору его, и остается предположить, что въ XV вѣкѣ она утратила то значенье, которое могла имѣть въ небольшихъ княжествахъ XIV в.; большинство перевѣсищъ, вѣроятно, сдавалось на оброкъ, а въ срединѣ XVI в. деревни перевѣсниковъ и тетеревичей были пущены въ раздачу дворянамъ [144]).

Наряду съ указанными видами охоты, близъ княжескихъ резиденцій сосредоточивалась охота съ соколами, производившаяся не только на птицъ, но и на зайцевъ; послѣднее обстоятельство объясняетъ важное мѣсто соколиной охоты въ княжескомъ хозяйствѣ. Широко поставленная соколиная охота требовала большого числа охотничьихъ птицъ: соколовъ, кречетовъ, ястребовъ. Въ Москвѣ въ XV в. въ самомъ центрѣ города „надъ площадью у большой улицы“ стояла великокняжеская сокольня [145]). Поставка птицъ для княжеской охоты являлась обязанностью спеціальнаго класса охотниковъ на соколовъ: сокольниковъ, кречетниковъ и ястребниковъ. Въ XIV в., можетъ быть, преобладала та форма сокольничьяго промысла, указанье на которую мы находимъ въ грамотѣ Ивана Калиты Печерскимъ сокольникамъ, а именно охотничьи экспедиціи въ мѣстности, изобиловавшія цѣнными соколами: восемнадцать сокольниковъ образуютъ артель, во главѣ которой стоитъ „ватаманъ“; у нихъ въ услуженіи наемные рабочіе, которые участвуютъ въ экспедиціи на хозяйскихъ лошадяхъ: „наймиты, кто страждетъ на готовыхъ коняхъ“; среднее положеніе между наймитами и „другами“ ватамана занимаютъ третники, очевидно работающіе изъ трети добычи. Въ пути они въ качествѣ княжескихъ промышленниковъ пользуются особымъ покровительствомъ двинскихъ властей: „занеже мнѣ люди тѣ надобны“, сказано въ грамотѣ [146]). Въ другой грамотѣ того-же Ивана

---

144) А. А. Э. I № 187, Д. А. И. I № 31, Акт. Юшкова I № 178.

145) Собр. Г. Гр. и Д. I № 130. Объ охотѣ на зайцевъ съ соколами см. Замысловскій, op. cit., стр. 469.

146) А. А. Э. I № 3.

Калиты говорится о нѣкоемъ Михаилѣ, который ходитъ въ море съ артелью въ 20 человѣкъ, очевидно также на соколиный промыселъ, потому что двинскимъ боярамъ запрещено вступаться въ его „гнѣздныхъ птицъ“ и „мѣста“ (охоты) [147]). Еще ранѣе одна грамота великаго князя Андрея Александровича говоритъ о посылкѣ на море трехъ ватагъ съ ватаманомъ Андреемъ Критскимъ во главѣ; тутъ дѣло также идетъ о ловлѣ соколовъ и, когда промышленники возвращаются съ „данными птицами“, то пользуются съ погостовъ подводами и кормомъ по пошлинѣ [148]). Такая система охотничьихъ экспедицій на сѣверъ имѣла смыслъ, какъ долго наиболѣе богатыя охотничьими птицами области не принадлежали великимъ князьямъ, и лишь путемъ особыхъ договоровъ съ Новгородомъ (какъ опредѣленно сказано въ грамотѣ Андрея Александровича) можно было высылать въ заповѣдныя мѣста княжескихъ охотниковъ. Позднѣе извѣстій о подобныхъ экспедиціяхъ мы не встрѣчаемъ. Въ XV и XVI в.в. охота на соколовъ организовалась иначе. Сокольники сидятъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ по деревнямъ, такъ называемымъ деревнямъ сокольнича пути. Нерѣдко сокольники выбирали себѣ сами подходящее мѣсто для жительства и для охоты, „на лѣсу на дикомъ“, и просили разрѣшенья въ томъ лѣсу сѣсть жить и лѣсъ на пашню расчищать и дворы ставить. Селились они, какъ и прочіе промышленники княжескіе, по одиночкѣ или небольшими поселками; такъ въ половинѣ XVI в. на рѣкахъ Юдѣ, Шохмѣ и Лежѣ въ Вологодскомъ уѣздѣ основываются два брата Митя да Лева Артемовы, да ихъ товарищъ Сенка Блазновъ. Поселившись на новомъ мѣстѣ, они имѣли право призывать желающихъ „на тотъ лѣсъ жити“, заводили крестьянское хозяйство, расчищали пашню, пользовались всѣми угодьями; такъ угличкій князь Юрій Ивановичъ упоминаетъ въ одной изъ своихъ грамотъ деревню, что была за Митею за Березниковымъ за сокольникомъ въ помѣстьѣ, съ лугами, съ покосами и со всѣмъ, что къ той деревнѣ потягло, куда изъ той деревни соха, и плугъ, и коса, и топоръ ходятъ. Свое хозяйство сокольники вели посредствомъ призываемыхъ крестьянъ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно полагать на основаніи того, что жалованная грамота Ивана IV вологодскимъ сокольникамъ распространяетъ даруемыя ею привиллегіи также на ихъ „людей“, и что указы царя Бориса о крестьянскомъ свозѣ говорятъ о кречатникахъ, ястребникахъ и сокольникахъ. Какъ прочіе княжескіе охотники, они были на положеніи мелкихъ помѣщиковъ, державшихъ свои деревни на помѣстномъ правѣ [149]).

На разселенныхъ по лѣсамъ сокольникахъ лежала обязанность поставлять на княжескую сокольню охотничьихъ птицъ: соколовъ, кречe-

[147]) А. А. Э. I № 1.
[148]) А. А. Э. I № 2.
[149]) А. И. I № 295. Сб. Муханова № 321.

товъ и ястребовъ. Охота производилась посредствомъ ловушекъ: ставились „сѣдбища на соколовъ и по болотамъ папорцы". Мѣста, гдѣ ловились хищныя птицы, „сокольи и кречатьи сѣдбища", „сокольи помчища"—были по большей части, болотистые и лѣсистые берега озеръ и рѣчекъ, „лѣсъ, дичь, мхи, болота". На прокормленье пойманныхъ соколовъ брали куръ въ окрестныхъ деревняхъ: „въ ихъ деревняхъ на моихъ соколовъ куръ не емлютъ", какъ объ исключеніи говорится въ грамотѣ углицкаго князя Андрея Васильевича о деревняхъ св. Троицы [150]). Съ году на годъ сокольники были обязаны доставлять въ Москву опредѣленное число оброчныхъ соколовъ: такъ вологодскіе сокольники давали великому князю „оброкомъ съ году на годъ 3 сокола" [151]). Впрочемъ въ XVI в., когда соколиная охота, какъ промыселъ, стала терять свое значенье, они могли откупаться отъ обязанности представлять соколовъ „перомъ"—особымъ денежнымъ оброкомъ; въ серединѣ XVI в. каждый соколъ оцѣнивался въ полтину [152]). Привозить птицъ въ Москву сокольники были обязаны сами: они везли ихъ въ особыхъ повозкахъ, запертыхъ по пяти-шести вмѣстѣ [153]); при проѣздѣ, „коли они поѣдутъ съ оброчными соколами" они пользовались правомъ постоя въ деревняхъ, и лишь въ видѣ привиллегіи пожаловалъ названный углицкій князь братію св. Троицы: „какъ ко мнѣ мои сокольники соколовъ принесутъ, и они въ ихъ деревняхъ не ставятся" [154]). Оброчными соколами пополнялась княжеская сокольня, богатству которой удивлялись иностранцы—самымъ богатымъ государямъ древности, по ихъ словамъ, не были извѣстны всѣ эти породы кречетовъ и соколовъ [155]); особенно славились красные и чрезвычайно рѣдкіе бѣлые кречеты; большое число такихъ кречетовъ бѣлаго и ярко-краснаго цвѣта видѣлъ Герберштейнъ на великокняжеской охотѣ на зайцевъ; онъ дивился ихъ величинѣ и смѣлости [156]). Содержаніе и обученіе княжескихъ соколовъ лежали на поселенныхъ близъ города сокольникахъ. Таковы ястребьи въ Переяславлѣ [157]), Скориновскіе сокольники въ Углицкомъ княжествѣ [158]), Доблинскіе сокольники подъ Москвой [159]). Эти сокольники образовывали близъ города цѣлыя слободы, память о которыхъ до сихъ поръ сохраняется въ названіяхъ московскихъ улицъ: напримѣръ, Кречетниковскій переулокъ, Сокольники, Сокольничья слобода, Соколиная улица. Среди этихъ сокольниковъ были спеціальные помытчики, т. е.

150) А. А. Э. I № 81. (о мѣстахъ охоты на соколовъ Д. А. И. V № 101).
151) и 152) А. И. I № 295.
153) Замысловскій, op. cit. стр. 298.
154) А. И. I № 295 и А. А. Э. I № 81.
155) Библ. Иностр. пис. о Россіи.
156) Замысловскій, op. cit. стр. 298.
157) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
158) А. А. Э. I № 81.
159) Собр. Г. Гр. и Д. I № 51.

сокольники, умѣвшіе напускать соколовъ на дичь [160]). Эти подгородные сокольники производили охоту на князя. Такъ кн. Андрей Дмитріевичъ можайскій посылалъ своихъ сокольниковъ съ ястребами и соколами на ловлю. Охотничьи поѣздки княжескихъ сокольниковъ сопровождались поборами и притѣсненьями и вызывали столкновенія съ окрестными жителями; иногда дѣло доходило до того, что княжескихъ сокольниковъ били, грабили, отнимали у нихъ ястребовъ и соколовъ [161]). Позднѣе, когда охотничій промыселъ сталъ терять свое значенье въ княжескомъ хозяйствѣ, сокольники сохранялись только для развлеченія государя. Первоначально эти жившіе возлѣ княжескаго двора сокольники были холопы; еще въ грамотѣ кн. Бориса Васильевича волоцкаго упоминается одинъ сокольникъ въ числѣ холоповъ [162]). Позднѣе они слились по своему юридическому положенію и по своимъ занятьямъ съ общей массой посадскаго населенія; среди нихъ встрѣчаемъ мелкихъ ремесленниковъ, сапожниковъ [163]). Общее завѣдыванье княжеской соколиной охотой принадлежало его сокольничему. Какъ лица, служившія по дворцовому хозяйству, всѣ сокольники пользовались судебной экстерриторіальностью: „А коли будетъ до тѣхъ оброчныхъ сокольниковъ и до ихъ людей каково дѣло, ино я ихъ сужу, великій князь, или мой сокольничій“, говорится въ одной грамотѣ Ивана IV [164]).

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ эксплоатаціи рыбныхъ богатствъ въ княжескихъ владѣніяхъ. „Въ Московіи“, пишутъ иностранцы въ началѣ XVI в.—„очень много большихъ озеръ и рѣкъ и безъ числа небольшихъ рѣчекъ и ручейковъ, впадающихъ въ нихъ; всѣ они обильны рыбой, такъ что въ тѣхъ странахъ гдѣ вода — тамъ рыба, и рыба при томъ гораздо болѣе вкусная, чѣмъ у насъ; подобнаго богатства нѣтъ во всей Европѣ“ [165]). Понятно, какое важное мѣсто долженъ былъ занимать рыбный промыселъ въ хозяйствѣ князей. Они владѣли большими водными угодьями. Нижегородскимъ князьямъ принадлежали рыбныя ловли по Сурѣ и всѣ озера отъ Курска внизъ Сурою, источные и глухіе, и глубокія стрежена [166]); рязанскимъ — Донъ [167]), который, по словамъ Герберштейна, „славился множествомъ превосходной рыбы“ и рыбныя ловли на немъ [168]). Въ Москвѣ рѣкѣ, не слишкомъ рыбной, водилась только дешевая и обыкновенная рыба [169]); впрочемъ и тутъ князья завели въ Ногатинскомъ

[160]) А. А. Э. I № 147.
[161]) Соловьевъ т. V, гл. 3.
[162]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 106.
[163]) А. А. Э. I № 147.
[164]) А. И. I № 295.
[165]) Замысловскій, op. cit. стр. 274, прим.
[166]) Сб. Муханова № 117.
[167]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
[168]) и [169]) Замысловскій, op. cit., стр. 299—301. Ср. Флетчера.

селѣ заводь, искусственно образованную заборьемъ [170]). Нѣсколько далѣе отъ Москвы имъ принадлежало село Косино съ тремя озерами [171]), до сихъ поръ богатыми рыбой, и рыболовныя деревни на Пахрѣ [172]). Но очень рано московскіе князья стремятся развить рыбный промыселъ на рѣкахъ, болѣе богатыхъ рыбой: на Волгѣ, на Шекснѣ и на Бѣломъ озерѣ. Обиліемъ рыбы славилась Волга, гдѣ ловили множество рыбы огромной величины и отличнаго вкуса, въ особенности сомовъ; по словамъ иностранцевъ въ ней водится бѣлорыбица или бѣлая семга, которая, по мнѣнію русскихъ, вкуснѣе красной, бѣлуги 4—5 аршинъ длины, севрюги, стерляди, осетры. Вкусомъ славилась рыба рѣки Шексны и Бѣлаго озера на столько, что образовалась легенда, будто рыбаки, поймавъ рыбу въ Волгѣ, по вкусу узнавали сколько времени она пробыла въ Шекснѣ [173]). Со времени Дмитрія Донского московскіе князья утверждаются на Шекснѣ и на Бѣломъ озерѣ и пріобрѣтаютъ цѣлый рядъ ѣзовъ, мѣстъ, огороженныхъ для рыбной ловли. Самому Дмитрію здѣсь принадлежалъ Милолобскій ѣзъ [174]); его невѣстка купила у Шехонскихъ князей Усть-Шехонскій ѣзъ [175]). На Волгѣ его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ владѣлъ рыбными ловлями подъ Городцемъ; оставляя ихъ своимъ двумъ сыновьямъ, онъ велѣлъ имъ бить ѣзъ подъ Городцемъ наполы, „а захочетъ князь Семенъ ѣзъ себѣ забить на Волгѣ, инъ ѣзъ затепнетъ ниже Городца, а захочетъ князь Ярославъ, инъ затепнетъ выше Городца подъ Юрьевымъ“ [176]). На Волгѣ же принадлежали московскимъ князьямъ Инопажъ съ ѣзомъ подъ Рыбною слободою, Борисоглѣбская волость съ рыбными ловлями, Заволжскія волости съ ѣзами, Пошехонье съ ѣзовыми деревнями, притокъ Волги—Нерль, Молога и т. д. Имъ же принадлежали озера Галицкое и Переяславское, славившееся сельдями. Мѣстами гдѣ водилось много рыбы, считались „стрежена“, глубокія впадины въ рѣкѣ, омуты, „коротины“. Гдѣ воды были мелки, тамъ князья искусственно углубляли ихъ; такъ волоцкій князь Иванъ Борисовичъ перекопалъ Нерль рѣку, учинилъ „глушицу“, чтобъ ловить рыбку [177]). Кромѣ того, въ княжескихъ имѣньяхъ было много искусственныхъ прудовъ, очевидно тоже для разведенія рыбы; таковъ великій прудъ подъ Краснымъ Селомъ у Москвы (только недавно засыпанный), прудъ у Сущева [178]).

---

170) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
171) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
172) Собр. Г. Гр. и Д. I № 83.
173) Замысловскій, op. cit. стр. 300.
174) Собр. Г. Гр. и Д. I № 34.
175) Собр. Г. Гр. и Д. I № 42.
176) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
177) Завѣщанія князей; А. А. Э. I № 143, 142, А. И. I № 55.
178) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 86, 136.

На крестьянъ, жившихъ вблизи отъ княжескихъ дворовъ, возлагалась въ числѣ прочихъ повинностей обязанность копать княжескіе пруды [179]).

Для эксплоатаціи водныхъ угодій князья держали особыхъ рыболововъ, ловчанъ, неводчиковъ. Эти рыболовы, подобно бортникамъ и бобровникамъ, совершали обходы окрестностей для промысла, своего рода рыболовныя экспедиціи; тверскіе князья посылали, напримѣръ, своего осетренника въ Ладогу [180]). Обычно во главѣ рыболовныхъ экспедицій стоятъ княжескіе ватаманы, рыбники или подлещики; такъ на Бѣлое озеро ходилъ ватаманъ верейскаго князя Михаила Андреевича на княжескомъ суднѣ [181]); когда княжескіе рыболовы ѣдутъ съ неводами — поѣздами, то сосѣдніе землевладѣльцы посылаютъ вмѣстѣ съ ними своихъ рыболововъ, за что платятъ оброкъ князю, очевидно за тѣ преимущества, которыя они пріобрѣтаютъ при ловлѣ вмѣстѣ съ княжескимъ ватаманомъ [182]). Княжескіе ловчане и рыболовы ходятъ по сосѣднимъ рѣкамъ, въѣзжаютъ въ озера, въ заводи, въ рѣчки, бродятъ по нимъ съ бреднями и курицами, если только прибрежные владѣльцы не успѣли выхлопотать себѣ грамоту о томъ, что рыболовы князя „туды на него рыбъ не ловятъ“, „до той рѣки имъ дѣла нѣтъ“ [183]). При этомъ, когда княжескіе подлещики поѣдутъ рыбу ловить, то на подмогу они берутъ у сосѣднихъ землевладѣльцевъ и ихъ крестьянъ — неводы на ловлю, самихъ ихъ зовутъ на княжескую ловлю, ставятся въ близъ лежащихъ деревняхъ и емлютъ кормъ, а крестьяне обязаны ихъ принимать [184]). Во время рыбной ловли на князя его рыболовы возбраняютъ постороннимъ ловить рыбу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сами ловятъ, и за право ловить ватаманы и заказщики берутъ съ неводовъ чужихъ рыболововъ—пошлину рыбой [185]). Отъ позднѣйшаго времени, когда этотъ сборъ сталъ сдаваться на откупъ, мы имѣемъ извѣстье, что на Варзугѣ откупщикъ собиралъ съ улова десятую рыбу—семгу „въ тоняхъ, и въ рѣчныхъ заборахъ, и на морскомъ берегу, со всякихъ ловцовъ съ неводчиковъ, съ харовъ, съ рыбныхъ заборовъ и съ поѣздовъ“ [186]). Въ послѣдней четверти XV в. эта пошлина, „рыбное“, взималась не только рыбой, но и деньгами, и даже мѣхомъ; такъ рыбники Михаила Андреевича на Бѣломъ озерѣ брали съ монастырскихъ и съ городскихъ неводовъ по 20 бѣлъ съ невода [187]).

---

[179]) А. А. Э. I №№ 158, 215, 218.
[180]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 1.
[181]) А. А. Э. I № 67.
[182]) А. А. Э. I № 102.
[183]) А. А. Э. I № 76, А. Ю. Б. II № 41 (I), А. И. I № 192 и др.
[184]) А. А. Э. I №№ 43, 76, 107.
[185]) А. А. Э. I № 107.
[186]) А. А. Э. I № 377.
[187]) А. А. Э. I № 67, А. Ю. Б. II № 156 (VII).

Наряду съ такого рода поѣздками промышленнаго и фискальнаго характера, развиваются слободы и деревни рыболовныя или ѣзовыя, жители которыхъ спеціально заняты ловлей рыбы въ опредѣленномъ мѣстѣ. Таковы Галицкіе, Переяславскіе рыболовы, рыболовы Борисоглѣбской слободы. Наиболѣе намъ извѣстна организація корпораціи рыболововъ на посадѣ въ Переяславлѣ въ первой половинѣ XVI в.: во главѣ дворовъ рыболовлихъ стоитъ староста рыболовль; вся корпорація состоитъ въ вѣдомствѣ стольнича пути и пользуется исключительнымъ правомъ ловить рыбу на великокняжескомъ озерѣ Переяславскомъ, за что и платитъ опредѣленный оброкъ деньгами и рыбой. Въ противоположность прочимъ княжескимъ промышленникамъ, рыболовы жили тѣмъ промысломъ, который былъ имъ предоставленъ княжеской администраціей, и служба ихъ носитъ характеръ аренды водныхъ угодій на условьѣ уплаты оброка; наряду съ оброкомъ натурой, они поэтому платятъ еще самостоятельный оброкъ деньгами, между тѣмъ какъ прочіе промышленники платили деньги только въ томъ случаѣ, если не могли доставить положеннаго числа продуктовъ [188]).

Что касается до способовъ ловли рыбы на князя, то обыкновеннымъ пріемомъ является „бить ѣзъ“, т. е. во время хода рыбы загораживать ей путь „заборьемъ“, для чего въ дно рѣки вбивались шесты, между ними дѣлалось „плетенье“ изъ прутьевъ, оставляя только нѣсколько проходовъ, въ которыхъ вставлялись верши. За устройствомъ ѣзовъ и за самой ловлей наблюдалъ княжескій ѣзовщикъ; такъ у Михаила Андреевича верейскаго былъ на Быстрой тони ѣзовщикъ Сава Поповъ, а на Милобудскомъ ѣзѣ—ѣзовщикъ Жданъ; у Василія Темнаго на Окѣ былъ ѣзовщикъ Глядко [189]). Ѣзовщикъ бьетъ княжескій ѣзъ на рѣкахъ; при этомъ онъ можетъ требовать подмоги отъ окрестныхъ крестьянъ, онъ собираетъ къ тому ѣзу монастырскихъ и другихъ людей, которые, если они не освобождены спеціальной княжеской грамотой, обязаны ѣзъ княжескій бить. Вѣроятно, они могли освобождаться отъ обязанности лично работать на ѣзу посредствомъ уплаты особаго оброка; таково, очевидно, происхожденіе „ѣзоваго“ [190]). Ѣзы бились обычно весной, когда шла рыба; это были ѣзы—„вешняки“, „ѣзы вешніе“ [191]). Кромѣ того, бьютъ ѣзъ зимній. Трудно сказать, является ли зимній ѣзъ тѣмъ же, что и подледная или поледная ловля, которая считалась особенно доходной. Впрочемъ, можно предположить, что подъ послѣднимъ названьемъ подразумѣвается та форма зимней ловли, которая до сихъ поръ практикуется на Волгѣ:

---

188) А. А. Э. I №№ 142, 143, 324 (грам. Ѳеодора Ивановича рыболовамъ Борисоглѣбской слободы съ ссылкой на грамоты Василія III и Ивана IV).

189) Д. А. И. I № 192. А. Лихачева II № 7.

190) А. А. Э. I № 17, 120. А. Лихачева II № 7.

191) А. Ѳед.-Чех. I № 50, А. А. Э. I № 11, А. Лихачева II № 7.

въ началѣ зимы, когда ледъ сравнительно тонокъ, рыболовы, прослѣдивъ начало хода рыбы, бьютъ палками по льду, оглушаютъ рыбу и баграми достаютъ ее изъ прорубей; возможно также, что просто черезъ двѣ проруби пропускали сѣти и такимъ образомъ ловили рыбу. За подледной ловлей рыбы на князя наблюдали особые княжескіе подледчики; при этомъ въ случаѣ нужды они наряжаютъ постороннихъ крестьянъ на княжескую ловлю и берутъ съ нихъ пошлины; крестьяне обязаны бить поледное. Часть рыбы идетъ въ пользу самого подледчика, который является во время ловли представителемъ интересовъ князя [192]). Помимо подледной ловли и ѣзовъ, ловили, особенно на озерахъ, запорнымъ неводомъ или сѣтью, бредникомъ, котцами или иною рыбною ловлею. Для пристанища, гдѣ имъ неводы и сѣти сушить, рыболовамъ предоставлялось нѣсколько сажень отъ воды на берегу рѣки или озера; такъ переяславскимъ рыболовамъ было дано кругомъ озера отъ воды берегу суши по 10 саж. Лѣтняя рыбная ловля неводомъ начиналась, „какъ вода пойдетъ“, и производилась „отъ льда и до льда“, приблизительно отъ Благовѣщенія до Николина дня; борисоглѣбскихъ рыболововъ въ теченіе всего этого времени не могъ безпокоить дворцовый приставъ, потому что они ловятъ тогда на обиходъ великаго князя [193]).

Доходъ съ княжескихъ ѣзовъ и тонь не весь шелъ въ пользу князя. Обычно въ его пользу шла извѣстная часть улова, которая опредѣлялась иногда одной или нѣсколькими ночами ловли, такъ называемыми „княжими ночами“ [194]). Такъ Шехонскіе князья пожаловали вмѣстѣ съ монастыремъ св. Николая въ домъ св. Троицы принадлежавшія имъ двѣ ночи въ Выячевскомъ язу Никольскія [195]). Бѣлозерскіе князья имѣли въ Островскомъ ѣзу одну ночь „княжую“ [196]). Переяславскіе рыболовы по Уставной грамотѣ 1506 г. обязаны были на поледной ловлѣ ловить на двухъ намѣстниковъ, по ночи на намѣстника, и на волостеля ловить ночь на поледной на ловлѣ, а по сотной книгѣ 1562 г. они ловятъ на поледной ловлѣ двѣ ночи на царя, ночь на царицу, на поледчика ночь, да на двухъ намѣстниковъ двѣ ночи [197]). О томъ, какое количество рыбы можно было выловить въ теченіе одной ночи даетъ приблизительное понятіе грамота Михаила Андреевича, данная имъ братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (въ 1485 г.): вмѣсто того, чтобъ выдавать имъ ежегодно рыбу въ количествѣ 4 осетровъ, 120 стерлядей, 200 судаковъ и 200 лещей онъ пожаловалъ игумену въ Островскомъ ѣзу черезъ годъ свою ночь; слѣ-

---

192) А. А. Э. I №№ 120, 136, 161 и др.
193) А. А. Э. I №№ 142, 143, 261, 324.
194) А. Ю. № 5.
195) А. Ю. Б. I № 63 (VIII).
196) А. И. I № 163, А. А. Э. I № 114.
197) А. А. Э. I №№ 143, 261.

довательно, княжая ночь давала по приблизительному разсчету уловъ вдвое большій, чѣмъ указанный выше ежегодный даръ князя рыбой въ монастырь [198]). Наряду съ княжей ночью были другія средства опредѣлить часть князя. Такъ по грамотѣ 1506 г. переяславскіе рыболовы, кромѣ оброка и поледной ловли, давали на дворецъ неводъ—100 саженъ, да двѣ матицы [199]). Въ другихъ случаяхъ князь еще проще дѣлился съ своими рыболовами доходами съ водныхъ угодій — отдавалъ имъ лѣтнюю добычу, а себѣ бралъ зимнюю. Галицкіе рыболовы ловили, напримѣръ, рыбу на Галицкомъ озерѣ и въ рѣкѣ Вексѣ лѣтомъ отъ льда и до льда, а что ихъ ловля по рѣчкамъ падучимъ, и по тѣмъ рѣкамъ рыбу ловятъ тѣ же рыболовы по старинѣ, а за эту рыбную ловлю за лѣтнюю они обязаны давать съ году на годъ на великокняжескій дворецъ извѣстный денежный оброкъ и всю подледную ловлю [200]). При этомъ ежегодно опредѣлялось, сколько должно итти свѣжей поледной рыбы, „иного года больше, иного года меньше, какъ Государь укажетъ“, говорится въ одной позднѣйшей грамотѣ [201]). Поледная ловля давала значительное количество рыбы: по позднѣйшимъ извѣстіямъ отъ 1580 г. съ Ладожскаго озера, съ оброчныхъ рыбныхъ ловель, съ рядковъ, оброчной поледной рыбы шло 640 сиговъ, 640 лодогъ и 640 сыртей [202]). Впрочемъ, не со всѣхъ своихъ „водъ“ получали князья такую значительную добычу: въ 1562 г. съ богатыхъ усть-волхонскихъ тонь, кромѣ оброка по рублю въ годъ, да пошлинъ 10 московокъ, рыболовы обязаны были тѣмъ же неводомъ ловить въ Ильменѣ-озерѣ рыбы на государя 5 щукъ, да 5 судаковъ [203]). Нѣкоторые сорта рыбы, напримѣръ, сельди на Переяславскомъ озерѣ, ловились „безурочно“ въ зависимости отъ потребности двора [204]). При пріемѣ оброчной рыбы по счету обращалось вниманіе на длину доставленной рыбы; судя по одной грамотѣ Ивана Грознаго, каждый разъ опредѣлялась длина каждой рыбы, которая должна была быть „по государеву указу въ мѣру, а какъ мѣра не придетъ по государеву указу въ мѣру, и за одну рыбу давать по полтора и по двѣ больше, смѣчая противъ указанной мѣры“ [205]).

Оброчная рыба доставлялась на княжескій дворъ и должна была итти на княжескую поварню, къ которой поэтому и тянули рыболовы. Для сохраненія рыбы ее солили въ большомъ количествѣ, а также хранили въ свѣжемъ видѣ во льду; ледъ на княжескіе погреба поставлялся окре-

---

198) А. А. Э. I № 114, А. И. I № 163.
199) А. А. Э. I № 143.
200) А. А. Э. I № 142.
201) и 202) А. А. Э. I № 327.
203) А. А. Э. I № 265.
204) А. А. Э. I № 143.
205) А. А. Э. I № 265.

стными крестьянами, которые колятъ ледъ и возятъ его на княжескій дворъ [206]). На Бѣломъ озерѣ большіе запасы рыбы находились подъ вѣдѣньемъ ѣзовщиковъ и рыбниковъ, т.-е. тѣхъ самыхъ лицъ, которыя ее ловили или собирали для князя. Уже изъ данныхъ объ оброкѣ съ рыбныхъ ловель можно судить о томъ, какіе запасы рыбы, „свѣжей и разсола“, накоплялися въ княжескихъ погребахъ. Здѣсь хранились цѣлыя бочки бѣлужины, сиговины, ладожины, щучины, тешъ бѣлужьихъ, тешъ осетрьихъ мокрыхъ; лукошки мокрыхъ осетрьихъ пупковъ; стерляди, осетры косячные, шехонскіе длинные осетры, бѣлыя рыбицы, спины, теши и прутъ бѣлужьи; семжина, сельди, снетки, мазюны, икра луконная (зернистая) и паюсная, пучки визиги и проч. и проч. [207]). Нѣкоторое представленье объ этихъ запасахъ рыбы даютъ выдачи, которыя производились изъ княжескихъ погребовъ монастырямъ. Выдачи эти были оформлены: монастырю выдавалась грамота съ указаніемъ сколько рыбы и гдѣ могъ онъ получить; съ этой грамотой отправлялся въ указанное мѣсто къ ѣзовщику или къ рыбнику самъ игуменъ или старецъ, кого онъ пришлетъ; ѣзовщикъ, прочтя грамоту, отдавалъ ее обратно игумену, который держитъ ее „прока для“ [208]). Много рыбы давалъ, напримѣръ, Михаилъ Андреевичъ верейскій въ монастырь къ св. Кириллу, на престольный праздникъ Успенья и на Кириллову память: въ одной грамотѣ онъ велитъ съ Быстрой тони давать ежегодно въ монастырь 2 осетра и столько же съ Милобудскаго ѣза; въ другой грамотѣ—120 стерледей, 200 судаковъ да 200 лещей [209]). Изъ этихъ же запасовъ шло содержаніе опальнымъ вельможамъ: такъ мы знаемъ, что Михаилу Ивановичу Воротынскому при Иванѣ Грозномъ посылали изъ Москвы рыбу осетровъ свѣжихъ и севрюгъ. Въ 1563 г. княгинѣ Евфросиніи Андреевнѣ Старицкой и ея двору было послано на 130 блюдъ рыбы свѣжей и на 130 блюдъ разсола—38 осетровъ, 11 стерлядей, бѣлорыбицъ и лососинъ, болѣе 8 бочекъ разсола, 500 сельдей, не считая пудовъ икры и семги, снетковъ и т. д. [210]).

Само собою понятно, что при такихъ запасахъ рыбы требовалось большое количество соли, и въ княжескомъ хозяйствѣ соль играла немаловажную роль. Такъ верейскій князь Михаилъ Андреевичъ, многократно упоминавшійся владѣтель рыбныхъ промысловъ на Бѣломъ озерѣ и Шехони, покупалъ очень много соли и оставилъ значительные запасы ея на Бѣломъ озерѣ. Пріобрѣтая соль, онъ даже вошелъ въ неоплатные

---

206) А. А. Э. I № 158.

207) А. И., I №№ 171, 178; также жалованныя грамоты Михаила Андреевича верейскаго Кириллову монастырю.

208) Д. А. И. I № 192 (II).

209) Д. А. И. I № 192 (I и II), А. А. Э. I № 64.

210) А. И. I №№ 171 и 174.

долги, задолжавъ по монастырямъ 64 рубля за свою соль [211]). Понятно, что тѣ князья, во владѣньяхъ которыхъ имѣлись соляныя копи, должны были усердно ихъ эксплоатировать. Къ сѣверо-востоку отъ Москвы московскимъ князьямъ принадлежала очень богатая солью область. Отъ отца къ сыну передавался Галичъ съ солью и съ варницами (въ частности при Иванѣ III упоминаются соляныя варницы въ Чухломѣ) [212]). Далѣе на Волгѣ имъ принадлежали соляные промыслы у Городца; уже Владиміръ Андреевичъ оставилъ соль на Городцѣ своимъ двумъ сыновьямъ, велѣвъ имъ вѣдать ее съ одного, а дѣлить себѣ на-полы [213]). На Волгѣ же была у нихъ Нерехта съ варницами [214]), наконецъ, южнѣе, Ростовская соль [215]). Объ общемъ видѣ промысловъ даетъ представленіе одна жалованная грамота Дмитрія Ивановича — Симонову монастырю: здѣсь упоминаются соляные колодцы и варницы, а при нихъ дворище да дворъ [216]). Во главѣ дѣла стояли княжескіе соловары. Какъ обычно, окрестные крестьяне должны были оказывать всякую помощь княжескимъ промышленникамъ; вѣроятно, обязанность дрова гнать, относится именно къ обслуживанію варницъ. Трудно сказать, какая часть добычи шла князю, какая его соловару; трудно далѣе сказать, сколько ея продавалось на мѣстахъ, а сколько оставалось на нужды дворца. Торговля солью въ пользу князя была, во всякомъ случаѣ, значительная, судя по тѣмъ мѣрамъ, которыя принимались для того, чтобы убить конкурренцію: въ однѣхъ только княжескихъ варницахъ соль варятъ безъ череду и безъ стояльницъ (безъ остановокъ) черезъ весь годъ; коль княжескій соловаръ закличетъ продавать княжескую соль, то продавать постороннимъ соловарамъ запрещено; исключеніе представляютъ только привилегированные монастыри, прочимъ княжескіе соловары, какъ учнутъ сами соль продавать, продавать заповѣдуютъ [217]). На ряду съ продажею соли большіе запасы ея хранились на дворцѣ, въ Москвѣ у дворецкаго Большого Дворца. Запасы эти были очень велики. Евфросиніи Андреевнѣ въ 1563 г. въ одинъ разъ было послано 30 пудовъ соли [218]). Отсюда же выдавалась руга солью церквамъ: причту Воскресенскаго собора на Волокѣ отпускалось въ началѣ XVI в. ежегодно 19 пуд. соли, двумъ монастырямъ въ Переяславлѣ 23 пуда; иныя церкви получали меньше, напримѣръ, церковь во Владимірѣ всего 3 пуда [219]).

---

[211]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 122.

[212]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 51 и др. А. И. I № 85.

[213]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.

[214]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 41 и др.

[215]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 144.

[216]) Кар. V, прим. 122.

[217]) А. И. I № 85, А. А. Э. I № 51, А. Ю. Б. I № 31 (II) (объ обязанности гнать дрова тамъ-же I № 31).

[218]) А. И. I. № 171.

[219]) А. А. Э. I. № 191, Сб. Муханова № 519.

Мой очеркъ княжескаго хозяйства былъ бы неполонъ, если бы я въ заключеніе не отмѣтилъ роли въ немъ мелкихъ ремеселъ; къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ нихъ чрезвычайно ограничены. Въ теченіе всего XV в. упоминаются въ Москвѣ на посадѣ и въ городѣ княжескіе мастера, нѣкоторые изъ которыхъ сидятъ на княжескихъ дворахъ [220]). Въ частности упоминаются въ Рязани княжескіе гончары [221]). Изъ другихъ мастеровъ чаще всего встрѣчаются портные: въ концѣ XV в. княжескіе портные продолжаютъ жить при княжескомъ дворѣ, въ Кремлѣ, по Новую улицу, что идетъ отъ площади къ Фроловскимъ воротамъ (Спасскимъ); они, очевидно, не утратили своего значенья дворовыхъ мастеровъ, хотя каждый изъ нихъ имѣетъ свой собственный самостоятельный дворъ [222]). Помимо работы на князя на его дворѣ, практиковался сборъ съ крестьянъ домодѣланныхъ холстовъ; отсюда, очевидно, объясняется происхожденіе сбора „портного“, который въ XV в. существуетъ въ большинствѣ княжествъ, при чемъ наряду съ нимъ упоминается „скатертное“. Надо полагать, что первоначально „тянуть въ портное“ означало поставлять свою работу — холсты, скатерти, на княжескій дворъ [223]).

Я сдѣлалъ общій очеркъ княжескаго хозяйства въ XV—XVI столѣтіяхъ. Хозяйство крупныхъ княжествъ въ изучаемую эпоху обращаетъ на себя вниманіе своими размѣрами, и въ этомъ отношеніи оно очень рѣзко отличается отъ того хозяйства, какое вели въ своихъ маленькихъ удѣлахъ князья XIII и XIV вѣковъ. Раньше узкія границы налагали особый отпечатокъ на весь складъ хозяйственной жизни во владѣніяхъ этихъ мелкихъ князей, который не могъ сохраниться впослѣдствіи въ тѣхъ крупныхъ княжествахъ, какими въ XV вѣкѣ были великія княженія: Московское, Рязанское, Тверское, Нижегородское и зависѣвшіе отъ нихъ удѣлы вродѣ Пронскаго, Кашинскаго, Верейскаго, Дмитровскаго, Галицкаго и другихъ. Небольшіе размѣры княжескихъ владѣній въ XIII—XIV вѣкахъ являлись причиной тому, что при неумѣніи вести раціонально хозяйство, не всѣ потребности княжескаго двора могли быть удовлетворены эксплоатаціей собственныхъ земель и угодій князя. При господствѣ натуральнаго хозяйства, затрудненіе разрѣшалось посылкой промышленныхъ экспедицій въ болѣе отдаленныя мѣстности, въ чужіе предѣлы. Такъ тверскіе великіе князья посылали своего медовара и своего осетренника въ Ладогу и выговорили себѣ у новгородцевъ право ѣздить осенью въ Русу звѣря гонять; въ нѣкоторыхъ договорахъ точно опредѣлялось, что въ Русу они могли ѣхать охотиться на третью зиму, а

220) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 78, 144.
221) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
222) Собр. Г. Гр. и Д. I, № 144.
223) А. Ю. Б. I № 31 (II), А. А. Э. I №№ 131, 199.

въ Ладогу на третье лѣто [224]). Точно также великіе князья Андрей Александровичъ и Иванъ Калита посылали свои ватаги на море и въ Печору за соколами. Въ Москвѣ, когда великій князь посылалъ своихъ даньщиковъ по медовымъ варямъ, то удѣльные князья выговаривали себѣ право вмѣстѣ съ ними посылать и своихъ даньщиковъ [225]). Такія экспедиціи въ чужіе предѣлы, понятнымъ дѣломъ, могли имѣть мѣсто лишь путемъ соглашенія — „докончанія“ съ сосѣдомъ. При болѣе обширныхъ владѣніяхъ князей въ XV вѣкѣ необходимость въ нихъ постепенно утрачивалась.

Небольшіе размѣры княжескихъ хозяйствъ въ XIII и въ XIV столѣтіяхъ позволяли организовать ихъ по типу частновладѣльческихъ. Хозяйство князей въ эпоху, предшествующую той, которую я описывалъ, велось руками несвободной челяди — холоповъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка упоминаются подъ Москвою купленные бортники. Изъ духовной Владиміра Андреевича явствуетъ, что еще въ началѣ XV вѣка среди его бортниковъ, садовниковъ, псарей, бобровниковъ были холопы, на которыхъ онъ имѣлъ грамоты полныя [226]); еще въ духовной Бориса Васильевича волоцкаго упоминается сокольникъ—холопъ [227]). Казначеи, тіуны и посельскіе въ теченіе всего XV вѣка были, по большей части, рабами [228]); мастера тоже долгое время были несвободные [229]). Такая форма эксплоатаціи угодій рабскимъ трудомъ была возможна лишь въ небольшихъ сравнительно хозяйствахъ, гдѣ она сохранялась и въ позднѣйшее время. Это хозяйство частнаго владѣльца, вродѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, у котораго среди холоповъ мы находимъ охотниковъ (трубника, стрѣлка, сокольника, утятника), поваровъ, хлѣбниковъ, мельниковъ, садовника и огородниковъ, многочисленныхъ мастеровъ (портныхъ, бронниковъ, плотника, серебрянника) [230]). Въ крупныхъ княжескихъ владѣніяхъ пользованіе несвободнымъ трудомъ, наоборотъ, постепенно выходитъ изъ употребленія. Иванъ Калита еще передавалъ своимъ сыновьямъ рабовъ—бортниковъ и цѣлый рядъ холоповъ, записанныхъ въ большомъ „сверткѣ“ [231]), но уже сыновья его начинаютъ отпускать на волю людей своихъ дѣловыхъ, купленныхъ и доставшихся имъ за долгъ или охолопившихся благодаря браку съ дочерью княже-

---

[224]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 1 и 2.

[225]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 27.

[226]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 40. (О купленныхъ бортникахъ, I №№ 21, 22 и 25).

[227]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 106.

[228]) Завѣщанія князей въ I т. Собр. Г. Гр. и Д.

[229]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 73.

[230]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 130.

[231]) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 21 и 22.

скаго холопа [232]), и съ тѣхъ поръ, какъ общее правило, князья передъ смертью отпускаютъ на свободу своихъ холоповъ съ женами и съ дѣтьми. Холопы сохраняются въ очень небольшомъ числѣ для услугъ по дому; такъ Василій Дмитріевичъ далъ дочерямъ изъ своихъ холоповъ по пяти семей каждой [233]); Борисъ Васильевичъ волоцкій оставилъ своей женѣ трехъ хлѣбниковъ, повара, сокольника, посельскаго и еще девять или десять холоповъ съ семьями, а всѣхъ прочихъ освободилъ [234]). Итакъ въ XV вѣкѣ княжеское рабовладѣнье сильно сократилось; холоповъ, страдниковъ, мы видимъ только въ селахъ, но и тѣхъ обычно освобождаютъ передъ смертью; промыслы эксплоатируются исключительно посредствомъ свободныхъ оброчниковъ. Этотъ переходъ отъ рабскаго труда къ свободному является результатомъ той децентрализаціи въ хозяйствѣ, необходимость которой вызывалась территоріальнымъ ростомъ княжескихъ владѣній. Но сорганизовать хозяйство въ крупныхъ размѣрахъ было для князей нелегкой задачей, и неумѣніе справиться съ ней заставило обратиться къ той формѣ оброчнаго труда, съ которою мы познакомились, и вмѣстѣ съ тѣмъ привлечь къ работамъ по хозяйству постороннихъ крестьянъ. Эксплоатація угодій—сѣнокосовъ, бортей, сокольихъ сѣдбищъ, бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ ловель, охота и связанныя съ нею обязанности поручаются оброчникамъ, свободнымъ дѣловымъ людямъ, которые въ награжденіе получаютъ отъ князя землю; это мелкіе помѣщики, очень похожіе на тѣхъ, которые со своихъ помѣстій несли военную службу, съ тою разницей, что ихъ служба заключалась не въ участіи въ войнѣ, а въ работахъ по княжескому хозяйству. При этихъ работахъ они пользуются субсидіями, кормомъ и содѣйствіемъ со стороны окрестныхъ крестьянъ. Вотъ какъ въ общихъ чертахъ рисуется организація княжескаго хозяйства позднѣйшаго періода; это очень характерная ступень въ хозяйственномъ бытѣ. Неудобства подобной системы лишь очень медленно сознавались; однако, уже съ начала XVI вѣка замѣтны попытки замѣнить ее простой сдачей угодій въ аренду и одновременно съ этимъ стремленіе переводить натуральные сборы и повинности на деньги. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ описанной системы эксплоатаціи владѣній посредствомъ оброчниковъ являлась, конечно, малая ея производительность: во-первыхъ, цѣлый рядъ земель и угодій отдавался самимъ оброчникамъ въ вознагражденіе за ихъ трудъ; во-вторыхъ доходъ съ угодій былъ всегда случаенъ: нѣсколько пудовъ меда, три бобровыя шкурки, пять щукъ или судаковъ, какъ мы видѣли, опредѣляютъ иногда ежегодный доходъ съ княжескихъ владѣній; невозможно было

---

[232]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 24, 26.
[233]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 41.
[234]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 106.

даже приблизительно установить дѣйствительную доходность того или иного ухожая, сколько „мочно“ съ него получить медоваго или иного оброка, и совершенно остается не выясненнымъ, на какихъ основаніяхъ опредѣлялось то количество продуктовъ, которое вносилось оброчниками въ казну или на дворецъ княжескій. Однако малая производительность княжескаго хозяйства въ XV и въ XVI вѣкахъ не была основнымъ его недостаткомъ; при обширности и многочисленности принадлежавшихъ князю угодій, запасы на его дворцѣ даже при указанныхъ условіяхъ были въ сущности неистощимы. Въ основѣ крупнаго княжескаго хозяйства этой эпохи лежалъ другой гораздо болѣе существенный недостатокъ, который и препятствовалъ правильному развитію дѣла и привелъ къ полному разоренію князей-землевладѣльцевъ. Этотъ недостатокъ заключается въ томъ, что крупное хозяйство XV—XVI вѣковъ продолжало строиться на основахъ того мелкаго хозяйства, которое оно смѣнило, и при всей рѣзкой разницѣ въ условіяхъ, въ пріемахъ и въ организаціи, сохранило многія черты, характерныя для прежняго хозяйничанья въ границахъ небольшой вотчины. Даже при бѣгломъ знакомствѣ съ источниками легко убѣдиться, насколько мало измѣнилась общая постановка всего хозяйства въ княжескихъ владѣніяхъ; рѣзко бросается въ глаза одна черта, унаслѣдованная княжескими вотчинами позднѣйшаго времени отъ вотчинъ XIII—XIV вѣковъ. Въ вотчинахъ XIII и XIV вѣковъ все хозяйство велось съ такимъ разсчетомъ, чтобы снабжать дворъ князя всѣмъ необходимымъ; всѣ хозяйственныя продукты шли исключительно на потребленіе двора, и это было естественно при небольшихъ размѣрахъ тогдашнихъ княжескихъ владѣній, которыя, какъ мы видѣли, даже не всегда могли удовлетворить всѣхъ нуждъ княжескаго обихода. При новыхъ обстоятельствахъ крупныя вотчины князей XV и XVI столѣтій не измѣняютъ въ этомъ отношеніи нисколько своего характера; хозяйство въ нихъ продолжаетъ служить исключительно на удовлетвореніе нуждъ двора; какого-либо сбыта на сторону, если не считать продажи соли, мы не видимъ. Въ княжескомъ дворѣ скоплялось поэтому громадное количество продуктовъ сельскаго хозяйства и промысловъ: мѣха, шубы, кортели, тулупы, холсты, бочки рыбы соленой и свѣжей, кади ржи и овса, пуды меда, сливочнаго масла, ведра сливъ и яблокъ... Все это шло на содержаніе самого князя и его дворни, отчасти тратилось на монастыри и на церкви, но правильнаго сбыта не находило. Между тѣмъ въ XV вѣкѣ являются на княжескомъ дворѣ новые запросы, которыхъ удовлетворить не могло натуральное хозяйство, центромъ котораго онъ былъ. Втеченіе XV вѣка въ экономической жизни Россіи отмѣчаются очень явственныя перемѣны, и конецъ этого столѣтія знаменуется очевиднымъ оживленіемъ денежнаго обращенія въ странѣ, которое

было отмѣчено уже сооременниками—иностранцами [235]). Объективнымъ показателемъ можетъ служить паденіе цѣны на деньги, которое отмѣчается въ первой половинѣ XVI вѣка. Это явленіе находится въ связи съ усиленіемъ иностранной торговли. Россія втягивалась черезъ посредство Новгорода въ торговыя сношенія съ Западной Европой, а черезъ посредство Орды и Крыма—съ Востокомъ. Характерно въ этомъ отношеніи планомѣрное стремленіе московскихъ князей открывать новые рынки, напримѣръ, попытка завязать торговыя сношенія съ Персіей и шаги частныхъ лицъ, купцовъ, въ томъ-же направленіи (извѣстнаго Афанасія Никитина). Не случайно впервые въ духовной грамотѣ Ивана III въ числѣ доходныхъ статей упоминаются въ Москвѣ торги, лавки и дворы гостинные [236]). Въ связи съ развитіемъ торговли, начинаютъ создаваться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и корпорацій капиталы, и капиталы очень крупные; какъ во всѣхъ странахъ въ моментъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному ссуда является на ряду съ иностранной торговлей наиболѣе выгодной формой помѣщенія капитала. Монастыри уже играли ту роль крупныхъ банковъ, которую они сохраняли втеченіе XVI вѣка, снабжая частныхъ лицъ и даже князей деньгами; въ числѣ кредиторовъ послѣднихъ въ концѣ XV вѣка мы находимъ рядъ монастырей: Высоцкій, Серпуховской, Левкѣевъ, Возмицкій, Селижаровъ, Покровскій, Юрьевскій; одинъ Михаилъ Андреевичъ верейскій былъ долженъ Кириллову монастырю 120 рублей (почти 12 тысячъ на наши деньги), не считая другихъ долговъ въ Мартемьяновомъ и Пафнутьевомъ монастырѣ [237]); большія дѣла дѣлалъ извѣстный старецъ Іосифъ Волоцкій [238]). Деньги скоплялись, понятнымъ образомъ, также въ рукахъ торговыхъ корпорацій: великій князь Василій Васильевичъ бралъ крупныя суммы взаймы у московскихъ гостей и у суконниковъ [239]); князь Федоръ Борисовичъ занималъ у городскихъ людей у волочанъ и у ржевичей, вѣроятно, тоже мѣстныхъ торговыхъ сотенъ: первымъ онъ былъ долженъ 20 рублей, а вторымъ—тридцать два рубля безъ четверти [240]). Наконецъ, значительные капиталы складывались въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, торговцевъ и ростовщиковъ, вродѣ того Вепря, который, судя по всему, торговалъ матеріями и имѣлъ довольно денегъ, чтобъ снабжать удѣльныхъ князей очень крупными суммами (160 рублей князю Ивану Борисовичу и 300 рублей его брату, всего около 46 тысячъ на наши деньги), Григорія Бобыни (ему должны были братья Ивана

---

235) Библ. Иностр. писат. о Россіи (Кампензе, гл. 5).
236) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 144.
237) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 122.
238) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 132 и 151.
239) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 49—50.
240) Собр. Г. Гр. и Д. I № 151.

III до 280 рублей), Бахтеяра Дубоваго Носа, семьи Владиміра Григорьевича, или позднѣе того Протопопова, который ссужалъ деньгами разорившуюся служилую знать [241]). Всѣ эти примѣры очень знаменательны и указываютъ на рядъ новыхъ явленій въ экономической жизни Русской земли: въ концѣ XV вѣка уже создаются капиталы, и въ нихъ есть большой спросъ. Этотъ фактъ первостепенной важности, однако, не оказалъ никакого непосредственнаго вліянія на хозяйство во владѣніяхъ князей. Въ этомъ отношеніи княжеское хозяйство оставалось значительно позади своего времени; оно сохраняло яркія черты типичнаго натуральнаго хозяйства, когда рядомъ уже завязывался обмѣнъ денегъ. Между тѣмъ, явленія, отмѣченныя нами, не могли не отразиться на жизни княжескаго двора. Подъ вліяніемъ развивавшейся иностранной торговли, отмѣчается здѣсь все возрастающій спросъ на иностранные товары, преимущественно предметы роскоши. Иванъ III всюду на востокѣ скупалъ драгоцѣнные камни и ковры: онъ поручалъ, напримѣръ, своему послу въ Крымъ не забыть сказать отъ него нѣкоему Хозѣ Асану, что, если у него будутъ лалы, яхонты дорогіе и жемчугъ добрый, то чтобъ непремѣнно пріѣхалъ въ Москву и привезъ съ собою; узнавъ, что жена Менгли Гирея владѣетъ жемчужиной Тохтамыша, онъ не успокоился, пока не получилъ ея [242]); неудивительно, что своимъ наслѣдникамъ онъ оставилъ такую массу драгоцѣнныхъ камней, о которой его предшественники не имѣли понятія [243]). За великимъ княземъ тянулись удѣльные князья; въ ихъ духовныхъ грамотахъ мы находимъ предметы восточной роскоши: сабли гирейскія булатныя, ковры, колпаки ордынскіе, шубы татарскія, серьги и ожерелья съ лалами—зернами гурмысскими, однорядки и шубы, саженныя жемчугомъ гурмысскимъ и т. д. Наряду съ товарами, шедшими съ востока, упоминаются предметы новгородской торговли: жемчугъ новгородскій и нѣмецкіе товары, преимущественно матеріи: поставы Ипскаго сукна, платье изъ камки бурской и венедицкой или изъ атласа венедицкаго, шубы ипскія и лунскія. На удовлетвореніе этой потребности въ предметахъ роскоши у князей при всей обширности ихъ владѣній денегъ не было; все это бралось въ долгъ, потому что деньгами княжеское хозяйство, повторяю, не было богато. Иванъ Борисовичъ волоцкій въ разное время взялъ въ долгъ у Вепря опашень изъ венедицкой камки, четыре сукна, двѣ камки, еще два сукна, червчатую бурскую епанчу, всего болѣе чѣмъ на 18 руб. 4 алтына, которыхъ онъ такъ и не заплатилъ до смерти; у Бориса Кутузова

---

[241]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 96, 112, 132, 152. О Протопоповѣ у Рождественскаго: „Служилое землевладѣнье“.

[242]) Соловьевъ V, гл. 5.

[243]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 144.

онъ взялъ саблю гирейскую, а у Ивана Михайловича коверъ намазный [244]). Братъ его Федоръ взялъ въ долгъ въ Левкѣевомъ монастырѣ шубу на червчатомъ атласѣ венедицкомъ, цѣною въ 8 рублей; у Ивана Фомина сына Иванова гирейскую саблю, колпакъ ордынскій, охабень зуфенъ, да и у другихъ лицъ онъ бралъ кое-что изъ платья [245]). На ряду съ спросомъ на иностранные товары, можно отмѣтить и другого рода нужды князей, не находившія себѣ удовлетворенія ни въ одной изъ формъ дворцоваго хозяйства; а именно нужды военныя. Развитіе военнаго дѣла находится въ извѣстной зависимости отъ отмѣченнаго выше развитія иностранной торговли; сношенія съ Востокомъ и съ Западной Европой, вѣроятно, и тутъ сыграли свою роль, повысивъ требованія на качество оружія. Еще больше значенія имѣла та аггрессивная политика по отношенію къ своимъ сосѣдямъ, русскимъ и иностраннымъ, которую, особенно энергично начинаетъ вести великій князь московскій и въ которую втягивалась его братья,—удѣльные князья. Усилившаяся потребность въ хорошемъ оружіи не могла найти теперь удовлетворенія въ работахъ доморощенныхъ мастеровъ, какіе могли быть при дворахъ мелкихъ князей; приходилось обращаться къ спеціалистамъ—мастерамъ, вѣроятно, къ москвичамъ, работавшимъ на великаго князя. Очевидно, такимъ мастеромъ своего дѣла былъ тотъ Сенька бронникъ, которому Иванъ Борисовичъ оставался долженъ 44 рубля, а братъ Ивана III—Андрей Васильевичъ—51 рубль. Иванъ Борисовичъ, кромѣ того, задолжалъ сѣдельнику Филѣ и кузнецу Лагутѣ [246]). Очевидно, нужда въ хорошемъ оружіи заставляла князей обращаться къ опытнымъ бронникамъ и кузнецамъ; дѣйствительно князья даже брали въ долгъ у своихъ приближенныхъ то саблю, то наколѣнники, то рогатину. Тѣ-же военныя потребности объясняютъ, вѣроятно, спросъ на хорошихъ, породистыхъ лошадей,—татарскихъ, аргамаковъ,—которыхъ князья брали въ долгъ у кого и гдѣ могли; князь Иванъ Борисовичъ забралъ такимъ образомъ 11 коней разныхъ мастей и достоинствъ не считая одного чалаго жеребца, забраннаго его женою [247]).

Таковы тѣ новыя потребности, которыя росли на княжескомъ дворѣ, не находя себѣ удовлетворенія въ княжескомъ хозяйствѣ. Это хозяйство, какъ было указано, продолжало носить характеръ чисто натуральнаго. Денежный обмѣнъ развивался своимъ чередомъ, не затрагивая хозяйственнаго строя княжескихъ вотчинъ. Въ результатѣ оказалось, что этотъ строй не могъ уже отвѣчать вновь народившимся потребностямъ. Князья стали искать денегъ и не находя достаточныхъ денежныхъ доходовъ въ

---

[244]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 132.
[245]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 151.
[246]) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 112 и 132.

своемъ хозяйствѣ, стали должать. Въ ихъ кладовыхъ безъ всякаго движенія лежали громадные запасы жита, меда и рыбы; въ ихъ казнахъ скоплялись драгоцѣнные мѣха, а сами они должны были занимать по нѣсколько рублей у своихъ поддапныхъ, закладывали свое серебро, свои собольи шубы и горностаевые кортели, какъ тотъ волоцкій князь Иванъ Борисовичъ, который, заложивъ все, что могъ, сталъ закладывать мониста и обручи своей племянницы, истерялъ все ея приданое, ея платье, посуду, словомъ, всю ея рухлядь [248]). Стоитъ взглянуть въ духовныя князей верейскихъ и волоцкихъ, чтобъ убѣдиться, съ какимъ трудомъ сколачивали они деньги для расплаты съ кредиторами: тотъ-же Иванъ Борисовичъ по нѣкоторымъ долгамъ не платилъ процентовъ втеченіе пяти лѣтъ; одинъ изъ кредиторовъ Юрія Васильевича, брата Ивана III, успѣлъ умереть, не дождавшись расплаты, и въ своей духовной князь просилъ свою мать внести тѣ 10 рублей, которые онъ ему задолжалъ за коня, къ Троицѣ за упокой его души. Нѣкоторые князья не могли расплатиться за долги своихъ родителей, такъ въ завѣщаніи одного волоцкаго князя фигурируетъ рядомъ съ его собственными долгами „маткинъ долгъ“ [249]).

Въ общемъ итогѣ мы имѣемъ страшную задолженность удѣльныхъ князей въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI. Юрій Васильевичъ передъ смертью былъ долженъ 717 рублей, т. е. болѣе 71 тысячи на наши деньги; Андрей Васильевичъ—громадную сумму въ 31.050 рублей приблизительно (болѣе трехъ милліоновъ и ста тысячъ), Иванъ Борисовичъ болѣе 600 рублей, Федоръ Борисовичъ болѣе 840 рублей [250]).

Всѣ эти данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что княжеское хозяйство переживало въ концѣ XV вѣка чрезвычайно тяжелый кризисъ, обусловливавшійся трудностью приспособить его къ ощущавшейся потребности въ деньгахъ. Кризисъ этотъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ источниковъ, отражался не на однихъ княжескихъ хозяйствахъ; это было повсемѣстное явленіе, которое объяснялось переходнымъ моментомъ въ экономической жизни страны. Кризисъ этотъ переживался всѣми землевладѣльцами; чѣмъ мельче были ихъ владѣнія, тѣмъ труднѣе приходилось имъ. Съ выгодой для себя вышелъ изъ кризиса самый крупный землевладѣлецъ, великій князь московскій. Великій князь сумѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ торговые пути, онъ держалъ въ своей власти такіе торговые центры, какъ Новгородъ и Москва, и руководилъ торговыми сношеніями съ Востокомъ; далѣе, онъ присвоилъ себѣ единственную существовавшую въ удѣльный періодъ дань деньгами—Ордынскій выходъ, который давалъ ему очень значительныя суммы.

---

247) и 248) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 132.

249) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 96 и 132.

250) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 96, 112, 132 и 151.

Хозяйственная неприспособленность удѣльныхъ князей отдавала ихъ совершенно въ руки экономически болѣе сильному московскому великому князю. Уже Василій Темный платилъ въ Орду за своего дядю Юрія Дмитріевича Галицкаго 600 рублей [251]). Братъ Ивана III Андрей Васильевичъ былъ долженъ ему, своему старѣйшему брату, 30 тысячъ рублей, которые онъ за него въ Орды давалъ и въ Казань и въ городокъ Царевичу и которые онъ бралъ на самого себя [252]). Другой братъ великаго князя Юрій Васильевичъ, не будучи въ состояніи уплатить своихъ долговъ, просилъ свою мать великую княгиню и господина своего князя великаго, чтобъ они взяли дань съ его вотчины да его должникамъ заплатили его долгъ и закладъ его выкупили [253]); точно также Иванъ Борисовичъ завѣщалъ свою вотчину Рузу и половину Ржевы великому князю съ тѣмъ, чтобы онъ „съ той моей вотчины долгъ мой пожалуетъ заплатить и душу помянетъ“ [254]).

Задолженность удѣльныхъ князей позволяла поэтому великому князю распоряжаться совершенно свободно ихъ удѣлами. Супруга Владиміра Андреевича въ своемъ завѣщаніи разсказываетъ печальную исторію своей вотчины Лужи: она заиновала 280 рублей, чтобы уплатить за вотчину внука своего за князя Василія и еще 500 рублей за собственную свою вотчину Лужу; великій князь взялъ тогда вотчинку ея Лужу и отдалъ ея внуку съ тѣмъ, чтобы онъ заплатилъ всѣ 780 рублей [255]).

Итакъ крупные размѣры хозяйства въ княжескихъ владѣніяхъ XV—XVI столѣтій не спасли князей отъ полнаго экономическаго оскудѣнія; это оскудѣніе и отдало князей въ кабалу тому изъ нихъ, который былъ самый богатый, великому князю московскому.

При томъ экономическомъ кризисѣ, который переживался страной, удѣльнымъ князьямъ, ведшимъ свое хозяйство еще на началахъ натуральнаго хозяйства XIII вѣка спорить съ финансовой силой великихъ князей было еще труднѣе, чѣмъ съ ихъ войсками. Ихъ завѣщанія открываютъ намъ яркую картину того, какъ постепенно рушился удѣльный порядокъ и какъ неумѣнье вести хозяйство при новыхъ обстоятельствахъ дѣлало ихъ беззащитными передъ притязаніями богатаго родича.

С. Бахрушинъ.

---

251) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 49—50.
252) Собр. Г. Гр. и Д. I № 112.
253) Собр. Г. Гр. и Д. I № 96.
254) Собр. Г. Гр. и Д. I № 132.
255) Собр. Г. Гр. и Д. I № 82.

XXXIII.

Литовско-польскія уніи и отношеніе къ нимъ литовско-русской шляхты.

Вопросъ о литовско-польскихъ уніяхъ неоднократно трактовался въ ученой литературѣ. Историки, русскіе и польскіе, давно обратили вниманіе на этотъ кардинальный вопросъ въ литовско-польскихъ отношеніяхъ и старались прослѣдить, насколько благодѣтельны или вредны были слѣдствія уній для литовско-русскаго государства. Само собой понятно, что оцѣнка результатовъ уній была далеко неоднородна. Въ то время, какъ рядъ крупныхъ польскихъ историковъ (Левицкій, Прохацка) нѣсколько преувеличиваютъ культурныя слѣдствія уній и совершенно замалчиваютъ вопросъ объ отрицательномъ вліяніи Польши на Литву, русскіе историки тоже далеко не всегда объективны и спокойны (Антоновичъ, Дашкевичъ) въ своихъ оцѣнкахъ результатовъ уній, замѣтно преувеличивали ихъ отрицательное вліяніе. Отсюда временами неясное и неточное представленіе о ходѣ историческаго процесса литовско-русскаго государства и стремленіе многія его особенности объяснять исключительно польскимъ вліяніемъ. Съ другой стороны, ставя вопросъ объ уніяхъ предметомъ своей ученой любознательности, историки больше заняты изученіемъ результатовъ уній, а не тѣхъ условій, кои имъ предшествовали, и, volens-nolens, заставляли оба государства тяготѣть къ другъ другу и тѣмъ самымъ не снимать съ очереди вопросъ объ уніи.

И другая сторона въ унитарномъ вопросѣ была отчасти забыта—отношеніе къ ней господствующаго класса, а между тѣмъ это вопросъ первостепенной важности, такъ какъ, только анализируя его, можно понять дѣянія Люблинскаго сейма 1569 г. Правда, этотъ вопросъ уже отчасти трактовался въ ученой литературѣ. Его касались Малы-

---

1) Малышевскій—„Холмская Русь“, стр. 122. *Дашкевичъ* Замѣтки по исторіи л.-рус. госуд., стр. 162.

шевскій и Дашкевичъ [1]) ставя политическій ростъ шляхты въ тѣсную связь съ уніей.

Впрочемъ, существуетъ и другая точка зрѣнія по этому поводу. М. В. Довнаръ-Запольскій считаетъ шляхетскія привилегіи только слѣдствіями того религіозно-политическаго движенія въ средѣ низшей шляхты, которое началось еще въ сороковыхъ годахъ [1]), уступки получались медленно, и треть вѣка прошедшая въ борьбѣ, дала, наконецъ, благопріятные результаты. Едва-ли можно принять это мнѣніе. Конечно, развитіе самосознанія въ шляхтѣ имѣло огромное значеніе для роста ея привилегій, но этимъ однимъ еще дѣло не объясняется. Остается открытымъ вопросъ, почему уступки шляхтѣ дѣлались всякій разъ, когда на исторической сценѣ появлялся вопросъ объ уніи? Если бы внѣшнія отношенія Литвы во время Ливонской войны приняли бы другой характеръ, то литовская аристократія нашла бы силы задержать на время ростъ шляхетской демократіи.

Впрочемъ, послѣднее время замѣчается нѣсколько иное отношеніе къ трактуемому вопросу. Авторъ «литовско-русскаго сейма», слѣдя за эволюціей «вальнаго сейма» довольно подробно касается литовско-польскихъ отношеній, поскольку они вызывали къ жизни изученное имъ учрежденіе. Не ставя вопроса объ уніяхъ предметомъ своей работы, М. К. Любавскій освѣтилъ его съ совершенно новой точки зрѣнія и, на нашъ взглядъ единственно правильной, тѣмъ не менѣе, все-таки этотъ вопросъ требуетъ пересмотра не столько въ анализѣ внѣшнихъ политическихъ условій, вліявшихъ на унію, такъ какъ этотъ вопросъ засмотрѣнъ въ литературѣ съ исчерпывающей полнотой, сколько въ опредѣленіи роли шляхетства въ унитарномъ вопросѣ и установленіи параллелизма между вопросомъ объ уніяхъ и ростомъ шляхетскаго сословія.

Начало литовско-польскимъ уніямъ было положено въ 1385 году, когда Ягайллу пришлось занять польскій престолъ. Историческая литература [2]) изучила этотъ моментъ въ высшей степени детально, и намъ остается только сказать, какъ отнесся правительствующій классъ къ этому факту.

Приходится отмѣтить, что моментъ для переговоровъ объ уніи былъ выбранъ удачно. Ослабленная Литва и Польша нуждались въ взаимной поддержкѣ и помощи, а воинствующій германизмъ толкалъ ихъ въ братскія объятія. И тѣмъ не менѣе унія 1385 г. не долго опре-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій—Литовско-польская унія, стр. 25.

[2]) Антоновичъ: Монографіи. *Дашкевичъ*, Замѣтки по исторіи литов.-рус. госуд., Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 11.

дѣляла собою польско-литовскія отношенія. Крупная знать и нѣкоторые удѣльные князья не признали условій заключеннаго трактата, подписаннаго, на свой страхъ и рискъ, Ягайллой и группой удѣльныхъ князей. Причина лежитъ въ непопулярности самого акта. Вѣдь унитарныя условія говорили о полной инкорпораціи Литвы. Литовское боярство, конечно, объ этомъ и не думало, разсматривая отношенія Литвы и Польши, какъ личную унію. Всеобщее недовольство заставило в. к. Ягайллу даже нѣсколько ослабить патріархальный характеръ своей власти и опубликовать извѣстный привилей 1387 г. [1]). Подымая правовое положеніе литовскихъ магнатовъ, принявшихъ католицизмъ, в. к. надѣялся, что воспользовавшіеся этимъ привилеемъ несомнѣнно станутъ на сторону непопулярной уніи. Но разсчеты Ягайлла не оправдались. Боярство, не смотря на заманчивыя обѣщанія привилея, крестилось очень неохотно.

Само собою понятно, что объ отказѣ отъ своей національной самобытности, цѣною привилея, магнатство и не думало.

Отношеніе его къ уніи отчетливо сказалось въ борьбѣ Витовта съ Ягайллой; и поддержка оказанная боярствомъ Витовту въ его борьбѣ за національную независимость, заставила Ягайллу пойти на уступки, въ результатѣ чего явилось Островское соглашеніе.

Новая унія радикально расходилась съ актомъ 1385 г. Она, ни слова не говоритъ объ инкорпораціи Литвы, признавала Витовта в. княземъ, потребовавъ только отъ него присягу «никогда не покидать королевы и короны польской». Великій князь, хотя и зависѣлъ отъ польскаго короля, какъ верховнаго господаря, все-таки на рялу съ нимъ, принимаетъ присягу отъ другихъ литовско-русскихъ князей, назначаетъ на должности. Конечно, это было не то, о чемъ мечтала польская политическая мысль, но приходилось примириться, хотя бы временно, съ новымъ положеніемъ дѣла.

Временное соглашеніе гарантировало Литвѣ автономный государственный режимъ и даже не безъ нѣкоторой выгоды, такъ какъ отчасти обезсиленное княжество пріобрѣтало въ лицѣ Польши сильнаго союзника. Вполнѣ понятно, что условія Островскаго соглашенія, скрѣпленнаго подписями магнатства, были вполнѣ пріемлемы для литовскихъ націоналистовъ.

Когда въ концѣ XIV в. пошатнулось международное положеніе Витовта, поляки, не упуская изъ виду удобнаго момента, опять поставили на очередь вопросъ объ уніи. Не чувствуя себя въ состояніи активно противодѣйствовать планамъ поляковъ, Витовтъ и его

---

[1]) Zbior praw litewskich, стр. 1—7.

бояре пошли на уступки и подписали предложенный имъ трактатъ. Условія уніи 1401 г. нѣсколько расходились съ содержаніемъ двухъ предшествовавшихъ трактатовъ, являясь своеобразнымъ компромиссомъ ихъ крайнихъ положеній. Витовтъ, князья и боярство даютъ обѣщаніе помогать полякамъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заботиться объ ихъ интересахъ и, по смерти Витовта, не искать другого господаря помимо польскаго короля. Такія же обязательства давали и поляки по отношенію къ Литвѣ: безъ согласія литовцевъ и Витовта не избирать новаго короля въ случаѣ смерти Ягайллы [1]). Новая унія не отказывала Литвѣ въ признаніи за нею извѣстнаго рода самостоятельности, хотя бы и связанной съ Витовтомъ, и ставила ее въ союзныя отношенія къ Польшѣ. Литовская знать временно ничего не имѣла противъ такой постановки вопроса, но едва-ли это соотвѣтствовало интересамъ и планамъ польскаго правительства.

Обстоятельства вскорѣ начали складываться не въ пользу Польши. Положеніе Витовта скоро упрочилось къ лучшему. Онъ попрежнему занимаетъ видное мѣсто въ международныхъ отношеніяхъ, вмѣшиваясь въ дѣла татарскія, литовскія и сѣверо-восточныя [2]). Ливонскій орденъ заискиваетъ передъ Витовтомъ, а имп. Сигизмундъ даже предложилъ ему королевскій вѣнецъ. При такомъ положеніи дѣла условія уніи 1401 г. признававшія за Литвой право на самобытный государственный режимъ только до смерти Витовта, не соотвѣтствовали положенію дѣлъ, и Литва явно стремится къ разрыву съ Польшей. Для поляковъ сепаратизмъ Литвы былъ невыгоденъ въ виду агрессивныхъ дѣйствій со стороны ордена. Начинаются вновь переговоры объ возобновленіи уніи, и для этого въ 1413 г. собрались на съѣздъ въ Городлѣ, на которомъ присутствовали не только литовская знать, но и военно-служилый классъ, какъ условія, характеризующія прочность уніи. Сеймъ 1413 г. [3]) возобновилъ снова унію, но внесъ значительныя измѣненія въ союзный договоръ сравнительно съ договоромъ 1401 года.

Новый трактатъ признавалъ за Литвой право на самобытный государственный режимъ. Литва впредь будетъ имѣть своего особаго государя, которому польскій король делегируетъ свою власть. Ставилось только условіемъ, чтобы „barones et nobiles post mortem Alexandri alias Witoldi magni ducis moderni, nullum habebunt aut eligent pro magno principe et domino Litwaniae, nisi quem rex Poloniae vel ipsius successores, cum consilio praelatorum et baronum Poloniae, et terrarum Littwaniae duxerint eligendos statuendos et locandos“ [4]).

---

[1]) Любавскій Л.-Р. Сеймъ, стр. 28. Monumenta medii aevi. VI. № 234.

[2]) Барбашевъ: Витовтъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ княженія, стр. 103—113.

[3]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 33—35.

[4]) Zbior praw litewskich, 15, XIII ст.

Такія же обязательства давали и поляки въ случаѣ прекращенія династіи Ягайлла. Помимо уступокъ литовскому сепаратизму, въ цѣляхъ привлеченія боярскихъ симпатій и болѣе широкихъ слоевъ къ уніи, Ягайлло даровалъ баронамъ и шляхтѣ рядъ новыхъ правъ и вольностей, которыми до сихъ поръ пользовалась только польская шляхта. Привилей 1413 года является дополненіемъ къ первому привилею Ягайлла, но кругъ лицъ, на которыхъ онъ распространяется, значительно шире, чѣмъ въ привилеѣ 1387 г. Послѣдній имѣлъ въ виду только боярство (barones)" городельскій привилей данъ, nobilitati Lituanice". Онъ имѣетъ въ виду всю „nobilitas", а не только одно боярство, которое, по смыслу привилея, является только частью шляхетскаго сословія. Новый привилей, значительно, расширяя правовое положеніе шляхтича, освобождалъ его также отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, за исключеніемъ военной службы (vias expeditionales facere) и замковой повинности, но заставлялъ „tributadare juxta antiquam consuetudinem".

Впрочемъ, кругъ дѣйствія привилея былъ сначала не широкъ. Пользованіе его благами связывалось съ принадлежностью къ католическому вѣроисповѣданію. Привилей устанавливалъ должности по польскому образцу, но на всѣ новые уряды могли назначаться только «fidei catholicae cultores et subjecti sanctae romanae ecclesiae», а также вводилъ сеймы для совѣщаній о благѣ и пользѣ обоихъ государствъ, съ правомъ участія пановъ, прелатовъ и шляхты королевства Польскаго и земель литовскихъ» (pro commodo et utilitate regni Poloniae et terrarum Litwaniae praedictarum meliori).

Опубликуя свой привилей, Ягайлло, можно предполагать, хотѣлъ связать унитарный вопросъ съ интересами широкихъ слоевъ шляхты. Дальнѣйшіе факты отчасти оправдали намѣреніе Ягайллы. Сближеніе съ Польшей и знакомство съ ея политическимъ строемъ заставляетъ шляхту стремиться къ большему расширенію своихъ правъ. Шляхта не могла не видѣть, что реализація ея желаній только возможна притѣсномъ союзѣ Литвы съ Польшей. Какой характеръ примутъ литовско-польскія отношенія—для шляхты это имѣло существенное значеніе. Дѣйствительно, апологеты уніи нашли въ литовской, а потомъ и русской шляхтѣ вѣрнаго союзника.

Привилей 1413 г. наносилъ сильный ударъ литовскимъ магнатамъ, отчасти уравнивалъ ихъ со шляхтой въ сферѣ гражданской правоспособности и политическихъ правъ. За магнатами остались только обычныя служебныя прерогативы, и они прекрасно понимали, что дальнѣйшее сближеніе съ Польшей можетъ повлечь за собою потерю боярствомъ своего политическаго вліянія и положенія. Этимъ отчасти и объясняется націоналистическое настроеніе литовской знати, не соглашавшейся на предлагаемые унитарные проекты.

Собственно говоря, больной вопросъ принималъ нѣсколько иную физіономію и сводился къ вопросу борьбы знати со шляхтой на почвѣ расширенія политическихъ и юридическихъ правъ послѣдней. Въ шляхтѣ польскіе дипломаты получили вѣрнаго союзника, но воспользоваться имъ однако пришлось не скоро. Въ XV в. шляхта еще не играла никакой роли въ разнаго рода обще-государственныхъ дѣлахъ. Ея активное выступленіе рѣзко бросается въ глаза только въ правленіе обоихъ Сигизмундовъ. Поляки при заключеніи уніи, учли существующее соотношеніе силъ, взявъ отъ бояръ особую запись, въ которой еще лишній разъ подчеркивались союзныя обязательства Литвы по отношенію къ Польшѣ [1]). Подобнаго рода запись была выдана и поляками литовцамъ.

Но унія 1413 года оказалась такой же непрочной, какъ и предыдущія соглашенія Литвы съ Польшей. Литовское боярство отнюдь не желало признавать единства обоихъ государствъ, даже съ отдѣльнымъ государемъ для Литвы, и, послѣ смерти Витовта, литовско-русское княжество не признавая никакихъ обязательствъ, стало прямо-таки во враждебныя отношенія къ Польшѣ.

По крайней мѣрѣ такъ себя держалъ в. кн. Свидригайлло по отношенію къ сосѣднему народу. Сепаратисткія стремленія [2]) Свидригайллы обратили на себя вниманіе поляковъ, да къ тому же онъ выступалъ противъ Польши, опираясь на аннексированыя русскія земли, на которыя не распространялось дѣйствіе привилеевъ 1387 г. и 1413 г. Свидригайлло, конечно, всячески покровительствовалъ русскому элементу, но этимъ была недовольна собственно Литва. Ея боярство, изъ боязни наплыва русскаго элемента и потери своего правительствующаго положенія признала в. кн. Сигизмунда, который, какъ обязанный престоломъ боярству, конечно будетъ опираться на литовскій элементъ въ своей правительственной политикѣ. Но польская дипломатія учла значеніе русскаго элемента въ княжествѣ, и въ интересахъ давно лелѣянной уніи приступила къ уравненію литовской и русской шляхты въ правовомъ отношеніи. Приходится отмѣтить ея затруднительное положеніе: уравненіе въ правахъ необходимо для торжества уніи, но это можетъ вызвать движеніе собственно въ Литвѣ. Этимъ вѣроятно, и объясняется половинчатость мѣръ со стороны поляковъ, что такъ рѣзко обнаружилось въ содержаніи привилея 1432 г.

Опубликованный Ягайллой привилей въ моментъ государственнаго переворота 1432 года, уравнивалъ въ правахъ литовскую и русскую шляхту, такъ какъ по смыслу привилея его дѣйствіе распространялось

---

[1]) Zbiór praw litewskich 31—23, Любавскій, Л. Р. Сеймъ, стр. 35.
[2]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 65—69.

на «predictos principes, nobiles et bojaros Ruthenorum»[1]). Новый привилей, не давая никакихъ новыхъ правъ въ сравненіи съ Городельской хартіей, предоставлялъ русскимъ брать гербы у литовцевъ, тѣ самые гербы, которые они получили отъ поляковъ, а литовцамъ вмѣнялось въ обязанность принимать русскую знать въ свои гербовыя братства, по сношеніи съ своими польскими одно-гербовниками. Въ концѣ привилея указывается и на мотивъ всѣхъ этихъ уступокъ русской знати: «дабы на будущее время между обоими народами не было розни или какого-нибудь неравенства, коими можетъ наноситься ущербъ государству, чтобы всѣ утѣшенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ, радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства, ревностно и вѣрно исполняли повелѣнія короля Ягайллы и брата его вел. кн. Сигизмунда».

Впрочемъ, для польской политики опубликованный привилей не могъ имѣть большого значенія: его дѣйствіе распространялось не на всю Русь, а только на Русь—Литовскую, да къ тому же пользованіе правами связывалось съ принадлежностью къ опредѣленному вѣроисповѣданію, которое среди русской шляхты XV в. еще было слабо распространено. Вслѣдствіе этого русская шляхта, и послѣ полученія привилея, не могла стать сторонницей уніи. Поэтому едва ли правъ М. К. Любавскій[2]), разсматривая вышеприведенный привилей, какъ уравненіе въ правахъ русскихъ безъ различія вѣроисповѣданія, съ отмѣной соотвѣтствующихъ ограничительныхъ статей Городельскаго привилея, касающихся вѣроисповѣднаго вопроса. Только привилей 1563 г. почти наканунѣ Люблинской уніи, отмѣнилъ указанныя ограниченія. Дѣйствіе привилея 1432 г. не распространялось на обывателей другихъ русскихъ областей, державшихся Свидригайллы, но и тутъ польское правительство предприняло нѣкоторые шаги въ смыслѣ уравненія ихъ въ правахъ съ литовцами, хотя и не по отношенію ко всѣмъ аннексированнымъ русскимъ землямъ. Будучи во Львовѣ, Ягайлло выдалъ Луцкой землѣ отдѣльный привилей—князьямъ, боярамъ, прелатамъ и рыцарямъ земли Луцкой, какъ римской, такъ и греческой вѣры. Права и вольности шляхты королевства Польскаго распространялись привилеемъ на соотвѣтствующіе станы Луцкой земли[3]). Впрочемъ, привилей не имѣлъ практическаго значенія: Луцкая земля перешла на сторону Свидригайллы, но онъ любопытенъ, какъ фактъ, указывающій на ближайшій курсъ политики польскаго правительства по отношенію къ русскимъ областямъ.

---

[1]) Вар. Унив. Изв. 1893. III, стр. 22—24 Любавскій, Л.-Р. Сеймъ. стр. 75.
[2]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 77.
[3]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 76., Monumenta medii aevi tomus II № 82.

Съ возведеніемъ на престолъ Сигизмунда вопросъ объ уніи снова выдвигается на первый планъ, и обѣ стороны въ Гродно подписали новое унитарное соглашеніе [2]), при участіи литовскихъ прелатовъ и пановъ, какъ и въ 1413 году. Новый трактатъ признавалъ Сигизмунда пожизненнымъ соправителемъ польскаго короля по избранію прелатовъ, пановъ и шляхты обоихъ государствъ.

Послѣ его смерти великое княжество переходитъ къ Ягайллѣ, за исключеніемъ отчинныхъ владѣній, поступающихъ въ законное распоряженіе наслѣдниковъ Сигизмунда. Подолье уступалось Польшѣ. Та же судьба постигала и Волынь, но присоединеніе послѣдней встрѣтило пока существенныя препятствія: она была на сторонѣ Свидригайллы. Поэтому, сначала приходилось отнять ее у Свидригайллы, а потомъ думать о присоединеніи къ Польшѣ. Какъ бы уступая литовскимъ націоналистамъ, новый трактатъ обусловливалъ присоединеніе Волыни только послѣ смерти Сигизмунда. Великій князь обязывался также быть вѣрнымъ союзникомъ и защитникомъ Польши, а чтобы отнять у литовцевъ всякую надежду на самостоятельность, заставили Сигизмунда пообѣщать, не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома и согласія короля, его преемниковъ и короны Польской. Союзный договоръ скрѣплялся подписями литовскихъ магнатовъ—свидѣтелей переговоровъ.

Новая унія была дѣломъ рукъ литовскаго панства, боявшагося наплыва русскаго элемента, а, слѣдовательно, и потери пріобрѣтеннаго вліянія. Сравнительно съ условіями уніи 1413 г. новый договоръ былъ менѣе выгоденъ литовскому боярству: въ немъ вопросъ о литовской самобытности въ сферѣ государственныхъ отношеній былъ связанъ съ личностью Сигизмунда и носилъ такимъ образомъ временный характеръ, что являлось отчасти возвращеніемъ къ условіямъ третьей литовско-польской уніи.

Это была измѣна національному дѣлу, но на нее литовская знать рѣшилась, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, въ цѣляхъ подавленія и униженія выступившаго на историческую сцену русскаго элемента.

Положеніе Сигизмунда въ Литвѣ не отличалось прочностью. Русскія земли были по прежнему на сторонѣ Свидригайллы, не признавая ни уніи, ни новаго господаря. Да и литовское магнатство не подчинялось князю и не признавало унизительной для національнаго самолюбія уніи. Такое стеченіе обстоятельствъ заставило Ягайллу пріѣхать въ Литву и лично вручить ему княженіе, приказывая литовцамъ повиноваться

---

[1]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 73.

ему, какъ законному великому князю, а чтобы еще болѣе упрочить унію, рѣшено было подтвердить ее новымъ договоромъ. Новое подтвержденіе уніи было только повтореніемъ предшествовавшихъ актовъ. Обѣ стороны выдали соотвѣтствующіе документы, скрѣпленные подписями туземныхъ пановъ.

И вторичное согласіе на унію литовское магнатство было вынуждено дать, такъ какъ положеніе дѣлъ внутри оставалось старое, Русь оставалась вѣрна Свидригайллѣ, и Литвѣ грозило полное поглощеніе Русью, если послѣдняя добьется самостоятельности. Во избѣжаніе послѣдней литовскіе потентаты и протягивали руку Польшѣ, въ надеждѣ, съ ея помощью, подчинить возставшія русскія земли. Такъ, намъ кажется, можно объяснить вторичное согласіе, данное боярствомъ на унію.

Вслѣдъ за подписаніемъ уніи, Сигизмундъ опубликовалъ новый привилей, долженствующій привязать населеніе къ уніи и великому князю. Въ большинствѣ статей привилей 1434 г. является повтореніемъ хартіи, изданной два года назадъ, но впрочемъ, съ нѣкоторыми существенными дополненіями. Новый государь обѣщалъ никого не карать и не наказывать по тайному или явному доносу, иначе какъ по суду, отправленному по обычаю земли. Это чрезвычайное важное дополненіе въ духѣ польскаго «meminemcaptabimus» впослѣдствіи подтверждалось его преемниками, и, конечно, вошло въ Литовскій Статутъ, въ видѣ первой статьи, перваго раздѣла. Затѣмъ привилей освобождаетъ, князей и подданныхъ княжескихъ и боярскихъ отъ дякла, что еще требовалось (tributa dare) привилеемъ 1413 г.

Несмотря на стремленіе примирить враждующее населеніе, Сигизмунду этого не удалось. Рознь католиковъ и православныхъ, впервые введенная въ жизнь привилеемъ 1413 г., была закрѣплена и новой хартіей, польско-католической по духу.

Сигизмундъ не удержался на престолѣ, хотя и удалось осилить Свидригайллу [1]). Тираническій его характеръ и крупныя территоріальныя уступки погубили его. Великій князь скоро былъ убитъ, и снова старые вопросы стали очередными. Если поляки настаивали на уніи съ Литвой, хотя она дважды была возобновляема въ 1437 и 1439 гг. съ отчужденіемъ Волыни и Подолія, то для Литвы весь спорный вопросъ заключался въ возвращеніи уступленныхъ Польшѣ земель и укрѣпленіи государственной самобытности.

Отсюда, живое стремленіе Литвы имѣть великимъ княземъ не ставленника Польши, а избраннаго отдѣльно. Литва не могла прими-

---

[1]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 95.

риться съ мыслью, что Польша разсматривала ее, какъ подчиненное ей государство. Благодаря прекращенію внутренней войны, Литва могла поступать смѣлѣе, настойчивѣе, не дѣлая Польшѣ никакихъ излишнихъ уступокъ.

Поляки пока предоставили литовцамъ полную свободу, внимательно слѣдя за ихъ внутренними отношеніями.

Внутри же шла партійная борьба изъ-за кандидатовъ на престолъ, ихъ было не мало, но, въ концѣ концовъ, взяла верхъ партія, выдвигавшая кандидатуру Казимира Ягеллончика.

Приглашеніе Казимира на велико-княжескій престолъ сразу измѣняло отношеніе къ Польшѣ. Поляки это сознавали и, конечно, не сочувствовали поведенію литовскихъ пановъ. Не даромъ король соглашался отпустить его въ Литву только въ качествѣ намѣстника, хотя это было бы нарушеніемъ условій уніи 1413 и 1432 гг.

Въ виду такихъ дѣйствій короля, литовскіе паны объявили о расторженіи уніи и призвали на престолъ Казимира, чѣмъ свели на нѣтъ рядъ братскихъ договоровъ.

Поляки отнюдь не теряли надежды на возстановленіе уніи, и на окончательное оставленіе за собой части литовской территоріи тѣмъ болѣе, что польскіе государственные дѣятели уже въ это время прекрасно учитывали ту роль, которую можетъ сыграть литовско-русская шляхта въ дѣлѣ соединенія Польши съ Литвой.

Впрочемъ и обстоятельства складывались въ пользу поляковъ. Польскій престолъ сталъ вакантнымъ и поляки рѣшили пригласить на престолъ литовскаго велик. князя. Актомъ избранія Казимира на польскій престолъ сразу создавались подходящія условія для возобновленія уніи на началахъ инкорпораціи. Предложеніе поляковъ поставило Казимира въ затруднительное положеніе. Принять престолъ—значитъ измѣнить автономическимъ стремленіямъ Литвы. Поэтому вполнѣ понятно колебаніе Казимира, что и было отмѣчено современниками и болѣе поздними хроникерами [1]). Да и самъ литовскій сеймъ высказался противъ принятія польской короны [2])

Впрочемъ, литовцы недолго упорствовали въ своемъ отказѣ, такъ какъ кандидатура Болеслава Мазовецкаго на престолъ польскій грозила такими осложненіями для Литвы, что въ принципѣ было рѣшено согласиться на вторичное предложеніе короны, но не соглашаться на унію на основаніи старыхъ трактатовъ. И дѣйствительно, литовскимъ панамъ удалось взять у короля особую клятвенную запись, въ которой Казимиръ признавалъ существованіе только оборонительнаго союза

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-польская унія, 2.

[2]) Любавскій, Л. Р. Сеймъ, стр. 111.

между Литвой и Польшей и считалъ земли Луцкую, Подольскую, Ратно, Ветлы, Лопатинъ и Олеско—территорію, на которую заявляла притязанія Польша, землями литовскими. Литовцы отстояли свой государственный самобытный режимъ и получили право послѣ смерти Казимира избрать отдѣльно или съ поляками особаго великаго князя, что было возвращеніемъ къ договору объ уніи 1413 года. Правда эта запись не была подтверждена поляками, и съ ней поляки никогда не считались [1]). Наоборотъ, какъ только состоялся первый сеймъ въ присутствіи короля, поляки потребовали подтвержденія, что Подолія и часть Волыни—остаются за Польшей. Петроковскія сеймовыя событія вызвали негодованіе со стороны литовскихъ магнатовъ, смотрѣвшихъ на требованія сейма, какъ на вызовъ Литвѣ. Вѣроятно этимъ негодованіемъ литовскихъ магнатовъ объясняется отъѣздъ Казимира въ Литву, и отказъ подтвердить права и вольности поляковъ, пока поляки не выяснятъ своихъ отношеній къ Литвѣ и откажутся отъ притязаній на Литовскую территорію. Въ общемъ положеніе Казимира было затруднительно. Литовскіе магнаты недовѣряли своему господарю и обвиняли его въ измѣнѣ національному дѣлу, а русскіе аннексированныя земли, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Литвы, стремились къ полному отдѣленію отъ Литвы. Въ цѣляхъ примиренія Руси и Литвы и привлеченія на свою сторону болѣе широкихъ слоевъ русской шляхты, Казиміръ въ 1447 г. опубликовалъ новый привилей. Его содержаніе значительно шире предыдущихъ привилеевъ. Права и вольности шляхты приближаются, если не совсѣмъ, то отчасти къ Польскимъ, что какъ бы являлось иллюстраціей необходимости унитарныхъ отношеній Литвы съ Польшею. Любопытно то, что этотъ привилей данъ не только литовско-русской nobilitati, но также и мѣщанамъ. Привилей 2-го мая 1447—имѣлъ огромное значеніе и для политическаго строя Литвы и для уніи. Если съ этого времени боярство, а потомъ шляхта выступаютъ въ качествѣ вершителей по нѣкоторымъ государственнымъ вопросамъ, и тѣмъ самымъ положили начало расширенію компетенціи «вальнаго сейма», то отнынѣ шляхта рѣзко становится на сторону уніи, въ интересахъ полнаго уравненія съ поляками и ослабленія вліянія литовскихъ магнатовъ: опубликованіемъ привилея 1447 г. было заранѣе выиграно дѣло уніи. Впрочемъ, при чтеніи привилея можно думать, что онъ пропитанъ анти-польскимъ духомъ, какъ это думаетъ Леонтовичъ [2]).

Дѣйствительно, вк. литовскій обѣщаетъ раздавать уряды, держанія и владѣнія только литовско-русскимъ туземцамъ, какъ не уменьшать

---

[1]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 114.
[2]) Ж. М. Н. Пр. 1908, III, 76.

dominia et terras magni ducatus nostri praedicti sed in limitibus suis, quemadmodum praedecessores nostri et praesertim felicis recordationis magnus dux Alexander Vitoldus patruus noster predictus tenuit. В. Князь обязывается in eisdem limitibus integre et plenarie tenere et defendere [1])

Конечно, въ этихъ статьяхъ сказалось отрицательное отношеніе къ польскимъ тенденціямъ и является уступкой общественному мнѣнію, которое можетъ быть увѣрено въ томъ, что господарь не унизитъ своего государства, хотя бы поляки и не выдали соотвѣтствующаго обѣщанія. Казимиру нужно было вырвать согласіе на престолъ безъ соотвѣтствующаго обязательства со стороны поляковъ по отношенію къ Литвѣ. Нельзя видѣть также отрицательное отношеніе къ польскому вліянію въ полномъ молчаніи привилея о православныхъ, и въ тоже время посвятить рядъ статей, трактующихъ о вольностяхъ костеловъ и замѣщеніи въ нихъ пастырскихъ должностей. Если же прибавить, что всѣ статьи, измѣняющія юридическое и экономическое положеніе шляхты, заимствованы изъ Польши, то, въ общемъ, приходится признать, что привилей проникнутъ всецѣло польскими правовыми идеями и тенденціями. Антипольскія статьи это ловкій шагъ для усыпленія патріотической бдительности литовскаго магнатства. Впрочемъ, несмотря на полное молчаніе послѣднихъ привилей о правахъ православной шляхты, послѣдняя на практикѣ пользовалась всѣми правовыми нормами, предоставленными, католической шляхтѣ, впрочемъ за исключеніемъ возможности занимать должности. Молчаніе привилея о православныхъ—это дань католической Польшѣ, чего не отрицаетъ и Леонтовичъ, только въ этихъ статьяхъ увидѣвшій польскія симпатіи [2]).

Настроеніе поляковъ опредѣлилось на общемъ сеймѣ въ Люблинѣ 1448 г. Позиціи поляковъ и литовцевъ были тѣ же. Никто не хотѣлъ итти на уступки. Литовцы не допускали и мысли объ инкорпораціи, хотя поляки предлагали сліяніе Литвы и Польши въ одно государство, распространеніе въ Литвѣ польскихъ вольностей, но это предложеніе, унижавшее національную гордость Литвы, было отвергнуто, и Люблинскій сеймъ окончился ничѣмъ. И другія сеймовыя совѣщанія такъ же ни къ чему не привели. Въ теченіе всего господарства Казимира отношенія Литвы къ Польшѣ оставались неопредѣленными, но спорныя земли поляки разсматривали какъ присоединенныя къ Польшѣ. Польская политика Казимира встрѣчала всеобщее неудовольствіе. Патріотическое чувство Литвы не успокоили антипольскія статьи въ привилеѣ. Была даже сдѣлана попытка убійствомъ отдѣляться отъ полонофильствующаго короля. Когда это не удалось, литовцы въ 1478 г. просятъ Казимира дать имъ отдѣль-

---

[1]) Zbior praw litewskich 28—35.
[2]) Ж. М. Н. Пр. 1908, III, 77.

наго князя въ лицѣ одного изъ своихъ сыновей. Казимиръ далъ отрицательный отвѣтъ на просьбу литовцевъ, и Литвѣ оставалось ждать съ нетерпѣніемъ смерти Казимира. Смерть послѣдняго приподняла нѣсколько упавшій духъ литовцевъ. Игнорируя поляковъ, они избираютъ на престолъ Александра. Эта была большая побѣда со стороны литовскихъ и русскихъ сепаратистовъ. Не даромъ глава русскихъ сепаратистовъ кн. М. Глинскій принималъ такое участіе въ избраніи в. к. Александра. Избирая на престолъ Александра, магнаты заставили новаго господаря выдать привилей, который подтвердилъ бы прежнія хартіи и также закрѣпилъ за магнатами то положеніе, которое они фактически занимали въ средѣ государственной дѣятельности благодаря постояннымъ поѣздкамъ Казимира въ Польшу.

Привилей 1492 г.[1]) не далъ шляхтѣ никакихъ новыхъ правъ, и все его содержаніе относится къ литовско-русской аристократіи, за исключеніемъ статьи о неповышеніи людей низшаго званія надъ шляхтой. Закрѣпляя за аристократіей, какъ членами «господарской рады» активное участіе въ сферѣ внутренней и внѣшней политики, новый господарь существенно ограничивалъ прерогативы своей власти.

Для литовскихъ націоналистовъ—подобнаго рода привилей являлся необходимостью. Поведеніе Казимира являлось прямымъ доказательствомъ того, насколько заслуживали довѣрія королевскія слова и обѣщанія. Только взявъ кормило правленія въ свои руки—магнаты могли быть увѣрены въ сохраненіи литовской независимости.

По мнѣнію Леонтовича, привилей 1492 г. положилъ начало уравненію политическихъ правомочій литовско-русскихъ пановъ съ польскими. Отчасти эта мысль вѣрна. Положеніе литовской рады и ея отношенія къ своему государю напоминали подобныя же отношенія польскаго сената къ своему королю. Но это уравненіе было не заимствованіемъ изъ Польши новаго института, а юридическимъ конструированіемъ положенія боярства, создавшагося на почвѣ бытовыхъ отношеній князя и боярства. Отношенія князя и боярства, основанныя на обычаѣ, смѣнялись отношеніями, скрѣпленными прочными правовыми гарантіями. Общность институтовъ Литвы и Польши—результатъ нѣкотораго единства и отчасти однообразія въ ходѣ историческаго процесса въ Литвѣ и Польшѣ.

Но затруднительныя внѣшнія и внутреннія обстоятельства давали литовской политикѣ иной тонъ и направленіе заставляя искать союза съ Польшей, и въ 1499 году оба государства подписали новое соглашеніе Впрочемъ, польская дипломатія, въ виду затруднительнаго внѣшняго

---

1) Zbior praw litewskich, 58—66.

положенія, не была особенно настойчива въ своихъ требованіяхъ, и актъ 1499 г. признавалъ за литовцами право на самостоятельный государственный режимъ, причемъ Литва становилась по отношенію къ Польшѣ въ тѣ же отношенія въ какихъ она находилась раньше согласно трактатамъ 1413 и 1432 г.[1]). Во всякомъ случаѣ магнаты могли быть довольны результатами своихъ дипломатическихъ переговоровъ.

Но политика магнатства вызывала большое недовольство въ шляхтѣ, которая находилась отъ него, можно сказать, въ нѣкоторой зависимости, такъ какъ почти всѣ вопросы, касающіеся государства, рѣшались имъ, какъ членами рады. Эта зависимость сказывалась особенно въ назначеніи новыхъ сборовъ для военныхъ нуждъ, и тутъ магнаты могли поступать по собственному усмотрѣнію.

Недовольство было повсемѣстное, но особенно рѣзко обнаружилось, когда вспыхнуло на югѣ сепаратистское движеніе Мих. Глинскаго; уже послѣ смерти короля Александра. Населеніе, вѣрнѣе шляхта была не только противъ политики магнатовъ, ее не могло не волновать, что всѣ мѣста въ княжеской радѣ и по управленію государствомъ попали въ руки литовцевъ, не дававшихъ хода русскому элементу, основываясь на привилеѣ 1413 г. Вотъ причины всеобщаго недовольства.

Возстаніе Глинскаго интересно и съ другой стороны, какъ вѣрный показатель, насколько шляхта оцѣнила благо польскаго права, какъ слѣдствіе литовско-польскихъ уній. Выяснилось, что тѣ земли, гдѣ преобладало мелкое и среднее землевладѣніе, тамъ возстаніе не встрѣтило поддержки. Все сѣверо-западное земянство, уже окатоличенное и воспользовавшееся привилеями, оставалось вѣрно Сигизмунду.

Наоборотъ, кіевское земянство, на которое, какъ православное, блага польскаго права еще не вполнѣ распространились—поддержало Глинскаго [2]).

Такимъ образомъ, это движеніе ясно обнаружило симпатіи части шляхты къ Польшѣ и отрицательное отношеніе къ аристократіи, а сочувствіе православнаго земянства Глинскому намѣчало польской дипломатіи дальнѣйшій планъ дѣйствій для привлеченія на свою сторону и православнаго земянства: надо было уравнять въ правахъ православную шляхту съ католической и тѣмъ уничтожить соотвѣтствующія статьи городельскаго привилея. Впрочемъ, на послѣднее рѣшились не скоро—только въ 1563 г., когда къ этому времени выяснилось, что безъ поддержки русской шляхты немыслимо инкорпорированіе части территоріи.

Въ княженіе Александра внѣшнее положеніе Литвы было очень тяжелымъ. Борьба съ Москвой продолжалась безъ устали. Какъ разъ

---

[1]) Zbior praw litewskich, стр. 75—76.

[2]) *Антоновичъ*, Монографіи, 244.

въ разгарѣ военныхъ дѣйствій умираетъ польскій король. Теперь не поляки хлопочутъ о приглашеніи литовскаго князя на польскій тронъ, а литовцы, въ цѣляхъ еще большаго сближенія съ Польшей для пріобрѣтенія надежнаго союзника для борьбы съ Москвой.

Поляки учли положеніе дѣлъ въ Литвѣ и настроеніе шляхты, переносившей всѣ тяжести военныхъ невзгодъ и рѣшили воспользоваться настоящимъ моментомъ для реализаціи давнишнихъ политическихъ мечтаній. Правда, у поляковъ были и другіе кандидаты, но перспектива соединенія двухъ народовъ въ одно государство доставила корону Александру.

Новая унія, по своему содержанію, рѣзко отличается отъ предыдущихъ братскихъ трактатовъ. Она напоминаетъ собою проэктъ уніи 1446 г.[1]). Тогда его отвергли, но теперь, въ виду войны, приходилось уступить и согласиться на всѣ предложенныя усилія.

Литовскіе послы, скрѣпя сердце, подписали договоръ. Чины польскаго сейма утвердили его присягой. Послы уѣхали домой, обѣщая склонять в. князя и своихъ братьевъ къ принятію уніи, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ[2]): отнынѣ Литва и Польша сливаются въ одно государство, будутъ имѣть общаго государя, общій польско-литовскій сеймъ, одну монету, но разные суды и должности. Оба государства будутъ неразлучны въ счастіи и несчастіи, признавая за прежними договорами обязательную силу. Новая унія, какъ подписанная только по необходимости, конечно, въ чистомъ видѣ была непріемлема въ Литвѣ. Дать согласіе на унію 1501 г.—это значитъ разъ навсегда отказаться отъ національной независимости, лишиться своего національнаго лица, изъ за котораго было столько несогласій и споровъ между братскими народами.

Да и статья, настаивающая на обязательности старыхъ трактатовъ толковалась не въ пользу Литвы, и спорная территорія укрѣплялась за Польшей.

Помимо всего, литовское боярство, которое съ 1492 г. почувствовало себя крупной политической силой, должно было бы лишиться своего авторитета и значенія если бы унія 1501 г. превратилась бы въ реальный фактъ. Вѣдь къ этому времени обострившіяся отношенія въ Польшѣ между знатью и шляхтой вели къ вѣрной побѣдѣ послѣдней. Унія 1501 г. уравняла бы права польской и литовско-русской шляхты, лишивъ радныхъ пановъ того значенія, которое они пріобрѣли по вышеприведенному привилею. Но политическій моментъ былъ слишкомъ тяжелъ для

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-польская унія, стр. 2.

[2]) *Любавскій*, Л.-Р. Сеймъ, стр. 144. Zbior praw litewskich, 77—81.

Литвы, чтобы отказываться отъ условій новозаключенной уніи, и вк. Александру, и бывшимъ съ нимъ боярамъ оставалось одно—скрѣпить своими подписями написанный трактатъ, но вк. не рѣшился созвать сеймъ для подтвержденія условій заключенной уніи. Впрочемъ, условія уніи на практикѣ не были осуществлены. Польша слабо помогала Литвѣ въ ея войнѣ съ Москвой, а литовское правительство, несмотря на Мельницкую унію, продолжало разсматривать себя какъ представителя независимой въ политическомъ смыслѣ Литвы. Поэтому, унія 1501 г. интересна только, какъ показатель, къ какимъ конечнымъ результатамъ стремилась польская дипломатія. Въ 1506 году вопросъ объ уніи снова сталъ животрепещущимъ, но пока обѣ стороны не ставили его ребромъ; и хотя Литовцы не поѣхали на общій сеймъ для избранія государя, и самостоятельно на сеймѣ «едностайною волею»[1]) избрали вк. Сигизмунда—поляки сдѣлали тоже самое у себя дома, не затрагивая и не обсуждая никакихъ вопросовъ изъ области государственнаго права. Съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престолъ независимо отъ нежеланія литовцевъ осуществить условія Мельницкой уніи, фактически она отчасти осуществилась—оба государства имѣли одного государя, а остальныя условія можно постепенно ввести въ жизнь, не обостряя отношеній.

Дѣйствительно, въ первые годы правленія Сигизмунда польско-литовскія отношенія были приличны, и ни одна изъ сторонъ не подымала вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ. Такъ складывались отношенія Литвы и Польши не столько на почвѣ права, сколько факта. Избирая Сигизмунда вел. княземъ, литовское боярство било ему челомъ объ утвержденіи въ особомъ привилеѣ правъ и вольностей, пожалованныхъ прежними господарями[2]). Такая просьба пановъ понятна. Имъ нужно было укрѣпить за собою вліяніе, на государственныя дѣла, пріобрѣтенное предыдущимъ привилеемъ, удержать шляхту на старыхъ позиціяхъ. Дѣйствительно, новый привилей ничего не прибавляетъ къ общешляхетскимъ правамъ, но зато расширяетъ компетенцію пановъ рады, безъ согласія которой вк. князь не могъ издавать никакихъ постановленій въ области внутренней и внѣшней политики. Этимъ привилеемъ рада по закону получила законодательныя функціи. Такъ борьба панства за литовскую независимость вела къ увеличенію правъ того же панства, какъ участниковъ велико-княжеской думы. Но подобное повышеніе не могло нравиться шляхтѣ, начинавшей играть все болѣе видную роль въ государствѣ.

---

[1]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, 149.
[2]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, 148..

Шляхта не могла быть довольна своимъ положеніемъ. Война требовала отъ нея личной службы и матеріальныхъ пожертвованій, знать распоряжалась въ странѣ, ведя часто узко-эгоистическую экономическую политику. Поэтому понятно то негодованіе, которое овладѣло шляхтой и которое особенно рѣзко выражалось на сеймахъ временъ Сигизмунда I, а особенно Сигизмунда-Августа. На сеймахъ шляхта неоднократно высказывала и свои политическія требованія. Въ изслѣдованіи Любавскаго собранъ громадный матеріалъ, фактически иллюстрирующій ея желанія. Собственно, шляхта желаетъ быть тѣмъ, чѣмъ были паны рады. Она желаетъ стать такой же крупной государственной силой, какой къ этому времени стала шляхта—польская, которая съ 1505 г. держала въ своихъ рукахъ все законодательство страны. Но таже шляхта на сеймахъ убѣдилась, что при самостоятельномъ существованіи литовскаго государства, внѣ унитарныхъ связей съ Польшей, реализація ея плановъ немыслима: литовское боярство никогда не согласится на расширеніе вольностей шляхты. Отсюда въ шляхтѣ XVI в. особенно сильно замѣтны полонофильскія симпатіи, Правительство на этотъ разъ оцѣнило значеніе шляхты и рядомъ законодательныхъ мѣръ, расширившихъ права шляхты, постепенно подготовило унію 1569 г. А пока въ Литвѣ назрѣвалъ конфликтъ между двумя станами знати—Польшѣ и Литвѣ приходилось жить вмѣстѣ, не подымая никакихъ щекотливыхъ вопросовъ. Только тогда, когда Литва въ минуту тяжелаго военнаго положенія, обратилась къ братскому народу за помощью, Литовцамъ пришлось выслушать много непріятнаго. Поляки обвиняютъ Литовцевъ въ нежеланіи быть въ дружбѣ съ ними. Но это пустяки въ сравненіи съ другимъ замѣчаніемъ ихъ, они согласны оказать помощь для борьбы съ Москвой, но войска отдадутъ въ распоряженіе общаго главы народовъ, такъ какъ военныя дѣйствія въ сущности направлены противъ короля [1]). Послѣднее мимолетно-брошенное замѣчаніе было непріятнымъ напоминаніемъ о Мельницкомъ трактатѣ, но литовскому боярству было не до теоретическихъ разговоровъ съ поляками, и литовцамъ пришлось молча согласиться съ сказанными словами. На самомъ дѣлѣ—литовское боярство думало по иному. Настоящее ихъ настроеніе отчетливо видно въ самомъ фактѣ возведенія Сигизмунда-Августа на в. княжескій престолъ въ 1522 году, тѣмъ самымъ наглядно не признало «слушной едности» между обоими народами. Тогда же они потребовали отъ новаго господаря подтвержденія старыхъ привилеевъ. Конечно, литовская знать здѣсь имѣла въ виду столь выгодное для ея общественнаго значенія привилеи 1492 и 1506. Подтвердительный привилей 1522 г., выданный

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-Польская унія, 24—25.

отъ имени короля и сына, гарантировалъ неприкосновенность литовской шляхты всѣхъ «jura, tam publica, quam privata» [1]).

Въ заключеніе Сигизмундъ обѣщалъ, что его сынъ «postquam ad aetatatem legitimam pervenerit» выдастъ такую же запись подъ своей личной присягой (nec non juramento etiam suo corporali).

Подтвердительнымъ привилеемъ Сигизмунда—короля обезпечивалась и независимость Литвы и высокое положеніе пановъ—рады; которая до сихъ поръ сохраняла за собою руководящую роль, несмотря на активныя выступленія рядовой шляхты. Радные паны вообще въ это время прислушиваются къ заявленіямъ шляхты. И когда на Виленскомъ сеймѣ 1514 г. раздавались голоса о необходимости кодификаціи шляхетскаго права, аристократія пошла навстрѣчу желаніямъ шляхты. Вѣдь кодификація права, объединяя всѣ предыдущіе законодательные акты въ одно цѣлое, фактически закрѣпляла существующія отношенія и правовыя нормы, являлась орудіемъ, направленнымъ противъ дальнѣйшаго расширенія шляхетскаго права. Опубликованіе Статута 1529 г. было временной побѣдой магнатства надъ литовско-русской шляхтой.

Въ правленіе Сигизмунда, хотя вопросъ объ уніи подымался нѣсколько разъ, литовскимъ магнатамъ все-таки удалось заключить новый договоръ, въ которомъ ни единымъ словомъ не упоминалось объ уніи. Новый трактатъ отъ 26 марта 1532 г. устанавливалъ оборонительный союзъ между обоими государствами, пропорціонально раздѣляя между ними военныя издержки. Новыя условія предполагали общую защиту отъ враговъ, особенно отъ татаръ. Оба государства обязуются помогать другъ другу въ случаѣ нападенія врага на одного изъ нихъ; въ оборонѣ границъ, литовцы и поляки помогаютъ другъ другу посылкою небольшихъ отрядовъ; оба государства обязуются добывать оружіемъ всякую область, отпавшую отъ нихъ [2]). Нельзя не признать эти условія большой побѣдой литовской дипломатіи. Какъ будто ея вѣковыя усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Забыты условія Мельницкаго трактата, и Литва разсматривается, какъ самостоятельное государство, связанное съ Польшей только лишь дружественными отношеніями [2]).

Впрочемъ, дальнѣйшій ходъ дѣлъ показалъ, что польская дипломатія только временно отказалась отъ своихъ плановъ и готова была каждую минуту снова выступить со своими предложеніями. Да и обстоятельства въ Литвѣ начали складываться въ пользу поляковъ.

На арену исторической жизни въ Литвѣ выступила посольская изба, шляхта, недовольная магнатами и старавшаяся измѣнить свое

---

[1]) Zbior praw litewskich, стр. 124—125.

[2]) *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-Польская унія, стр. 6.

общественное положеніе, оттѣснивъ магнатство и занявъ его мѣсто. Нельзя не признать, что польскіе дипломаты правильно оцѣнили тогдашнее политическое положеніе. Выяснивъ соотношеніе общественныхъ силъ, они взяли устойчивый и вѣрный курсъ политики, курсъ, который, въ концѣ концовъ, долженъ привести къ давно желаннымъ результатамъ.

Когда въ 1547 г. на первомъ вальномъ сеймѣ, бывшемъ при Сигизмундѣ-Августѣ, паны сейма, паны рады и посольская изба обратились къ господарю съ просьбой, «зъласки и добротливости своей панской» «вказати» всѣ права и вольности, пожалованныя ихъ господарямъ за ихъ прежнюю и вѣрную службу, то Сигизмундъ второй сочувственно отнесся къ просьбѣ становъ сейма.

Въ своемъ отказѣ онъ призналъ справедливыми требованія сейма и Сигизмундъ приказалъ: „tyie priwilia i listy wolnosty waszich wzowam okasati pered wami ich wyczesti roskasati“ въ цѣляхъ лучшаго ознакомленія съ ними всѣхъ членовъ сейма. Затѣмъ государь обѣщалъ „wodle zachowania prodkow svoich i wodle opisania i obwiazania otca jego milosti i swosjho“—подтвердить старые привилеи. Давая согласіе на подтвержденіе старыхъ привилеевъ Сигизмундъ, впрочемъ, сдѣлалъ большое отступленіе отъ обычаевъ предковъ. Онъ обѣщалъ подтвердить вольности „пановъ радъ обоего стану, духовнаго и свѣтскаго, римскаго и грѣческаго, княжатъ, панятъ и всего рыцарства[1]).

Значеніе этого привилея огромно. Имъ окончательно уравнивалась русская шляхта съ литовской. Отнынѣ принадлежность къ православію не могла быть причиною непользованія шляхетскими правами со стороны русской шляхты. Такъ пало правовое различіе между католиками и православными. Впрочемъ и этотъ привилей не отмѣнилъ соотвѣтствующихъ статей Городельскаго привилея о правѣ только католиковъ занимать разныя должности. Нельзя не признать этотъ актъ, съ точки зрѣнія сторонниковъ уніи, актомъ полнымъ дипломатическаго смысла и значенія. Имъ создавались совершенно новыя отношенія въ Литвѣ, и вопросъ объ уніи принималъ иной характеръ. Если на сеймахъ въ княженіе Сигизмунда-Августа — русская шляхта не противъ уніи и какъ будто забыла о недавнихъ своихъ сепаратистскихъ стремленіяхъ, то это было слѣдствіемъ подтвердительнаго привилея 1547 г. Если привилей 1547 г. отчасти сблизилъ русскую шляхту съ поляками, то привилей 1563 г. отмѣнившій статьи Городельскаго привилея о предоставленіи урядовъ и участія въ радѣ господарской только католикамъ—превратилъ русскую шляхту въ ярую сторонницу уніи, столь благодѣ-

---

[1]) Zbior praw litewsckich, 419.

тельной для шляхты. Отнынѣ пользованіе шляхетскими правами соединялось съ принадлежностью только къ христіанской религіи [1]).

На сеймахъ бывшихъ въ господарство Сигизмунда II бросается въ глаза настойчивое и вызывающее поведеніе шляхты. Въ изслѣдованіи М. К. Любавскаго собрано обиліе данныхъ, иллюстрирующихъ вышесказанное положеніе [2]). Приведемъ нѣкоторыя изъ требованій шляхты, рисующихъ ея политическое настроеніе. Въ 1544 г. шляхта требуетъ, чтобы духовные греческаго и латинскаго закона не занимали гражданскихъ должностей, на сеймѣ 1547 г.—требуется удаленіе духовенства изъ свѣтскихъ судовъ, требуется привлеченіе духовенства къ несенію военной службы; тогда же шляхта подаетъ жалобу на воеводъ и старостъ по поводу всякаго рода «кривдъ» при отправленіи правосудія; на сеймѣ 1544—шляхта настаиваетъ на присутствіи шляхетскихъ присяжныхъ засѣдателей на воеводскомъ судѣ. На сеймѣ 1547 г.—безконечныя жалобы на администрацію и требованіе контроля со стороны шляхты въ сборѣ и расходываніи панами земскихъ финансовъ. На другихъ сеймахъ выставляются требованія экономическаго и финансоваго характера и, какъ постоянный лейтъ-мотивъ, жалобы на урядниковъ. На сеймѣ 1557 г. раздаются требованія волынскихъ землевладѣльцевъ о выборномъ судѣ, о подчиненіи князей и пановъ юрисдикціи мѣстныхъ судей [1]). Всѣ эти безчисленныя требованія направлены, конечно, противъ духовнаго и свѣтскаго магнатства, какъ сословія, пользовавшагося особымъ покровительствомъ закона. Такое поведеніе шляхты нельзя не поставить въ связь съ ея полонофильскими симпатіями и недовольствомъ фактическимъ положеніемъ знати. Если послѣдняя въ первой половинѣ XVI в. сумѣла сохранить за собою руководящее положеніе, сдерживая порывы шляхты, то теперь она была безсильна противостоять сплоченному натиску объединеннаго шляхетства. Сеймовыя засѣданія фактически были заняты не органической работой, а превратились въ безконечныя препирательства съ панами-радой и королемъ. Рѣчи, произнесенныя въ посольской избѣ, вскрывали потрясающую картину анархіи въ странѣ, отсутствіе какого-нибудь административнаго порядка. Такіе нападки понятны; разъ администрація и судъ были фактически въ рукахъ аристократіи, и послѣдняя пользовалась особыми привилегіями [3]).

Чѣмъ рѣзче критиковалось настоящее положеніе дѣлъ въ странѣ, тѣмъ яснѣе подчеркивалась мысль о необходимости демократизаціи ли-

---

1) А. З. Р. III. № 32.

2) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ стр. 508—734.

3) Любавскій, Литовско-Русскій Сеймъ, стр. 428—508. Д.-Запольскій, opus cit. стр. 19—20.

товскаго государственнаго строя по образцу польскому, съ предоставленіемъ суда и управленія въ руки всего шляхетскаго сословія.

Это настроеніе было учтено польскими дипломатами. Если къ внутренней партійной борьбѣ прибавить затруднительное внѣшнее положеніе, то приходится отмѣтить, что въ Литвѣ складывались такъ удачно обстоятельства, при которыхъ рѣшеніе вопроса объ уніи могло принять желательный характеръ. До 1562 года вопросъ объ уніи былъ поставленъ на очередь польской шляхтой, но его какъ то обходили и замалчивали. Литовско-русская шляхта, занятая борьбой съ магнатами, не принимала близко къ сердцу трактуемаго вопроса, и литовскому правительству удавалось игнорировать вызывающее поведеніе поляковъ [1]).

Единственная уступка, сдѣланная Польшѣ литовскимъ правительствомъ, выразилась въ отдачѣ ей Бѣльской и Подляшской земель, строй которыхъ давно напоминалъ Польшу.

Совершенно иначе начинаютъ складываться польско-литовскія отношенія въ эпоху Ливонской войны, когда выяснилась невозможность отстоять Ливонію собственными силами тѣмъ болѣе, что сеймовая шляхта въ этотъ критическій моментъ жизни литовскаго княжества была непатріотично настроена, занимаясь на Виленскихъ сеймахъ 1559 и 1561 гг., не столько обсужденіемъ вопроса о защитѣ страны и сохраненіи ея единства и цѣльности, сколько стремленіемъ использовать данный моментъ въ интересахъ упроченія своего положенія. Заявленія, дѣланныя шляхтой, были безконечны; король и паны-рады дѣлали ей уступку за уступкой, но послѣднія отнюдь не уменьшали аппетитовъ шляхты, а, наоборотъ, еще болѣе увеличивали.

Полная невозможность воевать собственными силами съ Москвой— заставила литовскихъ сепаратистовъ обратиться къ Польшѣ. Положеніе дѣлъ было приблизительно такое же, какъ и въ моментъ заключенія Мельницкаго трактата. Польская дипломатія могла надѣяться на увѣнчаніе ея вѣковыхъ усилій, и дѣйствительность оправдала ожиданія всѣхъ сторонниковъ уніи. Уже на Виленскомъ сеймѣ 1561 г., на которомъ рѣшалась судьба Ливоніи, литовско-русская шляхта проявила свои полонофильскія симпатіи [2]). Этими симпатіями и нежеланіемъ нести большіе военные и финансовые поборы можно объяснить присоединеніе Ливоніи, къ Литвѣ и Польшѣ, будто бы составляющимъ одно государство [1]). Еще рѣзче немного раньше опредѣлилось настроеніе шляхты въ лагерѣ подъ Витебскомъ, когда шляхта, недовольная ходомъ военныхъ дѣйствій, рѣшила игнорировать магнатовъ, составивъ актъ, въ которомъ

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Литовско-польская унія стр. 3—15.
[2]) Любавскій: Л.-Р. Сеймъ, стр. 620.

она заявляла о своемъ желаніи скорѣе заключить унію съ Польшей «дабы имѣть возможность сообща сеймовать съ поляками, сообща избирать государя въ виду бездѣтности нынѣшняго государя, пользоваться одинаковыми съ ними правами и вольностями и сообща обороняться отъ враговъ». Конфедерація требовала созыва общаго сейма. Участниковъ конфедераціи обязывали не отказываться отъ этого требованія и не поддаваться никакимъ обѣщаніямъ, какъ бы ни старались отклонить ее отъ этого новымъ статутомъ, а также и не ухвалять серебщинъ и другихъ податковъ, пока не будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ объ уніи[1]). Это активное выступленіе шляхты—новый фазисъ въ польско-литовскихъ отношеніяхъ. Шляхта, до сихъ поръ шедшая за магнатами во всякаго рода политическихъ вопросахъ, начинаетъ дѣйствовать самостоятельно, стараясь направить политику государства въ желательную для нея сторону. Литовско-русское магнатство давно предвидѣло наступавшую коллизію и пыталось всячески сохранить за собой первенство. Только этимъ и объясняется, почему паны-рады согласились исправить статутъ 1529 г., когда шляхта оцѣнила его аристократическій характеръ. На сеймъ 1561 г. даже былъ уже предложенъ проектъ исправленнаго статута. Подобную политику магнатовъ шляхта прекрасно оцѣнила. Не даромъ она потребовала отъ участниковъ Витебской конфедераціи присяги не идти ни на какія уступки съ магнатами, своекорыстную и эгоистическую политику которыхъ шляхта давно подмѣтила. Витебская конфедерація не прошла безслѣдно для политическаго настроенія шляхты. Петроковскій сеймъ 1562 г. открылся заявленіемъ о необходимости уніи. Этого требуетъ правовое положеніе шляхты, но практически рѣшеніе этого вопроса впередъ не подвинулось. Инымп результатами кончился Виленскій сеймъ 1563 г. Шляхта добилась отмѣны статей Городельскаго привилея, лишавшихъ возможности некатолическую шляхту занимать различныя государственныя должности и засѣдать въ панской радѣ. Кромѣ того было рѣшено отправить особую сеймовую делегацію для разговоровъ объ уніи.

Делегація получила отъ сейма соотвѣтствующій наказъ, являющійся такимъ образомъ важнымъ документомъ для характеристики политическаго настроенія становъ сейма.

Наказъ делегаціи во многомъ сходится съ постановленіями Витебской конфедераціи. Слѣдоватедьно, на посылкѣ посольства настояла шляхта, перетянувшая политическіе вѣсы на свою сторону. Конечно, это была большая ея побѣда. Но и побѣжденные магнаты, идя за шляхтой и соглашаясь, подъ давленіемъ текущаго момента, на унію, постарались

---

[1]) *Любавскій.* Л.-Р. Сеймъ, стр. 435—436.

придать такой характеръ уніи, при которой за Литвой сохранялась извѣстная доля самостоятельности. Впрочемъ, можно было заранѣе предполагать, что поляки отвергнутъ эти пожеланія, такъ какъ за ними не стояло общественное мнѣніе шляхты, да къ тому же Литва была просящей стороной. Не передавая содержанія всей инструкціи [1]), приходится отмѣтить, что сеймъ, соглашаясь на унію, разсматривалъ ее не въ видѣ инкорпораціи Литвы, а въ смыслѣ сближенія обоихъ государствъ на почвѣ военной защиты и единства королевской власти, выбираемой на общихъ совмѣстныхъ сеймахъ. Допускались и иного рода совмѣстные сеймы, но только для рѣшенія дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ обѣимъ сторонамъ. Дѣла же, касающіяся того или другого государства въ отдѣльности, рѣшаются на своихъ мѣстныхъ сеймахъ, не говоря о томъ, что сохраняется полная автономія каждаго государства во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Литовцы соглашались, для скрѣпленія заключаемой уніи, разрѣшить полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ Литвѣ. Можно согласиться съ мнѣніемъ М. К. Любавскаго [2]). что содержаніе инструкціи проникнуто стремленіями отстоять цѣлостность и обособленность государства, но едва ли можно видѣть въ этомъ особую побѣду магнатства. Для шляхты—пока вопросъ о внутреннемъ устройствѣ въ Литвѣ не имѣлъ никакого значенія. Настоявъ на посылкѣ посольства по поводу уніи и выяснивъ ея основныя положенія въ духѣ Витебской конфедераціи, шляхта предоставила разработку деталей магнатамъ. Безразличіе шляхты къ внутренней организаціи объясняется тѣмъ, что съ уравненіемъ въ правахъ съ польской шляхтой положеніе магнатства въ Литвѣ, и при его особности, перестало бы быть доминирующимъ.

Но для поляковъ и такая унія была непріемлемой: по мнѣнію ихъ сущность уніи должна заключаться въ инкорпораціи литовскаго княжества въ польское государство. Начиная съ Ягайллы—польская дипломатія держится по отношенію къ Литвѣ опредѣленнаго плана, и если отступала отъ него, то это зависѣло отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Уступая моментами, шляхетскіе дипломаты отнюдь не отказывались отъ старой мысли «втѣленія» великаго княжества въ Польшу.

Противорѣчіе во взглядахъ на унію со стороны двухъ договаривающихся сторонъ вскрылось съ особенной рѣзкостью на Варшавскомъ сеймѣ 1563 г. Полякамъ не приходилось скрывать своихъ истинныхъ намѣреній въ виду затруднительнаго положенія литовцевъ и партійной борьбы внутри самого княжества.

---

[1]) Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, 662.

[2]) Любавскій. Л.-Р. сеймъ, стр. 662.

Поляки ѣхали на сеймъ, вооруженные всякаго рода историческими справками подкрѣплявшими ихъ требованія [1]). Поведеніе на сеймѣ было вызывающее, и литовскимъ посламъ приходилось обнаруживать много выдержки, чтобы не уѣхать домой до рѣшенія больного вопроса. На Варшавскомъ сеймѣ была охотно формулирована и формула уніи: одинъ король, одинъ законъ для всѣхъ, одинъ народъ подъ однимъ скипетромъ и печатью; причемъ свои требованія поляки основывали на Мельницкомъ трактатѣ. Вынесена была она посольской избой. Первоначальная формула сената не отличалась такой опредѣленностью и отчасти щадила національное чувство литовцевъ.

Само собою понятно, что подобная формула для литовцевъ была непріемлемой. Приходилось себя сдерживать, не разрывать переговоровъ, пытаясь въ то же время склонить поляковъ въ сторону отказа отъ столь рѣзкой формулы.

Только затруднительнымъ политическимъ положеніемъ можно объяснить, почему литовцы рѣшились вступить въ переговоры на почвѣ условій договора 1501 г.

Переговоры были малоуспѣшны. Поляки не шли на уступки, а литовцы не рѣшались на политическое самоубійство. Все таки въ виду тяжелаго положенія дѣла, литовцы сдѣлали кое какія уступки полякамъ, согласившись имѣть общаго государя, избираемаго на литовско-польскомъ сеймѣ. Самъ великій князь для ускоренія переговоровъ былъ готовъ отказаться отъ своихъ династическихъ правъ на Литву, что и было выражено извѣстной Варшавской деклараціей.

Давая согласіе на вольную элекцію государя, литовскіе послы ни за что несоглашались на отказъ отъ собственныхъ урядниковъ, своей печати, отдѣльнаго скарба и т. д., такой, по словамъ кн. Радивила отказъ отъ всего этого повлечетъ за собою потерю величія государства [1]).

Во время засѣданій сейма военныя дѣйствія были для литовцевъ удачны, и это сразу отразилось на переговорахъ. Теперь литовскіе послы не соглашаются на общіе сеймы, признавая общіе сеймы только лишь по общимъ дѣламъ, касающихся обоихъ государствъ, какъ это было въ старину и вообще еще рѣзче подчеркнули свою самостоятельность въ внутреннихъ дѣлахъ.

Такъ Варшавскій сеймъ кончился ничѣмъ. Впрочемъ поляки не унывали; если переговоры въ 1563 г. не привели къ желаннымъ результатамъ, то было полное основаніе надѣяться что въ будущемъ они кончатся согласно желанію поляковъ. Бѣльскій сеймъ 1564, на который

---

[1]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, 663.
[2]) Любавскій Л.-Р. Сеймъ 663 стр.

пріѣхало не мало поляковъ, показалъ имъ, что вся шляхта на сторонѣ уніи, предложенной поляками, а противники—только аристократія, упорство которой было сломить очень трудно.

Сочувственное отношеніе литовско-русской шляхты къ уніи заставило аристократію и господаря прислушиваться къ ея заявленіямъ. Раньше правительствующіе чины мало обращали вниманія на желанія шляхты имѣть исправленный статутъ и земскій выборный судъ съ подчиненіемъ его юрисдикціи землевладѣльцевъ шляхетскаго званія безъ исключенія. Аристократія противилась всему этому, пока было возможно да и в. кн. не хотѣлъ уменьшать ни своихъ доходовъ, ни прерогативъ своей власти.

Иное отношеніе встрѣтила шляхта теперь: ее боятся и передъ ней заискиваютъ, какъ передъ крупной политической силой, держащей въ своихъ рукахъ и судьбы уніи, и автономію Литвы. Если великій князь согласился на всѣ требованія шляхты, имѣя въ виду окончательное рѣшеніе уніи, то аристократія уступая шляхтѣ, расширяя ея права, предполагала такой политикой пріобрѣсти въ лицѣ шляхты союзника для борьбы за литовскую автономію. Дѣйствительно, реформы 1564—1565 кореннымъ образомъ измѣнили строй литовско-русскаго государства и даровали шляхтѣ новыя сословныя привиллегіи[1]), учреждались земскіе и городскіе суды по польскому образцу.

Нѣсколько расширился составъ господарской рады, благодаря увеличенію числа «урядовъ», измѣнился радикально самый порядокъ верховнаго управленія благодаря расширенію компетенціи великаго сейма и новой организаціи шляхетскаго представительства на сеймахъ. Въ общемъ, послѣ этихъ реформъ шляхетство стало во главѣ государства, держа въ своихъ рукахъ управленіе имъ, и политическій строй Литвы сталъ походить на Польскій. Литовская аристократія лишилась своего значенія, хотя и новый статутъ сохранялъ за аристократіей нѣкоторыя почетныя права, не имѣвшія для шляхты какого бы то ни было практическаго значенія.

Преобразованіе политическаго строя литовскаго государства почти уничтожило препятствія къ соединенію Литвы съ Польшей: въ обоихъ государствахъ господствовала шляхетская демократія, были почти одинаковыя государственныя учрежденія, а такъ какъ литовско-русская шляхта, по пртійнымъ соображеніямъ, всегда была на сторонѣ уніи, то этотъ вопросъ уже почти былъ рѣшенъ, тѣмъ болѣе, что литовско-русской шляхтѣ у себя дома предстояла большая работа: дѣйствительно занять мѣсто аристократіи и оттѣснить ее на второе мѣсто. Такъ па-

---

[1]) Статутъ 1566 г. Рзд. III, стр. 4. Любавскій Л.-Р. Сеймъ 718 стр.

дали постепенно всѣ препятствія къ заключенію уніи[1]). Въ то самое время, когда въ Литвѣ происходили реформы политическаго строя, поляки съ удивительнымъ упорствомъ на своихъ сеймахъ, настаивали на уніи[2]). Посольская изба особенно торопилась окончить всѣ переговоры до окончанія войны съ Москвой, такъ какъ тогда въ виду прекращенія войны, Литва можетъ уклониться отъ уніи. Надо торопиться съ уніей—вотъ припѣвъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ въ посольской избѣ.

Король послушно шелъ за посольской избой. Уступая ея требованіямъ, король созвалъ сеймъ въ Люблинѣ для окончательнаго рѣшенія больного вопроса. Въ тоже время Литовцы засѣдали въ Брестѣ, откуда посылали пословъ для переговоровъ. Послѣдніе кончились ничѣмъ: унія снова была отсрочена. Литовцы никакъ не соглашались на инкорпорацію, на которой настаивали польскіе послы. Съ своей стороны, литовская делегація предлагала унію, опираясь на переговоры, бывшіе на Варшавскомъ сеймѣ. Литовцы согласны имѣть общаго государя, общіе сеймы, собирающіеся по очередно, то въ Литвѣ, то въ Польшѣ; соглашались имѣть общихъ съ ними друзей и враговъ и сообща защищаться отъ непріятелей, но требовали для Литвы особой администраціи и суда, особыхъ законовъ и установленій. Конечно, эта личная унія была непріемлема, и неудивительно, что поляки ее отвергли. Очевидно, и здѣсь магнаты одержали верхъ, явившись сторонниками національной независимости Литвы. Но едва ли была не послѣдняя побѣда магнатства. Событія складывались для Литвы неблагопріятно, и вопросъ объ уніи сталъ очереднымъ. Люблинскій сеймъ 1568—1569 гг. и явился завершеніемъ того политическаго плана, который столько вѣковъ приводился въ исполненіе. Если на сеймѣ 1568 года, упорство потентатовъ задержало рѣшеніе вопроса объ уніи, то на новомъ сеймѣ судьбу уніи рѣшила шляхетская демократія, неоднократно требовавшая уніи. Передъ ея натискомъ вопросъ объ уніи былъ рѣшенъ въ утвервительномъ смыслѣ[3]). Впрочемъ и новая унія не была инкорпораціей Литвы въ Польшу. Правда, Литва лишилась части территоріи; къ тому же Подляшье, Волынь, Кіевщина и литовское Подолье были инкорпорированы, но урѣзанное литовское княжество сохранило въ нѣкоторомъ отношеніи автономію въ видѣ права имѣть свои уряды, законы, суды. Поляки послѣ долгихъ споровъ согласились на это, но за то добились уступки и себѣ: поляки и литовцы—равноправные народы, а потому оба народа могутъ свободно занимать должности въ обѣихъ странахъ и пріобрѣтать недвижимое

---

[1]) Любавскій. Л.-Р. Сеймъ, стр. 734.
[2]) Довпаръ-Запольскій, Литовско-польская унія.
[3]) *Любавскій* Л.-Р. Сеймъ, стр. 838.

имущество, противъ чего еще недавно высказался Берестейскій сеймъ 1566 года. Несомнѣнно, что если на основаніи Люблинской уніи Литва пользуется отчасти внутренней независимостью, то это дѣло магнатства. Демократическая же шляхта была настроена менѣе патріотично. Такъ усиліями шляхты была заключена парламентарная унія, отдавшая судьбу Рѣчи Посполитой въ руки шляхетской демократіи и положившая начало тѣмъ новымъ отношеніямъ, которыя, въ концѣ концовъ, повели къ полному сліянію обоихъ государствъ въ одно.

В. Пичета.

XXXIV.

Время образованія Слободскихъ черкасскихъ полковъ.

Вопросъ о времени образованія Слободскихъ черкасскихъ полковъ принадлежитъ къ числу наименѣе выясненныхъ въ исторіи управленія Слободской Украйны. Часть ученыхъ совсѣмъ обходитъ его, не указывая никакой даты для этого событія [1]). Наоборотъ, другіе историки опредѣляютъ приблизительно, когда возникли Слободскіе черкасскіе полки, при чемъ въ послѣднее время согласно относятъ этотъ фактъ ко времени около 1668—1669 годовъ [2]). Впрочемъ, вопросъ о времени образованія Острогожскаго, Изюмскаго и малоизвѣстнаго Балаклейскаго полковъ не вызываетъ затрудненій у изслѣдователей [3]). Но это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что относительно возникновенія ука-

---

[1]) *Г. Ѳ. Квитка.* Записки о Слободскихъ полкахъ. Х. 1883, с. 7. *И. И. Срезневскій.* Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны. Х. 1883, с. с. 7—8. *Преосв. Филаретъ.* Историко—Статистическое описаніе Харьковской епархіи. Отд. II. М. 1857, с. с. 7 и 51 и Отд. III. М. 1857, с. с. 11 и 279—281. *Н. И. Костомаровъ.* Собраніе сочиненій. Кн. IV. Спб. 1904, с. 483. *Н. Гербель.* Изюмскій Слободской казачій полкъ. Спб. 1852, с. с. 12—13. *К. П. Щелковъ* Харьковъ. Х. 1881, с. с. 4—6 и 9. *П. Головинскій.* Слободскіе казачьи полки. Спб. 1864, с. с. 57—65.

[2]) *Д. И. Багалѣй.* Исторія города Харькова. Х. 1905, с. 82. *Е. Альбовскій.* Исторія Харьковскаго Слободскаго казачьяго полка. Х. 1895, с. 34. Впрочемъ, въ „Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Т. I. М. 1887“ (с. 446) проф. Д. И. Багалѣй указываетъ, что „въ 1659 г. говорится уже о Сумскомъ Слободскомъ полку“. По П. Головинскому (Слоб. каз. полки, с. 64), Ахтырскій, Сумской и Харьковскій полки существовали уже въ 1656 г.

[3]) *Д. И. Багалѣй.* Очерки, с. с. 417—421 и 440—441. *П. Головинскій.* Слоб. каз. полки, с. с. 57—63. *Е. Альбовскій.* Ист. Хар. Слоб. каз. полка, с. с. 18—19, 34—35 и 61—63. *Д. И. Багалѣй.* Ист. гор. Харькова, с. с. 80 и 83. *Н. Гербель.* Изюм. Сл. каз. полкъ, с. с. 12 и 24—25. *Н. И. Костомаровъ.* Собр. соч., кн. IV, с. 483. *Д. Я. Склобовскій.* Лѣтопись города Острогожска и семи церквей онаго. Воронежъ. 1902, с. с. 9—12.

занныхъ полковъ документы даютъ вполнѣ опредѣленныя данныя[4]). Такимъ образомъ въ нашей исторической литературѣ вопросъ о времени образованія Слободскихъ полковъ сводится къ вопросу о времени возникновенія только трехъ изъ нихъ: Ахтырскаго, Сумского и Харьковскаго, такъ какъ Воронежскій полкъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ наукѣ. Правда, существуетъ точка зрѣнія, что былъ еще особый полковникъ «Мерефянскихъ, Зміевскихъ и Печенѣжскихъ черкасъ», но несостоятельность ея доказана нами въ другой статьѣ[5]). Поэтому мы ограничимся только тѣми полками, существованіе которыхъ несомнѣнно, и образованіе которыхъ не изслѣдовано еще достаточно въ нашей исторіографіи.

Нельзя не замѣтить, что трудность рѣшенія разсматриваемаго вопроса заключалась не только въ недостаткѣ нужныхъ для этого данныхъ, но и въ установившихся въ наукѣ взглядахъ на количество полковъ и время образованія ихъ. Правда, всѣ ученые къ одному времени относятъ возникновеніе только трехъ полковъ: Ахтырскаго, Сумского и Харьковскаго. Зато вопросъ о томъ, сколько ихъ было въ разное время, не принадлежитъ къ числу ясно и точно формулированныхъ историками, хотя и тутъ наблюдается извѣстная склонность къ единообразной системѣ сначала четырехъ, а потомъ пяти полковъ. Но неясность сразу устранится, если припомнить, что отношенія начальствованія, съ одной стороны, и подчиненія, съ другой, могли существовать между двумя слободскими полковниками лишь въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если правительство назначало при жизни одного полковника другого для совмѣстнаго командованія полкомъ, какъ было, напримѣръ, въ Изюмскомъ полку[6]), во-вторыхъ, если одинъ изъ полковниковъ былъ наказнымъ. Впрочемъ, легко замѣтить, что въ первомъ случаѣ позже назначенный полковникъ обыкновенно былъ только наказнымъ. Но въ томъ случаѣ, когда два полковника имѣли пребываніе въ разныхъ мѣстахъ, то и они, и подчиненныя имъ территоріи были совершенно самостоятельны, при чемъ каждая территорія представляла особый полкъ. Уже П. Головинскій правильно замѣтилъ, что полковники, начальствовавшіе надъ Слободскими полками «не зависѣли одинъ

---

[4]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1530, л. л. 607—612. Москов. ст. Разряда, столб. 445, л. л. 134—137. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1085, л. л. 1—4 и № 1199, л. 734. *Преосв. Филаретъ.* Ист.—стат. оп., отд. V, с. 18. *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Х. 1886, с. 180.

[5]) Нові дані для біографії звана Сірка (Записки Українського Наукового Товариства въ Київі. Кн. 3. К. 1909, с. с. 142—144).

[6]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, с. 180.

[6а]) Слоб. каз. полки, с. 64.

отъ другого: каждый изъ нихъ въ своемъ полку былъ маленькимъ гетманомъ»[6а]. Такимъ образомъ о подчиненіи ихъ другъ другу не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, данныя о возникновеніи Острогожскаго, Балаклейскаго и Изюмскаго полковъ позволяютъ допустить, по аналогіи, что и другіе полки могли возникнуть неодновременно, при чемъ число ихъ въ разное время могло быть неодинаковымъ. Исходя изъ этихъ общихъ положеній, мы можемъ перейти теперь къ первому вопросу сколько было полковъ въ Слободской Украйнѣ въ различное время.

Всѣ ученые единогласно признаютъ существованіе пяти полковъ: Острогожскаго, Ахтырскаго, Сумского, Харьковскаго и Изюмскаго. Но уже проф. Д. И. Багалѣй указалъ, что существовалъ еще особый Балаклейскій полкъ[7]. Дѣйствительно, относительно полковника Якова Черниговца извѣстно, что «со 178 году, по разсмотрѣнью боярина и воеводы, князя Григорія Ромодановскаго, былъ онъ, Яковъ, у Булыклейскихъ черкасъ полковникомъ»[8], а «во 185 годе, по разсмотрѣнью боярина и воеводы, князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, Булыклейской полковникъ Яковъ Черниговецъ отъ полковничества отставленъ, а велѣно тотъ Булыклейской полкъ вѣдать Харьковскому полковнику Григорью Донцу, и соединить воединъ полкъ Харьковской, и писатца однимъ Харьковскимъ полковникомъ»[9]. При этомъ изъ одного документа 179 года явствуетъ, что Я. Черниговецъ «былъ Черниговскимъ полковникомъ», послѣ измѣны И. Выговскаго «пріѣхалъ... въ Бѣлогородской полкъ съ Иваномъ Безпалымъ полковникомъ и служилъ... въ полку... полковникомъ». Но «полку... ему, Якову,... число не дано, потому что всѣхъ городовъ черкасы росписаны были по полкамъ», и только въ 177 году велѣно «у него, Якова, въ полку быть новопостроенныхъ городовъ Болыклѣйскимъ, Змѣевскимъ, Двурѣчинскимъ, Царевоборисовскимъ, Мояцкимъ черкасомъ», такъ какъ они «нигдѣ въ полкъ были не написаны». При этомъ кп. Г. Г. Ромодановскій сообщаетъ чрезвычайно любопытную вещь: «да и прежъ, государь, сего», говоритъ онъ, «...въ новопостроенныхъ черкаскихъ городѣхъ полковниковъ строили и черкасъ къ нимъ въ полки приказывали мы... по своему разсмотрѣньишку»[10]. Такимъ образомъ мы видимъ, что нѣкоторые полки были образованы распоряженіемъ Бѣлгородскаго воеводы, при чемъ изъ процитированнаго документа можно заключить, что такихъ полковъ было нѣсколько. Относительно черкасъ, пришедшихъ въ 161 году съ

---

[7]) *Д. И. Багалѣй.* Ист. гор. Харькова, с. 80.

[8]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1530, л.л. 607—612.

[9]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, с. 180.

[10]) А. М. Ю. Москов. ст. Разряда, столб. № 445, л.л. 134—137.

полковникомъ Иваномъ Дзинковскимъ, документы говорятъ, что къ нимъ «приписаны Бѣлогородскаго полку изъ городовъ, которые къ Острогожску податны, полковые службы черкасы, и учиненъ особымъ Острогожскимъ черкасскимъ полкомъ» [11]). Слѣдовательно, Острогожскій полкъ можно присоединить къ числу полковъ, упоминаемыхъ княземъ Г. Г. Ромодановскимъ. Но относительно перваго Сумского полковника Г. Кондратьева мы имѣемъ вполнѣ опредѣленное показаніе документа XVII ст., что «за его службу блаженныя памяти великій государь (т.-е. царь Алексѣй Михайловичъ) пожаловалъ его, по челобитью полку его козаковъ, въ полковники» [12]), т.-е. иниціатива образованія полка исходила въ Сумахъ отъ населенія, и полкъ былъ учрежденъ не воеводой, а верховной властью. Кромѣ того, Изюмскій полкъ былъ выдѣленъ изъ Харьковскаго по иниціативѣ центральнаго правительства [13]). Только о способѣ образованія Ахтырскаго и Харьковскаго полковъ въ документахъ не находимъ никакихъ данныхъ. Наконецъ, указъ изъ Разряда отъ 6 іюня 7168 года былъ первоначально адресованъ «Воронежскому черкаскому полковнику Еуфиму Выдренку съ товарищи», но потомъ эти слова зачеркнуты [14]). Если бы этотъ указъ былъ адресованъ просто Воронежскому черкасскому полковнику, безъ обозначенія имени послѣдняго, то существованіе черкасскаго полковника въ Воронежѣ было бы весьма сомнительно, такъ какъ нигдѣ больше не попадались намъ другія данныя по этому предмету, и нашъ документъ въ этомъ отношеніи стоитъ совершенно одиноко. Но то обстоятельство, что въ немъ названы имя и фамилія Воронежскаго полковника, заставляетъ признать, что въ Воронежѣ дѣйствительно былъ одно время черкасскій полковникъ, а слѣдовательно былъ и особый Воронежскій полкъ. Съ другой стороны, отсутствіе свѣдѣній о Воронежскомъ полку и его полковникѣ въ другихъ актахъ и устраненіе приведенныхъ выше словъ изъ нашего документа могутъ указывать на то, что ко времени написанія даннаго указа Е. Выдренко не былъ уже Воронежскимъ полковникомъ. Конечно, появленіе и исчезновеніе Воронежскаго черкасскаго полка можно допустить уже по одному тому, что образованіе полковъ производилось распоряженіемъ не только центральнаго правительства, но и Бѣлгородскаго воеводы. При этомъ нужно припомнить, что въ Слободской Украйнѣ

---

[11]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1085, л.л. 1—4 и № 1199, л.л. 734—736.

[12]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1017, л. 188. Въ XVIII ст. полученіе Г. Кондратьевымъ полковничества представлялось какъ награда за заслуги, а о роли самихъ полчанъ уже успѣли забыть. *Д. И. Багалѣй.* Очерки, с. 444.

[13]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, с. 180.

[14]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 414, л. 267.

бывали случаи, когда атаманы отдѣльныхъ городовъ пользовались полной независимостью отъ черкасскихъ полковниковъ, и города, въ которыхъ они правили, представляли особыя административныя единицы, отдѣльныя отъ полковъ. Напримѣръ, указомъ 191 года жителей города Новаго Полатова велѣно «вѣдать ихъ атаману Василью Ливенцу..., а Острогожскому полковнику Ивану Сасову того городка ничѣмъ вѣдать не велено», хотя раньше городъ входилъ въ составъ Острогожскаго полка и лежалъ въ предѣлахъ послѣдняго. При этомъ любопытно то, что, въ силу указа 189 года, въ теченіе 15 лѣтъ жители Новаго Полатова пользовались льготами, при чемъ «въ тѣ годы приказнымъ людемъ у нихъ не быть, а вѣдать ихъ полковнику, кого они выберутъ». Правда, указомъ отъ 27 апрѣля 190 года они были подчинены Острогожскому полковнику, а по истеченіи льготныхъ 15 лѣтъ должны были войти въ составъ Острогожскаго полка. Но тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ году они предстаютъ предъ нами въ видѣ автономной административной единицы, хотя и не образуютъ особаго Полатовскаго полка [15]). Во всякомъ случаѣ все это показываетъ, что число Слободскихъ черкасскихъ полковъ въ теченіе XVII столѣтія было въ различное время неодинаково, и, кромѣ тѣхъ пяти полковъ, которые дожили до реформы 1765 года, можно признать существованіе, по крайней мѣрѣ, еще двухъ: Балаклейскаго и Воронежскаго, такъ какъ Ново-Полатовскій полкъ, по нашему крайнему разумѣнію, не успѣлъ образоваться. При этомъ отдѣльные полки образовались различно: или по иниціативѣ населенія, или по распоряженію Бѣлгородскаго воеводы, или по предписанію центральнаго правительства. Перейдемъ теперь къ вопросу о времени образованія Слободскихъ черкасскихъ полковъ, при чемъ ограничимся только пятью изъ нихъ: Ахтырскимъ, Сумскимъ, Харьковскимъ, Балаклейскимъ и Воронежскимъ, такъ какъ относительно двухъ другихъ въ документахъ имѣются точныя данныя.

Легко замѣтить, что даже въ документахъ XVII столѣтія существуетъ нѣкоторое разногласіе относительно времени образованія Балаклейскаго полка. Въ то время какъ въ одномъ актѣ мы читаемъ, что Я. Черниговецъ былъ Балаклейскимъ полковникомъ со 178 года [16]), другой говоритъ объ образованіи Балаклейскаго полка уже въ 177 году [17]). Въ то же время г. Е. Альбовскій относитъ возникновеніе Балаклейскаго полка къ 1663 году [18]). Если мы обратимъ вниманіе на данныя указанныхъ документовъ, то увидимъ, что постройка Балаклеи

---

[15]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1690, л.л. 165—167.
[16]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1530, л.л. 607—612.
[17]) А. М. Ю. Москов. ст. Разряда, столб. № 445, л.л. 134—137.
[18]) Ист. Харьк. Сл. каз. полка, с. 35.

и образованіе Балаклейскаго полка произошли разновременно, да и Я. Черниговецъ былъ сначала лишь Балаклейскимъ атаманомъ [18б]). Такимъ образомъ 1663 годъ нельзя принять ни въ коемъ случаѣ. Но 178 годъ даетъ приказная выписка, между тѣмъ какъ актъ, исходящій отъ того кн. Г. Г. Ромодановскаго, распоряженіемъ котораго образованъ Балаклейскій полкъ, приводитъ 177 годъ. По нашему мнѣнію, преимущество тутъ должно быть отдано послѣдней датѣ, такъ какъ больше гарантій имѣется за то, что въ Бѣлгородѣ лучше знали годы своихъ распоряженій, чѣмъ въ Московскомъ приказѣ. Поэтому болѣе доказаннымъ годомъ образованія Балаклейскаго полка мы считаемъ 177 (1668—9) годъ.

Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ другими полками, такъ какъ о времени образованія ихъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ. Только относительно Сумского полка можно сдѣлать довольно точные выводы. Дѣло въ томъ, что въ разрядной выпискѣ о жалованьѣ 7167 года въ Сумахъ показанъ полковникъ, при чемъ имя его не названо [19]). Но свѣдѣнія объ этомъ жалованьѣ въ другой разрядной выпискѣ заставляютъ признать, что этимъ полковникомъ былъ Герасимъ Кондратьевъ [20]). Это предположеніе дѣлается тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что до Г. Кондратьева мы не знаемъ полковниковъ въ Сумахъ, и во всѣхъ документахъ за время послѣ 7167 года въ качествѣ Сумского полковника мы видимъ его, при чемъ на службѣ Московскаго правительства онъ былъ со 166 года [21]). Но на инструкціи М. И. Малишевскому изъ Сумской городовой ратуши отъ 2 декабря 7167 года Герасимъ Кондратьевъ подписался Сумскимъ городовымъ атаманомъ. При этомъ М. И. Малишевскій былъ посланъ «новое поселеніе населять, для учрежденія Слободского Сумскаго полку войсковой службы казаковъ» [22]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ выпискѣ изъ межевыхъ книгъ отъ 20 октября 7166 года Г. Кондратевъ именуется атаманомъ [23]). Такимъ образомъ не только въ 1657, но и въ теченіе всего 1658 года Г. Кондратьевъ не былъ полковникомъ, такъ какъ въ декабрѣ 1658 года состоялъ атаманомъ. Но изъ инструкціи явствуетъ, что въ это время дѣло шло уже объ учрежденіи Сумского полка. Такимъ образомъ это учрежденіе можно датировать скорѣе всего концомъ 1658 или началомъ 1659 года, когда

[18б]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 599, л.л. 219—221.

[19]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 480, л. 260.

[20]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 769, л. 336.

[21]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1017, л. 188.

[22]) *Преосв. Филаретъ*. Ист.—стат. описаніе, Отд. III, с. с. 363—368 Въ инструкціи 7167 годъ неправильно переданъ 1659 годомъ отъ Р. Х., такъ какъ декабрь сентябрьскаго 7167 года падаетъ на 1658 годъ отъ Р. Х.

[23]) Тамъ же, с. 335.

впервые упоминается въ Сумахъ полковникъ, потому что въ выпискѣ 1659 года дѣло идетъ о жалованьѣ за этотъ годъ.

Нѣсколько раньше превращается въ полковой городъ Ахтырка. Еще въ спискѣ Ахтырскихъ черкасъ 1655 года мы видимъ во главѣ ихъ атамана Дмитрія Иванова [24]), а уже въ 1658 году въ Ахтыркѣ былъ полковникомъ Иванъ Гладкой [25]). Такимъ образомъ Ахтырскій полкъ образовался когда-то въ періодъ между 1655 и 1658 годами. Конечно, о Воронежскомъ полку можно сказать лишь, что онъ образовался до 6 іюня 1660 года, такъ какъ въ эту пору онъ прекратилъ уже свое существованіе, судя потому, что имя его полковника вычеркнуто въ указѣ. Зато легче опредѣлить время образованія Харьковскаго полка. Дѣло въ томъ, что въ теченіе всего 1659 года во главѣ Харьковскихъ черкасъ стоитъ атаманъ Тимоѳей Лавриновъ, и ни о какомъ полковникѣ нѣтъ и рѣчи въ документахъ [26]). Между тѣмъ 11 апрѣля 1660 года Ѳедоръ Пестриковъ подалъ Бѣлгородскому воеводѣ кн. Г. Г. Ромодановскому составленныя имъ разборныя книги черкасъ въ Зміевѣ, Чугуевѣ, Салтовѣ, Харьковѣ, Колонтаевѣ и Городномъ [27]), при чемъ въ «росписи служилыхъ козаковъ по разбору» показано: «въ Харковскомъ черкасъ съ полковникомъ и съ началными людми тысяча триста пятдесятъ семъ человѣкъ» [28]). Если мы примемъ во вниманіе, что послѣдній документъ съ именемъ атамана Т. Лавринова помѣченъ 5 августа 1659 года, то получимъ тотъ періодъ, въ теченіе котораго могъ образоваться Харьковскій полкъ. Это будетъ время отъ 5 августа 1659 года по 11 апрѣля 1660 года. Весьма возможно, что самый разборъ черкасъ Ѳ. Пестриковымъ стоялъ въ связи съ образованіемъ Харьковскаго полка и является однимъ изъ дѣйствій, превращавшихъ разрозненныя до этого поселенія черкасъ въ единый Харьковскій полкъ. А въ такомъ случаѣ указанное нами время придется еще нѣсколько сократить, такъ какъ разборъ черкасъ долженъ былъ занять значительное количество времени. Впрочемъ, отмѣченный нами срокъ и такъ нужно немного уменьшить, потому что между днемъ составленія названной росписи и днемъ подачи ея должно было пройти нѣкоторое количество времени, нужное для переѣзда Ѳ. Пестрикова изъ Слободской Украйны въ Бѣлгородъ. Такимъ образомъ Харьковскій полкъ

---

[24]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 392, л. 143.

[25]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 605, л. 262.

[26]) *Д. И. Багалѣй*. Матеріалы для исторіи г. Харькова въ XVII вѣкѣ (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. XVI. X. 1905, с.с. 413—423).

[27]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 414, л. 131.

[28]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 414, л. 132.

учрежденъ или въ самомъ концѣ 1659 года или въ самомъ началѣ 1660 года.

Подводя итогъ сказанному выше, мы приходимъ къ заключенію, что Слободскіе черкасскіе полки образовались разновременно въ теченіе второй половины XVII столѣтія. Мнѣніе, будто Ахтырскій, Сумской и Харьковскій полки возникли одновремено съ Острогожскимъ полкомъ, не подтверждается данными документовъ. Способы учрежденія полковъ были неодинаковы, а потому, нужно думать, и причины, вызвавшія появленіе того или иного полка, до извѣстной степени были различны. Кромѣ тѣхъ пяти полковъ, которые просуществовали до 1765 года, въ теченіе XVII столѣтія въ Слободской Украйнѣ въ разное время возникали и другіе полки, вошедшіе потомъ въ составъ указанныхъ пяти полковъ.

Прив.-доц. В. Е. Данилевичъ.

Ворзель.
Іюль 1909 года.

XXXV.

Нѣсколько замѣчаній о происхожденіи церкви.

Въ греческомъ обществѣ, начиная съ гомеровскаго времени, замѣтно бросается въ глаза отсутствіе церковнаго строя, идеи церкви, отсутствіе вліятельнаго духовенства. Эта черта рѣзко отличаетъ античную Грецію отъ стариннаго Востока, Вавилона, персовъ, іудеевъ, отъ римской имперіи, отъ Европы въ Средніе Вѣка и Новое время.

Въ греческихъ общинахъ обряды, гаданія совершаются скромными выборными должностными лицами; религіозныя обязанности переходятъ отъ одного къ другому и относятся къ очереднымъ функціямъ смѣняющейся администраціи. Нѣтъ могущественныхъ, богатыхъ священническихъ корпорацій. Есть, правда, вліятельные оракулы, какъ напримѣръ Дельфійскій, но ихъ авторитетъ въ остальныхъ частяхъ Греціи чисто моральный, не принудительный; Дельфы, это—община среди другихъ общинъ, и при томъ очень слабая, предметъ спора для сосѣдей. Время отъ времени появляются предсказатели, пророки (Эпименидъ Критскій, Эмпедоклъ), знакомящіе общество съ новымъ очистительнымъ исцѣляющимъ обрядомъ или помогающіе общинѣ очнуться послѣ какой-нибудь тяжелой катастрофы, напримѣръ чумы. Но ихъ значеніе—индивидуальное, преходящее, они не столько священники, сколько учителя и врачи (Эмпедоклъ, напримѣръ, уже прямо составляетъ переходъ къ типу софиста).

Правда, въ Аѳинахъ V в. мы встрѣчаемъ религіозные процессы (Анаксагора, Сократа, гермокопидовъ). Но въ сущности это—политическій судъ, въ разбирательствѣ нѣтъ рѣчи о догматахъ, обрядовой чистотѣ; карается вовсе не возстаніе противъ священническаго авторитета. Судятъ о политической благонадежности; спорящія на судѣ стороны—политическія партіи, радикалы и консерваторы; рѣшается—въ критическій моментъ, революціи или реакціи, или подъ впечатлѣніемъ опасности для государства—вопросъ о вѣрности общинѣ того или другого гражданина.

Церкви, духовенства, догматики, принудительной организаціи, ца-

рящей надъ духовной жизнью, нѣтъ. Старинная гомеровская Грецiя въ этомъ отношенiи не отличается отъ позднѣйшей. Въ поэмахъ нѣтъ упоминанiя о священникахъ. Есть гадатели (Калхасъ Иліады), но гадать могутъ вообще начальники и вліятельные люди, старѣйшины родовъ, басилеи, вожди. Они—божьи сыновья или потомки, и ихъ близость къ богамъ кажется естественной. Это ихъ привилегiя, ихъ счастливая способность; она не основывается на принадлежности къ какой-либо общей организацiи; въ этомъ смыслѣ они предшественники очередныхъ и выборныхъ начальниковъ позднѣйшихъ городскихъ общинъ.

Стоитъ обратить вниманiе на сцену всенароднаго празднества въ Пилосѣ, идиллическомъ царствѣ старика Нестора, куда пріѣзжаетъ сынъ Одиссея. Народъ собрался на мѣстѣ агоры, т.-е. политическихъ сходокъ, и демократичность религiознаго празднества во всемъ ясно выступаетъ. Здѣсь всѣ равны, iерархiи нѣтъ, всѣ принимаютъ активное участiе, басилей и его сыновья предсѣдательствуютъ, сидя въ серединѣ народа, ихъ приближенные, въ качествѣ распорядителей, рѣжутъ и распредѣляютъ жертвенное мясо.

Очень характерна въ томъ же смыслѣ сцена въ III пѣснѣ Иліады, гдѣ воюющiя стороны, греки и троянцы, соглашаются остановить бой, предоставить рѣшенiе поединку двухъ ближайше заинтересованныхъ лицъ, Менелая и Париса. Присмотримся къ подробностямъ. Вся подготовительная работа, оповѣщенiе въ городѣ осажденномъ и въ лагерѣ осаждающихъ, приготовленiе и раздача всенародной жертвы, необходимой для торжественнаго скрѣпленiя договора—все это исполняютъ не священники, а κήρυκες, тѣ же низшiе служащiе, которые выступаютъ при созывѣ политической сходки, при организацiи судебнаго разбирательства. Когда все готово, вожди обмѣниваются въ присутствiи и съ одобренiя обоихъ войскъ обѣщанiями и клятвами. Затѣмъ вожди возносятъ молитвы къ небу, призываютъ боговъ въ свидѣтели и мстителя на того, кто осмѣлится нарушить договоръ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ чертой, которую нельзя назвать иначе, какъ демократической. Вмѣстѣ съ вождями громко молятся простые люди, все тѣ же λαοί, которые заполняютъ сходку, окружаютъ судъ, которые организованы въ морской союзъ, И λαοὶ здѣсь не простой темный фонъ, на которомъ выдѣляются главные актеры, а дѣятельный элементъ.

Народъ прямо обращается къ богамъ, съ тѣмъ же жестомъ воздѣванiя рукъ къ небу, какъ вожди. Онъ также громко призываетъ боговъ въ мстители, онъ ясно выражаетъ ту же основную мысль, составляющую сущность предстоящаго состязанiя или испытанiя судьбы и воли боговъ, и также непосредственно. Гомеръ два раза въ той же сценѣ приводитъ всенародную громкую молитву. Во-первыхъ, когда рѣчь идетъ о заключенiи уговора и, во-вторыхъ, когда секунданты, Гекторъ и Одиссей,

размѣривъ мѣсто для поединка, бросаютъ жребій, что бы рѣшить, кому достанется право перваго удара. По этому поводу грекамъ и троянцамъ вложены въ уста любопытнѣйшія слова: у Бога просятъ; ἡμῖν δ' αὖ φιλότητα καὶ ὅρκια πιστὰ γενέσθαι, дай намъ, Боже по (окончаніи поединка въ ту или другую сторону) заключить между собою—тѣсный союзъ и дружбу и обмѣняться нерушимыми клятвами. Ἡμῖν, намъ, т.-е. обоимъ народамъ, а не державнымъ властителямъ.

Всѣ эти сцены и подробности какъ нельзя болѣе краснорѣчивы. Посредниковъ между богами и людьми нѣтъ. Общество имѣетъ лишь организацію свѣтскую, народъ непосредственно сносится съ богами.

Итакъ на греческой почвѣ нѣтъ вовсе условій для возникновенія церкви, духовенства, іерархіи, догматики, и ихъ нѣтъ до конца самостоятельной греческой исторіи. Большая и значительная культура обходилась безъ этихъ формъ, столь важныхъ въ послѣдующей исторіи. Этотъ выводъ позволяетъ поставить общій вопросъ о томъ, какъ и гдѣ возникла церковь вообще, церковь, какъ соціальная организація, церковь, какъ соціальное явленіе?

Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ смѣнилось нѣсколько разныхъ концепцій историческаго процесса. Можно разсматривать государство, церковь, аристократію, демократію, какъ послѣдовательныя и всюду необходимыя или неизбѣжныя ступени развитія всего человѣчества. Это была точка зрѣнія старой философіи исторіи, которая выводила одну единственную линію развитія человѣчества. Въ вопросѣ о происхожденіи церкви она примыкала прямо къ традиціи христіанства: церковь возникла тогда-то и тамъ-то, когда человѣчество для этого созрѣло, и въ эту общую культурную форму стали вступать одна за другой отставшія и доспѣвавшія группы человѣческаго общества, новые народы. Будущее также ясно. Объединеніе будетъ совершаться до тѣхъ поръ, пока великая община не охватитъ весь родъ человѣческій: конечно, это былъ только идеалъ, постоянно блѣднѣвшій, но все-таки сохранявшійся.

Болѣе новая, соціологическая теорія, основная на сравненіи повторяющихся явленій, измѣнила постановку. Она разбила человѣчество на самостоятельныя группы, Общество съ большой буквы, на общества съ малой буквы. То, что разсматривалось въ видѣ разъ пройденныхъ ступеней роста и развитія, то стали считать много разъ повторенными въ отдѣльныхъ обществахъ формами. Соціологическая теорія уже потому должна допустить такое дробленіе соціальнаго процесса человѣчества, что ея матеріалъ былъ несравненно шире и разнообразнѣе. Прибавилось знакомство съ культурой восточно-азіатской, большой и самостоятельной, которую можно было поставить почти наравнѣ съ западно-азіатско-европейской, между тѣмъ какъ раньше эту послѣднюю считали един-

ственно «всемірной». Изучили старую американскую культуру и замѣтили, какой она занимала большой кругъ, и въ какую старинную пору она заходитъ. Затѣмъ прибавился обширный этнологическій матеріалъ, знакомство съ бытомъ современныхъ народовъ, отставшихъ въ культурѣ. Получилась масса аналогій, несомнѣнныхъ доказательствъ того, что развитіе совершается самостоятельно въ параллельныхъ группахъ. Пришлось признать, что въ исторіи идетъ не одна большая рѣка цивилизаціи, а множество потоковъ, которые начинаютъ сливаться въ немногіе крупные лишь въ болѣе поздніе времена.

Въ примѣненіи къ нашему вопросу о развитіи и возникновеніи церкви, какъ соціальной организаціи, соціологическая теорія должна была выставить другіе взгляды. Можно было предположить, что церковь—форма мѣстнаго общества, всюду одинаково способная возникнуть на опредѣленной ступени развитія. Традиція христіанской церкви, правда, очень громко говорила о распространеніи идей и организаціи изъ одного центра; сначала небольшая, община расширилась потомъ завоеваніемъ, пріобрѣтеніемъ новыхъ приверженцевъ.

Можно было однако представить себѣ встрѣчу двухъ процессовъ, мѣстнаго и общаго: посторонняя церковь, новая вѣра всякій разъ являлась въ то время, когда въ мѣстномъ обществѣ сложилась аналогичная группировка и складъ понятій, когда возникла іерархія, выработалась мысль о великомъ спасеніи или катастрофѣ, предстоящей народу. На такую ступень поднялъ друидизмъ кельтовъ, а религія Тора и Бальдра—скандинавовъ. Въ такомъ случаѣ «принятіе христіанства» было бы ничѣмъ инымъ, какъ отвѣтомъ на поставленные въ мѣстномъ обществѣ вопросы, или даже повтореніемъ уже полученныхъ отвѣтовъ, но только въ новой болѣе увѣренной формулировкѣ, или просто перемѣной терминологіи. Можно представить себѣ, что и корпораціи священниковъ перешли почти незамѣтно одна въ другую. Важная роль жречества у германцевъ и кельтовъ уже давно бросалась въ глаза новымъ изслѣдователямъ. Еще реакціонеръ начала XIX в. Жозефъ де Местръ, не колеблясь, назвалъ друидовъ прямыми предшественниками христіанскихъ епископовъ. Одна организація легко могла перейти въ другую. Такимъ образомъ вездѣ совершался особый мѣстный процессъ развитія, похожій на другіе сосѣдніе.

Еще одно наблюденіе какъ будто подтверждало эти догадки. Въ отдѣльныхъ странахъ христіанство заявило себя крайне индивидуальными формами: въ Африкѣ, въ Египтѣ, въ Греціи, Римѣ, Ирландіи, не говоря уже о несторіанахъ, катарахъ и вообще сектантскихъ общинахъ. Почти неудобно говорить въ единственномъ числѣ «христіанство», христіанская церковь, когда представляешь себѣ Средніе Вѣка; хочется говорить о нѣсколькихъ христіанскихъ церквахъ, о «христіанствахъ».

Передъ нами какъ будто груша схожихъ религій, одинаковыхъ по формѣ, разныхъ по содержанію. Причина понятна: въ дѣйствительности вѣдь продолжаются старыя религіозныя традиціи, идетъ свое мѣстное развитіе подъ новой общей терминологіей въ родѣ того, какъ подъ организаціей римской имперіи продолжали жить мѣстныя культуры.

Въ этихъ толкованіяхъ соціологической исторіи много вѣрнаго, но они грѣшатъ все-таки тѣмъ, что не считаются съ разнообразіемъ культуръ, коренящимся въ физическихъ, въ географическихъ отличіяхъ. Всюду они предполагаютъ одинъ и тотъ же ходъ вещей, одно и тоже органическое развитіе. А между тѣмъ человѣческія общества можно только въ очень общемъ смыслѣ сравнивать съ организмами. Они не такъ рѣзко отграничиваются другъ отъ друга, какъ организмы, изучаемые біологіей; они не связаны въ такой мѣрѣ опредѣленными сроками существованія. Когда мы видимъ, что греческое общество съ начала и до конца осталось при своихъ характерныхъ чертахъ, египетское и вавилонское—въ свою очередь, тогда мы начинаемъ думать, что, помимо смѣны ступеней развитія, въ жизни обществъ есть еще другой, противоположный элементъ, элементъ неподвижности, сохраненія типа, свойственнаго данному обществу и не встрѣчающагося въ другомъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ считать демократію, городскую, кантональную автономію—національнымъ продуктомъ Греціи. Въ этомъ же смыслѣ мы можемъ назвать церковь—національнымъ продуктомъ стариннаго Востока, точнѣе Вавилона, при посредствѣ іудейской пропаганды перешедшимъ въ новую культуру, и на западъ, въ то время какъ на старой почвѣ изъ него возникло мусульманство.

Не трудно показать, какъ стара форма неограниченной монархіи, и въ какой мѣрѣ она связана съ большими государствами Востока. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на то, что между абсолютизмомъ и церковью тѣснѣйшая связь, что они съ самаго начала идутъ изъ одного круга понятій, развиваются параллельно, въ союзѣ или во враждѣ, но не обходятся одинъ безъ другого.

Въ старомъ Вавилонѣ, какъ потомъ въ его копіяхъ и воспроизведеніяхъ, въ персидской монархіи, въ халифатѣ, нѣтъ самостоятельной церковной организаціи. Государь получаетъ отъ Бога законы, правитъ надъ тѣлами и душами. Происхожденіе власти здѣсь иное, чѣмъ въ Греціи: уже ранніе князья на равнинѣ Евфрата, такъ называемые патеси,—первосвященники, между тѣмъ какъ гомеровскій басилей—военный вождь. Въ кодексѣ Гаммураби часто идетъ рѣчь о монахахъ и особенно о монахиняхъ, но не видно вліятельнаго священничества. Гаммураби распоряжается властно въ религіозныхъ вопросахъ: онъ запрещаетъ колдовство, т.-е. указываетъ предѣлы гадателямъ, ограничиваетъ ритуалъ, обряды. Всѣ великія и важныя сношенія съ богами

происходятъ черезъ царя. Царь—священная особа и глава церкви, иначе говоря, церковь и государство совпадаютъ, какъ въ современныхъ державахъ съ государственной церковью. Въ такой комбинаціи церковь — только другой терминъ для выраженія неограниченности власти.

Въ Вавилонѣ этотъ терминъ пріобрѣлъ особый теоретическій смыслъ; онъ былъ связанъ съ господствовавшимъ астрономическимъ ученіемъ. Теорія говорила, что земной міръ—копія небеснаго оригинала; земныя судьбы слѣдуютъ вполнѣ точно происшествіямъ небеснымъ. Земной правитель также слѣдуетъ за своимъ небеснымъ образцомъ. Стоитъ посмотрѣть типичную оффиціальную біографію великаго восточнаго царя. Она движется въ рамкахъ небесной драмы. Будущій царь рождается чудеснымъ образомъ такъ же, какъ молодой богъ—спаситель міра, временно сокрывается во тьмѣ и неудачахъ и вновь воскресаетъ въ побѣдахъ. Царь долженъ поэтому самъ воспроизводить великій міровой циклъ, ежегодное потускнѣніе или страданіе бога и его возрожденіе. Въ христіанской Византіи сохранилось еще довольно живое отраженіе этой драматической роли правителя. Пасхальный обычай требовалъ, чтобы царь явился передъ народомъ съ аттрибутами похороненнаго божества, со знаками пребыванія Христа въ могилѣ, съ крестообразнымъ скипетромъ, указывавшимъ символически на пройденныя страданія и смерть; въ то же время его бѣлая одежда, его торжественное выступленіе среди свѣтлыхъ гимновъ свидѣтельствовали о возрожденіи. Вѣроятно, въ Вавилонѣ все это было еще гораздо опредѣленнѣе и драматичнѣе. Придворные чины, высшая бюрократія, которая потомъ повторяется въ поздней римской имперіи, въ Карловой монархіи, въ Сициліи, въ Англіи эпохи Плантагенетовъ, тоже, повидимому, представляла копію небеснаго двора; она, согласно теоріи, воспроизводила іерархію свѣтилъ, подвижныхъ и неподвижныхъ фигуръ небеснаго свода.

Характеръ этого священно-политическаго строя можно было бы еще иначе выразить. Въ Вавилонѣ на землѣ, реально господствуетъ свѣтское государство, церковь есть научное построеніе, сумма философіи, на землѣ нѣтъ противоположности свѣтской власти и духовной, церкви и государства. Храмы и священники не противополагались свѣтской власти и правительственнымъ учрежденіямъ; это были ея органы и совѣтчики; это были своего рода бюрократическіе кадры. Можно думать, что вторая бюрократія была довольно значительна. Нѣкоторое понятіе объ этомъ мы получаемъ изъ данныхъ устройства новоперсидскаго государства, продолжавшаго, повидимому, почти на той же территоріи вавилонскія традиціи. Тамъ существовало множество мобедовъ, священниковъ, соединенныхъ въ іерархію и имѣвшихъ во главѣ

верховнаго мобед-ин-мобеда. Онъ вѣнчалъ шаха. Но это былъ все-таки только чинъ высшей бюрократіи, котораго вѣрнѣе будетъ сравнивать не съ католическимъ римскимъ папой, а съ патріархомъ въ Византіи.

Эта форма и перешла потомъ въ христіанскую Европу, но рядомъ съ ней постоянно жила и обнаруживала свое вліяніе церковь независимая. Какъ она возникла?

Въ старинномъ Вавилонѣ не видно противоположности церкви и государства. Ея вообще нѣтъ до тѣхъ поръ, пока не нарушена цѣлость господствующей общественной среды. Но политическая жизнь въ странахъ стариннаго Востока была полна превратностей. Культурная страна нѣсколько разъ подвергалась разгрому и завоеванію изъ степей и горныхъ областей. Само государство династіи Гаммураби было уже результатомъ завоеванія, составляло надстройку надъ болѣе старой организаціей, отъ которой были усвоены техническіе пріемы, богатство, наука и вѣрованія. Мы не знаемъ, какими послѣдствіями во всемъ кругѣ вѣрованій могли отразиться болѣе старинныя катастрофы, происходившія въ этомъ краю. Но то, что случилось позднѣе, особенно судьбы іудейскаго народа, позволяетъ догадываться о переворотахъ раннихъ.

Въ началѣ VI в. до Р. Х. вавилонскій царь Навуходоносоръ завоевалъ Іерусалимъ и переселилъ часть іудеевъ въ равнину Евфрата. Отсюда плѣнники и эмигранты принесли потомъ назадъ въ Сирію ученіе о Мессіи, благую вѣсть о предстоящемъ спасеніи міра или о міровой катастрофѣ. Эти идеи самостоятельной церкви, враждебной или, по крайней мѣрѣ, чуждой государству, іудеи нашли, повидимому, готовыми на вавилонской почвѣ. Тамъ были уже многочисленныя группы общества, находившіяся въ положеніи, аналогичномъ новымъ вынужденнымъ колонистамъ. Вавилонъ много разъ подчинялся чуждому завоевателю; страну покоряли то эламиты, то ассиріяне, то халдеи. Вавилонъ долго былъ вассаломъ Ассиріи, оставаясь священнымъ городомъ въ родѣ средневѣковаго Рима или арабской Мекки въ турецкой державѣ или Царьграда въ рукахъ невѣрныхъ. Самъ завоеватель Іерусалима, Навуходоносоръ, былъ представитель чуждаго старому Вавилону халдейскаго элемента. Всѣ эти завоеватели приблизительно также относились къ Вавилону, какъ въ свое время германцы къ Риму. Масса вавилонянъ была такимъ же подчиненнымъ классомъ у себя дома, какъ и насильственно къ нимъ переселенные іудеи. Двѣ покоренныя придавленныя группы встрѣтились и объединились во взглядахъ.

Теперь можно себѣ представить, какія идеи нашли іудеи у своихъ собратьевъ по несчастью. Подчиненный завоевателями, культурный народъ потерялъ самостоятельное отечество. У власти сидятъ невѣрные.

Слѣдовательно, уже нельзя земное государство считать копіей небеснаго царства. Гармонія двухъ міровъ нарушилась, и небесный оригиналъ не имѣетъ болѣе соотвѣтствующаго повторенія на землѣ. Но въ его реальности нельзя сомнѣваться; если на землѣ происходитъ кризисъ, то надо обратно заключить о кризисѣ на небесахъ. Видимо, это затянувшаяся катастрофа потускнѣнія, которая разрѣшится новымъ возрожденіемъ. А тѣмъ временемъ небесный оригиналъ, небесное царство остается объединяющей идеей для разгромленнаго общества, его идеальнымъ отечествомъ. Прежняя теорія учила, что возвраты свѣтлыхъ дней должны повторяться періодически, что вѣка, чередуясь, отдѣляются другъ отъ друга катастрофами и просвѣтлѣніями. Это—неизбѣжный и вѣрный ходъ вещей. Поэтому теперь, во время долгаго кризиса, съ небеснымъ царствомъ соединяются большія, но отдаленныя ожиданія. Оно далеко, оно оторвалось отъ земли, но оно придетъ, спустится на землю, снова воплотится въ идеальномъ правителѣ или избавителѣ, и народъ называетъ его Мессіей, махди, мистическимъ Фридрихомъ (т.-е. царемъ мира) и т. п.

Среди угнетенія даннаго момента мысль о желанномъ наступленіи новаго вѣка получаетъ особенно острый характеръ. Все сдвигается въ одинъ великій ожидаемый актъ, въ одно рѣшительное и окончательное просвѣтленіе послѣ долгаго мрака: небесное царство опять войдетъ въ свои права на землѣ, его представители непосредственно низойдутъ на землю и поднимутъ къ счастью, силѣ и власти подавленный, покинутый народъ. Люди, конечно, не только вѣрятъ, ждутъ въ тайнѣ; но они повѣряютъ другъ другу свои ожиданія, соединяются въ общины посвященныхъ, пропагандируютъ, пріобрѣталотъ прозелитовъ. У нихъ являются новые вожди и учителя, конечно тайные.

Вотъ когда можно говорить о возникновеніи настоящей реальной церкви, самостоятельной и независимой отъ государства. Церковь теперь—организація, связанная съ кругомъ ожиданій стѣсненной массы. Мы могли бы назвать церковь предварительной организаціей будущаго возрожденнаго національнаго государства. Можно найти еще иную формулу опредѣленія, можно сказать, что церковь образуетъ рамки или цѣль для своего рода мистическаго патріотизма.

Организація будущаго, конечно, во всемъ копируетъ организацію настоящаго, т.-е. свѣтское государство. У нея есть свои руководители, но они занимаютъ совершенно другое положеніе. Если въ обществѣ порабощенномъ остались старые священники, то они конечно, не чиновные іерархи, не бюрократія, получающая отблескъ власти свыше, а тайные, можетъ быть, даже преслѣдуемые вожди вѣрующихъ.

Въ ранней христіанской церкви на почвѣ имперіи, вѣроятно, повторились порядки и идеи старинной вавилонской церковной оппозиціи.

Очень характерно поведеніе руководителей оппозиціонной церкви. Они подчиняются по виду свѣтскимъ властителямъ («нѣтъ власти, кромѣ какъ отъ Бога»; «надо терпѣть и дурныхъ правителей» и т. д.). Но они не служатъ этой власти; они принадлежатъ къ другой, высшей общинѣ. Они готовы соединиться около Мессіи, Махди и т. д. и они готовы выдать новымъ пришельцамъ своихъ повелителей, навязавшихся имъ господъ. Іудейская община передается отъ персовъ въ подчиненіе македонянамъ, христіанская церковь безъ спора предоставляетъ римскую имперію варварамъ и т. д.

Съ теченіемъ времени оппозиціонные круги выработали стройную увѣренную теорію двухъ царствъ, небеснаго и земного. Вполнѣ отчетливо эта теорія выражена въ книгѣ пророка Даніила, которая возникла, повидимому, въ эпоху національной борьбы іудейства съ греческимъ государствомъ Селевкидовъ. Въ этомъ произведеніи поздней, до извѣстной степени, революціонной іудейской литературы можно видѣть въ свою очередь прототипъ знаменитаго «Государства Божія» Августина, книги, служившей какъ бы каноническимъ завѣщаніемъ ранняго христіанства всему Средневѣковью.

У Даніила двѣ малхутъ, два царства, въ греческомъ переводѣ, двѣ *βασιλεῖαι*. Одна — земная: это страшная, чуждая, вызывающая ненависть языческая государственная сила. Ей противополагается Божья малхутъ, т.-е. торжество израильскаго Бога на землѣ; но ея торжество лишь ожидается въ будущемъ; прошлое и современность принадлежитъ темной чуждой земной державѣ.

Для патріотовъ, для сторонниковъ независимости тутъ была опора, была ясная цѣль въ перспективѣ. При наличности такого ученія, такой вѣры, никогда нельзя было положиться на спокойствіе массы, и мы видимъ, что исторія Іудеи при греческихъ Антіохахъ и за два вѣка римскаго владычества полна непримиримой національной борьбы, полна ожесточенныхъ возстаній. Программа движенія звучитъ неизмѣнно: установить на землѣ царство небесное, т.-е. дать торжество церкви. Борьба эта до тѣхъ поръ длится, пока народъ ждетъ Мессію, или привѣтствуетъ Его именемъ возставшаго избавителя, пока господствующая сила послѣ колоссальнаго истребленія не счищаетъ съ мѣста всю непокорную оппозиціонную націю въ буквальномъ смыслѣ слова.

Однако вмѣстѣ съ волнами вынужденной эмиграціи на западъ, въ среду самихъ завоевателей идетъ идея церкви, идеалъ небеснаго царства, таинственная организація, въ которую слагаются подчиненные и угнетенные. Достаточно извѣстно, въ какой мѣрѣ христіанство составляло іудейскую секту, насколько оно держалось первое время почти исключительно элементами іудейскаго происхожденія, евреями діаспоры. Также давно замѣчено, что господствующій народъ, римляне, вплоть

до своей гибели съ приходомъ варваровъ, т.-е. даже послѣ оффиціальнаго торжества христіанства, оставались враждебны восточному ученію о близкой катастрофѣ міра, о Мессіи, избавителѣ людей отъ страданій и т. д. Въ этомъ національномъ различіи ясно отразились два настроенія, двѣ психологіи, господъ и подчиненныхъ.

Цезарь, Августъ и послѣдующіе римскіе властители находились подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ восточныхъ теорій о божественности власти; культъ императоровъ вѣдь прямо заимствованъ оттуда. Всѣ ихъ преемники, византійскіе цари, средневѣковые западные императоры, московскіе цари жадно усвоивали тѣ же теоріи. Но въ самой римской имперіи масса новыхъ подданныхъ вовсе не раздѣляла ихъ. Порабощенный Востокъ отмстилъ за себя: одновременно съ абсолютизмомъ пришла въ имперію и распространилась его оппозиціонная копія, идея церкви, вѣра въ будущее небеснаго царства; она организовалась, консолидировалась въ видѣ большого союза христіанскихъ общинъ. Не даромъ главный нервъ этой организаціи—ожиданіе катастрофы міра, т.-е. паденія языческаго государства, ожиданіе великаго переворота, послѣ котораго должно наступить тысячелѣтнее царство, т.-е. счастливый вѣкъ. Это ожиданіе необыкновенно сильно въ первые вѣка христіанства, оно играетъ большую роль и въ средневѣковыхъ европейскихъ народныхъ возстаніяхъ вплоть до великой крестьянской войны въ Германіи въ 1525 г. Во всякомъ сектантскомъ движеніи непремѣнно есть мысль о судѣ Божьемъ на землѣ, т.-е. о великой перестановкѣ отношеній власти и имущества, о великомъ передѣлѣ земли, о низверженіи богопротивной темной силы, держащей господство. Черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, государствъ, націй, культуръ тянется и проявляется та же близость двухъ теорій, государственной и церковной, и обнаруживается ихъ взаимная вражда.

Правители считаютъ свою власть отраженіемъ небеснаго свѣта, выраженіемъ небесной гармоніи; оппозиція, недовольные, притѣсненные считаютъ напротивъ гармонію нарушенной, признаютъ, что земная власть досталась дьявольской силѣ, и что истинное Божье царство впереди, въ будущемъ. Тѣ и другіе читаютъ свою вѣру въ небесныхъ знакахъ, строютъ свою систему на астрологіи. Оттого и получаются двѣ церкви, такъ рѣзко непохожія: одна оффиціальная, бюрократическая, опирающаяся на знаки согласія божьяго и земного царства; другая тайная, независимая, или еретическая, сектантская,—организація будущаго: она читаетъ и видитъ другіе знаки: смыслъ ихъ тотъ, что темныя силы настоящаго на землѣ свергли, отодвинули Божье царство; но оно должно придти, ему принадлежитъ будущее.

Соціологическія построенія пріучили насъ видѣть въ политическихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ монархіи, республикѣ, ры-

царствѣ, судѣ присяжныхъ и т. п. общечеловѣческія формы, которыя какъ будто бы могутъ возникать въ любой физической, т.-е. географической и расовой средѣ, и которыя лишь отвѣчаютъ опредѣленнымъ ступенямъ общаго культурнаго развитія. Мы не всегда замѣчаемъ, что наши опредѣленія эволюціоннаго мѣста того или другого учрежденія однобоки, страдаютъ недосказанностью. Мы забываемъ нерѣдко, что формы общественнаго быта имѣютъ опредѣленное географическое или національное происхожденіе такъ же, какъ финиковая пальма, пшеница, верблюдъ, лошадь и т. п.—не общіе типы земной поверхности, а виды опредѣленнѣйшаго района, хотя съ теченіемъ времени они и могутъ быть занесены далеко отъ первоначальной своей родины.

Разсматривая историческія формы съ этой соціально-географической точки зрѣнія, мы можемъ считать республику, демократію, теорію народнаго верховенства, народный судъ, обычай ежегоднаго избранія очередныхъ правителей—продуктомъ кантональнаго быта островковъ и приморскихъ долинокъ Балканскаго и Апеннинскаго полуострововъ. Съ той же точки зрѣнія можно считать абсолютную монархію и всемірную церковь продуктомъ большихъ организацій, неизмѣнно слагавшихся на широкихъ аллювіальныхъ равнинахъ Передней Азіи и опиравшихся на сложную старинную науку звѣздочетства. Для объясненія такой своеобразной теоріи, какъ ученіе о божественности власти, едва-ли можно найти какую-нибудь другую опору, кромѣ астрологической философіи. Но изъ той же культурно-географической среды, отъ аргументовъ той же науки о небесныхъ циклахъ идетъ ученіе о спасителѣ міра и о торжествѣ великой справедливой общины на землѣ, которое способно по временамъ принимать такой грозный общественный смыслъ.

Р. Випперъ.

XXXVI.

„Безумное молчаніе“.

(Причины Смуты по взглядамъ русскихъ современниковъ ея).

«Божіимъ праведнымъ судомъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго христіанства»...

«Иное сказаніе».

«Отъ кихъ разліяся грѣхъ земля наша, не безсловеснаго ли ради молчанія?»...

Иванъ Тимоѳеевъ.

«И яко сихъ ради Никитичевъ Юрьевыхъ вскорѣ, тогожде лѣта 7111, и за всего міра безумное молчаніе, еже о истиннѣ къ царю не смѣюще глаголати о неповинныхъ погибели»...

Авраамій Палицинъ.

Эпохѣ Смутнаго времени посчастливилось въ нашей исторіографіи. Историки настойчиво и успѣшно изучали богатый запасъ памятниковъ русскихъ и иностранныхъ, сложившійся около Смуты. На Смуту потрачено, пожалуй, болѣе вниманія и изучена она глубже, чѣмъ какая-либо другая эпоха русской исторіи. Смутное время, казавшееся Карамзину несчастной случайностью, вызванной „послабленіемъ“ Ѳеодора и „злодѣяніями“ Бориса, „небесной карой“ и „развратомъ народа“, представляется современной научной исторіографіи (назову имена С. М. Соловьева, В. О. Ключевскаго и С. Ѳ. Платонова) слѣдствіемъ глубокихъ внутреннихъ болѣзней—кризисовъ, долго разлагавшихъ общество Московскаго государства. Два десятилѣтія тяжкихъ потрясеній, пережитыхъ русскими людьми въ началѣ XVII вѣка, были не нечаянной случайностью, а порожденіемъ цѣлаго ряда органическихъ условій — такъ смотритъ современный историкъ, и тѣмъ усерднѣе изслѣдуетъ онъ эти подготовительныя условія, перенося центръ тяжести изученія на явленія, предшествовавшія Смутѣ и подготовившія ее.

Но сравнительно менѣе современная исторіографія удѣляла вниманія тому, что можно назвать психологическимъ перерожденіемъ общества, тѣмъ внутреннимъ процессамъ, которые выражались въ переработкѣ общественнаго сознанія, болѣе отчетливомъ выдѣленіи однѣхъ чертъ душевнаго облика русскихъ людей того времени и исчезновеній, стираніи другихъ. Между тѣмъ, историческій матеріалъ актовъ и сказаній, оставшійся отъ Смуты, открываетъ намъ нѣкоторую возможность къ этому.

Русскіе люди пережили въ Смуту сложный психологическій переломъ, сказавшійся въ нѣкоторомъ перерожденіи основныхъ понятій, опредѣлявшихъ ихъ отношеніе къ государственному порядку. Начавъ Смуту очень безпечно, съ легкимъ сердцемъ пустившись въ авантюры самозванщины, они кончили Смуту съ прояснившимися въ ихъ сознаніи понятіями общаго блага, отечества и государства. Этотъ переломъ выразился въ нарожденіи новой, раньше мало имъ знакомой категоріи понятій общественной отвѣтственности и общественныхъ правъ. Какъ русскіе люди сами выражались, они Смутой „наказались“.

Процессъ проясненія важнѣйшихъ общественныхъ понятій можно вскрыть по косвеннымъ признакамъ. Въ сказаніяхъ и многочисленныхъ грамотахъ Смутнаго времени есть много разсужденій о томъ, какъ и откуда возникла смута. Почти нѣтъ сказанія, которое не пыталось-бы отвѣтить на этотъ вопросъ, но интересны не столько эти разрозненные отвѣты, сколько ихъ сопоставленіе. Въ настойчивыхъ усиліяхъ изслѣдовать эту, повидимому, отвлеченную тему отразился процессъ ихъ работы надъ своими политическими понятіями и сужденіями.

Фразы о томъ, что судьбы человѣческаго общества управляются волею Промысла, что несчастья падаютъ на головы отдѣльныхъ людей или даже цѣлаго народа въ наказаніе и назиданіе, мы найдемъ почти въ каждомъ повѣствовательномъ произведеніи древней Руси. Положительная мысль о награжденіи добра, о водительствѣ Провидѣнія съ какими-нибудь благими цѣлями развивается плохо, но на страницахъ лѣтописей можно найти обильный матеріалъ на тему о грѣхахъ, возмездіи, наставленіи заблуждающагося человѣчества. „По грѣхамъ нашимъ“— обычный застывшій вздохъ лѣтописи, встрѣчающійся въ ней на каждомъ шагу. Иногда эти одинокія фразы развиваются въ цѣлую историческую философію. Подъ 1068 годомъ мы читаемъ: „Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ, въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, и клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнить Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, въ немже ны Богъ велить

жити, глаголеть бо пророкомъ намъ: обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое возвращаемся, акы свинья в калѣ грѣховнѣмь присно калающеся, и тако пребываемъ“.... [1]).

Такая философія исторіи развивается и приспособляется къ фактамъ туго, обычно входя въ повѣствованіе въ качествѣ простого механическаго прибавленія, стилистическаго „нароста“, на условленныхъ мѣстахъ. Это механически присоединяемое къ лѣтописному разсказу заключеніе плохо вступаетъ съ нимъ въ логическую связь, оставаясь болѣе реторическимъ орнаментомъ, декораціей, чѣмъ обобщающимъ сужденіемъ. Но и въ лѣтописи эта философія поддается по временамъ развитію, вліяя на повѣствованіе или поддаваясь вліянію повѣствованія, вбирая въ себя разное конкретное содержаніе. Иногда мы наблюдаемъ, какъ повѣствователь вставляетъ въ разсказъ прекрасную библейскую метафору, увлекающую его своимъ кипучимъ содержаніемъ, иногда это просто вздохъ и примиреніе съ неизбѣжнымъ, но иногда сужденія эти пріобрѣтаютъ устрашающій или назидательный характеръ, врѣзая въ сознаніе людей понятія религіозныя, политическія и т. д. Понятія Промысла, грѣха и искупленія вины обрабатываются втеченіе многихъ вѣковъ и принимаютъ всевозможныя окраски.

Перечитывая сказанія о Смутѣ и грамоты этой эпохи, мы встрѣтимъ тѣ же лѣтописныя фразы о томъ, что Смута была наказаньемъ за какую то большую вину всего народа, которую они усиленно стараются опредѣлить: „и аще не бы Богу за умноженіе нашихъ согрѣшеній попущающу, не возможно бяше ему (Самозванцу) треклятому совершити таковаго великаго начинанія“, „Божіимъ праведнымъ судомъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго христіанства“, „Богу попущающу, а сотонѣ дѣйствующу“.... причитаетъ „Иное сказаніе“ [2]). Почти каждая грамота, каждый отдѣльный разсказъ содержатъ или краткое упоминаніе о грѣхахъ или разсужденія о сущности этихъ грѣховъ, но не вездѣ разсужденія эти одинаковы. Они не ускользнули отъ вниманія такихъ изслѣдователей, какъ С. М. Соловьевъ и С. Ѳ. Платоновъ, отмѣтившихъ наглядно пестроту и невыдержанность точекъ зрѣнія, проводимыхъ разными сказаніями и даже однимъ и тѣмъ же сказаніемъ. Особенно зоркія и мѣткія наблюденія сдѣланы въ этомъ направленіи С. Ѳ. Платоновымъ [3]).

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись, изд. 1897 г., с. 163—4,

[2]) Русская Историческая Библіотека, XIII т., стр. 1, 32, 66—7, и др. Въ дальнѣйшихъ цитатахъ цыфра XIII означаетъ всегда этотъ томъ Рус. Ист. Библіотеки.

[3]) Авторъ не цитируетъ пособій, но лица знакомыя съ исторической литературой увидятъ, какъ часто онъ опирается на превосходный трудъ проф. С. Ѳ. Платонова «Древне-русскія сказанія о Смутномъ времени, какъ историческій источникъ».

Но эти разрозненныя и разбросанныя сужденія сказаній и грамотъ интересно сопоставить и сравнить: то, что представляется случайнымъ и произвольнымъ завиткомъ мысли, нечаянно оброненнымъ замѣчаніемъ отдѣльнаго сказанія, можетъ оказаться звеномъ въ цѣпи послѣдовательнаго развитія какой-нибудь одной мысли. Кромѣ формальнаго смысла привычныхъ провиденціалистическихъ разсужденій о грѣхахъ, въ нихъ откроется еще внутренній смыслъ, заключенный въ условную оболочку и стремящійся выбиться изъ нея. Этотъ внутренній смыслъ и важно выдѣлить и изучить.

Смута ниспослана въ наказаніе и въ назиданіе—такъ смотритъ на вещи неизвѣстный авторъ начальнаго отрывка „Иного сказанія“, писавшій лѣтомъ 1606 года вскорѣ послѣ торжественнаго перенесенія царемъ Василіемъ мощей царевича Димитрія въ Москву „....Малымъ бо понаказа насъ, а великая даровалъ намъ, много должни бо славу и хвалу всегда воздавати и обратитися къ Нему истинно душами и сердцами своими и заповѣди Его хранити, и злобъ и лукавыхъ нравъ своихъ прежнихъ да отстанемся, сребролюбія и посулоиманія и всякаго неправеднаго собранія удалятися, и не на лица судяще, сира и вдову пріемлемъ и правду стяжемъ“ [1]).

Но этимъ „малымъ“ наказаніе не ограничилось, надежды автора „Повѣсти 1606 года“ (цитированнаго отрывка „Иного сказанія“) не оправдались, Смута снова разгорѣлась на югѣ, и началось движеніе, связанное съ именемъ Болотникова. Прежній авторъ или его продолжатель еще увѣреннѣе развиваетъ ту же провиденціалистическую точку зрѣнія. Междоусобіе разыгрывается „Богу попущающу, а сотонѣ дѣйствующу“. Въ эту часть сказанія вставленъ разсказъ о видѣніи въ Успенскомъ соборѣ. Въ разсказѣ о видѣніи мы читаемъ мрачное обличеніе, исполненное библейской силы.

„О Мати“, обращается Спаситель въ концѣ видѣнія къ Богоматери, „о Мати, не стужай Ми, и ты, друже Мой, Крестителю Иванне, и вси Мои святіи! Не рѣхъ ли вамъ, яко нѣсть истинны во царѣхъ же и патріарсѣхъ и во всемъ церковномъ чину, ни во всемъ народѣ Моемъ, новомъ Израили, яко не ходятъ по преданіи Моемъ и заповѣдей Моихъ не хранятъ; многажды бо хотѣхъ помиловати ихъ, но раздражаютъ утробу мою всещедрую своими ихъ окаянными и студными дѣлы; *и сего ради*, Мати Моя, изыди отъ мѣста сего и всѣ святіи съ Тобою; Азъ же предамъ ихъ кровоядцемъ и немилостивымъ разбойникамъ, *да накажутся* малодушніи и пріидутъ въ чувство, и тогда пощажу ихъ“ [2]).

---

[1]) XIII т., с. 96.

[2]) XIII т., с. 104 курсивъ вездѣ нашъ.

Русскіе люди начали Смуту весьма бодро, и виноватыми себя они почувствовали лишь въ концѣ 1606 года. Первымъ замѣтнымъ выраженіемъ сознанія своей вины является видѣніе протопопа Терентія, только что цитированное. Эти сильныя обличенія суть первый переходъ къ новой мысли, къ мысли о виновности въ смутѣ русскаго общества, но въ этомъ своемъ фазисѣ новая мысль лишена законченности и опредѣленности. Если они отчасти и пытаются отвѣтить на вопросъ о томъ, чѣмъ здѣсь можно помочь, то это мистическій отвѣтъ: помощь должна притти отъ покаянія и отъ заступничества святыхъ. У этихъ иногда прекрасныхъ образовъ, какъ и у всякихъ образовъ, нѣтъ логическаго фронта и логической твердости, но первое ощущеніе русскимъ обществомъ своей вины мы наблюдаемъ именно въ видѣніяхъ. Они еще не ставятъ отчетливо вопроса о томъ, *кто же* собственно виновенъ въ смутѣ, *въ чемъ* состоитъ вина и *чѣмъ* можно помочь. Въ этихъ трехъ направленіяхъ мысль будетъ двигаться впередъ въ другихъ произведеніяхъ Смутнаго времени.

Въ разсказѣ о перенесеніи мощей царевича Димитрія, передѣлкѣ „Повѣсти 1606 года“, составленной вскорѣ за нею, повторяется тотъ же лѣтописный вздохъ: „Содержащу же ему (Борису) скипетръ Россійскаго царствія седмь лѣтъ, во осмое же лѣто царства его, многихъ ради грѣхъ нашихъ и неправдъ, еже ко Господу и ко своей братіи сихъ ради Богу насъ наказующу, да быхомъ познали заповѣди его и отвратилися бы отъ всѣхъ золъ своихъ, пустившу на насъ грѣхъ ради нашихъ, за наше беззаконіе, богомерскаго, безбожнаго досадителя, развратника пламенно-образному аггельскому образу, Гришку зовомаго Отрепьева“.

Нѣсколькими строками ниже этой заученной торжественной тирады авторъ неожиданно и безсвязно приписываетъ: „Сего же злочестиваго богоборца мню бо, яко на отмщеніе крови праведнича посла Богъ, да отмщеніе убившему его сотворитъ, яко же пророкъ глаголетъ: „возвеселится праведникъ, егда видитъ отмщеніе“ [1]).

Это уже не заученная фраза, а несовсѣмъ ловкое и удачное усиліе мысли: они стали размышлять.

Итакъ, на страницахъ „Иного сказанія“, самаго ранняго изъ произведеній Смутнаго времени въ первой его части мы встрѣтили и заученныя фразы лѣтописнаго провиденціализма и наполненіе ихъ новыми и яркими образами въ видѣніи, а въ передѣлкѣ этой повѣсти мы встрѣтили своеобразный изломъ мысли: усиліе отыскать дѣйствительнаго виновника смуты. „Все случилось по грѣхамъ нашимъ,—нѣтъ, виноватъ Борисъ“, такъ можно формулировать этотъ переломъ.

---

[1]) XIII т., с. 886, 7.

Въ „Иномъ Сказаніи“ уже чувствуется жалость къ гибнущей родинѣ. Еще громче слышится голосъ этой жалости въ такъ называемой „Новой повѣсти“. „Новая повѣсть“ написана на Рождествѣ 1610 года. Это было тяжелое Рождество, и „Новая повѣсть“ есть самое живое и непосредственное произведеніе Смуты. Въ этотъ роковой годъ русскіе люди видѣли многое. Весна обнадежила, было, ихъ: пало Тушино, разнеслись ободрительныя извѣстія объ успѣхахъ Скопина, но едва успѣла распуститься первая зелень этой весны, произошли крупныя событія: таинственно скончался Скопинъ, промелькнуло Клушинское пораженіе, царя Василія свели съ престола, постригли и отдали въ плѣнъ, москвичамъ пришлось увидать Кремль въ рукахъ поляковъ... Наконецъ, въ декабрѣ, пронеслась вѣсть о смерти Вора.

Кончалась первая половина Смуты. Первое затѣявшее ее поколѣніе героевъ и ея жертвъ исчезло съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться, и на исторической сценѣ появляется новая очередь новыхъ жертвъ и новыхъ героевъ. Много бѣдъ готовили впереди два слѣдующихъ года, впереди еще было все „Московское раззореніе“. Въ этомъ трудный переходный моментъ и написана „Новая повѣсть“. Авторъ ея—горячій поклонникъ Гермогена. „Вѣстно и дерзостно достоитъ рещи, убѣжденно говоритъ онъ о Гермогенѣ, *аще бы такихъ великихъ и крѣпкихъ столповъ было у насъ немало*, никакоже бы въ нынѣшнее злое время отъ такихъ душепагубныхъ волковъ, отъ видимыхъ враговъ, отъ чюжихъ и отъ своихъ святая и непорочная вѣра наша не пала, наипаче бы просіяла, и великое бы наше море безъ колебанія и безъ волненія стояло“[1]). Недостатокъ стойкости въ русскихъ людяхъ—вотъ что было причиной смуты. Мысль эта прямо вытекаетъ изъ предположительнаго допущенія автора повѣсти.

„Новая повѣсть“ пробуетъ показать, какими оказались въ эти трудныя минуты русскіе люди, пробуетъ дать и подсчетъ итоговъ за первую половину Смуты.

Авторъ винитъ въ смутѣ бояръ, съ такой готовностью примкнувшихъ къ Сигизмунду. Эти „землесъѣдцы“ (игра словами—вмѣсто „земледержцы) „умъ свой на послѣднее безуміе отдали и къ нимъ же, ко врагомъ, пристали и ко инымъ къ подножію своему припали, и государьское свое прирожденіе премѣнили въ худое рабское служеніе, и покорилися и поклоняются невѣдомо кому,—сами вѣдаете... Горше же намъ всего учинили, что насъ всѣхъ выдали, да не токмо выдали, ино за едино съ ними, со враги, вооружилися вкупѣ и хотятъ насъ всѣхъ погубити и вѣру христіаньскую искоренити“.[2])

---

[1]) XIII т., с. 208.

[2]) XIII т., с. 208, 9.

Не менѣе бояръ виновато и остальное населеніе. Изобразивъ Москву во власти поляковъ, авторъ „Новой повѣсти“ обращается къ русскимъ людямъ съ горячимъ призывомъ: „То ли вамъ не вѣсть, то ли не повелѣніе, то ли вамъ не наказаніе, то ли вамъ не писаніе? Охъ, охъ! увы, увы! горе, горе! лютѣ, лютѣ! и гдѣ идемъ и камо бѣжимъ? Како не восплачемся, како не возрыдаемъ, како отъ сердца не воздыхаемъ, како въ перси не біемъ? Како сами себе презираемъ и не радимъ о себѣ, видя за великія и безчисленныя грѣхи наша отъ Саздателя и Зижителя всѣхъ конечное на насъ смиреніе, и ихъ, тѣхъ враговъ чюжихъ и своихъ, попущеніе и всякое отъ нихъ на себѣ руганіе и смѣяніе? А аще и плачемъ, аще и рыдаемъ, аще и въ перси біемъ, аще и отъ сердца воздыхаемъ и зѣлно ему досаждаемъ, а подвигу и радѣнія не сотворяемъ, и къ Богу не прибѣгаемъ и Его не умоляемъ, и надъ ними, враги, ничего не промышляемъ, а все въ презорство пущаемъ и сами въ свою землю и вѣру злое сѣмя вкореняемъ“ [1]).

Это первый подсчетъ итоговъ за Смуту. Шаткость всего общества, шаткость боярства,—вотъ въ чемъ причины смуты по мнѣнію составителя „Новой повѣсти“.

Обличенія перемежаются въ ней съ призывами. „А вы, православніи, не помогаете ему, государю (т. е. Гермогену) ни въ чемъ: говорите усты, а въ дѣлѣхъ вашихъ, государь (Господь?) вѣсть, что у васъ будетъ. Паки молю вы съ великими слезами и сокрушеннымъ сердцемъ: не нерадите о себѣ и о всѣхъ насъ! мужайтеся и вооружайтеся и совѣтъ межу собою чините, како бы намъ отъ тѣхъ враговъ своихъ избыти! Время, время пришло, во время дѣло подвигъ показати и на страсть дерзновеніе учинити, какъ васъ Богъ поставитъ и помощь вамъ поподастъ. Прибѣгнемъ къ Богу и Пречистѣй Его Матери и къ великимъ чюдотворцемъ и ко всѣмъ святымъ, припадемъ къ нимъ съ теплою вѣрою и со умилнымъ сердцемъ и съ горящими слезами: некли намъ милость свою подадутъ. И препояшемся оружіемъ тѣлеснымъ же и духовнымъ, сирѣчь молитвою и постомъ и всякими добрыми дѣлы, и станемъ храборски за православную вѣру и за все великое государство, за православное христіяньство, и не подадимъ того пастыря нашего и учителя и крѣпкаго поборателя по вѣрѣ православной, и того нашего преславнаго града, иже за всѣхъ за насъ тако же состоитъ и сопостата нашего держитъ [2]). Сами все вѣдаете, что аще не нынѣ умремъ, всяко умремъ; а некли за правду нашу соблюдетъ ны Господь невредимы, и живы будемъ отъ нихъ, враговъ своихъ. Аще ли нынѣ терпимъ, время длимъ,—сами отъ себя за свое нерадѣніе и за недерзновеніе погибнемъ.

---

[1]) XIII т., с. 213.

[2]) Авторъ разумѣетъ Смоленскъ.

Что стали? что оплошали? чего ожидаете и враговъ своихъ на себя попущаете и злому коренію и зелію даете въ землю вкоренятися и паки, аки злому горкому, распложатися?“ [1])

„Новая повѣсть“ смотритъ не столько назадъ, отыскивая причины, сколько впередъ, ставя цѣли; она ищетъ не столько причинъ смуты, сколько средствъ отъ нея, но въ ней мы наблюдаемъ отчетливый переходъ къ новой мысли: виноватъ въ смутѣ не Борисъ или кто-нибудь другой, виноваты мы сами.

Въ „Новой повѣсти“ эта мысль развита эпизодически по частному поводу, а не въ видѣ общаго положенія.

„Плачъ о плѣненіи и о конечномъ раззореніи превысокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго государства, въ ползу и наказаніе послушающимъ“, вѣроятно, и написанъ во время этого раззоренія въ 1611 или 1612 году. „Плачъ“ задумывается надъ причинами смуты настойчивѣе, нежели „Иное сказаніе“ и „Новая повѣсть“.

„Начну же сице бесѣдовати вкратцѣ богоизбранному стаду, словеснымъ овцомъ беззлобиваго пастыря Спаса Христа. *Сего ради* падеся превысокая Россія и разорися толикій твердый столпъ: сущіи въ немъ живущіе царіе вмѣсто лѣствицы къ Богу возводящеи спасительныхъ словесъ, еже раждаются отъ книгородныхъ догматовъ, пріяша богоненавистныя бѣсовскія козни, волшбу и чарованіе; и вмѣсто духовныхъ людей и сыновъ свѣта возлюбиша чадъ сатаниныхъ, иже отводятъ отъ Бога и отъ неблазненаго свѣта во тму; и не даша мѣста умному видѣти своему слуху словеси правдива, но клевету на благородныхъ ненависти ради ясно послушающе, и крови многочисленнаго народа того ради, яко рѣка изліяша; и вмѣсто непобѣдимаго жезла богоподражателныя кротости и правды гордость и злобу возлюбиша, ея же ради иже преже бысть пресвѣтелъ, яко денница, съ превысочайшаго небеси спаде и ангельскія свѣтлости и славы отпаде. Къ сему же отъ великихъ благородныхъ, отъ премудрыхъ и до простыхъ, и вкратцѣ реку, отъ главы и до ногу вси неисцѣльными струпы обязашася и Содома и Гомора и прочихъ безчисленныхъ бѣсовскихъ язвъ исполнишася. И *того ради* прежде гладомъ, встягновенія ради, отъ Бога наказани быша, и ни мала взыдоша отъ пути погибели на путь спасенія. Потомъ толикое наказаніе и гнѣвъ воздвижеся, еже немалому удивленію, паче же и слезамъ достойно“. [2])

Виноваты не одни цари, виновато все населеніе, и наказаніемъ за эти вины была смута. „Плачъ“—моментъ превращенія формулы „по

---

[1]) XIII т., с. 209—210.

[2]) XIII т., с. 224—5.

грѣхамъ“ въ реальное сужденіе. Они вернулись въ „Плачѣ“ къ привычному логическому понятію, но на этотъ разъ понятіе—уже не безжизненная формула и не присказка: подъ нимъ бьется свѣжее живое содержаніе. Сейчасъ мы увидимъ, какъ эта концепція будетъ развиваться и очищаться, и новое содержаніе станетъ проступать въ ней все рельефнѣе.

Понятіе „грѣха“ здѣсь дифференцировано, но связь между „грѣхами“ и „смутой“ все еще трансцендентна, это мистическая связь „преступленія и наказанія“. Согрѣшили цари, а за грѣхи ихъ наказано все общество. Дальнѣйшее размышленіе сблизило и связало „грѣхи“ и дѣйствія русскихъ людей въ эпоху Смуты. На самомъ любопытномъ памятникѣ Смутнаго времени, „Временникѣ“ дьяка Ивана Тимоѳеева, мы можемъ прослѣдить, какъ постепенно таетъ промежуточная провиденціалистическая туманность.

Дьякъ Тимоѳеевъ дописывалъ свой „Временникъ“ уже послѣ Смуты и, быть можетъ, отчасти поэтому, имѣя возможность спокойно окинуть взоромъ все теченіе событій, онъ мыслитъ глубже, чѣмъ авторы предыдущихъ сказаній. Онъ объяснитъ то, чего не досказали или что неясно сказали другіе. Надъ причинами смуты онъ задумывается очень сосредоточенно. На страницахъ „Временника“ онъ трижды пытается разрѣшить безпокоящій его вопросъ о томъ, откуда пошла смута въ Московскомъ государствѣ. Откуда смута?

„И якоже Адамови прежде преступленія ему дивіи вси быша самопокорни о всемъ, сице, сему подобнѣ, во временахъ послѣднихъ и наша Самодержавніи во своихъ державахъ обладаху нами всѣми, отъ вѣка рабы своими, дондеже они сами держахуся повелѣній, данныхъ Богомъ, егда къ Нему не у еще въ конецъ согрѣшиша.... Егда же къ концу лѣта грядяху, предержателе наша поелику начаша древняя благоуставленія законная и отцы преданая превращати и добрая обычая на новосопротивныя измѣняти, потолику и въ повинующихся рабѣхъ естественный страхъ къ покоренію владыкъ оскудѣваше исчезая, яко же и земля къ первому угобзенію сѣмянъ нынѣ по премногу своимъ несравняема плодоносіемъ“. [1])

Вслѣдствіе грѣховъ правителей разстроились отношенія между ними и подданными, а отсюда бѣда смуты: такова исходная мысль Тимоѳеева. Но въ чемъ же вина правителей? Ходъ разсужденія въ этомъ первомъ приступѣ Тимоѳеева къ вопросу близко напоминаетъ ходъ мысли въ „Плачѣ“, но Тимоѳеевъ крѣпче автора „Плача“ держится за мысль о реальной связи грѣховъ и несчастій смуты.

Начало бѣдъ въ томъ, что „восхотѣша бо обдержителе ушеса свои сладцѣ преклонияти къ ложнымъ шепотныхъ глаголомъ...., лжевный же

[1]) XIII т., с. 261—3.

недугъ и горкій плевелъ тернія, посреди всего царствія израстая, умножашеся и истинствующія пшеницы класы являя превосходя". Шептатели-первое горе. Это и было „матп всему злу". А затѣмъ виновато и само общество: „рабопослушныя же мнози отъ сего быша самослабостни и страшиви естества обычаи, и на кождой часъ измѣнуемы и словопревратни удобь, и всяко неутвержени ни въ чемъ, въ дѣлѣхъ же и словесѣхъ нестоятелни, по всему вертяхуся, яко коло, и другъ другомъ защищающеся въ находящихъ. Приходящіи же въ державу нашихъ господъ отъ странъ иноземныя многи посолницы и купцы *ползское естества наше премѣненіе*, иже отъ древнія крѣпости въ худость сошедшее, прилежно разсмотряюще,..... крѣпцѣ проразумѣша о насъ доволнѣ, *яко нѣсть отнюдъ мужества никоего въ насъ до единого*, зане отъ грѣхъ готову въ себѣ пристяжахомъ слабость во всяку прелесть".... [1])

Тимоѳеевъ опредѣленно высказалъ здѣсь ту мысль, которая начинала прорѣзаться въ предшествующихъ сказаніяхъ: въ смутѣ виновато само русское общество, лишенное силы сопротивленія и твердости. „Грѣхи", проступки и наказаніе, своеобразная формула связи между причиной и слѣдствіемъ утрачиваетъ свой мистическій смыслъ, связь пріобрѣтаетъ реальный характеръ.

Окончивъ повѣствованіе о „Богопустномъ на ны царствѣ ростригиномъ беззакономъ", Тимоѳеевъ оглянулся назадъ и, оглянувшись, еще разъ изложилъ свой взглядъ на причины смуты. „Взыщемъ, спрашиваетъ онъ, ... отъ кихъ разліяся грѣхъ земля наша, *не безсловеснаго ли ради молчанія?...*" Тимоѳеевъ тщательно изслѣдуетъ, за какіе грѣхи могли быть *наказаны* (отъ этой формулы онъ все еще не можетъ отдѣляться) русскіе люди—за одинъ какой-либо грѣхъ или за многіе. Склонившись ко второму выводу, Тимоѳеевъ перечисляетъ длинный синодикъ прегрѣшеній: клятвопреступленіе, надменность, безнравственность, лицемѣріе, подкупность, криводушіе, пьянство, развратъ и т. д., въ перечисленіи этихъ грѣховъ онъ указываетъ на „любовнаго между собою союза лишеніе" и съ особымъ удареніемъ на *„злопомнѣніе ко искреннимъ"*. Это все тотъ-же мотивъ, который прозвучалъ и въ первомъ его разсужденіи о причинахъ смуты—отсутствіе въ общественномъ сознаніи тѣхъ элементовъ, которые цементируютъ общественную волю, отсутствіе политическаго интереса и политическаго смысла. Эта мысль полностью развертывается въ примыкающемъ къ перечисленію грѣховъ длинномъ разсужденіи Тимоѳеева о взаимной связи событій.

„Аще не быхомъ Борису первѣе умолчали благородныя (вѣроятно Шуйскихъ) погубляти", то онъ на дерзнулъ-бы на второе убійство—

---

[1]) XIII т., с. 263—4.

царевича Димитрія, а затѣмъ на новое преступленіе—„вящщую часть всего царствія во время то запалителми пожещи“, повторяетъ Тимоѳеевъ извѣстную клевету на Бориса. Не допусти мы этихъ злодѣйствъ, Борисъ не умертвилъ бы Ѳедора и не захватилъ бы престола. Итакъ, вотъ гдѣ корень зла—„смолчали“!, т.-е. не рѣшились, не посмѣли, не поняли своего долга. За это мы и въ отвѣтѣ: „къ смотрительну суду“ привлечены и „дерзающій и попускающіе ему“. Центръ тяжести въ изслѣдованіи причинъ смуты теперь рѣшительно перенесенъ съ шептателей и правителей на само общество. Конечно, оболочка мысли—все тѣ-же провиденціалистическія посылки, но реальная мысль проступаетъ гораздо явственнѣе.

Тимоѳеевъ развертываетъ свой взглядъ очень послѣдовательно далѣе. Не смолчи мы передъ Борисомъ, онъ не истребилъ бы благородныхъ и престоломъ не завладѣлъ бы Разстрига. Не будь Разстриги, не было бы и другихъ самозванцевъ, не будь самозванцевъ, не къ кому было бы пристать и нашимъ разбойникамъ, и не могли-бы вмѣшаться въ наши дѣла иноземные враги (поляки). Не призови мы сами враговъ, они не захватили бы Москву, „гнѣздо орле“. Не пришлось-бы тогда переносить и остальныхъ униженій: взятія въ плѣнъ русскаго царя, расхищенія царской казны, призыва на помощь иноземцевъ (шведовъ) [1]).

Не каждое послѣдующее въ длинной цѣпи условныхъ предложеній, развернутой Тимоѳеевымъ, изъ которой мы выбираемъ лишь главные звенья, вытекаетъ изъ одного условія. Во всемъ этомъ построеніи не хватаетъ логической симметріи и логической перспективы. Если мы сожмемъ эти условныя предложенія, то основная мысль Тимоѳеева выразится коротко и просто: не смолчи мы въ свое время передъ злодѣяніями Бориса, не было бы и золъ Смутнаго времени. „Зачѣмъ смолчали!“—въ этомъ новомъ оборотѣ вопроса о винѣ, которая привеля къ смутѣ, уже вполнѣ отчетливо поставленъ вопросъ о политическихъ свойствахъ Московскаго общества. Однако и здѣсь причина связана со слѣдствіемъ мистической связью, связью „грѣха и возмездія“, хотя формулѣ этой приданъ уже почти реальный смыслъ.

Дописывая „Временникъ“, Тимоѳеевъ въ третій разъ остановился на вопросѣ о причинахъ Смуты. На этотъ разъ его мысль получила совершенно отчетливое и законченное выраженіе.

Въ Смутѣ виновато наша неумѣніе дѣйствовать дружно: „*мужественныя же крѣпости не бѣ въ насъ отдавна*“, мы не умѣли никогда согласиться и дѣйствовать дружно; всякій заговоръ противъ нашихъ враговъ немедленно разглашался, а „таковое бо за страхъ невозможное совокупленіе въ насъ новообладателе наша, вѣрныя же и нечестивыя,

---

[1]) XIII т., с. 377—383.

ясно издавна узрѣша ко еже ихъ ползѣ и къ хотимому удобь веществіе-составленію". Отсюда и возможность насилій надъ нами. *„Толикъ въ насъ отъ слабости страхованія несогласнаго нашего разгласія и небратолюбнаго разстоянія вогнѣздился недугъ: яко же градъ отъ града отстоитъ или мѣста нѣкая многими между себе поприщи разни, тако и мы другъ друзъ любовнымъ союзомъ растояхомся, къ себѣ кождо насъ хрепты обращахомся, овіи къ востоку зрятъ, овіи же къ западу".* [1])

Сами мы виноваты, а не кто либо другой во всѣхъ бѣдахъ, заключаетъ Тимоѳеевъ, *мы сами* изъ-за нашей безпомощности, а въ этой безпомощности виновата наша трусость, наша неспособность къ организаціи, — *„наше разньствіе на вкупное сложеніе"*.

Оглянемся на все сказанное Тимоѳеевымъ и возстановимъ вкратцѣ всю схему его разсужденій. Начиная „Временникъ", онъ видѣлъ зло въ шептателяхъ, и этотъ „лжевный недугъ и горкій плевелъ" былъ началомъ злу. Задумавшись надъ грѣхами общества, Тимоѳеевъ добросовѣстно исповѣдалъ ихъ, не объяснивъ, однако, непосредственной связи грѣховъ съ несчастьями Смуты. Задавъ въ концѣ „Временника" вопросъ о томъ, почему же Русскіе люди не могли сладить съ иноземцами, Тимоѳеевъ вернулся къ тѣмъ-же шепотникамъ, но объяснилъ и дѣйствительную причину того, почему они были такъ сильны. Зло было не въ иноземныхъ врагахъ, а въ неумѣніи русскихъ людей прійти къ сознательному рѣшенію, необходимому для единодушныхъ дѣйствій.

Нельзя сказать, чтобы на всемъ протяженіи „Временника" Тимоѳеевъ держался на уровнѣ мысли, столь отчетливо развитой имъ въ заключеніи,—иногда онъ разсуждаетъ совсѣмъ въ прежнемъ духѣ: за разгромъ Грознымъ Новгорода у него наказуется пожаромъ Москва, добродѣтели Ѳедора, правда, могли предотвратить многія бѣды, но и ихъ оказалось недостаточно: „единаго добродѣтель не можетъ спокрыти всѣхъ человѣкъ прегрѣшенія" и т. д., но мы видѣли, какія громадныя усилія онъ употребилъ на то, чтобы усвоить и выразить новую мысль, сложившуюся въ его мышленіи.

На „Временникѣ" мы можемъ отмѣтить, какъ далеко ушли русскіе люди въ своихъ размышленіяхъ отъ первоначальной глухой жалобы на грѣхи общества. „Иное сказаніе" только журило это общество, Тимоѳеевъ составилъ противъ него тяжелый обвинительный актъ. „Грѣхи" „Иного сказанія", если не пустая присказка,—что-то случайное и почти мимолетное, „Грѣхи" Тимоѳеева уже хроническая и почти неизлѣчимая язва, съ которой, быть можетъ, не справятся столѣтія. Косноязычіе

[1]) XIII т., с. 462—465.

„Временника“, похожаго на непоправленный черновикъ, всѣхъ его читателей приводило въ недоумѣніе, даже раздражало. Мысль Тимоѳеева, невполнѣ ясная сама по себѣ, съ большимъ трудомъ пробивается сквозь пелену окутывающихъ ее словъ, и отъ невыносимо длинныхъ фразъ стараго дьяка у читателя часто захватываетъ дыханіе. Но особенно неяснымъ Тимоѳеевъ становится тогда, когда переходитъ къ отвлеченному объясненію причинъ смуты: тогда его слогъ коснѣетъ еще больше, и мысль его грозитъ окончательно запутаться въ складкахъ длиннополаго приказнаго языка. Источникъ болѣзненной неясности Тимоѳеева, одинаково мучительной и для автора и для читателя, не столько, кажется, въ желаніи Тимоѳеева что-то спрятать въ намекахъ и что-то недоговорить, сколько въ его желаніи высказать что-то такое, чего онъ не въ состояніи выразить, въ его стремленіи при помощи тѣхъ словъ, какими онъ располагалъ, передать несуществовавшія въмышленіи древнерусскаго человѣка понятія. Ему просто не хватило словъ для обозначенія всѣхъ вскрывшихся отношеній и свойствъ общества.

Несравненно искуснѣе Тимоѳеева умѣетъ расказать Авраамій Палицынъ, оставившій знаменитое полубеллетристическое повѣствованіе объ осадѣ Троицкой Лавры, но за то онъ и размышляетъ гораздо меньше Тимоѳеева. Палицынъ говоритъ о тѣхъ же преступленіяхъ русскаго общества, что и Тимоѳеевъ. „И врази суще и ласкателе, великимъ бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лжи составляюще, съ симъ подходятъ велможъ, паче же сего Бориса, и отъ многія смуты ко грѣху низводятъ, его же краснѣйшаго юношу (т.-е. Димитрія) отсылаютъ нехотяща въ вѣчный покой. Память же его великою кровью неповинною во всей Росіи торжествовася. Се первый грѣхъ да разумѣется, та же по семъ и другій: *ни во что же положиша сю кровь неповинную вся Росія.* Но се всякъ гласъ просторѣчіе: кто убо въ дѣлѣ, той и въ отвѣтѣ, уже тому Богъ судилъ быти“ [1]).

Итакъ, первой грѣхъ—убійство царевича, а второй грѣхъ то, что Тимоѳеевъ уже назвалъ „молчаніемъ“—тупая апатія общества.

„О началѣ бѣды во всей Россіи“—такъ называется слѣдующая глава Палицына. „И яко сихъ ради Никитичевъ Юрьевыхъ вскорѣ, начинаетъ онъ ее, тогожде лѣта 7111, *и за всего міра безумное молчаніе, еже о истинѣ къ царю не смѣюще глаголати о неповинныхъ погибели*, омрачи Господь небо облаки, и толико дождь пролися, яко вси человѣцы во ужасть впадоша“ [2]).

„Всего міра безумное молчаніе“—здѣсь Палицынъ встрѣтился съ Тимоѳеевымъ. Онъ просто, но ярко выразилъ въ этой метафорѣ

[1]) XIII т., с. 475.
[2]) XIII т., с. 479.

ту громадную и тяжелую мысль, которая съ такими усиліями шевелилась и пробивалась въ сознаніи Тимоѳеева.

Но и о Палицынѣ нельзя сказать, что онъ усвоилъ себѣ эту новую мысль прочно и твердо. Сумѣвъ ярко и лучше Тимоѳеева, выразить ее, онъ легко разстается съ ней. Только что цитированнаго отрывка мы совсѣмъ не найдемъ во второй редакціи его сказанія. Палицынъ живой примѣръ того, что не столь трудно схватить и оформить идею, сколь трудно ее прочно удержать. На немъ мы видимъ, какъ некрѣпко держалась эта идея въ ихъ сознаніи.

Разсужденія на ту же тему, откуда пошла Смута и кто виноватъ въ ней, мы найдемъ и во многихъ другихъ сказаніяхъ, но они обычно замыкаются все въ ту же безжизненную застывшую формулу, являясь варіаціями на одну и ту же тему о Промыслѣ, діаволѣ и грѣхахъ. Дальше этихъ мистическихъ метафоръ они обычно не идутъ. Характерно, что никакихъ самостоятельныхъ усилій разрѣшить этотъ вопросъ нѣтъ у такихъ двухъ авторовъ, какъ князья Хворостининъ и Катыревъ. Оба они пережили Смуту, оба размышляли надъ ней, оба оставили повѣствованія толково, иногда нарядно написанныя. Кн. Катыревъ умѣетъ разсказать рпекрасно. Чѣмъ этотъ пробѣлъ объяснить? Можетъ быть и тѣмъ, что оба они принадлежали къ средѣ, которая больше дѣлала смуту, чѣмъ страдала отъ нея, можетъ быть и тѣмъ, что среда эта вообще меньше размышляла, чѣмъ приказные дѣльцы, вродѣ Тимоѳеева, или монастырскіе управляющіе, вродѣ Палицына. Можетъ быть и тѣмъ, наконецъ, что по мѣрѣ отдаленія отъ Смуты, они все менѣе пытались осмыслить ее. Составленныя около 30-хъ годовъ „Рукопись Филарета“, „Лѣтопись о многихъ мятежахъ“ и другія болѣе поздніе произведенія довольствуются снова, подобно „Иному сказанію“ шаблономъ лѣтописной присказки „по грѣхамъ нашимъ“. Даже и эта присказка систематически выметается изъ позднѣйшей редакціи „Лѣтописи о многихъ мятежахъ“—такъ называемаго „Новаго лѣтописца“. Разсужденія о причинахъ смуты гаснутъ и замираютъ такъ же постепенно, какъ они и нарождались.

„Гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи“,—такова ихъ первоначальная формула. „За попустительство злодѣяніямъ“—второй шагъ ихъ мысли. „Отъ неумѣнья сплотиться и дѣйствовать дружно“—ихъ третье положеніе. Въ сказаніяхъ начинаетъ развиваться и ярко развернутое въ другихъ памятникахъ Смуты, — въ грамотахъ, положительное требованіе дѣйствовать въ „любви и соединеніи“. Мысли эти проясняются постепенно и подъ конецъ образуютъ, какъ у Тимоѳеева, цѣлую груду разнородныхъ сужденій и понятій, сросшихся вмѣстѣ. При анализѣ понятія „грѣха“ все замѣтнѣе выдѣляется важный осадокъ—мысль объ общемъ благѣ, „грѣхи“ становятся элементарной формулой—пріемникомъ этой идеи. Мысль объ отвѣтственности за

государственный порядокъ попадала въ ихъ сознаніи какъ-бы рикошетомъ, отраженная отъ понятія „грѣховъ“. Развитіе понятія „грѣховъ“ показываетъ явственно, что идея общественнаго долга и общественной отвѣтственности окрѣпла настолько, что опираясь на нее, они могли уже оцѣнивать самихъ себя и свои проступки. На „Новой повѣсти“ мы отмѣтили и нахожденіе дальнѣйшаго вывода: чтобы прекратить смуту, надо организоваться и дѣйствовать дружно. Съ момента признанія вины на всемъ обществѣ вопросъ могъ развиваться на два фронта: можно было смотрѣть *назадъ* и спрашивать себя *отчего* случилась смута и можно было смотрѣть *впередъ* и, учитывая сдѣланныя относительно прошлаго наблюденія, разсуждать о томъ, *какъ* можно помочь бѣдѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ разсужденіе приводило, хотя и съ разныхъ сторонъ, *къ идеѣ общественной организаціи*. Въ обоихъ направленіяхъ мысль могла работать далѣе или равномѣрно, развивая симметрично оба положенія, или дѣлая ударение на одномъ изъ нихъ. Мы не встрѣтили этого равномѣрнаго развитія въ сказаніяхъ: они лучше обосновываютъ свои выводы, чѣмъ дѣлаютъ ихъ, больше думаютъ, чѣмъ хотятъ, мы не встрѣтимъ этой равномѣрности и въ грамотахъ. При самомъ бѣгломъ просмотрѣ актовъ, дошедшихъ до насъ отъ Смутнаго времени, мы замѣчаемъ, что въ нихъ встрѣчаются тѣ же формулы и тѣ же идеи, что и въ сказаніяхъ, мы встрѣтимъ въ нихъ и фразы о „грѣхахъ“ и призывы къ общественной организаціи. Какъ развивается эта идея въ грамотахъ и чѣмъ отличается ея образованіе въ грамотахъ отъ того же процесса въ сказаніяхъ?

Грамоты Смутнаго времени, послѣдовательно придерживаются провиденціализма. „Видя Божеское на насъ, за грѣхи наша, праведное прещеніе“[1])..., пишетъ царь Борисъ въ іюньскомъ приговорѣ 1604 года, сообщающемъ о появленіи перваго самозванца „Богъ милосердный злокозненнаго его (Бориса) помысла не восхотѣ исполнити и меня, господаря вашего прироженнаго, Богъ невидимою рукою укрылъ и много лѣтъ въ судбахъ своихъ сохранилъ“[2]), пишетъ Самозванецъ въ своемъ манифестѣ къ жителямъ Московскаго государства, грозя „праведнымъ судомъ Божіимъ“ за непризнаніе себя. „Противъ своего злодѣйственнаго дѣла принялъ (Самозванецъ) отъ Бога возмездіе, злѣ животъ свой скончалъ, а насъ всѣхъ православныхъ Христіанъ милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла, отъ осквернения избавилъ.... И всесильный въ Троицѣ славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 78.
[2]) С. Г. Г. и Д., II, № 26 и А. А. Э., II, № 34.

милость Свою показалъ, объявилъ государя на Московское Государство, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи Самодержца“ [1])..., пишутъ бояре въ окружной граматѣ въ маѣ 1606 года, сообщая о воцареніи Шуйскаго. „Праведнымъ судомъ Божіимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестіянства, богоотступникъ, еретикъ, ростригa, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ воровствомъ и чернокнижствомъ назвавъ себя Царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ“...., повѣствуетъ одновременно въ своей грамотѣ царь Василій, приглашая „о такомъ великомъ неизреченномъ милосердьѣ Божіи воздали-бъ естя хвалу всесилному въ Троицѣ славимому Богу, что насъ и васъ всѣхъ православныхъ крестьянъ не предалъ въ руцѣ врагу и богоотступнику, и что непорочная истинная наша крестьянская вѣра не порушилась“ [2]).... Тѣми-же словами повѣтствуютъ о воцареніи и сверженіи перваго Самозванца и грамоты разосланныя царемъ Василіемъ отъ имени царицы инокини Марѳы. „И сумнѣньябъ, обращается эта грамата въ заключеніе къ воеводѣ, еси себѣ въ томъ никакого не держалъ, что по грѣхомъ насъ и васъ всѣхъ прельстилъ (т.-е. Самозванецъ), то сдѣлалося по грѣхомъ по нашимъ, судомъ Божіимъ“. [3])

„Писали есмя къ вамъ напередъ сего, что Божіимъ праведнымъ судомъ, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, страдникъ, вѣдомой воръ, богоотступникъ, еретикъ, ростригa, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, отступя отъ Бога и по совѣту дьяволю и лихихъ людей, которые всегда Московскому государьству хотятъ разоренья и кровопролитья назвалъ себя“.... пишетъ царь Василій въ грамотѣ отъ 6 іюня 1606 года, отправленной Пермскому воеводѣ князю Вяземскому, сообщая о томъ, что, „милосердый въ Троицы славимый Богъ нашъ, по своей святой милости, надъ нами и надо всѣмъ православнымъ крестьянствомъ милость свою показалъ, умыслъ ихъ (самозванца съ приближенными) злодѣйской всѣмъ людемъ объявилъ и гнѣвъ свой отъ православныхъ крестьянъ отвратилъ, и святыхъ Божьихъ церквей и православныя, крестьянскія вѣры до конца въ разоренье и православныхъ крестьянъ въ расхищенье и въ работу не далъ, противъ его злыхъ и скаредныхъ дѣлъ“. „Милосердый Богъ, призря своею милостью на Російское государьство, не давъ въ разоренье и расхищенье крестьянскаго роду, и не попустилъ на долгое время того вора и богоотступника, вскорѣ злобѣсную его душу испровергъ, а на Російское государьство изобравъ насъ великого Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича, всеа Руси Само-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 142.
[2]) А. А. Э., II, № 44.
[3]) С. Г. Г. и Д., II, № 146.

держца", продолжаетъ та-же грамота ниже. Грамота повѣствуетъ и объ Углицкомъ событіи: „въ прошломъ въ 99 году, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, великого Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи сынъ, благовѣрный Царевичь Князь Димитрей Ивановичь, по зависти Бориса Годунова, яко агня незлобивое заклася...; а злодѣемъ его и убійцамъ Богъ милосердый, по своей святой волѣ, мстя неповинную кровь праведнаго, воздалъ месть по ихъ дѣлу, злой смерти предалъ и для ихъ злодѣйского умыслу на Російское государьство послалъ свой праведной гнѣвъ къ познанію истинная, проявляя терпѣніе и злострадания страстотерпца своего".... [1])

„Божіимъ попущеніемъ, за безчисленные наши всенароднаго множества грѣхи, пишетъ въ своей богомольной грамотѣ конца того-же 1606 года патріархъ Гермогенъ, надъ Московскимъ государьствомъ и на всей Великой Російской земли учинилась неудобьсказаема напасть: въ прошлыхъ годѣхъ, вражіимъ совѣтомъ, отступникъ православныя нашія крестьянскія вѣры и злый льстецъ, сынъ дьяволь, еретикъ, чернецъ, ростригa Гришка Отрепьевъ, бѣсосоставнымъ своимъ умышленіемъ назвавъ себя".... [2])

Голосъ населенія начинаетъ слышаться въ грамотахъ Смутнаго времени приблизительно съ 1608 года. Отъ конца этого года у насъ сохранились слѣды самостоятельныхъ сношеній между городами. Въ одной изъ ноябрьскихъ грамотъ этого года, отправленной изъ Вологды въ Пермь съ цѣлымъ рядомъ важныхъ извѣстій, устюженцы съ откровенной наивностью подаютъ свой совѣтъ пермичамъ: „будетъ послышемъ то, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на всю рускую землю, ино еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послати"... Грамоты, исходящія отъ населенія и отъ ополченій, проникнуты провиденціализмомъ вообще не меньше сказаній. Въ отпискѣ вологжанъ устюжанамъ, отправленной въ концѣ декабря 1608 года, приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ грамоты, только что цитированной, есть характерная фраза. Упоминая о какомъ то намъ неизвѣстномъ эпизодѣ съ разсыльщикомъ Офонкою Реутовымъ, которому очевидно вмѣняли въ вину участье въ событіяхъ послѣдняго времени, вологжане нравоучительно прибавляютъ: „А розсыльщика Офонку Реутова отпустили на Вологду: то, господине, сдѣлалось по діаволѣ смутѣ, за умноженіе грѣхъ всего міра, а не для розсыльщиковъ, на розсыльщикѣхъ пытати нечего".

27 ноября 1608 года устюженцы сообщали вычегодцамъ о раззореніи Ростова, плѣненіи митрополита Филарета, о присягѣ Ярославля, Вологды и Тотьмы Лжедимитрію, о рѣшительномъ намѣреніи устюжанъ не измѣнять царю Василію, о присылкѣ выборныхъ людей изъ Усольской земли

[1]) А. А. Э., II, № 48.
[2]) А. А. Э., II, № 58.

для принятія мѣръ противъ мятежниковъ и о взаимной присягѣ дѣйствовать заодно. Разореніе Ростова случилось, по разсказу этой грамоты, „Божіимъ изволеніемъ, грѣхъ ради нашихъ.... пришедъ Литовскіе люди въ Ростовъ, ихъ плоштвомъ, потому что жили просто, совѣту де и береганья не было....“, „а про Московское государьство они же (т.-е. люди, принесшіе извѣстія) и иные люди сказывали, что Московское государьство, далъ Богъ, стоитъ по старому здорово.... А наша мысль то: будетъ вы къ намъ пріѣдете *и стоять съ нами заодинъ похотите*, и намъ вамъ въ томъ крестъ цѣловати межъ собя, а вамъ также крестъ цѣловати, что *намъ съ вами, а вамъ съ нами ожить и умереть вмѣстѣ*“ [1]).

Такъ постепенно зарождается и складывается мысль объ общественной организаціи, безъ всякой логической связи сочетаясь съ провиденціалистическими фразами общихъ разсужденій о событіяхъ. Черезъ полтора года, извѣстная окружная грамота о сведеніи царя Василія съ престола, содержащая перечисленіе его винъ,—быть можетъ самая характерная изъ грамотъ этой эпохи,—повторяетъ то-же не совсѣмъ удачное сочетаніе мыслей: „За грѣхъ всего православнаго крестьянства въ Московскомъ государьствѣ многое время кровь крестьянская льется межусобною бранью и, видя межъ православныхъ крестьянъ межусобье, Полскіе и Литовскіе люди пришли въ землю государьства Московского и многую крестьянскую кровь пролили“... Сообщая о сведеньѣ царя Василія съ престола, грамота продолжаетъ: „И дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и гости, и торговые люди, и стрѣлцы, и казаки, и посадскіе и всякихъ чиновъ люди всего Московского государьства, поговоря межъ себя и услыша украинныхъ городовъ ото всякихъ людей, что Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи на Московскомъ государьствѣ не любятъ, и къ нему къ Государю не обращаются, и служити ему не хотятъ, и кровь крестьянская межусобная льется многое время, и всталъ отецъ на сына и сынъ на отца, другъ на друга, и видя всякіе люди Московскому государьству такое конечное разоренье, били челомъ ему Государю всею землею, всякіе люди, чтобъ Государь государьство отставилъ для межусобныя брани и для того, которые отъ него Государя, боясь опалы, или которые его Государя не любя, и къ нему къ Государю и ко всему Московскому государьству не обращаются, и тѣ бъ *всѣ были въ соединеньѣ и стояли бъ за православную крестьянскую вѣру всѣ заодно*“. „И вамъ бы всѣмъ, всякимъ людямъ, обращается эта грамота къ населенью, стояти *съ нами вмѣстѣ заодно и быть въ соединеньѣ*, чтобъ наша православная крестьянская вѣра не разорилась, и матери бы наши и жены и дѣти въ Латынской вѣрѣ не

[1]) А. А. Э., II, № 88.

были". „И во весь бы Пермской уѣздъ (грамота отправлена въ городъ Пермь) вамъ ко всякимъ людямъ отъ себя отписати, чтобъ они, памятуя Бога и нашу православную крестьянскую вѣру, *къ Московскому государьству вспомогали и были съ нами всѣ вмѣстѣ*, и противъ бы Полскихъ и Литовскихъ людей и отъ воровъ *съ нами заодно стояли*"... и т. д. [1]).

„...Возплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, аще пощадитъ и аще помилуетъ, аще отвратитъ отъ насъ Свой праведный гнѣвъ, нанесенный намъ по праведному суду. Онъ есть Царь Царствующимъ и Господь Господствующимъ, и всѣ мы вси человѣколюбіе Его и щедроты превосходяща всякаго совершенья; не ото многихъ бо предателей Крестьянскихъ вся земля погибла, которые нашу Крестьянскую вѣру въ разоренье и всѣмъ Крестьянамъ погибель, для своего несытнаго граблення, свое учитно дьяволомъ предательство совершити хотя, къ погибели Крестьянской", обращается къ москвичамъ такъ называемая призывная грамота смольнянъ 1611, приглашая „естьли которые еще хотятъ въ православной Крестьянской вѣрѣ скончатись, начните таковому дѣлу душами своими и головами, *чтобъ быть всѣмъ Крестьянамъ, обще всѣмъ въ соединеньи, оставте свой страхъ, или которымъ милосердіемъ и ласкою прельщаютъ, и все ли чаете жити въ миру и въ покоѣ?..*" „*Для Бога*, приглашаетъ та же грамота, положите о томъ *крѣпкой совѣтъ межъ себя*, пошлите въ Новгородъ и на Вологду и въ Нижній нашу грамоту, списавъ, и свой совѣтъ къ нимъ отпишите, чтобъ всѣмъ было вѣдомо, *всею землею общею стати за православную Крестьянскую вѣру*, покамѣста еще свободны, а не въ работѣ и не въ плѣнѣ розведены; а то вы сами вѣдаете, что дѣлается въ Смоленскѣ, не на Божію ли помощь надѣятся? Стали за православную Крестьянскую вѣру и сидятъ крѣпко и несумнѣнно, и милосердый Богъ и пречистая Богородица не заступаетъ ли ихъ" [2])?

Другая призывная грамота того же момента, обращенная изъ Москвы въ разные города, упомянувъ о „неизцѣльной язвѣ, Богопустномъ гнѣвѣ праведномъ за наше согрѣшеніе", обращается съ призывомъ: „Для Бога, Судіи живымъ и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія; *будьте съ нами обще, заодно* противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; *помяните одно: только коренье, основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренье не будетъ, къ чему прильпиться?..* Пощадите насъ бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ; *душами и головами станьте съ нами обще* противъ враговъ креста Христова"... [3])

[1]) А. А. Э., II, № 162.
[2]) С. Г. Г. и Д., II, № 226.
[3]) С. Г. Г. и Д., II, № 227.

„За умножение грѣха всего православнаго Крестьянства, повѣствуетъ апрѣльская грамота перваго ополченія (1611 года), искони вѣчные враги креста Христова, Ариньские и Каталиянские и иныхъ злыхъ ересей Полские и Литовские люди, по повелѣнию Короля своего... пришли к царствующему граду Москвѣ“... „И сия вся нашедшая на ны злая, грѣхъ ради нашихъ, въ настоящее время вси испиша чашу ярости праведнаго гнѣва Божия“, продолжаетъ та же грамота, призывая „всѣмъ стати за образъ Пречистые Богородицы і великихъ чюдотворцовъ и за истинную вѣру православную противъ злыхъ разорителей вѣры Крестьянской, Полскихъ и Литовскихъ людей“, грозя: „*а толко, господа, с нами вмѣсте не соединитесь и за Государство Московское не станете, а что надъ Государствомъ Московскимъ конечное разорение учинитца, и то Богъ взыщетъ на васъ*“ [1]).

„Божіимъ праведнымъ судомъ, за умноженіе грѣховъ всего православнаго Христіанства, въ прошлыхъ годѣхъ учинилося въ Московскомъ государьствѣ межуусобіе, не токмо межу общаго народа христіанскаго, но и самое сродное естество пресѣчеся, отецъ на сына и сынъ на отца и братъ на брата воста, единородная кровь въ межуусобіи проливалася“... пишутъ Діонисій и Авраамій изъ Троицкой обители. „И вамъ бы, государемъ нашимъ, отцемъ и братіямъ и всѣмъ православнымъ Крестьянамъ, общему народу христіанскому всея Великой Пермскія земли и съ уѣзды и съ пригороды (цитируемый списокъ грамоты адресованъ въ Пермь), яко вси есма родихомся отъ Крестьянскихъ родителей, и знаменовахомся печатію Небеснаго Царя, святымъ крещеніемъ, и обѣщахомся вѣровати въ святую и животворящую и нераздѣлимую Троицу, Богу живу истинну; и прося у всесильнаго Бога милости и возложа упованіе на силу животворящаго Креста Господня, *стати съ ними* (княземъ Д. Т. Трубецкимъ, Заруцкимъ и собиравшимися отрядами ополченія) *обще заодно* противъ предателей Крестьянскихъ и богоотступниковъ, Михайла Салтыкова, да Ѳедьки Андронова и ихъ совѣтниковъ, противъ вѣчныхъ враговъ Креста Христова, Польскихъ и Литовскихъ людей“. Описывая яркими красками сцены раззоренія, грамота заключаетъ: „Не пощадиша бо ся престарѣвшихся возрастомъ и не усрамишася сѣдинъ старецъ многолѣтнихъ и не сжалишася на ссавшихъ млеко младенцевъ, незлобивая душа; не вси ли испиша чашу ярости и гнѣва Божія? Помяните и смилуйтесь подъ видимою нашею смертною погибелію, да васъ самихъ та же лютая не постигнетъ смерть: Бога ради, положите подвигъ своего страданія, чтобы вамъ всему общему народу, молите служилыхъ людей, *чтобы всѣмъ православнымъ Христіанамъ быти въ соединеньи*, и служилые бы люди однолично, безо всякаго мѣшканья, поспѣшили подъ

---

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 251.

Москву въ сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводомъ и всему множеству народа всего православнаго Крестьнства". „И аще совокупленнымъ единогласнымъ моленіемъ прибѣгнемъ ко прещедрому Богу и пречистой Богородицѣ, заступницѣ вѣчной рода Христіанскаго, и ко всѣмъ святымъ, отъ вѣка Богу угодившимъ, и обще обѣщаемся подвигъ сотворити, аще и до смерти пострадати за православную истинную Христіанскую сущую нашу вѣру, неотложно милостивый Владыка человѣколюбецъ отвратитъ праведный Свой гнѣвъ, и избавитъ нашедшія лютыя смерти и вѣчнаго порабощенія безбожнаго Латынскаго" [1]), призываетъ Троицкая грамота на выручку Москвы.

„За умноженіе (грѣховъ) всего православнаго христіанства, пишутъ нижегородцы вологжанамъ въ 1612 году, воздвижеся на насъ праведный гнѣвъ Божій въ долгое время не преста, даже и до нынѣшняго времяни. Сами убо вѣсте, что по общему грѣху всѣхъ насъ православныхъ христіанъ учинилася междуусобная брань въ Россійскомъ государствѣ, не мало время, по навѣту искони человѣконенавистнаго сатаны". Этимъ междуусобіемъ воспользовались враги „и за грѣхъ всего православнаго христіянства Господь Богъ, праведнымъ своимъ судомъ и гнѣвомъ, ихъ злокозненному смыслу попусти свершиться, царственный преименитый градъ Москву лестію и преступленьемъ крестнымъ до основанія разорили и неисчетнаго народа христіанскаго отъ великихъ чиновъ и до малыхъ степеней всеядному мечу предали, необоримаго и твердаго адаманта святѣйшаго Ермогена Патріарха Московскаго всея Русіи съ престола вселенскаго извергли и неисчетныя бѣды нанесли нашему роду христіанскому и разоренье. И такую ихъ неправду видя, всѣ городы Московскаго государства, сослався межъ себя, утвердилися на томъ крестнымъ цѣлованьемъ, что *быти намъ всѣмъ православнымъ христіаномъ въ любви и въ соединеніи*, и прежняго междуусобства не счинати... И вамъ бы, господа, Вологодскимъ дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ и стрѣлцамъ и всякимъ ратнымъ людемъ, помнити *общее свое*, на чемъ мы всѣ животворящій крестъ цѣловали, чтобъ было намъ за надежи нашія пресвятыя Богородицы и за цѣлбоносные мощи великихъ Московскихъ Чюдотворцевъ и за непорочную христіанскую вѣру противъ враговъ нашихъ, Полскихъ и Литовскихъ людей, до смерти своей стояти... *А нашимъ будетъ нерадѣньемъ*, продолжаютъ нижегородцы, *учинится конечное разоренье Московскому государству и угаснетъ корень христіанскія вѣры и испразднится крестъ Христовъ и благолѣпіе церквей Божіихъ, который отвѣтъ дадимъ въ страшный день суда Христова, еже толико множественнаго народа не пощадивъ, врагомъ креста Христова, Полскимъ и Литовскимъ людемъ, въ плѣнъ и въ расхищеніе предати?*"

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 275.

„По умноженію грѣховъ всего православнаго крестьянства, по праведному прещенію неутолимый гнѣвъ на землю нашу наведе Богъ, повѣствуютъ грамоты второго ополченія, разсылавшіяся изъ Ярославля въ апрѣлѣ 1612 года: первое прекротилъ благородный корень царьскаго поколѣнія; потому же произволи владѣти Великою Росіею, изъ синклиту Царьского Величества, Царю Борису, его же державьство скоро прекроти. Потомъ же, за умноженіе грѣха, а по дѣйству дьяволю, возста на насъ предотеча богоборнаго Антихриста, отъ чина иноческого Гришка Отрепьевъ и своимъ злымъ умысломъ и по вражью дѣйству избѣжалъ въ Полшу и тамо безчисленныхъ и богомерскихъ ересей исполнился, и вмѣсто крестьянскія вѣры Греческаго закона Люторскую и проклятую вѣру возлюбилъ и безстудно нарекъ себя Царемъ Дмитреемъ, и своимъ злымъ чародѣйствомъ наскочивъ на царьскій престолъ и хотѣлъ нашу православную крестьянскую вѣру попрати и превратить въ Латынство, и вмѣсто апостолскихъ церквей проклятые Римскіе костелы учинить; милосердый же Богъ, по своему неизреченному милосердію, не хотя его злого помыслу исполнити, вскорѣ его пагубной смерти предалъ“... повѣствуетъ въ своихъ грамотахъ изъ Ярославля кн. Пожарскій [1]).

„А будетъ вы, обращается къ населенію окружная грамота, посланная изъ Ярославля въ іюнѣ 1612 года, отъ того вора и отъ Марины и отъ сына ея не отстанете, *и съ нами и со всею землею будете не въ соединеньи*, и враги наши Польскіе и Литовскіе люди царствующій градъ Москву и всѣ грады Московскаго государства доконца разорятъ, и всѣхъ васъ и насъ конечно погубятъ, и землю нашу пусту и безпамятну учинятъ, и *того всего взыщетъ Богъ на васъ, что вы своимъ развратьемъ съ нами не въ соединеньи, да и окрестныя всѣ Государства назовутъ васъ предатели своей вѣрѣ и отечеству; но и паче всего, каковъ вамъ дати отвѣтъ на второмъ пришествіи предъ праведнымъ Судіею?* Молимъ васъ, господа, и просимъ со слезами единородную братью свою, православныхъ Христіанъ, *пощадите сами себя и свои души*, отступите отъ такого злопагубнаго начинанія и отстаньте отъ вора и отъ Марины и отъ сына ея, *и будьте съ нами и со всею землею въ соединеньи*, чтобы вашимъ съ нами развратьемъ Польскіе и Литовскіе люди всѣхъ васъ и насъ конечно не погубили“ [2]).

Итакъ, въ грамотахъ мы наблюдаемъ, какъ традиціонная формула „по грѣхамъ“ начинаетъ постепенно сочетаться съ глубоко прочувствованной идеей общественной отвѣтственности и общественной организаціи.

„За грѣхи наша“, пишетъ царь Борисъ, „праведнымъ судомъ Божіимъ, за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестіянства“, пишетъ

[1]) А. А. Э., II, № 203.
[2]) С. Г. Г. и Д, II, № 281.

царь Василій, прибавляя, что Господь Богъ „послалъ свой праведный гнѣвъ къ познанію истинная, проявляя терпѣніе и злострадания страстотерща своего (т. е. царевича Димитрія)“. „Божіимъ попущеніемъ за безчисленные наши всенароднаго множества грѣхи надъ Московскимъ государьствомъ на всей Великой Російской земли учинилась неудобосказаема напасть“, пишетъ во своей грамотѣ Гермогенъ. „Восплачемся предъ Господомъ, приглашаетъ такъ называемая призывная смоленская грамота, сотворшимъ насъ, аще пощадитъ и аще помилуетъ, аще отвратитъ отъ насъ Свой праведный гнѣвъ, нанесенный намъ по праведному суду“. О „неизцѣльной язвѣ, Богопустномъ гнѣвѣ праведномъ за наше согрѣшеніе“ пишетъ окружная Московская грамота. „И сия вся нашедшая на ны злая, грѣхъ ради нашихъ, въ настоящее время вси испита чашу ярости гнѣва Божія“, говорятъ грамоты перваго ополченія. „За умноженіе грѣховъ всего православнаго христіанства воздвижеся на насъ праведный гнѣвъ Божій въ долгое время не преста даже и до нынѣшняго времяни“, обращаются нижегородцы къ вологжанамъ въ 1612 году. „По умноженію грѣховъ всего православнаго крестьянства по праведному прещенію неутолимый гнѣвъ па землю нашу наведе Богъ“..., пишутъ изъ второго ополченія.

Языкъ ихъ ищетъ новыхъ и болѣе яркихъ образовъ, формула мгновеніями начинаетъ жить, они что-то находятъ въ ней, ждешь что вотъ-вотъ въ ней вспыхнетъ свѣжее содержаніе, но лучъ ихъ мысли на ней останавливается лишь на мгновеніе, ихъ помыслы устремляются къ конечному практическому выводу о пользѣ и значеніи общественной организаціи для спасенія родины. Традиціонная формула „за грѣхи“, претворенная въ яркій библейскій образъ, остается нераскрытой, и размышленіе о свойствахъ общества вызвавшихъ смуту отсутствуетъ.

„Умноженіе грѣховъ“ и „праведный гнѣвъ Божій“ свободно уживаются въ грамотахъ съ горячими обращеніями къ народному чувству, съ приведенными призывами „стояти заодинъ“, „душами и головами стать съ нами обще“, жить и умереть вмѣстѣ“, „пощадить самихъ себя и свои души“, съ угрозами „дать отвѣтъ за раззоренье Московскаго государства въ страшный день суда Христова предъ Праведнымъ Судіею“, со всѣми безчисленными призывами грамотъ 1608—12 годовъ къ „твердости разума“, „утверженію и совѣту“, „любви и совѣту безо всякихъ сердечныхъ злобъ“, „любви, совѣту и соединенію“, „совѣту и единачеству“, „всемірному совѣту и соединенью“, „общему совѣту, неподвижной правдѣ и соединенью“, „всей земли соединенью, братству, любви и цѣломудрію“, „совершенной правдѣ и радѣнію ко всей землѣ“ и т. д. и т. д. Замѣчательно, что чѣмъ отчетливѣе становится мысль объ организаціи общества, тѣмъ закругленнѣе и образнѣе дѣлается и параллельно развивающаяся формула грѣховъ.

Сказаніямъ далеко до этой законченности и отчетливости мысли объ общественной организаціи и до вдохновенной убѣжденности призыва грамотъ. Между тѣмъ существенные логическіе элементы сказаній и грамотъ какъ-будто одинаковы,—въ чемъ же здѣсь сходство и въ чемъ разница?

Въ грамотахъ нѣтъ того послѣдовательнаго развитія идей, которое мы наблюдаемъ въ сказаніяхъ, нѣтъ промежуточнаго ряда разсужденій о виновности общества, нѣтъ разложенія понятія „грѣховъ“: призывъ къ организаціи появляется отрывисто и сразу. Грамоты думаютъ болѣе о томъ, *какъ помочь* бѣдѣ и *чѣмъ* восполнить недостатки русскихъ людей, породившіе смуту, смотрятъ болѣе впередъ, чѣмъ назадъ.

Грамоты задаютъ вопросъ не о „причинахъ смуты“, а о „средствахъ“ борьбы съ нею. Но общій выводъ въ сказаніяхъ и грамотахъ одинаковъ, хотя онъ развитъ и несовсѣмъ равномѣрно. Сказанія говорятъ о томъ, *чего не хватаетъ* русскимъ людямъ, о ихъ недостаткахъ, а грамоты о томъ, *что имъ нужно*, о желательныхъ добродѣтеляхъ. Въ грамотахъ разрабатывается тотъ-же мотивъ о значеніи общественной организаціи, что̀ и въ сказаніяхъ, но на иной ладъ: эти призывы и увѣщанія въ грамотахъ суть моменты воли, а не отвлеченыя разсужденія, какъ въ сказаніяхъ. Въ обоихъ случаяхъ исходная точка одинакова, какъ-будто одинаково и количество расходуемой энергіи мысли, но энергія, затраченная сказаніями на послѣдовательность разсужденія, въ грамотахъ ушла на формулировку вывода. Въ грамотахъ нѣтъ средняго логическаго момента, за то энергично развитъ крайній.

Грамоты дѣлаютъ, такъ сказать, логическій прыжокъ отъ формулы грѣховъ къ выводу о потребности въ организаціи. У сказаній какъ-будто не хватило энергіи на формулированіе вывода, они едва добрели до него и вяло его высказали, а у грамотъ не хватило времени и терпѣнія на умозаключенія. Энергія мысли шла въ разные историческіе моменты въ разныхъ направленіяхъ,—въ Смуту люди думали о томъ, какъ прекратить смуту, а послѣ Смуты разсуждали о томъ, отчего случилась она. Въ сказаніяхъ больше пытливости мысли, а въ грамотахъ—силы воли. Это двѣ стороны одного и того-же процесса развитія ихъ общественнаго сознанія. Основная мысль въ обоихъ случаяхъ одинаково—это новая для русскаго человѣка XVII вѣка идея общественной отвѣтственности за политическій порядокъ, идея общественной организаціи и идея общественнаго сознанія, необходимаго для защиты этого порядка.

И грамоты и сказанія должны были претворять нравственно-религіозныя начала въ политическіе и соціальные принципы: въ этомъ и состояла мыслительная работа людей, оборонявшихъ свое отечество въ Смутное время.

Изъ грамотъ мы видимъ, какъ опредѣленно и отчетливо они сдѣлали конечный выводъ, а благодаря матеріалу сказаній мы можемъ уловить, какъ преемственно и послѣдовательно развивались ихъ новыя понятія. „Грѣхи“ развертываются постепенно: едва уловимая разница оттѣнковъ этого понятія въ разныхъ сказаніяхъ отмѣчаетъ постепенное усвоеніе ими новой идеи общественной отвѣтственности за политическій порядокъ, другими словами—идеи общаго блага. Изъ декораціи „грѣхи“ становятся постепенно двигающей силой. Русскіе люди почувствовали сердцемъ и поняли умомъ, что ихъ связываетъ съ Московскимъ государствомъ не одно механическое подчиненіе, но что-то еще, болѣе прочное и болѣе надежное, чѣмъ это подчиненіе, это „что-то“ было идеей нравственнаго обязательства передъ „общимъ благомъ“, а отсюда уже недалеко и до мысли объ общественной организаціи.

Характерно своеобразіе этого перваго ростка общественнаго сознанія, своеобразное выраженія идеи общественной отвѣтственности и общественнаго долга. Она вылилась въ оригинальной теоріи возмездія, падающаго за грѣхи немногихъ на головы всѣхъ, виновныхъ и невинныхъ, въ наказаніе *за попустительство*. Это мысль о своего рода круговой отвѣтственности, хорошо знакомая имъ по всему обиходу ихъ жизненныхъ отношеній,—той круговой отвѣтственности, при которой добрые отвѣчаютъ за зло, совершенное злыми, если они, добрые, не сумѣли предупредить и пресѣчь зла. Оболочка этого сужденія слажена при помощи привычнаго для нихъ цѣпкаго понятія „грѣха“, взятаго изъ той области, въ которой были самыя твердыя, быть можетъ, единственныя твердыя понятія древне-русскаго человѣка,—изъ области религіозно-нравственныхъ понятій.

Наблюденія надъ перерожденіемъ ихъ провиденціалистической философіи исторіи приводятъ насъ къ нѣсколькимъ соображеніямъ. Перерожденіе этихъ понятій интересно не столько само по себѣ, сколько какъ симптомъ и показатель логической схемы мощнаго переворота, совершавшагося въ настроеніяхъ, чувствахъ и умахъ всего общества. Не всѣ люди Смутнаго времени, одушевленные желаніемъ добра своей родинѣ, мыслили такъ послѣдовательно, какъ нѣкоторыя сказанія, (грамоты мыслили даже совсѣмъ непослѣдовательно!), но процессы, совершавшіеся въ умахъ человѣческихъ массъ, вѣроятно, были однородны съ наблюденнымъ. Не даромъ всѣ сказанія и грамоты исходятъ изъ понятія „грѣховъ“, развивая его въ разныхъ темпахъ, но, если такъ можно выразиться, параллельными путями.

Мы наблюдаемъ русскихъ людей Смутнаго времени въ моментъ ихъ работы надъ своими общественными понятіями, когда понятія эти не успѣли еще вполнѣ проясниться и окрѣпнуть. Мы видимъ, какъ они хлопочутъ и трудятся, усердно уясняя ихъ себѣ, добывая общественно-политическую идею изъ религіозно-нравственныхъ понятій. Организующую

мысль о „единачествѣ“ они вырабатывали медленно, но искренно и добросовѣстно, настойчиво отвлекая ее отъ тысячелѣтняго наслѣдственно воспринятаго запретительнаго понятія „грѣха“. „Единачество“, „любовь и совѣтъ“ пришли не сразу, пришли не какъ удачная мысль, а путемъ долгой и упорной работы надъ волей, надъ самими собой. Чувства жалости, любви, состраданія, стыда, безформенныя стихіи человѣческой души, надо было связать съ идеями долга и права, претворяя ихъ въ ту амальгаму, которая называется политическимъ сознаніемъ и гражданскимъ чувствомъ. Эту мысль въ видѣ практическаго лозунга событія могли подсказать просто и грубо, какъ инстинктивный импульсъ, она могла быть усвоена слѣпо, какъ догматъ съ чужихъ словъ, но для пониманія динамическаго момента важно понять, какъ отъ чувства горя, обиды и жалости къ гибнущей родинѣ они перешли къ твердо сформированной *мысли* объ обязанности ей служить, важно прослѣдить, какъ эта мысль была ими оправлена *въ идею долга и отвѣтственности*. Сказанія и грамоты и даютъ нѣкоторый косвенный отвѣтъ на эти вопросы.

Здѣсь важно не столько самое заключеніе, всегда являющееся болѣе или менѣе статическимъ моментомъ, не столько логическій итогъ, который служитъ точкой опоры въ дѣйствіяхъ, а процессъ раскрытія и реализаціи понятій, вскрывающійся изъ сравнительнаго изученія памятниковъ. Теченіе впечатлѣній, настроеній и чувствъ, перестраивающихъ понятія, уловить трудно, но за то можно уловить процессъ перерожденія понятій, этотъ послѣдній процессъ и отражаетъ теченіе незримыхъ для насъ впечатлѣній и настроеній.

Характерна кустарная несложность и простота ихъ понятій: вся эта философія „грѣха“ столь же неуклюжа и примитивна, какъ орудія ихъ хозяйства, но за то они и владѣютъ этими понятіями какъ кустари, умѣющіе однимъ и тѣмъ же топоромъ вырубить срубъ и сдѣлать мелкій предметъ домашняго обихода.

Для оцѣнки успѣховъ, ими достигнутыхъ въ *развитіи* этихъ понятій, надо помнить, что они вырабатывались и получали свое законченное и продуманное выраженіе, какъ звенья послѣдовательно развиваемой логической цѣпи не столько втеченіе Смуты, сколько послѣ нея, съ большимъ опозданіемъ, надо принять во вниманіе, какъ еще неясны и какъ хрупки эти понятія.

Проясненіе въ руководящихъ элементахъ русскаго общества идеи отвѣтственности сдѣлалось, вѣроятно, поворотнымъ моментомъ въ развитіи событій Смуты. Какъ мы видѣли изъ „Новой повѣсти“ и грамотъ, къ этой мысли объ организаціи они приходили иногда какъ-будто довольно просто, какъ будто инстинктивно, но въ этихъ случаяхъ отъ нашего наблюденія, вѣроятно, просто ускользаютъ нѣкоторыя звенья цѣпи ихъ заключеній, недостаточно отчетливо опредѣлившіяся въ ихъ сознаніи или

не успѣвшія найти своего словеснаго выраженія. Навсегда останется скрытымъ для насъ, *какъ* переживили эти чувства и мысли люди, поднявшіеся въ ту пору на защиту родины, — Ляпуновы, Діонисій, Пожарскіе, Минины и тысячи друихъ русскихъ людей, не писавшихъ, даже не говорившихъ, а дѣйствовавшихъ и умиравшихъ за свой народъ и свою страну, — именъ ихъ мы никогда и не узнаемъ, — но изъ разсужденій сказаній, изъ сопоставленія ихъ съ грамотами мы приблизительно можемъ уловить схему и этапы этого процесса. Въ сказаніяхъ и грамотахъ сохранился только отблескъ этихъ грандіозныхъ явленій.

Въ Смуту русскіе люди поняли, что политическій и общественный порядокъ находится *и на ихъ попеченіи и совѣсти*, (вотъ почему они съ такой горечью и обвиняютъ себя въ давно забытой смерти невѣдомаго царевича), а сами они, когда „Московское государство и всѣ города Россійскаго царствія“ перешли на ихъ отвѣтственность, оказались такими неискусными и безпомощными, что не смогли прикрыть и защитить ихъ. Когда они впервые почувствовали, что своды государственнаго зданія, только что выведеннаго надъ ихъ головами и казавшагося имъ, вѣроятно, незыблемымъ, заколебались и задрожали, первымъ ихъ чувствомъ было чувство ужаса передъ чѣмъ-то непонятнымъ и непредотвратимымъ. Ужасъ Смуты слышится въ видѣніяхъ-галлюцинаціяхъ, увѣщаніяхъ, обличеніяхъ, проклятіяхъ, вопляхъ, мольбахъ, стонахъ, огласившихъ ихъ раззоренныя пепелища: это ужасъ передъ померкнувшимъ солнцемъ, ужасъ передъ небесными тѣлами, сорвавшимися со своихъ орбитъ.

Когда они поняли, что отвѣтственность за эту катастрофу падаетъ не на кого-либо другого, а на нихъ самихъ, что отъ нихъ самихъ зависѣло предотвратить ее, они почувствовали себя виновными въ этомъ несчастіи. Вотъ смыслъ ихъ горькаго вопля—„домолчались!“. Они сдѣлали тотъ неизбѣжный выводъ, что самая неспособность защитить государственный порядокъ есть уже соучастіе преступленію, они *сами* назвали преступленіемъ свое вѣчное желаніе отмолчаться. Но, почувствовавъ себя отвѣтственными за политическій порядокъ, они не могли не почувствовать себя и хозяевами его. Таковъ медленный, тяжелый, но поступательный и послѣдовательный ходъ развитія ихъ мысли, и едва ли эта медленность поступательнаго движенія мысли въ смѣнѣ принциповъ поведенія есть исключительное явленіе.

Давленіе на волю и черезъ волю на дѣйствія этого новаго сужденія о правѣ и обязанности всякаго общества слѣдить за своимъ политическимъ порядкомъ и отвѣчать за него невозможно, конечно, вычислить никакому эксперту, но нетрудно наощупь почувствовать и взвѣсить всю его силу.

Какъ опредѣлить ту логическую операцію, которую они совершали надъ понятіемъ „грѣха“? Иногда получается впечатлѣніе, что политическій выводъ они *отвлекаютъ* отъ этого понятія путемъ своеобразнаго его расширенія, иногда кажется, что этотъ самостоятельно сложившійся выводъ они стараются только *прикрыть*, какъ броней, старымъ привычнымъ понятіемъ, одареннымъ гипнотической силой непостижимости. Какъ же коротко обозначить ту работу, которую они совершали надъ понятіемъ „грѣха“? Есть ли это „раскрытіе, развитіе, разложеніе, пополненіе“ стараго понятія? Едвали можно подобрать пространственную или иную метафору, которая могла-бы достаточно ясно объяснить намъ своеобразный процессъ совершавшагося здѣсь взаимодѣйствія....

Итакъ, современники Смуты видѣли источникъ ея не столько въ политическомъ или экономическомъ кризисахъ XVII вѣка,—выводъ, къ которому пришла современная исторіографія,—а въ „грѣхахъ“, въ той нравственной неурядицѣ, которой, по ихъ мнѣнію, страдало русское общество. Если вслушаться въ ихъ неясную рѣчь, если вникнуть въ эти странные термины „злопомнѣніе ко искреннимъ“, „ползское естества премѣненіе“, „страшивство“, „безумное молчаніе“ и т. д., то скрытая мысль этихъ сужденій будетъ ясна и можно согласиться съ нею: источникъ смуты, по мнѣнію современниковъ, въ политической незрѣлости, апатіи, индифферентизмѣ, малодушіи общества, дѣйствительно въ его „грѣхахъ“. Политическая незрѣлость—это вялость и бѣдность чувствъ, неясность и неразвитость понятій, направленныхъ къ охраненію общихъ интересовъ, общаго блага. „Грѣхами“ русскіе люди хотѣли обозначить то, что мы теперь назовемъ болѣе гибкимъ терминомъ—„политическими свойствами“ общества. Вправѣ ли мы оставить ихъ точку зрѣнія безъ вниманія?

Вотъ что намъ пытались объяснить современники Смуты,—пытаясь это объяснить, они дали характеристику тогдашняго русскаго общества.

Алексѣй Яковлевъ.

XXXVII.

Политическая доктрина „Наказа“ П. И. Пестеля.

(П. И. Пестель. „Русская Правда, наказъ Временному верховному правленію“).

Литература о декабристахъ за послѣднее время замѣтно и быстро возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и интересъ къ самому видному и благороднѣйшему представителю декабризма—П. И. Пестелю. Въ условіяхъ историческаго момента, переживаемаго нынѣ Россіей, жертвы возстанія и заговора 14-го декабря съ ихъ надеждами и идеями, понятнымъ образомъ, должны были вновь привлечь къ себѣ общественное вниманіе и какъ бы возродиться въ политическомъ сознаніи освободительной эпохи. Такъ декабристы еще разъ сдѣлались близки возмущенной русской дѣйствительности... На этой почвѣ и возникъ рядъ новѣйшихъ попытокъ переоцѣнки міросозерцанія декабристовъ въ отношеніи къ идеаламъ и задачамъ нашего времени, попытокъ, отразившихъ въ себѣ многообразные оттѣнки современныхъ политическихъ переживаній[1]). Несомнѣнно, этимъ обстоятельствомъ въ значительной мѣрѣ объясняются также и нѣкоторыя характерныя особенности во взглядахъ, установившихся въ наши дни, на Пестеля, а равно и тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ разсматривается теперь его политическое завѣщаніе. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательный «Наказъ Временному верховному правленію», начертанный твердой рукой Пестеля, привлекаетъ

---

[1]) На этой почвѣ и возникли опыты критики „идеологіи“ декабристовъ, съ одной стороны, съ точки зрѣнія подведенія подъ нее основъ „буржуазнаго либерализма“ (*Исторія Россіи въ XIX в.* изд. Граната, вып. 2), съ другой—въ цѣляхъ установленія преемственной связи между декабристами (черезъ Пестеля) и „соціально-революціоннымъ соціализмомъ послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка и начала XX-го“ (*Н. Русановъ. Вліяніе европейскаго соціализма на декабристовъ*, „Минувшіе годы“, 1908 г. № 12, стр. 170). При этомъ главное вниманіе обращается на „коммунистическія“ и „соціалистическія“ воззрѣнія Пестеля, съ отводомъ всего, что такъ или иначе плохо съ ними вяжется. См. напр. *Н. Русановъ* op. cit. стр. 176, прим. 1.

къ себѣ вниманіе современныхъ изслѣдователей, главнымъ образомъ, тѣми своими сторонами, которыя болѣе всего сближаютъ автора «Русской Правды» съ текущимъ моментомъ русской жизни. Пестеля разсматриваютъ, такъ сказать, повернувъ лицомъ къ нашей трагической современности, поскольку «многими сторонами своихъ воззрѣній онъ тѣсно примыкаетъ къ намъ, опережая насъ на три четверти столѣтія»[1]). Не отрицая законности и значенія подобнаго рода пріема изслѣдованія, мы склонны думать, однако, что пріемъ этотъ чреватъ нѣкоторыми опасностями и можетъ привести, въ концѣ концовъ, къ искаженію перспективныхъ точекъ зрѣнія одностороннимъ освѣщеніемъ сюжета. Съ Пестеломъ отчасти нѣчто подобное уже случилось, какъ, впрочемъ, и съ другими декабристами[2]). Духовный образъ Пестеля въ наши дни иногда выписываютъ въ такихъ тонахъ, что типическія черты этого яркаго образа, какъ бы отдѣлясь отъ историческаго фона, начинаютъ терять живое сходство съ оригиналомъ. Современный художникъ-реставраторъ, увлеченный своей работой, самъ того не замѣчая, принимается «раскрашивать» дорогія ему черты въ зависимости отъ своего собственнаго настроенія, овладѣвшаго имъ въ данный моментъ. Въ результатѣ цѣльность художественной гармоніи разстраивается, а модернизированный портретъ перестаетъ быть портретомъ. Вотъ почему, быть можетъ, теперь было бы вполнѣ своевременно вернуть декабристовъ прежде всего ихъ эпохѣ...

Въ настоящемъ бѣгломъ этюдѣ, мы дѣлаемъ попытку дать сжатый анализъ политической доктрины «Русской правды» Пестеля въ свѣтѣ его собственныхъ основныхъ руководящихъ идей, тѣсно роднившихъ автора «Наказа» съ *русской политической традиціей XVIII столѣтія*[3]) *и философскими теченіями вѣка.*

I.

До сихъ поръ не подвергался сомнѣнію тотъ общепризнанный нынѣ фактъ, что Пестель, какъ и его товарищи, вышелъ изъ той же самой политической школы, въ которой выросла и воспиталась, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, общественная мысль XVIII столѣтія. Однако фактъ этотъ не остановилъ на себѣ должнаго вниманія изслѣдователей,

---

[1]) *М. Ковалевскій. Русская Правда Пестеля, стр. 18* („Минувшіе годы“, 1908 г. № 1). Ср. также *Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли*, т. I (*изд. 2-ое*). *стр. 130.*

[2]) См. статью *А. А. Кизеветтера* въ жур. „Русская Мысль“. 1908 г. № 1.

[3]) При характеристикѣ взглядовъ Пестеля по „Наказу“ мы воспользуемся также и его „Запиской о государственномъ управленіи“, которая тѣсно связана съ „Русск. правдой“. Нельзя не пожалѣть только, что до сихъ поръ мы не имѣемъ еще вполнѣ удовлетворительнаго научнаго изданія трудовъ Пестеля.

тогда какъ, казалось бы, онъ долженъ былъ послужить отправнымъ пунктомъ при изученіи идеологіи декабристовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться пристальнѣе къ движенію декабристовъ, вѣрныхъ сыновъ своего времени, не трудно притти къ тому заключенію, что это движеніе, по существу, представляло изъ себя не что иное, какъ послѣднюю манифестацію *политическаго раціонализма и радикализма «просвѣтительнаго вѣка» на русской почвѣ*. Въ этомъ смыслѣ, мы могли бы сказать, что декабристы ликвидировали наслѣдіе Петра Преобразователя. Дѣйствительно, отъ перваго дебюта «революціонера на тронѣ» до роковой даты «14-го декабря», эпохи бурнаго натиска и преобразовательныхъ утопій, русская политическая мысль совершила огромный пробѣгъ въ замкнутомъ кругу идей отъ «Правды воли Монаршей» Ѳеофана Прокоповича черезъ «Наказъ» Екатерины II и «язвительную» книгу А. Радищева, чтобы закончить «Правдой» П. Пестеля! *Раціонализмъ* философскій и политическій—вотъ тотъ центръ, изъ котораго исходитъ и вокругъ котораго вращается весь сложный комплексъ идей, связавшихъ въ своемъ исходномъ и конечномъ моментахъ двѣ «Правды» начала двухъ вѣковъ. Глубокій *историческій* смыслъ этой идейной эволюціи заключался, именно, въ постепенномъ превращеніи «правды» начала XVIII ст. въ свою полную противоположность—«правду» начала XIX вѣка, идеала монархическаго въ идеалъ республиканскій. Ближайшіе этапы развитія указанныхъ идей и взаимнаго ихъ соотношенія намѣчаются какъ бы сами собой. «Въ книгѣ Екатерины—писалъ недавно Павловъ-Сильванскій [1])—отразился первый, болѣе умѣренный, періодъ развитія этихъ идей, въ книгѣ Радищева—второй, предреволюціонный» и въ книгѣ Пестеля, скажемъ мы, третій и послѣдній, *революціонный*. Здѣсь замыкается кругъ развитія руководящихъ идей великаго столѣтія.

Просвѣтительная философія XVIII вѣка съ ея культомъ Разума, вѣрой во всеспасающую силу *государственнаго абсолютизма, съ его полицейско-педагогической опекой надъ «гражданами» во имя «всеобщаго блаженства», и революціонной тактикой*—такова была, въ дѣйствительности, основа соціально-политическаго міросозерцанія «осьмаго-надесять вѣка» [2]), основа, на которой была воздвигнута у насъ послѣдняя *утопія* послѣдняго талантливѣйшаго представителя раціона-

---

[1]) *П. Сильванскій. Жизнь Радищева, стр. XII*, вступ. статья въ книгѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева“, СПБ., 1905 г.

[2]) Toute la politique des philosophes—говоритъ А. Сорель, характеризуя настроеніе эпохи—se ramène á mettre l' omnipotence de l' Etat au service de l' infaillibilité de la raison, á faire, si l' on veut, de la raison pure une nouvelle raison d' Etat. Sur ce principe toutes les sectes s' accordent. Voltaire donne la main aux encyclopédistes; les physiocrates, dissidents sur le reste, reviennent ici á l' orthodoxie“. L' Europe et la révolution, par. *1, p. 107*.

листической школы [1])—П. Пестеля. Справедливость требуетъ признать, что эта раціоналистическая субстанція идеологіи Пестеля, столь рѣзко бьющая въ глаза при чтеніи его «Наказа [2]), уже не разъ была отмѣчена біографами и историками декабризма [3]), однако, все же думается намъ, послѣдняя не получила до сихъ поръ должной оцѣнки, а, главное, не была раскрыта съ достаточной полнотой и послѣдовательностью въ конструкціяхъ доктрины «Русской Правды». А между тѣмъ, только подвигаясь по указанному пути, можно уразумѣть истинный смыслъ какъ политической, такъ и соціально-экономической программы Пестеля.

Пестель—раціоналистъ чистой воды. Въ своихъ построеніяхъ идеальнаго государства онъ исходитъ изъ популярнѣйшихъ предпосылокъ философіи просвѣтительной эпохи. Поэтому во главу угла своей нравственно-политической теоріи онъ полагаетъ прежде всего «основное» понятіе «естественнаго разума», изъ котораго въ дальнѣйшемъ уже и выводитъ путемъ логическихъ умозаключеній цѣлый рядъ «коренныхъ правилъ» или нормъ единаго общечеловѣческаго и неизмѣннаго, равно примѣнимаго во всякое время ко всякому народу, «естественнаго права» [4]). Но, такъ какъ въ сознаніи Пестеля категоріи «разумнаго» и «нравственнаго», въ качествѣ необходимыхъ элементовъ идеальнаго «естественнаго» права, сливаются въ одну категорію «божественно-разумнаго», то, въ конечномъ итогѣ, между «законами природы» и откровеннымъ «закономъ» [5]) онъ устанавливаетъ полную гармонію. Такимъ об-

---

[1]) Въ записной книжкѣ Пестеля съ выписками изъ прочитаннаго мы встрѣчаемъ знакомыя намъ имена апостоловъ философіи XVIII ст.—Вольтера, Дидро, Гольбаха, Руссо и др. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ отмѣтить также и *физіократическія* симпатіи Пестеля. Извѣстно, что школа физіократовъ своеобразно сочетала принципы экономическаго либерализма съ началами „просвѣщеннаго абсолютизма“ въ политикѣ. См. *В. И. Семевскій. Вопросъ о преобразованіи госуд. строя Россіи, стр. 151* („Былое“, 1906, III), *Ивановъ-Разумникъ, op. cit., т. I, стр. 124—125*. Ср. также *Н. Карѣевъ. Западно-европейская абсолютная монархія, стр. 361—363*.

[2]) Послѣдовательность и прямолинейность Пестеля въ указанномъ направленіи нерѣдко смущаетъ современныхъ критиковъ его взглядовъ, которые съ помощью различныхъ оговорокъ пытаются обойти нѣкоторыя мало симпатичныя имъ заключенія автора ради сохраненія за нимъ званія „соціалиста до соціализма“, по выраженію А. Герцена.

[3]) *См. Павловъ—Сильванскій. Декабристъ Пестель передъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, стр. 4. Ивановъ—Разумникъ, op. cit., т. I, стр. 126—127*.

[4]) *Русская Правда, изд. подъ ред. Щеголева, § 5 и 6*. Естественные законы „глубоко *впечатлѣны въ сердцахъ нашихъ*—говоритъ Пестель—никто не въ силахъ ихъ исторгнуть“. „Сей законъ Божій поставленъ *для всѣхъ людей въ равной мѣрѣ*“, *ibid., стр. 6*. „*Истина политическая* будучи *истиною нравственною* или отвлеченною, *всегда одна и та же*“, *ibid., стр. 38*.

[5]) *Ibid., § 6, стр. 4*. Этотъ откровенный законъ или „святые законы вѣры“ начертаны для всѣхъ, по мнѣнію автора, въ „священномъ писаніи“.

разомъ «разумъ» и «добродѣтель», «истина» и религіозная «заповѣдь», «законъ» и «справедливость» оказываются идентичными понятіями, а «коренныя правила» разума получаютъ значеніе морально-правовой нормы, становятся источникомъ нравственнаго поведенія и совершеннаго правопорядка [1]). И Пестель думаетъ, что воплощеніе въ жизнь означенныхъ «коренныхъ правилъ» божественнаго естественнаго права должно привести ко всеобщему «благоденствію», верховной цѣли бытія[2])· «Средствомъ» для достиженія этой высокой и, можно сказать, самой задушевной цѣли просвѣтительнаго вѣка [3]), по убѣжденію автора «Наказа», является *общество*, которое есть ничто иное, какъ «соглашеніе въ цѣли» [4]). Но подобнаго рода соглашеніе, общественный договоръ во имя «благоденствія всего общества въ цѣломъ и каждаго изъ его членовъ въ особенности», само собою разумѣется, необходимо предполагаетъ установленіе незыблемыхъ и точныхъ на все «правилъ», т.-е., говоря иначе, предполагаетъ организацію *государства* [5]). Какова должна быть эта организація на основаніи всего выше сказаннаго, предугадать не трудно. Государство Пестеля, возникшее, какъ онъ утверждаетъ, «отъ общихъ и одинаковыхъ свойствъ природы человѣка», очевидно, и должно по-

---

[1]) „*Справедливость* законовъ въ томъ состоитъ, что они должны въ полной мѣрѣ соотвѣтствовать кореннымъ свойствамъ *природы человѣческой*. —Сіи коренныя свойства суть *законы, данныя человѣку отъ Всевышняго существа*, и, слѣдовательно, опредѣляющіе природныя обязанности и права частныхъ лицъ. Вся *цѣль гражданскаго общества* состоитъ единственно въ *обезпеченіи сихъ правъ*“, *ibid., стр. 100, 165—166*. „Законы политическіе—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ—должны утверждать и обезпечивать законы *духовные и естественные*, а не нарушать оныхъ“ *ibid., стр. 204 и 89*.

[2]) *Ibid.*, § *3 стр. 6 и 60*. „Быть добродѣтельными и счастливыми“—таково призваніе людей согласно „закону Божію“ и „природнымъ законамъ“

[3]) Идея „всеобщаго блага“, „всеобщаго благоденствія“ или „блага народа“, которое одновременно оказывалось и „благомъ государственнымъ“ — commune civitatis bonum—это, можно сказать, не только самая популярная идея эпохи господства политическаго раціонализма, но и основной тезисъ теоріи „просвѣщеннаго деспотизма“, широко господствовавшей въ XVIII ст. Доктрина „всеобщаго блага“, по справедливому замѣчанію Г. Еллинека, можетъ съ полнымъ правомъ считаться, поэтому, „классической теоріей государственнаго абсолютизма и полицейскаго государства“. На ней въ то время сходились одинаково, какъ коронованные, такъ и некоронованные философы и политическіе мыслители самыхъ различныхъ оттѣнковъ и толковъ, начиная Фридрихомъ Великимъ, Вольтеромъ и Х. Вольфомъ и кончая якобинцами. *Г. Еллинекъ. Право современнаго государства (СПБ. 1903) г. стр. 155—156. М. А. Рейснеръ Общественное благо и абсолютное государство*. („Государство и вѣрующая личность“), *стр. 278* и сл.

[4]) „Члены всякаго общества могутъ единодушно согласиться въ цѣли“—говоритъ Пестель, *Русская Правда* § *1*.

[5]) Государство—по опредѣленію Пестеля—есть „устроенное и приведенное въ порядокъ“ *гражданское* общество, *ibid.* § *3, стр. 2*.

коиться на тѣхъ самыхъ «неизмѣнныхъ» естественныхъ законахъ, которые диктуетъ намъ суверенный Разумъ и Воля Всевышняго. Оно, это идеальное государство, становится, слѣдовательно, носителемъ естественно-правовой идеи и тѣхъ задачъ, которыя предопредѣляются послѣдней, ибо «обязанности въ государствѣ истекаютъ изъ цѣли государства», а цѣль эта, по опредѣленія Пестеля, заключается въ «благоденствіи гражданскаго общества» [1]). Здѣсь мы и подходимъ къ самому основанію политической доктрины «Наказа».

«Естественный разумъ» съ его постулатомъ всеобщаго благоденствія, по мысли Пестеля, долженъ стать *разумомъ государства*, т.-е., говоря иначе,—«законы политическіе должны утвердить и обезпечить законы духовные и естественные». Въ этомъ Пестель видитъ единственное оправданіе самой государственной власти и ея безусловнаго авторитета [2]), полагая, что иначе послѣдняя неизбѣжно выродится въ «зло-

---

[1]) *Ibid.*, § *6, стр. 4—5.* „Цѣль же государственнаго устройства должна быть—возможное благоденствіе всѣхъ и каждаго“ или „возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ“. Эти крылатыя слова Бентама Пестель не устаетъ повторять на всѣ лады, подчеркивая въ то же время, что „благоденствіе общественное должно считаться важнѣе благоденствія частнаго“, *ibid., стр. 5, 13, 60 и 67.*

[2]) Идея общаго блага, такимъ образомъ, была не только самой распространенной идеей XVIII ст. на Западѣ, но и у насъ, въ моментъ расцвѣта теоріи и практики „просвѣщеннаго“ имперскаго деспотизма. Пестель, въ данномъ случаѣ, продолжалъ, слѣдовательно, нашу собственную политическую традицію. Еще Ѳ. Прокоповичъ изъ естественнаго права выводилъ основную норму, что „единственная цѣль установленія какой бы то ни было формы правленія есть всенародная польза“ и что поэтому монархъ можетъ повелѣвать своимъ подданнымъ все, „что ему ни понравится: только бы народу не вредно и волѣ Божіей не противно было“. Екатерина II въ своемъ „Наказѣ“ развивала тѣ же мысли. „Предлогъ самодержавнаго правленія“, по ея словамъ „не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность: но чтобы *дѣйствія ихъ направити* къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра“ или „къ достиженію самаго большаго для людей блага“, см. *Наказъ Е. И. В. Екатерины В., ст. ст. 13, 42-44, 520—521.* Исходя изъ тѣхъ же предпосылокъ, и кн. М. Щербатовъ выдвигалъ идею „общей выгоды“, „блаженства“ и „благосостаянія каждаго“, какъ основное руководящее начало для истинной монархіи, которая, по его мнѣнію, тѣмъ отличается отъ тираніи, что „въ монархіи Государь есть для народа“, напротивъ, „въ самовластномъ правленіи народъ является быть здѣланъ для Государя“. *Собраніе сочиненій т. I, стр 228, 343—44, 421, 924 и др. Ср. Русская Правда, § 4.* Тѣже тенденціи встрѣчаемъ мы и у Радищева. Государственная власть призвана и у него, въ сознаніи „обширности своихъ обязанностей“, блюсти „пользу общую“ ради „достиженія блаженства общественнаго“, *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, стр. 156—161, 49, 199—203 и др.* На той же точкѣ зрѣнія „легальнаго деспотизма“ абсолютистовъ-традиціоналистовъ стоялъ и Н. М. Карамзинъ, выводившій изъ идеи „общественнаго блага“ и „общественнаго договора“ („завѣта“) понятіе объ „обязанностяхъ“ монарховъ и даже „границахъ“ ихъ полномочій. *Карамзинъ.*

властіе» или, какъ сказалъ бы кн. Щербатовъ, въ «деспотичество»[1]). Такимъ путемъ на долю государственной власти, согласно «Русской Правдѣ», выпадаетъ высокая миссія реализовать раціоналистическій идеалъ *совершеннаго общества*, которое у нашего автора всецѣло покрывается понятіемъ *государства*. Для Пестеля рѣшеніе этой проблемы не представляетъ серьезныхъ затрудненій. Игнорируя вполнѣ историческое прошлое и конкретную соціальную среду, авторъ «Наказа» усматриваетъ въ настоящемъ случаѣ чисто *техническую* задачу. Онъ разсуждаетъ формально, абстрактно, какъ математикъ, и производитъ свои выкладки такъ, какъ будто бы передъ нимъ вмѣсто живого общественнаго организма находился чистый листъ бумаги. Поэтому и на государство онъ смотритъ какъ на механическую силу, которая призвана перестроить общество въ своеобразную геометрическую фигуру, при чемъ за центръ построенія, конечно, принимается абсолютный, властно-регламентирующій авторитетъ правительственной власти[2]). Поэтому же и вопросъ о коренной реорганизаціи общества у него сводится къ вопросу объ измѣненіи *формы правленія*, т.-е. реформѣ *политической*, однимъ изъ результатовъ которой является и самая соціальная программа Пестеля[3]). *Организація «правительства»* — такова основная тема «Русской Правды», какъ «*наказа* временному верховному правленію». И дѣйствительно, на «образъ управленія» Пестель возлагаетъ всѣ свои надежды[4]).

По мнѣнію автора «Наказа», государство и его органъ правительство, располагая всей полнотой верховной власти имѣютъ широкую и завидную возможность путемъ законодательныхъ предписаній свободно распоряжаться общественными силами страны. «Самые дѣйствительные

Записка о древней и новой Россіи, стр. 2272, 2251—2. См. также *A. Lemaire Les lois fondamentales et la monarchie française*, p. III, p. *102 - 103, 279*; *Hitier. La doctrine de l'absolutisme, p. 116—128*; *Koser. Die Epochen der absoluten Monarchie, S. S. 278, 279.*

[1]) *Русская Правда*, § *10. Ср. кн. М. Щербатовъ, op. cit., т. I, стр. 343, 383, 387—389.*

[2]) „Я сдѣлался въ душѣ республиканцемъ,—говорилъ Пестель на допросѣ—и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ Республиканскомъ правленіи". *Павловъ—Сильванскій, op. cit., стр. 29.* Передъ этимъ въ своихъ отвѣтахъ коммиссіи Пестель подвергъ суровой критикѣ „конституціонную монархію", въ которой онъ усматривалъ лишь „покрывало" абсолютизма, „неограниченности".

[3]) *Русская Правда, гл. 1,* § *8 и гл. II,* § *2.*

[4]) Авторъ сознательно устраняетъ при этомъ всякое вмѣшательство „народа" въ дѣло преобразованія „правленія". Диктаторское временное правительство должно провести у него всю реформу, разъ навсегда опредѣливъ *взаимныя* отношенія „государства" и „народа". Въ опредѣленіи этихъ отношеній мы и находимъ ключъ къ пониманію всей политической доктрины Пестеля.

наставники народовъ суть законы государственные (формулируетъ Пестель свое profession de foi): *они образуютъ и, такъ сказать, воспитываютъ народы и по нимъ нравы, обычаи, понятія, видъ свой и дѣятельность свою получаютъ. Отъ нихъ исходитъ направленіе умовъ и волей и потому утвердительно сказать можно, что политическіе и гражданскіе законы содѣлываютъ народы таковыми каковыми они суть*»[1]). Этимъ и опредѣляется призваніе и роль государственной власти, власти распорядительной и регламентирующей по преимуществу. Заявляя, что «правительство» во всякомъ государствѣ «учреждено для блага народнаго»[2]), Пестель отсюда выводитъ и соотвѣтствующую «обязанность» правительства—«доставлять народу благоденствіе»[3]). Лучшимъ же и надежнѣйшимъ средствомъ для «водворенія благоденствія»[4]) онъ считаетъ установленіе на все «коренныхъ правилъ»[5]). Съ этой цѣлью онъ и пишетъ свою «Русскую правду». «Русская Правда—говоритъ Пестель—приводитъ государственное преобразованіе въ положительные ходъ и дѣйствіе тѣмъ, что *все опредѣляетъ и на всѣ предметы коренныя правила издаетъ*»[6]). Съ помощью этихъ «правилъ» авторъ «Наказа» надѣется «водворить» всеобщее блаженство, вѣруя во всеспасающую силу предписывающей нормы благожелательнаго «закона»[7]). «Опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ—настойчиво повторяетъ онъ—доказали, что *народы вездѣ бываютъ*

---

[1]) *Ibid., стр. 38.* „Я видѣлъ (говорилъ Пестель передъ слѣдственной комиссіей), что благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительствъ“, *Павловъ—Сильванскій, op. cit., стр. 27.*

[2]) *Русская Правда, стр. 6.*

[3]) *Ibid., стр. 6, § 8, и стр. 7 и 62.* Абсолютисты—монархисты точно также говорили о „должности“ монарха, подобно тому какъ сами коронованные философы имѣли обыкновеніе величать себя „первыми слугами“ своего народа.

[4]) *Ibid., стр. 13.*

[5]) „Но поелику понятія о благоденствіи бываютъ весьма различны и разнообразны, то и нужно сему положить нѣкоторыя основанія или коренныя правила“, *ibid., стр. 4, § 6.* Это и есть правила естественнаго, разумнаго и равнаго для всѣхъ права, которое должно быть декретировано государствомъ.

[6]) *Ibid., стр. 11.* Нельзя по этому поводу не вспомнить оригинальной утопіи XVIII ст., принадлежащей перу кн. М. Щербатова „Путешествіе шведскаго дворянина С. въ Офирскую землю“. Въ идеальномъ полицейскомъ государствѣ Щербатова также установлены „на все подробныя узаконенія“ и въ тѣхъ же цѣляхъ всеобщаго блаженства. Въ основѣ всѣхъ этихъ разсужденій лежитъ, очевидно, убѣжденіе, весьма удачно формулированное въ 241 ст. Екатерининскаго „Наказа“, гдѣ говорится, что „хорошее законоположничество... не что иное есть, какъ искуство приводитъ людей къ самому совершенному благу, или оставлять между нами, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло“.

[7]) „Коль скоро—говоритъ Пестель—всѣ дѣянія, какъ правительства, такъ и частныхъ людей на сихъ правилахъ основаны будутъ, то государство несомнѣнно пользоваться будетъ возможнымъ благоденствіемъ“, *Русская Правда стр. 5, 10.*

таковыми, каковыми ихъ содѣлываютъ правленіе и законы, подъ коими они живутъ» [1]). Поэтому Пестель и стремится цѣликомъ завладѣть *личностью* гражданина-подданнаго, превративъ его въ послушное орудіе государственной власти съ тѣмъ, чтобы, говоря словами Екатерининскаго «Наказа», «вселить узаконеніями добрые нравы въ гражданъ [2]) и сдѣлать ихъ такимъ путемъ счастливыми и добродѣтельными [3]). Для Пестеля государство, дѣйствительно, превращается въ «Zwangsanstalt für das Glück der Völker», какъ мѣтко назвалъ Л. Штейнъ «полицейское государство» западной Европы. При такихъ условіяхъ понятно, почему авторъ «Русской Правды» готовъ былъ такъ безпредѣльно расширять опекающую и направляющую роль «правительства». Законы государства, по его мнѣнію, должны давать «направленіе умовъ и волей» [4]) и такимъ путемъ создавать единообразіе «понятій и образа мыслей» [5]) въ головахъ гражданъ, что, въ свою очередь, будетъ способствовать утвержденію «высшей степени крѣпости» государственнаго союза [6]). Но, что особенно важно, «одинаковые гражданскіе законы на цѣломъ пространствѣ государства» будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе рѣшительнымъ образомъ содѣйствовать «къ дарованію всѣмъ частямъ онаго одинаковаго оттѣнка нравственности, а тѣмъ самымъ и произведутъ ту совершенную крѣпость и истинно тѣсную политическую связь въ государствѣ, коея существованіе столь благодѣтельно» [7]). Нравственное *воспитаніе* гражданъ съ помощью «законовъ» и «правилъ» является, такимъ образомъ, конечной задачей «правительства», ибо для Пестеля «истина политическая» и «истина нравственная»—одно и то же [8]). Отсюда же слѣдовалъ и дальнѣйшій выводъ, формулированный Пестелемъ въ бесѣдѣ съ Бурцовымъ, что прежде всего «надлежитъ исправить правленіе, отъ коего

---

[1]) *Ibid., стр. 56.*

[2]) *Наказъ Е. И. В. Екатерины Вторыя ст. 83.*

[3]) Указавъ, что „коренныя правила“, установленныя „Правдой“, должны быть введены въ жизнь „Временнымъ верховнымъ правленіемъ“, Пестель добавляетъ: „а народъ обязанъ сему введенію не только не противиться, но напротивъ того временному Верховому правленію усердно всѣми силами содѣйствовать и неумѣстнымъ нетерпѣніемъ не вредить преуспѣванію народнаго возрожденія и государственнаго преобразованія“, *Русская Правда, стр. 11.*

[4]) Законы должны, такимъ образомъ, опредѣлить „то, что каждому *надлежитъ хотѣть*“, см. *Е. И. В. Екатерины В., ст. 37.*

[5]) *Русская Правда, стр. 22.*

[6]) *Ibid., стр. 36.*

[7]) *Ibid., стр. 38.* „Нравственность (говоритъ Пестель въ другомъ мѣстѣ) утверждается въ народѣ совокупностью духовныхъ, естественныхъ и политическихъ законовъ“, *ibid., стр. 237, § 17.* „Всѣ постановленія государственныя должны быть въ связи и согласіи съ обязанностями человѣка въ отношеніи къ вѣрѣ и Всевышнему создателю міровъ“, *ibid., стр. 4, § 6.*

[8]) *Ibid., стр. 38.*

уже и нравы исправятся»[1]). Но, понимая столь всеобъемлюще и широко призваніе «государства», авторъ «Наказа» естественно долженъ былъ включить и «вѣру» въ число орудій государственной власти, обязанной, такъ сказать, привести къ одному знаменателю «образъ мыслей», нравы и совѣсть «всѣхъ и каждаго». Признавъ, что «нравы народные зависятъ вездѣ отъ вѣры и правительства»[2]). Пестель прямымъ путемъ пришелъ къ признанію другой руководящей «истины» философскаго вѣка, что религія должна быть служанкою государства[3]). Вмѣстѣ съ великими «отцами» раціоналистической церкви онъ закончилъ провозглашеніемъ ея *государственнаго* характера: «а посему—говоритъ Пестель—духовенство должно быть признано *частью правительства*, и частью самою наипочетнѣйшею. Оно есть вѣтвь государственнаго управленія, отрасль чиноначальства и чѣмъ тѣснѣе связь между духовными и мірянами, тѣмъ счастливѣе народъ, тѣмъ благополучнѣе государство.—Сами же духовныя лица суть чиновныя особы и вмѣстѣ съ тѣмъ россійскіе граждане, какъ и всѣ вообще чиновники[4]).

---

[1]) *Павловъ—Сильванскій. Декабристъ Пестель, стр. 9.*

[2]) *Русская Правда, стр. 38.*

[3]) „Государственная религія“ и „государственная церковь“— это одинъ изъ самыхъ священныхъ догматовъ философіи XVIII ст., которому одинаково присягали на вѣрность и Рейналь, и Вольтеръ, и Монтескье, и Руссо, и Гельвецій, и Вольфъ, и Зонненфельсъ, и Мирабо, и Робеспьеръ. Пестель въ этомъ отношеніи нерѣдко почти буквально воспроизводитъ наиболѣе яркія формулировки виднѣйшихъ европейскихъ авторитетовъ и знаменитостей, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же направленіи и нашу собственную „россійскую“ традицію имперскаго періода. Понятно, что и выводы, къ которымъ приходитъ въ концѣ концовъ Пестель будутъ тѣ же, что и у его учителей. См. *М. А. Рейснеръ. Духовная полиція въ Россіи, гл. II и III.* Отмѣченный взглядъ особенно ярко былъ выраженъ у насъ Н. Карамзинымъ: „Исторія—писалъ онъ—подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми политическими философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что Вѣра есть особенная сила государственная“, *Исторія, т. V, стр. 372.*

[4]) *Русская Правда, стр. 62, 64 и 91.* „А посему и должно церковное богослуженіе входить въ кругъ государственныхъ предметовъ“, *ibid., стр. 172.* Авторъ „Наказа“ имѣлъ въ виду создать также особое „министерство духовныхъ дѣлъ“, гдѣ и должна была быть сосредоточена названная выше „вѣтвь государственнаго управленія“, *ibid., стр. 63.* Характерно, что Пестель подчеркиваетъ при этомъ, что „духовенство“ отнюдь не образуетъ „сословія“, а есть лишь „отрасль“ чиноначальства, *ibid., стр. 61.* Не трудно видѣть, что и въ данномъ случаѣ Пестель только повторяетъ ходячія „истины“ философскаго вѣка. Онъ какъ бы переписываетъ слова Мирабо, что „духовныя лица это только оплачиваемые государствомъ чиновники морали и просвѣщенія“ или положеніе Робеспьера, что „священники—это настоящіе чиновники“. Въ формулировкахъ Пестеля мы слышимъ также и голосъ Гельвеція, когда онъ резюмируетъ, что „священникъ не можетъ

(курсивъ П.). Понятно, что при такихъ условіяхъ государство Пестеля, въ качествѣ носителя абсолютной «политической истины» и органа воли Всевышняго, само должно было превратиться въ непогрѣшимый, абсолютный авторитетъ, высоко вознесенный надъ «народомъ», обществомъ и каждымъ индивидомъ въ отдѣльности [1]). Идея *государства*, обожествленнаго въ своей цѣли [2]), претворившись въ идею государственнаго *интереса*—«блага государственнаго»—становилась теперь тѣмъ кумиромъ, который деспотически требовалъ себѣ «жертвы всесожженія» и передъ которымъ должна была покорно склониться всякая воля. Монополизируя въ своихъ рукахъ задачу насажденія всеобщаго «благоденствія», государство тѣмъ самымъ становилось на мѣсто общества, цѣликомъ поглощая послѣднее въ своемъ правительственномъ аппаратѣ. Оно присвоивало себѣ исключительное право на «дѣйствіе отъ лица всего общества», противопоставляя этому праву, право одинокой личности, т.-е. права «частныхъ

принести дѣйствительной пользы иначе, какъ въ качествѣ чиновника для нравственнаго ученія“ и т. д. Отсюда не трудно было уже вывести и требованіе „духовной полиціи“, которую призналъ, конечно, и Пестель, оговорившись, однако, что „инквизиція не должна... существовать“, *ibid., стр. 239, 237*. См. *Рейснеръ. Духовная полиція въ Россіи, гл. III, стр. 59—60, 73*. Весьма умѣстно будетъ вспомнить въ настоящемъ пунктѣ и Офирское государство кн. Щербатова, гдѣ религіозный культъ также разсматривается какъ одна изъ функцій правительства и гдѣ богослуженіе и проповѣдничество отправляется „офицерами полиціи“ (благочинными—санкреями), призванными внѣдрять нравственныя заповѣди въ сердца счастливыхъ „гражданъ“ *Сочиненія, т. I, стр. 787 и сл., гл. IV*. Особенно видная роль, какъ у Щербатова, такъ и у Пестеля выпадаетъ на долю „сельскихъ священниковъ“, которые должны были соединять въ себѣ искусство „врачеванія нравственнаго съ врачеваніемъ тѣлеснымъ“, *Русская Правда стр. 61*; *Сочиненія кн. М. Щербатова, т. I, стр. 737—733 и д.*

[1]) *Русская Правда, стр. 199*. Свой трактатъ Пестель начинаетъ прежде всего обоснованіемъ или, лучше сказать, утвержденіемъ столь характернаго для „политическихъ наукъ“ его времени положенія о необходимости рѣзкаго раздѣленія общества „на повинующихся и повелѣвающихъ“, общество или „народъ“, съ одной стороны, и „государство“ или „правительство“—съ другой. „Сіе раздѣленіе неизбѣжно—говоритъ онъ—потому что происходитъ отъ природы человѣческой“, *ibid., § 2—4, 7 и 12*. Какъ извѣстно, на этомъ фундаментѣ покоилось, можно сказать, все зданіе государственнаго абсолютизма. *Ср. Наказъ Е. И. В. Екатерины В., ст. 250*; *кн. Щербатова, op. cit., стр. 222*. См. также *М. А. Рейснеръ. Общественное благо, стр. 291, 311 и сл., 387*.

[2]) Это также была одна изъ типическихъ чертъ теоріи абсолютизма. Царь и императоръ всероссійскій „Божіею милостью“ смѣнялся у Пестеля *государствомъ* „волею Всевышняго“. Слѣдуетъ вообще сказать, что всѣ основные принципы абсолютизма *монархическаго* нашли свою санкцію въ республиканскомъ государственномъ абсолютизмѣ Пестеля.

лицъ», «повинующихся»[1]). «Правительство—по опредѣленію Пестеля—есть совокупность *всѣхъ* лицъ, *занимающихся отправленіемъ дѣлъ общественныхъ*»[2]). Оно одно дѣйствуетъ отъ лица общества, во имя общественныхъ интересовъ и за общество[3]). Внѣ правительства, по существу, нѣтъ и общества, а только отдѣльные «граждане», на которыхъ лежитъ обязательство «доброхотнаго», какъ сказалъ-бы Ѳ. Прокоповичъ, повиновенія. Поэтому, если «обязанность» перваго—«доставлять народу благоденствіе» всѣми возможными средствами, то обязанность послѣднихъ—повиноваться и всячески содѣйствовать «видамъ» правительства[4]). Исходя изъ указанныхъ принциповъ государственнаго абсолютизма, Пестель заявляетъ себя горячимъ и крайнимъ *централистомъ*. Единое «государство», единая власть, единый законъ, единая территорія, единый народъ, единый «образъ мыслей» и, наконецъ, единая вѣра—таковъ его боевой лозунгъ[5]). Все дальнѣйшее будетъ лишь прямымъ выводомъ изъ этой формулы. И надо отдать должное автору «Русской Правды», онъ съ рѣдкой прямолинейностью начерталъ свой планъ идеальной *полицейской республики*, которую онъ столь же

---

[1]) *Русская Правда*, § *3, стр. 3—4.*

[2]) *Ibid*, § *8.*

[3]) Здѣсь сказались тѣ же тенденціи просвѣщеннаго деспотизма, которыя такъ превосходно были формулированы въ одномъ баварскомъ эдиктѣ 1804 г: „истинное благо государства, такъ же какъ и благо гражданъ, можетъ быть насаждаемо только правительствомъ, такъ какъ никому другому не предоставлено обозрѣвать отношенія вообще (im Allgemeinen durchblicken) и черезъ это соображать благополучіе цѣлаго". Такимъ образомъ, *общественная* дѣятельность является „предметомъ вѣдѣнія" правительства, которое не терпитъ въ этой сферѣ никакой конкуренціи. См. *Рейснеръ. Общественное благо и т. д., стр. 302.*

[4]) „Правительство—говоритъ Пестель—не сможетъ выполнить своей обязанности и *государству доставить благоденствіе*, если не будетъ имѣть власти, *соразмѣрной важности и обширности цѣли гражданскаго общества*.... сія власть распространяетъ свои дѣйствія *по всѣмъ предметамъ на цѣлое государство*, имѣя при томъ много подчиненныхъ властей", *Русская Правда, стр. 7.* „Исполненіе приказаній верховной власти есть всегдашняя, непремѣнная обязанность каждаго частнаго общественнаго человѣка", *ibid., стр. 235. Рейснеръ, op. cit. стр. 322.*

[5]) «Государство должно въ политическомъ отношеніи *цѣлое* составлять», —говоритъ Пестель; а это возможно, по его мнѣнію, „только тогда, когда, *одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія во всѣхъ частяхъ государства* существуетъ" и когда „всѣ губерніи будутъ одинаковыми правами наслаждаться и правленіе во всѣхъ будетъ одинаковымъ образомъ устроено", *ibid., стр. 36—37, 39.* Въ результатѣ, думаетъ Пестель, „вся Россія, на цѣломъ своемъ пространствѣ, являла бы видъ *единородства, единообразія и единомыслія*", *ibid., стр, 55. Ср. П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Іосифа II, стр. 229, 249 и др.*

послѣдовательно намѣревался ввести въ жизнь путемъ установленія длительной диктатуры революціоннаго «временнаго» правительства.

Стремясь всюду установить неограниченное господство центральной верховной власти, «правительства», авторъ «Наказа», въ первую очередь, долженъ былъ, конечно, отвергнуть федеративный принципъ, горячимъ сторонникомъ котораго, какъ извѣстно, былъ Н. Муравьевъ. Въ федерализмѣ Пестель видитъ опасное «сѣмя къ разрушенію» государства, возвратъ къ «удѣльной системѣ, которая (по его словамъ) также не что иное было, какъ родъ федеративнаго устройства государства»[1]). «Погубнѣйшій вредъ и величайшее зло»[2]) федеративнаго строя—по существу авторъ имѣетъ въ виду конфедерацію[3])—Пестель усматриваетъ въ томъ, что *правовое* обособленіе отдѣльныхъ автономныхъ областей неминуемо повлечетъ за собой полный внутренній распадъ государства, создавъ вмѣсто одного множество центровъ средоточія политическихъ силъ, «маленькихъ отдѣльныхъ государствъ»[4]). «Особые законы, особый образъ правленія и особыя *оттого происходящія понятія и образъ мыслей* еще болѣе ослабятъ связь между разными областями»[5])—говоритъ Пестель. Поэтому онъ смѣло объявляетъ, что «*частное* благо области» должно быть принесено въ жертву «общему благу *всего* государства»[6]), совершенно такъ, какъ благо индивидуальное—благу того же государства, ибо «благоденствіе общественное должно считаться важнѣе благоденствія частнаго»[7]). При семъ, отвергая совершенно автономическій принципъ, Пестель продолжаетъ стоять на своей нравственно-политической точкѣ зрѣнія. Централизація политическая и юридическая для него является только средствомъ централизаціи внутренней или, лучше сказать, психологической: единое государство въ сознаніи «гражданъ» должно создать, по мнѣнію автора, понятіе единаго «отечества», сплотивъ, такимъ путемъ, всѣхъ въ общемъ чувствѣ государственнаго *патріотизма*. Напротивъ, разсуждаетъ Пестель, «любовь къ одной *своей* области», при федераціи, необходимо убьетъ любовь къ «цѣлому», т.-е. государству, какъ таковому. Конечный выводъ напрашивается самъ собой: такъ какъ служить одновременно двумъ господамъ нельзя, а

---

[1]) *Ibid., стр. 22—23.*

[2]) *Ibid., стр. 23.*

[3]) *Ibid., стр. 21—22*: „Верховная власть, по существу дѣла, въ федеративномъ государствѣ не законы даетъ, но только совѣты: ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ“. Ср. *М. Ковалевскій. Русская Правда Пестеля, стр. 10—14.*

[4]) *Русская Правда, стр. 22*, § 4.

[5]) *Ibid., стр. 22.*

[6]) *Ibidem.*

[7]) *Ibid., стр. 5.*

государство Пестеля стремится завладѣть личностью гражданина вполнѣ и безусловно, то автору «Наказа» и не остается ничего иного, какъ «объявить Россійское государство... *единымъ* и *нераздѣльнымъ*»[1] (курсивъ П.).

Подходя съ этой точки зрѣнія къ вопросу о способахъ образованія и «предѣлахъ» единой территоріи Россійскаго государства, Пестель намѣчаетъ два руководящихъ начала въ указанномъ направленіи: «правило народности» и «правило благоудобства»[2]). Въ силу перваго изъ нихъ народы, пользовавшіеся когда либо «самостоятельной политической независимостью», должны быть отдѣлены отъ Россіи и возстановлены въ своихъ первоначальныхъ правахъ, какъ напр., Польша[3]); въ силу второго—«народы» и «племена», которые «никогда не пользовались и никогда пользоваться не могутъ самостоятельною независимостью», должны «соединиться *духомъ и обществомъ* съ большими государствами» и слить «свою народность съ народностью господствующаго народа»[4]), забывъ разъ навсегда «свою прежнюю безсильную народность» и переставъ «безполезно мечтать о дѣлѣ невозможномъ и несбыточномъ»[5]), т.-е. о своей автономіи. Къ этой категоріи народностей Пестель относитъ, напр., Финляндію, которая, согласно его проекту, должна утратить свою обособленность и всецѣло войти въ государственный составъ Россіи[6]).

---

[1]) *Ibid., стр. 23, 36.*

[2]) *Ibid., стр. 13—14, 15 и 18.*

[3]) *Ibid., стр. 16 и 18.* „По *правилу* народности должна Россія даровать Польшѣ независимое существованіе“, говоритъ Пестель. М. М. Ковалевскій, поэтому, не точно передаетъ мысль Пестеля, говоря, что послѣдній, высказываясь за „централизованное государство“, „дѣлаетъ исключеніе“ для Польши. Никакого „исключенія“, въ дѣйствительности, Пестель не дѣлаетъ; напротивъ, Польша отдѣляется отъ Россіи, по его проекту, на томъ же основаніи, почему всѣ другія земли и, въ частности, Финляндія подлежатъ полной ассимиляціи со стороны господствующей „величественнѣйшей народности“ русской, т.-е. въ силу того общаго „правила“, которое авторъ „Русской Правды“ устанавливаетъ для любого конкретнаго случая. См. *М. Ковалевскій, op. cit., стр. 14—15.*

[4]) *Русская правда, ст. 14.*

[5]) *Ibid., стр. 14—15.* Объявивъ, что „слабыя“ народности должны быть поглощены сильнѣйшими по праву „благоудобства“, Пестель, несмотря на свой взглядъ, что Россіи „не о распространеніи предѣловъ помышлять“ слѣдуетъ, положительно высказался за завоевательную политику. Онъ настаивалъ на томъ, что къ Россіи „необходимо надобно присоединить“ Молдавію, Кавказъ, Киргизовъ и, наконецъ, Монголію, которая, по его словамъ, находится „подъ мнимымъ владычествомъ Китая “и съ успѣхомъ можетъ быть инкорпорирована нами, *ibid., стр. 16—18.* Захваты эти нужны Пестелю „для твердаго установленія государственной безопасности“ извнѣ, *ibid., стр. 16. Ср. Митрофановъ, op. cit., стр. 103.*

[6]) *Ibid., стр. 15* и *41.* Пестель опасается, что при сохраненіи автономіи „областное правительство будетъ *разсуждать*, что оно гораздо лучше устроило

Но, отрицая столь категорически право автономіи, Пестель, однако, не ограничился однимъ утвержденіемъ общаго принципа. Связавъ заранѣе вопросъ о политической централизаціи съ вопросомъ о правахъ «народностей», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказался и весьма рѣшительно въ пользу *господствующей* народности, т.-е. великороссійской [1]). На пути къ осуществленію поставленной задачи Пестель не останавливается ни передъ чѣмъ: его девизъ—одинъ народъ, одна вѣра, одинъ языкъ [2]), т.-е. единство народнаго «духа»! Политика «обрусѣнія», поэтому, является направляющимъ принципомъ національной политики автора «Наказа». Такъ, говоря о Финляндіи, Литовскомъ краѣ, Бессарабіи, иностранцахъ-колонистовъ и прочихъ инородцахъ, онъ заявляетъ, что «всѣ средства *должны быть приняты,* дабы дать возможность» перечисленнымъ областямъ «совершенно обрусѣть и сдѣлаться однородными частями одного и того же цѣлаго, т.-е. государства Россійскаго» [3]). Тѣ же мѣры рекомендуются имъ и по отношенію къ кочующимъ народамъ и татарскимъ племенамъ, къ которымъ Пестель предполагаетъ высылать миссіонеровъ съ тѣмъ, чтобы «ихъ склонять къ воспринятію св. крещенія [4]).

бы государственныя дѣла въ отношеніи къ *своей области* безъ участія Верховной власти" и тогда явится „новое сѣмя къ разрушенію" государственнаго единства. Въ республикѣ же Пестеля, какъ увидимъ ниже, „разсуждать" не полагается, *ibid., стр. 22.*

[1]) „Всѣ племена должны быть слиты въ одинъ народъ", такъ гласитъ заголовокъ § 16 гл. II-ой „Русской правды". Верховное правленіе, по словамъ Пестеля, должно поэтому „непремѣнную цѣль имѣть въ виду, чтобы составить изъ нихъ (племенъ) всѣхъ только *одинъ* народъ и всѣ различныя оттѣнки въ одну общую массу слить такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства россійскаго государства *всѣ были русскіе*". Поэтому необходимо, чтобы „господствовалъ одинъ только языкъ россійскій", чтобы самыя имена племенъ были уничтожены и всѣ назывались бы одинаково „русскими", *ibid., стр. 55, 41—42, 44.*

[2]) *Ibid., стр. 39.*

[3]) *Ibid., стр., 43, § 7, стр., 44, 56, 58.*

[4]) *Ibid., стр., 45.* Духовенство вообще играетъ видную роль въ этомъ обрусительномъ процессѣ и авторъ не разъ напоминаетъ читателю, что необходимо „особенное же приложить стараніе правильнаго дѣйствія духовнаго чина" (*ibid., стр. 42, 45, 46*), такъ какъ „усиленіе вѣры въ истинно христіанскомъ духѣ наиболѣе можетъ способствовать къ смягченію суровыхъ нравовъ и введенію просвѣщенія и образованности", *ibid., стр. 50.* Для цыганъ Пестель прямо ставитъ альтернативу: „или, оставить Россію, или, принявъ вѣру православную, распредѣлиться по волостямъ", *ibid., стр. 46.* Такимъ образомъ націоналистическія симпатіи автора, стоящаго на точкѣ зрѣнія государственнаго „самодержавія", проникнуты ярко исповѣдными тенденціями, при чемъ принципъ „народности" у него соединяется съ принципомъ „православія", *ibid., стр. 39, 50—53 „Христіанская православная, греко-римская вѣра признана быть должна*— говоритъ Пестель—*господствующею вѣрою великаго государства Россійскаго", ibid., стр. 239.*

Но особенно непримиримо относится нашъ диктаторъ къ кавказскимъ народамъ и евреямъ. Кавказъ, можно сказать, онъ обрекаетъ полному разгрому [1]), евреевъ же готовъ былъ бы выселить изъ Россіи «въ какую либо часть Малой Азіи», предоставивъ имъ право «учрежденія особеннаго отдѣльнаго государства [2]). Всѣми этими мѣропріятіями Пестель надѣется сплотить русское государство и обезпечить ему истинное «благоденствіе».

Отвергнувъ послѣдовательно политическую автономію и права подчиненныхъ «народностей» внутри централизованнаго такимъ путемъ «россійскаго государства», Пестель естественно допускалъ лишь одну единственную систему государственнаго дѣленія, систему чисто механическаго, единообразнаго раздѣленія политической территоріи на

---

[1]) *Ibid.*, *стр. 47—48*. Авторъ требуетъ, 1) полнаго покоренія „всѣхъ народовъ“ Кавказа 2) насильственнаго переселенія („силою переселить“) „буйныхъ“ племенъ „во внутренность Россіи“ и 3) выселенія на Кавказъ „русскихъ переселенцевъ“. Этими мѣропріятіями Пестель надѣется „изгладить на Кавказѣ даже всѣ признаки прежнихъ ея обитателей и обратить сей край въ спокойную и благоустроенную область русскую“, *ibid.*, *стр. 48*. Насильственное разселеніе авторъ рекомендуетъ и въ другихъ случаяхъ, напр., для иностранныхъ колонистовъ, запрещая дальнѣйшее образованіе подобныхъ колоній и предписывая „вводить ихъ въ составъ русскихъ волостей, уже существующихъ, дабы они удобнѣе и скорѣе могли обрусѣть“, *ibid.*, *стр. 44*, *45*. Такимъ образомъ Пестелю племена, народы, наконецъ, вся вообще масса „гражданъ“ представляется какъ бы въ видѣ колоды картъ, которыя онъ перетасовываетъ и раскладываетъ по своему собственному „благомнѣнію“, „яко самовластный государь“, въ полной увѣренности, что всѣ эти мѣропріятія оправдываются „всенародною пользою“.

[2]) Пестель раздѣлялъ общую многимъ декабристамъ непріязнь къ евреямъ. Возможно, что на его отношенія къ еврейству вліяли и нѣкоторыя западныя теченія (см. *В. Семевскій*, *op. cit*, *стр. 170—171*), однако, нельзя сомнѣваться, что, формулируя свои взгляды по еврейскому вопросу, Пестель главнымъ образомъ исходилъ все изъ тѣхъ же основныхъ предпосылокъ своей политической доктрины, Онъ прежде всего, говоря о евреяхъ, отмѣчаетъ самую „опасную“ черту ихъ характера: крайнюю обособленность, отчужденность еврейства отъ христіанскаго общества. Автору „Наказа“ особенно не нравится то, что евреи „неимовѣрно тѣсную связь между собою сохраняютъ, никогда другъ друга не выдаютъ ни въ какихъ случаяхъ“ и выше всего цѣнятъ интересы своего „общества“, своей національности. Благодаря всему этому, по словамъ Пестеля, евреи „составляютъ *въ государствѣ*, такъ сказать, *государство*“. Своей сплоченностью и религіозной исключительностью они рѣзко выдѣляются „противу христіанъ“, рѣшительно сопротивляясь процессу ассимиляціи. „Вышеозначенное зло“, резюмируетъ авторъ, должно быть „прекращено“ и замѣнено „такимъ, порядкомъ.. который бы *соотвѣтствовалъ въ полной мѣрѣ общимъ кореннымъ* правиламъ, имѣющимъ служить основаніемъ политическому зданію Россійскаго государства“. Правительство въ правѣ этого требовать, пока евреи остаются въ предѣлахъ россійскаго государства, т. е. пока „Россія не выгоняетъ евреевъ“, какъ выражается Пестель, *ibid.*, *гл. II § 14.*

искусственные правительственные округа напередъ установленнаго размѣра—губерніи, уѣзды, и волости. Но такъ какъ унитарное государство Пестеля должно было непремѣнно состоять «изъ частей... въ политическомъ смыслѣ однородныхъ и однообразныхъ»[1]), то въ основу своего дѣленія онъ и положилъ простой ариѳметическій разсчетъ[2]). Диктаторское правительство «Русской Правды» уполномачивалось, поэтому, согласно «наказному» проекту, не стѣсняясь ни бытовыми, ни хозяйственными условіями страны, ни интересами отдѣльныхъ лицъ, расписать все государство по намѣченнымъ округамъ, предпринимая, «гдѣ нужно или удобно переноску или перестройку обывательскихъ домовъ и симъ способомъ соединяя нѣсколько селеній въ одно селеніе»[3]) и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, попутно, авторъ высказывается и противъ крупныхъ волостей, такъ какъ онѣ, по его мнѣнію, могутъ способствовать образованію большихъ городовъ, «а большіе города—говоритъ онъ—чрезвычайно вредны, особенно для нравственности, которая признана быть должна первымъ богатствомъ каждаго народа»[4]). Такимъ образомъ и въ настоящемъ случаѣ Пестель не забываетъ *воспитательной стороны дѣла*! Его «регулярное» государство, превращавшее каждаго обывателя въ простую принадлежность колоссальной правительственной машины, призванной вырабатывать всеобщее «благоденствіе», должно было въ тѣхъ же цѣляхъ представлять изъ себя своеобразную систему государственныхъ «поселеній», въ которой какъ бы причудливо отразилась несчастная идея «военныхъ поселеній» печальной памяти Аракчеева. Государство-фаланстеръ Пестеля, дѣйствительно, какъ увидимъ и далѣе, благодаря указаннымъ обстоятельствамъ принимало всѣ характерныя

---

[1]) *Ibid., стр. 36* § *2*.

[2]) *Ibid., стр. 24*. Каждая волость состоитъ изъ „1000 обывателей мужского пола“,

[3]) *Ibid., стр. 24—25*. „Таковые переносы деревень часто нынѣ дѣлаются и потому не встрѣтитъ мѣропріятіе сіе большихъ затрудненій“, говоритъ авторъ.

[4]) *Ibid., стр. 24*. Города у Пестеля отличаются отъ прочихъ селеній только тѣмъ, что они являются „мѣстопребываніемъ уѣзднаго начальства“! Сынъ крѣпостной земледѣльческой Россіи, физіократъ Пестель вообще несочувственно относится къ „капиталу“ и городской культурѣ. Его симпатіи всецѣло на сторонѣ „земледѣлія“, главное же „богатство“ онъ видитъ въ „нравственности“ и простотѣ жизни, *ibid., стр. 117—118, 45, 50, 73, 74, 78, 91, 206*. Богатство и „деньги“, говоритъ авторъ, „производятъ не минуемую порчу въ нравахъ“ *ibid. стр. 59*. „Поврежденіе нравовъ“, какъ причина и симптомъ разложенія государства, это—одна изъ любимыхъ тѣмъ публицистовъ XVIII ст. Во избѣжаніе подобнаго рода „поврежденія“ Пестель готовъ былъ „обратить въ первобытно земледѣльческое состояніе“ всѣхъ россійскихъ гражданъ и самое это состояніе сдѣлать „общимъ“. Поэтому и въ основу гражданскихъ правъ онъ кладетъ земельную собственность или земельный надѣлъ изъ общественнаго земельнаго фонда, *loc. cit.*

черты и особенности «принудительнаго заведенія для счастія народовъ», т.-е. настоящаго полицейскаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшительный противникъ политической автономіи, Пестель съ тѣмъ же недовѣріемъ относится и къ органамъ мѣстнаго окружнаго самоуправленія. На послѣдніе онъ смотритъ исключительно какъ на органы «правительственнаго» характера, отвѣтственные передъ центральной властью и какъ бы обязанные передъ ней круговой порукой за точное исполненіе предписаній «верховнаго правленія». Центральное правительство, говоритъ Пестель, «будетъ знать только волость и волостное правленіе, отъ сего послѣдняго требовать *частнаго исполненія* всѣхъ правительственныхъ дѣйствій и распоряженій и съ него *взыскивать за всякія упущенія*, въ личный же разборъ входить только тогда, когда волостное правленіе содѣйствія просить будетъ»[1]). Такимъ образомъ, въ глазахъ Пестеля, органы мѣстнаго самоуправленія являются только орудіемъ верховной власти, подчиненными органами «чиноначальства», какъ выражается онъ, призванными точно исполнять волю дирижирующаго центра[2]). Въ этомъ своемъ качествѣ намѣстныя собранія «Русской правды» уподобляются тѣмъ «малымъ протокамъ, сирѣчь правительствамъ, черезъ которые—по выраженію Екатерининскаго «Наказа»—изливается власть государственная»[3]). Съ точки зрѣнія идеала Пестеля такой взглядъ былъ вполнѣ послѣдователенъ. Авторъ «Русской Правды» не могъ признать за мѣстнымъ обществомъ права самостоятельнаго сужденія объ областныхъ нуждахъ; на долю этого общества оставалось, въ дѣйствительности, только одно исполненіе безъ «разсужденія», такъ какъ никто лучше верховнаго правительства не могъ знать, въ чемъ заключается секретъ «удобнѣйшаго доставленія общественнаго блага всему народу»[4]). Провинціальная система Пестеля привлекала его самого, именно, тѣми своими сторонами, что такимъ путемъ устранялись всякія *посредствующія* силы между центральной властью и народомъ,

---

[1]) *Ibid., стр. 211.* На земское самоуправленіе авторъ смотритъ, такимъ образомъ, какъ на „повинность“, а не какъ на право или „вольность“.

[2]) „Совокупность всѣхъ сихъ особенныхъ или частныхъ властей составляетъ *государственное правленіе*, которое даже названо быть можетъ *чиноначальствомъ*... Почему и раздѣляется всякое начальство на *верховную власть и на государственное правленіе или чиноначальство*“ (курсивъ П.). Эти „необходимыя власти“—говоритъ далѣе авторъ—„должны... *совершенно зависѣть* отъ верховной и дѣйствовать *по направленію*, отъ нея исходящему“, *ibid., стр. 7.* Установленіе частныхъ властей, съ раздѣленіемъ государства на „области“ должно, по плану Пестеля, замѣнить прежнее дѣленіе народа на сословія и ввести стройную систему „государственнаго чиноначальства“, основанную на іерархической „постепенности“, *ibid., стр. 57—58, 197—199, 234.*

[3]) *Наказъ Е. И. В., ст. 20.*

[4]) *Русская Правда, стр. 59—60.*

какъ напр., сословія или какіе-либо иные автономные союзы и корпораціи [1]). Между «народомъ» и «государствомъ» не должно быть никакихъ «средостѣній»—такова основная мысль абсолютиста Пестеля. Набросавъ, поэтому, общую схему областного дѣленія страны, авторъ «Наказа» заключаетъ свои выкладки весьма характернымъ замѣчаніемъ: «сему раздѣленію отвѣтствуетъ образованіе правленія и установленіе *степеней чиноначальства. Въ верху надъ всѣми оными находится верховная власть, а внизу подъ оными весь народъ*. Верховная власть *управляетъ цѣлымъ пространствомъ* государства, а *народъ* весьма естественнымъ образомъ *распредѣляется по волостямъ*, т.-е. по различнымъ единицамъ государственнаго пространства» [2]). Областное дѣленіе Пестеля, такимъ образомъ, предназначено для равномѣрнаго распредѣленія по математически равнымъ «единицамъ государственнаго пространства» единой для всѣхъ верховной воли центральнаго правительства [3]). Органы мѣстнаго *самоуправленія* трактуются Пестелемъ просто какъ *исполнительные правительственные органы* [4]). Противникъ нетолько *общественной* но и всякой вообще *самодѣятельности* [5]).

---

[1]) Задача Пестеля заключалась въ томъ, чтобы очистить, такъ сказать, „политико-отвлеченное пространство, отдѣляющее массу народную отъ верховной власти“ отъ какихъ либо промежуточныхъ элементовъ съ самостоятельною сферою правъ, *Ibid., стр. 3 § 2 (стр. 197, § 5.)*

[2]) *Ibid. стр. 199*. Эти „единицы государственнаго пространства“, поскольку они являются правительственными силами, авторъ называетъ „политическими семействами“, *ibid., стр. 191, 210*.

[3]) *Ibid., стр. 193, § 2*, По существу къ этому и сводится у нашего автора весь вопросъ „объ образѣ и порядкѣ, коимъ народъ имѣетъ участвовать въ общественныхъ *или* правительственныхъ дѣлахъ“ *ibid.*, § *14—18*.

[4]) *Ibid., стр. 237—238* „Вышнее и областное начальство, состоя изъ чиновниковъ, отъ правительства назначенныхъ,—говоритъ авторъ—будетъ требовать точнаго исполненія“ своихъ приказаній отъ земскихъ органовъ низшихъ степеней, „которыя будутъ состоять изъ *чиновниковъ*, отъ самихъ обывателей выбранныхъ“. Въ случаѣ не исполненія этихъ приказовъ правительство можетъ „посредствомъ внутреней стражи къ оному принудить“ любого „чиновника“, *ibid., стр. 118*.

[5]) Тамъ гдѣ индивидуальное самоопредѣленіе можетъ обнаружить себя въ качествѣ явнаго конкурента авторитету власти государства или связать послѣднюю своей безусловной волей, Пестель напередъ пресѣкаетъ всякую возможность подобнаго явленія. По этимъ соображеніямъ онъ высказывается, напр., противъ института адвокатуры, такъ какъ, по его словамъ, «краснорѣчіе адвоката великое можетъ имѣть вліяніе» на судъ. Впрочемъ авторъ идетъ еще дальше, и «чтобы зло пресѣчь» категорически высказывается за письменное судопроизводство и противъ состязанія сторонъ: «не дозволять говорить въ судѣ рѣчей,—декретируетъ онъ совершенно въ духѣ Петра В.—но опредѣлить производству дѣлъ быть письменнымъ, а не словеснымъ», *ibid., стр. 102 и 104*. Онъ высказывается также и противъ *толкованія* закона. Не можетъ наконецъ авторъ

Пестель естественно вездѣ и всегда говоритъ объ «устройствѣ и образованіи *государственнаго* правленія»[1]), при чемъ въ земскихъ выборныхъ властяхъ онъ видитъ только «чиновниковъ»[2]), которые, по его выраженію, «назначаются» земскими «народными собраніями»[3]), а въ «намѣстныхъ собраніяхъ»—органы «чиноначальства», непосредственно связующіе «народъ» съ «верховнымъ правленіемъ» въ порядкѣ іерархической «постепенности»[4]) или подчиненности.

Такимъ вырисовывается намъ въ основныхъ своихъ очертаніяхъ огромное зданіе идеальнаго государства Пестеля. Посмотримъ теперь, какіе порядки господствуютъ въ этомъ своеобразномъ «заведеніи», предназначенномъ воспитывать счастливыхъ гражданъ счастливой россійской республики.

примириться и съ «послѣднею волею» умирающаго, а «посему и постановляется,—читаемъ мы на 226 стр.—что законы никакого не должны завѣщанія допускать». Мѣру эту Пестель мотивируетъ тѣмъ, что «поелику право собственности основано быть должно на полномъ обладаніи, мертвый же ничѣмъ не обладаетъ, то и не свойственно ему продолжать имѣть вліяніе на имущество живыхъ», *ibid.*, *стр. 226—227*.

[1]) *Ibid.*, *стр. 12, 193*.

[2]) Намѣстныя собранія, говоритъ авторъ, замѣщаютъ „вакантныя мѣста въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ выборомъ *новыхъ чиновниковъ*“, *ibid.*, *стр. 216*.

[3]) *Ibid.*, *стр. 215*. Терминологія эта въ высшей степени характерна для нашего автора и его политической доктрины. Земскіе „чиновники“ Пестеля, „назначенные прямо и непосредственно отъ земскихъ собраній“, т.-е. *избранные* ими, дѣйствительно, представляютъ изъ себя своеобразную „бюрократію“, отвѣтственную передъ центральнымъ правительствомъ, дѣйствующую въ его интересахъ и подчиненную ему. Эти „чиновники“—агенты „верховнаго правленія“, у котораго они „въ службѣ находятся“, а вовсе не представители мѣстнаго общества и его интересовъ. *Ср. Митрофановъ, op. cit., стр. 222 и сл.*

[4]) „Истинную постепенность образуетъ въ государствѣ чиноначальство состоящее изъ тѣхъ чиновниковъ, которые въ службѣ находятся, разныя должности исполняютъ и разными званіями другъ отъ друга отличаются“, *ibid.*, *стр. 198*, ср. также *стр. 7, 9, 57—58, 89, 90, 265*. Кругъ дѣятельности этихъ лицъ опредѣленъ точно напередъ и разъ навсегда „кореннымъ правилами“, которыя все вообще опредѣляютъ въ просвѣщенной и мудрой республикѣ Пестеля: „законы опредѣляютъ—говоритъ онъ—кругъ дѣйствія каждаго чиноначальства или правительственнаго мѣста, а *граждане обязаны* всѣ безъ всякаго изъятія каждому чиноначальству въ кругѣ его дѣйствія одинаковымъ образомъ въ *полной мѣрѣ повиноваться и оное съ должнымъ почтеніемъ уважать*“ *ibid.*, *стр. 234*. Послѣднее замѣчаніе особенно характерно для идеологіи „просвѣщеннаго деспотизма“, который всегда имѣлъ претензію управлять самыми душами „гражданъ“, предписывая имъ всегда имѣть при себѣ, въ указанныхъ случаяхъ, „уваженіе“, „почтеніе“, „любовь“ и проч. высокія чувства.

II.

Установивъ «непреложный законъ гражданскаго общества, что каждое государство состоитъ изъ народа и правительства» и что «слѣдовательно народъ не есть правительство»[1]), Пестель въ дальнѣйшемъ базируетъ всемогущество своего централизованнаго государства на типичномъ либеральномъ принципѣ «всеобщаго равенства». Передъ лицомъ его государства, дѣйствительно, всѣ должны быть *равны*. Авторъ, какъ мы видѣли, положительно не допускаетъ никакихъ различій въ правахъ по народностямъ, сословіямъ, состоянію, областямъ или какимъ-либо инымъ «степенямъ». Требованіе же одинаковаго *подчиненія* всѣхъ и каждаго абсолютному авторитету «верховнаго правленія», логически приводило къ признанію уравнительнаго принципа, полной нивелировкѣ общества въ политическомъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ еще разъ подчеркнуть вѣрность нашего автора раціоналистической доктринѣ просвѣтительнаго вѣка, въ которой абсолютистскія тенденціи тѣсно, органически связаны съ идеей равенства. Въ самомъ дѣлѣ, на эту доктрину въ то время одинаково опирались и идеологи просвѣщенной монархіи и якобинцы, равно исповѣдывавшіе теорію неограниченнаго, недѣлимаго и неотчуждаемаго суверенитета государственной власти, безразлично принадлежитъ ли она одному лицу или всему народу[1]). Для мыслителей XVIII ст., по справедливому замѣчанію Л. Дюги, государство являлось въ образѣ Левіаѳана Гоббса: «Оно все поглощаетъ; оно все уравниваетъ; оно всѣмъ распоряжается; «оно не терпитъ рядомъ съ собой никакой независимой жизни» и подъ предлогомъ равенства, оно желаетъ, чтобы подъ нимъ была лишь пыль безсильныхъ и безоружныхъ индивидовъ»[2]).

---

[1]) „Это—та доктрина, которая нѣмецкимъ легистамъ служитъ для того, чтобы обосновать всемогущество императора, якобинцамъ, чтобы оправдать всемогущество Конвента, и коллективистамъ, чтобы требовать отъ всемогущаго государства конфискаціи орудій производства“, *Л. Дюги. Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства (М. 1909 г.), стр. 45. Ср. Рейснеръ. Государство и вѣрующая личность, стр. 311—312.*

[2]) *Л. Дюги, op. cit., стр. 46.* Въ этомъ сказывалась характерная черта *всякаго абсолютнаго* государства; въ одномъ случаѣ только неограниченныя полномочія верховнаго властвованія переносились на короля, въ другомъ—на „олицетворенную націю“. „Революція—говоритъ тотъ же авторъ,—взяла понятіе государственной власти въ томъ видѣ, въ какомъ заимствовали его изъ римскаго права и реставрировали въ пользу короля легисты старой Франціи, при чемъ революція приняла эту государственную власть со всѣми ея характерными признаками“, *ibid, стр. 13.*

Именно, на такой точкѣ зрѣнія и стоитъ Пестель, когда онъ проповѣдуетъ начала «равенства».

Исходнымъ пунктомъ для Пестеля принципіально является его естественно-правовая точка зрѣнія. По его мнѣнію, «всѣ люди» получили «отъ природы равныя права», а такъ какъ «въ гражданское общество» они соединились «для одной и той же цѣли», то отсюда слѣдуетъ, что всѣ они имѣютъ «одинаковое право на всѣ выгоды» [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и «равное право на исполненіе закона» [2]). Но равенство правъ и «выгодъ», въ свою очередь, предполагаетъ «равныя обязанности нести всѣ тягости, нераздѣльныя съ государственнымъ устроеніемъ» [3]), т.-е. одинаковое подчиненіе всѣхъ волѣ «верховнаго правленія», ибо только при «равновѣсіи взаимныхъ обязанностей и взаимныхъ правъ» возможно существованіе и самаго государства [4]). Такимъ путемъ Пестель приходитъ къ установленію одного изъ основныхъ своихъ положеній, что «всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и *быть передъ закономъ всѣ равны*» [5]). Утвердившись на этой позиціи легальнаго «равенства», авторъ «Русской Правды» рѣшительно отвергаетъ, конечно, какъ сословный принципъ, такъ и какія бы то ни было классовыя привилегіи [6]). «Всѣ люди въ государствѣ—говоритъ онъ—должны составлять только одно сословіе, могущее называться гражданскимъ» [7]), напротивъ, всякія правовыя преимущества, опирающіяся на право рожденія или богатство, не могутъ быть терпимы и должны быть окончательно уничтожены. Поэтому Пестель не разъ категорически высказывается какъ противъ господства «феодальной аристократіи» [8]), т.-е. привилегированнаго дворянства и крѣпостного права [9]), такъ, особенно, и противъ «гораздо вреднѣйшей аристократіи богатствъ», которая, по его словамъ, «начинаетъ возникать» на развалинахъ «системы

---

[1]) *Русская Правда, стр. 6, 60, 166* „Люди всѣ рождены во благо, ибо они суть всѣ творенія Всевышняго“, говоритъ Пестель въ другомъ мѣстѣ, *ibid., стр. 69.*

[2]) *Ibid., стр. 6.*

[3]) *Ibid., стр. 60.* Ср. *Радищевъ. Путешествіе, стр. 81—82, 136—138.*

[4]) *Ibid., стр. 3, 65.*

[5]) *Ibid., стр. 60.* „Изъ сего явствуетъ—читаемъ на той же страницѣ—что всѣ люди въ государствѣ должны непремѣнно быть передъ закономъ совершенно равны и что всякое постановленіе, нарушающее сіе *равенство всѣхъ передъ закономъ*, есть нестерпимое зловластіе“, *Ср. тамъ же стр. 70, 166.*

[6]) *Ibid., стр. 71—75, 195—196.*

[7]) *Ibid., стр. 60, 74—75, 195, 199.*

[8]) *Ibid., стр. 57, 59, 78, 194, 197, 212 и сл.* Авторъ вездѣ отожествляетъ понятіе „дворянства“, какъ сословія, съ „феодализмомъ“.

[9]) *Ibid., стр. 66, 84, 88—90.*

феодальной»[1]). Только «люди, зловластіе любящіе», говоритъ онъ, могутъ поддерживать подобный порядокъ вещей, «съ истиной не согласный»[2]). Авторъ съ большимъ жаромъ въ виду сего громитъ современный ему сословный строй Россіи, который онъ считаетъ особенно вреднымъ въ интересахъ государственныхъ. Онъ не забываетъ и на этотъ разъ повторить главный свой аргументъ, такъ настойчиво выдвигавшійся имъ, какъ мы видѣли выше, противъ правъ народностей и принципа автономіи. «Отличительная черта всякаго сословія», говоритъ Пестель, состоитъ въ томъ, «что оно имѣетъ цѣлью своего существованія *собственное благо своихъ членовъ* отдѣльно и независимо отъ массы народа»[3]). При такихъ условіяхъ сословія превращаются какъ бы въ государства въ государствѣ, раздробляя послѣднее «на нѣсколько *отдѣленій*, имѣющихъ совсѣмъ *различные виды и выгоды, а слѣдовательно и образъ мыслей*», что, очевидно, «противно цѣли государственнаго существованія»[4]), какъ понимается она авторомъ «Правды». Ниспроверженіе сословій во-имя принципа «равенства» должно было, такимъ образомъ,— по мысли Пестеля—послужить идеѣ политической централизаціи, распыляя наряду съ другими и этотъ видъ общественнаго соединенія построеннаго на началахъ «собственнаго блага» гражданъ. Единственное «сословіе», которое согласенъ признать авторъ «Наказа», это—какъ мы видѣли—государственное «сословіе гражданъ» или «сословіе гражданское», представляющее изъ себя механическое соединеніе массы индивидовъ, какъ бы «прикованныхъ», по удачному выраженію Пестеля, къ «цѣлому составу государства»[5]). Эти вѣчно-обязанные государственной барщиной на «общее благо» крѣпостные-граждане, лишенные всѣхъ правъ на «собственное благо», являются лучшимъ воплощеніемъ идеи

---

[1]) *Ibid., стр. 59.* „Отличительная черта нынѣшняго столѣтія (говоритъ Пестель) ознаменовывается явною борьбою между народомъ и феодальной аристократіей, во время коей начинаетъ возникать аристократія богатства, гораздо вреднѣйшая аристократіи феодальной". *Ср. также, стр. 59, 60, 65, 70, 72, 79, 199.* См. *Павловъ—Сильванскій. Декабристъ Пестель, стр. 29.*

[2]) *Русская Правда, стр. 57, 61, 70, 197.*

[3]) *Ibid., стр. 61.*

[4]) *Ibid., стр. 60.* Призракъ сепаратизма племенного, областного, сословнаго или классоваго положительно преслѣдуетъ автора „Наказа". Любопытно отмѣтить, что тѣ же самыя соображенія, которыя онъ высказываетъ по поводу сословій, повторяются имъ и въ главѣ о военныхъ поселеніяхъ. Пестель находитъ, что военныя поселенія „пагубны" для „государства", именно, тѣмъ, что образуютъ „въ ономъ другое, *совсѣмъ особое государство*, которое имѣетъ совсѣмъ *отдѣльныя и различныя выгоды*" сравнительно „съ остальными частями" страны., *ibid., стр. 77.*

[5]) *Ibid., стр. 210, 60.*

«равенства», какъ понималъ ее Пестель [1]). Здѣсь мы и должны подчеркнуть самую характерную сторону доктрины Пестеля, которая сказывалась въ томъ, что идея равенства понималась имъ исключительно съ формальной стороны, именно какъ *равенство передъ закономъ*, т.-е. съ точки зрѣнія либеральной эгалитарной теоріи XVIII ст. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль «всеобщаго благоденствія» въ полицейской республикѣ Пестеля достигается единственно съ помощью политической централизаціи, утвержденной на принципѣ «равенства всѣхъ передъ закономъ». Пестель положительно думаетъ, что достаточно провозгласить *юридическое* равенство всѣхъ, чтобы великая задача «водворенія» народнаго блаженства была разрѣшена [2]). Проблема *общественнаго неравенства* его почти вовсе не интересуетъ, такъ какъ ему остаются совершенно не ясны политическія и соціальныя послѣдствія *экономическаго* неравенства въ жизни народа [3]). Въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній авторъ «Наказа» готовъ, поэтому, успокоиться на классическомъ принципѣ либеральной политической экономіи: laissez faire, laissez passer [4]). Вполнѣ понятно, при такихъ условіяхъ, что будучи

---

[1]) Въ высшей степени знаменательно, что, говоря настойчиво и много о „равенствѣ“, Пестель почти нигда не говоритъ о политической *свободѣ*. Съ точки зрѣнія политическихъ правъ „граждане“ представляются ему всегда какъ „повинующіеся“. Въ этомъ смыслѣ Пестель обычно противопоставляетъ „правительство“, какъ силу политическую, „народу“, какъ „совокупности людей“, частныхъ лицъ, образующихъ „гражданское общество“, ibid., *стр. 5, § 7.*

[2]) *Ibid., стр. 60 и 70.*

[3]) Временами авторъ не могъ, конечно, не замѣтить отрицательныхъ сторонъ „богатства“ (гл. обр. „денежнаго“ хозяйства) и „нищеты“ (*ibid., стр. 58, § 3; 208 и др.*), но въ большинствѣ случаевъ, принципіально, онъ выступаетъ съ критикой не „богатства“, какъ такового, а „зловластія“ богатства, когда послѣднее соединяется съ „политическими правами и преимуществами“, что онъ и называетъ „аристократіей“ или „сословіемъ богатства“, *ibid., стр. 214, 218 и др.*

[4]) *Ibid., стр. 58.* „Каждый человѣкъ долженъ имѣть полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, отъ которой наиболѣе ожидаетъ для себя выгоды и прибыли, лишь бы честенъ былъ и къ законамъ исполнителенъ. Правительство должно, конечно, способствовать всѣми мѣрами къ усовершенствованію народнаго богатства“.—„Извѣстно, что лучшій способъ для доставленія народному богатству возможности процвѣтать, состоитъ въ *свободѣ*... какъ то ясно и неоспоримо доказано политическою экономіею“, *ibid., 71—72, 73, 91, 195.* Что касается свободы гражданскаго „договора“, то авторъ „Русской Правды“ устанавливаетъ на этотъ случай „два главныя правила“: „первое состоитъ въ елико возможно сильнѣйшемъ утвержденіи *святости* всякихъ договоровъ, въ отношеніи къ исполненію оныхъ. Второе состоитъ въ дарованіи *полной свободы* къ заключенію всякихъ договоровъ, лишь бы они не были противны общественному благу и порядку и не наносили бы вреда другимъ гражданамъ“, *ibid., стр. 228.*

рѣшительнымъ противникомъ «присоединенія къ богатству» какихъ-либо «другихъ политическихъ правъ и преимуществъ за исключеніемъ бѣдныхъ», Пестель *ничего не имѣетъ противъ самаго* «богатства» и «бѣдности» [1]). Онъ вооружается только—и въ этомъ вся суть его доктрины—противъ «сословія богатыхъ» [2]), признавая въ то же время, что «всѣ не могутъ быть богатыми» [3]) и что преимущества его системы заключается, именно, въ томъ, что «богатые не лишаются своихъ правъ, бѣдные пріобрѣтаютъ оныя» [4]). Болѣе того, признавая право собственности «правомъ священнымъ и неприкосновеннымъ» [5]), Пестель прямо заявляетъ, что «богатые всегда будутъ существовать, и это очень хорошо» [6])!.. Всѣ эти и подобныя имъ положенія автора «Наказа» вовсе, однако, не противорѣчатъ его «аграрной» реформѣ, въ которой нѣкоторые изслѣдовали декабризма видятъ «соціалистическія» тенденціи «Русской Правды», «грандіозный планъ частичной соціализаціи земли» [7]). Въ дѣйствительности Пестель стоялъ и въ настоящемъ случаѣ гораздо ближе къ своему «вѣку»—собственно къ XVIII ст.—чѣмъ то полагаютъ обыкновенно, когда усиленно подчеркиваютъ мысль, что въ данномъ случаѣ «онъ опередилъ полусотнею лѣтъ всѣхъ своихъ современниковъ» [8]). При этомъ основательно забываютъ, что Пестель вовсе не

---

[1]) *Ibid., стр. 214.*

[2]) *Ibidem. стр. 214 и 217.* Авторъ полагалъ, что въ такомъ случаѣ устанавливается „*насильственная* зависимость отъ богатыхъ". Что же касается вопроса о правовыхъ и политическихъ послѣдствіяхъ *естественной* „зависимости" бѣдныхъ отъ богатыхъ въ условіяхъ „свободнаго" договора и при господствѣ принципа „равенства" передъ закономъ, то этого вопроса авторъ даже и не ставитъ.

[3]) *Ibid., стр. 214.*

[4]) *Ibid., стр. 217.*

[5]) *Ibid., стр. 224 и 227.* Ср. также *стр. 202—210, § 9—12.*

[6]) *Ibid., стр. 214.* Авторъ даже поощряетъ ростъ частной земельной собственности и ничего не имѣетъ противъ скопленія многихъ участковъ „общественной земли" въ однѣхъ рукахъ, *ibid., стр. 209, 206, 85 и 45.*

[7]) *Ивановъ—Разумникъ, op. cit., стр. 121, 123,* ср. у него же, *стр. 124.* Какъ извѣстно, всѣ земли авторъ „Наказа" дѣлилъ на двѣ категоріи: 1) „земли частныя" принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ и государству на правѣ собственности и 2) „земли общественныя" или „волостныя" находящіяся въ частномъ „обладаніи„ и образующія земельный фондъ, изъ котораго каждый гражданинъ могъ требовать себѣ надѣла („тягла") для „пропитанія". *Русская Правда, стр. 202—211.*

[8]) *Op. cit., стр. 121.* Самъ Пестель не видѣлъ, однако, большой новости и чего либо „грандіознаго" въ своемъ проектѣ. Онъ прямо говоритъ въ „Русск. правдѣ", что въ „Россіи, гдѣ понятія народныя весьма къ оному склонны... съ давнихъ временъ уже привыкли къ *народному раздѣленію* земли на двѣ части" *Русская Правда, стр. 215.* Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду крестьянскую тяглую общину. Другое утвержденіе г. Иванова—Разумника, что Пестель „опередилъ.."

оцѣнилъ значенія экономическаго «фактора» въ общественныхъ отношеніяхъ и роли института частной собственности въ особенности, что такъ прекрасно понялъ однако, напр., уже его ближайшій предшественникъ Г. де Мабли. Къ своему проекту частичнаго обобществленія земли Пестель пришелъ чисто *раціоналистическимъ* путемъ и при томъ какъ *политическій* реформаторъ, исходя изъ основного своего принципа, что «законы политическіе должны утверждать и обезпечивать законы духовные и естественные» [1]). Его аграрныя преобразованія являются собственно говоря, лишь результатомъ, рефлексомъ, сказали бы мы, реформы политической. Авторъ отъ *политическаго* приходитъ къ *соціальному и экономическому*, при чемъ первое относится у него ко второму не какъ *средство* къ *цѣли*, а какъ *причина* къ *слѣдствію*. Такъ какъ всѣ люди «отъ природы» равны въ своихъ «правахъ»,— разсуждаетъ Пестель— а «земля есть собственность всего рода человѣческаго», то каждому въ силу того уже, что онъ—«человѣкъ» [2]), должно быть гарантировано *право* на все «необходимое», и, именно, на землю, такъ какъ «человѣкъ можетъ только на землѣ жить и *только отъ земли* пропитаніе получать» [3]). Итакъ, каждый *имѣетъ право* быть собственникомъ [4]), а потому «охраненіе правъ собственности—по

всѣхъ своихъ современниковъ" также преувеличено и неточно. Стоитъ хотя бы вспомнить Г. Мабли, ближайшаго предшественника Пестеля, соціалистическіе принципы котораго нашли достаточно яркое выраженіе въ его трактатахъ и хорошо были извѣстны у насъ въ Россіи. Съ ними считался уже А. Радищевъ Ср. также *В. Семевскій*, *Op. cit.*, *стр. 182—186.* („Былое", 1900 г., III).

[1]) *Русская правда стр. 204, 210.*

[2]) *Ibid., стр. 204* .

[3]) *Ibid., стр. 203—204.* Нельзя не отмѣтить здѣсь же одной характерной черты всѣхъ этихъ разсужденій, въ которыхъ, несомнѣнно, ярко сказалась *современность* той эпохи: это—провозглашеніе „земли" единственной хозяйственной цѣнностью и признаніе права недвижимой земельной собственности основнымъ правомъ гражданина и человѣка. При этомъ достаточно хотя бы временно человѣку оторваться отъ земли (поступленіемъ въ услуженіе, въ работу и т. п.), чтобы онъ утратилъ свои гражданскія права, *ibid., стр. 202.*

[4]) *Ibid., стр. 203.* Авторъ говоритъ, именно, о *правѣ* на землю, какъ необходимомъ обезпеченіи „насущнаго хлѣба", но не объ *обязательномъ* надѣленіи всѣхъ и каждаго опредѣленной квотой общественной земли. Каждому, согласно „Наказу" предоставлено право требовать себѣ „необходимаго для житія", въ чемъ ему не можетъ быть отказано со стороны волости. „Каждый членъ волостного общества имѣетъ право столько требовать участковъ, сколько пожелаетъ; принужденъ же къ тому никто быть не можетъ", *Ibid., стр. 206, 210.* „Каждый россіянинъ (поясняетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ) будетъ совершенно въ необходимомъ обезпеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ... Гдѣ бы онъ ни *странствовалъ, гдѣ бы счастья ни искалъ, но всегда въ виду имѣть будетъ*, что ежели

заявленію автора «Правды»—есть главная цѣль гражданскаго бытія и священная обязанность правительства» [1]). Но при столь тѣсномъ сліяніи правъ «гражданина» съ правами собственника или имущественнаго «обладателя», Пестель невольно вернулся какъ бы къ *цензовому* принципу въ вопросѣ о политическихъ правахъ, какъ ни покажется, быть можетъ, съ перваго взгляда парадоксальной данная мысль. Цензовой принципъ реституируется Пестелемъ, однако, не въ томъ смыслѣ, что онъ основываетъ политическія права на правахъ по имуществу—«аристократія богатства» рѣшительно была отвергнута авторомъ «Наказа»—а въ томъ, что изъ политическихъ правъ онъ выводитъ требованіе имущественнаго ценза, имущественнаго «обладанія» [2]). Понятіе «гражданина», говоря иначе, включаетъ у него въ себя понятіе «собственника». Ясно, какіе выводы должны были слѣдовать изъ этихъ предпосылокъ: кто не состоитъ «гражданиномъ» россійскаго государства, тотъ не можетъ «имѣть въ Россіи какое-бы то ни было недвижимое имущество»—таково, положенія *иностранцевъ* въ республикѣ Пестеля [3]), и, наоборотъ, лицо, хотя бы «временно» утратившее «обладаніе» недвижимостью теряетъ и свое «россійское гражданство»—таково положеніе по «Русской Правдѣ» всѣхъ, находящихся «въ личномъ услуженіи» или нанявшихся ради «удовольствія или выгоды», какъ замѣчаетъ авторъ, «на какую нибудь работу» [4]). Но при такихъ условіяхъ мы въ правѣ заключить, что для Пестеля, какъ и для его современниковъ, быть *гражданиномъ* значило имѣть *недвижимую (земельную) собственность*, и, обратно, *обладаніе «недвижимостью»* предполагало *обладаніе политическими правами*. Что же касается самой цѣли реформы, то, какъ мы это видѣли уже выше, авторъ «Русской правды» вовсе не задавался задачей уничтожить такимъ путемъ *соціальное неравенство* въ обществѣ. Его аграрная реформа, по существу, являлась лишь новымъ утвержденіемъ все того

успѣхи стараніямъ измѣнять, то въ волости своей, въ семъ политическомъ своемъ семействѣ, всегда *пристанище и хлѣбъ насущный* найти можетъ", *ibid., стр. 207.*

[1]) *Ibid., стр. 204.*

[2]) *Ibid., стр. 209—210.* „Вся Россія будетъ слѣдовательно состоять изъ *однихъ обладателей земли* и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли".

[3]) *Ibid., стр. 54—55.*

[4]) *Ibid., стр. 202, 210.* Очевидно, что въ эту группу должены быть отнесены и лица лишенныя „общественнаго" надѣла по волѣ волости. „Такъ какъ общественная земля устанавливается для доставленія каждому необходимаго для житья, то и долженъ каждый заниматься своимъ участкомъ съ усердіемъ и прилежаніемъ, а по сему волостное общество и сохраняетъ власть за гласный и доказанный развратъ (?) лишать права на общественные земскіе участки". *Ibid., стр. 207.*

же принципа *равенства передъ закономъ*. Въ данномъ случаѣ Пестель не шелъ далѣе *признанія* за каждымъ «гражданиномъ» *права* на полученіе отъ государства «необходимаго на пропитаніе»: «надлежитъ только—говоритъ Пестель—дать обезпеченіе и совершенную свободу пріобрѣтенія и сохраненію изобилія» [1]). Такимъ путемъ авторъ и надѣется достигнуть основной своей цѣли привязать крѣпчайшими узами каждаго индивида къ *государству*. Авторъ прямо заявляетъ, что благодаря указаннымъ мѣрамъ «будетъ каждый гражданинъ сильнѣе къ *цѣлому составу государства* приверженъ и такъ сказать прикованъ. Каждый будетъ видѣть, что онъ въ государствѣ находится для своего блага, что *государство о благоденствіи каждаго помышляетъ*... На таковомъ *образѣ мыслей* будетъ основана любовь къ Отечеству, сей источникъ всѣхъ *государственныхъ* добродѣтелей и сія сильнѣйшая подпора существованія и благоденствія царствъ» [2]). Характерно, что и въ настоящемъ случаѣ Пестель все время мыслитъ своихъ «гражданъ» исключительно въ ихъ непосредственномъ отношеніи къ «государству». Внѣ этого отношенія «россійское государство» Русской Правды представляетъ изъ себя совершенно аморфную массу индивидовъ, ничѣмъ *внутренне* между собой не связанныхъ. Это, въ полномъ смыслѣ слова, «человѣческая пыль», по удачному выраженію Дюги. Понятія *общества* для Пестеля какъ бы вовсе не существуетъ.

Въ заключеніе мы и позволимъ себѣ остановиться спеціально на вопросѣ объ отношеніи государства Пестеля къ личности и обществу. Мы уже знаемъ, что Пестель присвоиваетъ «государству» монополію на дѣйствія въ общественномъ интересѣ и что государство для него является не только верховнымъ, суверенным носителемъ идеи всеобщаго «благоденствія», но и единственной силой, призванной и обязанной «водворить» это благоденствіе на землѣ съ помощью «коренныхъ правилъ» все регламентирующаго закона. Авторъ «Наказа», дѣйствительно, видитъ въ «гражданахъ» россійской республики только сырой матеріалъ для стройки своего идеальнаго зданія. Общество [3]), граждане, съ его точки зрѣнія, это—«посторонніе люди» въ дѣлѣ государственнаго домостроительства, люди, къ которымъ авторъ не питаетъ никакой «до-

---

[1]) *Ibid., стр. 204, 206, 209—210.*

[2]) *Ibid., стр. 210.*

[3]) Объ „обществѣ“, собственно говоря, Пестель никогда не говоритъ. Общество у него всецѣло слито съ государствомъ, которое, въ свою очередь, вмѣщено въ „правительствѣ“ или „правленіи“. Поэтому, если Пестель рѣшительно осуждаетъ порядокъ, когда „народъ россійскій“ являлся „собственностью или принадлежностью державныхъ властителей“, то самъ онъ, по существу, превращаетъ этотъ народъ въ „собственность“ *государства*, *ibid.* § 10.

вѣренности» [1]) и которыхъ онъ беретъ, поэтому, разъ навсегда подъ подозрѣніе и самую суровую *опеку* государственной власти. Въ этомъ пунктѣ утопія Пестеля особенно жизненна и потому эта ея сторона имѣетъ особую цѣнность для пониманія политической доктрины «Русской Правды». Здѣсь Пестель подаетъ руку, своему антиподу, кн. М. М. Щербатову, цѣлостно преломляя въ то же время въ своемъ міросозерціи и живую россійскую дѣйствительность эпохи торжествующаго режима «полицейскаго государства» и философскія и политическія мечтанія «просвѣтительнаго» вѣка съ его вѣрой въ *революціонное чудо* и всемогущество *государственнаго абсолютизма*.

Не допуская никакой конкуренціи съ государственной властью на поприщѣ насажденія «самаго большаго ото всѣхъ добра», Пестель необычайно ревниво относится къ ея прерогативамъ. Малѣйшее проявленіе общественной иниціативы или самодѣятельности ему представляется уже посягательствомъ на «цѣлость» государства, заговоромъ, бунтомъ. Неумолимый диктаторъ не терпитъ, поэтому, никакихъ организацій, союзовъ или обществъ, ибо каждое такое соединеніе образовавшееся ради «собственнаго блага своихъ членовъ», по его мнѣнію, будетъ или безполезно, или вредно [2]). «Всякія частныя общества съ постоянною цѣлью учрежденныя, должны быть совершенно запрещены—говоритъ Пестель—какъ открытыя, такъ и тайныя, потому что первыя безполезны, а вторыя вредны. Первыя потому безполезны,—продолжаетъ авторъ—что они *такихъ только предметовъ касаться могутъ, которые входятъ въ кругъ дѣйствія правительства и для которыхъ правительство уже учреждено со всѣми отраслями, частями и подраздѣленіями*... Вторыя же потому вредны, что они *такихъ только касаться могутъ предметовъ, которые не могутъ быть сдѣланы гласными, а таковые предметы не могутъ быть иначе признаны какъ зловредными*, ибо государственный порядокъ... не только ничего добраго и полезнаго не принуждаетъ скрывать, но даже напротивъ того всѣ средства даетъ на ихъ *введеніе и обнародованіе законнымъ порядкомъ*» [3]).

[1]) *Ibid.*, *стр. 237*. Въ этомъ нельзя не видѣть характерной особенности абсолютистской теоріи. *Рейснеръ*. *Государство и вѣрующая личность*, *стр. 313*, *366*, *367*.

[2]) Мы уже видѣли, что въ такихъ случаяхъ авторъ опасается конфликта межу „частными“ интересами и интересами „всего государства“.

[3]) *Ibid.*, *стр. 237—238*. Приведенныя выше разсужденія Пестеля съ изумительной ясностью вскрываютъ передъ нами *абсолютистскія* начала политической доктрины „Наказа“. Абсолютное государство, выросшее на развалинахъ феодальнаго „расчлененія“, въ своихъ „собирательныхъ“ или централистическихъ тенденціяхъ отличалось рѣзко выраженнымъ отрицательнымъ отношеніемъ къ политической и общественной традиціи феодализма съ его многообразіемъ формъ всякаго рода союзовъ, корпорацій, общинъ, сословными привилегіями, свободой договорныхъ связей и т. п. Разрушая всѣ подобныя „средостѣнія“, абсолютное,

Въ этомъ замѣчательномъ фрагментѣ *всепоглощающая* роль государства формулирована съ изумительной силой и исчерпывающей полнотой. *Общество*, можно сказать, уничтожено въ самыхъ интимныхъ своихъ стремленіяхъ и интересахъ: «правительство» все знаетъ, все «уже» дѣлаетъ, все устанавливаетъ; за предѣлами его «круга дѣйствія», въ самомъ дѣлѣ на долю общества не остается ничего! Внѣ правительства мы видимъ, дѣйствительно, какую-то «гражданскую» пыль или... «не законныя сообщества» завѣдомо преступныя. «Гражданинъ» Пестеля, поэтому, долженъ жить открыто; ничего сокровеннаго отъ «всевидящаго ока» государства-опекуна у него не можетъ и не должно быть [1]). Даже «увеселенія и забавы» поставлены у нашего автора подъ «бдительный и строгій надзоръ» [2]) правительства, которое, какъ тѣнь, слѣдуетъ по пятамъ каждаго со своей «мудрой» указкой, непрерывнымъ надзоромъ и непремѣннымъ «нравоученіемъ». Иначе, конечно, и быть не можетъ, если вспомнить, что съ точки зрѣнія Пестеля, «ничто столь не дѣйствуетъ на благоденствіе царствъ и народовъ какъ *воспитаніе*». А кто же, спрашивается, лучше просвѣщеннаго «правительства» въ силахъ перевоспитать «народъ», чтобы подготовить его побѣдоносное вступленіе въ обѣтованную страну, гдѣ царитъ «русская правда». Для Пестеля это былъ реторическій вопросъ. Поэтому вмѣстѣ съ церковью,

---

государство забирало, такъ сказать, къ себѣ въ плѣнъ „всѣхъ и каждаго“, поднимая на свои плечи всю тяжесть государственныхъ, соціальныхъ и даже индивидуальныхъ задачъ. Оно стремилось „освободить“ лицо отъ какихъ-либо связей, кромѣ единственной связи съ *государствомъ*, усиливая такимъ путемъ послѣднюю ad maximum... Пестель тоже строитъ свое „единое“ униформированное государство, исходя изъ критики „феодальной системы“, съ которой онъ, повидимому, сближаетъ „удѣльную“ Русь съ ея „федеративнымъ“ раздробленіемъ. Онъ особенно нетерпимо, поэтому, относится къ „феодальной аристократіи“ дворянства, сословному принципу вообще, выдвигая въ противовѣсъ имъ—систему „чиноначальства“, *Русская Правда, стр. 57, 59, 78.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, онъ отвергаетъ всѣ виды общественныхъ свободныхъ соединеній, всякую автономію, всѣ привилегіи, даже титулы, и все это—во имя идеала „единаго“, „цѣлаго“ государства. Въ результатѣ подобнаго разгрома общества Пестелю, въ концѣ концовъ, удается установить неограниченное господство государственной власти надъ массою гражданъ-атомовъ механически связанныхъ между собой по волѣ и плану „верховнаго правленія“. *Ср. П. Митрофановъ, op. cit., стр. 210—211 и сл.*

[1]) *Ibid., стр. 238.* „Скрывать нечего добро“, говоритъ авторъ и отсюда же дѣлаетъ выводъ, что, слѣдовательно, все что происходитъ помимо вѣдома государства является какъ бы преступленіемъ противъ него и „чистѣйшей нравственности“. Въ республикѣ Пестеля не можетъ быть никакихъ секретовъ отъ „правительства“.

[2]) *Ibid. стр. 238.* Иниціативу и въ данномъ случаѣ авторъ передаетъ правительству, которое должно подвергнуть „мудрому обдумыванію“ вопросъ объ организаціи „народныхъ празднествъ“.

онъ объявилъ, *государственной* и школу. «Частныя лица—говоритъ онъ—не должны имѣть права заводить ни пансіоновъ ни другихъ учебныхъ заведеній, куда бы граждане дѣтей своихъ отдавали, *потому что правительство обязано о воспитаніи юношества много заботиться и неупустительно надъ онымъ надзирать*»[1]). Рядомъ съ государственной школой, правда, авторъ «Наказа» соглашается еще допустить домашнее воспитаніе, которое онъ предоставляетъ «старанію» родителей[2]), однако, и здѣсь дѣло не обходится безъ вмѣшательства правительства и наставленій съ его стороны. Во имя тѣхъ же интересовъ «воспитанія» Пестель вынужденъ, такимъ образомъ, вторгнуться на этотъ разъ уже въ самую семью, и онъ дѣлаетъ это совершенно въ духѣ Екатерининскаго «Устава благочинія», устанавливая цѣлый рядъ «коренныхъ правилъ», какъ выражаетъ онъ, «въ отношеніи къ власти родительской и сопряженнымъ съ оною соотношеніямъ». Насъ не должно удивлять, что авторъ «Русской Правды» вновь встрѣтилъ на своемъ пути автора «Устава благочинія». Намъ неоднократно приходилось уже отмѣчать, что абсолютистскія тенденціи и на полярныхъ своихъ точкахъ сохраняютъ сущность своей природы и единство руководящихъ принциповъ. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ возможность убѣдиться лишній разъ въ справедливости старой истины. Въ самомъ дѣлѣ, въ «Правдѣ» Пестеля мы находимъ хорошо знакомыя намъ положенія: «1) дѣти обязаны глубочайшимъ и нижайшимъ высокопочтеніемъ противу своихъ родителей въ продолженіе всей своей жизни и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, 2) родители имѣютъ надъ дѣтьми полную личную власть и т. д»[3]). Словомъ, классическія «прописи» полицейскаго государства! Тѣ же тенденціи продолжаетъ развивать авторъ и въ приложеніи къ брачному праву, гдѣ у него, съ одной стороны, фигурируетъ «предварительное согласіе родителей или опекуновъ» на бракъ и свободная воля брачущихся, а съ другой—упоминается, что «наставленіе нравственное (!) приглашаетъ всѣхъ и каждаго, *никогда противъ воли родителей бракомъ не сочетаться*, а вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаетъ родителей *не противиться сердечному влеченію ихъ дѣтей*»[4]).

---

[1]) *Ibid., стр. 237.*

[2]) *Ibid., стр. 237.* „Но какъ скоро родители не имѣютъ времени, средствъ или охоты... то должно *правительство ихъ мѣсто заступать* и не дозволять, чтобы сіе было предоставлено *постороннимъ лицамъ*..., тѣмъ болѣе, что надзоръ правительства за таковыми частными заведеніями всегда будетъ слабъ и недостаточенъ".

[3]) *Ibid., стр. 221 § 3.* Ср. *Уставъ благочинія* 1772 г., ст. 41, пт. X и XI. Власть родителей, однако, прекращается съ 20 лѣт. возрастомъ дѣтей, которыя, сдѣлавшись гражданами, становятся непосредственно подъ власть государства.

[4]) *Ibid., стр. 222.* Интересно самое опредѣленіе брака у автора: „бракъ есть сочетаніе двухъ лицъ разныхъ половъ съ цѣлью народонаселеніе умножить и дѣтей породить".

Однако, авторъ не ограничивается высказанными сентенціями и правилами, онъ устанавливаетъ на ряду съ ними цѣлую группу законовъ «о дѣлахъ и предметахъ *нравственныхъ*, касающихся: 1) воспитанія 2) нравоученія и 3) новыхъ открытій и сочиненій»[1]). Это по преимуществу та сфера отношеній, гдѣ по выраженію Пестеля, законодатель «долженъ поступать не какъ жестокій властелинъ, но какъ добрый отецъ»[2]). «Посредствомъ законовъ, касающихся нравоученія—читаемъ мы на 173 стр. нашего изданія,—стремится законодательная власть *удержать гражданъ* отъ всякаго разврата, соблазна и обиды. Запрещая пьянство, карточную игру, непотребную жизнь, ученіе развратное, законамъ противное, поступки соблазительные, составленіе тайныхъ обществъ, опредѣляя правила для поединковъ и т. д»[3]). Очевидно съ тѣми же цѣлями «нравоученія» Пестель вводитъ и особый обрядъ пріема лицъ, достигшихъ пятнадцатилѣтняго возраста, въ «россійское гражданство». Посвящаемые выслушиваютъ сначала молебенъ послѣ чего «священникъ говоритъ приличную проповѣдь и выставляетъ недорослямъ всю важность состоянія, въ которое они нынѣ вступаютъ и всю святость той присяги отечеству, которую они потомъ и произносятъ»[4]). Но не только юноши, но и взрослые «граждане» не оставляются «мудрымъ» законодателемъ безъ назиданія. Опекая на каждомъ шагу «непокоривыхъ человѣковъ», «верховное правленіе» Пестеля, идя по пути указанному еще Петромъ Великимъ, считаетъ своей обязанностью разъяснять вѣрнымъ своимъ подданнымъ благодѣтельное значеніе каждаго своего регламента, сопровождая съ указанной цѣлью текстъ законовъ особыми «предисловіями». «Законы—говоритъ Пестель—должны быть внятны, т.-е. должны быть основаны на явственной причинѣ, почему и полезно при изданіи каждаго закона помѣщать въ видѣ предисловія всѣ причины, побудившія къ изданію онаго для доказательства: 1) что законъ сдѣланъ по надлежащему соображенію всѣхъ пользъ... 2) для того, чтобы таковое

---

[1]) *Ibid., стр. 173.*

[2]) *Ibid., стр. 188.* Авторъ ссылается при этомъ на авторитетъ Платона.

[3]) *Ibid., стр. 173.* Эти законы, касающіеся „нравоученія“, очевидно должны были служить той же цѣли „вкорененія добродѣтельныхъ мыслей въ народѣ“, что и „два катихизма, единый нравственный, а другой законный“ обязательно заучиваемые каждымъ гражданиномъ Щербатовскаго Офирскаго государства. *Сочиненія кн. М. Щербатова, т. I, стр. 922.* На ряду съ этимъ, законодатель достигаетъ такимъ путемъ и другой своей цѣли, чтобы „каждый зналъ, что каждому человѣку позволено или запрещено въ его естественномъ и гражданскомъ состояніи“, *ibid.*

[4]) *Русская Правда, стр. 201, § 8.* Священникъ, очевидно, играетъ въ настоящемъ случаѣ ту же самую роль, что и офицеры полиціи, отправляющіе богослуженіе у кн. Щербатова въ Офирскомъ государствѣ. И тѣ и другіе наставляютъ юношество въ гражданскихъ добродѣтеляхъ.

разсужденіе служило наставленіемъ для будущихъ законодателей»[1]. «Таковыя предисловія (разъясняетъ далѣе авторъ) будутъ *просвѣщать, успокаивать и убѣждать гражданъ*, будутъ служить наставленіемъ для правовѣдцевъ и законодателей, могущихъ посредствомъ оныхъ пользоваться опытностью и мудростью своихъ предшественниковъ»[2]. Тѣ же «педагогическіе» мотивы руководятъ авторомъ, очевидно, и тогда, когда онъ устанавливаетъ авторитетную санкцію правовыхъ нормъ новой «русской правды». Законъ, по его мнѣнію, долженъ не только карать за нарушеніе велѣній государственной власти, но и поощрять наградами за доблести и добродѣтель: «законы повелѣваютъ и запрещаютъ—говоритъ Пестель—*посредствомъ награжденій и наказаній*, которыя слѣдовательно, должны въ полной мѣрѣ отвѣтствовать подвигамъ и преступленіямъ»[3]. При такой точкѣ зрѣнія, понятно, что говоря о наказаніи, авторъ менѣе всего интересуется личностью преступника; для него и здѣсь на *первомъ* мѣстѣ—«благо общественное», такъ что и наказаніе «устанавливается» имъ «единственно для примѣра»[4], чтобы «другимъ не повадно было», говоря языкомъ нашего законодательства эпохи господства устрашающихъ каръ. Поэтому же авторъ высказался весьма рѣшительно, какъ за «всенародность» т.-е. публичность[5], наказаній, такъ и противъ помилованія преступниковъ[6].

---

[1]) *Ibid., стр. 99.*

[2]) *Ibid., стр. 168.* Ср. *П. Митрофановъ, op. cit., стр. 8.*

[3]) *Ibid., стр. 190, 187 и 100.*

[4]) *Ibid., стр. 188.* „Цѣль наказанія не есть страданіе преступника, но есть исправленіе его, а *еще болѣе удержаніе другихъ посредствомъ примѣра* отъ подобныхъ дѣяній. Посему и должно быть наказаніе соображено преимущественно съ *дѣйствіемъ на постороннихъ людей*“, *ibid., стр. 67.* Наказаніе, такимъ образомъ, должно падать какъ бы на третьихъ лицъ, зрителей. Полагая, что преступленіе есть результатъ „злонамѣренной воли или злыхъ качествъ“ человѣка, Пестель и надѣялся при посредствѣ угрозы и исполненія наказанія повліять на эту злую волю (*ibid., стр. 108, 100, 170*). При этомъ для него на первомъ планѣ, повторяемъ, стояло устрашающее значеніе наказанія, чтобы „страхъ подать людямъ“, какъ любилъ выражаться Петръ.

[5]) *Ibid., стр. 190.* „*Всенародно* должно быть наказаніе, какъ то само собой разумѣется, потому, что оно устанавливается единственно для примѣра, какъ то выше было показано... Между наказаніями надлежитъ всегда выбирать такія, которыя будучи соразмѣрны преступленію, производятъ самое сильное впечатлѣніе на другихъ людей“ *(Курсивъ П.) стр. 188.* Авторъ удерживаетъ, между просимъ, наказаніе „сквозь строй“ (стр. 155) и высказывается за приписку преступниковъ къ заводамъ: „всѣхъ крестьянъ на заводахъ работающихъ, замѣнить—говоритъ онъ—вольнонаемными или, что еще (!) лучше преступниками разнаго рода“, *ibid., стр. 91.*

[6]) „Никогда не должны бы преступленія быть прощены“, *ibid., стр. 189.*

Однако всѣ перечисленныя мѣропріятія представляются автору «Наказа» далеко не достаточными для прямого и удобнѣйшаго достиженія всеобщаго «благоденствія». Мало опредѣлить, приказать, пригрозить и даже наказать, необходимо прежде всего и послѣ всего *наблюдать*, какъ исполняются предписанія власти, т.-е. достаточно-ли твердо усвоены гражданами «коренныя правила» политическаго поведенія. Опираясь на теорію просвѣщеннаго государственнаго деспотизма, полагая въ основу всей системы управленія начала централизаціи и «чиноначальства», не довѣряя, наконецъ, ни въ чемъ и обществу, Пестель, естественно, долженъ былъ разрѣшить поставленную проблему въ пользу классической «управы благочинія» [1]), т.-е. долженъ былъ всецѣло принять знаменитый девизъ: «полиція есть душа гражданства» [2]). И дѣйствительно, по проекту Пестеля полиція является своего рода государствомъ въ государствѣ, своеобразнымъ учрежденіемъ, призваннымъ, какъ онъ выражается, «входить во *всѣ подробности* гражданской жизни» [3]), непрестанно руководить «гражданами», тайно и явно надзирая за каждымъ ихъ шагомъ. «Государственный приказъ благочинія» [4]), въ качествѣ верховнаго органа полиціи, призванъ играть въ государствѣ Пестеля, можно смѣло сказать, роль махового колеса всей системы правительственнаго механизма. Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается, поэтому, на выясненіи великой миссіи этого «приказа», миссіи, которую послѣдній призванъ выполнять почти непрерывно. «Правленіе сего приказа—говоритъ онъ—есть самое благодѣтельное и необходимѣйшее для всякаго государства... Непонятно послѣ того, отчего всегда такъ сильно противу полиціи всѣ вооружаются и учрежденіе оной столь язвительно порицаютъ. Единственная причина сего—отвѣ-

---

[1]) *Ibid., стр. 93.* Историки декабризма, обыкновенно, какъ бы извиняясь за автора, обходятъ или молчаніемъ, или какими либо оговорками, именно, эти части набросковъ проекта Пестеля, предпочитая говорить болѣе о „зачаткахъ соціализма“ у автора „Наказа“, главнымъ образомъ, въ связи съ его аграрной реформой. Но обычныя заявленія о томъ, что проектъ „управы благочинія“ находится въ болѣе раннихъ рукописяхъ Пестеля, по существу, мало разъясняетъ дѣло. Обязанность историка—*объяснить*, въ какой мѣрѣ эти взгляды были характерны для Пестеля и въ какомъ смыслѣ они соотвѣтствуютъ его общему міросозерцанію. Полагаемъ, что намъ удалось показать, что основные принципы и „правила политическихъ наукъ“, положенныя авторомъ „Правды“ въ основаніе его плана государственнаго преобразованія, не только не противорѣчатъ его проекту „приказа благочинія“, но, можно сказать, прямо предполагаютъ наличность столь „благодѣтельнаго“ учрежденія.

[2]) *Регламентъ главному магистрату, гл. X (П. С. З. № 3708).* Ср *П. Митрофановъ, op. cit., стр. 10—11.*

[3]) *Русская Правда, стр. 109.*

[4]) *Ibid., стр. 107 и сл.*

чаетъ, впрочемъ, Пестель—состоитъ въ томъ, что полиція на каждомъ почти шагу бываетъ чувствительна и во всякое время должна удерживать каждаго въ предѣлахъ законной свободы..., отчего ее и терпѣть не могутъ»[1]). Но такое отношеніе къ полиціи Пестель считаетъ несправедливымъ. «Въ сихъ-то дѣйствіяхъ—говоритъ онъ—состоитъ именно неоцѣненная ея польза, что она неусыпно и безпрестанно заботится о благѣ общества, которое обязано ей сохраненіемъ благоустройства и по оному самымъ существованіемъ своимъ. Если бы народъ вникнулъ въ необходимость полиціи (резюмируетъ авторъ), то всѣ благомыслящіе благословили бы тогда ея учрежденіе и дѣйствіе, и одни злонамѣренные люди могли бы противу нея возставать»[2]). Опредѣливъ такъ роль и значеніе полиціи, Пестель далѣе подробно останавливается на ея устройствѣ, подраздѣляя органы «приказа благочинія» на три разряда: внутреннюю стражу, обыкновенную полицію и, наконецъ, высшее благочиніе[3]). «Внутренняя стража—по опредѣленію Пестеля — есть та сила, которая, превышая всѣ частныя силы, принуждаетъ всѣхъ и каждаго къ исполненію повелѣній правительства»[4]). Авторъ находитъ, что «для составленія» этой стражи «50.000 жандармовъ будетъ для всего государства достаточно, считая по 5.000 жандармовъ на область»[5]). Что касается «обыкновенной» полиціи, которая включаетъ въ себѣ полицію «исполнительную», «распорядительную» и «расправную»[6]), то она должна представлять изъ себя основные кадры полиціи «явной» и, будучи призвана «неусыпно и безпрестанно заботиться о благѣ общества», естественно, по словамъ «Наказа», «должна казаться докучливою»[7]). Вѣнцомъ всей системы является, такъ называемое, «вышнее благочиненіе» или полиція *тайная*, главную обязанность которой составляетъ охрана правительства. Организація этой части полиціи въ высшей степени характерна. «Внѣшнее благочиніе—говоритъ Пестель—требуетъ *непроницаемой тьмы* и потому должно быть поручено единственно государственному главѣ сего приказа... Государственный глава

---

[1]) *Ibid., стр. 118.*

[2]) *Ibid., стр. 118.*

[3]) *Ibid., стр. 109—117.* Въ помощь полиціи имѣетъ быть призываема военная сила... когда будетъ то отъ полиціи требовано", *ibid., стр. 230.*

[4]) *Ibid., 116, 113.*

[5]) *Ibid., 107.* По разсчету автора на каждую губернію достаточно 1000 жандармовъ, кромѣ *столичныхъ* губерній, гдѣ необходима усиленная (двойная) охрана (2000 жанд.) „Содержаніе жандармовъ... должно быть втрое противъ полевыхъ войскъ,—говоритъ Пестель—ибо сія служба столь же опасна... а между тѣмъ вовсе не благодарна".

[6]) *Ibid., стр. 113.*

[7]) *Ibid., стр. 118.*

имѣетъ обязанность учредить вышнее благочиніе такимъ образомъ, чтобы оно *никакого не имѣло наружнаго вида* и казалось бы даже совсѣмъ несуществующимъ; слѣдовательно образованіе канцеляріи по сей части должно никому не быть извѣстно кромѣ его одного и верховной власти». Также и имена чиновниковъ высшаго благочинія «должны быть никому не извѣстны». «Изъ сего явствуетъ, что весьма было бы неблагоразумно *обнародывать образованіе вышняго благочинія*»[1]. Такимъ образомъ, тайная полиція, дѣйствительно, по проекту Пестеля, должна представлять изъ себя какъ бы сверхъ-государственное учрежденіе со строго конспиративной, «подпольной» организаціей. Авторъ въ лицѣ «вышняго благочинія» организуетъ, такъ сказать, *заговоръ* противъ общества, конечно, во имя собственнаго же «блага» послѣдняго. Въ число обязанностей тайныхъ агентовъ «приказа» входитъ, поэтому, главнымъ образомъ, ихъ обязанность «узнавать, какъ *располагаютъ свои поступки частные люди:* образуютъ-ли тайныя и вредныя общества, готовятся-ли бунты, дѣлаются-ли вооруженія частными людьми... распространяются-ли соблазнъ и ученіе, противное законамъ и вѣрѣ, появляются-ли новые расколы и, наконецъ, происходятъ-ли запрещенныя собранія и всякаго рода развратъ». Всѣ эти многообразныя обязанности агентовъ высшаго благочинія исполняются особымъ штатомъ «тайныхъ вѣстниковъ»[2] «посредствомъ тайныхъ розысковъ»[3]. «Тайныя розыски или *шпіонство*— говоритъ авторъ—суть посему не только позволительное и законное, но даже и надежнѣйшее и почти, можно сказать, единственное средство, коимъ вышнее благочиніе поставляется въ возможность достигнуть предназначенной ему цѣли»[4]. Само собою разумѣется, что столь деликатная и высокая миссія предполагаетъ, по мысли автора «Наказа», и совершенно особыхъ исполнителей. «Глава государственнаго благочинія—говоритъ Пестель—долженъ быть человѣкъ величайшаго ума, глубочайшей прозорливости, совершеннѣйшей благонамѣренности и отличнѣйшаго дарованія узнавать людей»[5]. Въ свою очередь и «тайные вѣстники» или шпіоны также должны быть «люди умные и хорошей

---

[1]) *Ibid., стр. 110.*

[2]) *Ibid., стр. 112.*

[3]) *Ibid., стр. 111.* Агенты слѣдятъ также и за чиновниками правительства, а равно и за иностранными посланниками и вообще иностранцами.

[4]) *Ibid., стр. 111.* Тайный надзоръ оправдывается тѣмъ, по мнѣнію автора, что враги государства всегда тоже дѣйствуютъ тайно. „Сія необходимость происходитъ отъ усилій зловредныхъ людей содержатъ свои намѣренія и дѣянія въ самой глубокой тайнѣ, для открытія которой надлежитъ употребить подобное же средство“.

[5]) *Ibid., стр. 110.*

нравственности... уваженія достойные» [1]). Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что подобнаго рода требованія, хотя, быть можетъ, и болѣе скромнаго характера, предъявляются авторомъ ко всѣмъ вообще «чиновникамъ», съ помощью которыхъ, какъ мы знаемъ, просвѣщенное правительство полицейскаго государства предполагало разрѣшить всѣ стоящія передъ нимъ «коренныя» проблемы. Говоря вообще о «чиноначальствѣ», Пестель, поэтому, никогда не забываетъ прибавить, что «въ чиновникѣ нужны способности, знаніе и добродѣтели» [2]), тѣмъ болѣе что на гражданъ имъ возлагается обязанность не только повиноваться «начальству», но и «оное съ должнымъ почтеніемъ уважать». Намъ приходится, такимъ образомъ, еще разъ отмѣтить тѣсное родство доктрины Пестеля съ традиціонной реальной политикой нашего имперскаго правительства XVIII и нач. XIX ст. Но такова уже судьба всякой «утопіи»: она не въ силахъ перелетѣть и въ «идеальномъ» за черту современности, породившей ее...

Приведенный только что взглядъ Пестеля на качества и значеніе агентовъ правительственныхъ силъ заслуживаетъ нашего вниманія еще и съ другой стороны. Дѣло въ томъ, что этотъ взглядъ автора стоитъ въ органической связи съ его взглядомъ на общество и государство, а имъ, въ конечномъ счетѣ, объясняется не только политическая «программа» Пестеля, но и его *тактика*, на которой мы и остановимся въ заключеніе нашей характеристики политической доктрины «Наказа». Не коснуться этого вопроса значило бы допустить крупный пробѣлъ.

Соображая все сказанное выше, мы не рѣшились бы назвать Пестеля «демократомъ». И дѣйствительно, его отношеніе къ обществу или «народу», который для него всегда остается только «чернью», сѣрой и безразличной «массой», обличаетъ въ авторѣ «Наказа» типичнаго представителя эпохи «просвѣщенія» [3]), «либералиста», какъ говорилъ Н. М.

---

[1]) *Ibid., стр. 112.* „Но—прибавляетъ авторъ—дабы люди, уваженія достойные, соглашались на принесеніе государству сей пользы, не должны они никогда, ни подъ какимъ видомъ или предлогомъ народу таковыми быть извѣстны, а тѣмъ еще менѣе быть жертвою частныхъ случаевъ и причинъ". Принимая во вниманіе тяжесть и отвѣтственность службы по „тайнымъ розыскамъ", авторъ неоднократно повторяетъ, что чины тайной полиціи должны „великое получать жалованье", *ibid, стр. 112, 117.* То же самое Пестель говоритъ и о „духовномъ" чинѣ, т.-е. содержаніи духовенства, *ibid., стр. 65.*

[2]) *Ibid., стр. 58, 198.*

[3]) Пестель съ полнымъ правомъ могъ бы повторить слова Вольтера: „мы должны радоваться, что всѣ *порядочные люди* въ Европѣ все болѣе освобождаются отъ суевѣрій... Никогда не претендовали мы на то, чтобы просвѣщать сапожниковъ и горничныхъ... Разумъ долженъ завоевать себѣ мѣсто сперва въ наиболѣе выдающихся головахъ; затѣмъ онъ постепенно станетъ достояніемъ и

Карамзинъ. Пестель, раціоналистъ и заговорщикъ, совершенно послѣдовательно, вмѣстѣ съ философами и политическими писателями XVIII ст., смотритъ на «народъ» сверху внизъ, не довѣряя ему и не вѣря въ него. Для него народъ—«толпа», которая или буйствуетъ, когда ее угнетаютъ, или мирно пасется, «пребываетъ въ спокойствіи», если у ней есть добрый пастырь [1]). Такимъ пастыремъ могутъ и должны быть—по мысли Пестеля—конечно лишь немногіе «истинно благомыслящіе и вмѣстѣ даровитые» [2]) или, какъ называли ихъ на Западѣ, «порядочные» люди [3]) (honnêtes gens), призванные руководить «непросвѣщенной чернью». Наканунѣ самаго возстанія 14-го декабря Пестель откровенно заявлялъ: «la masse n'est rien, elle ne sera que ce que voudront les individus qui sont tout». И для него «народъ», дѣйствительно, какъ политическая сила «ничего не значилъ». Въ революціонныя «превращенія», т.-е. народное «возмущеніе» и его цѣлесообразность, Пестель, поэтому, какъ и его товарищи, не вѣрилъ, какъ не вѣрилъ и въ творческія силы народа [4]). Примѣръ французской революціи въ указанномъ смыслѣ

менѣе совершенныхъ натуръ". *Вольтеръ (изд. Знанія), стр. 139.* Декабристы, дѣйствительно, обращались со своей пропагандой исключительно „къ порядочному" обществу, высшимъ сферамъ, и, въ частности, къ первенствующему сословію—дворянству. Стремленіе привлечь на свою сторону дворянство сказывается особенно явственно въ первоначальныхъ наброскахъ проекта Пестеля и даже въ окончательной редакціи „Наказа", гдѣ авторъ старается убѣдить „добрыхъ дворянъ, истинныхъ сыновъ отечества" отречься добровольно отъ „гнуснаго и неистоваго распорядка вещей", т.-е. крѣпостного права, *Русская Правда, стр. 71, 89 и 96.* Вся политическая реформа Пестеля покоится, можно сказать, на принципѣ, что „толпа", говоря словомъ Дидро, должна быть лишь „отголоскомъ, повторяющимъ мнѣнія немногихъ умныхъ людей, которые заранѣе подготовляютъ мнѣніе потомства" и которые, подобно членамъ „верховнаго правленія" Русской Правды, одни только знаютъ, въ чемъ заключается „благоденствіе" народа и какъ „водворить" это благоденствіе въ жизни. *См. Морлей. Дидро и энциклопедисты, стр. 164.* Якобинецъ Пестель, такимъ образомъ, и въ своей „Русской Правдѣ" продолжается оставаться заговорщикомъ, членомъ „союза спасенія". Здѣсь же должны мы искать объясненія революціонной тактики Пестеля, который, подобно французскому республиканскому правительству 1793 г., въ „отмѣну" своей конституціи, вводитъ временную диктатуру „верховнаго правленія". *Ср. Минье. Исторія французской революціи, стр. 208.*

[1]) *Ibid., стр. 218.*

[2]) *Ивановъ-Разумникъ, op. cit., стр. 101.*

[3]) Въ настоящемъ случаѣ Пестель выступаетъ передъ нами со всѣми характерными чертами просвѣтителя-революціонера и „вольтерьянца".

[4]) Возставая противъ народной революціи, Пестель высказался такимъ образомъ за переворотъ путемъ заговора съ цѣлью установленія длительной диктатуры (10—15 л.) „временнаго правленія", которое и должно было *постепенно* ввести въ дѣйствіе конституцію „Русской Правды". Согласія народа на всѣ эти мѣропріятія вовсе не требуется. Народъ долженъ только повиноваться.

представляется Пестелю особенно поучительнымъ: «всѣ происшествія въ Европѣ, въ послѣднемъ полустолѣтіи случившіяся, доказываютъ, что народы, возмечтавшіе о возможности внезапныхъ дѣйствій и отвергнувшіе постепенность въ ходѣ государственнаго преобразованія, впали въ ужаснѣйшія бѣдствія и вновь покорены игу самовластія и беззаконія». Желая предотвратить подобные «безпорядки, волненія и превращенія, которыя вмѣсто улучшенія могли-бы только ввергнуть государство въ гибель», авторъ «Наказа» предлагаетъ, старое, испытанное средство, столь хорошо знакомое нашей политической исторіи XVIII ст.,—*дворцовый, военный переворотъ*, т.-е. говоря иначе, вмѣсто *революціи* онъ высказывается въ пользу «заговора». Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ долженъ былъ отвергнуть и идею «представительнаго собора», т.-е. народнаго учредительнаго собранія: «представительный соборъ не можетъ быть созванъ—замѣчаетъ онъ—ибо (?) начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ». Но, если народъ долженъ быть во всякомъ случаѣ отстраненъ при рѣшевопроса о его будущихъ судьбахъ, то спрашивалось: «кому можетъ быть поручено исполненіе сего важнаго дѣла»? Отвѣтъ былъ ясенъ: такъ какъ «прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго», а самъ «народъ русскій» оказывался политически мертвой или анархической силой, то дѣло освобожденія Россіи приходилось передать немногимъ избраннымъ «благомыслящимъ» людямъ, вручивъ имъ въ то же время *диктаторскую* власть [1]). Такимъ путемъ и возникла мысль о «временномъ верховномъ правленіи», которое, по проекту Пестеля, должно было *постепенно* осуществить преобразовательный планъ «Наказа», построенный, какъ мы знаемъ, на «умозрительныхъ соображеніяхъ» и «правилахъ политическихъ наукъ» раціоналистическаго вѣка [2]). Это «верховное правленіе»,

---

[1]) *Ibid., стр. 9 и 11.* Нельзя не отмѣтить, что личный характеръ Пестеля, властный, диктаторскій, какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ поставленной задачѣ. Любопытно, что любимымъ героемъ Пестеля былъ Наполеонъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ одинъ разговоръ автора „Правды“ съ Рылѣевымъ. По слѣдній довольно остро замѣтилъ какъ-то Пестелю относительно его восклицанія по адресу Наполеона—„вотъ истинно-великій человѣкъ“: „въ наше время даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ“, *Павловъ-Сильванскій. Декабристъ Пестель, стр. 151; ср. тоже, ibid., стр. 5—6.*

[2]) *Русская Правда, стр. 10. Павловъ-Сильванскій, op. cit., стр. 27—30.* На допросѣ Пестель говорилъ, что „первые вольнодумныя и либеральныя мысли“ явились у него, когда занявшись „политическими науками“, онъ задался вопросомъ: „соблюдены ли въ устройствѣ Россійскаго правленія *правила* политическихъ наукъ“.

слѣдуя точнымъ указаніямъ «Русской правды», призывалось выполнить отвѣтственную миссію правительства-Провидѣнія, которое, направляя всѣхъ и все по пути добродѣтели, въ концѣ концовъ, должно было создать идеальное государство и всеобщее «благодепствіе». Итакъ, Пестель оставался вѣренъ основнымъ принципамъ своей доктрины не только тогда, когда онъ устанавливалъ «коренныя правила» своей республиканской конституціи, но и тогда, когда онъ говорилъ о тѣхъ путяхъ и средствахъ съ помощью которыхъ эта конституція должна была быть введена въ жизнь и приведена въ дѣйствіе. И государственный абсолютизмъ, и крайняя централизація власти, и общественная нивеллировка во имя естественнаго «равенства», и мелочная полицейская опека надъ «гражданами», и полное поглощеніе личности государствомъ и, наконецъ, диктатура, «верховнаго правленія», утвержденная на вѣрѣ въ великую роль немногихъ «просвѣщенныхъ» головъ—все это были непогрѣшимыя «апоѳегмы», извлеченныя авторомъ «Наказа» изъ философскаго катехизиса просвѣтительнаго вѣка. Здѣсь и находитъ свое оправданіе, какъ утопическій по своимъ построеніямъ характеръ политическаго идеала Пестеля, такъ и самая близость этого идеала не только теоріи, но и *исторической* практикѣ полицейскаго государства. Эта черта была одинаково свойственна и политическимъ мечтаніямъ дворянскаго публициста кн. М. Щербатова и декабриста П. Пестеля, и реформаторскимъ desiderata Петра I и Екатерины II. Стоя на точкѣ зрѣнія *государственнаго абсолютизма* Пестель на мѣсто самодержавія государя поставилъ самодержавіе государства, т.-е. перенесъ идею «просвѣщеннаго деспотизма» отъ монархіи на республику. Въ результатѣ съ нимъ случилось тоже, что и съ западными теоретиками «народнаго суверенитета» революціонной эпохи, по поводу которыхъ авторъ «Соціальнаго права» справедливо замѣтилъ, что они «не видѣли, что подвергаютъ индивида еще болѣе грозной тираніи, чѣмъ тиранія короля»[1]). Государство Пестеля, дѣйствительно, отрицая и поглощая въ себѣ понятіе «общества», тѣмъ самымъ рѣшительно *закрѣпощало* себѣ каждаго «гражданина», опутывая его цѣлою сѣтью «правилъ», которыя должны были не только опредѣлять его внѣшнее поведеніе, но и «образъ мыслей». Республика Пестеля, воздвигнутая на развалинахъ монархическаго принципа въ основѣ своей, такимъ образомъ, сохранила всѣ предпосылки абсолютизма, а потому и вылилось, въ конечномъ итогѣ, въ типическія формы полицейскаго государства.

Б. И. Сыромятниковъ.

[1]) *Л. Дюги*, op. cit., стр. 125.

XXXVIII.

Служилыя кабалы позднѣйшаго типа.

Исторія кабальнаго холопства давно обратила на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей: уже авторъ «историческаго извѣстія о старинныхъ чинахъ въ Россіи» высказалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о кабальныхъ холопахъ; тема, затронутая имъ, не перестаетъ интересовать и современныхъ ученыхъ; но исторія той «крѣпости», которая называлась служилой кабалой, все еще очень мало изучена; главная цѣль предлагаемаго очерка состоитъ въ томъ, что бы попытаться выяснить нѣкоторые изъ моментовъ въ развитіи ея формуляра.

Можно думать, что формуляръ служилыхъ кабалъ представлялъ меньше колебаній, вызванныхъ мѣстными и временными условіями, чѣмъ формуляръ многихъ другихъ актовъ. Такое относительно большее единообразіе текста служилыхъ кабалъ, вѣроятно, объясняется не только тѣмъ, что онѣ укрѣпляли сравнительно простую и часто повторявшуюся сдѣлку, но и другими обстоятельствами; въ числѣ послѣднихъ нельзя не придавать существеннаго значенія и законодательству: съ теченіемъ времени оно оказало нѣкоторое вліяніе на формуляръ служилыхъ кабалъ.

Тѣмъ не менѣе служилыя кабалы не отличались полнымъ единообразіемъ своего текста. Древнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ—рязанскія представляютъ типъ (R), далеко не вполнѣ однородный съ позднѣйшими—московскими [1]). Впрочемъ и служилыя кабалы позднѣйшаго времени также потерпѣли нѣсколько измѣненій: хотя о старѣйшихъ изъ нихъ судить трудно, такъ какъ подлинные ихъ тексты почти вовсе не сохранились, но легко замѣтить, что и служилыя кабалы, писанныя послѣ извѣстныхъ указовъ 1586 и 1597 гг., все еще довольно разнообразны: обыкновенно не обнимая всѣхъ условій сдѣлки, онѣ содержатъ скорѣе изложеніе послѣдовательныхъ моментовъ въ развитіи даннаго рода зависимости, чѣмъ строгій анализъ ея элементовъ и состоятъ изъ клаузулъ, формулировка которыхъ часто колеблется.

---

[1]) Акты, собр. и изд. А. Юшковымъ, №№ 78, 93, 98, 102, 106—108. (1510—1519 гг.); ср. *М. Дьяконовъ*, Очерки общест. и госуд. строя древней Руси, т. I. (1907 г.), стр. 379—380.

Въ исторіи формуляра служилыхъ кабалъ того времени можно различать два главныхъ періода: до и послѣ 1680 года. Служилыя кабалы, писанныя до этого года, я буду называть служилыми кабалами старшаго типа, а писанныя послѣ этого года—служилыми кабалами позднѣйшаго типа. Служилыя кабалы старшаго типа характеризуются тѣмъ, что обыкновенно содержатъ условіе о займѣ съ обязательствомъ заемщика служить во дворѣ господина за ростъ или «за деньги»; служилыя кабалы позднѣйшаго типа заключаютъ добровольно принятое на себя обязательство даннаго лица служить во дворѣ господина по его смерть. Само собою разумѣется, что типы и формы служилыхъ кабалъ приходится различать по клаузуламъ, содержащимъ такія условія, а не по удостовѣрительной части актовъ; формулировка послѣдней въ служилыхъ кабалахъ старшаго и позднѣйшаго типовъ довольно устойчива [1]).

Служилыя кабалы старшаго типа представляютъ гораздо болѣе разнообразныхъ формъ, чѣмъ служилыя кабалы позднѣйшаго типа. Нисколько не имѣя въ виду въ настоящей замѣткѣ перечислить всѣ ихъ разновидности, я, однако, остановлюсь на характеристикѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы разнообразіемъ ихъ оттѣнить сравнительно большое единообразіе служилыхъ кабалъ, установившееся въ позднѣйшее время, и указать хотя бы на нѣсколько переходныхъ формъ, предшествовавшихъ образованію того типа, который господствуетъ послѣ 1680-го года.

На основаніи общаго формуляра легко было бы составить себѣ понятіе о служилой кабалѣ старшаго типа, но о существованіи его мы ничего не знаемъ; при помощи актовъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, можно попытаться, тѣмъ не менѣе, построить сводный формуляръ, по которому они вообще писаны и представить его себѣ въ видѣ схемы, состоящей изъ слѣдующихъ клаузулъ [2]). Въ основномъ текстѣ первая клаузула назы-

---

[1]) Въ отличіе отъ клаузулъ, характеризующихъ сдѣлку, я называю удостовѣрительной частью тѣ предложенія, которыя начинаются словами: „А на то послуси...“; „А кабалу писалъ...“

[2]) Нижеслѣдующія замѣчанія основаны, главнымъ образомъ, на изученіи записныхъ кабальныхъ холопьихъ книгъ по Новгороду и Нижнему Новгороду, хранимыхъ въ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, такихъ же книгъ по Пскову за 7127, 7134—7136, 7151—7152, 7157—7167 гг., находящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, собранія служилыхъ кабалъ И. Д. Бѣляева въ Моск. Публич. и Румянц. Музеѣ и нѣкоторыхъ другихъ рукописныхъ документовъ, а также печатнаго матеріала; послѣдній въ значительной мѣрѣ собранъ въ каталогѣ частныхъ актовъ, который составляется подъ моимъ наблюденіемъ; отдѣлъ служилыхъ кабалъ составленъ В. И Веретенниковымъ, Г. М. Котляровымъ, Н. И. Сидоровымъ, И. Ѳ. Чирцевымъ и А. А. Шиловымъ.

ваетъ имена договаривающихся лицъ и указываетъ на сущность кабальнаго холопства, возникавшаго изъ договора займа: она содержитъ условіе о займѣ, заключаемомъ обыкновенно на годовой срокъ. Вторая и третья клаузулы отличаютъ заемъ по служилой кабалѣ отъ займа по кабалѣ, въ силу которой заемщикъ только «давалъ ростъ на деньги», но «жилъ о себѣ», а именно: вторая клаузула опредѣляетъ условіе о службѣ кабальнаго человѣка во дворѣ господина за ростъ или «за деньги» до истченія срока займа; третья—условіе о такой же его службѣ, въ случаѣ неуплаты долга «по сроцѣ»; вторая и третья клаузулы встрѣчаются и въ слитномъ видѣ. Основной текстъ такихъ актовъ дополняется иногда клаузулами, довольно обычными въ заемныхъ кабалахъ; четвертая начинается словами: «а въ займехъ есьмы едины» или: «кой насъ...въ лицѣхъ»; пятая же—словами: «а не отниматца мнѣ»..., что въ достаточной мѣрѣ указываетъ и на ихъ содержаніе. Наконецъ, удостовѣрительная часть («а на то послуси...; а кабалу писалъ»...) съ указаніемъ времени написанія акта обыкновенно заключаетъ собою его формуляръ.

Внимательно вглядываясь въ текстъ служилыхъ кабалъ старшаго типа, легко замѣтить, однако, что составители ихъ придерживались такого формуляра лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: они не всегда пользовались всѣми его клаузулами и часто формулировали ихъ, придерживаясь различныхъ образцовъ. Слѣдовательно, при группировкѣ служилыхъ кабалъ старшаго типа можно имѣть въ виду или перемѣны въ ихъ клаузальномъ составѣ, или измѣненія въ формулировкѣ отдѣльныхъ клаузулъ; удостовѣрительная же часть сохраняется въ немъ безъ существенныхъ перемѣнъ, почему и можетъ быть оставлена безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

Съ точки зрѣнія состава легко различать два вида служилыхъ кабалъ старшаго типа: съ сложнымъ и упрощеннымъ составомъ. Служилыя кабалы съ сложнымъ составомъ содержатъ, кромѣ первыхъ трехъ клаузулъ (или двухъ, изъ которыхъ послѣдняя объединяетъ вторую и третью), еще, въ случаѣ нужды, четвертую клаузулу съ пятой или одну пятую клаузулу; служилыя кабалы съ упрощеннымъ составомъ состоятъ изъ однѣхъ только первыхъ трехъ клаузулъ; остальныя клаузулы текста въ нихъ отпадаютъ.

Служилыя кабалы сложнаго состава, благодаря вышеуказаннымъ клаузуламъ, ближе къ заемнымъ, чѣмъ остальныя, и представлены уже древнѣйшими изъ извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ: рязанскими; послѣднія помимо формулъ, составляющихъ ихъ особенность, при извѣстныхъ условіяхъ, содержатъ обѣ клаузулы: четвертую (если деньги занимаются мужемъ съ женою, родителями съ дѣтьми и т. п.) и пятую [1]; но въ служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго времени онѣ

[1]) Акты..., собр. и изд. А. Юшковымъ, №№ 102, 107; ср., однако, ib., № 106.

встрѣчаются рѣдко и, въ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ, порознь, а не вмѣстѣ, въ большинствѣ же ихъ вовсе отсутствуютъ. Если такое явленіе не находится въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ (напримѣръ, числа сохранившихся актовъ), то оно, можетъ быть, свидѣтельствуетъ въ пользу того предположенія, что формуляръ древнѣйшихъ служилыхъ кабалъ отличался болѣе сложнымъ составомъ и что онъ упрощался въ позднѣйшихъ; такое предположеніе подтверждается и изученіемъ исторіи текста служилыхъ кабалъ въ XVII-мъ вѣкѣ: лишь очень ограниченное число ихъ отличается сравнительно сложнымъ составомъ; въ позднѣйшихъ текстахъ онъ упрощается.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ служилыхъ кабалъ XVI—XVII-го вв., въ числѣ прочихъ, содержатъ или четвертую или пятую клаузулы. Среди такихъ актовъ можно даже различать нѣсколько разновидностей; но число до сихъ поръ извѣстныхъ экземпляровъ служилыхъ кабалъ съ сложнымъ составомъ настолько мало, что на основаніи ихъ изученія трудно придти къ какимъ-либо общимъ заключеніямъ относительно степени устойчивости ихъ состава. На основаніи состава формуляра можно различать служилыя кабалы съ сложнымъ составомъ отъ упрощенныхъ формъ; но для установленія разновидностей сложныхъ формъ приходится уже имѣть въ виду тѣ измѣненія въ формулировкѣ клаузулъ, которыя даютъ возможность образовать нѣсколько второстепенныхъ типовъ служилыхъ кабалъ съ упрощеннымъ составомъ, и въ каждомъ изъ нихъ различать нѣсколько формъ. Съ такой точки зрѣнія удобнѣе, не придавая самостоятельнаго значенія нижеуказываемымъ разновидностямъ M_1r_1, M_2r_1, M_1r_2, N_1l, N_2l и P_4l, разсматривать ихъ въ связи съ формами $M_1 \ldots M_4$, $N_1 \ldots N_4$ и $P_1 \ldots P_4$.

Итакъ, можно различать служилыя кабалы старшаго типа по клаузальному ихъ составу; но для дальнѣйшаго изученія ихъ различій нужно принять во вниманіе и различія въ формулировкѣ отдѣльныхъ ихъ клаузулъ.

Съ такой точки зрѣнія, однако, не всѣ клаузулы вышеприведеннаго своднаго формуляра въ одинаковой мѣрѣ пригодны для установленія разновидностей служилыхъ кабалъ.

Вообще можно сказать, что первая клаузула представляетъ довольно значительное единообразіе главныхъ своихъ элементовъ, и, значитъ, по ея варіантамъ едва ли можно составить себѣ надлежащее понятіе о такихъ разновидностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ старѣйшихъ служилыхъ кабалахъ, извѣстныхъ намъ по новгородскимъ книгамъ, первая клаузула имѣетъ довольно постоянный видъ и часто формулируется слѣдующимъ образомъ:

1. *Се язъ* [имярекъ] *занялъ есьми у* [имярекъ] *денегъ... отъ дни... да до того жъ дни... на годъ...*

Такая формула конечно измѣняется въ зависимости отъ реальнаго ея содержанія, напримѣръ, отъ семейнаго или общественнаго положенія заемщика, отъ того, у кого онъ беретъ деньги, отъ цѣнности занимаемыхъ имъ денегъ: новгородскихъ или московскихъ, отъ размѣровъ долга и т. п. [1]).

Впрочемъ, и способы обозначенія срока займа, обыкновенно годового, не всегда одинаковы: въ вышеприведенной формулѣ онъ точно опредѣлялся лишь въ связи съ послѣдней удостовѣрительной частью: «а кабалу писалъ...», въ которой составитель акта проставлялъ годъ, мѣсяцъ и число его составленія; но иногда подьячіе уже въ первой клаузулѣ обозначали тотъ же срокъ точнѣе, указывая мѣсяцъ и день, или, можетъ быть, въ нѣсколько позднѣйшее время,—годъ, мѣсяцъ и день, напримѣръ: «[мѣсяцъ] отъ... числа до того же дни на годъ», или «нынѣшняго... году [мѣсяцъ] въ... день до [мѣсяцъ] же по... день [слѣдующаго] году» и т. п. [2]). Добавленія подобнаго рода не измѣняютъ, однако, основного смысла формулы: они только придаютъ ей болѣе точное выраженіе. Можно было бы указать и на многіе другіе болѣе мелкіе варіанты той же клаузулы; но и они не свидѣтельствуютъ о томъ, что значеніе ея измѣнилось, а только показываютъ, что текстъ ея въ служилыхъ кабалахъ старшаго типа, еще не получилъ окончательной формулировки. Итакъ, несмотря на то, что первая клаузула продолжаетъ упоминать о годовомъ срокѣ займа и все еще допускаетъ возможность для

---

[1]) Въ рѣдкихъ случаяхъ въ составъ первой клаузулы включали еще и примѣты заемщика, обыкновенно помѣщаемыя при изложеніи результатовъ „осмотра“; см., напр., А. Ю. Б., т. II, № 127, VIII. Ср. с. 739, прим. 1.

[2]) Въ одной изъ записей новгородской кабальной холопьей книги 7106-го года срокъ займа вовсе не указанъ; въ остальномъ служилая кабала обычной формы M_1 (ср. ниже). см. Рус. Ист. библ., т. XV, с. 47; въ одной подлинной служилой кабалѣ 1677 года срокъ указанъ только словами: „августа отъ третьяго на десять числа“; въ остальномъ служилая кабала обычной формы M_3 (ср. ниже); см. А. Ю. Б., т. I, № 93, IV. Впрочемъ, такіе случаи крайне рѣдки и, можетъ быть, простыя описки; въ служилыхъ кабалахъ формы M_3 послѣ слова „денегъ“, иногда стоитъ „прямыхъ безъ приписи“, что можетъ быть слѣдуетъ ставить въ связь и съ другимъ варіантомъ, встрѣчающимся, напримѣръ, въ служилыхъ кабалахъ формъ N_1 и P_1; здѣсь можно отмѣтить еще одинъ варіантъ въ 1-й клаузулѣ: послѣ словъ „служити.... до таково жъ дни на годъ“ слѣдуетъ: „безъ росту“, т.-е., надо полагать, безъ денежнаго росту (что напоминаетъ о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя кредиторы могли практиковать относительно своихъ должниковъ, служившихъ за рость); см. Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Гор. кн. по Новгороду, № 35, лл. 140 и 141. Я не указываю здѣсь на болѣе мелкіе и многочисленные варіанты, которые легко подыскать хотя бы въ однѣхъ только напечатанныхъ служилыхъ кабалахъ.

заемщика уплатить долгъ послѣ годового срока, она сохраняется въ служилыхъ кабалахъ старшаго типа, къ какой бы разновидности его онѣ не принадлежали, и долгое время остается безъ существенныхъ измѣненій. Слѣдовательно, первая клаузула не можетъ служить для характеристики главнѣйшихъ формъ служилыхъ кабалъ того же типа.

Въ теченіе вышеуказаннаго періода времени можно, однако, замѣтить въ формулировкѣ служилыхъ кабалъ старшаго типа измѣненія, которыя имѣютъ гораздо больше значенія для выясненія его разновидностей; во второй и третьей его клаузулахъ составители такихъ актовъ, напримѣръ, иногда различаютъ вторую клаузулу отъ третьей, иногда сливаютъ оба условія въ одну клаузулу; иногда они говорятъ о службѣ во дворѣ за ростъ, а иногда о службѣ во дворѣ за «деньги»; иногда они упоминаютъ о службѣ во дворѣ до срока и «по сроцѣ», а иногда только о службѣ во дворѣ «по вся дни»; иногда они признаютъ службу во дворѣ повседневной, а иногда «вѣчной»; иногда они пишутъ условіе о службѣ кабальнаго человѣка во дворѣ по смерть господина, а иногда о такой же его службѣ до его собственной смерти и т. п. Измѣненія подобнаго рода придаютъ разный смыслъ всему акту; значитъ, по нимъ можно установить нѣсколько разновидностей того типа служилыхъ кабалъ, которыя пишутся до 1680-го года и то общее направленіе, въ которомъ измѣненіе ихъ формы приближаетъ ихъ къ новому типу 1680-го года.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ служилыхъ кабалахъ, кромѣ вышеуказанныхъ клаузулъ, можно встрѣтить и другія, а именно: четвертую клаузулу о томъ, что «деньги и служба за ростъ» заемщика, если онъ занялъ ихъ вмѣстѣ съ женою, съ дѣтьми и т. п., «на томъ изъ нихъ», кто окажется «въ лицѣхъ», или же на всѣхъ ихъ вмѣстѣ, и пятую о томъ, чтобы «не отниматца отъ... кабалы»; такія клаузулы отличаются, однако, нѣкоторымъ единообразіемъ формулировки; въ ихъ текстѣ, конечно, можно было бы указать нѣсколько варіантовъ, но они большею частью маловажны и, значитъ, мало пригодны для характеристики главнѣйшихъ разновидностей служилыхъ кабалъ старшаго типа.

Итакъ, можно придти къ заключенію, что, если различать служилыя кабалы по формулировкѣ текста отдѣльныхъ клаузулъ, слѣдуетъ преимущественно обращать вниманіе на измѣненія во второй и третьей изъ нихъ. Такой критерій имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ XVII-мъ вѣкѣ служилыя кабалы съ упрощеннымъ составомъ замѣтно преобладаютъ, а для установленія ихъ типовъ и формъ достаточно имѣть въ виду различную формулировку второй и третьей клаузулъ: изучая измѣненіе въ ихъ текстѣ, можно намѣтить нѣсколько типовъ и формъ служилыхъ кабалъ, преимущественно съ упрощеннымъ составомъ; они

имѣютъ значеніе и для установленія нѣсколькихъ разновидностей служилыхъ кабалъ съ сложнымъ составомъ.

Разнообразіе такихъ актовъ легко обнаружить при обозрѣніи тѣхъ изъ нихъ, которыя я буду, хотя бы условно, называть служилыми кабалами «московскаго» типа и обозначу знакомъ М: будучи въ общихъ и главныхъ чертахъ сходными между собою, они все же представляютъ не мало существенныхъ различій.

Типъ М характеризуется тѣмъ, что въ немъ вторая и третья клаузулы не сливаются и что, значитъ его текстъ содержитъ особую клаузулу о службѣ во дворѣ по просрочкѣ уплаты долга. Подъ такой типъ можно подвести нѣсколько формъ, которыя я обозначу знаками M_1, M_2, M_3 и M_4.

Въ числѣ подобнаго рода актовъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть о служилыхъ кабалахъ формы M_1, писанныхъ по схемѣ, вторая и третья клаузулы которой содержатъ условіе о службѣ за ростъ; онѣ обыкновенно получаютъ слѣдующій видъ:

2. *А за... ростъ мнѣ у государя своего у* [имярекъ]... *служити во дворѣ.... по вся дни.*

3. *А полягутъ деньги по срочѣ и мнѣ... у государя своего у* [имярекъ] *за ростъ... служити по тому жъ по вся дни во дворѣ...*

Такимъ образомъ, служилыя кабалы формы M_1 продолжаютъ съ нѣкоторою послѣдовательностью упоминать о службѣ за одинъ только ростъ и до срока, и «по срочѣ», чего нельзя утверждать относительно другихъ формъ. Слѣдовательно, можно сказать, что форма M_1 болѣе другихъ соотвѣтствуетъ понятію о «кабалѣ за ростъ служити». Во всякомъ случаѣ она пользовалась довольно широкимъ распространеніемъ: она часто встрѣчается въ новгородскихъ, а иногда и въ псковскихъ холопьихъ кабальныхъ книгахъ [1]; можно отнести къ тому же типу и нѣсколько извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ другихъ мѣстностей: вологодскую, костромскую, переяславльскую, рязанскую, карачевскую и шацкую [2].

Съ теченіемъ времени, однако, форма M_1, кажется, становится гораздо менѣе употребительной. Можно высказать такое предположеніе прежде всего на томъ основаніи, что большинство извѣстныхъ слу-

---

[1]) Рус. Ист. Библ., т. XV, с. 19 и др. А. Ю. Б. т. II, № 127. V (?); № 131, II.

[2]) Моск. Публ. и Румянц. Муз. Соб. актовъ И. Д. Бѣляева; здѣсь, кромѣ того, есть служилая кабала, въ которой кредиторъ названъ „дорогобужениномъ". А. Ю. Б., т. I, № 93, I; т. II, № 127, IV. Акты Воронежской и сосѣднихъ губ., в. XIV, № 691; послѣдняя, судя по имени и фамиліи воеводы, кн. Романа Ивановича Гагарина, вѣроятно, была записана въ карачевскія книги; ср. *А. Барсуковъ*, Списки воеводъ...., с. 461.

жилыхъ кабалъ формы M_1, писано въ первой половинѣ XVII вѣка[1]); правда ихъ очень мало, но онѣ относятся къ разнымъ мѣстностямъ. Во всякомъ случаѣ такой же выводъ можно сдѣлать и на основаніи болѣе обильнаго матеріала, касающагося одной и той же мѣстности. Если сравнить, напримѣръ, новгородскія кабальныя книги болѣе ранняго времени съ позднѣйшими, легко замѣтить, что служилыя кабалы формы M_1 часто встрѣчаются въ книгахъ 1597—1600 гг. и дѣлаются уже рѣдкими въ книгахъ 1646—1650 гг. Этотъ выводъ провѣряется и наблюденіями другого рода, основанными на изученіи псковскихъ служилыхъ кабалъ. Въ псковскихъ книгахъ 7127-го года, напримѣръ, можно найти формулы съ упоминаніемъ о службѣ за ростъ, а въ позднѣйшихъ книгахъ тѣ же формулы взамѣнъ службы за ростъ упоминаютъ о службѣ за деньги.

Новыя формы, отчасти, кажется, замѣнявшія прежнюю (M_1), продолжаютъ, подобно ей, сохранять трехчленный составъ своего текста, но отличаются отъ формы M_1 главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ, упоминаніе о ростѣ постепенно исчезаетъ: здѣсь рѣчь идетъ уже о службѣ за «деньги», или «за истину и за ростъ», а не за одинъ только «ростъ». Такое измѣненіе обнаруживается или въ одной только третьей клаузулѣ, или во второй и третьей клаузулахъ. Сюда можно отнести значительное число служилыхъ кабалъ, а образуемую ими группу разчленить на нѣсколько подгруппъ, которыя я обозначу черезъ M_2 и M_3.

Служилыя кабалы формы M_2 отличаются отъ предшествующей только въ формулировкѣ третьей клаузулы. Площадные подьячіе часто писали служилыя кабалы, въ которыхъ первая и вторая клаузулы обыкновенно подходятъ къ вышеприведенной схемѣ M_1, но третью клаузулу формулируютъ слѣдующимъ образомъ:

3. *А полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ у своего государя* [имярекъ] *по тому жъ служити по вся дни во дворѣ* [2]).

Только что указанное различіе въ терминологіи иногда обнаруживается и въ болѣе рѣзкой формѣ. Въ кабальной холопьей книгѣ Вотской пятины 7155 года, напримѣръ, можно встрѣтить служилыя кабалы, въ которыхъ клаузулы вторая и третья формулированы слѣдующимъ образомъ:

2. *А до того сроку за ростъ мнѣ* [имярекъ] *служити у* [имярекъ] *по вся дни во дворѣ.*

---

[1]) См. выше с. 725; только одна изъ служилыхъ кабалъ формы M_1 изъ собранія И. Д. Бѣляева, писанная въ Переяславлѣ Рязанскомъ, относится къ 1668 году.

[2]) Рус. Ист. Библ. т. XV, Каб. кн. 1597 г., сс. 4—5, 34, 42. Площадные подьячіе: „Семейка“ Наумовъ, „Третьячко“ Никитинъ, а иногда и „Кирилко“ Трызновъ пишутъ служилыя кабалы съ такою же клаузулой.

3. *А полягутъ деньги по сроцъ и мнѣ* [имярекъ] *такожъ служити у государя своего* [имярекъ] *по вся дни во дворъ* [1]).

Такимъ образомъ, составители служилыхъ кабалъ формы M_1 упоминаютъ «деньги», т.-е., надо думать, занятый капиталъ, когда въ M_1 3 ведутъ рѣчь о просрочкѣ уплаты долга, но на ряду съ ними, въ той же формулѣ оставляютъ и обязательство «за ростъ... служить по вся дни во дворѣ»; напротивъ, опуская въ формулѣ M_2 3 слова «за ростъ», составители этой клаузулы какъ будто ставятъ въ связь «деньги» съ «службою по вся дни во дворѣ». Итакъ, можно толковать нашу клаузулу въ томъ смыслѣ, что человѣкъ, поступившій въ кабальные, обязывался по просрочкѣ уплаты долга, отрабатывать господину «деньги».

Трудно сказать, однако, какое именно значеніе имѣлъ употребляемый въ третьей клаузулѣ терминъ: «деньги». Въ старѣйшихъ заемныхъ кабалахъ слово «деньги» часто употребляется для обозначенія занятаго капитала, въ отличіе отъ «роста», напримѣръ, въ выраженіяхъ: «се язъ занелъ есми... пять рублевъ денегъ, а росту дати...»; или: «а росту мнѣ ему на тѣ деньги дати...» [1]). Въ служилыхъ кабалахъ старшаго типа «деньги» въ такомъ же смыслѣ обыкновенно отличаются отъ «роста»; заемщикъ, обыкновенно, занимаетъ нѣсколько рублей «денегъ» или «денегъ безъ росту», а за «ростъ» обязуется служить у господина во дворѣ; то-же различіе чувствуется и въ словахъ: «а полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ... за ростъ служити». Тѣмъ не менѣе нельзя сказать съ увѣренностью, что составители формулы M_2 3 подъ терминомъ «деньги» дѣйствительно разумѣли одинъ только занятый капиталъ. Въ псковскихъ служилыхъ кабалахъ тотъ же терминъ употребляется иногда съ его разъясненіемъ: оно показываетъ, что слово «деньги» можно было употреблять, по крайней мѣрѣ въ псковской области, для обозначенія и капитала, и капитала съ процентами; составители служилыхъ кабалъ иногда писали: «а за тѣ деньги, за истину служити мнѣ...», или едва ли не чаще: «а за тѣ деньги, за истину и за ростъ, служити мнѣ...» [2]). Въ разбираемой формулѣ M_2 3 новгородскихъ служилыхъ кабалъ, подъ деньгами, значитъ, можно было бы разумѣть или одинъ капиталъ, или, судя по большему числу случаевъ, капиталъ съ процентами. Если толковать, однако, упоминаніе въ третьей клаузулѣ разбираемаго вида о службѣ за деньги въ смыслѣ отработки капитала, то вторая клаузула текста окажется въ нѣкоторомъ разногласіи съ третьей. Напротивъ, если принять, что составители подобнаго рода актовъ въ

---

[1]) Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ, собр. и изд. А. Юшковъ, ч. I, №№ 32, 35 и др.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Вотч. Конт. по г. Пскову кн. №№ 78/1620 и 83/1625; ср. о нихъ ниже с. 731.

M_2 3 разумѣли подъ «деньгами» капиталъ съ процентами, т.-е. истину и ростъ, то смыслъ совокупной формулировки клаузулъ M_2 2 и M_2 3 окажется болѣе однороднымъ. Впрочемъ, въ той же третьей клаузулѣ еще одно выраженіе требуетъ истолкованія, отъ котораго отчасти зависитъ то, а не иное пониманіе термина «деньги». Слова «по тому же», можно понимать различно: или они относятся къ предшествующему условію о работѣ за ростъ и тогда, указываютъ на то, что кабальный человѣкъ обязывается и по просрочкѣ долга служить такъ-же («по тому же»), какъ и до его просрочки, т.-е. за ростъ; или они касаются лишь рода службы и, значитъ, даютъ понять, что кабальный человѣкъ обязуется и по просрочкѣ долга служить такъ-же («по тому же»), какъ и до его просрочки, т.-е. по вся дни во дворѣ господина. Нельзя не замѣтить, что извѣстныя намъ служилыя кабалы того времени обыкновенно включаютъ въ составъ интересующей насъ клаузулы особо упоминаніе о службѣ во дворѣ, что даетъ основаніе толковать слова «по тому жъ» въ смыслѣ службы за ростъ [1]); но и въ формѣ M_1 3, упоминающей о службѣ за ростъ, и въ формѣ M_2 3, не упоминающей въ данномъ мѣстѣ о ростѣ, слова «по тому жъ» одинаково встрѣчаются; значитъ, можно толковать ихъ и въ смыслѣ тавтологіи, касательно службы во дворѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ новгородскихъ кабалъ та-же клаузула представляетъ варіанты, имѣющіе интересъ: вмѣсто словъ «по тому-же служити по вся дни во дворѣ» можно встрѣтить слова: «тако-же служити по вся дни во дворѣ» и даже слова: «служить тоже по вся дни во дворѣ», что̀ даетъ нѣкоторое основаніе толковать и выраженіе: «по тому же» во второмъ изъ вышеприведенныхъ значеній: оно могло относиться не къ службѣ за ростъ, а къ службѣ по вся дни во дворѣ [2]).

При просмотрѣ служилыхъ кабалъ XVII вѣка легко убѣдиться, что форма M_2 пользовалась значительнымъ распространеніемъ: она встрѣчается и въ новгородскихъ кабальныхъ книгахъ 1597—1600 гг.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ служилыхъ кабалахъ поступающій въ кабальные холопы обязуется служить во дворѣ, „гдѣ государь велитъ“; костромитинъ Григорій Ѳедоровъ съ женою и дѣтьми обязуется, напримѣръ, въ силу служилой кабалы, составленной въ 1602 году: „а за ростъ мнѣ, Григорью и съ своею женою и з детьми въ монастырскомъ въ селѣ на Высокомъ или гдѣ архимаритъ велитъ, на монастырскомъ дворце служити и всякое дѣло дѣлати...“; см. *Н. Павловъ-Сильванскій*, Акты о закладчикахъ, с. 253.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город. кн. по г. Новгороду, № 35; см., напримѣръ, акты 7155 г. на лл. 2 об., 35 об., 37, 50 об.; Вотской пят. Корѣльской пол., ib., лл. 103, 104 об., 105 об.; 7156 г. Новгородскія кабалы ib., л. 300 об.; Вотскія—ib., л. 373; Шелонскія—ib., л. 405 (слова: „служить тоже“... и проч.).

и 1646—1650 гг. и, нѣсколько позднѣе, въ псковскихъ книгахъ; въ книгѣ 7127 года, въ которой мнѣ не попадалось служилыхъ кабалъ формы M_1, можно, напримѣръ, указать цѣлый рядъ актовъ, или подходящихъ къ формѣ M_2 или близкихъ къ ней по формулировкѣ третьей клаузулы[1]; такая же форма часто встрѣчается въ псковскихъ книгахъ 7134—7136 гг. и другихъ годовъ, въ томъ числѣ и въ нѣсколько позднѣйшихъ, напримѣръ, 7151—7152 гг.[2]; судя по отдѣльнымъ экземплярамъ, можно указать сходныя формы и среди служилыхъ кабалъ: московскихъ, коломенскихъ, костромскихъ, ярославскихъ, кашинскихъ, хлыновскихъ, каширскихъ, тульскихъ, бѣльскихъ, зарайскихъ, арзамасскихъ и астраханскихъ. Такая распространенность формы M_2 уже даетъ основаніе предполагать, что она отличалась довольно значительною устойчивостью и во времени. Дѣйствительно при сопоставленіи новгородскихъ кабальныхъ книгъ 1597—1600 гг. съ такими же книгами 1646—1650 гг. легко замѣтить, что въ старѣйшихъ книгахъ форма M_1 часто встрѣчается; въ позднѣйшихъ книгахъ, напротивъ, можно сказать, что форма M_2 преобладаетъ не только въ главномъ центрѣ, но и въ большинствѣ пятинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и среди вышеперечисленныхъ служилыхъ кабалъ M_2 легко разыскать акты позднѣйшаго времени, напримѣръ, бѣльскую служилую кабалу 1646 г., бѣжецкую—1655 г., зарайскую—1656 г., арзамасскую—1659 г., ярославскія—1663 г., хлыновскую—1664 г., обонежскую—1665 г., коломенскія—1648, 1649 и 1669 гг., тульскую—1672 г., кашинскія—1656 и 1674 гг., московскія—1654, 1655, 1657, 1665, 1669, 1670, 1671 и 1674 гг. и, наконецъ, костромскую—1676 г.[3].

Тѣмъ не менѣе и форма M_2, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, съ теченіемъ времени, становится менѣе употребительной:

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 76/1618; см., напримѣръ, №№ 4, 10, 18, 20, 25, 26, 36—39, 41, 44, 59, 60 а, 62—64. Въ той же книгѣ можно указать цѣлый рядъ служилыхъ кабалъ, въ которыхъ вторая клаузула пишется: „А за ростъ мнѣ.... до срока и по сроце служити по вся дни во дворѣ“, а третья обыкновенно сходна съ M_1 3; см. ib., №№ 1, 5, 6 (съ варіантами), 27 и др.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 78/1620; №№ 21, 22, 24, 25, 29, 31, 35, 36 и мн. др.; №№ 502, 503, 505, 506, 514, 518.

[3]) Моск. Публ. и Рум. Муз., Собр. актовъ И. Д. Бѣляева. А. Ю. Б., т. I, №№ 9 и 93, II; т. II, № 127, I, II, III, VI—IX; № 131, III. Акты г. Шуи, № 75; ср. *В. Борисовъ*, Оп. г. Шуи, с. 398. Тр. Орловской губ. ученой арх. ком. 1889 г., в. VI, с. 17. Врем. Демид. Лиц., кн. 52, с. 194. Сбор. бум. Щукина, т. II, с. 121. *И. Бѣляевъ*, Законъ и акты о крѣпостномъ состояніи въ древней Руси въ Арх. ист. и практ. свѣд. Н. Калачева 1859 г., кн. II, с. 98. *Н. Селифонтовъ*, Оп. Линев. Арх., ч. I, ст. 31 и 32, №№ 176 и 179; ч. II, ст. 19, № 80.

въ псковскихъ кабальныхъ книгахъ, напримѣръ, можно, кажется, замѣтить постепенное ея исчезновеніе; она уступаетъ мѣсто новымъ разновидностямъ: въ старѣйшихъ извѣстныхъ намъ книгахъ 7127 года, форма M_2 (иногда съ сравнительно маловажными варіантами) преобладаетъ; но въ книгахъ 7157—7167 гг. она почти уже совсѣмъ исчезла; въ нихъ собственно псковскія формы служилыхъ кабалъ замѣтно господствуютъ.

Впрочемъ, къ той же формѣ M_2 примыкаетъ еще одна разновидность, извѣстная намъ изъ тѣхъ же новгородскихъ и псковскихъ книгъ. Подобно M_2, основное содержаніе ея обыкновенно исчерпывается тремя клаузулами, но замѣна словъ «за ростъ» словами «за деньги» проведена здѣсь съ большей послѣдовательностью: и во второй, и въ третьей клаузулахъ этой новой формы рѣчь идетъ о службѣ «за деньги», а не за «ростъ».

Служилыя кабалы подобнаго рода извѣстны въ различныхъ формулировкахъ: или безъ объясненія, что именно разумѣется подъ терминомъ «деньги», или съ такимъ дополненіемъ; я обозначу ихъ знаками M_3 и M_4.

Въ служилыхъ кабалахъ формы M_3, съ упоминаніемъ только о службѣ за деньги, но безъ дальнѣйшихъ разъясненій, формулировка второй и третьей клаузулъ получаетъ приблизительно слѣдующій видъ:

2. *А за тѣ деньги... мнѣ* [имярекъ] *служити у государя своего у* [имярекъ] *по вся дни во дворѣ.*

3. *А полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ...* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *по тому жъ служить во дворѣ по вся дни.*

Впрочемъ, служилыя кабалы, писанныя по такому образцу, пока извѣстны мнѣ въ довольно маломъ числѣ экземпляровъ: старшія изъ нихъ относятся не къ замосковнымъ городамъ, а записаны въ кабальныхъ книгахъ новгородской области, 7156-го и 7157 годовъ [1]); но аналогичная формулировка встрѣчается (съ маловажными варіантами) и въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ московскими подьячими въ 1650-хъ годахъ и въ серединѣ 1670-хъ годовъ [2]).

Въ числѣ псковскихъ служилыхъ кабалъ можно указать на такія, которыя писаны по формѣ, очень близкой къ M_3, хотя онѣ и представляютъ особенность, вѣроятно, мѣстнаго происхожденія: въ такихъ

---

[1]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город. кн. по Новгороду № 35, лл. 408—408 об. (изъ книги Деревской пятины Григорьевой половины Морозова); тоже № 36, лл. 127; ср. лл. 356 и сл., 369 и сл., 379 об., 382, 384. А. Ю. Б., т. II № 127, XI.

[2]) Моск. Публ. и Рум. Муз., Собр. И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7166 г. нояб. 7 и 7179 г., утв. авг. 7. А. Ю. Б., т. I, № 93, III и IV. Труды рязанской арх. ком. за 1902 г. Ряз. 1903 г., сс. 182—183 (1675 г.).

кабалахъ, форму которыхъ я, въ виду ея близости къ M_3, условно обозначу знакомъ M_4, терминъ «деньги» получаетъ дальнѣйшее разъясненіе; вторая и третья клаузулы формулируются въ нихъ слѣдующимъ образомъ.

2. *А за тѣ деньги служить мнѣ* [имярекъ] *у него государя своего у* [имярекъ] *до сроку по вся дни во дворѣ.*

3. *А по срочѣ полягутъ деньги и мнѣ у него государя своего за истину и за ростъ служити по тому жъ по вся дни во дворѣ.*

Приведенныя формулы M_4 2 и M_4 3 отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ формулъ M_3 2 и M_3 3 только выраженіями «за истину и за ростъ», употребленными вмѣстѣ, можетъ быть, для поясненія предшествующаго термина: «деньги», который могъ имѣть нѣсколько значеній. Судя по псковскимъ актамъ, его все еще приходится понимать въ смыслѣ занятаго капитала съ процентами; но въ порховскихъ тоже слово употребляется только въ смыслѣ занятаго капитала, что находилось уже въ большемъ соотвѣтствіи и съ указами о службѣ кабальнаго человѣка до смерти его господина.

Впрочемъ, форму M_4 можно отнести и къ псковскимъ кабаламъ, хотя типъ послѣднихъ обыкновенно отличается двухчленнымъ составомъ своего текста.

Въ формулировкѣ M_3 2 и M_3 3 нельзя не замѣтить дальнѣйшаго шага въ сторону указовъ 1586 и 1597 годовъ. Если понимать слово «деньги» въ смыслѣ занятаго должникомъ капитала (или капитала съ процентами) и принять во вниманіе, что здѣсь уже нѣтъ рѣчи о работѣ «за ростъ», новую формулировку придется толковать въ смыслѣ уже болѣе подходящемъ и къ духу вышеназванныхъ указовъ: должникъ, судя по актамъ подобнаго рода, обязуется отрабатывать свой долгъ, или долгъ съ процентами, а не одни только проценты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ формѣ M_3 вторая клаузула уже согласована съ третьей: въ извѣстномъ условіи о займѣ денегъ на годовой срокъ, съ обязательствомъ работать во дворѣ господина, слова «за ростъ» замѣнены словами «за деньги», что повторяется и въ слѣдующей клаузулѣ о службѣ «по срочѣ» «по тому жъ» и также «за деньги». Число извѣстныхъ намъ кабалъ формы M_3 къ сожалѣнію, настолько незначительно, что нельзя съ достовѣрностью судить о томъ, когда эта форма установилась; извѣстные мнѣ тексты

---

[1]) Въ кабалахъ того же типа во второй клаузулѣ, вслѣдъ за словами: „а за тѣ деньги“... иногда еще добавлено: „за истину и за ростъ“, но тогда этихъ словъ обыкновенно нѣтъ въ третьей клаузулѣ. Впрочемъ третья клаузула иногда формулируется и безъ упоминанія о ростѣ: въ порховскихъ служилыхъ кабалахъ, напримѣръ, она содержитъ условіе о службѣ „за тѣ деньги, за истину,“ а не „за истину и за ростъ;“ см. Моск. Арх. Мин. Юст. Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, записи №№ 356, 357, 358, 360, 362.

относятся къ позднѣйшему времени, начиная съ середины 1640-хъ годовъ; но форма M_3 находится въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ формою M_4, которая встрѣчается и въ служилыхъ кабалахъ болѣе ранняго времени.

Итакъ, на основаніи вышесдѣланныхъ сопоставленій можно придти къ заключенію, что служилыя кабалы старшаго типа, которыя писались въ разныхъ городахъ Московскаго государства до 1680 года, далеко еще не отличались единообразіемъ: даже пользуясь довольно ограниченнымъ числомъ служилыхъ кабалъ типа М, можно насчитать нѣсколько формъ, по которымъ онѣ составлялись и легко замѣтить, что послѣднія не отличались устойчивостью.

Такое разнообразіе усиливалось еще тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ, на ряду со многими изъ вышеприведенныхъ формъ существовали еще спеціальные виды, можетъ быть характерные для данной мѣстности. Съ указанной точки зрѣнія служилыя кабалы новгородскаго и псковскаго происхожденія представляютъ большой интересъ. Кромѣ нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ формъ типа М, можно встрѣтить въ новгородской и псковской области нѣсколько особыхъ типовъ и формъ.

Между служилыми кабалами новгородско-псковской области нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства. Въ отличіе отъ «московскаго» типа, напримѣръ, основной ихъ текстъ состоитъ обыкновенно только изъ двухъ клаузулъ: вторая и третья клаузулы сливаются здѣсь воедино, благодаря чему и смыслъ ихъ нѣсколько измѣняется. Тѣмъ не менѣе между обѣими группами нѣтъ полнаго сходства: въ новгородскихъ актахъ выраженіе «за ростъ» часто встрѣчается, въ псковскихъ—оно, кажется, вытѣсняется другимъ, а именно: «за деньги»; такое предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что псковскія формы (а именно тѣ, въ которыхъ имѣются пояснительныя указанія на «истину и ростъ») соотвѣтствуютъ формамъ съ выраженіемъ: «за деньги».

Въ новгородской области особыя формы мнѣ удалось замѣтить не въ ея центрѣ, гдѣ уже пишутся служилыя кабалы преимущественно московскаго типа, а въ пятинахъ. Вообще обозначая новгородскія формы черезъ N, я буду различать ихъ знаками N_1, N_2 и т. д.

Форма N_1 содержитъ, конечно, первую клаузулу о займѣ денегъ на годовой срокъ; по остальныя, слитыя вмѣстѣ, получаютъ слѣдующій видъ:

$N_1 2$. *А за ростъ мнѣ* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *на тѣ деньги служити до того сроку и по сроцѣ по всякъ день во дворѣ* [1]).

---

[1]) А. Ю. Б., т. II, № 131, стб. 117—124; В. И. Веретенниковъ обратилъ мое вниманіе на особенность этихъ кабалъ. Вмѣсто „по всякъ день“ можно встрѣтить и: „по вся дни“.

Такимъ образомъ, сливая вышеуказанныя клаузулы въ одну, составители новой формулы попадали въ нѣкоторое противорѣчіе съ первой клаузулой о займѣ денегъ на годовой срокъ; въ самомъ дѣлѣ, они все же начинаютъ писанныя ими служилыя кабалы съ обычныхъ словъ: «се язъ [имярекъ] занялъ есми у государя своего у [имярекъ] [столько то рублей] денегъ отъ [такого то дня] до того же дня на годъ». Между тѣмъ они же формулируютъ послѣдующій текстъ тѣхъ же актовъ въ такомъ видѣ, что поступившій въ кабальную зависимость обязанъ служить своему «государю» до срока и по его истеченіи «по всякъ день во дворѣ», и, значитъ, какъ будто уже не предусматриваютъ для него возможности уплатою долга черезъ годъ получить свободу. Вышеприведенная клаузула и сама по себѣ взятая представляется не особенно удачной: изъ нея неясно, служитъ ли кабальный холопъ «за ростъ» или «за деньги»; въ виду, можетъ быть, сліянія въ ней двухъ условій, составителямъ новой формулы, пришлось говорить одновременно и о «ростѣ», и о «деньгахъ»; трудно думать, что слова «за ростъ» относятся къ службѣ «до сроку», а слова «на тѣ деньги»—къ службѣ «по сроцѣ»; менѣе искусственно толковать новую формулировку въ томъ смыслѣ, что кабальный холопъ, обязуется служить во дворѣ своего господина «по всякъ день» «за ростъ на тѣ деньги», т.-е. за ростъ съ взятаго имъ капитала [1]). Во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что новая клаузула, нѣсколько больше предшествующихъ приближается къ требованіямъ указовъ 1586 и 1597 гг. въ томъ отношеніи, что, видимо, уже не придаетъ существеннаго значенія прежней статьѣ о годовомъ срокѣ займа и, не употребляя выраженія: «а полягутъ деньги по сроцѣ», какъ будто, не устанавливаетъ существеннаго различія между службою до срока и «по сроцѣ».

Форма N_1, слагающаяся изъ двухъ клаузулъ и характеризуемая формулою $N_1 2$, представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что служилыя кабалы такой именно формы преимущественно писались, насколько мнѣ извѣстно, въ одной мѣстности, а именно въ Шелонской пятинѣ. Даже не въ обѣихъ «половинахъ» Шелонской пятины можно встрѣтить ее: служилыя кабалы Залѣсской половины преимущественно сходны съ типомъ M_3 и только въ Зарусской онѣ пишутся согласно формѣ N_1; но тутъ она держится въ теченіе по крайней мѣрѣ нѣсколь-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ изъ кабалъ, писанныхъ тѣмъ же площаднымъ подьячимъ, слова „на тѣ деньги“ отсутствуютъ; онъ ограничивается формулой: „а за ростъ мнѣ у него до того сроку и по сроцѣ служити по вся дни во дворѣ“, что, какъ будто, говоритъ въ пользу послѣдняго толкованія; выраженіе „за тѣ деньги за ростъ...“ встрѣчается и въ псковскихъ книгахъ; см. № 76/1618, записи. №№ 6,19; № 83/1625, запись № 315.

кихъ десятилѣтій; уже судя по книгамъ 1598 года земской дьячокъ «Тимоха» Михайловъ писалъ такія кабалы (N_1); тѣ же правила соблюдаются разными «дьячками» при составленіи служилыхъ кабалъ, записанныхъ въ книгѣ той же половины въ 1646 — 1647 гг.; только слова «на тѣ деньги» въ нихъ, обыкновенно, уже не встрѣчаются, что придаетъ болѣе ясный смыслъ формулировкѣ второй клаузулы. Впрочемъ, аналогичная форма встрѣчается въ записныхъ книгахъ Деревской пятины Григорьевой половины Морозова, а также въ порховскихъ и въ псковскихъ кабальныхъ холопьихъ книгахъ [1]).

Къ формѣ N_1 близко подходитъ и другая, встрѣчающаяся въ книгахъ Бѣжецкой пятины Тверской половины, тѣхъ же 1646—1647 гг., почему ее можно обозначить черезъ N_2. Въ ней формула $N_2 2$, также заканчивающая собою текстъ, обыкновенно читается слѣдующимъ образомъ:

$N_2 2$. *А за ростъ мнѣ* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *до того сроку и по сроцѣ служити по вся дни во дворъ безъ сходу и всякое дѣло дѣлать* [2]).

Легко замѣтить, что послѣдняя клаузула $N_2 2$ отличается отъ предшествующей $N_1 2$ начальными словами: «а полягутъ деньги по сроцѣ...», въ сущности однозначущими съ словами: «а за ростъ...» и еще дополнительными условіями: «безъ сходу и всякое дѣло дѣлати»; выраженія: «безъ сходу» или «безвыходно» и «всякое дѣло дѣлати» могли, конечно, имѣть въ виду интересъ «государя»—рабовладѣльца; но слова «безъ сходу» или «безвыходно» могли отражать въ себѣ и вліяніе указа 1597 года, гдѣ сказано: «и тѣмъ всѣмъ людемъ... отъ государей своихъ... не отходити».

Наконецъ, къ формѣ N_2 естественно примыкаетъ и третья форма новгородскихъ кабалъ, N_3, впрочемъ существенно нарушающая требованія указовъ 1586 и 1597 гг.: я имѣю въ виду служилыя кабалы, записанныя въ книги Бѣжецкой пятины 7157—7158 гг., и притомъ одной только Тверской ея половины. Такая форма N_3, вслѣдъ за обычной клаузулой о займѣ, содержитъ слѣдующую двойную клаузулу:

---

[1]) Вот. конт. по г. Пскову № 76/1618, записи №№ 8, 11, 12; я не рѣшаюсь называть эту форму особою псковскою формой, такъ какъ она очень близка къ N_1 и рѣдко встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мнѣ книгахъ, да и N_2 можно придавать условное значеніе.

[2]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город. кн. по Новгороду, № 35, лл. 177 – 201, 436 и сл.; въ книгѣ текстъ служилыхъ кабалъ только пересказывается; вмѣсто словъ; „а за ростъ...“ писали также: „а полягутъ деньги по сроцѣ“, но тогда ниже послѣ слова: „мнѣ“ помѣщали „за ростъ“ и т. д.

$N_3$2. *А за ростъ мнѣ* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *до того сроку и по сроцы служити по вся дни во дворъ безъ сходу и всякое дѣло дѣлати до своей смерти*[1]).

При сличеніи N_3 2 съ N_2 2 легко замѣтить, что N_3 2 отличается отъ N_2 2 только послѣдними тремя словами: «до своей смерти»; но они существенно измѣняютъ смыслъ всей клаузулы и ставятъ ее въ явное противорѣчіе съ законами 1586 и 1597 годовъ, установившими, что кабальный холопъ долженъ служить до смерти его «государя», а не «до своей смерти»[2]).

Впрочемъ, въ новгородскихъ книгахъ можно найти и такія формы, которыя ближе подходили къ требованіямъ закона: въ нѣкоторыхъ порховскихъ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ по формѣ, сходной съ N_1, легко замѣтить, однако, въ формулировкѣ послѣдней клаузулы текста довольно существенный пропускъ; въ такой формѣ, которую я обозначу черезъ N_4, послѣдняя клаузула уже теряетъ прежній слитный характеръ и получаетъ приблизительно слѣдующій видъ:

$N_4$2. «*А за ростъ мнѣ служити у государя своего у* [имярекъ] *во дворъ по вся дни*»[3]).

Благодаря пропуску, сравнительно съ N_1 2, словъ: «до сроку и по сроцѣ» въ N_4 2, различіе между службою до срока и «послѣ срока» въ сущности уже уничтожается; въ виду такой особенности форма N_4, хотя и сохраняетъ слова «за ростъ», но все же, пожалуй, ближе другихъ, перечисленныхъ выше N_1... N_3, стоитъ и къ формуляру служилыхъ кабалъ позднѣйшаго времени.

Въ тѣсную связь съ только что указаннымъ типомъ служилыхъ кабалъ новгородской области легко поставить и псковской типъ, который я обозначу знакомъ Р. Типъ Р также содержитъ всего двѣ клаузулы, характеризующія сдѣлку: одну о займѣ, а другую—о службѣ «за тѣ деньги... по вся дни во дворѣ»; но послѣдняя клаузула выражается различно: или съ дополнительнымъ толкованіемъ значенія слова «деньги», или безъ него; кромѣ того, та же вторая клаузула устанавливаетъ службу «за тѣ деньги» или оговаривая, что заемщикъ долженъ служить господину «до срока и по сроцѣ», или безъ такой оговорки, что еще болѣе упрощаетъ формулировку всей сдѣлки. Такимъ обра-

---

[1]) Моск. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Городск. кн. по Новгороду, № 36, лл. 146 и сл., л. 490 об. и сл.; формула „А за ростъ мнѣ...“, въ служилыхъ кабалахъ той же формы иногда получаетъ слѣдующій видъ: „А полягутъ деньги по сроце, и мнѣ...“

[2]) См. ниже. сс. 753—754 прим.

[3]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город кн. по Новгороду № 36, л. 193 об. и сл., л. 228, л. 267 об.

зомъ, въ псковскихъ книгахъ можно встрѣтить по крайней мѣрѣ четыре довольно устойчивыхъ формы второй клаузулы, а именно:

P_1 2. *А за тѣ деньги, за истину и за ростъ, мнѣ* [имярекъ] *служити у государя своего у* [имярекъ] *до сроку и по сроцѣ по вся дни во дворѣ.*

P_2 2. Слова: *до сроку и по сроцѣ* въ такой клаузулѣ иногда опускаются, что и даетъ форму P_2 2.

P_3 2. *А за тѣ деньги мнѣ до сроку и по сроцѣ служить у государя своего у* [имярекъ] *по вся дни во дворѣ.*

P_4 2. *А за тѣ деньги мнѣ* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *служити во дворѣ по вся дни*; слова: «*а за тѣ деньги*» въ этой клаузулѣ иногда замѣняются словами: *а полягутъ деньги по сроцѣ и мнѣ* [имярекъ] *за тѣ деньги...* [1]).

При просмотрѣ псковскихъ холопьихъ кабальныхъ книгъ, въ которыхъ записаны служилыя кабалы указанныхъ формъ P_1... P_4, можно, кажется, замѣтить, что онѣ получаютъ видимое преобладаніе въ позднѣйшихъ книгахъ, относящихся къ 7157—7167 гг.; здѣсь больше всего служилыхъ кабалъ, писанныхъ по образцу P_1, а затѣмъ и такихъ, которыя составлены по формамъ P_3 и P_4; но служилыхъ кабалъ послѣднихъ формъ все же значительно меньше и число ихъ едва ли не возрастаетъ къ концу указаннаго промежутка времени [2]).

Послѣдняя изъ вышеприведенныхъ формъ, а именно P_4, очевидно, оказывается наиболѣе упрощенной: въ ней уже нѣтъ упоминаній ни о ростѣ, ни о службѣ до срока и послѣ срока; вмѣстѣ съ тѣмъ она уже ближе другихъ, разсмотрѣнныхъ выше, подходитъ и къ позднѣйшему типу служилыхъ кабалъ, появляющемуся съ 1680-го года: стоило только упразднить въ ней упоминаніе даже о «деньгахъ», и отмѣтить, что бьющій челомъ въ холопство долженъ служить господину по его смерть, чтобы получить форму служилыхъ кабалъ позднѣйшаго типа.

Наконецъ, разнообразіе служилыхъ кабалъ усиливалось еще тѣмъ, что типы M, N, P... въ различныхъ своихъ формахъ осложнялись иногда вышеуказанными дополнительными клаузулами: четвертой и пятой; слѣдовательно, и въ осложненномъ видѣ служилыхъ кабалъ можно, пожалуй, въ зависимости, главнымъ образомъ отъ измѣненій въ формулировкѣ первыхъ трехъ клаузулъ, различать нѣсколько слож-

---

[1]) Аналогичная форма изрѣдка встрѣчается въ новгородскахъ записныхъ книгахъ, а именно въ книгахъ Деревской пятины, Григорьевской половины Морозова; см. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Городск. кн. по Новгороду, № 36, лл. 134 об.—135.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625.

ныхъ формъ; впрочемъ, отличающія ихъ клаузулы—четвертая и пятая также обнаруживаютъ нѣкоторыя колебанія текста.

Дѣйствительно, можно указать на нѣсколько служилыхъ кабалъ московскаго типа, содержащихъ кромѣ первыхъ трехъ клаузулъ,—четвертую. Такую комбинацію я буду обозначать знакомъ M r, гдѣ M—одна изъ упрощенныхъ формъ служилыхъ кабалъ московскаго типа, а r—четвертая клаузула общей схемы.

Сложная форма $M_1 r_1$ представлена старѣйшей изъ извѣстныхъ намъ подлинныхъ, вѣроятно, московскихъ служилыхъ кабалъ 1596-го года, заключенной отъ имени Осипа Юрьева сына Васильева съ дѣтьми: тремя сыновьями и одною дочерью; ихъ служилая кабала, кромѣ вышеуказанныхъ первыхъ трехъ клаузулъ содержитъ еще клаузулу, формулированную слѣдующимъ образомъ:

4. *А кой насъ заимщикъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и служба* [1]).

Само собою разумѣется, что типъ Mr могъ получать и другія сложныя формы: $M_2 r_1$ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, записная книга Обонежской пятины 1599—1600 гг. содержитъ нѣсколько служилыхъ кабалъ, близкихъ къ формѣ M_2, осложненной (въ аналогичныхъ случаяхъ) четвертой клаузулой r_1; но послѣдняя формулирована нѣсколько точнѣе, чѣмъ въ актѣ 1596-го года, а именно:

4. *А которой насъ заимщиковъ въ лицехъ, на томъ деньги и за ростъ служба* [2]).

Типъ Mr могъ получать, однако, разныя значенія и въ зависимости отъ колебаній въ значеніи r: четвертая клаузула не всегда формулировалась въ видѣ r_1. Сложная форма $M_1 r_2$, представлена нѣкоторыми позднѣйшими служилыми кабалами: въ случаяхъ, подобныхъ вышеуказаннымъ, касимовскіе подьячіе и «холопьихъ дѣлъ дьячокъ», въ 1630-хъ годахъ, напримѣръ, близко придерживались такого образца, т.-е. присоединяли къ обычнымъ первымъ тремъ клаузуламъ M_1 еще и четвертую—r_2; они формулировали ее нѣсколько иначе чѣмъ r_1, но, кажется, придавали ей аналогичный смыслъ:

---

[1]) А. Ю. N 252. Редакторъ „Актовъ“ назвалъ этотъ актъ „заемной служилой кабалой“; въ помѣтѣ на оборотѣ онъ названъ, однако, просто „служилой кабалой“; изъ текста кабалы не видно, гдѣ она писана; но заемщики подвергались распросу „передъ Пятымъ Кокошкинымъ“, что и указано въ помѣтѣ на оборотѣ; тамъ же и его скрѣпа; а Пятой Кокошкинъ былъ въ то время дьякомъ приказа холопьяго суда.

[2]) Имп. Публ. Библ., Q II 9, лл. 161—178; всѣ акты формы $M_2 r_1$ писаны земскимъ дьячкомъ „Ушачкомъ“ Семеновымъ. Въ записныхъ книгахъ пятинъ: Вотской и Бѣжецкой (Бѣлозерской половины) типъ Mr мнѣ не попадался.

4. *А въ займахъ есьми въ деньгахъ и за ростъ въ службѣ я* [имярекъ]... *з женою* [и т. п.] *едины*[1]).

Служилыя кабалы подобныя акту 1596 г., или только что приведенному акту 1638 года, заключены отъ лица мужа съ женой или родителей съ дѣтьми и т. п., чѣмъ и объясняется, конечно, появленіе въ нихъ четвертой клаузулы; но такое условіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, роднитъ изучаемую форму съ формой заемныхъ кабалъ: подобно имъ, и служилыя кабалы, въ видѣ особой клаузулы, содержатъ условіе о томъ, что «кто насъ заимщикъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и служба»; или о томъ, что «въ займахъ (мы) есьми, въ деньгахъ и за ростъ въ службѣ... едины»; только, вмѣсто того, чтобы говорить «деньги и ростъ», служилыя кабалы говорятъ «деньги и служба», или «деньги и за ростъ служба» и т. п.[2]).

Сложные типы могли получаться и изъ комбинаціи упрощенныхъ съ пятой клаузулой общей схемы, которую я обозначу знакомъ 1. Такіе типы встрѣчаются въ новгородскихъ и псковскихъ служилыхъ кабалахъ сложнаго состава, но въ маломъ числѣ экземпляровъ: извѣстные мнѣ тексты отличаются отъ упрощенныхъ только тѣмъ, что вслѣдъ за клаузулами, обычными для формъ N_1, N_2 и P_4, они заключаютъ пятую, помѣщаемую на третьемъ мѣстѣ, что и даетъ сложныя формы: $N_1 1$, $N_2 1$ и $P_4 1$. Аналогично съ заемными кабалами пятая клаузула и въ служилыхъ обыкновенно формулируется слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Моск. Публ. и Рум. Муз. Собраніе актовъ И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7146 г., утв. февр. 22 (ихъ двѣ) и 7165 г., утв. апр. 29 (?). Въ псковскихъ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ по другимъ образцамъ, можно встрѣтить особаго рода выраженія: въ одной изъ нихъ, напримѣръ, заемщикъ съ женою занимаетъ у помѣщика деньги „обоего намъ изъ одное пословицы“; см. Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову № 78/1620, л. 69. Проф. В. О. Ключевскій замѣчаетъ, что „въ нѣкоторыхъ новгородскихъ кабалахъ 1650 г. холопы откровенно признаются, что они заняли деньги у государей своихъ: „съ одное пословицы“ и прибавляетъ: „т.-е. какъ принято писать въ кабалахъ, а не на самомъ дѣлѣ“ (ib., с. 29); слова „обоего намъ изъ одное пословицы“ едва ли легко поддаются такому толкованію и требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій. Ср. слѣд. прим.

[2]) Акты.., собр. и изд. А. Юшковымъ, №№ 32, 41 и др. А. Ю., №№ 235, 239, 247, 252, 253. А. Ю. Б., т. II. № 125. Родство обѣихъ формулъ обнаруживается изъ слѣдующаго текста одной заемной кабалы 1524 года: „а въ серебрѣ есмя и въ росту всѣ насъ одинъ человѣкъ, который насъ въ лицѣхъ, на томъ денги и ростъ на любомъ“; въ другой, 1608-го года та же клаузула содержитъ слѣдующее: „а гдѣ насъ заимщиковъ по сей кабалѣ застанетъ на коимъ городѣ или въ коей волости, подъ коимъ судомъ ни буди, тутъ по сей кабалѣ судъ и правежъ, а кои насъ заимщиковъ въ лицѣхъ, на томъ деньги съ росты и съ убытки, всѣ сполна“.

5. *А не отниматися мнѣ... отъ сей кабалы отнюдь ничемъ никоторыми дѣлы* [1]).

Кромѣ древнѣйшихъ рязанскихъ служилыхъ кабалъ и нѣсколькихъ вышеупомянутыхъ, значительное большинство извѣстныхъ мнѣ актовъ, при только что указанныхъ условіяхъ займа, все же не содержитъ четвертой клаузулы и обыкновенно лишено пятой клаузулы; если это— не случайность, можно думать, что формы, содержавшія ихъ были мало употребительны въ XVII вѣкѣ.

Хотя вышесдѣланныхъ указаній, конечно, слишкомъ мало для того, чтобы исчерпать все разнообразіе формъ служилыхъ кабалъ съ сложнымъ или упрощеннымъ составомъ, но ихъ, можетъ быть, достаточно для другой цѣли: просматривая сборники и собранія служилыхъ кабалъ, составленные послѣ 1597 года, легко придти къ заключенію, что и въ XVII-мъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, до 1680-го года, служилыя кабалы отличались значительнымъ разнообразіемъ своей формулировки: законъ, видимо, не оказалъ на нее вполнѣ уравнивающаго вліянія: въ разныхъ мѣстахъ, а отчасти и въ разное время служилыя кабалы продолжали писать по разнымъ образцамъ, можетъ быть, постепенно обнаруживавшимъ на себѣ вліяніе указовъ 1586 и 1597 гг., а также послѣдующихъ узаконеній и приближавшимся къ формѣ, которая получила видимое преобладаніе съ 1680-го года.

Въ задачи настоящей работы не входитъ детальное изслѣдованіе всѣхъ причинъ, дѣйствіемъ которыхъ можно было бы объяснить такое разнообразіе: бытовыя условія, напримѣръ, въ особенности интересы владѣльцевъ, могли, конечно, приниматься въ расчетъ площадными подьячими, дьячками и т. п. лицами, при составленіи служилыхъ кабалъ, хотя и не всегда ясно, какое значеніе могли имѣть разнообразныя уклоненія ихъ формы. Съ такой точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, кое какія изъ отступленій становятся понятными. Условіе о службѣ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ служилыхъ кабалахъ формулируется съ

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., ib., № 76/1618, записи №№ 3 (1618 г.) и 48 (7127 г.); № 78/1620, запись №№ 51 (1627 г.), 52а; № 83/1625, запись № 359 (1658 г.); послѣдній актъ—сравнительно поздній; но онъ вообще представляетъ нѣкоторыя особенности; ср. ниже. Формулу заемныхъ см., напримѣръ, въ Актахъ, собр. и изд. А. Юшковымъ, №№ 32, 41 и др; А. Ю., № 247; А. Ю. Б., т. II, № 125 и др. Точками я обозначаю тѣ мѣста текста, которыя или заполнялись варіантами, не всегда встрѣчающимися (напр., „и мнѣ заимщику“ или: „а за тѣ намъ деньги за ростъ“, или: „служити во дворѣ и всякое дворовое дѣло дѣлати“, или „во дворѣ жить и служить“, или „служить по вся дни во дворѣ по сей служилой кабалѣ“ и т. п.), или реальнымъ содержаніемъ (наприм. указаніями на время заключенія сдѣлки, размѣры долга и т. п., ср. выше замѣчанія о первой клаузулѣ), о чемъ легко заключить изъ контекста.

видимой настойчивостью: въ одной изъ псковскихъ служилыхъ кабалъ 1658 года, довольно близкой къ типу P_4, вторая клаузула формулирована съ любопытнымъ варіантомъ: въ силу ея кабальный человѣкъ Андрей Савельевъ, за занятыя имъ деньги, «за истину и за ростъ», принимаетъ на себя обязательство служить у Алексѣя Аѳанасьевича Вельяминова «по вся дни во дворѣ днемъ и ночью безотступно»[1]). Вообще въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ до 1680 года, условіе о службѣ холопа «по животъ» господина обыкновенно еще не упоминается: опущеніе такого условія, можетъ быть, согласовалось съ стремленіемъ господъ къ смѣшенію кабальнаго холопства съ полнымъ: имъ выгодно было не упоминать о томъ, что служба кабальнаго человѣка прекращается со смертью господина и фактически распоряжаться кабальными людьми, какъ полными, чему вышеуказанное опущеніе въ формѣ служилыхъ кабалъ могло придавать кажущееся основаніе[2]). «Служилыя кабалы» иногда даже прямо содержали условія, противорѣчившія закону и, очевидно, выгодныя для владѣльцевъ. Служилыя кабалы, внесенныя въ записную книгу Тверской половины Бѣжецкой пятины отличаются, напримѣръ, вышеуказанной особенностью: условіемъ о службѣ кабальнаго человѣка «до своей смерти»[3]); не говоря о томъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о службѣ за одинъ только ростъ, условіе о службѣ кабальнаго человѣка «до своей смерти», очевидно, формулировано въ виду выгодъ господъ, которые, благодаря ему, фактически, иногда получали возможность оставлять своихъ кабальныхъ людей своимъ наслѣдникамъ. Возможно, что господа стремились

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, запись № 395; въ запискѣ № 394—тѣ же слова, но безъ слова „безотступно“.

[2]) Древ. Рос. Вивл., ч. XX, сс. 255—256. Уложеніе, гл. XX, ст. 15, 61, 64 и др.

[3]) Арх. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город. кн. по Новгороду № 36, лл. 14 и сл. лл. 489 и сл.; эти служилыя кабалы писаны земскимъ дьячкомъ Тверской половины Ортюшкой Пареньевымъ, но онъ же писалъ служилыя кабалы и другого образца. Въ одной псковской служилой кабалѣ 1648 года сказано, что Семенъ-Константиновъ занимаетъ деньги у псковской помѣщицы Ѳедосьи Степановны Ушаковой, съ обязательствомъ „служить во дворѣ за истину до сроку и по сроце до еѣ смерти,“ что, въ другихъ случаяхъ, соотвѣтствуетъ выраженію „до его смерти“; см. Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову № 83/1625, запись № 196. Такая терминологія даетъ основаніе усматривать иной смыслъ въ словахъ: „до своей смерти“, употребляемыхъ въ бѣжецкихъ актахъ; ср. еще порядную 1628 г., въ которой вольный человѣкъ обязуется „за государемъ своимъ жить въ крестьянехъ по свой животъ безвыходно;“ она приведена проф. В. О. Ключевскимъ, но, къ сожалѣнію, безъ указанія на мѣстность; см. *В. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи въ Рус. Мысли 1885 г., кн. X, с. 28.

глухо формулировать нѣкоторыя изъ условій, для того, чтобы, при случаѣ, истолковывать ихъ въ свою пользу: имъ легче было подчинять своимъ произвольнымъ распоряженіямъ кабальныхъ людей, едва ли всегда знакомыхъ съ закономъ и не находившихъ въ своихъ служилыхъ кабалахъ достаточно ясныхъ условій, на основаніи которыхъ они могли бы «бить челомъ государю» на своихъ господъ.

Впрочемъ, колебанія въ формѣ служилыхъ кабалъ находились въ нѣкоторой зависимости и отъ мѣстныхъ, а также, отчасти, и отъ временныхъ условій: достаточно припомнить вышеуказанныя различія, напримѣръ, между служилыми кабалами «московскими» и шелонскими или бѣжецкими; или «московскими»-же и «псковскими» и т. п.; или различія въ степени употребительности, въ разные періоды времени, нѣкоторыхъ формъ, напримѣръ M_1 и M_2 и т. п., чтобы убѣдиться, что въ разныхъ мѣстахъ, а отчасти и въ разное время служилыя кабалы писались различно.

Нельзя, однако, ставить различія въ формѣ служилыхъ кабалъ въ зависимость отъ однихъ только общихъ имъ мѣстныхъ и временныхъ условій: вѣдь въ одномъ и томъ же пунктѣ и въ одно и тоже время писались служилыя кабалы далеко не одинаковой формы, и, наоборотъ, иногда въ разное время одна и таже форма переживала довольно долго. Такія особенности, кажется, приходится изучать въ связи и съ канцелярскими пріемами тѣхъ подьячихъ, дьячковъ и т. п. лицъ, которыя занимались составленіемъ служилыхъ кабалъ[1]).

На основаніи наблюденій, уже сдѣланныхъ выше, можно придти къ заключенію, что площадные подьячіе до того времени или не имѣли общаго образца, по которому каждый изъ нихъ долженъ былъ писать служилыя кабалы, или, во всякомъ случаѣ, не пользовались имъ, одинаково, такъ какъ не соблюдали одной и той же формы при составленіи акта. Судя по тому, что при внесеніи разнородныхъ формъ въ записныя книги крѣпостныхъ актовъ, дьяки не дѣлали затрудненій и

---

[1]) *Н. Оглоблинъ,* Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ въ XVII в., гл. III: площадные и таможенные подьячіе въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1894 г., сентябрь, сс. 141—147 и др. Впрочемъ, служилыя кабалы пишутся въ XVII в. не только подьячими такой то площади, но и „губныхъ дѣлъ подьячими (напр., въ Переяславлѣ Рязанскомъ; см. сл. каб. собранія И. Д. Бѣляева 7176 г., утв. апр. 11, 7200 г., іюль 14), или „холопьихъ дѣлъ дьячками“ (въ Касимовѣ см. ib. служ. каб. 7146 г., утв. фев. 22); въ новгородскихъ пятинахъ служилыя кабалы часто пишутся земскими дьячками; такіе же акты, наконецъ, составляются и стрѣльцами (пятидесят. и т. п.) и казаками (напр. въ Опочкѣ), и посадскими людьми (напр. въ Порховѣ) и т. п.; „дьячки“ при церквахъ иногда поступали въ площадные подьячіе; см. *Н. Оглоблинъ,* Op. cit.. ib., октябрь, сс. 229, 232.

не требовали соблюденія одной и той же формы, можно предполагать, что обязательнаго для всѣхъ образца служилыхъ кабалъ не существовало.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ колебаніяхъ формы служилыхъ кабалъ XVI—XVII вв. можно замѣтить и нѣкоторое единообразіе, если принять во вниманіе, что одинъ и тотъ же подьячій обыкновенно придерживался въ писанныхъ имъ кабалахъ одной и той же формы. Дѣйствительно, наблюдая колебанія въ текстѣ вышеприведенныхъ формулъ о службѣ во дворѣ, можно усмотрѣть, что они въ довольно значительной степени зависятъ отъ личности подьячаго. Въ новгородскихъ кабальныхъ книгахъ 1597 года, напримѣръ, записано до 9 служилыхъ кабалъ, а въ книгахъ 1599—1600 до 14 служилыхъ кабалъ, составленныхъ подьячимъ «Ондрюшкою» Ѳедоровымъ: всѣ онѣ содержатъ одну и ту же формулу о службѣ за ростъ (M_1); 32 служилыхъ кабалы, писанныя подьячимъ «Третьячкомъ» Захарьевымъ и занесенныя въ тѣ же книги, содержатъ такую же клаузулу (M_1). Служилыя кабалы другого подьячаго, «Третьячка» Никитина — немногочисленны; ихъ, въ тѣхъ же книгахъ записано только двѣ; одна—въ книгѣ 1597 года, другая—въ книгѣ 1599—1600 года; но каждая изъ нихъ содержитъ клаузулу о службѣ безъ роста (M_2). Служилыя кабалы, писанныя «Тимохою» Михайловымъ, также обнаруживаютъ нѣкоторое единообразіе: въ извѣстныхъ намъ актахъ онъ обыкновенно сливаетъ двѣ клаузулы (2-ю и 3-ю) въ одну, содержащую условіе о службѣ до срока и послѣ срока (N_1). Служилыя кабалы подьячаго Максима Петрова, записанныя въ псковскія книги 7135—7152 гг., числомъ до 17-ти, всѣ составлены по одному образцу P_1; а служилыя кабалы подьячего псковской же площади Ѳедора Самойлова, которыхъ въ тѣхъ же книгахъ можно насчитать до 12, всѣ, кромѣ одной, относятся къ типу P_3 и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мелкіе варіанты служилыхъ кабалъ могли находиться въ зависимости и отъ индивидуальныхъ особенностей канцелярскаго стиля даннаго подьячего. Впрочемъ, нельзя сказать, что служилые кабалы одного и того же составителя всегда отличались полною устойчивостью своего текста. Служилые кабалы, писанныя Тимохою Михайловымъ, напримѣръ, обнаруживаютъ нѣкоторое колебаніе: онъ не всюду выдерживаетъ одну и ту же формулу въ выраженіи: «за ростъ на тѣ деньги» (N_1). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно указать на одинъ общій идеальный типъ, котораго данный составитель преимущественно придерживался, но допуская въ разныхъ случаяхъ нѣкоторыя уклоненія, которыя, однако, по крайней мѣрѣ иногда, сами представляютъ извѣстное постоянство. Судя по записнымъ псковскимъ книгамъ 7134—7152 годовъ, напримѣръ, служилыя кабалы подьячего псковской площади «Иванка» Тимоѳѣева Салтанова

писаны обыкновенно по образцамъ, близкимъ къ типу M, а именно къ формамъ M_2 и въ особенности M_3; кромѣ того, тотъ же подьячій употреблялъ особую форму, близкую къ M_1 и M_3; она слагается изъ обычной клаузулы о займѣ, далѣе изъ клаузулы, сходной съ M_3 2, но съ выраженіемъ: «за тѣ деньги, за истину» и безъ упоминанія словъ «и за ростъ» и изъ клаузулы, сходной съ M_1 3, послѣ чего онъ и помѣщалъ обычную удостовѣрительную часть; кромѣ того въ рѣдкихъ случаяхъ тотъ же подьячій составлялъ служилыя кабалы типа P; но послѣднихъ еще меньше; служилыхъ же кабалъ формъ P_3 и P_4, если я не ошибаюсь, онъ вовсе не представлялъ къ запискѣ въ вышеназванныя книги [1]). Такимъ образомъ, можно сказать, что «Иванко» Тимоѳѣевъ Салтановъ придерживался, главнымъ образомъ, типа M, а именно образцовъ M_2 и M_3, а также смѣшанной формы (M_1, M_3): на общее число 54 служилыхъ его кабалъ, попавшихся мнѣ въ вышеозначенныхъ книгахъ, если я не ошибаюсь, 7+31+11=49 можно отнести къ типамъ M_2, M_3 и (M_1, M_3). Напротивъ, другіе подьячіе той же псковской площади, напримѣръ Степанко Борисовъ преимущественно придерживались типовъ P_1... P_4 и т. п. [2]).

На основаніи имѣющагося у насъ матеріала трудно объяснить такія уклоненія; они могли находиться въ зависимости и отъ происхожденія, и отъ личныхъ вкусовъ или прежняго мѣста службы самихъ составителей служилыхъ кабалъ [3]). Возможно, что такія колебанія зависѣли, однако, и отъ того, что данный подьячій или дьячекъ сообразовывалъ форму служилой кабалы, которую онъ писалъ, съ условіями поступленія въ кабальную зависимость, которыхъ его кліенты—господа придерживались въ то время при заключеніи подобнаго рода

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Вот. конт. по г. Моску, № 78/1620. Служилыя кабалы за №№ 457, 458, 460 и 491, писанныя тѣмъ же лицомъ, содержатъ варіантъ: слова „за истину и за ростъ“ переставлены въ нихъ во 2-ю клаузулу и выключены изъ 3-ей; см. выше о формѣ M_3. Въ той же книгѣ можно найти также нѣсколько служилыхъ кабалъ, писанныхъ „Иванкомъ Тимоѳѣевымъ сыномъ“; но трудно пользоваться ими при производствѣ расчета, такъ какъ нельзя быть увѣреннымъ въ принадлежности ихъ Салтанову.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Вотч. конт. по г. Пскову, № 78/1620.

[3]) Вообще, просматривая записи служилыхъ кабалъ одного и того же подьячаго, трудно услѣдить, чѣмъ онъ руководствовался, видоизмѣняя ихъ форму псковской площадной подьячій Салтановъ, напримѣръ, писалъ служилыя кабалы на вольныхъ людей 25—35 лѣтъ придерживаясь разныхъ формъ, включая и форму съ условіемъ о службѣ до смерти господина; тотъ же подьячій писалъ служилыя кабалы одного и того же типа, для разныхъ случаевъ: и для вольнаго человѣка лѣтъ 30-ти, и для «старинаго» человѣка 30 лѣтъ съ женою, и для служившаго безкабально у отца господина дѣтины лѣтъ въ 18, и для «послужильца» отца господина, возрастомъ въ «полпятадесять» лѣтъ и т. п.

сдѣлокъ съ людьми, поступавшими къ нимъ на службу. Во всякомъ случаѣ, на основаніи вышесдѣланныхъ наблюденій можно, кажется, придти къ заключенію, что, если площадные подьячіе, при писаніи служилыхъ кабалъ, и послѣ указа 1597 года не соблюдали сдной и той же для всѣхъ равно обязательной формы, то все же, по крайней мѣрѣ, каждый изъ нихъ могъ имѣть нѣчто въ родѣ частнаго «образцоваго письма», которому онъ и слѣдовалъ при писаніи составляемыхъ имъ актовъ; впрочемъ и въ такомъ случаѣ, онъ не всегда придерживался одной и той же формы.

Уклоненія подобнаго рода врядъ ли представлялись московскому правительству желательными; но оно, кажется, долго не принимало рѣшительныхъ мѣръ для того, чтобы бороться съ ними: приказныя власти безпрепятственно вносили въ записныя книги служилыя кабалы весьма разнородныхъ типовъ. Такія отступленія становились тѣмъ болѣе возможными, что городовые воеводы и приказные люди, а также губные старосты не всегда исполняли извѣстное предписаніе Уложенія о ежегодной присылкѣ «кабальныхъ записныхъ книгъ» въ Москву, чѣмъ и избавляли себя отъ своевременной провѣрки ихъ записей. Въ одномъ царскомъ указѣ, посланномъ на Елецъ въ 1680 году, напримѣръ, воеводѣ было приказано «прошлыхъ со 160 по нынѣшній 188 годъ кабальные и полонные книги и по книгамъ пошлинные деньги, взявъ у прежнихъ воеводъ и губныхъ старостъ и у подьячихъ, кто въ которыхъ городѣхъ и [у?] того дѣла были», прислать въ Москву съ подьячимъ или съ кѣмъ доведется тотчасъ, не замотчавъ...»; елецкіе воеводы и другое начальство, какъ видно, въ теченіе почти тридцати лѣтъ не присылали кабальныхъ холопьихъ книгъ въ столицу, что и вызвало энергичныя мѣры со стороны центральнаго правительства [1]).

Число извѣстныхъ намъ подлинныхъ старѣйшихъ служилыхъ кабалъ слишкомъ незначительно для того, что бы можно было съ увѣренностью сказать, что колебанія подобнаго рода до того времени вовсе не существовали. Тѣмъ не менѣе, предположеніе, что нѣкоторыя измѣненія въ ихъ формѣ, совершались подъ вліяніемъ указовъ 1586 и 1597 гг. и послѣдующихъ узаконеній не лишено основаній. При формулировкѣ первой клаузулы, напримѣръ, можно замѣтить, что служилыя кабалы довольно часто удовлетворяютъ требованіямъ извѣстнаго указа 7 января 1606 года, особенно послѣ того, какъ онъ былъ

---

[1]) Уложеніе, гл XX, ст. 73. Царская грамота елецкому воеводѣ Саввѣ Лукьяновичу Васильчикову отъ 1680 г. мая 15-го въ Тр. Орловской уч. арх. ком. за 1891 г., в. I, Орелъ (1891 г.), сс. 33—35. Краткое сообщеніе объ этой грамотѣ было сдѣлано А. А. Шиловымъ въ одномъ изъ засѣданій Русской секціи Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1906 г.

подкрѣпленъ Уложеніемъ [1]). Тоже можно отчасти, но съ гораздо меньшимъ основаніемъ сказать и про остальныя клаузулы. Въ теченіе XVII-го вѣка форма служилыхъ кабалъ, правда, измѣнялась очень постепенно: даже въ концѣ того же вѣка еще писали «записи за ростъ служити»: онѣ по условіямъ своимъ, кажется, близко подходили къ тому значенію, какое служилыя кабалы имѣли до закона 1597 года, и содержали клаузулу о работѣ должника за ростъ до срока, а также о продолженіи ея, въ случаѣ неуплаты въ срокъ, «до расплаты», хотя бы и у жены и дѣтей кредитора [2]); но записи подобнаго рода, насколько намъ извѣстноо, тогда уже чуть ли не утрачиваютъ названіе служилыхъ кабалъ и рѣдко встрѣчаются; такая терминологія, обнаруживаетъ, что названіе «служилая кабала» вообще уже имѣло иное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что многія изъ вышеуказанныхъ измѣненій въ текстѣ служилыхъ кабалъ, хотя бы онѣ и были писаны разными площадными подъячими, направлены въ одну и ту же сторону, что не говоритъ въ пользу ихъ случайнаго происхожденія: если разные площадные подъячіе обнаруживали общую склонность видоизмѣнять прежнюю форму служилыхъ кабалъ, замѣнять слова: «за ростъ» выраженіемъ «за деньги» и смягчать различіе, проводимое раньше между положеніемъ должника до просрочки и послѣ просрочки уплаты долга, то, значитъ, можно предполагать, что такія колебанія были вызваны какою-либо постоянно дѣйствовавшею причиною, а таковою естественно признать дѣйствіе закона. Постепенность, въ какой такія измѣненія обнаруживались, также, кажется подтверждаетъ только что сдѣланное заключеніе: выше, при разборѣ нѣкоторыхъ разновидностей служилыхъ кабалъ, мнѣ уже пришлось отмѣтить, что съ теченіемъ времени, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, форма M_2 въ извѣстной мѣрѣ получаетъ преобладаніе надъ формой M_1, а типы $P_1 \ldots P_4$ надъ формами M_1, M_2 и т. п.; между тѣмъ форма M_2 нѣсколько болѣе подходитъ къ новымъ требованіямъ правительства, чѣмъ форма M_1, а формы $P_1 \ldots P_4$ болѣе, чѣмъ формы M_1, M_2 и т. п. Наконецъ, и разсмотрѣніе отдѣльныхъ случаевъ приводитъ къ тому же предположенію. Можно замѣтить, что, въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ

---

[1]) А. И., т. II, № 63. Уложеніе, XX, 9, 47 и 48; послѣдняя статья, однако, начинается со словъ: „а будетъ у кого на холопей такія служилыя кабалы взяты до сего государева указу... (т. е. взяты не порознь, а „двумя людьми вмѣстѣ, отцомъ съ сыномъ“ и т.), и хотя требуетъ „на тѣхъ холопей имати новыя кабалы по сему государеву указу“, но и не разрѣшаетъ „воли по тѣмъ старымъ кабаламъ тѣмъ ихъ холопемъ давати“; ср. *В. Ключевскій*. Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., № VIII, с. 25.

[2]) *В. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостного права въ Рус. Мысли 1885 г. кн. VIII, с. 33; актъ 1694 года называетъ себя: «заемной кабалой».

однимъ и тѣмъ же лицомъ, форма M_2, принятая имъ, какъ бы устанавливается въ концѣ XVI-го вѣка: «Гаврилка» Вѣшерскій въ двухъ изъ составленныхъ имъ кабалъ, напримѣръ, сохранилъ форму M_1, но въ большинствѣ случаевъ соблюдаетъ уже другую форму, т.-е. M_2, что, можетъ быть, намекаетъ на сравнительно недавнее ея появленіе [1]). Псковскій подъячій «Иванко» Салтановъ, сравнительно долгое время писавшій на площади, въ болѣе раннихъ своихъ служилыхъ кабалахъ преимущественно придерживался формы M_2, а затѣмъ также формы M_3; нѣсколько позднѣе онъ еще имѣетъ въ виду типы (M_1, M_3) и P [2]). Такимъ образомъ, можно думать, что правила, выраженныя уже въ указахъ 1586 и 1597 гг. и подтвержденныя Уложеніемъ, оказывали нѣкоторое дѣйствіе на формуляръ служилыхъ кабалъ, хотя и не требовали, при составленіи ихъ, соблюденія одной и той же формы.

Впрочемъ, служилыя кабалы, писанныя до 1680-го года, насколько извѣстно, сохраняютъ двѣ характерныя особенности, существенно отличающія ихъ отъ служилыхъ кабалъ позднѣйшаго типа: онѣ начинаются съ клаузулы о займѣ и, большею частью, умалчиваютъ о службѣ кабальнаго человѣка «по животъ господина». Лишь постепенно, по мѣрѣ развитія личной крѣпостной зависимости кабальнаго человѣка отъ его господина, клаузула о займѣ теряетъ свое значеніе, а условіе о службѣ «по его животъ», наоборотъ, получаетъ опредѣленную формулировку.

Трудно сказать, съ какого времени клаузула о займѣ стала утрачивать свое реальное значеніе: если судить по записнымъ книгамъ всякихъ крѣпостей, уже служилыя кабалы XVI-го вѣка могли иногда и не содержать условія о займѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, само законодательство стало придавать ему болѣе формальный смыслъ.

Въ самомъ дѣлѣ, судя по записнымъ книгамъ крѣпостныхъ актовъ дьяка Д. Алябьева, между ними были, пожалуй, такіе, въ которыхъ указаніе на «деньги», взятыя въ долгъ, вовсе не встрѣчается. Въ данномъ случаѣ, правда, мы имѣемъ не подлинныя служилыя кабалы, а только записи ихъ въ книгѣ; но и въ такихъ записяхъ составитель ея большею частью отмѣчаетъ, что предъявленная ему кабала—«въ трехъ рублехъ», «въ пяти рублехъ», что «деньги занялъ» такой то человѣкъ и т. п. Между тѣмъ, одна кабала 7072-го года, напримѣръ, записана слѣдующимъ образомъ: «кабала на Олексика Омельянова сына, Григорьева да на его жену Окулину Иванову дочь Селохина. Послуси въ кабалѣ и у кабалы рука Степана Карпова сына Костина, да Нечая Васильева

---

[1]) Р. И. Б., т. XV, Каб. кн. 7106 г., сс. 3, 35; такое же колебаніе можно замѣтить и въ кабалахъ, писанныхъ Семеномъ Наумовымъ и „Кирилкою“ Трызновымъ; см. ib., сс. 4, 5, 27, 28, 52; Каб. кн. 7108 г., сс. 22, 30, 54, 64.

[2]) См. выше стр. 736.

сына Жерновскаго руки нетъ. Кабалу писалъ Ѳеонка Борисовъ Михайловъ сынъ, земской дьячокъ Липетцкой лѣта 7072-го». Въ началѣ записи актовъ, предъявленныхъ Григоріемъ Петровымъ сыномъ Есиповымъ, сказано, что онъ вмѣстѣ съ другими документами «положилъ къ запискѣ» пять «служилыхъ кабалъ», въ числѣ которыхъ дьякъ, очевидно, считалъ и вышеприведеную, вмѣстѣ съ другими составляющую указанное число. Въ той же книгѣ можно указать и на другія записи подобныхъ же «кабалъ» отъ 7091 (1583), 7093 (1585) и 7097 гг.[1]). Хотя такихъ указаній въ вышеназванной книгѣ очень мало и всѣ они относятся къ служилымъ кабаламъ, писаннымъ до указа 1597 года, но возможно, что «записи» подобнаго рода не исчезли и въ послѣдующее время.

Тѣмъ не менѣе, судя по извѣстнымъ намъ даннымъ, служилыя кабалы и послѣ смуты обыкновенно писались съ тѣмъ же условіемъ о займѣ. Можно даже думать, что въ то время оно еще не вполнѣ утратило своего реальнаго значенія: служилыя кабалы иногда называются, вмѣстѣ съ тѣмъ и «заемными» [2]). Не говоря о намекахъ на реальное значеніе условія займа, встрѣчающихся въ кабалахъ XVI-го вѣка [3]), легко замѣтить, что и впослѣдствіе размѣры денежнаго долга колеблются и что, значитъ, они еще не стали вполнѣ условными [4]). Въ актахъ того же времени можно встрѣтить и другія подробности, свидѣтельствующія въ пользу того же предположенія: сами вольные люди, поступающіе въ кабальное холопство, иногда признаютъ себя въ своихъ служилыхъ кабалахъ «заимщиками» [5]); на допросѣ они также называются иногда «заимщиками» и заявляютъ, что, поступая въ холопство

---

[1]) Рус. Ист. Библ., т. XV, Зап. кн. Д. Алябьева, №№ 23, 74, 155, 498. Въ такихъ же книгахъ можно указать на записи, въ которыхъ размѣры долга не упомянуты, хотя сказано: „деньги занялъ“ и т. п.; см., напримѣръ, Арх.Ист.-Юр. Свѣд. Кн. 2, 1; зап. кн. Д. Алябьева, с. 59 № 36 и др.

[2]) Моск. Публ. и Рум. Муз., Собр. актовъ И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7167 г. февр. 21 („служилая заемная кабала“); 7183 г. дек. 2 (эта „служилая кабала“ въ рукоприкладствѣ названа „заемной кабалой“).

[3]) Рус. Ист. Библ., т. XVII, Зап. кн. Д. Алябьева, № 387; Арх. Ист.—Юр. Свѣд.. т. II, кн. I, Зап. кн. Д. Алябьева, с. 48, № 3 (въ обѣихъ кабалахъ люди занимаютъ не только деньги, но и хлѣбъ); ср. еще Рус. Ист. Библ. т. XVII, Зап. кн. Д. Алябьева, № 144.

[4]) Рус. Библ., т. XVII; здѣсь въ зап. кн. Д. Алябьева въ кабалахъ, писанныхъ въ 1597 году размѣры займа большею частью доходятъ до 3 или 5 р. ib., т. XV; здѣсь въ каб. кн. Д. Алябьева 1597 г. кабалы въ 5 рубл., а въ зап. кн. 1599—1600 гг.—кабалы въ 2 рубл. преобладаютъ. Въ зап. кн., напечатанной Лакіеромъ, служилыхъ кабалъ, писанныхъ послѣ указа 1 февраля очень мало.

[5]) Тр. Орлов. уч. арх. ком. 1889 г., в. V, с. 17; ср. выше с. 737.

«деньги заняли»—заявленіе, которое можно встрѣтить и при запискѣ позднѣйшихъ кабалъ [1]); въ тѣхъ же актахъ заемщики въ нѣкоторыхъ случаяхъ пишутъ, что деньги или серебро они заняли у «человѣка» такого то «государя», называя его по имени и отчеству, или по фамиліи [2]). Въ одной служилой кабалѣ 1651-го года, записанной въ псковскія книги и близкой къ типу P_3, клаузула о займѣ формулирована слѣдующимъ образомъ: «се язъ... занялъ есми на ссуду денегъ три рубли московскимъ числомъ...» и т. п. [3]).

Съ теченіемъ времени, однако, условіе о займѣ, кажется, стало, терять свое реальное значеніе, что не замедлило отразиться и въ законодательствѣ. Почти дословно воспроизводя въ одной изъ своихъ статей старинный законъ объ искахъ по кабаламъ заемныхъ денегъ или [по кабаламъ] «за ростъ служити», Уложеніе уже вводитъ любопытную перемѣну въ терминологію: оно говоритъ не о кабалахъ, а о «записяхъ за ростъ служити»; оно имѣетъ въ виду случаи, когда «кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ или по записямъ за ростъ служити»; здѣсь Уложеніе какъ будто предпочитаетъ называть служилыя кабалы, по которымъ можно искать заемныя деньги, «записями»; но такое словоупотребленіе едвали успѣло вполнѣ утвердиться [4]). Впрочемъ, если даже не придавать большого значенія намекаемъ подобнаго рода, все же въ Уложеніи можно указать и на другія статьи, свидѣтельствующія о совершающейся перемѣнѣ: сильно понизивъ высшій предѣлъ долга по служилой кабалѣ, (съ 15 рубл. 1550 г. до 3-хъ рубл. 1649 г.), Уложеніе точно опредѣлило его размѣры; оно повелѣваетъ, кажется, согласно установившейся практикѣ, «писати служилыя кабалы площаднымъ подъячимъ на одного человѣка въ трехъ рублѣхъ, а больше и меньше не писати; а пошлинъ имать въ государеву казну съ рубля по алтыну». Такое правило уже приравнивало пошлины съ служилыхъ кабалъ къ поголовнымъ: величина

---

[1]) *В. Борисовъ*, Описаніе г. Шуи, М. 1851 г., сс. 398—399, № 75, (служилая кабала 1676 года).

[2]) Рус. Ист. Библ., т. XVII, Зап. кн. Д. Алябьева, №№ 170, 402, 403 и др.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, запись № 278.

[4]) А. И., т. I, № 154, ст. XVI; здѣсь сказано: „кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ или за ростъ служити да сносовъ и которые заимщики учнутъ въ исцовыхъ искѣхъ по кабаламъ и въ сносѣхъ внитися“..., тѣхъ выдавать въ искахъ головою до искупа; слова „въ исцовыхъ искѣхъ по кабаламъ“, надо думать относятся и къ заемнымъ, и къ служилымъ кабаламъ; а Уложеніе говоритъ о томъ, кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ (т.-е. по заемнымъ кабаламъ) и по записямъ за ростъ служити; ср. *В. Ключевскій*, Op. cit., ib., c. 31 и *В. Сергѣевичъ*, Op. cit., c. 169. Ср. еще ниже л. 753.

пошлинъ, которыя взимались съ служилыхъ кабалъ, писанныхъ на одного человѣка, оказывалась равной величинѣ пошлинъ, уплачиваемыхъ съ холопьихъ крѣпостей, съ которыхъ издавна взимали съ головы по три алтына; такое правило, значитъ, въ данномъ отношеніи, уже сближало служилую кабалу съ безденежною холопьею крѣпостью [1]). Во всякомъ случаѣ вышеприведенное правило указываетъ на то, что условіе о размѣрахъ займа стало подвергаться дальнѣйшимъ формальнымъ ограниченіямъ и что оно, слѣдовательно, начинало терять свой реальный смыслъ для каждаго отдѣльнаго случая. Хотя условіе о займѣ продолжаетъ повторяться даже въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ во второй половинѣ 1670-хъ годовъ [2]), но со времени появленія указовъ 1586 и 1597 гг., значеніе его должно было измѣниться. Указъ 1597-го года содержитъ постановленіе о томъ, чтобы «денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати» и даже «челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ». Уложеніе заявляетъ, что кабальный человѣкъ крѣпокъ по кабалѣ тому, на чье имя та кабала написана, и запрещаетъ нѣкоторыя злоупотребленія господъ также на томъ основаніи, что кабальные люди «всякихъ чиновъ людемъ крѣпки по кабаламъ по смерть бояръ своихъ» [3]). Съ такой точки зрѣнія, кабальный человѣкъ какъ бы погашалъ службою по смерть своего «государя» то, что онъ былъ долженъ ему. «Службу во дворѣ» можно было, однако, представить себѣ и безъ займа денегъ, а за одинъ только «прокормъ» и проч. Въ самомъ дѣлѣ, поступленіе на службу во дворъ на такомъ господскомъ содержаніи ставилось въ связь съ кабальной зависимостью. Уже указъ 1597 года не совсѣмъ чуждъ подобнаго рода точки зрѣнія: онъ повелѣваетъ на того, который добровольно прослужитъ у господина «съ

---

[1]) Уложеніе, гл. XX, ст. 19; эту статью можно понимать въ томъ смыслѣ, что при поступленіи въ кабальное холопство одного человѣка долгъ его долженъ быть означенъ въ служилой кабалѣ въ размѣрѣ трехъ рублей; но если въ холопство поступаетъ не „одинъ человѣкъ“, а человѣкъ съ женою или съ женою и дѣтьми, то и размѣры долга могутъ быть соотвѣтственно увеличены. По крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ понимали означенную статью подьячіе, и послѣ Уложенія писавшіе, напримѣръ, служилую кабалу на человѣка съ женою и сыномъ въ 9 рубляхъ, на вдову съ 2 сыновьями и 1 дочерью въ 12 рубляхъ, на человѣка съ женою и 3 сыновьями въ 15 рубляхъ, на человѣка съ женою, съ 4 сыновьями и 3 дочерьми въ 27 рубляхъ и т. п.; см., напр., А. Ю. Б., т. I, № 93, III и IV; т. II, № 127, X. П. С. З., т. II, № 1293. Собр. И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7179 г. марта 18. Ср. *И. Бѣляевъ*, Законы и Акты и проч., ib., с. 107. *В. Ключевскій*, Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., Кн. VIII, с. 29.

[2]) *В. Борисовъ*, Оп. Шуи, сс. 398—399, № 75; ср. *В. Ключевскій*, Op. cit., въ Рус. Мысли 1885 г., кн. VIII, сс. 29—30.

[3]) Уложеніе, XX, 63; ср. ib., XX, 9, 10, 14, 15, 47, 48, 52, 61, 81 и еще статью о добровольныхъ холопахъ ib., XX, 16.

полгода и больше», «давать служилую кабалу и челобитья его въ томъ не слушать, потому что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ»; въ приведенной статьѣ о добровольныхъ послуживцахъ законъ вовсе не упоминаетъ о займѣ и считаетъ службу вольнаго человѣка во дворѣ за «прокормъ» и проч. въ теченіе извѣстнаго срока условіемъ, достаточнымъ для того, чтобы, принимая во вниманіе давность его службы, выдать на него служилую кабалу, хотя бы онъ самъ и не пожелалъ идти въ холопы [1]). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ законодательствѣ, вызванныхъ, можетъ быть, стремленіемъ устранить двойственность въ источникахъ кабальной зависимости, Уложеніе подтвердило правило 1597 года и даже сочло возможнымъ еще болѣе сократить срокъ добровольной службы, ограничивъ ее тремя мѣсяцами; съ того времени, значитъ, понятіе о тѣсной связи между личною службою во дворѣ на господскомъ содержаніи и выдачею служилой кабалы должно было еще болѣе утвердиться [2]). Между тѣмъ условіе, касательно «прокорма» холопа и проч. вообще не встрѣчается въ извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалахъ ни старѣйшаго, ни позднѣйшаго типовъ: оно, вѣроятно, зависѣло отъ усмотрѣнія господъ и регулировалось, главнымъ образомъ, обычаемъ и ихъ интересомъ, а не служилою кабалой или закономъ [3]). Слѣдовательно, допуская, что «служба во дворѣ» могла обезпечиваться только «прокормомъ» и проч., но не вводя условія о его выдачѣ въ текстъ служилой

---

[1]) А. И., т. I, № 221, ст. 1; ср. Рус. Ист. Библ., т. XV, Холоп. каб. кн. 7108 г., с. 53 и А. Ю. Б., т. II, № 127, VIII.

[2]) Уложеніе, XX, 16; ср. ст. 30; указъ 1681 г. повелѣваетъ: „буде кто изъ васъ (всякихъ чиновъ людей, имѣющихъ право держать кабальныхъ людей), принявъ человѣка съ отпускною, а кабалы... не возьметъ, а тѣ люди послѣ году отъ кого изъ васъ отойдутъ и дадутъ на себя кабалы... инымъ людямъ, и тѣ люди отданы будутъ по кабаламъ..., а по отпускнымъ въ тѣхъ людяхъ... вамъ отказывати“; тотъ же указъ установлялъ извѣстные сроки для записки подобнаго рода актовъ; см. П. С. З., т. II, № 869. Ср. №№ 1073, 1246, 1278; т. III, №№ 1364, 1490, 1499. Въ дѣлахъ позднѣйшаго времени, когда клаузула о займѣ уже исчезла изъ формуляра служилой кабалы, можно также встрѣтить указанія на связь между службою кабальнаго человѣка во дворѣ и его прокормомъ и проч.: въ 1704 году, напримѣръ, Иванъ Ломовъ билъ челомъ великому государю на Дмитрія Соймонова въ томъ, что послѣдній кабалы на него не беретъ незнамо для чего и не поитъ ево, и не кормитъ, и не обуваетъ и не одѣваетъ“...; см. *К. Побѣдоносцевъ*, Ист. изсл., СПБ., 1876 г., приложеніе № 5.

[3]) А. И., т. II, № 44. Уложеніе, XX, 41, 42, 65 и 92 Ср. П. С. З., т. II, № 992; впрочемъ, условія касательно прокорма и проч. въ жилыхъ и т. п. встрѣчаются; см., напримѣръ, одну „запись“ 1700 года: см. *Н. Калачовъ*, Договоры вольныхъ людей XVII и начала XVIII вѣка и проч. въ Арх. Ист. и Практ. свѣд. 1859 г., кн. I, стр. 90.

кабалы, можно было замѣнить въ ней клаузулу о займѣ клаузулой о простомъ челобитьѣ въ холопство.

Впрочемъ, выраженіе «бить челомъ въ службу» или «бить челомъ въ холопи» могло имѣть и широкое значеніе, приблизительно одинаковое съ значеніемъ выраженія: «давать на себя [служилую] кабалу». Въ Судебникѣ 1550 года извѣстная статья, ограничивающая размѣры долга по служилой кабалѣ, начинается со словъ: «а которые люди вольные учнутъ бити челомъ княземъ и боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людемъ...» Далѣе, задолго до появленія Уложенія вольные люди, поступавшіе въ кабальную зависимость, при распросѣ, часто объявляли, что они «бьютъ челомъ въ службу» къ господину «волею» или что они «бьютъ челомъ въ холопи» къ нему «волею» и т. п.; но служилыя ихъ кабалы все же писались по прежнему образцу и начинались обычною клаузулою о займѣ [1]). Въ Уложеніи также можно указать нѣсколько статей, въ которыхъ рѣчь идетъ о челобитьѣ въ холопство: «а будетъ къ кому придутъ какіе люди и учнутъ бити челомъ въ холопство, а скажутся, что они вольные люди и тѣмъ людемъ, къ кому они придутъ, [въ случаѣ они дѣйствительно, по распросѣ ихъ въ холопьемъ приказѣ, окажутся вольными]... велѣти на нихъ давать служилыя кабалы» [2]). Не говоря о томъ, что само Уложеніе упоминаетъ здѣсь о челобитьѣ въ [кабальное] холопство лишь мимоходомъ, въ связи съ «распросомъ», а въ статьѣ объ искѣ по служилымъ кабаламъ все еще имѣетъ въ виду «заемныя деньги», естественно предположить, что, если бы оно дѣйствительно разрѣшило писать служилыя кабалы безъ займа, то многіе пожелали бы воспользоваться такимъ разрѣшеніемъ, а это не замедлило бы отразиться и на формѣ служилыхъ кабалъ: но и по обнародованіи Уложенія извѣстныя намъ служилыя кабалы обыкновенно пишутся съ клаузулою о займѣ и только съ 1680 года она окончательно выходитъ изъ употребленія [3]).

---

[1]) Рус. Ист. библ., т. XV, Новг. хол. каб. кн. 7106 г., сс. 9,45; Новг. хол. каб. кн. 7108 г., сс. 2, 3, 4, 8, 9, 76, 77 и др.; сс. 40, 41, 74 и др.; еще А. Ю. Б., т. II, № 127, xi; *И. Бѣляевъ*, Законы и акты о кр. сост. въ Арх. Ист. и Прак. св. 1859 года кн. II, с. 98. Ср., однако, *В. Сергѣевичъ*, Юр. Др., т. I, изд. 3, сс. 170—171. Впрочемъ, люди, поступавшіе въ кабальное холопство, при распросѣ употребляли и другія выраженія, напримѣръ: «деньги занялъ и кабалу на себя такову далъ» или соединяли послѣдній способъ выраженія съ указаннымъ въ текстѣ, напримѣр: «деньги занялъ и кабалу на себя далъ и въ службу ему билъ челомъ» и т. п.; см. Сб. бумагъ Щукина, т. II, с. 121 и др.

[2]) Уложеніе, XX, 7.

[3]) См. ниже с. 758. Впрочемъ, Рейтенфельсъ, жившій въ Москвѣ въ началѣ 1670-хъ годовъ, характеризуетъ компетенцію холопьяго приказа слѣдую-

Другое условіе—о службѣ «по животъ» господина также постепенно и сравнительно поздно проникаетъ въ текстъ служилыхъ кабалъ. Въ сущности такое правило было давно уже высказано примѣнительно къ полоняникамъ; законъ 1556 года повелѣваетъ: «а кто ищетъ полоняника въ холопи, котораго полону ни буди, и утяжетъ его многими свидѣтели и тотъ полоняникъ ему холопъ до его живота, а дѣтемъ его не холопъ; а будутъ дѣти у того полоняника, и тѣ полоняниковы дѣти ему не холопи и дѣтемъ его не холопи же»; лишь въ томъ случаѣ, если «полоняникъ пойметъ робу или какову крѣпость на себя дастъ, и тотъ полоняникъ, какъ и прочеи, холопъ»; но указъ 21 августа не перешелъ въ Уложеніе и едва-ли могъ имѣть большое значеніе для изучаемаго процесса. Позднѣйшій его истолкователь заявляетъ, въ въ состояніе холоповъ, служившихъ «токмо до смерти господина» «входили добровольно изъ вольныхъ людей какъ то изъ чужестранцевъ, изъ мѣщанъ, изъ дѣтей боярскихъ и другихъ чиносостояній, кромѣ только крестьянъ... и, договорясь о платѣ, давали на себя записи, чтобы имъ служить до смерти того, кому они запись дали»[1]). Трудно сказать, въ какой мѣрѣ такое показаніе заслуживаетъ довѣріе; но аналогичное условіе можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ записяхъ XVII-го вѣка, хотя и не относительно всѣхъ вышеуказанныхъ разрядовъ вольныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, въ записяхъ, которыя иногда назывались «заемными жилыми кабалами» и «заживными», заемщики обязывались работать на хозяевъ или до ихъ смерти, или въ теченіе «урочныхъ лѣтъ», «въ заживъ», погашая долгъ работой; но и по «житецкой записи» вольный человѣкъ иногда обязывался работать на господина «по его смерть» за одинъ только «прокормъ» и проч. и т. п.[2]). Уложеніе допускаетъ довольно разнообразныя формы составленія «записей»: «а которые люди, по его словамъ, учнутъ

щимъ образомъ; „холопій приказъ заботится о рабахъ, записываетъ имена тѣхъ, которые отдаютъ самихъ себя на извѣстное время или совсѣмъ продаютъ себя другимъ въ рабство, что у русскихъ называется кабалою“; но изъ текста, въ которомъ полное холопство смѣшивается съ кабальнымъ, трудно съ достовѣрностью заключить, что служилыя кабалы писались въ то время безъ упоминанія о займѣ; см. *Я. Рейтенфельсъ*, Сказанія, пер. А. Станкевича въ Чт. М. О. И. Др. 1905 г., кн. III, с. 113.

[1]) А. И., т. I, № 154, V, ст. 17 (с. 257). Древ. Рос. Вивл., ч. XX. сс. 254—255.

[2]) А. Ю. Б. т., II, № 127, XIX. *В. Татищевъ*, Лексиконъ, ч. III (1793 г.), s. v. *И. Бѣляевъ*, Законы и акты о кр. сост. въ Арх. Ист. и практ. свѣд. Н. Калачова 1859 г., кн. II, с. 103 («житецкая запись 1646 г.); ср. «данную запись» 1647 г., ib. 101; жилыя записи, заключенныя на срокъ см. ib., сс. 104, 106. *К. Побѣдоносцевъ*, Ист. изсл., прил. № 6. *В. Ключевскій*, Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., кн. VIII, сс. 31, 32, 33; авторъ называетъ ихъ «заемными заживными», «примѣняясь къ ихъ собственной терминологіи». См. слѣд. прим.

у кого жити во дворѣхъ по записямъ, а въ записи написано будетъ имя того одного, кому запись будетъ дана, а жити имъ у нихъ по ихъ животъ или урочныя лѣта, а не доживутъ урочныхъ лѣтъ: и на нихъ взяти по записи зарядъ; а женъ и дѣтей тѣхъ, кому они на себя такія записи дадутъ, въ тѣхъ записяхъ будетъ не написано, и они по такимъ записямъ женамъ и дѣтемъ тѣхъ, кому они такія записи на себя дадутъ, не крѣпки: и жити имъ по тѣмъ записямъ у тѣхъ людей, кому они тѣ записи на себя дадутъ, по ихъ животъ; а по смерти ихъ женамъ ихъ и дѣтемъ до нихъ дѣла нѣтъ»[1]). Такія записи, значитъ, судя по приведенной статьѣ, могли быть написаны на имя одного хозяина, съ условіемъ жить «по его животъ» или на урочныя лѣта; записи подобнаго рода иногда назывались «служилыми»[2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже указъ 9 марта 1608 года запретилъ принимать и записывать въ приказѣ холопьяго суда «записи на вольныхъ людей, что имъ служити до своего живота у всякихъ людей»[3]); Уло-

---

[1]) Уложеніе, XX, 44; ср. еще *Г. Котошихинъ*, О Россіи, VII, 31: «кто кого окупити похочетъ, тому и холопъ вѣчной, по его животъ или женѣ его и дѣтей».

[2]) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древ. кн. 25, Смѣсь, сс. 2—4: „служивая запись“ иконописца Ивана Дранишникова, данная имъ Хутынскаго монастыря архимандриту, Кипріяну 7123 года сентября въ 3 день. Въ своей записи Ив. Дранишниковъ обязуется «во всякихъ службахъ черныхъ служити ему... до Кипріянова живота, ... а на сторону... не писати»; но за свою безотходную службу онъ выговариваетъ себѣ жалованіе и мѣсечину; въ случаѣ же онъ «не похочетъ у архимандрита жити и служити»..., онъ обязуется уплатить ему 100 руб. Впрочемъ, «служилыя записи» заключались и на срокъ, не «до живота» государя; см., напримѣръ, запись, которая называется въ текстѣ «жилой», а площаднымъ подьячимъ, писавшимъ ее, «служилой»: она заключена въ 1686 г. на урочные годы, а именно на 10 лѣтъ. А. Ю. Б., т. II, № 127, XV (здѣсь она напрасно причислена къ служилымъ кабаламъ); см. еще „служилую запись“ 1695 года, въ силу которой крестьянскій сынъ помѣщика Ѳомы Елисеевича Веревкина, Гаврила Артемьевъ обязуется «жить» съ капитаномъ съ Григорьемъ Черевинымъ «на службѣ» въ Воронежѣ и «изъ Воронежа, куда великіе государи укажутъ,... покамѣстъ та великихъ государей служба минется»... въ Рус. Вивл. изд. Н. Полевымъ, т. I, сс. 397—398. и т. п. Ср. выше с. 748.

[3]) А. И., т. II, № 85, ст. 3. Выраженіе „до своего живота“ приведенныя въ текстѣ, кажется, надо понимать въ смыслѣ службы кабальнаго человѣка до его смерти, а не до смерти его господина, что уже и было предложено проф. В. О. Ключевскимъ. (Op. cit., Рус. Мысль, 1885 г., кн. VIII, сс. 30-31). Самое выраженіе „до его живота“ и т. п. въ такомъ смыслѣ употребляется, напримѣръ, въ Уложеніи, XVI, 9 и XVII, 12; въ бѣжецкихъ служилыхъ кабалахъ выраженіе «до своей смерти» надо, вѣроятно, толковать, въ смыслѣ смерти кабальнаго человѣка; въ противномъ случаѣ, т. е. желая выразить, что онъ долженъ служить до смерти господина, въ служилыхъ кабалахъ обыкновенно писали: «до его

женіе, въ вышеприведенныхъ статьяхъ, также разрѣшало заключеніе записей по животъ господина, а не по смерть холопа.

Несмотря на то, что указы 1586 и 1597-го годовъ, а также послѣдующія узаконенія, казалось, должны были содѣйствовать введенію такого же условія и въ текстъ служилыхъ кабалъ [1]), оно долгое время въ большинствѣ изъ нихъ не встрѣчается: самъ законъ не настаивалъ на томъ, чтобы оно было включено въ формуляръ служилой кабалы; въ то время послѣдній измѣнялся медленно и далеко не всегда соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Любопытная запись въ одной изъ старѣйшихъ новгородскихъ кабальныхъ холопьихъ книгъ показываетъ напримѣръ, что вышеприведенное условіе могло дѣйствовать и помимо служилой кабалы: 4 апрѣля 1600 года Нечайко Трубановъ подалъ челобитную новгородскимъ приказнымъ властямъ, а сказалъ: «служилъ ден онъ по служилой кабалѣ з докладу з женою и з дѣтьми у подьячего Петра Аисина по его животъ»; подьячій умеръ въ 7108-мъ году, а его жена «моритъ голодомъ» челобитчика съ его семьею и «отъ собя ихъ не отпущаетъ»; челобитная его, надо думать, содержала просьбу о выдачѣ ему отпускной; взамѣнъ ея вдова Петра Аисина «выдала» Не-

---

смерти», или «по его животъ»; въ образцовомъ письмѣ 1680-го года, гдѣ рѣчь идетъ о службѣ кабальнаго холопа до смерти «его государя», также сказано «по его животъ»; см. выше сс. 735 и др. Нельзя не имѣть въ виду также, что указъ 9 марта велѣно было «написать къ прежнимъ указамъ», въ томъ числѣ и къ указу царя Ѳедора Ивановича, т. е. надо думать, къ извѣстному указу 1597 года, съ которымъ, однако, указъ 9 марта находился бы въ разногласіи, если его понимать въ смыслѣ запрещенія составлять записи о службѣ по смерть господина. Наконецъ, указъ 9 марта ссылается въ подкрѣпленіе, на «первый указъ и Судебникъ», а ниже упоминаетъ о Судебникѣ и объ указѣ царя Ѳедора Ивановича. Впрочемъ, въ указѣ 9 марта можно отмѣтить и другіе тексты, вызывающіе сомнѣніе въ правильности предлагаемаго толкованія. Въ началѣ указа, напримѣръ, сказано: «Государь...указалъ, которые люди всякихъ чиновъ учнутъ приносити вамъ въ холопей приказъ къ запискѣ записи на вольныхъ людей, что тѣмъ вольнымъ всякимъ людемъ у тѣхъ людей служити по тѣмъ записямъ до своего живота, и тѣхъ записей... въ холопьи записные книги записывати не велѣлъ...»; здѣсь слово «своего», казалось бы можно относить къ словамъ «всякихъ чиновъ люди»; но въ данномъ текстѣ составитель указа видимо передаетъ содержаніе самихъ записей, а онѣ, конечно, писались отъ лица «вольныхъ людей», поступавшихъ въ кабальные холопы; да и относить слово «своего» можно, пожалуй, и къ словамъ: «вольнымъ всякимъ людемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ повелѣваетъ «имати записи на вольныхъ людей всякимъ людемъ на урочные лѣта, по прежнему уложенію», что, какъ будто, также не согласуется съ законами 1586 и 1597 гг.: по указъ 9 марта, въ сущности, говоритъ о «записяхъ», а не о «служилыхъ кабалахъ»; Уложеніе проводитъ различіе между «записями» на «урочные годы» и служилыми кабалами; см. Уложеніе XX, 105.

[1]) См. выше л. 739.

чайкѣ Трубанову его прежнюю служилую кабалу за дьячею приписью. Содержаніе акта приведено въ той же записи; но онъ писанъ по обычной формѣ M_1, безъ всякаго упоминанія о томъ, что Нечайка Трубановъ обязывается служить Петру Аисину «по его животъ». Воевода и дьяки новгородскіе, «выслушавъ кабалу, велѣли «тое служилую кабалу въ отпускные мѣсто записати въ книги», а, записавъ, отдать ее Нечайку Трубанову [1]).

Впрочемъ, въ нѣсколько позднѣйшихъ служилыхъ кабалахъ можно уже встрѣтить выраженія, намекающія на измѣнявшіяся отношенія между кабальными людьми и ихъ господами: въ одной изъ псковскихъ служилыхъ кабалъ, напримѣръ, послуживица Аѳанасія Ивановича Дубровскаго «Пелагѣйка» Яковлева, занимая три рубля денегъ у жены его, Авдотьи Григорьевны, обязуется служить ей во дворѣ «своею головою вѣчно» [2]). Постепенное упраздненіе реальнаго значенія клаузулы о займѣ, еще фигурирующей въ подобнаго рода актахъ, также могло оказать вліяніе на появленіе въ нихъ условія о службѣ до смерти господина: по крайней мѣрѣ указъ, упразднившій въ служилыхъ кабалахъ клаузулу о займѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ ввелъ въ ихъ формуляръ условіе о службѣ кабальнаго человѣка во дворѣ господина «по его животъ». Съ такой точки зрѣнія, кажется легче было бы объяснить, почему условіе о службѣ «по животъ» господина, лишь сравнительно поздно проникаетъ въ текстъ служилыхъ кабалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, извѣстныя намъ служилыя кабалы старшаго типа съ категорическимъ условіемъ о службѣ «по животъ» «государя» рѣдки; но можно указать цѣлый рядъ переходныхъ ступеней въ обозначеніи того же понятія. Въ вышеуказанной служилой кабалѣ, которую Пелагея Яковлева дала на себя Авдотьѣ Григорьевнѣ Дубровской въ 1658-мъ году, третья клаузула формулирована слѣдующимъ образомъ: «а будетъ я, Пелагѣйка, на срокъ тѣхъ денегъ еѣ, Овдотьи, не отдамъ, и я у ней Пелагѣйка служить во дворе завсегда прочна»; въ данномъ случаѣ выраженіе: «служить по вся дни во дворѣ» замѣнено выраженіемъ «служить во дворѣ завсегда прочна» [3]). Въ другихъ актахъ подобнаго рода то же выраженіе—«служить по вся дни во дворѣ» замѣняется выраженіемъ «служить вѣчно во дворѣ», что, напримѣръ, можно встрѣтить въ псковскихъ и въ великоустюжской служилыхъ кабалахъ

---

[1]) Рус. Ист. Библ., т. XV Зап. кн. 7108 г., с. 53; въ началѣ записи Нечайка Трубановъ названъ: „Петровской послужилецъ Аисина“, но затѣмъ говорится, что онъ служитъ по служилой кабалѣ и т. д.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, запись № 359.

[3]) Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, запись № 359.

1657—1658 гг. [1]). Въ одной изъ сравнительно позднихъ служилыхъ кабалъ, орловской—1674-го года, послѣдняя мысль выражена болѣе точно: въ силу ея «Васька» Исаевъ обязуется служить Игнатью Никитичу Логвинову и всякую работу работать «по ево вѣкъ»; тоже словоупотребленіе сохранилось и въ нѣкоторыхъ служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго типа [2]). Впрочемъ, уже въ болѣе раннихъ служилыхъ кабалахъ та же мысль выражается въ нѣсколько иной формѣ, съ теченіемъ времени окончательно утвердившейся: вмѣсто того, чтобы писать: «служить по его вѣкъ» стали писать: «служить по его животъ». Въ одной изъ псковскихъ служилыхъ кабалъ 1628-го года такая формула уже встрѣчается; ею «вдова Анница Микитина дочь Яковлевское женишко Омашново» обязуется за занятыя ею у Сергѣя Гурьева сына Воронцова деньги «служити у нево государя своего у Сергѣя Гурьевича до сроку по вся дни по ево животъ во дворѣ», «а по сроце»... «у нево государя своего служити потому жъ по вся дни во дворѣ» [3]). Самая форма, въ которой условіе о службѣ «по животъ государя» выражено въ этомъ актѣ, показываетъ, однако, что въ то время оно, вѣроятно, еще не утвердилось: означенное условіе включено во вторую клаузулу о службѣ до истеченія годового срока, что, разумѣется, плохо вяжется съ условіемъ о службѣ «по животъ государя», которое должно было бы занять мѣсто въ третьей клаузулѣ. Со времени Уложенія, упоминающемъ о «крѣпостныхъ» (кабальныхъ?) холопахъ, которые служатъ у господъ по ихъ смерть, то же условіе, кажется, начинаетъ чаще встрѣчаться [4]). Въ одной изъ служилыхъ кабалъ 1648 года, напримѣръ, Михѣй Ивановъ Курба, бывшій послуживецъ Петра Ногина, занимаетъ деньги у пусторжевскаго помѣщика Дмитрія Даниловича Алексѣева и обязуется служить ему «до его смерти», но считаетъ нужнымъ присовокупить: «а Богъ его душу возметъ, и я чѣловѣкъ вольной» [5]); такая прибавка, можетъ быть, указываетъ на то, что сама формула еще не отлилась въ окончательную форму. Впрочемъ, служилая ка-

---

[1]) Моск. Публ. и Румянц. Музей, Собраніе актовъ И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7166 г. ноября 7. Арх. Мин. Юст., ib., №№ 361, 362. ср. выше объ условіи о службѣ „до своей смерти“ сс. 735, 753—754.

[2]) Моск. Публ. и Румянц. Музей, Собр. И. Д. Бѣляева, ib., сл. каб. 7183 г. дек. 2; ср. *В. Ключевскій*, Op. cit., въ Рус. Мысли 1885 г., кн. VIII, с. 29.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 78/1620, запись №№ 93; почти тоже въ №№ 115, 517 („по смерть“ государя).

[4]) Уложеніе, XX, 114; Уложеніе иногда противупоставляетъ стариннаго холопа кабальному, или старину—кабалѣ, а кабалу называетъ „крѣпостью,“ ср. ib., XX, 81, 87, 108, 115 и др.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 85/1625 записи №№ 196 и 199; объ 1648-го года.

бала Михѣя Курбы писана по формѣ P_2 и условіе о его службѣ до смерти господина, помѣщенное въ концѣ второй и послѣдней клаузулы текста, лучше согласовано съ его содержаніемъ. Наконецъ, та же формула попадается и въ болѣе упрощенной формулировкѣ, напримѣръ, въ служилой кабалѣ 1659 года, также записанной въ псковскія книги: ею вольный человѣкъ Микула Алексѣевъ обязуется за занятыя имъ у псковскаго помѣщика Елисѣя Ѳролова сына Полибина деньги «до сроку и по сроце по ево Елисѣевъ животъ жить и служить во дворѣ по вся дни». Такая форма уже близко подходитъ къ тому образцу, по которому съ 1680-го года стали писать служилыя кабалы: но и въ ней клаузула о займѣ еще не уступила мѣста клаузулѣ о челобитьѣ въ холопство и слова «до сроку и по сроцѣ» еще не исчезли, хотя формула о повседневной службѣ по просрочкѣ долга уже замѣнена формулой о такой же службѣ кабальнаго холопа «по животъ его государя» [1]). Возможно что въ то время составленіе служилыхъ кабалъ подобнаго рода стало уже входить въ нѣкоторое употребленіе: знатокъ московскаго приказнаго дѣлопроизводства, характеризуя вѣдомство приказа холопьяго суда, пишетъ, что «на кабальныхъ людей даютъ кабалы вѣчные, будетъ бьетъ челомъ кому во дворъ, на ево имя самого или жены его или дѣтей по ихъ вѣкъ, а не на урочные лѣта» [2]).

Такимъ образомъ, можно сказать, что въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ во время Уложенія, клаузула о займѣ еще обыкновенно встрѣчается, а условіе о службѣ «по животъ» господина попадается рѣдко. Сочетаніе же въ формулярѣ служилой кабалы новой клаузулы о челобитьѣ въ холопство съ клаузулой о службѣ во дворѣ господина «по его животъ», надо думать, пока еще вовсе не установилось или употреблялось крайне рѣдко; но сочетаніе подобнаго рода могло уже попадать въ нѣкоторыя записи даже болѣе ранняго времени. Въ записной книгѣ крѣпостныхъ актовъ, явленныхъ дьяку Д. Алябьеву, напримѣръ, имѣется «запись» 1596 года, слѣдующаго содержанія: «Осипъ Игнатьевъ сынъ билъ челомъ въ службу Борису Ѳедорову сыну Вельяшеву по его животъ...» [3]). Въ новгородской кабальной книгѣ позднѣйшаго времени, а именно 1647 года, можно также отмѣтить «житейскую запись», въ которой «послуживецъ» подьячаго, послѣ его смерти оставшійся жить во дворѣ его вдовы безъ займа, бьетъ челомъ послѣдней

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову № 83/1625, запись № 399; вм. словъ „жить и служить,“ иногда встрѣчающихся въ служилыхъ кабалахъ того времени, въ образцовомъ письмѣ сказано только: „служить“.

[2]) *Г. Котошихинъ*, О Россіи, VII, 31.

[3]) Рус. Ист. Библ., т. XVII: Зап. кн. Д. Алябьева, № 148; ср. выше сс. 752—753.

«во дворѣ служить до ея смерти» [1]). Итакъ судя, по вышеуказаннымъ примѣрамъ, можно думать, что въ то время писали и такія записи, которыя не содержали условія о займѣ и заключались по животъ господина, т.-е. существенно приближались къ той формѣ служилыхъ кабалъ, которая была установлена въ образцовомъ письмѣ, приведенномъ въ указѣ 1680 года.

Указъ, установившій новый формуляръ служилыхъ кабалъ появился вскорѣ послѣ производства новой переписи и послѣ извѣстнаго указа о томъ, что-бы «всякія дѣла вѣдать однимъ воеводамъ» [2]). Этотъ указъ, надо думать, былъ вызванъ и желаніемъ московскаго правительства ввести, наконецъ, въ формуляръ служилой кабалы условія, соотвѣтствующія измѣнившемуся положенію кабальныхъ холоповъ, а также правиламъ, давно уже высказаннымъ въ прежнихъ узаконеніяхъ, и его стремленіемъ сдѣлать такой формуляръ общеобязательнымъ. Въ царскомъ указѣ елецкому воеводѣ отъ 15 мая 1680-го года, говорится, что «въ городахъ записывали служилыя кабалы... въ губныхъ избахъ губные старосты, а нынѣ указали мы, великій государь, служилыя кабалы... записывать въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людямъ по нашему, великаго государя указу и по Уложенію, распрашивая передъ собою на лицо и въ рожи и въ примѣты, описывать именно, а въ служилыхъ кабалахъ денегъ и росту не писать». Такимъ образомъ, указъ 1680-го года, упраздняя клаузулу о займѣ, въ то время, вѣроятно, уже имѣвшую скорѣе фиктивное, чѣмъ реальное значеніе, не подкрѣпляетъ этой мѣры ссылками на какой либо предшествующій указъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ 1680-го года вводитъ въ устанавливаемую форму служилыхъ кабалъ извѣстное условіе о службѣ «по животъ» господина, что видно изъ приложеннаго къ нему «образцоваго письма», въ которомъ было указано, «какъ служилые кабалы писать». И дѣйствительно, къ грамотѣ 1680 года присоединено образцовое письмо слѣдующаго содержанія:

Се азъ имярекъ въ нынѣ дана во сто восемьдесятъ осьмомъ году мая въ.....день билъ челомъ въ холопство имярекъ и служилую кабалу ему на себя даю волею своею, а служити мнѣ у него во дворѣ по его животъ.

А на то послухи.

А служилую кабалу писалъ... [3]).

---

[1]) *В. Ключевскій*, Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., кн. VIII, с. 31. Ср. еще выше сс. 753—754.

[2]) П. С. З., т. II, № 779.

[3]) Тр. Орловской уч. арх, ком. за 1891 г., в. I, Орелъ (1891 г.), с. 35. Въ виду того, что чтеніе текста этой грамоты въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ трудахъ Орловской комиссіи, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія, я пытался

Время, когда вышеприведенное образцовое письмо, было составлено, точно не указано; но оно, во всякомъ случаѣ, уже разсылалось весною 1680 года, о чемъ и свидѣтельствуетъ царская грамота елецкому воеводѣ отъ 15 мая того же года. Чтеніе текста письма въ томъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано, къ сожалѣнію, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія: слова «въ нынѣ дана...» не имѣютъ смысла; можетъ быть, слѣдуетъ читать: «въ нынѣшнемъ...»; далѣе, издатели грамоты не сообщаютъ, соблюдены ли красныя строки въ самомъ подлинникѣ, или онѣ установлены ими въ печатномъ текстѣ для облегченія чтенія; наконецъ, интерпунктуація текста можетъ быть также требовала бы маленькаго видоизмѣненія: составители старинныхъ грамотъ часто пользовались союзомъ «а» въ смыслѣ: «потомъ, затѣмъ» и начинали съ него изложеніе новой мысли и т. п.; въ разсматриваемомъ нами актѣ слова «а служити мнѣ...» также представляютъ особую клаузулу, которую можно было бы начинать съ прописной буквы: «А служити мнѣ...» и т. д. Заключительныя слова образцоваго письма: «а служилую кабалу писалъ» приведены въ сокращеніи, вѣроятно, въ самомъ документѣ: послѣ «писалъ» надо было означить: такой то подьячій, напримѣръ: «Ивановские площади подьячей имярекъ». Судя по тому, что вышеприведенное образцовое письмо слѣдуетъ за грамотою, уже послѣ ея датировки, можно думать, что оно составляло особый документъ, текстъ котораго случайно сохранился въ приложеніи къ царской грамотѣ елецкому воеводѣ.

Впрочемъ, вышеуказанныя сомнѣнія не имѣютъ особенно важнаго значенія и текстъ служилыхъ кабалъ, позднѣйшаго типа, самъ по себѣ, понятенъ. Новая форма во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманіе: она не содержитъ никакого упоминанія о займѣ, которое замѣнено условіемъ о челобитьѣ «въ холопство» даже безъ указанія на то, что оно кабальное; условія о службѣ «за ростъ» или «за деньги» «до сроку», и «по сроцѣ» также исчезаютъ, а взамѣнъ его рѣчь идетъ только о томъ, что еще было предусмотрѣно указами 1586 и 1597 гг., т.-е. о службѣ «по животъ государя», значитъ, о пожизненномъ его правѣ на кабальнаго человѣка. Благодаря такимъ перемѣнамъ форма служилой кабалы стала значительно проще; она содержитъ двѣ клаузулы: 1) челобитье въ холопство: «се азъ имярекъ въ нынѣшнемъ... году такого то мѣсяца въ такой то день билъ челомъ въ холопство», съ добровольной дачей на себя служилой кабалы «государю»: «и служи-

---

нѣсколько лѣтъ тому назадъ черезъ посредство Академіи Наукъ, выписать подлинникъ въ Отдѣленіе Рукописей Академической Библіотеки „срокомъ хотя бы на мѣсяцъ“; но до сихъ поръ ходатайство Академіи Наукъ, насколько мнѣ извѣстно, не было удовлетворено. Ср. выше с. 751.

лую кабалу ему на себя даю волею своею»; 2) обязательство служить во дворѣ «государя по его животъ»: «а служити мнѣ у него во дворѣ по его животъ»; удостовѣрительная-же часть—прежняя: «а на то послухи такіе то»; «а служилую кабалу писалъ такой то площади подьячій имярекъ».

Порядокъ совершенія акта, кажется, также остался безъ существенныхъ измѣненій, но пошлины съ него окончательно получили характеръ поголовныхъ; указъ 1680-го года содержитъ правило о томъ, что-бы «пошлинъ имать по прежнему: со всякаго человѣка мужскаго и женскаго полу по три алтына» [1]).

Появленіе новой обязательной формы составленія служилыхъ кабалъ не замедлило повліять и на практику площадныхъ подьячихъ. Уложеніе уже повелѣло «мимо площадныхъ подьячихъ и безъ послуховъ никому ни на кого крѣпостей (въ большихъ дѣлѣхъ) не писати» [2]); такіе подьячіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ правительства, и, слѣдовательно, должны были содѣйствовать осуществленію его указовъ, касавшихся составленія служилыхъ кабалъ; въ наказной памяти астраханскому «старостѣ» площадныхъ подьячихъ, напримѣръ, ему было предписано «указныя памяти и записныя книги принять» и наблюдать за тѣмъ, что-бы «всякія крѣпости и постороннія письма» писали съ его «вѣдома...»; а за ослушаніе указъ грозилъ тому, на кого староста подастъ «докладныя письма, за руками, въ приказной палатѣ», отказать «отъ площеди» [3]). Естественно, что при такихъ условіяхъ площадные подьячіе уже не могли допустить прежняго разнообразія формъ служилыхъ кабалъ: дѣйствительно, тѣ изъ нихъ, которыя намъ извѣстны, съ 1680 года обыкновенно пишутся по новому образцу. Служилая кабала, писанная Ивановской площади подьячимъ «Ивашкой» Богдановымъ 17 мая 1680 года, т.-е. два дня спустя послѣ царскаго указа елецкому воеводѣ, напримѣръ, уже соотвѣтствуетъ новымъ тре-

---

[1]) Тр. Орлов. уч. арх. ком., за 1891 г., в. I, с. 33; указъ 6 ноября 1705 года предписываетъ брать „съ крѣпостей и на людей въ домы служилыхъ и съ ссудныхъ на крестьянъ по 5 алтынъ съ крѣпости“; см. П. С. З., т. IV, № 2080.

[2]) Уложеніе, X, 246, 250; ср. XX, 19.

[3]) А. И., т., V, № 149; ср. П. С. З., т. I, №№ 272 и 374. *Н. Оглоблинъ*, Op. cit. въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1894 г., сентябрь, с. 141: площадные подьячіе „особенно часто фигурируютъ въ роли кандидатовъ на подьяческія мѣста воеводскихъ учрежденій“; они „опредѣлялись“ воеводами, иногда даже „по государеву указу“, въ „указанномъ числѣ“, и исполняли воеводскія порученія; одинъ площадный подьячій жаловался на то, что съ него продолжаютъ взимать „площадной откупъ“, хотя онъ уже пересталъ „писать на площади“ и т. п.; ср. ib. сентябрь, сс. 129, 131, 132, 135, 136, 141—147; октябрь, сс. 225, 231, 233, 237, 241. См. еще о жалованьи площаднымъ подьячимъ и проч. П. С. З., т. IV, №№ 1836, ст. 13; 1848 и 1850.

бованіямъ [1]). Несмотря на то, что число извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ, писанныхъ послѣ указа 1680-го года, довольно ограничено, можно думать, что онъ вообще оказалъ существенное вліяніе на ихъ форму [2]): подьячіе, писавшіе на площадяхъ разныхъ городовъ, или одной и той же мѣстности, но въ разное время обыкновенно придерживаются вышеприведеннаго оффиціальнаго образца; уклоненія отъ него въ большинствѣ извѣстныхъ мнѣ случаевъ маловажны и не вносятъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ обычный текстъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно указать, напримѣръ, на служилыя кабалы, писанныя по такой формѣ и на Ивановской площади въ Москвѣ, и въ замосковныхъ городахъ: Переяславлѣ Залѣсскомъ, Суздалѣ, Угличѣ, Кашинѣ, Галичѣ, Костромѣ и Лухѣ; и въ многихъ южныхъ, преимущественно украинныхъ городахъ: Тулѣ, Каширѣ, Алексинѣ, Бѣлевѣ, Болховѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ и Землянскѣ; и въ рязанскихъ и понизовыхъ городахъ: Переяславлѣ Рязанскомъ и Зарайскѣ, а также въ Нижнемъ Новгородѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ легко замѣтить, что подьячіе одного и того же поселенія въ теченіе разсматриваемаго времени почти не уклонялись отъ формы, изложенной въ указѣ 1680 года. Можно привести, напримѣръ, цѣлый рядъ служилыхъ кабалъ, писанныхъ разными подьячими Ивановской площади въ 1680—1685, 1687, 1690—1694 и 1698 гг. и не обнаруживающихъ существенныхъ уклоненій отъ оффиціальнаго образца [3]); то же единообразіе и въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ, напримѣръ, въ Кашинѣ въ 1682 и 1689 гг. [4]), въ Суздалѣ — въ 1687 и 1693 гг. [5]), въ Болховѣ въ 1684 и 1688 гг. и въ Бѣлевѣ въ 1689 и 1697 гг. [6]). Подьячіе нижегородской площади: «Ѳедька» Андре-

---

[1]) Моск. Румянц. и Публ. Музей, Собр. актовъ И. Д. Бѣляева, служ. каб. 7188 г. мая 17.

[2]) Въ собраніи актовъ И. Д. Бѣляева въ Моск. Рум. и Публ. Муз., сохранилась до 23 служилыхъ кабалъ, писанныхъ въ 1680—1701 гг.; печатныхъ можно насчитать до 25, считая одну служилую кабалу въ Оп. Линев. Арх., ч. I, № 183, напечатанную въ сокращенномъ видѣ и не считая „сказки“ въ А. Ю., № 405.

[3]) Моск. Рум. и Публич. Муз., Собр. актовъ И. Д. Бѣляева, служ. каб. 7188 г. мая 17—7202 г. мая 30-го. А. Ю. Б., т. I, № 193, VIII, IX; т. II, № 127, XII, XIV, XVIII. Лѣт. зан. Археогр. Ком., в. V, с. 98. Дѣйствія Нижегород. губ. уч. арх. ком. за 1889 г., в. VI, с. 237. *Н. Селифонтовъ*, Оп. Линев. Арх., ч. I, № 181; ч. II, № 81.

[4]) А. Ю. Б., т. I, № 93, V; т. II, № 127, XVII.

[5]) Моск. Рум. и Публ. Музей, Собр. актовъ И. Д. Бѣляева, служ. каб. 7202 г. дек. 4. *Н. Селифонтовъ*, Оп. Линев. арх., ч. II, №№ 82 и 83.

[6]) Тр. Орловской губ. уч. арх. ком. 1889 г., в. VI, сс. 16 и 17.

[7]) А. Ю. Б., т. I, № 93, VII. Рус. Вивл., изд. Н. Полевымъ, т. I, М. 1833 г., с. 404.

евъ, «Родька» Гавриловъ, Николай Колмаковъ, «Ивашко» Кроминъ и «Андрюшка» Павловъ въ 1686—1687 гг., видимо придерживались одного и того же образца [1]).

Такія совпаденія даютъ основаніе предполагать, что указъ, подобный тому, который былъ адресованъ елецкимъ воеводамъ, вмѣстѣ съ «образцовымъ письмомъ» служилой кабалы былъ также разосланъ въ другіе города и оказалъ замѣтное вліяніе на составленіе служилыхъ кабалъ позднѣйшаго типа: можно думать, что ихъ писали согласно одному, общеобязательному образцу, а потому и различія между актами подобнаго рода послѣ 1680-го года уже не могли быть значительными [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, въ извѣстныхъ мнѣ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ съ 1680-го года, отступленія отъ оффиціальнаго образца состоятъ скорѣе въ разъясненіяхъ его текста, чѣмъ въ уклоненіяхъ отъ

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Городск. кн. по Нижнему Новгороду, № 41.

[2]) Въ числѣ извѣстнымъ мнѣ служилыхъ кабалъ изъ собранія И. Д. Бѣляева, правда, можно указать одну, 7190. г. янв. 15, которая отличается отъ обычнаго типа кабалъ позднѣйшаго времени тѣмъ, что не содержитъ словъ: „и служилую кабалу ему на себя даю волею своею.“ Въ данномъ случаѣ такой пропускъ, можетъ быть, объясненъ простою случайностью: служилую кабалу 7190 г. янв. 15 писалъ Ивановской площади подьячій „Аврамка“ Кириловъ; но въ служилыхъ кабалахъ отъ 7190 г. янв. 4 и янв. 15, а также 7191 г. февр. 13 (ихъ всего 5), писанныхъ тѣмъ же площаднымъ подьячимъ, такого пропуска нѣтъ. Составитель примѣчаній къ указу елецкому воеводѣ С. Л. Васильчикову указывалъ на „отступленія“ отъ „образцоваго письма“, ссылаясь на А. Ю. Б., т. II, 127, XV, XIX и XX (см. Тр. Орловской губ. уч. арх. ком. 1891 г., в. I, с. 35); но при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ актовъ легко убѣдиться, что № XV, по словамъ писавшаго ея площадного подьячего,—„служилая запись“ (въ текстѣ она названа также „жилою записью“), которую слѣдуетъ отличать отъ служилой кабалы; № XIX,—по словамъ поручителей, „заимная и жилая кабала;“ а № XX, по словамъ послуховъ,—„заемная кабала“; редакторъ „Актовъ“ напрасно отождествилъ ихъ съ служилыми кабалами, чѣмъ ввелъ, въ заблужденіе и другихъ. Въ А. Ю. также напечатанъ документъ 1687 г., озаглавленный: „служилая кабала на холопство Прокопія Полуектова“ (№ 405); въ немъ нѣтъ третьей клаузулы о службѣ „по животъ“ господина; но № 405 заканчивается словами: „то моя и сказка. А сказку писалъ Углецкіе площади подьячей Сергушка Микифоровъ;“ значитъ, и въ данномъ случаѣ редакторъ Актовъ Юридическихъ напрасно назвалъ напечатанный имъ документъ „служилой кабалой,“ а не „сказкой“, сказанной Прокопіемъ Полуектовымъ въ съѣзжей избѣ передъ углечскимъ воеводой при поступленіи своемъ въ кабальное холопство; въ такихъ сказкахъ, дѣйствительно, содержаніе третьей клаузулы могло не упоминаться, хотя бы она и входила въ составъ самого акта, въ чемъ легко убѣдиться, напримѣръ, заглянувъ въ А. Ю. Б., т. II, № 127, XIII или въ Дѣйствія Нижегород. губ. уч. арх. ком. 1889 г., в. VI, с. 237 и др.; но условіе о службѣ „по животъ“ господина могло быть включено и въ „сказку“; см. А. Ю. Б., т. II, № 127, XVII.

него [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, правда, указаніе на время заключенія сдѣлки, помѣщенное въ клаузулѣ 1-ой, («се азъ имярекъ въ нынѣ[шнемъ] во сто восемьдесятъ осьмомъ году мая въ.....день» и т. д.) отсутствуютъ; но оно замѣняется упоминаніемъ о времени написанія акта, послѣ словъ: «а кабалу писалъ такой то площади подьячій...», вслѣдъ за которыми онъ и указывалъ годъ, мѣсяцъ и число составленія служилой кабалы. Остальныя отличія представляются еще менѣе существенными. Въ 1-ой клаузулѣ, напримѣръ, въ многихъ извѣстныхъ мнѣ служилыхъ кабалахъ, въ особенности писанныхъ послѣ 1687 года вмѣсто словъ: «билъ челомъ въ холопство» стоитъ: «билъ челомъ въ кабальное холопство»; иногда та же формула встрѣчается съ добавленіемъ: «билъ челомъ съ воли въ кабальное холопство» или просто «билъ челомъ съ воли въ холопство», а въ тѣхъ случаяхъ, когда поступавшій въ кабальную службу былъ отпущеннымъ на волю, слова «съ воли» иногда замѣняются словами «съ отпускною» или «съ отпускною послѣ смерти» такого-то и т. п. [2]). Въ 2-ой клаузулѣ также иногда можно встрѣтить варіанты: вмѣсто «а служить мнѣ у него во дворѣ по его животъ»—«а служить во дворѣ его въ холопствѣ по его животъ»; или: «а служити мнѣ во дворѣ его въ кабальномъ холопствѣ по его животъ»; или: «а служити мнѣ въ холопствѣ по его государя своего вѣкъ» и т. п. [3]). Такія колебанія, однако, едва ли существенно нарушаютъ смыслъ вышеприведенныхъ формулъ и скорѣе подтверждаютъ предположеніе, что новая форма служилыхъ кабалъ отличалась довольно значительною устойчивостью: установленіе «образцоваго письма» для служилыхъ кабалъ повело, значитъ, къ упраздненію прежняго ихъ разнообразія и пресѣкло въ данной области слабые проблески творчества тѣхъ доморощенныхъ нашихъ юристовъ, которые стремились приспособить ихъ форму къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ русской жизни.

«Премѣненіе», въ организаціи «письма всякихъ крѣпостей», происшедшее въ началѣ эпохи преобразованій, едва ли оказало существенное вліяніе на формуляръ служилыхъ кабалъ: по крайней мѣрѣ, ни «обрядъ», ни «наказъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячимъ» не содержатъ указаній на какія либо измѣненія въ немъ [4]); наказъ «особливо прибраннымъ Ивановской площади подьячимъ» только требуетъ, что бы писцы писали крѣпости «противъ образцовъ крѣпостямъ писемъ, каковы имъ даны изъ оружейной палаты за дьячьею приписью»; а боярскій приговоръ

---

[1]) См. выше 745.

[2]) См. сс. 761—762.

[3]) См. сс. 761—762.

[4]) П. С. З., т. III, № 1732; т. IV, №№ 1740, 1833 (здѣсь упоминается и указъ 9 декабря 1699 г.), 1838, 2228; о приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ см. ib., т. IV, №№ 2163, 2164, 2167 и др.; ср. № 2446; т. V, №№ 3436 и 3455.

нѣсколько позднѣйшаго времени предписываетъ въ грамотахъ воеводамъ или бурмистрамъ и въ наказахъ, «гдѣ будутъ особливо посланные, писать въ установленіи тѣхъ крѣпостныхъ дѣлъ письма» [1]). Во всякомъ случаѣ, эти мѣры вѣроятно, продолжали поддерживать единообразіе въ формѣ служилыхъ кабалъ, составляемыхъ въ Москвѣ, да и въ другихъ городахъ.

Такимъ образомъ, новый моментъ въ исторіи кабальнаго холопства отразился, наконецъ, и въ новой оффиціально установленной и общеобязательной формѣ служилыхъ кабалъ: вмѣсто договора займа съ обязательствомъ «за ростъ служити», онѣ теперь уже содержатъ одно только челобитье о добровольной отдачѣ себя въ холопство подъ условіемъ служить во дворѣ у «государя» «по его животъ». Благодаря такому условію, подкрѣпленному и позднѣйшими указами, кабальное холопство все еще продолжало отличаться отъ полнаго [2]); но, послѣ подушной переписи, кабальное холопство, въ качествѣ особаго вида крѣпостной зависимости, должно было прекратиться, а служилая кабала окончательно утратила свое значеніе [3]): съ того времени достаточно было одной только ревизской записки для того, чтобы сдѣлать вольнаго человѣка крѣпкимъ его господину.

А. Лаппо-Данилевскій.

---

[1]) П. С. З., т. IV, №№ 1838, 1850, 1786; указъ 8 января 1709 г. объ изъятіи крѣпостныхъ дѣлъ изъ вѣдомства воеводъ и о присоединеніи такихъ дѣлъ къ вѣдомству городовыхъ ратушъ см. ib., т. IV, № 2087; ср. № 2099.

[2]) П. С. З., т. III, № 1383; т. IV, № 2035 (им. ук. 1705 г. февр. 19); VII, № 5161. Впрочемъ, нѣкоторые указы эпохи преобразованій о принятіи господскихъ слугъ на военную службу давали возможность кабальному человѣку, за исключеніемъ развѣ „выученнаго мастерскому дѣлу“, прекратить свою зависимость отъ господина до смерти послѣдняго и промѣнять ее на военную службу; но указы о томъ, что-бы негодные въ службу въ гулящихъ не были, показываютъ, что и по смерти господина бывшій его кабальный холопъ долженъ былъ опредѣляться „въ другія службы или къ кому въ дворовое служеніе“; см., напримѣръ, П. С. З., т. IV, № 1820, ст. 11; т. VI, №№ 3754, 4023 и др.

[3]) П. С. З., т. VI, №№ 3481, 3492, 3657 и др.; т. VIII № 5392.

XXXIX.

Преподаваніе исторіи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ (1786—1802) [1]).

Преподаванію исторіи составители учебнаго плана главнаго народнаго училища придавали большое образовательное и воспитательное значеніе [2]) и поэтому предоставили преподавателю исторіи довольно значительное число уроковъ. Такъ какъ курсъ IV класса былъ двухгодичный, то, при четырехъ урокахъ исторіи въ III классѣ и шести въ IV, на предметъ исторіи приходилось за весь пятилѣтній курсъ главнаго народнаго училища 16 недѣльныхъ уроковъ. Такимъ образомъ по отношенію къ недѣльному числу уроковъ по предмету исторіи главное народное училище было поставлено въ лучшія условія, чѣмъ классическія гимназіи 1871—1901 г.г. [3]).

Изъ 16 недѣльныхъ часовъ, удѣлявшихся въ главномъ народномъ училищѣ на предметъ исторіи, 12 посвящались всемірной исторіи и 4 „краткой россійской исторіи“. Изъ 12 недѣльныхъ уроковъ, назначен-

---

[1]) Эта статья, представляющая собою отрывокъ изъ приготовляемаго къ печати изслѣдованія о Московскомъ главномъ народномъ училищѣ, составлена отчасти на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ хранящихся въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія отчетовъ по Московской дирекціи училищъ за время съ 1786 г. и документовъ по ревизіи Московскаго главнаго народнаго училища, совершенной въ 1788 г. О. П. Козодавлевымъ, главнымъ же образомъ на основаніи указаній, полученныхъ при изученіи учебниковъ, бывшихъ въ употребленіи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ.

[2]) „Паче всего долженъ учитель стараться руководствовать учениковъ своихъ къ тому, чтобы они понимали, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ и какъ истинная любовь и приверженность къ отечеству пособствовали благосостоянію сограждан въ древнія и нынѣшнія времена“. (Всемірн. исторія, ч. I, предисловія, стр. 4, безъ пагинаціи); „наше сердце примѣрами, въ исторіи приводимыми, склоняется къ подражанію дѣламъ добродѣтельнымъ и къ отвращенію отъ пороковъ. Читая исторію, мы употребляемъ ее къ распространенію прочихъ нашихъ знаній“ (ibid. стр. 2).

[3]) Въ классическихъ гимназіяхъ съ 1871 по 1890 годъ на предметъ исторіи полагалось всего 12 недѣльныхъ часовъ, а въ періодъ времени съ 1890 по 1901 г.—13.

ныхъ для всеобщей исторіи, восемь уроковъ (4 урока въ III классѣ и 4 урока въ IV классѣ въ теченіе 1-го года) посвящалось разучиванію учебника, а остальные 4 часа (въ IV классѣ въ теченіе второго года повторенію той части курса всеобщей исторіи, отчетливое знаніе которой было, по мнѣнію составителей объяснительной записки къ учебному плану, наиболѣе важно, т. е., новой исторіи [1]).

При изданіи учебнаго плана для главныхъ народныхъ училищъ и объяснительной къ нему записки [2]) предполагалось, что учебнаго матеріала, заключающагося въ приготовленныхъ тогда Комиссіею о народныхъ училищахъ къ печати I и II частяхъ учебника всемірной исторіи вполнѣ достаточно для курса главнаго народнаго училища. Содержаніе этихъ двухъ частей, вышедшихъ въ свѣтъ вскорѣ послѣ напечатанія Устава училищъ [3]), слѣдующее: ч. I: введеніе въ исторію (стр. 1—5), описаніе человѣческаго рода вообще (стр. 5—8), евреи (стр. 8—38), вавилоняне, ассиріяне, мидяне (стр. 38—49), финикіяне (стр. 49—57), карѳагеняне (стр. 57—66), сиріяне (стр. 66—70), египтяне (стр. 70—87), персы (стр. 87—106), греки (стр. 106—211), македоняне (стр. 211—243), народы и царства Малой Азіи (стр. 243—247), римляне (стр. 247—367); Ч. II, Новая всемірная исторія: О Пруссіи (стр. 1—11), Швеціи (стр. 11—79), Даніи (стр. 79—132), Великобританіи (стр. 132—214), Португаліи (стр. 214—233), Испаніи (233—287) и Франціи (стр. 287—363).

Согласно учебному плану и объяснительной къ нему запискѣ I часть учебника,—древняя исторія должна была проходиться въ III классѣ, II часть—новая исторія—въ IV классѣ, но ни въ учебномъ планѣ, ни въ объяснительной запискѣ не заключается требованія проходить указанный учебникъ безъ пропусковъ. Такъ какъ учебникъ довольно объемистый (въ обѣихъ частяхъ 730 страницъ, правда, малаго формата) и въ то же время онъ не представляетъ собою связнаго историческаго разсказа, а состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ по исторіи того или

---

[1]) Всемірн. исторія, ч. I, предисл. стр. 2; Уставъ народнымъ училищамъ въ Росс. Имперіи, Спб. 1786, стр. 6—8, ст. 6—9. По вопросу о томъ, какой отдѣлъ всемірной исторіи слѣдуетъ повторять въ выпускномъ классѣ, различныхъ взглядовъ держалось у насъ учебное вѣдомство въ концѣ XVIII и XIX вѣковъ. Въ 1786 г. Комиссія о народныхъ училищахъ заявляетъ, что въ теченіе второго года ученія въ четвертомъ классѣ главн. нар. училища слѣдуетъ повторять новую исторію, „яко важнѣйшую“, въ 1890 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія требуетъ, чтобы въ VIII классѣ гимназіи изъ всеобщей исторіи повторялась древняя.

[2]) Уставъ, ст. 6—9. Всемірная исторія, ч. I, предисловіе стр. 3.

[3]) Уставъ напечатанъ въ 1786 г., первыя двѣ части „Всемірной исторіи“ въ 1787 г. (Гр. Д. А. Толстого, Городскія училища въ царствованіе имп. Екат. II, стр. 68, сравн. Сопиковъ, Опытъ россійской библіографіи, ч. III, стр. 209, № 4723—о первой части); у насъ подъ руками было только второе изданіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1789).

другого народа или государства, то для сокращенія подлежащаго разучиванію учебнаго матеріала преподававшій исторію въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ учитель Дружининъ, съ перваго же года по введеніи учебника всемірной исторіи, призналъ нужнымъ пропускать при разучиваніи учебника нѣкоторыя статьи. Такъ, въ первое полугодіе 1790 года въ третьемъ классѣ пройдено было нѣсколько болѣе половины назначенной къ прохожденію въ этомъ классѣ I-ой части учебника, а именно, кончая статьею о грекахъ (стр. 1—211), но съ пропускомъ слѣдующихъ статей: о карѳагенянахъ (стр. 57—66), сиріянахъ (стр. 66—70) и египтянахъ (70—87).

Если ничего нельзя возразить противъ пропуска статей о карѳагенянахъ и сиріянахъ, то страннымъ кажется пропускъ статьи объ египтянахъ, о которыхъ авторъ учебника говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Египетъ въ древнія времена славился своими законами, кои не токмо греками, но и многими другими народами были приняты“. Объяснить пропускъ статьи объ египтянахъ въ 1790 г. можно, сравнивъ пройденное въ этомъ году съ тѣмъ, что было пройдено въ 1789 г. Въ первое полугодіе 1789 г. была пропущена только статья о сиріянахъ, статьи же о карѳагенянахъ и египтянахъ были пройдены, но за то въ теченіе I полугодія не удалось закончить статьи о грекахъ и па курсъ второго полугодія, менѣе продолжительнаго, чѣмъ курсъ перваго осталось болѣе половины учебника[1]).

Особенно сильно стала ощущаться необходимость въ тщательномъ выборѣ тѣхъ статей учебника всеобщей исторіи, которыя разучивались бы учениками, съ того времени, какъ вышла въ свѣтъ третья часть учебника всемірной исторіи [2]). Дѣло въ томъ, что, хотя по выходѣ въ свѣтъ этой третьей части „Всемірной исторіи“, по прежнему обязательно было проходить въ главномъ народномъ училищѣ только 1 и 2 части учебника[3]), однако въ третьей части были такія статьи, прохожденіе которыхъ было крайне необходимо для достиженія возможныхъ при монографическомъ

---

[1]) Архивъ Министерства Нар. Просв. карт. № 308, дѣло № 37063, полугодичные отчеты, Московской дирекціи, карт. 1278, дѣло № 38494—докладъ Моск. приказа общ. призрѣнія ревизору Козодавлеву отъ 15 марта 1788 г.

[2]) Новая всемірная исторія о происшествіяхъ въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи, ч. III. СПБ. Въ нашемъ распоряженіи было изд. 3, 1806 г. Если вѣрить Сопикову (Опытъ Рос. библ. т. III, стр. 209—210), то первое изданіе 3-й части вышло въ 1798 г.

[3]) Когда спустя уже нѣсколько лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ 3 части „Всемірной Исторіи“, была напечана четвертымъ изданіемъ (1804) объяснительная записка къ учебному плану исторіи, то въ ней оставлено было безъ измѣненія то распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, которое было установлено въ 1-мъ изданіи, т.-е. I часть „Всемірной исторіи“ для III класса и вторая для IV класса, о III части и не упоминается.

характерѣ изложенія учебника полноты и цѣльности курса. Таковы, напримѣръ, статьи объ арабахъ (ч. III, стр. 235—251), о туркахъ (ibid. стр. 207—235), о Швейцаріи (ibid. стр. 116—121) и Германіи (ibid. стр. 44—116).

Внося въ курсъ IV класса эти и нѣкоторыя другія статьи [1]) изъ III части учебника „Всемірной исторіи", учитель Дружининъ долженъ былъ пропускать нѣкоторыя статьи второй части; такъ, не встрѣчается въ отчетахъ указаній на то, что въ IV классѣ проходились статьи о Пруссіи (ч. II, стр. 1—11), Швеціи (ibid. стр. 11—79) и Даніи (ibid. стр. 79—132); изъ этихъ пропускавшихси статей особенно трудною и, пожалуй, совершенно безполезною для учащихся была бы обширная (53 стр.) статья о Даніи съ длиннымъ рядомъ именъ и годовъ.

Если во 2-й части „Всемірной исторіи", въ которой помѣщены были очерки исторіи либо важнѣйшихъ государствъ Европы (Великобританіи, Испаніи съ Португаліей и Франціи), либо тѣхъ, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ исторіи Россіи (Швеція, Данія и Пруссія), нѣсколько статей не безъ пользы пропускались, то гораздо болѣе статей вовсе непригодныхъ для курса главнаго народнаго училища было въ третьей части учебника, заключающей въ себѣ очерки исторіи всѣхъ тѣхъ изъ числа существовавшихъ въ концѣ XVIII в. въ Европѣ государствъ, о которыхъ не было сообщено во 2-й части, а также очерки исторіи государствъ Азіи, Африки и Америки.

На ряду съ необходимыми для курса главнаго народнаго училища статьями о Германіи, Швейцаріи, Нидерландахъ, Арабахъ и Туркахъ, въ третьей части „Всемірной исторіи" помѣщено много довольно подробно изложенныхъ статей, изученіе которыхъ вовсе не представляетъ необходимости при прохожденіи такого элементарнаго курса, какимъ является курсъ главнаго народнаго училища; таковы статьи о Китаѣ (стр. 277—289), Индіи (стр. 251—275). Японіи (стр. 275—277), Египтѣ со времени Клеопатры (стр. 302—306), Алжирѣ (стр. 309—311), Марокко и Фецѣ (стр. 311—318), Абессиніи (стр. 318—320), Тунисѣ (стр. 306—309). Южной Америкѣ (стр. 348—355), Средней Америкѣ (стр. 344—348), отдѣльныя статьи о каждомъ изъ итальянскихъ государствъ третьей четверти XVIII в. и др. Надо полагать, что многія изъ этихъ статей были помѣщены въ третьей части „Всемірной исторіи" не столько потому, что составитель книги считалъ нужнымъ проходить эти статьи въ главномъ народномъ училищѣ, сколько потому, что книга предназначалась не только для народныхъ училищъ, какъ это напечатано на выходномъ листѣ, но также для чтенія и справокъ уже прошедшимъ курсъ училища,

[1]) Встрѣчается, напримѣръ, указаніе на то, что въ IV классѣ проходилась и статья о монголахъ, находящаяся въ III части, стр. 289—302. (Архивъ Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063).

а также и тѣмъ любознательнымъ читателямъ, которые и не проходили курса народныхъ училищъ.

Къ сожалѣнію въ отчетахъ не сохранилось полнаго списка статей, выбиравшихся изъ II и III частей „Всемірной исторіи“ для составленія курса IV класса, такъ какъ перечисленіе пройденныхъ статей имѣется только въ отчетахъ за первое полугодіе каждаго года, въ отчетахъ же за второе полугодіе указывается только на то, что „предметъ надлежащимъ образомъ оконченъ“. Въ отчетахъ о пройденномъ за 1-е полугодіе упоминаются слѣдующія статьи: изъ 2-й части „Всемірной исторіи“ Англія, Франція, Испанія, Португалія и изъ 3-й части арабы, Германія, Голландія, монголы и турки. Нѣкоторыя изъ этихъ статей, а именно Германія и Франція проходились въ IV классѣ ежегодно, другія черезъ годъ попеременно; такъ, напримѣръ, статьи объ арабахъ, монголахъ и туркахъ были пройдены въ 1796 и 1798 гг.; въ эти годы не проходились статьи объ Испаніи и Португаліи, которыя проходились въ 1797 и 1795 годахъ, когда не проходились статьи объ арабахъ, туркахъ и монголахъ [1]).

Очевидно, преподаватель Московскаго главнаго народнаго училища старался исполнить требованіе Комиссіи объ учрежденіи училищъ о томъ, чтобы въ IV классѣ проходился ежегодно одинъ и тотъ же курсъ, и въ то же время старался расширить курсъ, пользуясь тѣмъ, что ученики IV класса должны были учиться въ этомъ классѣ два года. Монографическій характеръ изложенія учебника всеобщей исторіи давалъ возможность именно такъ расположить курсъ и при этомъ пропускать тѣ статьи, которыя представляли въ учебникѣ излишній балластъ. Такимъ образомъ, Дружининъ, исполняя требованіе Комиссіи объ учрежденіи училищъ, проходилъ въ IV классѣ ежегодно нѣкоторыя статьи, считавшіяся наиболѣе важными; эти статьи проходились дважды тѣми учениками IV класса, которые согласно уставу учились въ этомъ классѣ два года. Другія статьи учебника, считавшіяся менѣе важными, вносились въ курсъ IV класса черезъ годъ попеременно, эти статьи разучивались всѣ и только по одному разу лишь тѣми учениками, которые оставались въ IV классѣ на 2-й годъ; учившіеся же въ IV классѣ одинъ годъ разучивали лишь тѣ изъ второстепенныхъ статей, которыя проходились въ годъ ихъ пребыванія въ IV классѣ.

Монографическій способъ изложенія учебнаго матеріала въ учебникѣ всемірной исторіи представлялъ удобство въ томъ отношеніи, что давалъ возможность при прохожденіи курса пропускать безъ всякихъ затрудненій тѣ историческіе очерки, которымъ мѣсто было не столько въ элементарномъ учебникѣ, сколько въ большой энциклопедіи; но такое изложеніе представляло и много существенныхъ неудобствъ. Во первыхъ,

---

[1]) Ibid.

при такомъ изложеніи отъ вниманія учащихся совершенно ускользали общія явленія, замѣчавшіяся въ ту или другую эпоху у разныхъ народовъ. Такъ, напримѣръ, разучивъ даже всѣ три части „Всемірной исторіи“, учащіеся не только не могли составить себѣ понятія о „февдальномъ правѣ“, но даже не могли и вообразить, что оно существовало въ одно и тоже время въ разныхъ государствахъ.

Самый терминъ „февдальное право“ употребленъ только однажды въ введеніи къ статьѣ, посвященной исторіи Германіи; давъ крайне сжатое и не совсѣмъ точное опредѣленіе термина,[1]) авторъ сообщаетъ, что „*февдальное* право“ *утвердилось* въ государствѣ Меровинговъ въ VI в. Затѣмъ уже во всей обширной статьѣ, посвященной исторіи Германіи, [2]) не упоминается ни о феодализмѣ, ни о феодальныхъ порядкахъ; сообщается только объ установленіи Конрадомъ II „покоя Господня“, при чемъ необходимость этого учрежденія объясняется тѣмъ, что „сила знатнѣйшихъ вельможъ въ Германіи столько увеличилась, что они во всякое время, изъ укрѣпленныхъ своихъ замковъ выбѣгая съ войскомъ, нечаянно безъ всякой причины нападали на сосѣдей своихъ и на проѣзжихъ по дорогамъ“ [3]). Кромѣ того въ разсказѣ о „великомъ междуцарствіи“ послѣ прекращенія династіи Гогенштауфеновъ упоминается о томъ, что „герцоги, графы, маркграфы, простые дворяне и многіе города содѣлались независимыми и присвоили себѣ всѣ права верховной власти“ [4]).

Въ обширной статьѣ, посвященной исторіи Франціи, [5]) вовсе не упоминается о феодализмѣ и „февдальномъ правѣ“, хотя и сообщается глухо, что при Карлѣ Толстомъ „отъ частыхъ возмущеній, жестокихъ набѣговъ норманцевъ и усиленія вельможъ королевская власть столько умалилась, что сильнѣйшіе правители областей явно принимали титулъ королей и, управляя самодержавно своими землями, препоручали ихъ своимъ потомкамъ“ [6]); кромѣ того, упоминается о борьбѣ Людовика VI съ „вассаллами“, о томъ что Іоаннъ Безземельный былъ „вассаллъ Франціи“, [7]) но нѣтъ указанія на то, что такое „вассаллъ“.

---

[1]) „По смерти Клодовея начались пагубныя въ его потомствѣ междоусобія... за малолѣтствомъ государей намѣстники областей тѣмъ болѣе имѣли случаевъ утверждать свою независимость и такимъ образомъ началось въ Германіи февдальное или помѣщичье право, по коему отецъ доставлялъ всегда наслѣдственно дѣтямъ своимъ ввѣренныя ему области. (Всем. Ист. ч. III, стр. 51).

[2]) Ibid. стр. 57—115.

[3]) Ibid. стр. 62.

[4]) Ibid. стр. 73—74.

[5]) Ibid. т. II стр. 287—363.

[6]) Ibid. стр, 304.

[7]) Ibid. стр. 311—314.

Не только такое сложное явленіе политическаго устройства, какъ феодализмъ, не могло быть усвоено при монографическомъ способѣ изложенія „Всемірной исторіи“, но даже о „крестныхъ“ походахъ невозможно составить ясное представленіе по тѣмъ бѣглымъ замѣчаніямъ объ отдѣльныхъ походахъ, которыя разбросаны по всѣмъ тремъ томамъ учебника [1]). Далѣе, при монографическомъ способѣ изложенія часто приходится автору „Всемірной исторіи“ повторять разсказъ объ одномъ и томъ же въ разныхъ статьяхъ. Такъ, напримѣръ, подробный разсказъ о Карлѣ Великомъ имѣется и въ статьѣ, посвященной исторіи Франціи [2]), и въ очеркѣ исторіи Германіи [3]), разсказъ о Ѳермопильскомъ сраженіи приведенъ и въ статьѣ объ аѳинянахъ [4]) и въ статьѣ о „лакедемонской республикѣ“ [5]). Благодаря такимъ многочисленнымъ повтореніямъ, учебникъ такъ разросся, что занимаетъ въ трехъ частяхъ 1085 страницъ.

Учебникъ „Всемірная исторія“ получилъ большіе размѣры не только отъ того, что въ немъ часто повторяется разсказъ объ одномъ и томъ же событіи, но также вслѣдствіе изобилія совершенно излишнихъ въ учебникѣ подробностей, вслѣдствіе увлеченія автора описаніемъ безчисленныхъ войнъ, вслѣдствіе перечисленія всѣхъ государей той или другой страны, при чемъ очень часто учебникъ о многихъ лицахъ не сообщаетъ ничего кромѣ имени, которое одно не могло остаться въ памяти учащихся, такъ какъ съ нимъ не соединялось никакого представленія о какомъ нибудь достопамятномъ событіи [6]). Такое изобиліе подробностей и при томъ такихъ, при усвоеніи которыхъ работала только память, должно было дѣлать разучиваніе нѣкоторыхъ страницъ

---

[1]) Сравн. Ibid. ч. I, стр. 341, 343—344; ч. II, стр. 311—314, 316, 318; ч. III, стр. 69—70, 72, 179.

[2]) Ibid. ч. II, 299—301.

[3]) Ibid. ч. III стр. 53—55.

[4]) Ibid. ч. I стр. 140.

[5]) Ibid. стр. 166.

[6]) Напримѣръ, въ очеркѣ исторіи Даніи: „князь Готіи или нынѣшней южной Швеціи Ифавръ Видфаленей (780 г.) прославился своими завоеваніями и владѣлъ въ одно время и Даніей.... сіи земли также подвластны были преемникамъ его *Гаральду I*, *Зигварду I* и *Рагнару Лодброгу*, по смерти котораго дѣти его раздѣлили обширное сіе государство, такъ что *Зигвардъ* II получилъ Данію вмѣстѣ съ Готскими областьми *Шоніею*, *Галандомъ* и *Блекингіею*. Преемникъ Зигварда II *Гормонъ Гаммунъ* (850) Ютландію присовокупилъ къ Даніи. При сынѣ Гормоновомъ Гаральдѣ II датчане были столь сильны, что воевали съ Англіею и Франціею и покорили себѣ Нормандію“. Далѣе слѣдуютъ столь же нужные для русскаго школьника Свено I, Канутъ II, Свенъ, Гаральдъ, Канутъ III, Магнусъ, Свенъ Эстрадзонъ, Канутъ IV, Олавъ II, Ерикъ I, Николай, Свено III, Вальдемаръ I, Вальдемаръ II, Христоферъ II, Вальдемаръ III, Аттердагъ, Олавъ IV, и такъ далѣе до Христіана VII (1790) включительно; о дѣятельности многихъ изъ этого безконечнаго ряда государей сообщается не болѣе 2—3 строкъ. (Всеобщая истор. ч. II изд. 1806 г. стр. 82—129).

учебника весьма труднымъ, а удержать надолго въ памяти разученное врядъ ли было возможно. Правда, современному педагогу особенно страннымъ кажется изобиліе подробностей и мелочей въ статьяхъ, посвященныхъ исторіи второстепенныхъ и даже еще менѣе важныхъ государствъ; но и въ капитальныхъ статьяхъ, напримѣръ, въ очеркахъ исторіи Германіи, Франціи и Англіи авторъ не всегда умѣетъ освободить изложеніе отъ излишняго балласта, старается дать подробный разсказъ о дѣятельности лицъ, о которыхъ самъ же утверждаетъ, что они ничего замѣчательнаго не совершили [1]) и заполняетъ цѣлыя страницы одними никому непужными именами и годами [2]).

Такимъ образомъ къ „Всемірной исторіи“, изданной въ концѣ XVIII в., вполнѣ подходитъ характеристика, сдѣланная для западно-европейскихъ учебниковъ исторіи въ XVII и въ XVIII в.: при отсутствіи дѣленія на періоды по внутреннимъ признакамъ, при отсутствіи какой либо руководящей идеи, въ изслѣдованіяхъ по исторіи отдѣльныхъ государствъ не встрѣчалось иной связующей мысли, кромѣ узко-національной, историческій разсказъ представлялъ груду непереваренныхъ мелочныхъ событій безъ всякаго выдѣленія важнаго и неважнаго [3]); надо, впрочемъ, замѣтить, что въ отдѣльныхъ статьяхъ „Всемірной исторіи“, посвященныхъ отдѣльнымъ народамъ, исторія каждаго народа дѣлится на періоды, нѣтъ только раздѣленія на періоды исторіи всего, вообще, культурнаго міра.

Вообще, авторъ „Всемірной исторіи“ отдаетъ безусловный перевѣсъ въ своемъ изложеніи прагматическому повѣствованію, хотя и не забываетъ культурной стороны, удѣляя ей, впрочемъ, сравнительно мало мѣста.

Посвятивъ, напримѣръ, семь страницъ [4]) царствованію Людовика XIV, авторъ останавливается преимущественно на внѣшней политикѣ

---

[1]) Въ очеркѣ исторіи Франціи Филиппу III Смѣлому дается такая характеристика: „не взирая на данное ему прозваніе, былъ слабъ, скупъ, легковѣренъ и никакимъ мужественнымъ дѣяніемъ не ознаменовалъ своего правленія“. Это не мѣшаетъ всетаки автору „Исторіи“ добросовѣстно разсказать о неважныхъ подвигахъ Филиппа III: о томъ какъ овъ перевезъ тѣло отца своего въ монастырь св. Діонисія, о томъ, какъ онъ самъ умеръ въ Перпиньянѣ (Ibid. стр. 319).

[2]) Такъ, напримѣръ, въ исторіи Франціи повѣствуется обо всѣхъ почти короляхъ франкскихъ и французскихъ; въ полное распоряженіе учениковъ IV класса русской школы предоставляются: Фарамондъ, Клодіонъ, Меровей, Хлодебальдъ, Клодовей I, Θеодорикъ I, Клодомиръ, Хильдебертъ, Клотаръ I, Клотаръ II Дагобертъ I, Клодовей II, Клотаръ III, Θеодорикъ III, Пипинъ Дебѣлый, Карлъ Мартелъ, Пипинъ Короткій, Карлманъ, Хильдерикъ III и т. д., хотя о весьма многихъ изъ нихъ ученикъ ничего кромѣ имени не узнаетъ.

[3]) Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли, т. I, М. 1897 г., стр. 64.

[4]) Всемірн. Истор. ч. II, изд. 1806 г. стр. 350—357.

этого короля, упоминаетъ обо всѣхъ почти его побѣдахъ и пораженіяхъ подробнѣйшимъ образомъ перечисляетъ всѣ территоріальныя пріобрѣтенія и потери [1]), а внутренней дѣятельности удѣляетъ менѣе двухъ страницъ, на которыхъ упоминаетъ о дѣятельности Кольбера и Лувуа и объ уничтоженіи „нантесскаго узаконенія“ со всѣми его вредными послѣдствіями, о проведеніи лангедокскаго канала, объ учрежденіи торговыхъ компаній, о дѣятельности академій и успѣхахъ литературы.

Свѣдѣнія о развитіи культуры того или другого народа нерѣдко излагаются во „Всемірной исторіи“ отдѣльными очерками, иногда же эти свѣдѣнія сообщаются въ перемежку съ данными прагматической исторіи.

Очерки культурной исторіи, къ сожалѣнію, настолько же отличаются сжатостью и краткостью, насколько прагматическая исторія отличается изобиліемъ подробностей. Въ очеркѣ развитія греческой культуры всѣ свѣдѣнія, касающіяся греческой философіи отъ Ѳалеса до Аристотеля включительно, умѣщаются на одной страничкѣ, при чемъ авторъ и здѣсь нерѣдко ограничивается сообщеніемъ одной номенклатуры; вотъ что сообщается, напримѣръ, о философскомъ ученіи Анаксагора: „ученикъ же Анаксименовъ Анаксагоръ превзошелъ въ наукахъ всѣхъ своихъ предшественниковъ“. Немногимъ больше свѣдѣній сообщаетъ „Всемірная Исторія“ объ ученіи Аристотеля, которому посвящены слѣдующія строки: „Отъ ученика Платонова Аристотеля сверхъ разныхъ философическихъ сочиненій сохранилось до нашихъ временъ десять книгъ преизящной его Зоологіи, кои сочинилъ онъ по повелѣнію Александра Великаго“ [2]).

Въ той главѣ очерка греческой культуры, которая посвящена „свободнымъ художествамъ“ [3]), упоминается о греческомъ „зодчествѣ“ и о живописи, о скульптурѣ же нѣтъ и упоминанія, хотя и есть указаніе на то, что „Фидій былъ не только искусный строитель, но также *ръщикъ*

---

[1]) „Нидерланды заключили съ Англіею и Швеціею тройный союзъ и принудили Людовика къ Ахенскому миру, уступивъ ему въ Нидерландахъ *Шарлероа*, *Атъ*, *Дуе*, *Лилль*, *Уденарде*, *Арментьеръ*, *Куртре*, и др. мѣста“. „Въ Нимвегенѣ король получилъ славный для себя миръ. Отъ Испаніи тогда пріобрѣлъ онъ *Валансіенн*, *Конде*, *Менен*ъ, *Камбре*, *Сентъ-Омеръ*, *Мобежъ*, *Шарлемонтъ* —и другія мѣста въ Нидерландахъ, такожъ весь *Франшконте* или графство Бургундское и цѣлое герцогство *Лотарингію*; отъ Германіи Фрейбургъ, разные имперскіе города въ *Алзаціи*“. (Всемірн. Исторія ч. II изд. 1806 г. стр. 352—353).

[2]) Всемірн. Истор. ч. I изд. 1804 г. стр. 204. Не сообщивъ ничего объ ученіи Анаксагора въ очеркѣ развитія греческой философіи, составитель „Всемірн. Исторіи“ призналъ все-таки нужнымъ изложить вкратцѣ ученіе этого философа въ подстрочномъ примѣчаніи къ другой статьѣ—характеристикѣ Перикла, между учителями котораго названъ и Анаксагоръ (ibid. стр. 148).

[3]) Ibid. стр. 208—209.

и живописецъ". Кромѣ этого упоминанія еще въ слѣдующихъ словахъ сообщаются свѣдѣнія о греческой скульптурѣ: „Александръ Великій выдалъ указъ, дабы никто не представлялъ его изъ мѣди кромѣ Лизиппа. Въ сіи же времена жилъ и Пракситель, одинъ изъ знатнѣйшихъ рѣщиковъ". Вотъ и все, что сообщено во „Всемірной исторіи" о греческой скульптурѣ.

Наличность свѣдѣній по культурной исторіи, хотя и не всегда въ достаточномъ количествѣ—одно изъ достоинствъ „Всемірной Исторіи"; благодаря этому свойству учебника, учитель исторіи при главномъ народномъ училищѣ имѣлъ возможность слѣдовать тому указанію объяснительной записки къ учебному плану [1]), согласно которому необходимо было при усвоеніи исторіи того или другого народа обращать вниманіе на „богослуженіе, законы, обычаи, нравы, науки, художества, торговлю и все то, что возводило или низвергало благосостояніе народовъ".

Немаловажнымъ достоинствомъ „Всемірной исторіи" слѣдуетъ считать то, что она въ достаточной степени объективна и весьма рѣдко приспособляетъ изложеніе къ какой-либо политической тенденціи. Высокая степень культуры грековъ объясняется тѣмъ, что „свобода грековъ, на здравомъ разумѣ основанная, рождала въ нихъ остроту и даръ изобрѣтенія, который, подкрѣпляемъ будучи снискиваемыми чрезъ торговлю богатствами, возводилъ на высшую степень совершенства науки" [2]). Англійская революція половины XVII вѣка объясняется такимъ образомъ: „за *излишнее* распространеніе королевской власти возродилось противъ Карла I великое въ народѣ негодованіе, умножавшееся особливо за то, что... подати на народъ налагаемы были безъ согласія парламента. Наконецъ, *насильное* введеніе въ Шотландію епископскаго церкви правленія произвело въ Шотландіи мятежъ, къ которому пристали и англичане" [3]).

Разсматривая причины паденія персидской монархіи, авторъ приводитъ между прочимъ и слѣдующую причину: „всѣ Персами покоренные народы не имѣли къ нимъ искренней приверженности, потому что Персы презирали богослуженіе ихъ и какъ въ ономъ, такъ и въ правленіи ихъ притѣсняли, Александръ же, вступая въ земли сіи, не токмо всѣ законы и обряды тѣхъ народовъ возстановилъ, но и самъ участвовалъ въ ихъ богослуженіи" [4]).

Составитель „Всемірной исторіи", повѣствуя о какомъ-нибудь событіи, имѣющемъ важное значеніе, старается по мѣрѣ возможности уяснить

---

[1]) Ibid. предисл. стр. 1.
[2]) Ibid. стр. 209—210.
[3]) Ibid. ч. II, изд. 1806 г. стр. 198.
[4]) Ibid. ч. I, изд. 1804 г. стр. 223.

причины событія и указать его слѣдствія [1]). Хотя далеко не всегда во „Всемірной исторіи“ вѣрно изъясняются причины событій, однако такой характеръ изложенія тоже слѣдуетъ признать однимъ изъ достоинствъ учебника; благодаря этому его качеству, учитель могъ заботиться не только о томъ, чтобы учащіеся запоминали факты, но также учились и разсуждать о нихъ: пользуясь „Всемірной исторіей“, учитель могъ согласно требованію объяснительной записки къ учебному плану исторіи „*паче всего* стараться руководствовать учениковъ своихъ къ тому, чтобы они *понимали*, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ“ [2]).

Учитель, преподававшій исторію въ главномъ народномъ училищѣ, долженъ былъ, согласно объяснительной запискѣ къ учебному плану, заботиться не только о томъ, чтобы преподаваніе исторіи будило мысль учащихся, но также содѣйствовало ихъ нравственному совершенствованію; учитель старался при всякомъ удобномъ случаѣ уяснить ученикамъ, „какъ истинная любовь и приверженность къ отечеству пособствовали благосостоянію согражданъ въ древнія и нынѣшнія времена“ [3]); вообще, вниманіе учащихся возможно чаще обращалось на „великія дѣла гражданъ, оказавшихъ истинную любовь къ своему отечеству“ [4]). Чтобы облегчить эту работу учителю, составитель „Всемірной Исторіи“ удѣляетъ на страницахъ этого учебника не мало мѣста характеристикѣ великихъ историческихъ дѣятелей. Такъ, послѣ разсказа о грекоперсидскихъ войнахъ помѣщены характеристики Ѳемистокла, Аристида и Кимона, за изложеніемъ событій Пелопонесской войны слѣдуютъ характеристики Перикла, Алкивіада и Сократа; глава объ установленіи въ Греціи македонской гегемоніи заканчивается характеристиками Хабрія, Ификрата и Фокіона; изложивъ событія исторіи Греціи и Македоніи до смерти Александра Великаго, авторъ „Всемірной Исторіи“ даетъ довольно подробную характеристику этого царя.

Характеристики выдающихся дѣятелей разбросаны по всѣмъ тремъ томамъ „Всемірной исторіи“ и, если авторъ съ особенной любовью останавливается на добродѣтельныхъ „ирояхъ“ [5]), то все-таки онъ не считаетъ возможнымъ скрывать отъ учащихся и отрицательныя стороны

---

[1]) Сравн., напр,, Всем. Ист. ч. I, изд. 1804 г. стр. 64—65 (причины паденія Карѳагена), 94 (причины паденія Персіи), 196—199 (причины благосостоянія и упадка греческихъ республикъ), 209 (причины, благопріятствовавшія развитію греческой образованности), 282—283 (слѣдствія войнъ римлянъ въ Италіи). 296 (причины 3-й пунической войны), 353,355 (причины благосостоянія римлянъ), 355—357 (причины упадка римлянъ) и т. д.

[2]) Ibid. предисл. стр. 1—3.

[3]) Ibid. стр. 4 (безъ пагинаціи)

[4]) Ibid стр. 1.

[5]) Сравн. характеристику Густава Адольфа (ibid. ч. II. изд. 1806 г. стр. 41).

прошлаго: нерѣдко на страницахъ „Всемірной Исторіи“ встрѣчаются характеристики и тѣхъ дѣятелей, дурныя качества которыхъ принесли вредъ ихъ отечеству.

Хотя принятый въ московскомъ главномъ народномъ училищѣ учебникъ всеобщей исторіи и былъ нелишенъ большихъ недостатковъ, хотя нѣкоторыя статьи его не только представляли большія трудности для усвоенія, но и вовсе были лишними въ элементарномъ руководствѣ, однако нельзя не признать, что тѣ статьи, которыя касаются народовъ, наиболѣе поработавшихъ для развитія культуры, составлены удовлетворительно [1]).

Полагаютъ [2]), что „Всемірная исторія“ составлена Янковичемъ де-Миріево и представляетъ собою передѣлку и *сокращеніе* „Всемірной Исторіи“ (Die Weltgeschichte für Kinder) извѣстнаго историка Іог. Мат. Шрекка, считавшейся въ свое время „классическимъ руководствомъ“ [3]) и вышедшей въ свѣтъ въ то именно время, когда въ Петербургѣ составляли учебный планъ по исторіи для главнаго народнаго училища и занимались сочиненіемъ подходящаго учебника по этому предмету [4]). Но сравненіе „Всемірной исторіи“ Янковича съ руководствомъ Шрекка показываетъ, во-первыхъ, что руководство Янковича даетъ гораздо больше фактическаго матеріала, чѣмъ „Weltgeschichte“ Шрекка; далѣе, у Шрекка не встрѣчаемъ того строго монографическаго способа изложенія, благодаря которому „Всемірная исторія“ Янковича является *всемірною* только по заглавію, а на самомъ дѣлѣ представляетъ собою сборникъ вполнѣ самостоятельныхъ, нисколько между собою не связанныхъ статей по исторіи того или другого народа, напротивъ, „Weltgeschichte“ Шрекка дѣйствительно представляетъ собою попытку дать исторію человѣческаго рода, раздѣленную на 12 періодовъ—6 до Р. Х. и 6 по Р. Х. Въ очеркъ каждаго періода входятъ отдѣлы, касающіеся исторіи того или другого народа за этотъ періодъ, а въ концѣ очерка приводятся общіе выводы, характеризующіе періодъ, указывающіе общія явленія, замѣченныя въ этотъ періодъ у *разныхъ* народовъ, составляющихъ *одно* человѣчество.

Шреккъ не принялъ еще только что установившейся во второй половинѣ XVIII вѣка доктрины историческаго прогресса и держался устарѣлой точки зрѣнія Делапопелиньера о неизмѣнности несовершенства

---

[1]) Вороновъ, Янковичъ де Миріево, стр. 128.

[2]) Ibid., стр. 127.

[3]) Таково мнѣніе объ этой книгѣ, приведенное въ предисловіи къ изданію 1819 г. переводчикомъ ея Константиновымъ.

[4]) „Die Weltgeschichte für Kinder“ Шрекка напечатана въ Лейпцигѣ въ 1779—1784 гг., а Всемірн. Ист., изданная комиссіею о нар. училищахъ, печаталась въ концѣ 1786 г. (сравн. Сопикова, Опытъ россійской библіографіи ч. III, стр. 209; Воронова, Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де Миріево, стр. 136).

людей, но изложеніе его „Всемірной Исторіи“ согласовано съ схемой единства всемірно-историческаго процесса, и въ этомъ, вѣроятно, наши педагоги конца XVIII вѣка и начала XIX вѣка видѣли превосходство этого учебника надъ руководствомъ Янковича [1]); употребляя это руководство въ качествѣ учебника по требованію Устава училищъ [2]), учители пользовались, кажется [3]), книгою Шрекка, какъ пособіемъ.

Преподаваніе *русской* исторіи согласно учебному плану, представленному императрицѣ Екатеринѣ II Комиссіею объ учрежденіи училищъ [4]), должно было въ гораздо большей степени, чѣмъ преподаваніе всеобщей исторіи стремиться къ достиженію нравоучительныхъ цѣлей; „всякое важное происшествіе“, читаемъ мы въ учебномъ планѣ русской исторіи: „или дѣла описывать такимъ образомъ, дабы оно служило или въ поощреніе или въ предосторожность людямъ нынѣшнихъ и будущихъ временъ“. Эта тенденія имѣла довольно значительное вліяніе на подборъ фактовъ, входившихъ въ курсъ главнаго народнаго училища по русской исторіи. Далѣе, на содержаніе курса имѣло вліяніе и то, что при преподаваніи русской исторіи имѣлось въ виду обратить особенное вниманіе на культурную сторону. Такъ, согласно учебному плану главнаго народнаго училища по русской исторіи, „при сей исторіи принадлежитъ на-

[1]) Несмотря на то, что для главныхъ народныхъ училищъ было обязательно употребленіе учебника „Всемірной исторіи“, изданнаго Комиссіей объ училищахъ (Уставъ, ст. 33), на учебникъ Шрекка былъ у насъ такой спросъ, что съ 1787 г. по 1819 потребовалось не менѣе четырехъ изданій перевода этой книги; по крайней мѣрѣ, четыре изданія этой книги за указанный періодъ намъ извѣстны, а именно 1787 г. СПБ. (см. гр. Толстой, Городскія Училища стр. 67), 1799 г. Владиміръ, 1814—1815 Москва, 1819—1820 СПБ. Дѣленіе исторіи на періоды по внутреннимъ признакамъ признается достоинствомъ историческаго изложенія Шрекка не только нашею критикою конца XVIII и начала XIX в., но и болѣе требовательною ученою германскою критикою второй половины XIX в. сравн. Baur, Die Epochen der Kirchlichen Geschichtschreibung. s. 157).

[2]) Уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи, уложенный въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ Санкт—Петербургѣ 1786 г. стр. 18, ст. 33, стр. 7 и 8, ст. 7 и 9.

[3]) Дѣлаемъ такое предположеніе, только основываясь на томъ весьма значительномъ распространеніи, которое имѣла книга Шрекка, расходившаяся въ такомъ же числѣ изданій, какъ и изданная Комиссіей объ учрежденіи училищъ „Всемірная исторія“, употребленіе которой въ училищахъ было *обязательно*. Авторъ „Исторіи русской педагогіи“, г. Демковъ полагаетъ даже, (Ист. русск. пед. II, 408), что введенная въ 1787 г. въ главныхъ народныхъ училищахъ „Всемірная исторія“ была „скоро замѣнена исторіей Шрекка“, но это мнѣніе г. Демкова ничѣмъ не обосновано.

[4]) Этотъ „Планъ къ сочиненію россійской исторіи для народныхъ училищъ въ Россійской имперіи“ напечатанъ А. В. Старчевскимъ въ „Матеріалахъ сѣверной исторіи“ въ статьѣ: „Очеркъ исторической дѣятельности въ Россіи до Карамзина“ стр. 236—241. По мнѣнію проф. В. С. Иконникова (Опытъ русской историографіи, т. I, кн. I, стр. 125) сама Императрица была авторомъ этого „Плана“.

блюдать, почему получили Россіяне образованіе толь поздо и какимъ образомъ оное толь скоро распространилось? какъ становилась населяемая Россіянами страна лучше и отъ какихъ причинъ хуже? Когда какая въ Россіи была вѣра, правленіе, нравы и упражненія, какія во всемъ томъ были послѣ перемѣны и отъ чего? Какія были учрежденія для заведенія чужестранныхъ произведеній и для распространенія вѣры, наукъ, купечества, военнаго искусства и установленій въ пользу человѣчества? Какъ и когда произошли фабрики и манифактуры, что изобрѣтено въ Россіи по художествамъ и исторіи естественной и какъ обстоятъ вообще промыслы? Были ли какіе люди памяти достойные и въ какомъ родѣ? относительно ли только къ пользѣ Россіи или другихъ народовъ“ [1]).

Обширную программу культурной исторіи Россіи, выработанную для главныхъ народныхъ училищъ Комиссіею объ учрежденіи училищъ, очень трудно было осуществить въ учебникѣ при тогдашней разработкѣ русской исторіи [2]) и это, вѣроятно, было одною изъ причинъ того, что училищамъ пришлось очень долго ждать, пока для нихъ былъ составленъ учебникъ русской исторіи, а промедленіе въ составленіи учебника въ свою очередь не могло не отразиться на его содержаніи: цензурныя условія того времени, когда составлялась программа будущаго учебника (средина царствованія Екатерины II) и того времени когда было приступлено къ его печатанію (вторая половина царствованія императора Павла), были совершенно различныя и если не пришлось вполнѣ отказаться отъ широкаго плана преподаванія, одобреннаго великою Schulmeisterin [3]), то, во всякомъ случаѣ, неизбѣжны оказались „нѣкоторыя отъ этого плана отступленія“ [4]), а отвѣты на многіе вопросы, поставленные программою, оказались вовсе не такими, какими они были бы, если бы учебникъ былъ напечатанъ не въ 1799 г., а въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII в.

Такъ какъ составленіе и изданіе учебника русской исторіи затянулось на многіе годы, то преподаваніе русской исторіи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ довольно значительный періодъ его существованія было поставлено въ условія менѣе благопріятныя, чѣмъ преподаваніе исторіи всеобщей. Если всеобщую исторію пришлось учителю Московскаго главнаго народнаго училища П. М. Дружинину

---

[1]) Матер. сѣв. ист. стр. 240—241.

[2]) Сравн. Милюкова, Главныя теченія русск. истор. мысли, т. I, стр. 104. „направленіе изученія преимущественно на внѣшнюю исторію“.

[3]) Такъ называетъ имп. Екатерину II опытный въ школьномъ дѣлѣ баронъ Дальбергъ. (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 33, стр. 68); а баронъ Гриммъ называетъ ее „auguste maitresse d'école“ (ibid. стр. 30).

[4]) Матеріалы сѣв. исторіи, стр. 236.

только одинъ годъ преподавать безъ печатнаго руководства по „письменнымъ своимъ тетрадямъ“ [1]), которыя были имъ составлены во время слушанія лекцій исторіи въ Петербургской учительской гимназіи, то при преподаваніи русской исторіи приходилось держаться такого крайне неудобнаго для учениковъ способа преподаванія цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ.

Дѣло въ томъ, что учебникъ русской исторіи для главныхъ народныхъ училищъ „Краткая россійская исторія“ [2]) вышелъ въ свѣтъ только въ 1799 г., а согласно уставу училищъ [3]) и указаніямъ Комиссіи объ учрежденіи училищъ [4]) до выхода въ свѣтъ приготовлявшагося къ печати учебника русской исторіи преподаваніе должно было вестись по письменнымъ тетрадямъ учителя, а не по учебникамъ, существовавшимъ ранѣе и изданнымъ помимо Комиссіи объ учрежденіи училищъ.

Впрочемъ, большая часть этихъ учебниковъ таковы, что извѣстный ученый Шлецеръ, не колеблясь, называетъ изданную Комиссіею объ учрежденіи училищъ „Краткую россійскую исторію“ *первымъ* пригоднымъ для употребленія, сноснымъ руководствомъ русской исторіи [5]), такъ какъ напечатанный еще въ 1674 году Иннокентіемъ Гизелемъ „Синопсисъ“, по мнѣнію Шлецера, ниже всякой критики [6]), хотя 80 слишкомъ лѣтъ былъ единственною учебною книгою отечественной исторіи [7]), пока на смѣну этому „уродливому, глупому и несносному [8]) Синопсису“ не явился составленный Ломоносовымъ „Лѣтописецъ“ [9]), который, по мнѣнію

---

[1]) Третій классъ Московскаго главнаго народнаго училища былъ открытъ 22 сентября 1786 г. (Архивъ Министерства Народ. Просв. карт. 308, дѣло № 37063), а первое изданіе I части „Всемірной исторіи“ вышло въ свѣтъ въ 1787 г. Это запозданіе было предусмотрѣно Комиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ и ея предсѣдатель П. В. Завадовскій 14 августа 1786 г. писалъ попечителю Московскаго главнаго народнаго училища П. Д. Еропкину, что учебныя книги по географіи и исторіи „еще въ печати находятся и будутъ въ Московское училище доставлены, коль скоро тисненіемъ закончатся, между тѣмъ не должно оно остановлять ученія, поелику учители могутъ между симъ временемъ учить симъ наукамъ по письменнымъ своимъ тетрадямъ (Ibid. карт. 1281, дѣло № 38518).

[2]) Приводимъ полное заглавіе книги: „Краткая россійская исторія, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской имперіи. Въ Санктпетербургѣ. Печатано у содержателя типографіи Комиссіи объ учрежденіи училищъ Ѳ. Брункова 1799.

[3]) Уставъ, ст. 33.

[4]) См. выше примѣч. 1. на этой же страницѣ.

[5]) Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Russland, Göttinen 1802, Vorbericht S. XI, „allererste, brauchbare, erträgliche Handbuch russischer Geschichte“

[6]) „tief unter jeder Kritik“—ibid.

[7]) Шлецеръ, Несторъ, ч. I, пер. Языкова, СПБ. 1809, стр. рл҃з.

[8]) Ibid. рл҃іє, рл҃із.

[9]) Полное заглавіе: „Краткой Россійской Лѣтописецъ съ родословіемъ сочиненіе Михаила Ломоносова, СПБ. 1760. При Имп. Акад. Наукъ, стр. X+75. 8⁰. Этотъ учебникъ русской исторіи, доведенный до смерти Петра I, г. Демковъ

Шлецера, тоже не руководство, а какой то скелетъ изъ именъ и годовъ [1]), тогда какъ „Краткая россійская исторія“ стоитъ уже на уровнѣ современной ей науки, потому что авторъ этой книги не ограничивается біографіей государей и разсказами о военныхъ событіяхъ и перемѣнахъ въ государственномъ устройствѣ, но тщательно изслѣдуетъ культуру и и вообще мирныя перемѣны внутри государства [2]).

Утвержденіе Шлецера, что до выхода въ свѣтъ „Краткой россійской исторіи“ было только два и то непригодныхъ учебника, неточно и даже невѣрно: не говоря уже о краткомъ учебникѣ самого Шлецера [3]), о которомъ онъ умолчалъ изъ скромности [4]) и который, не смотря на свою краткость, имѣлъ очень важное значеніе, какъ образецъ для авторовъ слѣдующихъ, вполнѣ уже научно составленныхъ учебниковъ, намъ извѣстно кромѣ Синопсиса и Ломоносовскаго „Лѣтописца“ еще четыре *учебника* русской исторіи [5]), вышедшихъ въ свѣтъ до 1799 г.; одинъ

смѣшиваетъ (Ист. русск. педагогіи ч. II, стр. 408) съ другимъ сочиненіемъ Ломоносова, напечатаннымъ уже послѣ его смерти, съ „Древнею Россійскою исторіей“, доведенной только до 1054 г.

[1]) „Kein Handbuch sondern ein Skelet von Namen und Jahrzalen (ibid). Не всегда такъ отзывался Шлецеръ объ учебникѣ Ломоносова; въ Несторѣ (ч. I, пер. Языкова, стр. р҃из) находится слѣдующій отзывъ о Краткомъ Россійскомъ Лѣтописцѣ: „это довольно сносное руководство къ Русской исторіи“, и этотъ отзывъ гораздо вѣрнѣе.

[2]) Spürt geflissentlich der Cultur und andern inneren stillen Revolutionen nach (Handbuch, Vorbericht S. XII).

[3]) Изображеніе Россійскія исторіи, сочиненное г. Шлецеромъ, перевелъ Николай Назимовъ. Въ Санктпетербургѣ. 15 стр. (безъ указанія года; напечатана около 1769 г. черезъ девять лѣтъ послѣ напечатанія Ломоносовскаго учебника, сравн. Шлецера. Несторъ, пер. Языкова, ч. I, стр. р҃ик).

[4]) Въ другомъ своемъ сочиненіи Шлецеръ такъ отзывается объ этомъ своемъ учебникѣ: „не сказалъ бы я ни слова о своей „Tableau de l'histoire de Russie“, изданной въ 1769 г., если бы она не переведена была... два раза на русскій языкъ (Несторъ, ibid).

[5]) *Краткая* Московская лѣтопись, сочиненіе Александра Сумарокова. СПБ. 1774, стр. 24; *Дѣтская* Россійская исторія, изданная въ пользу обучающагося юношества, Смоленскъ, въ типографіи Приказа Общественнаго Призрѣнія 1797 г.; *Новый Синопсисъ* или краткое описаніе о происхожденіи славено-россійскаго владычествованія всероссійскихъ государей до вступленія на престолъ Петра Великаго, Петра Захарьина, Николаевъ, 1798 г., 8⁰, стр. 339. *Лѣтосчислительное* изображеніе Россійской исторіи, иждивеніемъ и трудами Ильи Яковкина, въ Санктпетербургѣ при Импер. Академіи Наукъ, 1798 г., стр. 42; о книгѣ Яковкина Шлецеръ упоминаетъ довольно пренебрежительно въ другомъ своемъ сочиненіи (см. Несторъ, ч. стр, 387); Объ „*Ядрѣ Россійской исторіи*“, сочиненномъ въ пользу Россійскаго юношества“ и изданномъ въ 1770 году, Шлецеръ упоминаетъ (Несторъ р҃ѯє), но, очевидно, не считаетъ этой книги учебникомъ, съ чѣмъ, впрочемъ, несогласенъ П. Н. Милюковъ (Главныя теченія русск. истор. мысли, т. I, стр. 8); книги Эмина (1767 г., 3 т.) и Нехачина (1795 г., 2 ст.) ни въ какомъ случаѣ учебниками признаны быть не могутъ.

изъ этихъ учебниковъ „Дѣтская россійская исторія“ безусловно превосходитъ „Краткую россійскую исторію“, что, впрочемъ, не имѣло значенія для Московскаго главнаго народнаго училища, начальство котораго строго придерживалось статьи устава, разрѣшавшей употреблять только тѣ учебники, которые были изданы Комиссіей [1]).

Для составленія своей книжки авторъ „Краткой россійской исторіи“ воспользовался, по мнѣнію Шлецера, многими неизданными рукописными источниками, изъ которыхъ извлекъ особенно для исторіи монгольскаго періода много данныхъ, совершенно неизвѣстныхъ ученѣйщимъ изъ историковъ; принятое въ этомъ учебникѣ дѣленіе исторіи Россіи на періоды Шлецеръ признаетъ естественнымъ, изложеніе краткимъ и въ то же время удобопонятнымъ и яснымъ. „Пользуясь этимъ руководствомъ“, продолжаетъ Шлецеръ: „даже читатель, не обладающій спеціальною историческою подготовкою, безъ особеннаго усилія составитъ себѣ отчетливое представленіе о постепенномъ развитіи этой достойной удивленія державы отъ перваго возникновенія до нашихъ дней; онъ увидитъ, какимъ маленькимъ, какъ и все великое въ природѣ, началось это государство и какъ быстро оно выросло, какъ неоднократно ужасныя бури угрожали этому государству совершенною гибелью, какъ одна изъ этихъ невзгодъ длилась цѣлыя столѣтія и какъ тѣмъ не менѣе народность уцѣлѣла, возрождалась каждый разъ съ неослабною мощью и, наконецъ, распространила свои исполинскія длани во всѣ стороны“ [2]).

Признавая за изданнымъ Комиссіею о народныхъ училищахъ учебникомъ русской исторіи извѣстныя достоинства, Шлецеръ указываетъ нѣкоторые недостатки, которыхъ, по его мнѣнію, можно было избѣгнуть даже и при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находился въ концѣ XVIII в. составитель учебника русской исторіи, еще весьма мало разработанной къ тому времени учеными.

Недостатки книги, по мнѣнію Шлецера, состоятъ въ томъ, между прочимъ, что въ ней значительное число фактическихъ ошибокъ; далѣе, въ томъ, что читателю этой книги весьма неясно родство упоминаемыхъ въ ней многочисленныхъ князей, споривщихъ изъ-за княжескихъ престоловъ въ долгій періодъ времени съ 1100 г. до утвержденія преобладанія Московскихъ князей и что поэтому слѣдовало бы приложить къ книгѣ родословную таблицу, наконецъ, самое содержаніе книги чрезчуръ сжато и бѣдно и могло бы быть пополнено множествомъ вкратцѣ

---

[1]) Уставъ, ст. 33, 3, 5, 7, 9. Не всѣ главныя народныя училища строго слѣдовали этимъ статьямъ Устава; такъ въ Петербургскомъ и Орловскомъ главныхъ народныхъ училищахъ было введено руководство Ильи Яковкина (Объ этомъ см. въ приложеніи къ книгѣ Яковкина).

[2]) Handbuch, Vorbericht S. XII.

изложенныхъ, но весьма поучительныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ лѣтописей, причемъ содержаніе книги не вышло бы изъ рамокъ, обязательныхъ для учебника; особенно кратко, блѣдно и слишкомъ по лѣтописному изложены такія замѣчательныя эпохи русской исторіи, какъ время великаго Мужа (Петра I) и великой Жены (Екатерины II). Наконецъ, ученый критикъ ставитъ въ вину автору „Краткой россійской исторіи“ и то, что онъ совершенно упускаетъ изъ виду извѣстія иностранныхъ писателей о тѣхъ или другихъ событіяхъ русской исторіи и придерживается въ изложеніи только русскихъ лѣтописей, которыя, какъ и лѣтописи всѣхъ другихъ народовъ, часто сообщаютъ свѣдѣнія недостаточныя и, что еще хуже, невѣрныя и пристрастныя [1]).

Шлецеръ относится, какъ кажется, слишкомъ снисходительно къ автору „Краткой россійской исторіи“, обвиняя его только въ томъ, что онъ является слишкомъ точнымъ передатчикомъ пристрастныхъ показаній лѣтописца; авторъ повиненъ еще и въ томъ, что иногда выбираетъ изъ пособій свѣдѣнія и группируетъ ихъ съ опредѣленною тенденціей и такимъ образомъ своею книгою начинаетъ ту довольно длинную серію учебниковъ отечественной исторіи, которая только недавно была у насъ осуждена высшею педагогическою инстанціею [2]). Такъ, авторъ „Краткой россійской исторіи“, забылъ, что еще въ 1793 г. Болтинъ установилъ [3]) невозможность признавать самодержавною власть *первыхъ* русскихъ князей, и, признавъ Владиміра св. „всея Россіи самодержцемъ„ [4]), принялъ участіе во томъ, начавшемся во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII в. движеніи русской исторической литературы, которое Шлецеръ подмѣтилъ и назвалъ „раковымъ ходомъ“ [5]).

Та же причина, которая заставила весьма ученаго чиновнаго автора [6]) „Краткой россійской исторіи“ вернуться въ вопросѣ о началѣ самодер-

---

[1]) Ibid. s. XIV—XV.

[2]) „Необходимо, однако, помнить, что высокая воспитательная цѣль историческаго преподаванія не должна и не можетъ достигаться иначе, какъ путемъ *правдиваго* ознакомленія дѣтей съ событіями и образами прошлаго. Отрѣшенныя отъ исторической *дѣйствительности* назидательныя рѣчи преподавателя, внося въ дѣло нежелательную и вредную фальшь, извратили бы доброе воспитательное средство и повели бы къ прямому педагогическому злу (Объяснительная записка къ программѣ курса исторіи I и II класса; Сравн. С. В. Рождественскаго, Истор. Обзоръ дѣят. Мин. Нар. Пр. стр. 717).

[3]) Критическія примѣчанія на 1 томъ исторіи князя Щербатова, СПБ. 1793 г. стр. 176: „по обстоятельствамъ можно заключить, что власти самодержавныя симъ князьямъ не дано“.

[4]) Кратк. россійск. исторія, стр. 22.

[5]) Несторъ, пер. Языкова, т. I, стр. ρĉr.

[6]) Сравн. предположеніе Шлецера: vielleicht, der erst kürzlich vertsorbene Stats-Rat-Stritter (Handbuch, Vorbericht, S. XII. Сравн, Воронова, Янковичъ-де-Миріево, стр. 122).

жавія на Руси къ модернизму „Синописса“ [1]), помѣшала ему при выполненіи въ 1799 г. программы, утвержденной еще императрицей Екатериной II, сообщить въ статьяхъ „состояніе Россіи и народа“ (въ II періодѣ 862—1224 г.) и „образъ правленія“ (въ III періодѣ 1224—1462) [2]) какія бы то ни было свѣдѣнія о *вѣчѣ* и вѣчевомъ правленіи. Слово вѣче упоминается въ „Краткой россійской исторіи“ только одинъ разъ и въ такомъ контекстѣ, что читатель могъ себѣ составить довольно своеобразное представленіе о вѣчевомъ правленіи, — приводимъ это мѣсто: „за жестокость и наглость, съ каковою новгородскіе бояра угнетали, грабили и даже до смерти бивали бѣдныхъ и слабыхъ гражданъ, а особливо, что нѣкоторые изъ нихъ помышляли поддаться польской державѣ, великій князь, окруживъ въ 1477 г. Новгородъ войскомъ и уничтоживъ *вечу* или правленіе *ихъ*, приказалъ отвезти вечевой ихъ колоколъ въ Москву и отнялъ у нихъ всѣ преимущества, которыя они по сю пору злоупотребляли ко внутреннему ихъ возмущенію и безпорядку, а чтобъ еще болѣе утвердить тишину и благосостояніе въ городѣ, разослалъ тамошнихъ бояръ и нѣсколько тысячъ другихъ жителей по разнымъ городамъ Россіи, а вмѣсто ихъ поселилъ тамъ изъ другихъ мѣстъ“ [3]).

Ломоносовскій „Краткій лѣтописецъ“, поставленный Шлецеромъ неизмѣримо ниже „Краткой россійской исторіи“, не стѣсняясь нисколько, сообщаетъ ученикамъ, что Иванъ Васильевичъ „Марфу посадницу, поймавъ, отвезъ въ Москву и вечевой или зборный колоколъ, снявъ, поставилъ въ Москвѣ и *республику* новгородскую, уничтоживъ, привелъ подъ свое самодержавство“ [4]). Но что говорить о Ломоносовѣ, напечатавшемъ свой „Лѣтописецъ“ еще въ 1760 г. съ стихотворнымъ посвященіемъ *пятилѣтнему великому князю* Павлу Петровичу! Даже скромный провинціалъ, авторъ „Дѣтской россійской исторіи“, напечатанной уже въ 1797 г., правда, „въ *первые* дни правленія“ [5]) *императора* Павла Петровича, счелъ возможнымъ сообщить о новгородскомъ правленіи слѣдующее: „Весьма важно для сего государя (Ивана III) покореніе новгородскаго владѣнія, которое тогда составляло нѣкоторый родъ *республиканскаго правленія*... Они (новгородцы) въ разсужденіи правъ и расположеній слѣдовали ганзейскимъ городамъ, имѣли собственные магистраты, надъ коими поручали верховную власть намѣстникамъ великихъ

---

[1]) „Великій князь кіевскій и всея Россіи Самодержецъ Свѣтославъ Игоревича (Синописъ, изд. 1774 г., стр. 38); великій князь Владиміръ Свѣтославичъ нача писатися царемъ и великимъ княземъ и Самодержцемъ Россійскимъ (ibid. стр, 43).

[2]) Кратк. Россійск. Исторія, стр. 57—59, 102—105.

[3]) Краткая Россійская Исторія, стр. 117.

[4]) Краткій Россійскій Лѣтописецъ, стр. 26.

[5]) Дѣтская Россійская Исторія, стр. 191.

князей, но только весьма ограниченно. Когда Иванъ Васильевичъ послѣ вступленія своего на престолъ... покорилъ нѣкоторыя земли, то Новгородцы, опасаясь силы сего Государя и не будучи въ состояніи сами противиться, вознамѣрились было искать покровительства своей *вольности* у польскаго короля“ [1]).

Еще болѣе грѣшитъ противъ строгой объективности и даже впадаетъ въ нѣкоторый лиризмъ авторъ „Краткой россійской исторіи“ въ слѣдующемъ отзывѣ объ Іоаннѣ IV: „Іоаннъ былъ строгъ и вспыльчивъ, что и подало причину къ названію его Грознымъ, но при томъ *справедливъ*, *храбръ*, въ награжденіяхъ щедръ и особенно старателенъ о просвѣщеніи и благоденствіи Россіи“ [2]). Само собою разумѣется, что ни о Малютѣ Скуратовѣ, ни о судьбѣ митрополита Филиппа въ этомъ учебникѣ не упоминается. Гораздо болѣе педагогично поступилъ въ данномъ случаѣ Сумароковъ; не считая возможнымъ въ своемъ учебникѣ русской исторіи (СПБ. 1774 г.) говорить правду объ Іоаннѣ IV, онъ не замѣнилъ ее панегирикомъ, а написалъ слѣдующее: „онъ называется Грознымъ, но я все то *прехожу молчаніемъ* и ради того не упоминаю ни объ усмиреніи новгородцевъ, ни ливонцевъ“. Написавъ это, Сумароковъ все-таки прибавилъ: „при немъ пострадалъ митрополитъ Филиппъ“ [3]).

Такимъ образомъ изданный Комиссіею объ учрежденіи училищъ учебникъ всеобщей исторіи, отличающійся, какъ было выше указано, полною объективностью, превосходитъ въ этомъ отношеніи „Краткую россійскую исторію“, которая тѣмъ не менѣе педагогами конца XVIII и начала XIX в., безъ сомнѣнія, цѣнилась выше, такъ какъ въ ней болѣе тщательно проведено дѣленіе на періоды [4]), хотя, по мнѣнію Шлецера, и не всегда удачное [5]). Нельзя, впрочемъ, не признать и того, что по

---

[1]) Ibid. стр, 79, 81—82.

[2]) Кратк. Росс. ист. стр 130.

[3]) Краткая Московская лѣтопись стр. 14.

[4]) Сравн. Московское Училище Ордена Св. Екатерины, изд. подъ редакціей В. А. Вагнера, стр. 258: „отсутствіе дѣленія на періоды..... считали главнымъ недостаткомъ учебника исторіи“.

[5]) Принятое первоначально въ учебномъ планѣ главныхъ народныхъ училищъ дѣленіе русской исторіи на періоды (Матеріалы Сѣверной исторіи, стр. 237—238) въ сущности заимствовано у самого Шлецера (изъ его „Изображенія Россійскія исторіи“, стр, 10), при чемъ въ предложенномъ Шлецеромъ дѣленіи сдѣланы нѣкоторыя незначительныя измѣненія.

Такъ, Шлецеръ первый періодъ русской исторіи начинаетъ съ 862 года, авторъ же учебнаго плана начинаетъ съ этого года второй періодъ, считая за первый періодъ „древнее состояніе Россіи по 862 г.“; далѣе, границы періодовъ Шлецера и учебнаго плана вполнѣ совпадаютъ, только предпослѣдній періодъ Шлецера, уменьшенный на 43 года, разбитъ на два періода, а послѣдній Шлеце-

размѣрамъ своимъ и отчасти по изложенію „Краткая россійская исторія“ была болѣе подходящимъ учебникомъ для главнаго народнаго училища, чѣмъ „Всемірная исторія“. Въ „Краткой россійской исторіи“ всего 191 страница и *большая часть* этого учебника при четырехъ недѣльныхъ урокахъ пятилѣтняго курса училища могла быть вполнѣ отчетливо усвоена учениками.

Въ данномъ случаѣ приходится говорить объ отчетливомъ усвоеніи только части учебника, правда, большей, потому что авторъ „Краткой россійской исторіи“ не считалъ возможнымъ вполнѣ отказаться отъ того способа изложенія, благодаря которому очень многія страницы „Всемірной исторіи“ представляютъ собою одни имена и годы. Въ „Краткой россійской исторіи“ дается разсказъ обо всѣхъ безъ исключенія великихъ князьяхъ, начиная съ Рюрика, хотя нѣкоторые изъ нихъ не совершили ровно ничего достопримѣчательнаго; кромѣ великихъ князей упо-

---

ровскій періодъ начать на 43 года раньше, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія.

Періоды у Шлецера (1769 г.)	Періоды въ учебн. планѣ (около 1783 г.) отъ древн. временъ до 862 г.
862—1015	862—1015
1015—1216	1015—1224
1216—1462	1224—1462
1462—1725	1462—1613
1725—1769	1613—1682
	1682—1762

При осуществленіи учебнаго плана въ учебникѣ „Краткая россійская исторія“ рѣшили вернуться къ Шлецеровскому числу періодовъ (5), при чемъ совсѣмъ исказили его дѣленіе, соединивъ 2-й періодъ съ третьимъ и шестой съ седьмымъ, такъ что получилось такое распредѣленіе.

Періоды Шлецера.	Періоды кратк. россійск. исторіи: древнее состояніе Россіи по 862 г.
862—1015	
1015—1216	862—1224
1216—1462	1224—1462
1462—1725	1462—1613
1725—1769	1613—1797

Шлецеръ призналъ (Handbuch. Vorbericht стр. XIV—XVIII) основательность одной изъ перемѣнъ въ его дѣленіяхъ, допущенныхъ въ учебномъ планѣ, а именно согласился, что періодъ, начинающійся съ 1462 г. слѣдуетъ закончить не 1725, а 1613 г., но рѣшительно осудилъ соединеніе 1-го изъ установленныхъ имъ періодовъ со вторымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, съ кончины Ярослава въ 1054 г. начался новый, правда не особенно хорошій порядокъ и поэтому время съ 862 по 1236 г., должно быть раздѣлено на 2 періода 862—1054 и 1054—1236. Кромѣ того Шлецеръ никакъ не можетъ признать за первый періодъ исторіи *Россіи* періодъ отъ древнихъ временъ до Рюрика, онъ называетъ это время Vorgeschichte.

минается еще большое число князей младшихъ. Поэтому страницы, посвященныя исторіи II-го (удѣльнаго періода) и III-го періода (до возвышенія Москвы) часто пестрѣютъ массою именъ, запоминать которыя было бы для учениковъ не только совершенно безполезно, но и весьма трудно, такъ какъ многія изъ этихъ именъ не вызывали въ умѣ учащихся никакихъ конкретныхъ представленій [1]). Есть основаніе полагать, что въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ большая часть этого балласта опускалась при разучиваніи учебника [2]).

Такое множество именъ дѣлало очень труднымъ усвоеніе всей вообще первой трети учебника, хотя нѣкоторыя отдѣльныя статьи этой части учебника изложены ясно, толково, безъ излишнихъ подробностей [3]). Разсказъ о событіяхъ со времени утвержденія власти московскихъ князей страдаетъ не отъ подавляющей массы именъ, а отъ излишней краткости и того недостатка, который Шлецеръ характеризуетъ словомъ chronikenmässig; такъ, начавъ въ статьѣ о Петрѣ Великомъ повѣствованіе о великой сѣверной войнѣ, авторъ прерываетъ разсказъ о войнѣ подъ 1714 годомъ, чтобы разсказать объ учрежденіи ордена Св. Екатерины и объ изданіи воинскаго сухопутнаго Устава, подъ 1718 г., чтобы разсказать о приступѣ къ прорытію Ладожскаго канала, объ учрежденіи коллегій, объ изданіи Морского Устава и учрежденіи Святѣйшаго Сѵнода;

---

[1]) Таковы, напримѣръ, Владиміръ III, Вячеславъ, Ростиславъ, Изяславъ III, о которыхъ сообщается слѣдующее: „Владиміръ III Мстиславовичъ въ 1173 г. 3 мѣсяца. Владиміра III, князя дорогобужскаго, возшествіе на престолъ не угодно было Андрею Юрьевичу Ростовскому, яко учиненное безъ его участія, ибо онъ почиталъ себя старѣйшимъ въ племени Владиміровомъ. Для сего условился онъ съ Романомъ Ростиславовичемъ, княземъ Смоленскимъ, что Роману княжить въ Кіевѣ..... По смерти Изяслава II управляли на короткое время кіевскимъ великимъ княженіемъ дядя великаго князя Вячеславъ и племянникъ Ростиславъ, да черниговской князь Изяславъ II, но Юрій, князь Ростовскій и Суздальскій, преодолѣвъ ихъ, сѣлъ на престолъ Кіевскій въ 1155 году (Кратк. россійск. истор. стр. 47—48, 41—42). Какъ въ калейдоскопѣ мелькаютъ: Рюрики I и II, Святославы I, II. III, IV, Ярославы I, II, III, Изяславы I, II, III, IV, Владиміры I II, III и IV и т. д.

[2]) Высказываемъ это предположеніе на основаніи того, что, какъ видно изъ отчетовъ о пройденныхъ въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ курсахъ (Архивъ Мин. Нар. Просв. карт. 308, дѣло № 37063). въ первое полугодіе успѣвали пройти до временъ царя Ивана Васильевича“, т.-е. двѣ трети курса, (по количеству страницъ); это было возможно только въ томъ случаѣ, если большая часть ненужной номенклатуры первыхъ періодовъ опускалась; дѣйствительно“ въ одномъ изъ бывшихъ въ нашемъ распоряженіи экземпляровъ „Краткой россійской исторіи, (хранятся въ Моск. Рум. Муз.) на многихъ страницахъ II и III періодовъ нѣкоторыя строки зачеркнуты.

[3]) Напримѣръ, объ Ольгѣ и Святославѣ I (стр. 17—20), о Владимірѣ Св. (стр. 21—24), Ярославѣ I (стр. 25—29), Святополкѣ II и Владимірѣ Мономахѣ (стр. 34—38), о нашествіи Батыя (стр. 65—67).

затѣмъ опять переходитъ къ сѣверной войнѣ и разсказываетъ о ништадскомъ мирѣ [1]).

Намѣренная краткость и лѣтописный характеръ изложенія событій XVIII в. въ „Краткой россійской исторіи“ приводятъ къ страннымъ пропускамъ: такъ не сообщено объ учрежденіи Петромъ I Сената, не приведено никакихъ свѣдѣній объ этомъ учрежденіи, хотя и упомянуто о томъ, что послѣ ништадскаго мира Петръ I отъ лица Сената, Сунода и всего Россійскаго народа поздравленъ и названъ Императоромъ Всероссійскимъ [2]); упомянуто о томъ, что Петръ II былъ сыномъ „несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, рожденнаго Петромъ Великимъ отъ первой Его супруги“ [3]), но нѣтъ никакого указанія на то, въ чемъ состояло *несчастіе* Алексѣя Петровича, вообще, кромѣ указанія на то, что Петръ II былъ сыномъ царевича Алексѣя, никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ царевичѣ и о первомъ бракѣ Петра I не приведено [4]); упоминая объ учрежденіи коллегій „ради удобнѣйшаго направленія дѣлъ“, авторъ не объясняетъ, что такое коллегіи, какія учрежденія они замѣнили; о расколѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія.

Изложеніе исторіи каждаго періода распадается на два отдѣла: 1) о государяхъ и 2) о внутреннемъ состояніи Россіи за указанный періодъ. Первый отдѣлъ, занимающій наибольшее число страницъ, раздѣляется на параграфы, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ отдѣльному княженію или царствованію; второй отдѣлъ состоитъ изъ подраздѣленій, не во всѣхъ періодахъ одинаковыхъ; такъ въ періодѣ третьемъ этотъ отдѣлъ раздѣляется на слѣдующія подраздѣленія: a) пространство и раздѣленіе Россіи въ семъ періодѣ, b) вѣра, c) образъ правленія, d) письменныя дѣла, чины и войско, e) науки и художества f) монета, мѣра хлѣба и торговля; g) о казакахъ.

Въ періодѣ четвертомъ, между прочими, слѣдующія рубрики: состояніе двора и народа; законы. Само собою разумѣется, что изложеніе отдѣла „о внутреннемъ состояніи Россіи“ соотвѣтствовало весьма недостаточной разработкѣ русской исторіи въ концѣ XVIII в. и Шлецеромъ признавалось едва „сноснымъ“ [5]) по сравненію съ соотвѣтствующими иностранными руководствами того времени по исторіи западно-европейскихъ наро-

---

[1]) Кратк. Росс. Ист. стр. 169.

[2]) Ibid. стр. 170.

[3]) Ibid. стр. 172.

[4]) И въ этомъ отношеніи авторъ „Дѣтской россійской исторіи“ чувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе; вотъ, что напечатано на 164 стр. этой книжки: „всему свѣту извѣстно, какія огорченія и препятствія въ своихъ учрежденіяхъ и расположеніяхъ претерпѣвалъ Государь сей отъ первыя супруги своея, суевѣрныя Евдокіи, которую, наконецъ, принужденъ сослать въ монастырь; отъ первыя (супруги) родился сынъ Алексѣй, извѣстный *несчастною своею кончиною*“.

[5]) Шлецеръ. Handbuch, Vorbericht, S. XIII.

довъ; нельзя все-таки не замѣтить, что изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми уже могъ располагать авторъ, онъ почерпнулъ меньше, чѣмъ можнобыло бы.

Къ учебнику „Краткая россійская исторія", „для лучшаго понятія юношества и удобнѣйшаго объясненія учителя", приложены историческія карты, „сочиненныя на разные періоды исторіи и въ продолженіе около сорока лѣтъ бывшія у насъ почти единственнымъ въ семъ родѣ пособіемъ" [1]). Всего приложены къ учебнику три историческія карты: первая „на первый періодъ Россійск. исторіи до 862 г. по Р. Х."—въ этой картѣ царитъ младенческая историческая этнографія съ полнымъ отсутствіемъ исторической перспективы: Киммеры *или* Готы у подножія Кавказскихъ горъ рядомъ съ Мадьярами и Маіотами; въ „Малой Скиѳіи"—Козары, въ Сарматіи—Кривичи, Поляне, Древляне; рядомъ съ Мерей, Муромой, Мордвой—Андрофаги, а съ Булгарами—Меланхлены; къ усугубленію путаницы этой карты послужило еще то, что при составленіи ея пренебрегли совѣтомъ учебнаго плана: „въ картахъ, служащихъ на два періода употреблены будутъ для каждаго періода особенныя краски, дабы тотчасъ видѣть, что къ одному и что къ другому принадлежитъ" [2]), всѣ названія этой карты напечатаны одною краскою.

Вторая карта „на второй періодъ Росс. Исторіи съ 862 г. по 1224" весьма недурно составленная, почти ничѣмъ не отличается отъ теперешнихъ историческихъ картъ (одна только ошибка — Печенѣги *или* Половцы), еще лучше послѣдняя карта—„на 3-й и 4-й періоды Росс. Истор. съ 1224 по 1613 г.".

При преподаваніи исторіи учитель пользовался ландкартами и синхронистическими таблицами. Во время урока исторіи на классной доскѣ висѣла большая *географическая* карта и, „при изъясненіи земель учитель показывалъ границы, рѣки и мѣста оныхъ, сказывая ученикамъ, какія нынѣ страны заключаютъ древнія тѣ мѣста, о которыхъ въ исторіи говорится и проводилъ на картѣ мѣломъ бывшія переселенія народовъ". Для преподаванія русской исторіи имѣлось въ виду издать стѣнныя *историческія* карты Россіи [3]), но это, кажется, исполнено не было.

Кромѣ географической карты во время урока исторіи передъ учениками висѣли „большія таблицы, раскрашенныя черною краскою и раздѣленныя по главамъ на столбцы; въ заглавіяхъ столбцовъ — имена народовъ и государствъ, а на лѣвой сторонѣ таблицъ — годы, вообще, или тысячные, или сотые"; при прохожденіи учебника исторіи учитель заставлялъ учениковъ „написывать мѣломъ годы, достопамятныя имена и главныя происшествія подъ тотъ вѣкъ и въ ту клѣтку, коей заглавіе показываетъ государство или народъ, исторія котораго проходилась по

[1]) Старчевскій, Очеркъ историч. дѣят. въ Россіи (Мат. Сѣв. Ист. стр. 237).
[2]) Ibid. стр. 240.
[3]) Ibid. стр. 239. Сравн. Воронова. Янковичъ-де-Миріево, стр. 125.

учебнику, чтобы ученики тѣмъ легче могли запечатлѣть ихъ въ памяти и обозрѣть однимъ взглядомъ порядокъ и связь происшествій". Написанное на таблицѣ не стиралось по окончаніи урока и въ слѣдующіе уроки, при нанесеніи въ другихъ клѣткахъ новыхъ данныхъ, постоянно было передъ глазами учениковъ, что считалось весьма полезнымъ, „ибо, когда предметы часто глазамъ представляются, то не токмо они дѣйствуютъ сильно на память, но и при прохожденіи исторіи служатъ къ сообразованію съ оными современныхъ достопамятныхъ происшествій, случившихся въ тѣхъ же вѣкахъ у другихъ народовъ" [1]).

Преподаваніе исторіи въ главномъ народномъ училищѣ велось слѣдующимъ образомъ: „учитель становился у карты и таблицы съ однимъ ученикомъ, у котораго въ рукахъ были учебникъ исторіи и мѣлъ; одному изъ учениковъ, сидящихъ на своихъ мѣстахъ, учитель приказывалъ громко читать одинъ періодъ изъ проходимой по учебнику статьи, а прочимъ ученикамъ читать то же про себя. По прочтеніи статьи, учитель изъяснялъ ее и указывалъ ученику, стоящему у таблицы или карты, что написать или провести на нихъ должно, потомъ тотчасъ спрашивалъ о томъ то одного, то другого ученика, чтобы увидать, какъ они преподаваемое *поняли*"; при этомъ учитель требовалъ, „чтобы ученики *своими словами* разсказывали въ связи то, что изъ исторіи отъ учителя слышали". Во время каждаго урока всегда вкратцѣ повторялось пройденное на предыдущихъ урокахъ. Въ одинъ урокъ учитель „заставлялъ писать на таблицѣ и чертить на картѣ не одного ученика, а всѣхъ поперемѣнно".

Таковы были методическіе пріемы, при помощи которыхъ преподаватель долженъ былъ достигнуть важнѣйшей цѣли преподаванія исторіи въ главномъ народномъ училищѣ—привести учениковъ къ тому, чтобы они *„понимали, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ"* [2]). Если сравнить это преподаваніе исторіи съ тѣмъ безсмысленнымъ зубреніемъ „глупаго, несноснаго и уродливаго" Синопсиса, которымъ, по свидѣтельству Шлецера, ограничивалось въ XVIII въ преподаваніе русской исторіи въ немногихъ нашихъ школахъ, признававшихъ нужнымъ знакомить своихъ питомцевъ съ этимъ предметомъ, то ясно станетъ, какую существенную перемѣну въ дѣлѣ преподаванія исторіи произвела екатерининская школьная реформа. Можно сказать, что этою реформою *впервые* вводилась у насъ правильная постановка преподаванія исторіи въ средней школѣ и нѣтъ никакого сомнѣнія, что сознаніе высокой важности преподаванія исторіи въ средней школѣ было внушено составителямъ учебнаго плана главнаго народнаго училища самою императрицею, которая не только была авторомъ „Запи-

---

[1]) Всемірная исторія, ч. I, предисловіе, стр. 1.
[2]) Ibid. стр. IV.

сокъ по русской исторіи", но также не однократно напоминала о „необходимости" преподаванія этой науки въ школахъ [1]), вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ просвѣщеннымъ своимъ современникомъ, который утверждалъ, что изученіе исторіи „наипаче человѣка просвѣщеннымъ дѣлаетъ" [2]). Къ несчастію „раковый ходъ" обнаружился во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII в. не только въ движеніи русской исторической литературы, но также и въ преподаваніи исторіи и не одно поколѣніе смѣнилось прежде, чѣмъ нашей средней школѣ дана была возможность вернуться къ той постановкѣ преподаванія исторіи, которая, по указаніямъ императрицы Екатерины II, была разработана Комиссіею объ учрежденіи училищъ въ лучшую пору ея дѣятельности.

Къ сожалѣнію, ни въ сохранившихся ежегодныхъ отчетахъ о состояніи Московскаго главнаго народнаго училища, ни въ документахъ о ревизіи этого училища О. П. Козодавлевымъ нѣтъ указаній на то, какіе были результаты преподаванія исторіи въ училищѣ, насколько благія пожеланія объяснительныхъ записокъ къ учебнымъ планамъ исторіи составленныхъ Комиссіею объ учрежденіи училищъ, были осуществлены въ довольно неприглядной дѣйствительности рано захирѣвшаго дѣтища великой Shulmeisterin.

Виталій Эйнгорнъ.

---

[1]) Знаменскій, Духовной школы въ Россіи, стр. 779.
[2]) Ibid.

XL.

Къ вопросу о задачахъ исторіи.

I.

Философско-историческая литература въ теченіе долгаго времени развивалась въ весьма слабой связи съ ростомъ собственно исторической науки. Послѣдняя въ теченіе большей части XIX вѣка имѣла, такъ сказать, поверхностно-эмпирическій характеръ. Въ изученіи прошлыхъ судебъ человѣчества она стремилась по преимуществу къ возможно болѣе точному установленію фактовъ и опредѣленію причиннаго сцѣпленія таковыхъ. Если въ области установленія фактовъ уже въ XVIII вѣкѣ вырабатываются опредѣленные методологическіе пріемы критики и интерпретаціи источниковъ, подвергающіеся даже теоретической обработкѣ [1]), то въ сферѣ причиннаго истолкованія фактовъ еще въ теченіе большей части XIX вѣка преобладалъ поверхностный эмпиризмъ: историкъ, анализируя причинную связь отдѣльныхъ фактовъ, руководствовался или тѣми *случайными* указаніями, которыя содержались въ источникахъ, или своими собственными соображеніями, не вытекавшими изъ какихъ-либо прочно установленныхъ методологическихъ положеній. Психологическая мотивація дѣйствій историческихъ лицъ, основанная на предположеніяхъ относительно душевныхъ движеній, якобы имѣвшихъ мѣсто въ психикѣ этихъ лицъ,—предположеніяхъ, часто очень произвольныхъ, далеко не всегда опирающихся на источники,—таковъ былъ главный методъ истолкованія фактовъ [2]). Если историкъ касался общихъ факторовъ, какъ причинъ описываемыхъ фактовъ,—то и здѣсь господствовалъ тотъ же донаучный (почти «инстинктивный») эмпиризмъ.

---

[1]) Напр., въ работѣ *J. M. Chladenius'a* вышедшей въ 1752 г. См. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode, 5. u. 6. Auflage, 1908, S. 233.

[2]) Объ элементарномъ эмпиризмѣ, господствующемъ еще нынѣ въ этой области, ср. Bernheim, o. c., 648. Этотъ писатель, будучи склоненъ даже защищать такой („инстиктивный“, какъ онъ выражается,) эмпиризмъ, тѣмъ не менѣе требуетъ *методическаго контроля* при его примѣненіи и углубленія его путемъ изученія научной психологіи (ib., 649).

Историкъ, конечно, не обходилъ общихъ факторовъ, такъ какъ сплошь да рядомъ самые изучаемые факты и даже ихъ отраженіе въ историческихъ источникахъ наталкивали его *непосредственно* на таковые [1]). Трудно было, конечно, при преобладающемъ интересѣ къ политической исторіи, т.-е. къ исторіи государствъ (внутренней и особенно внѣшней),—обойти вниманіемъ вліяніе того или другого государственнаго строя на событія. Трудно было не коснуться религіозныхъ явленій эпохи при изученіи религіозныхъ войнъ и проч. *Но менѣе замѣтное*, хотя и непрерывное дѣйствіе экономической эволюціи, идейныхъ теченій и другихъ подобныхъ явленій на общую эволюцію обществъ, пока эти явленія не выражались въ очень яркихъ событіяхъ въ родѣ крестьянской войны или церковной реформаціи,—рѣдко обращало на себя вниманіе историковъ первой половины, отчасти даже первыхъ трехъ четвертей XIX вѣка (такіе всесторонніе историки, какъ Моммсенъ, еще не такъ давно были рѣдкими исключеніями).

Появленіе въ концѣ XVIII вѣка философско-историческихъ системъ въ родѣ Гердера, Канта, Кондорсэ,—слабо отражалось на работѣ спеціалистовъ историковъ. Только философія Гегеля нѣсколько глубже проникла въ область общей исторіографіи (напримѣръ, нельзя отрицать ея вліянія на Ранке и его школу), но при слишкомъ общемъ характерѣ философско-историческаго построенія Гегеля, малаго вниманія послѣдняго къ спеціальнымъ вопросамъ методологіи исторіи и теоріи историческаго познанія,—конечно, его вліяніе не пошло далѣе опредѣленія общихъ философско-историческихъ концепцій въ родѣ усиленія эволюціонно-генетическаго момента въ исторіографіи, формированія ученія объ идеяхъ, какъ объ историческомъ факторѣ (хотя въ этой послѣдней области не меньшую роль сыгралъ В. фонъ-Гумбольдтъ) и т. п. Такіе крупные руководители германской исторической мысли большей части XIX вѣка, какъ Ранке, продолжали страдать отсутствіемъ систематичности въ своихъ теоретическихъ взглядахъ въ области философіи исторіи [2]).

И появленіе общей науки объ обществѣ—соціологіи—долгое время мало задѣвало исторіографію. Скорѣе даже къ этой молодой дисциплинѣ въ рядахъ профессіональныхъ историковъ чувствовалось пренебрежительное отношеніе. Рѣдкіе историки, въ родѣ Бокля, усвоившіе идеи Конта и другихъ соціологовъ, подвергались жестокой и по большей части справедливой критикѣ со стороны спеціалистовъ историковъ, от-

---

[1]) Ср. *Bernheim*, о. с., 678 и 681—о маломъ вниманіи старыхъ историковъ къ „культурнымъ факторамъ“. Ср. также 65 (объ особенно долгомъ пренебреженіи политическихъ историковъ къ экономическому фактору.).

[2]) *Bernheim* о. с., 698 Anm. 2. *Grotenfelt*, Wertschätzung in der Geschichte, Leipzig, 1903, S. 145.

мѣчавшихъ у Бокля и его послѣдователей поспѣшность обобщеній, насилованіе фактовъ въ угоду такимъ обобщеніямъ и т. п. Большую роль въ смыслѣ разъединенія исторіи и соціологіи играло и то обстоятельство, что соціологи послѣ Конта преобладающее вниманіе обращали на раннія ступени цивилизаціи, привлекаемые къ этимъ послѣднимъ большей простотой явленій на раннихъ стадіяхъ развитія и большей въ связи съ этимъ обстоятельствомъ легкостью ихъ анализа,— между тѣмъ какъ въ средѣ историковъ, конечно, господствовалъ интересъ къ болѣе высокимъ цивилизаціямъ.

Лишь съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка начинаетъ отчетливо обозначаться поворотъ въ отношеніи философіи исторіи и самой исторической науки. Правда, еще ранѣе были явленія такого рода. Напримѣръ, не говоря уже о Боклѣ, въ историческомъ міросозерцаніи Тэна замѣтно вліяніе философско-историческихъ ученій. Но такія явленія были единичными. Однако дѣло долѣе не могло оставаться въ такомъ положеніи. Все большее распространеніе новаго естественно-научнаго міросозерцанія и тѣсно связанный съ прогрессомъ естествознанія ростъ соціологической литературы должны были коснуться и исторической науки. Нельзя не отмѣтить и большого значенія въ этомъ отношеніи марксистской концепціи историческаго процесса, съ которой (концепціей) такъ или иначе все болѣе и болѣе приходилось считаться историкамъ. Болѣе молодыя поколѣнія историковъ, начиная съ 80-хъ годовъ, въ большей степени задумываются надъ теоретическими вопросами своей науки [1]). Но особенно возросъ интересъ къ этимъ проблемамъ въ средѣ профессіональныхъ историковъ въ 90-хъ годахъ [2]). Внѣшнимъ толчкомъ для оживленіе интереса въ это время послужило научное «исповѣданіе вѣры» Карла Лампрехта въ его статьяхъ «Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft» и «Was ist Kulturgeschichte» [3]), появившихся въ 1896—7 годахъ. Цѣлый рядъ профессіональныхъ историковъ обратилъ вниманіе на эту исповѣдь. Below, Bernheim, Ed. Meyer, Xénopol и многіе другіе отозвались на статьи Лампрехта, вызвавъ тѣмъ самымъ новый рядъ теоретическихъ работъ со стороны послѣдняго.

Въ то же время и въ области философіи съ 80-хъ годовъ возра-

---

[1]) Упомяну хотя бы Введеніе къ 1-му изданію перваго тома „Geschichte des Altertums“ Эдуарда Мейера, вышедшему въ 1884 году.

[2]) Эд. Мейеръ въ своей брошюрѣ „Zur Theorie und Methodik der Geschichte“ (Halle 1902) говоритъ, что, когда онъ въ 1884 году коснулся во Введеніи къ I тому „Geschichte des Altertums“ теоретическихъ вопросовъ,—эти послѣдніе не возбуждали того интереса, какимъ они пользуются нынѣ.

[3]) Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, N. F., Bd. I, S. 75 ff. (1896—7).

стаетъ интересъ къ философско-историческимъ проблемамъ. Съ одной стороны философія въ силу своего, изъ самаго ея существа вытекающаго, синтетическаго характера должна была такъ или иначе переработать новыя соціологическія и обще-историческія концепціи, откуда бы онѣ ни выходили: изъ-подъ пера соціологовъ, экономистовъ-марксистовъ, историковъ или самихъ философовъ. Съ другой стороны преобладаніе теоретико-познавательнаго направленія въ философіи послѣднихъ десятилѣтій заставило спеціалистовъ-философовъ, не ограничиваясь общими вопросами теоріи познанія, заняться болѣе детально теоріей познанія по отношенію къ отдѣльнымъ классамъ явленій, въ частности къ исторіи вообще и исторіи человѣчества въ частности. Ту роль внѣшняго толчка, какую для оживленія разработки теоретическихъ вопросовъ со стороны профессіональныхъ историковъ сыграли статьи Лампрехта, — для философовъ сыграли — рѣчь Виндельбанда: «Naturwissenschaft und Geschichte», появившаяся въ 1894 г., книга *Г. Риккерта* о «Границахъ естественно-научнаго образованія понятій»[1]) и статья его же «Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft», появившаяся въ 1899 году [2]).

Съ тѣхъ поръ литература по теоретическимъ и философскимъ вопросамъ въ области исторіи не изсякаетъ. Почти каждый мѣсяцъ приноситъ новыя статьи и цѣлыя книги на всѣхъ культурныхъ языкахъ, трактующія эти темы.

Означенное явленіе, а именно пробужденіе интереса къ теоретическимъ вопросамъ нашей науки, нельзя не признать въ высшей степени нормальнымъ. Историческая наука не могла жить и впредь тою, такъ сказать, «полусознательною» жизнью, какой она жила въ прежнія десятилѣтія, поскольку дѣло шло не о простомъ возстановленіи фактовъ прошлаго—въ этомъ отношеніи заслуга исторіографіи первыхъ трехъ четвертей XIX вѣка неизмѣримо высока,—а о причинномъ анализѣ этихъ фактовъ. Необходимо здѣсь установить точные принципы, опредѣлить задачи и методы исторіи въ этой области. Тутъ призваны работать рука объ руку и историки, и философы. Первые должны внести сюда привычку къ анализу конкретнаго историческаго матеріала,

---

[1]) *Heinr. Rickert,* Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, 1896—1902; рус. пер. *А. Водена,* СПБ, 1904 г. По большей части я цитирую этотъ переводъ (цитаты изъ подлинника отмѣчены особо).

[2]) О новизнѣ вопросовъ касающихся логики исторіи, говоритъ самъ Риккертъ въ началѣ 1-й главы своей „Философіи исторіи“. „Въ той области философіи исторіи, къ обзору которой мы теперь приступаемъ, въ области логики исторической науки, наше время еще болѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ притязать на извѣстную оригинальность“. И далѣе онъ указываетъ. что эти вопросы болѣе или менѣе серьезно были поставлены лишь Паулемъ (Prinzipien der Sprachgeschichte 1880), Навиллемъ (1888), Зиммелемъ и особенно Виндельбандомъ.

сознательный эмпиризмъ, отличный отъ прежняго эмпиризма «инстинктивнаго»; вторые принесутъ пользу своею привычкою не возвышаться надъ опредѣленной группой явленій и примѣнять къ анализу этихъ явленій общіе теоретико-познавательные принципы.

Въ сферѣ исторической теоріи въ настоящее время не можетъ быть мѣста никакому догматизму. Поднятые сравнительно недавно вопросы—во всякомъ случаѣ лишь съ недавняго времени, какъ мы видѣли, интенсивно разрабатываемые,—не могутъ пока получить вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія. Каждое мнѣніе, разъ оно продумано, должно быть принятаго во вниманіе. Но это, конечно, отнюдь не исключаетъ появленія опредѣленныхъ направленій въ рѣшеніи означенныхъ проблемъ: лишь идя по пути систематической разработки извѣстныхъ идей, можно будетъ придти къ строго согласованнымъ выводамъ и избѣгнуть эклектизма.

Изъ числа послѣднихъ явленій въ области литературы по теоріи исторіи видное мѣсто занимаетъ сочиненіе извѣстнаго историка Румыніи, профессора въ Яссахъ *Ксенополя:* «Les principes fondamentaux de l'histoire». Первое изданіе этого труда вышло въ 1899 г. Новое изданіе, серьезно переработанное, появилось совсѣмъ недавно въ 1908 г. подъ заглавіемъ: «La théorie de l'histoire». Работа Ксенополя заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ какъ въ ней затронуты основные вопросы историческаго познанія. Хотя многіе отвѣты Ксенополя на эти вопросы спорны, тѣмъ не менѣе чтеніе и разборъ этой книги весьма поучительны, ибо изложеніе Ксенополя носитъ печать серьезной работы и знакомства съ позднѣйшей новой литературой по затрогиваемымъ вопросамъ. Не малое значеніе приходится придавать и тому обстоятельству, что Ксенополь самъ является изслѣдователемъ конкретнаго историческаго матеріала, — авторомъ спеціальныхъ историческихъ работъ. Благодаря этому, онъ больше считается съ конкретными запросами исторической науки въ современномъ ея состояніи и менѣе отдаляется отъ эмпирическаго историческаго матеріала, чѣмъ многіе писатели, занимающіеся исключительно теоретическими вопросами исторіи. Другими словами Ксенополь соединяетъ въ себѣ знакомство съ конкретной исторической наукой съ одной стороны и привычку работать надъ теоретическими вопросами исторіи—съ другой. Поэтому и ошибки Ксенополя поучительны, ибо онѣ вызваны не незнаніемъ, а одностороннимъ направленіемъ мысли въ томъ или другомъ случаѣ, недостаточнымъ вниманіемъ къ другимъ возможнымъ точкамъ зрѣнія, т.-е. недостатками, которые являются оправдываемыми въ работѣ, посвященной разсмотрѣнію вопросовъ, недавно поставленныхъ и недостаточно еще выясненныхъ.

На послѣдующихъ страницахъ я постараюсь, въ связи съ разсмотрѣніемъ выше упомянутыхъ работъ Риккерта и новаго изданія книги

Ксенополя, затронуть нѣкоторые животрепещущіе вопросы исторической науки. Конечно, въ небольшой статьѣ нѣтъ возможности не только разсмотрѣть всѣ вопросы теоріи исторіи, но даже дать исчерпывающій анализъ нѣкоторыхъ. Я имѣю въ виду лишь коснуться немногихъ вопросовъ, затронутыхъ Ксенополемъ и Риккертомъ, подчеркнуть положительныя и отрицательныя стороны въ рѣшеніи этихъ вопросовъ означенными авторами и намѣтить пути къ ихъ рѣшенію, которые мнѣ представляются наиболѣе правильными.

II.

Три вопроса особенно остро стоятъ въ настоящее время въ теоретико-исторической литературѣ: 1) *вопросъ объ отношеніи исторіи человѣчества, какъ науки, къ наукамъ о природѣ*, при чемъ подъ этимъ отношеніемъ въ данной связи слѣдуетъ понимать главнымъ образомъ вопросъ о томъ, существуетъ ли принципіальное различіе между науками, изучающими природу вообще, и наукой, изучающей исторію человѣчества; 2) вопросъ о *критеріи для выбора изъ подавляющей массы фактовъ прошлаго—тѣхъ, которые заслуживаютъ вниманія историка;* 3) вопросъ *о пріемахъ и методахъ анализа историческихъ фактовъ для ихъ причиннаго истолкованія.* Конечно, каждый изъ этихъ вопросовъ включаетъ въ себя рядъ вопросовъ соподчиненныхъ.

Первый изъ выше означенныхъ вопросовъ былъ поднятъ уже давно. Достаточно упомянуть Бокля и Милля, какъ лицъ, трактовавшихъ эту проблему еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, но очень ее элементаризировавшихъ, что является вполнѣ естественнымъ для того времени. Гораздо глубже были поставлены эти проблемы въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, при чемъ особенная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ Виндельбанду [1]) и Риккерту. Оба эти писателя отрицательно относятся къ дѣленію наукъ на науки о природѣ и на науки о духѣ. Оба они полагаютъ, что классификація наукъ опредѣляется прежде всего не изучаемымъ объектомъ, а той точкой зрѣнія, съ какой объектъ изучается [2]). Виндельбандъ, какъ извѣстно, дѣлитъ эмпирическія на-

---

[1]) Въ указанной выше брошюрѣ Naturwissenscheft und Geschichte, 1894 (переводъ С. Франка въ „Прелюдіяхъ“ *Виндельбанда*).

[2]) „Вообще не надо упускать изъ виду, что эта методологическая противоположность классифицируетъ только пріемы познанія, а не его содержаніе. Возможно, и случается на самомъ дѣлѣ, что одинъ и тотъ же предметъ служитъ одновременно объектомъ какъ номотетическаго, такъ и идіографическаго изслѣдованія“. Прелюдіи, стр. —231. „*Вся эмпирическая дѣйствительность* можетъ.

уки на номотетическія и идіографическія, т.-е. на науки, устанавливающія законы, и науки, описывающія конкретныя явленія. Обѣ эти группы наукъ, по мнѣнію Виндельбанда, одинаково равноправны [1]). Риккертъ далѣе развилъ мысль Виндельбанда. Онъ дѣлитъ науки на генерализирующія, т.-е. устанавливающія общія понятія, и науки, индивидуализирующія, т.-е. стремящіяся изобразить отдѣльные факты, дѣлая выборъ между ними по принципу цѣнности. Но въ сущности оба названные философа, проводя свою классификацію наукъ въ деталяхъ,—почти вернулись къ традиціонному дѣленію наукъ по ихъ объектамъ. Если ихъ новыя дѣленія, основанныя на точкѣ зрѣнія познающаго субъекта, не совпадаютъ со старымъ дѣленіемъ наукъ по объекту, т.-е. дѣленіемъ на науки о природѣ и на науки о духѣ, то причиной является главнымъ образомъ то обстоятельство, что индивидуальная психологія уже успѣла стать наукой обобщающей (номотетической или генерализирующей), вслѣдствіе чего старое дѣленіе стало невозможнымъ. Въ силу этого Виндельбандъ говоритъ, что его дѣленіе приближается къ дѣленію наукъ не на науки о природѣ и о духѣ, а на дѣленіе ихъ на науки о природѣ (Naturwissenschaft) и науки историческія (Geschichte), при чемъ психологія причисляется къ естественнымъ наукамъ [2]). Виндельбандъ однако не забываетъ, что въ число историческихъ наукъ должны войти и тѣ изъ изучающихъ природу, которыя имѣютъ цѣлью исторію природы (исторія развитія и т. п.) [3]). Но онъ не обращаетъ достаточнаго вниманія на существованіе наукъ номотетическаго типа, изучающихъ явленія духа, помимо психологіи. Если еще до нѣкоторой степени можетъ быть оправдано игнорированіе имъ въ данномъ случаѣ общей соціологіи, какъ науки, еще не вполнѣ оформившейся, то вѣдь слѣдуетъ не забывать о существованіи политической экономіи,—науки несомненно номотетическаго типа [4]).

Тоже тяготѣніе къ отождествленію дѣленія наукъ на основаніи точки зрѣнія познающаго субъекта съ дѣленіемъ ихъ по изучаемому

быть подведена еще и подъ иную точку зрѣнія, чѣмъ та, сообразно которой эта эмпирическая дѣйствительность есть природа"—*Риккертъ*, Grenzen, гл. III, § 2 (пер. Водана, стр. 223; ср. 228).

[1]) Въ своей статьѣ: „Die Aufgabe der Logik" etc., помѣщенной въ сборникѣ: Congrès international de philosophie, Genève, 1905, S. 109—*Виндельбандъ* употребляетъ терминъ: Gesetzeswissenschaften и Ereigniswissenschaften.

[2]) Прелюдіи 320.

[3]) Ib. 321.

[4]) Ср. *Риккертъ*, Философія исторіи, пер. С. Гессена, стр. 73. Впрочемъ, въ своей позднѣйшей статьѣ „Die Aufgabe der Logik" etc. *Виндельбандъ* уже признаетъ право за обобщеніями въ исторіи по крайней мѣрѣ, какъ евристическаго средства (S. 112 f.).

объекту обнаруживается у Риккерта[1]). Какъ въ своихъ «Границахъ естественно-научнаго образованія понятій», такъ и въ болѣе позднемъ произведеніи: «Философія исторіи»,—Риккертъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что подъ понятіе генерализирующихъ наукъ подходятъ по преимуществу науки о природѣ неорганической и органической, а также психологія, между тѣмъ какъ подъ понятіе наукъ индивидуализирующихъ подходитъ по преимуществу исторія человѣческихъ обществъ. Правда Риккертъ признаетъ, что историческій элементъ вторгается и въ науки о природѣ [2]), гдѣ присутствуетъ элементъ «относительно историческаго перваго, второго и т. д. порядковъ», а генерализирующему методу не чужды и науки о человѣческомъ обществѣ, гдѣ мы находимъ элементъ «относительно естественно-научнаго» также разныхъ порядковъ [3]). Онъ признаетъ даже вскользь возможность соціологіи, какъ генерализирующей науки объ обществѣ [4]). Тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ, какъ перваго, такъ и второго явленія типичнымъ для каждой группы наукъ съ логической точки зрѣнія и признаетъ понятія: генерализирующія науки—совпадающимъ *по существу дѣла* съ понятіемъ: науки о природѣ (Naturwissenschaft), а понятіе о наукахъ индивидуализирующихъ—съ понятіемъ о наукахъ о культурѣ (Kulturwissenschaft), т.-е. съ исторіей человѣчества.

Такимъ образомъ у Риккерта мы видимъ отчетливо проводимую мысль о томъ, что исторія человѣчества, какъ наука, по своимъ задачамъ противоположна естествознанію.

Ксенополь пытается дать классификацію наукъ, построенную на другомъ основномъ принципѣ. Онъ открыто выдвигаетъ необходимость въ основу дѣленія положить не точку зрѣнія изучающаго субъекта, а объектъ изученія. Онъ стремится доказать, что всѣ явленія въ мірѣ можно раздѣлить на явленія повторяющіяся (faits de répétition) и явленія не повторяющіяся, которыя онъ называетъ послѣдовательными (faits de succession). Поэтому и науки можно раздѣлить на науки теоретическія и на науки историческія. И тѣмъ и другимъ свойственно установленіе причинности. Но лишь въ наукахъ теоретическихъ причинность проявляется въ формѣ закона, т.-е. постояннаго соотношенія между

---

[1]) О родствѣ идей Риккерта съ идеями Виндельбанда говоритъ самъ *Риккертъ*, Границы, стр. 261, прим.

[2]) См. особенно „Die Grenzen“, III гл. § 3. Философія исторіи 73.

[3]) Ib. гл. 4 § 6 (объ исторической біологіи); стр. 410. Философія исторіи, 73.

[4]) Ibid гл. 3, § 3 въ концѣ и гл. 4, § 6; особ. стр. 438.—Философія исторіи 79, 83, 88. Подробнаго анализа вопроса объ отношеніи исторіи и соціологіи —вопроса, кореннаго для трактуемыхъ Риккертомъ проблемъ,—этотъ авторъ, какъ мы увидимъ ниже., не даетъ

явленіями [1]). Что же касается фактовъ послѣдовательныхъ, то здѣсь причинность проявляется въ видѣ «рядовъ» (séries) послѣдовательныхъ, несходныхъ явленій, связанныхъ между собою причинной связью [2]). И факты повторяющіеся и факты послѣдовательные имѣютъ мѣсто какъ въ природѣ неорганической и органической, такъ и среди явленій духа, включая сюда и явленія индивидуальной психологіи и явленія общественныя. Такимъ образомъ среди теоретическихъ наукъ мы находимъ у Ксенополя статическую соціологію, а среди наукъ историческихъ—науки о развитіи міра, о развитіи земли (геологія), развитіи организмовъ (Entwickelungsgeschichte), равно какъ и всѣ науки о человѣческихъ обществахъ.

Таковы взгляды на положеніе исторіи человѣчествъ среди другихъ наукъ у Виндельбанда и Риккерта съ одной стороны и у Ксенополя—съ другой. Попробуемъ разобраться въ этихъ взглядахъ. Для удобства изложенія, я считаю подходящимъ начать съ разсмотрѣнія теоріи Ксенополя.

Этотъ писатель безусловно правъ, отмѣчая въ своей классификаціи то обстоятельство, что однѣ науки заняты по преимуществу разсмотрѣніемъ фактовъ повторяющихся, другія—фактовъ единичныхъ, именуемыхъ имъ фактами послѣдовательными. Въ этомъ пунктѣ его классификація соприкасается съ классификаціями Виндельбанда и Риккерта, намѣчающими науки номотетическія и генерализирующія съ одной стороны и науки идіографическія или индивидуализирующія—съ другой. Но Ксенополь идетъ въ своей классификаціи далѣе Риккерта. Хотя Ксенополь и признаетъ, что «въ дѣйствительности—повтореніе никогда не совершается съ абсолютной идентичностью» [3]), но въ то же время онъ утверждаетъ, что въ повторяющихся фактахъ различія не существенны и могутъ быть игнорируемы, между тѣмъ какъ въ фактахъ послѣдовательныхъ самымъ существеннымъ элементомъ и является ихъ различіе отъ другихъ фактовъ [4]). До сихъ поръ рѣзкой разницы съ

---

[1]) *Xénopol*, La théorie de l'histoire, 1908 p. 82. Ксенополь особенно настаиваетъ на несовпаденіи понятій: законъ и причинность. Законъ вообще констатируетъ лишь порядокъ возникновенія явленій (le mode de perpétration des phénomènes); лишь нѣкоторые законы объясняютъ причину явленій (lois de causation). Такъ законъ Кеплера о движеніи планетъ не даетъ объясненія этому явленію, а лишь законъ тяготѣнія Ньютона является причиннымъ закономъ. Причина должна всегда указывать на силу и на условія, въ которыхъ проявляется дѣйствіе силы (p. 35—47). Ср. также статью *Xénopol'я* Zur Logik der Geschichte въ Histor. Zeitschr., Dritte Folge, 6 B. (1909), S. 479 ff. О различіи между понятіями: законъ и причина см. также *Риккертъ*, Границы, стр. 351 сл.

[2]) La théorie, p. 58, 83 и особ. 395 ss.

[3]) La théorie, p. 2; ср. также p. 82, 339.

[4]) Ib., 3—4.

Риккертомъ мы не видимъ. Можно думать, что рѣчь идетъ о точкѣ зрѣнія познающаго субъекта, который въ правѣ обращать вниманіе либо на сходство между явленіями природы въ широкомъ смыслѣ слова, либо на различія между ними. Но Ксенополь идетъ дальше. Несмотря на приведенное выше утвержденіе, что явленія никогда не бываютъ вполнѣ идентичны, онъ тѣмъ не менѣе упорно защищаетъ ту точку зрѣнія, что повторяющіеся и неповторяющіеся факты существуютъ въ дѣйствительности, что въ самой природѣ, какъ матеріальной, такъ и духовной содержатся факты повторяющіеся и неповторяющіеся. *Эти два рода фактовъ или явленій*, по его мнѣнію, *суть реальности* [1]). Насколько ошибоченъ такой взглядъ, это можетъ быть выяснено безъ большого труда, разъ стать отчетливо на теоретико-познавательную точку зрѣнія, и такое поясненіе превосходно сдѣлано Риккертомъ. Послѣдній въ высшей степени отчетливо и неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ подчеркиваетъ ту мысль, что повторяющихся фактовъ въ природѣ вовсе не существуетъ, что понятіе о повторяющемся есть продуктъ нашего мышленія. «Мы должны принять во вниманіе, что *всякій* тѣлесный или духовный процессъ, какъ онъ данъ намъ въ опытѣ, есть индивидуумъ, т.-е. нѣчто такое, что встрѣчается лишь одинъ разъ въ данномъ опредѣленномъ пунктѣ пространства и времени и отличается отъ всякаго иного тѣлеснаго или духовнаго бытія, что, слѣдовательно, никогда не повторяется и, коль скоро оно разрушается, оказывается навсегда утраченнымъ. Собственно говоря, вѣдь и это есть нѣчто абсолютно само собою разумѣющееся, и тѣмъ не менѣе мы очень легко упускаемъ это изъ виду...» [2]). «Такъ какъ вся дѣйствительность есть не только становленіе, но и измѣненіе въ томъ смыслѣ, что всякая стадія какого-либо процесса становленія отличается отъ всего предшествующаго бытія, то кругообращеніе и повтореніе въ строгомъ смыслѣ столь же мало встрѣчаются въ эмпирической дѣйствительности, какъ и совершенное пребываніе. Они возникаютъ лишь благодаря отвлеченію отъ индивидуальныхъ различій разныхъ процессовъ становленія, т.-е. одинъ рядъ измѣненій приравнивается къ другому ряду измѣненій, если различія не имѣютъ никакого значенія *для тѣхъ точекъ зрѣнія, которыми руководятся при образованіи понятій*. Такъ говорятъ, правда, что въ каждомъ году за зимою слѣдуетъ весна, за нею наступаетъ лѣто, послѣ осени опять начинается зима, и что тогда «тотъ же самый рядъ» начинается снова и постоянно повторяется. Однако кругообращеніе имѣется здѣсь лишь по отношенію къ общимъ понятіямъ четырехъ временъ года, и мысль о повтореніи возникаетъ лишь благодаря тому, что мы

[1]) Ib. 5. 9. Ту же точку зрѣнія защищаетъ *Xénopol* и въ своей вышеупомянутой болѣе поздней статьѣ: Zur Logik der Geschichte, S. 477 f.

[2]) „Границы“, пер. Водена, стр. 208; ср. 212, 229.

имѣемъ въ виду общее различнымъ одинаково именуемымъ временамъ года. Напротивъ того, будучи разсматриваемо, какъ индивидуальная дѣйствительность, ни одно теченіе года еще не оказывалось, да никогда и не окажется, одинаковымъ съ другимъ. Равнымъ образомъ и обращеніе земли вокругъ солнца вовсе не есть такой процессъ, который дѣйствительно оказывался бы повтореніемъ въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ лишь въ понятіяхъ отдѣлимыя количественныя опредѣленія событій остаются въ данномъ случаѣ постоянными. Если же мы будемъ разсматривать полныя реальности, то оказывается, что всякій годъ новая земля движется вокругъ новаго солнца и лишь въ общихъ понятіяхъ земли и солнца игнорируются эти индивидуальныя различія и измѣненія. Вкратцѣ говоря, гдѣ бы что-либо ни подводилось подъ понятіе ряда повтореній, въ дѣйствительности это рядъ измѣненій, въ которомъ ничто не повторяется» [1]).

Итакъ ошибка Ксенополя заключается въ томъ, что онъ видитъ реальности въ продуктахъ нашего мышленія. Но отъ этого нисколько не страдаетъ правильность его дѣленія наукъ на теоретическія, стремящіяся къ уловленію сходнаго и устанавливающія законы, и историческія, изучающія конкретную дѣйствительность въ ея многообразіи и опредѣляющія лишь причинное сцѣпленіе отдѣльныхъ фактовъ.

Но въ такомъ случаѣ, быть можетъ, мы должны всецѣло присоединиться къ классификаціи Риккерта, который какъ разъ проводитъ дѣленіе наукъ, сходное съ дѣленіемъ Ксенополя [2]), исходя именно не изъ познаваемаго объекта, а изъ точки зрѣнія познающаго субъекта? Это было бы такъ, если бы Риккертъ не стремился всѣми силами, какъ мы уже отмѣчали, ослабить роль генерализирующаго метода въ области наукъ о человѣческомъ обществѣ, а метода индивидуализирующаго въ области наукъ о природѣ. Борясь вполнѣ основательно противъ односторонняго преобладанія генерализирующаго метода въ наукѣ, справедливо указывая на то, что современная логика, какъ наука, страдаетъ этой односторонностью, такъ какъ она строитъ свои положенія почти исключительно на наблюденіяхъ надъ генерализирующимъ, «естественно-научнымъ», по терминологіи Риккерта, мышленіемъ, ратуя за созданіе новой логики наукъ, изучающихъ индивидуальное [3]),—Риккертъ весь

---

[1]) Границы, стр. 374—375 (пер. А. Водена); ср. 442. Ср. также возраженіе Риккерта Ксенополю въ рецензіи перваго на Principes fondamentaux de l'histoire въ Historische Zeitschrift, N. F, т. 50, стр. 467 и въ „Границахъ“, стр. 381, примѣч. Тѣ же мысли развиваетъ Риккертъ въ „Философіи исторіи“. (пер. С. Гессена, стр. 20—21 и 30—31). Ср. также *Виндельбандъ*, Прелюдіи, пер. С. Франка стр. 321.

[2]) Это сходство признаетъ и самъ Риккертъ („Границы“, стр. 382, прим.).

[3]) „Границы“ (Введеніе) и „Философія исторіи“ стр. 9 сс. Ср. замѣчанія на ту же тему у *Виндельбанда*, Прелюдіи, стр. 315 сс. и у *Ксенополя*, стр.

уходитъ въ защиту права на существованіе этой послѣдней категоріи наукъ, такъ какъ это право за ними неоднократно отрицалось (достаточно напомнить хотя бы отношеніе Шопенгауэра къ исторіи). И вотъ въ результатѣ, сосредоточивая свое вниманіе почти исключительно на исторіи человѣчества, какъ на наукѣ, которая содержитъ въ своемъ предметѣ особенно много индивидуальныхъ, неповторяющихся элементовъ, онъ не безъ основанія видитъ въ этой наукѣ типичную представительницу индивидуализирующихъ наукъ; но при этомъ онъ идетъ слишкомъ далеко: онъ *чрезмѣрно* преувеличиваетъ противоположность между «природой» и «исторіей» въ отношеніи возможности образованія генерализирующихъ (по терминологіи Риккерта «естественно-научныхъ») понятій. Отсюда его ослабленное вниманіе къ обобщеніямъ науки о языкѣ, обобщеніямъ политико-экономическимъ, соціологическимъ и т. д., [1])— обобщеніямъ, которыя должны быть *съ логической точки зрѣнія* признаны *въ той же мѣрѣ имѣющими право на существованіе*, какъ и обобщенія наукъ о природѣ.

Съ другой стороны тоже стремленіе противополагать наиболѣе индивидуализирующія науки,—слѣдовательно, въ первую очередь исторію человѣчества,—наукамъ генерализирующимъ приводитъ Риккерта къ тому, что историческій элементъ въ естествознаніи онъ считаетъ какъ бы не типичнымъ, какъ бы побочнымъ придаткомъ. Онъ полагаетъ, что вниманіе къ индивидуальному типично только для человѣческой исторіи, а натуралистъ ищетъ по преимуществу общаго. Между тѣмъ для натуралиста важно, какъ образованіе общихъ понятій, установленіе законовъ, такъ и возможно болѣе детальное описаніе конкретной дѣйствительности и объясненіе ее чрезъ посредство общихъ понятій и законовъ. Геологъ будетъ стремиться не только съ возможно большею подробностью описать Самарскую луку, но и каждый оригинальный пластъ въ этой лукѣ. Точно также онъ будетъ стремиться къ уловленію конкретныхъ особенностей единичнаго изверженія отдѣльнаго вулкана. Метеорологъ остановится съ большимъ вниманіемъ на какомъ-либо необычномъ явленіи въ атмосферѣ, при чемъ его вниманіе будетъ, быть можетъ, въ большей степени привлечено индивидуальными особенностями даннаго единичнаго явленія, чѣмъ тѣмъ общимъ, что имѣется у даннаго явленія сравнительно съ другими явленіями того же рода и т. п. Впрочемъ, объ этомъ мы будемъ еще говорить ниже (см. § III нашей статьи).

454—455: „Логика наукъ, изучающихъ послѣдовательность, еще ждетъ своего Аристотеля или своего Бэкона.“ Тоже на стр. 115 сс.

[1]) Этому игнорированію нисколько не мѣшаетъ принципіальное признаніе возможности такихъ наукъ, признаніе дѣлаемое вскользь и не отражающееся на сущности построеній Риккерта.

Такимъ образомъ Риккертъ стоитъ на вѣрномъ пути, защищая за индивидуальнымъ право на вниманіе науки. Но онъ не правъ, противополагая въ этомъ отношеніи исторію человѣчества природѣ. Здѣсь приходится стать на сторону Ксенополя и сказать, что какъ въ неорганизованной и организованной природѣ, такъ и среди явленій духа, *включая сюда и общественныя явленія*, познающій субъектъ можетъ съ одинаковымъ правомъ обращать свое вниманіе, какъ на то, что въ этихъ явленіяхъ есть общаго, слѣдовательно какъ бы повторяющагося или во времени, или въ пространствѣ, или и во времени и пространствѣ сразу [1]),—такъ и на то, что имѣется въ тѣхъ и другихъ явленіяхъ неповторяющагося, индивидуальнаго [2]).

Мы расходимся въ данномъ случаѣ съ Ксенополемъ лишь въ томъ важномъ пунктѣ, что онъ видитъ въ повторяющихся фактахъ—реальности, а не продуктъ работы нашей абстрагирующей мысли [3]).

III.

Итакъ, въ дѣйствительности существуютъ лишь единичные факты, и въ то же время нашъ умъ во всѣхъ фактахъ дѣйствительности можетъ устремляться, какъ на индивидуальное, такъ и искать общаго. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ противополагать исторію и естествознаніе.

Но Риккертъ усматриваетъ противоположность—между исторіей и естествознаніемъ съ логической точки зрѣнія и въ другой области: по его мнѣнію, исторія руководится въ выборѣ изучаемыхъ фактовъ совсѣмъ другимъ принципомъ чѣмъ естествознаніе, въ силу чего есте-

---

[1]) Ср. классификацію явленій у *Ксенополя* на стр. 11 сс.

[2]) О томъ, насколько самъ Риккертъ ослабляетъ свою позицію относительно полярности природы и исторіи допущеніемъ „относительно историческаго“ въ естествознаніи см. *Ф. Софроновъ*, Генрихъ Риккертъ и его книга – въ Вопр. фил. и псих. № 78 (1905), стр. 434 прим.; 437 прим.; 439 прим.

[3]) Намъ казалось бы болѣе правильнымъ нѣсколько усложнить дѣленіе наукъ, изучающихъ индивидуальныя явленія, внеся въ эту группу большую дифференціацію. Такъ какъ индивидуальное можно изучать или только въ пространствѣ или во времени и пространствѣ (Xénopol, p. 91), то науки можно было бы раздѣлить: 1) на науки абстрактныя, генерализирующія или номотетическія (теоретическія) и 2) на науки конкретныя, индивидуализирующія или идіографическія. Послѣднія можно раздѣлить на науки, изучающія индивидуальное въ пространствѣ (напр. географія) и на науки собственно историческія, изучающія индивидуальное и въ пространствѣ и во времени (геологія, исторія видовъ, исторія человѣчества).

ственно-научныя понятія и историческія—съ логической точки зрѣнія рѣзко различаются [1]).

Во первыхъ, съ точки зрѣнія Риккерта, естественно-научныя понятія имѣютъ цѣлью упрощеніе дѣйствительности; естествознаніе достигаетъ этого путемъ постепеннаго абстрагированія отъ конкретныхъ предметовъ ихъ общихъ свойствъ; такимъ путемъ естествознаніе доходитъ до самыхъ общихъ понятій. Чѣмъ общѣе естественно-научное понятіе, т.-е. чѣмъ оно идеальнѣе съ логической точки зрѣнія,—тѣмъ менѣе связи имѣетъ оно съ дѣйствительностью, тѣмъ оно «бѣднѣе содержаніемъ» [2]). Напротивъ, общія понятія въ исторіи имѣютъ совсѣмъ другой характеръ. Конечно, и исторія не можетъ передать дѣйствительности во всемъ ея многообразіи, и она должна упрощать дѣйствительность. Но она стремится дѣлать это, не уничтожая *индивидуальности явленій* [3]). Общія понятія въ исторіи (die historischen Begriffe) создаются не отвлеченіемъ общихъ свойствъ у предметовъ, а представляются обозначеніемъ связанной группы явленій во всей ея индивидуальности (напримѣръ, понятія: французская революція, итальянское возрожденіе [4]) и т. п.). Чѣмъ общѣе историческое понятіе, тѣмъ больше индивидуальныхъ чертъ оно содержитъ, ибо оно включаетъ въ себя большее число индивидуальностей въ качествѣ своихъ частей. «Въ сравненіи съ понятіями своихъ частей понятіе общаго *цѣлаго*, съ которымъ имѣетъ дѣло исторія, *богаче содержаніемъ*, между тѣмъ какъ общее понятіе естествознанія необходимо должно быть *бѣднѣе содержаніемъ*, чѣмъ подчиненные ему экземпляры» [5]).

Наиболѣе же важнымъ отличіемъ историческихъ понятій отъ естественно-научныхъ по Риккерту, является то обстоятельство, что послѣднія, отвлекаясь отъ дѣйствительности, отвлекаются и отъ всякой *цѣнности* для насъ объекта изученія, между тѣмъ какъ историческія понятія тѣсно связаны съ *цѣнностью* изучаемаго объекта для изуча-

---

[1]) См. напр. стр. 267 „продолжаетъ существовать принципіальная логическая противоположность между естествознаніемъ и историческою наукою“. Нѣмец. подлинникъ, S. 308. „Doch bleibt trotz aller Uebergänge und Zwischenformen ein prinzipieller logischer Gegensatz von Naturwissenschaft und Geschichtswissenschaft bestehen“. Еще яснѣе стр. 201, 446.

[2]) Философія исторіи, стр. 35.

[3]) Границы, стр. 290 сс. Подлинникъ, S. 336 f.

[4]) Границы, стр. 337.

[5]) Философія исторіи, стр. 35, Ср. „Границы“, стр. 319: „Между тѣмъ, какъ естественно-научное понятіе содержитъ въ себѣ лишь общее нѣсколькимъ индивидуальнымъ формамъ и исключаетъ изъ содержанія понятія то, что принадлежитъ лишь единичнымъ индивидуумамъ, въ историческое понятіе входитъ какъ разъ то, чѣмъ различные индивидуумы отличаются другъ отъ друга, при чемъ оно оставляетъ въ сторонѣ общее послѣднимъ“. Ср. стр. 348.

ющаго субъекта. Именно эта цѣнность объекта и дѣлаетъ его историческимъ индивидуумомъ съ точки зрѣнія изучающаго [1]). Съ этой точки зрѣнія дѣлается Риккертомъ и слѣдующее опредѣленіе исторіи: «Исторія есть наука, имѣющая дѣло съ *дѣйствительностью*, поскольку она имѣетъ дѣло съ однократными индивидуальными дѣйствительностями, какъ таковыми; она есть *наука*, имѣющая дѣло съ дѣйствительностью, поскольку она становится на общеобязательную для всѣхъ точку зрѣнія разсмотрѣнія и поэтому дѣлаетъ объектомъ своего трактованія лишь имѣющія значеніе, благодаря отношенію ихъ къ нѣкоторой общей цѣнности, индивидуальныя дѣйствительности или историческіе индивидуумы» [2]). Историческіе индивидуумы находятся въ связи между собою: каждое историческое понятіе, означающее какой-либо историческій индивидуумъ, является частью болѣе широкаго историческаго же понятія. Такъ, отдѣльная историческая личность состоитъ изъ историческихъ индивидуумовъ въ смыслѣ Риккерта: таковыми являются ея поступки и все съ ней происходящее. Но въ то же время она есть членъ «нѣкотораго болѣе значительнаго цѣлаго: семьи, поколѣнія, народа, эпохи, при чемъ она относится къ этому цѣлому точно такъ же, какъ каждая изъ ея частей къ ней, такъ какъ изъ этихъ болѣе обширныхъ связей всякая можетъ быть въ свою очередь разсматриваема, какъ единый индивидуумъ, составными частями котораго служатъ принадлежащіе къ нему личности или семьи или народы. Тогда это цѣлое должно быть включено въ общее болѣе обширное цѣлое и т. д. и т. д.». Высшимъ историческимъ индивидуумомъ и въ то же время высшей, наиболѣе общей и общепризнанной цѣнностью является понятіе: *культура* [3]). Къ этой высшей цѣнности чрезъ посредство промежуточныхъ другихъ цѣнностей (историческихъ индивидуумовъ) должно быть относимо каждое историческое явленіе, каждый «историческій индивидуумъ». «Культура есть общее дѣло въ жизни народовъ, она есть та цѣнность, по отношенію къ которой вещи получаютъ ихъ индивидуальное значеніе, которое должно быть признано всѣми, и историческое изложеніе и образованіе понятій руководятся общими культурными цѣнностями» [4]). Все историческое находится въ состояніи развитія, при чемъ въ этомъ развитіи оно объединяется въ нѣкоторое единство, относимое къ нѣкоторой цѣнности [5]) (высшей цѣнностью, къ которой относимъ процессъ истори-

---

[1]) „Границы“, стр. 302 сс. Представляется излишнимъ добавлять, что подъ историческимъ индивидуумомъ Риккертъ разумѣетъ не только лицъ, но и явленія въ широкомъ смыслѣ слова.

[2]) „Границы“, стр. 317 (курсивъ Риккерта).

[3]) Ib. 341, 483.

[4]) Ib. 483.

[5]) Ib., глава IV, § 5.

ческаго развитія, является по Риккерту, какъ мы только-что видѣли, культура).

Риккертъ многократно настаиваетъ на томъ, что подъ «отнесеніемъ къ цѣнности» онъ отнюдь не разумѣетъ *оцѣнки*, т.-е. положительнаго или отрицательнаго отношенія къ данному историческому индивидууму. Признать, что что-либо относится къ культурѣ еще не означаетъ признанія даннаго явленія хорошимъ или дурнымъ. Такъ, напримѣръ, радикальный демократъ и аристократъ будутъ различно оцѣнивать извѣстное политическое событіе, но оба будутъ признавать его значеніе, т.-е. относить его къ извѣстной цѣнности [1]). Этимъ путемъ Риккертъ стремится устранить упрекъ въ томъ, что, внося принципъ цѣнности въ исторію, какъ руководящій принципъ, онъ тѣмъ самымъ вноситъ этическій, эстетическій или другой какой-либо субъективизмъ въ историческую науку [2]).

Разсмотримъ теперь насколько правъ Риккертъ въ своемъ противоположеніи историческихъ (индивидуализирующихъ) понятій естественно-научнымъ (генерализирующимъ)?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Риккертъ, какъ мы уже говорили, слишкомъ съуживаетъ задачи естествознанія: послѣднее не только стремится къ упрощенію дѣйствительности, но и къ возможно болѣе детальному ея изображенію. Это выражается не только въ томъ, что натуралистъ стремится къ познанію индивидуальныхъ явленій природы, о чемъ мы уже говорили, но и въ томъ, что онъ стремится перейти границы непосредственно доступнаго нашимъ чувствамъ: совершенствуя средства изслѣдованія онъ признаетъ дѣйствительность, непосредственно намъ недоступную. Этотъ путь познанія очень далекъ отъ того удаленія отъ дѣйствительности путемъ ея упрощенія въ понятіяхъ, каковое (удаленіе) Риккертъ считаетъ главной задачей естествознанія [3]).

Въ силу такого съуженія задачъ естествознанія въ изображеніи Риккерта, онъ не признаетъ характерными для естествознанія тѣхъ понятій, которыя онъ называетъ «историческими», т.-е. изображающими индивидуальное въ дѣйствительности. Между тѣмъ понятія [4]), соот-

---

[1]) Ib. 313.

[2]) 312—316.

[3]) Объ этомъ см. детальный разборъ „Границъ“ Риккерта съ логической точки зрѣнія въ статьяхъ *Frischeisen-Köhler*'а въ Archiv für systematische Philosophie, B. XII (1906)—XIII (1907); въ частности B. XII, S. 236 ff. и 256—266. Ср. также объ индивидуализаціи въ естествознаніи книгу *А. А. Чупрова*, Очерки по теоріи статистики, 1909, стр. 15—31. Къ сожалѣнію, съ этой интересной книгой мы познакомились, когда наша статья была уже въ корректурѣ.

[4]) Дѣло логиковъ опредѣлить, подходитъ ли терминъ понятіе (Begriff) къ тому что Риккертъ называетъ „историческими понятіями“.

вѣтствующія индивидуальнымъ явленіямъ, примѣняются въ естествознаніи почти въ той же мѣрѣ, какъ и въ исторіи человѣчества, но, конечно, они являются по преимуществу достояніемъ не номотетическихъ или теоретическихъ естественныхъ наукъ, а идіографическихъ или— по терминологіи Ксенополя—историческихъ въ широкомъ смыслѣ слова. Развѣ нельзя сопоставить съ Риккертовскими «индивидуализирующими понятіями» въ родѣ «романтическая школа въ Германіи», «французская революція» и т. п., такихъ индивидуализирующихъ понятій, какъ солнечная система, Марсъ, Венера, кольца Сатурна [1]), Аральское море или еще въ большей степени—пермскій періодъ, ледниковый періодъ и т. п.?

Итакъ, «индивидуализирующія понятія» существуютъ и въ естествознаніи.

Но Риккертъ, какъ мы видѣли, надѣляетъ индивидуализирующія понятія исторіи еще одной особенностью: они всѣ относятся къ нѣкоторой *цѣнности*. Цѣнности образуютъ систему, въ которой высшей цѣнностью является понятіе культуры. Принципъ цѣнности служитъ, *какъ для выбора фактовъ*, заслуживающихъ изученія, изъ массы, *такъ и для связыванія ихъ въ нѣкоторое цѣлое*.

Какъ долженъ историкъ, желающій не выходить за предѣлы эмпирическаго матеріала, отнестись къ Риккертову принципу цѣнности?

Риккертъ многократно подчеркиваетъ, что понятія цѣнности, имѣющія быть примѣняемыми въ исторической наукѣ, должны быть построяемы на основаніи эмпирическаго матеріала [2]). Такими цѣнностями являются, по Риккерту, понятія: государство, право, экономическая организація, искусство, религія [3])

Разсмотримъ вопросы: достаточенъ ли принципъ отнесенія къ цѣнности для выбора изъ необозримой массы фактовъ тѣхъ, которые подлежатъ научному изученію? дѣйствительно ли современная исторіографія довольствуется этимъ принципомъ для выбора фактовъ? и отличается ли она въ примѣненіи этого принципа отъ естествознанія?

Тѣ понятія историческихъ цѣнностей, которыя перечисляетъ Риккертъ, настолько общи, что, конечно, ихъ очень трудно примѣнять въ настоящемъ, т.-е. осуществляемомъ на практикѣ, а не представляю-

---

[1]) Риккерту приходится, чтобы выйти изъ указаннаго затрудненія, выдѣлять астрономію изъ „остального естествознанія какъ науку, изучающую особый видъ индивидуальнаго“. См. „Границы“, 378 сс.; ср. также 345

[2]) Границы, 525 с.

[3]) О томъ, насколько субъективенъ въ своей основѣ принципъ отнесенія къ цѣнности, несмотря на попытки Риккерта доказать противное, см. *B. Schmeidler*, Über Begriffsbildung und Werturteile in der Geschichte въ Annalen der Naturphilosophie, 3 B. (1904), S. 27 ff.

щемся лишь логической фикціей, историческомъ изслѣдованіи. Но предположимъ, что предъ нами имѣется выработанная до деталей система общепризнанныхъ культурныхъ цѣнностей. Обладая такой системой, я буду болѣе или менѣе въ состояніи расклассифицировать наличный матеріалъ фактовъ по рубрикамъ этой системы. Но мнѣ нужно отдѣлить существенные факты отъ несущественныхъ,—задача, значеніе которой для историка въ полной мѣрѣ признаетъ Риккертъ [1]). Насколько мнѣ въ этой работѣ поможетъ моя «система цѣнностей»? Какъ только мы приступимъ къ любому историческому факту или къ группѣ фактовъ мы для того, чтобы опредѣлить, насколько этотъ фактъ или эта группа фактовъ существенны,—должны будемъ обратиться къ анализу его или ея послѣдствій: значеніе факта или группы фактовъ въ историческомъ процессѣ будетъ обнаружено постольку, поскольку этотъ фактъ или эта группа фактовъ имѣли важныя послѣдствія. Такъ приходится поступать, когда дѣло идетъ и объ опредѣленіи роли той или другой исторической личности, ибо и здѣсь приходится судить о значеніи извѣстной группы фактовъ, созданныхъ дѣятельностью данной личности. Почему самъ Риккертъ говоритъ, что Фридрихъ Вильгельмъ I въ исторіи Прусскаго государства представляетъ первостепенный интересъ, а для исторіи философіи—второстепенный (лишь поскольку онъ оказалъ вліяніе на судьбу Христіана Вольфа). Риккертъ говоритъ, что первостепенные историческіе индивидуумы различаются отъ второстепенныхъ тѣмъ, что «первые находятся въ прямомъ, другіе—въ косвенномъ отношеніи къ руководящей точкѣ зрѣнія отнесенія къ цѣнности» [2]). Но какъ опредѣлить степень близости этого отношенія? Отвѣтъ, конечно, долженъ заключаться въ переводѣ этого вопроса въ область причинной связи фактовъ и въ опредѣленіи того, каковы по значенію послѣдствія разсматриваемаго факта. Но такой путь означалъ бы отказъ отъ признанія принципа отнесенія къ цѣнности руководящимъ принципомъ при выборѣ фактовъ, т.-е. отказъ отъ основной точки зрѣнія Риккерта, и, чтобы не дѣлать этого, Риккертъ просто исключаетъ детальное разсмотрѣніе вопроса о методѣ различенія первостепенныхъ и второстепенныхъ фактовъ или, по его терминологіи, историческихъ индивидуумовъ изъ области логики и довольствуется заявленіями, что для выбора второстепенно-историческаго матеріала—исторія «прибѣгаетъ къ помощи репродуктивной фамиліи (!)» [3]), или что то, какъ далеко исторія прослѣживаетъ второстепенно-историческіе причинные ряды, въ значитель-

[1]) Напр., Границы, стр. 402 сс. Философія исторіи, 47 сс. 54.

[2]) Границы, 402.

[3]) Стр. 403. Подлинникъ S. 577. „Besondere logische Regeln für diesen Theil der geschichtlichen Darstellung zu geben, ist jedoch nicht möglich, weil die Geschichte sich hier wieder an die reproduktive Phantasie wendet“.

ной мѣрѣ,—«представлено вкусу и произволу историка» (!) [1]). Но мы должны признать, что, если исторія будетъ руководствоваться такими методологическими пріемами, которые рекомендуютъ обращеніе къ фантазіи, вкусу и произволу историка, то придется вовсе отказаться отъ научной исторіи, а этого отказа отнюдь не желаетъ самъ Риккертъ. Вѣдь, если мы пойдемъ послѣдовательно по указываемому имъ пути, то окажется, что «вкусъ и произволъ» должны царить въ самыхъ основныхъ вопросахъ исторіи, ибо вопросъ о томъ, какіе факты признавать первостепенными и какіе второстепенными, сплошь да рядомъ остается спорнымъ у первокласныхъ историковъ [2]). Единственный путь для опредѣленія значенія того или другого историческаго факта, я повторяю, заключается, въ чисто-эмпирическомъ анализѣ его послѣдствій: чѣмъ больше послѣдствій имѣлъ данный фактъ, тѣмъ больше его историческое значеніе. Этотъ анализъ послѣдствій какого-либо факта долженъ сводиться къ указанію тѣхъ фактовъ, которые приходится считать его результатами. Это чисто-эмпирическая работа. И самъ Риккертъ сбивается на этотъ путь, когда онъ, напр. заявляетъ, что «вопросъ о значеніи великихъ личностей есть отнюдь не логическая, а историческая проблема» [3]), другими словами, что вопросъ о роли

[1]) Стр. 404. Подлин. S. 478: „Wie weit die Geschichte die sekundär historischen Kausalreihen verfolgt, ist freilich wie überall, wo die Darstellung über das teleologisch Nothwendige hinausgeht, zum grossen Theil der Neigung und Willkür des Historikers überlassen".

[2]) *Grotenfelt*, Die Wertschätzung in der Geschichte, S. 190 ff. Я придаю особенное значеніе критическимъ замѣчаніямъ Гротенфельта по поводу теоріи Риккерта въ виду того, что Гротенфельтъ является сторонникомъ той точки зрѣнія, что принципъ цѣнности неизбѣженъ при выборѣ историческихъ фактовъ, но въ защитѣ этой точки зрѣнія гораздо менѣе одностороненъ, чѣмъ Риккертъ (особ. о. с. 155—163 и 199—206).

Добавлю, что самъ Риккертъ (Философія исторіи, стр. 130), когда желаетъ опредѣлить причины разложенія средневѣковой антропоцентрической философіи исторіи, стремится доказать, что главную роль здѣсь сыграло ученіе Коперника и Джордяно Бруно, а не современная біологія, „какъ думаютъ многіе." Вотъ примѣръ того, что опредѣленіе первостепенныхъ и второстепенныхъ фактовъ,— весьма спорно и не можетъ быть разрѣшено принципомъ цѣнности.

[3]) Стр. 421. На стр. 484 Риккертъ говоритъ, что „для исторіи становятся существенными прежде всего тѣ люди, которые сами проявляли свое отношеніе къ нормативно общимъ соціальнымъ цѣнностямъ государства, права, хозяйства, искусства и т д. и пріобрѣли существенное значеніе для хода культуры. Все остальное бытіе оказывается историческимъ *лишь постольку, поскольку оно* въ своей индувидуальности *имѣетъ вліяніе* на человѣческую культурную дѣятельность и ея результаты" (курсивъ вездѣ мой). Спрашивается, какъ можно опредѣлить „существенность" людей для хода культуры или „вліяніе" остального бытія на человѣческую дѣятельность и ея результаты, пользуясь лишь формальнымъ принципомъ цѣнности и не обращаясь къ анализу „дѣйственности" того или другого историческаго факта.

той или другой личности сравнительно съ ролью народныхъ массъ можно выяснить лишь на конкретномъ историческомъ матеріалѣ.

Итакъ, въ вопросѣ о выборѣ историческихъ фактовъ мы пришли къ тому выводу, къ которому пришелъ *Эд. Мейеръ* въ цитированной выше брошюрѣ: «историческими могутъ считаться такіе факты, которые суть или были *дѣйственны* (wirksam)», т.-е. оказывали, или оказываютъ вліяніе [1]). Что же касается способа опредѣленія этого вліянія, то здѣсь путь чисто эмпирическій: причинный анализъ конкретнаго историческаго матеріала [2]). Конечно, при современномъ состояніи исторической науки, когда методологическіе вопросы въ области не установленія фактовъ, а ихъ анализа и синтеза только что поставлены, опредѣленіе дѣйственности нерѣдко страдаетъ субъективизмомъ. Но, чѣмъ больше историкъ въ установленіи причинныхъ послѣдствій факта держится *почвы фактовъ же*, тѣмъ менѣе субъективны будутъ его выводы. И даже такой приверженецъ точки зрѣнія неизбѣжности примѣненія принципа цѣнности въ исторіи, какъ *Гротенфельтъ*, долженъ признать, что соціологической исторіи удается часто въ дѣйствительности проводить «количественное» измѣреніе значенія историческихъ фактовъ и что этотъ принципъ не выдерживается тамъ, гдѣ рѣчь идетъ «о законченномъ общемъ представленіи историческаго развитія»: здѣсь выступаютъ на сцену принципы цѣнности [3]). Но спрашивается не проистекаетъ ли этотъ субъективизмъ главнымъ образомъ оттого, что созданіе такого рода «общихъ картинъ» еще недостаточно подготовлено спеціальными изслѣдованіями»? [4]). Не нужно забывать, что неопре-

---

[1]) Ср. *B. Schmeidler*, o. c. 35.

[2]) Риккертъ (Философія исторіи, 54) опредѣленно заявляетъ, что понятіе „дѣйственнаго," формулированное Эд. Мейеромъ, недостаточно для выбора существенныхъ фактовъ, а что въ этомъ случаѣ необходимо обратиться къ „новымъ понятіямъ цѣнности, дополняющимъ чисто логическія цѣнности". Мы видимъ, что, наоборотъ, лишь эмпирическій анализъ дѣйственности можетъ указывать на болѣе или менѣе „существенное" съ точки зрѣнія цѣнности.

[3]) O. c., 162—163.

[4]) Ср. такое замѣчаніе *Гротенфельта* на стр. 206, гдѣ говорится, что, благодаря спеціальнымъ изслѣдованіямъ и ихъ разбору съ научной точки зрѣнія постепенно достигается согласіе историковъ въ опредѣленіи историческаго развитія. „Это постепенное проясненіе взглядовъ историковъ совершается въ существѣ своемъ *научными* средствами (курсивъ Гротенфельта): *изслѣдованіемъ фактовъ прошлаго и опредѣленіемъ вліяній* (курсивъ мой), которыя каждый комплексъ фактовъ оказалъ на послѣдующее развитіе. Только благодаря тому, что историки при такихъ разсужденіяхъ основывали свое изложеніе все въ большей степени на *фактическихъ* (sachliche), *объективныхъ* (курсивъ Гротенфельта) данныхъ, сдѣлалось возможнымъ постепенно достигать большаго единодушія въ историческихъ оцѣнкахъ (Würdigung). И при обсужденіи вопросовъ историческаго синтеза („Auffassung"—см. *Bernheim, Lehrbuch*, S. 186, *A.* 1)

дѣленность въ смыслѣ установленія связи фактовъ, какъ причинъ и слѣдствій, царитъ и во многихъ областяхъ естествознанія,—особенно въ тѣхъ отдѣлахъ естествознанія, которые имѣютъ «историческій» характеръ, напр., въ геологіи, въ исторіи развитія видовъ. Вспомнимъ споры о причинахъ ледниковыхъ періодовъ, о причинахъ наслѣдственной передачи признаковъ и т. п.

Что же остается отъ принципа цѣнности въ сферѣ выбора существенныхъ и несущественныхъ фактовъ? Мы видимъ, что здѣсь этотъ принципъ отнюдь не оказывается пригоднымъ уже потому, что, лишь только онъ перестаетъ быть чисто субъективнымъ, онъ требуетъ перехода къ опредѣленію степени «дѣйственности» фактовъ, т.-е. оказывается недостаточнымъ [1]).

Будучи практически малопригодно, «отнесеніе къ цѣнности», какъ принципъ для выбора фактовъ, можетъ оказаться и прямо вреднымъ для интересовъ науки. Дѣло въ томъ, что какъ ни настаиваетъ Риккертъ на возможности объективнаго построенія системы цѣнностей,—въ этой области весьма трудно на практикѣ обойтись безъ субъективизма. Это откровенно признаетъ защитникъ принципа цѣнности въ исторіографіи (хотя и въ значительно модифицированномъ видѣ сравнительно съ Риккертомъ) *Бернгеймъ*, который говоритъ, что «наши сужденія о цѣнности (Werturteile) въ послѣднемъ счетѣ опредѣляются тѣмъ, что мы считаемъ главнымъ результатомъ культурнаго развитія и что мы признаемъ существеннымъ для такового, т.-е. *отъ нашего міросозерцанія*, и притомъ такая зависимость проявляется даже тогда, когда эти сужденія отчасти даны намъ чрезъ посредство вспомогательныхъ понятій (Hilfsbegriffe) систематическихъ вспомогательныхъ наукъ, какъ, напр., государствовѣдѣніемъ, соціологіей, политической экономіей, сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, соціальной психологіей и т. п.» [2]).

изложеніе и ходъ мыслей у истиннаго историка имѣетъ по преимуществу строго научный характеръ", хотя, прибавляетъ Гротенфельтъ, одновременно проявляется „извѣстная, ненаучная (nicht wissenschaftliche) оцѣнка явленій съ точки зрѣнія опредѣленнаго міросозерцанія". Нужно только добавить, что этотъ субъективизмъ является въ современной исторіографіи не чѣмъ либо *принципіально*, съ логической точки зрѣнія, необходимымъ, а результатомъ недостаточности объективныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ той или другой области исторической науки.

[1]) Я совершенно не касаюсь *общаго теоретико-познавательнаго вопроса* о томъ, необходимъ ли принципъ цѣнности и отнесенія къ цѣнности *въ человѣческомъ познаніи вообще*. Я хочу лишь доказать, что въ этомъ отношеніи нѣтъ принципіальнаго логическаго различія между изученіемъ природы вообще и человѣческаго общества въ частности (включая исторію человѣчества) и что нѣтъ нужды для исторіи человѣчества создавать особую систему „культурныхъ цѣнностей".

[2]) *Bernheim*, Lehrbuch, s. 759 ff. Ср. 768 Справедливо выражается г. *Ф.*

Но мы не будемъ отрицать, что принципъ цѣнности можетъ играть роль въ другой сферѣ, а именно въ сферѣ выбора темъ для изученія. Конечно, наибольше изслѣдуемыми будутъ тѣ вопросы, которые представляютъ «цѣнность для всѣхъ и прежде всего для всѣхъ тѣхъ, къ кому обращается историкъ» [1]). Нечего и говорить, что въ каждомъ обществѣ въ данный историческій моментъ будетъ появляться больше историческихъ трудовъ по тѣмъ вопросамъ, которые интересуютъ болѣе значительную часть общества (при чемъ приходится говорить преимущественно о культурныхъ и даже «ученыхъ» слояхъ его) [2]). Но въ этомъ смыслѣ понятіе цѣнности, конечно, имѣетъ мало общаго съ значеніемъ, приписываемымъ ему Риккертомъ: въ этомъ смыслѣ «цѣнность» опредѣляетъ выборъ темъ для изслѣдованія, а отнюдь не опредѣляетъ самой структуры исторической науки, какъ у Риккерта. Мало того, понимая «цѣнность» въ означенномъ смыслѣ, мы усмотримъ, что роль этого принципа въ методологіи исторіи не отличается отъ роли его въ области естествознанія: и въ этой послѣдней области изслѣдователь, конечно, по преимуществу, руководится при выборѣ темъ главнымъ образомъ текущими интересами ученыхъ круговъ. То, что абсолютно не имѣетъ «цѣны» для человѣчества, врядъ ли займетъ многихъ изслѣдователей. Если бы даже, напр., нашелся изслѣдователь, который занялся вопросомъ о числѣ собакъ, имѣющихъ пятна какого-нибудь цвѣта на головѣ и о причинахъ этого явленія, то врядъ ли онъ нашелъ многихъ послѣдователей на пути своихъ изысканій. Но если бы ему удалось доказать, что этотъ вопросъ имѣетъ теоретическій и практическій интересъ, т.-е. цѣнность для человѣчества,—онъ вызвалъ бы вниманіе собратовъ по наукѣ къ предмету своего изслѣдованія.

Съ точки зрѣнія пониманія принципа цѣнности въ смыслѣ выбора темъ для изслѣдованія, можно объяснить и то обстоятельство, почему однѣ «историческія» науки (въ смыслѣ терминологіи Ксенополя) идутъ въ индивидуализированіи (въ смыслѣ терминологіи Риккерта) дальше, другія довольствуются меньшимъ. Естественно, что изученіе *частностей* въ структурѣ отдаленныхъ небесныхъ тѣлъ всегда, надо думать, будетъ возбуждать меньше интереса (хотя бы и усовершенствовались

Софроновъ въ цитированной выше статьѣ (стр. 455): „Ложная постановка исторической методологіи, какъ она дана у Риккерта..., поощряетъ развитіе субъективизма въ исторической наукѣ. Хотя она принципіально и отдѣляетъ область фактовъ отъ области „внутреннихъ отношеній,“ но для некритическихъ умовъ смѣшеніе здѣсь становится и крайне легкимъ и крайне соблазнительнымъ. Желаемое легко переводится въ сферу дѣйствительнаго и нравственное опредѣленіе должнаго принимается за фактическое обоснованіе реальныхъ событій“.

[1]) Слово Риккерта, Границы, стр. 478.

[2]) Ср. объ этомъ *B. Schmeidler*, o. c., 53—54.

средства изслѣдованія и дали бы возможность наблюдать эти частности), чѣмъ изученіе частностей въ строеніи земного шара и его поверхности. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему наука, изучающая исторію человѣчества, не можетъ удовлетвориться изученіемъ лишь «повторяющихся», «общихъ» явленій, стремится къ изученію деталей историческаго развитія: для субъекта познанія въ данномъ случаѣ объектъ ближе, чѣмъ, напр., при изученіи развитія животныхъ видовъ, гдѣ многія индивидуальныя черты не привлекаютъ вниманія. Въ то время, какъ въ исторіи человѣчества не только особенно «дѣйственныя» лица, а даже «второстепенныя» и «третьестепенныя» по своей «дѣйственности» привлекаютъ вниманіе историковъ,—историкъ животныхъ видовъ будетъ довольствоваться лишь констатированіемъ того, что обще значительному количеству индивидовъ даннаго вида, а не будетъ стремиться объяснить всѣ индивидуальныя особенности въ окраскѣ, внѣшнемъ видѣ и т. д. *каждаго экземпляра*, изъ вида собакъ.

Мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе, которое намъ кажется существеннымъ. Если мы допускаемъ извѣстное значеніе за «принципомъ цѣнности» въ области выбора темъ для изслѣдованія, т.-е. принципіально допускаемъ здѣсь извѣстный субъективизмъ со стороны изслѣдователей, то нужно считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и здѣсь роль этого субъективизма небезгранична. Онъ можетъ проявляться постольку, поскольку рѣчь идетъ о выборѣ темъ отдѣльнымъ изслѣдователемъ, но, если мы обратимъ вниманіе на преобладающіе интересы историковъ въ извѣстный моментъ развитія науки, беря не единичные явленія науки, а всю ихъ массу, то мы увидимъ, что этотъ преобладающій интересъ опредѣляется не субъективными причинами, коренящимися въ индивидуальныхъ особенностяхъ психики изслѣдователей, а эволюціей самой науки: вниманіе изслѣдователей по преимуществу привлекается тѣми вопросами, разрѣшеніе которыхъ въ данное время требуется интересами науки. Напримѣръ, въ послѣднія 2—3 десятилѣтія и на Западѣ и у насъ наблюдается повышенный интересъ къ вопросамъ экономической исторіи. Это объясняется, конечно, главнымъ образомъ тѣмъ, что въ анализѣ исторической дѣйствительности историческая наука стала стремиться доходить до болѣе элементарныхъ явленій матеріальной жизни общества, въ результатѣ чего и возникла потребность въ изслѣдованіи мало изученной до того времени экономической жизни народовъ. И въ этомъ отношеніи историческая наука не отличается отъ естествознанія: и тамъ появляются «новыя цѣнности» въ видѣ новыхъ темъ. Такъ, болѣе глубокое проникновеніе изслѣдователей организмовъ въ структуру послѣднихъ вызвало изученіе клѣточекъ и появленіе гистологическихъ изслѣдованій. Интересъ къ про-

стѣйшимъ организмамъ повысился, если не ошибаюсь, въ связи съ появленіемъ новыхъ точекъ зрѣнія на происхожденіе видовъ и т. п. [1]).

Мы разсмотрѣли возрѣнія Риккерта на принципъ выбора историческихъ фактовъ. Если мы теперь обратимся къ книгѣ *Ксенополя*, то мы придемъ къ заключенію, что Ксенополь недостаточно опредѣленъ въ этомъ вопросѣ.

Къ принципу цѣнности, выдвинутому Риккертомъ, онъ относится отрицательно. Онъ признаетъ принципъ цѣнности лишь въ вышеуказанномъ смыслѣ научнаго интереса къ тѣмъ или другимъ темамъ. Но онъ справедливо полагаетъ, что въ этомъ отношеніи принципъ цѣнности примѣняется и въ другихъ наукахъ [2]). Для различенія фактовъ существенныхъ отъ несущественныхъ спеціально въ исторіи онъ служить не можетъ. Если мы допустимъ существованіе общепризнанныхъ культурныхъ цѣнностей, то всякій фактъ человѣческой исторіи подойдетъ подъ одну изъ категорій цѣнности [3]). Кромѣ того, понятіе цѣнности не можетъ служить критеріемъ и по своему въ высшей степени субъективному характеру: понятіе культурныхъ цѣнностей мѣняется сообразно времени и пространству [4]). Наконецъ, понятіе культурной цѣнности съуживаетъ понятіе исторіи одной человѣческой исторіей, между тѣмъ какъ послѣдняя есть лишь часть исторіи міра [4]). Таковы главные аргументы Ксенополя противъ признанія понятія цѣнности критеріемъ для выбора историческихъ фактовъ.

Но, обращаясь къ тому, что считаетъ Ксенополь настоящимъ критеріемъ для различенія существенныхъ и несущественныхъ фактовъ въ исторіи, мы не находимъ у него достаточной опредѣленности въ формулированіи его мыслей. Онъ говоритъ, что выборъ фактовъ опредѣляется «историческими рядами» (séries historiques), т.-е. послѣдовательными отличными другъ отъ друга историческими фактами, связан-

---

[1]) Конечно, не слѣдуетъ игнорировать и того, что усиленіе интереса къ извѣстнымъ темамъ обусловливается нерѣдко и практическими запросами жизни: появленіемъ въ данномъ обществѣ новой „цѣнности,“ аналогичной „цѣнностямъ,“ имѣвшимся въ прошломъ этого же или другихъ обществъ. Напр., при реформѣ государственнаго строя (такъ при переходѣ къ народному представительству) повышается интересъ къ исторіи народнаго представительства. Но и въ этомъ отношеніи исторія не отличается принципіально отъ естествознанія; и въ естествознаніи повышеніе интереса, напр., къ явленіямъ электричества можетъ быть вызвано, какъ новыми теоретическими потребностями науки, такъ и потребностями практическими: бо́льшимъ спросомъ на примѣненіе электрической тяги въ промышленности и т. п.

[2]) *Xénopol*, La théorie, p. 104 ff. Ср. 113.

[3]) p. 110.

[4]) Ib. 109 ss. Ср. 143 ss.

[5]) Ib. 113 ss.

ными между собою причинной связью [1]). Онъ говоритъ вскользь о томъ, что слѣдуетъ при выборѣ фактовъ обращать вниманіе на причинную связь [2]), но опредѣленнаго критерія не даетъ. Мы видѣли, что единственнымъ критеріемъ для выбора фактовъ является ихъ дѣйственность, которая опредѣляется анализомъ ихъ послѣдствій, а эти послѣднія равно какъ и ихъ причинное отношеніе къ изслѣдуемому факту, должно быть установлено на основаніи возможно болѣе объективныхъ эмпирическихъ данныхъ [3]).

IV.

Мы разсмотрѣли вопросъ объ отношеніи исторіи человѣчества къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія логическихъ принциповъ и вопросъ о критеріи для выбора фактовъ. Обратимся теперь къ вопросу о томъ, каковы предѣлы историческаго познанія въ области причиннаго объясненія индивидуальныхъ фактовъ.

Человѣческій умъ, не довольствующійся простымъ усвоеніемъ дѣйствительности, а стремящійся къ ея объясненію,—не можетъ удовлетвориться описательной или «реферирующей [4])» исторіей. Довольно рано появляется то направленіе въ исторіографіи, которое, мнѣ кажется, удобнѣе всего называть прагматическимъ, причемъ подъ этимъ терминомъ я разумѣю историческое изложеніе, ставящее *отдѣльные индивидуальные факты* во взаимную связь, какъ причины и слѣдствія [5]).

---

[1]) Ib. 415 и 451 ss. Опредѣленіе „историческаго ряда“. см. на стр. 395. Объ этомъ понятіи мы будемъ еще говорить.

[2]) Ib. 451.

[3]) Объ объективности въ установленіи фактовъ *Xénopol* говоритъ на стр. 151 ss.

[4]) Терминъ *Bernheim'a*, Lehrbuch, 5—6. Aufl. 22.

[5]) Я считаю, что именно эта особенность является типичной для тѣхъ историковъ, которыхъ принято считать типичными прагматиками: Θукидида, Полибія, Тацита и др. У всѣхъ этихъ историковъ видно стремленіе къ анализу причинной связи (αἰτίαι καὶ προφάσεις у Θукидида). Практическая цѣль исторіи—поученіе—существуетъ въ ихъ трудахъ, но вовсе не обязателено связана съ прагматической исторіей. Если, какъ это дѣлаетъ *Бернгеймъ* и большинство ученыхъ, именно названныхъ историковъ считать типичными прагматиками, то прагматизмъ въ вышеозначенномъ смыслѣ слова охватитъ и то теченіе исторіи, которое Бернгеймъ называетъ „эволюціонной“ или „генетической“ исторіей (entwickelnde oder genetische Geschichte): и здѣсь дѣло идетъ объ установленіи причинной связи между отдѣльными фактами, только дѣлается это съ большей послѣдовательностью и полнотой, болѣе исчерпывающимъ образомъ. Если мы возьмемъ терминъ „прагматическая исторія“ въ означенномъ смыслѣ слова, то этотъ типъ исторіографіи окажется господствующимъ до послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка, когда мы видимъ постепенное, хотя и медленное укрѣпленіе новаго типа исторіографіи, о

Риккертъ въ своемъ стремленіи подчеркнуть вполнѣ индивидуализирующій характеръ исторіи удовлетворяется прагматической исторіей: для него задача историка въ сферѣ объясненія причинной связи не идетъ далѣе установленія связи между отдѣльными фактами или группами отдѣльныхъ различныхъ по существу фактовъ. Такое установленіе причинной связи Риккертъ считаетъ безусловно входящимъ въ задачу исторіи, какъ науки [1]). Но онъ считаетъ глубокимъ заблужденіемъ попытки идти далѣе въ этомъ отношеніи, а именно попытки стысканія общихъ причинныхъ соотношеній въ исторіи, подобныхъ законамъ природы [2]).

Должна ли исторія дѣйствительно остановиться на этомъ пунктѣ въ изслѣдованіи причинной связи явленій?

Слѣдуетъ, конечно, признать, что дойти до настоящихъ общеобязательныхъ законовъ природы исторія человѣчества не можетъ. Этому препятствуетъ сложность ея матеріала: невозможность въ анализѣ дойти до тѣхъ элементарныхъ единицъ, въ которыхъ и проявляются законы природы въ настоящемъ смыслѣ слова [3]), т.-е. общія положенія обладающія безусловною общеобязательностью [4]). Но вѣдь между настоящими законами природы и установленіемъ причинной связи между отдѣльными несходными фактами или комплексами отдѣльныхъ несходныхъ фактовъ могутъ быть переходныя формы причиннаго истолкованія фактовъ, менѣе общія, чѣмъ законы природы, но въ то же время болѣе общія, чѣмъ причинная связь между единичными фактами [5]).

Въ сущности *абсолютно-индивидуальное* причинное истолкованіе факта логически невозможно: мы только тогда можемъ усвоить себѣ причинную связь двухъ фактовъ, если мы вводимъ въ истолкованіе ея нѣкоторый общій элементъ, болѣе или менѣе привычной нашему уму. Абсолютно индивидуальное было бы непознаваемо [6]). И историки—прагматики съ древняго времени, сами того не сознавая, пользовались всегда общими понятіями для истолкованія причинной связи историческихъ фактовъ. Обращая, сообразно съ психическимъ характеромъ историче-

---

которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ («соціологическаго типа»). Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что зародыши этого третьяго типа существовали и ранѣе, даже въ древности.

[1]) Границы, 370.

[2]) Ib. c. 358 cc.

[3]) Ср. объ этомъ 2-ю главу въ Probleme der Geschichtsphilosophie *Зиммеля* (3. erweiterte Aufl. 1907, особ. стр. 83 ff.).

[4]) *Simmel*, o. c. 75.

[5]) Ср., напр., противоположеніе между „законами природы“ и „приблизительными обобщеніями“ въ „Логикѣ“ проф. *А. И. Введенскаго*, СПБ. 1909, стр. 252 с.

[6]) Ср. *Simmel*, o. c., 78 ff.

скаго матеріала, главное вниманіе на психологическую мотивировку дѣйствій историческихъ лицъ,—историки только потому дѣлали такое истолкованіе понятнымъ для своихъ читателей, что пользовались въ своихъ объясненіяхъ донаучными общими терминами, характеризующими явленія душевной жизни. Предпосылка *о существованіи общаго въ человѣческой психикѣ* [1]) является обязательной для историка.

Риккертъ, конечно, не можетъ не замѣчать этой неизбѣжности общихъ понятій даже въ толкованіи причинной связи отдѣльныхъ фактовъ. Онъ признаетъ, что въ этомъ случаѣ историку приходится прибѣгать къ обходному пути (Umweg) общихъ понятій. «Конечно, говоритъ Риккертъ [2]), то обстоятельство, что выраженіе историческихъ причинныхъ связей возможно лишь съ помощью понятій, содержащихъ въ себѣ нѣкоторое общее каузальное понятіе (Kausalbegriff) или же нѣкоторый законъ природы, снова указываетъ намъ на то, что историческая наука имѣетъ дѣло не только съ общими цѣнностями и общими коллективными индивидуумами, но дѣйствительно и съ общими понятіями, образованными на естественно-научный манеръ». Правда, по словамъ Риккерта, большинство такихъ понятій, которыми пользуются историки, по большей части возникли непроизвольно, до всякой естественной науки, въ житейскомъ опытѣ. «*Однако*, продолжаетъ онъ, *не исключена возможность перехода отъ этихъ популярныхъ общихъ представленій относительно причинной связи къ понятіямъ впервые построеннымъ изслѣдованіемъ о причинныхъ отношеніяхъ, придерживающимся пріемовъ естествознанія, и тогда благодаря этому между естественно-научнымъ образованіемъ понятій и историческимъ образованіемъ понятій можетъ возникнуть такое количество соотношеній, что, пожалуй, въ историческихъ изложеніяхъ не легко вездѣ отграничить перемѣшанныя другъ съ другомъ части отъ логически различной структуры*» [3]). «Но, нѣсколько неожиданно спрашиваетъ Риккертъ, развѣ вслѣдствіе этого вносится какое-либо измѣненіе въ логическую противоположность между естествознаніемъ и исторіей?» Заявивъ, что, «конечно, нельзя установить логическихъ нормъ относительно того, до какой степени можно пользоваться результатами естествознанія для того, чтобы дѣлать понятными историческія причинныя связи», онъ вдругъ заявляетъ, что «далѣе останавливается на этомъ вопросѣ и не представляетъ для насъ рѣшительно никакого интереса, такъ какъ даже и самое широкое пользованіе естественно-научными казуальными законами, котораго не вознамѣрится воспретить историку ни одинъ разсудительный человѣкъ, не можетъ

[1]) „Das allgemein Menschliche“ у *Bernheim'a*, o. c., 13. 192. Ср. 648.
[2]) Границы, 367.
[3]) Ib. 367 c. Курсивъ мой.

внести ни малѣйшаго измѣненія въ сущность историческаго образованія понятій» [1]), ибо эти «естественно-научныя понятія» представляютъ собой лишь «*элементы* историческихъ понятій».

Изъ всѣхъ приведенныхъ цитатъ видно, что Риккертъ вынужденъ признать, что историкъ для выясненія причинной связи индивидуальныхъ историческихъ событій вынужденъ пользоваться общими понятіями, образованными на естественно-научный ладъ, но вытекающія изъ этого признанія логическіе выводы Риккертъ обходитъ.

А выводы эти заключаются въ томъ, что, хотя исторія занимается изученіемъ конкретной дѣйствительности, т.-е. изслѣдованіемъ индивидуальныхъ фактовъ въ ихъ причинной зависимости, но при толкованіи этой причинной зависимости она обращается къ общимъ сужденіямъ и такимъ образомъ исчезаетъ *принципіальное* различіе между исторіей человѣчества и конкретными естественными науками въ родѣ метеорологіи, геологіи, географіи, которыя тоже спеціально заняты изученіемъ конкретныхъ явленій, но для причиннаго истолкованія послѣднихъ обращаются къ помощи теоретическихъ (или, по Риккерту, генерализирующихъ наукъ) въ родѣ физики, химіи и т. п. Для исторіи человѣчества роль такихъ теоретическихъ или генерализирующихъ наукъ будутъ играть психологія и систематическія соціальныя науки (общая соціологія и болѣе частныя науки: политическая экономія, общее правовѣдѣніе и т. п.), а также и нѣкоторыя области естествознанія [2]). Странно защищать ту точку зрѣнія, что пользованіе «донаучными» общими понятіями изъ области психологіи и т. п. принципіально допустимо въ исторіи: пользованіе такими пріемами есть, конечно, лишь указаніе на то, что исторія находится въ переходномъ состояніи и потому включаетъ въ себя «донаучные» элементы, которые должны будутъ изъ нея исчезнуть съ ея научнымъ прогрессомъ и будутъ замѣнены соотвѣтствующими общими понятіями, образованными научными методами систематическихъ наукъ.

И мы видимъ, что не только въ теоретическихъ работахъ по исторіи высказывается эта мысль [3]), но и спеціальная историческая литература переходитъ къ вышеописанному пріему пользованія общими понятіями для объясненія причинной связи, хотя бы тотъ или другой историкъ стоялъ на точкѣ зрѣнія индивидуализирующаго характера исторіи. Въ работахъ историковъ послѣднихъ десятилѣтій мы видимъ пользованіе все въ большей и большей мѣрѣ общими понятіями, установленными

---

[1]) Ib. 369.

[2]) Въ сущности обработка данныхъ и психологіи, и естествовѣдѣнія для цѣлей обществовѣдѣнія (включая сюда исторію) должна являться задачей *соціологіи*.

[3]) См. ниже о *Хénopol*'ѣ; ср. также *B. Schmeidler*. о. с.

психологіей, политической экономіей, общимъ государство- и правовѣдѣніемъ и т. п. Я не буду останавливаться на томъ, что современная исторіографія должна стремиться, а отчасти уже и стремится, хотя не въ достаточной степени,—къ усвоенію правильной *терминологіи* изъ области психологіи, политической экономіи, государствовѣдѣнія и проч., я остановлюсь лишь на болѣе важномъ въ теоретическомъ отношеніи вопросѣ, а именно на вопросѣ о томъ, какія же общія понятія играютъ главную роль въ истолкованіи исторической причинности?

Эти общія понятія мы можемъ назвать понятіями объ историческихъ факторахъ или *факторахъ общественной эволюціи*.

Причинное истолкованіе историческихъ событій можетъ быть признано исчерпывающимъ лишь тогда, когда каждое единичное событіе будетъ разложено на составные элементы и будетъ установлена связь этихъ элементовъ, съ общими факторами общественной эволюціи, т.-е. съ тѣми силами, которыя эту эволюцію производятъ.

Конечно, достиженіе этого идеала въ полной мѣрѣ невозможно по причинамъ, о которыхъ уже упоминалось выше (стр. 816). Въ этомъ отношеніи участь исторіи сходна съ участью тѣхъ естественныхъ наукъ, которыя имѣютъ дѣло съ очень сложными явленіями природы. Если уже метеорологія не въ состояніи точно предсказывать погоды въ силу того, что въ объясненіи атмосферическихъ явленій для нея въ настоящее время всегда получается значительный, такъ сказать, «ирраціональный» остатокъ, то это еще въ большей степени примѣнимо къ біологіи, которая, объясняя явленія жизни организмовъ, весьма и весьма многое не можетъ свести на простые физическіе и химическіе законы. Тоже самое въ большей или меньшей степени относится и къ другимъ естественнымъ наукамъ, занимающимся не отысканіемъ общихъ законовъ, а описаніемъ или объясненіямъ конкретныхъ индивидуальныхъ явленій природы [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ исторіи человѣчества такой «ирраціональный» остатокъ, неразложимый при анализѣ на элементы, являющіеся результатомъ дѣйствія основныхъ факторовъ общественной эволюціи,—будетъ при настоящемъ состояніи науки особенно замѣтнымъ въ виду того, что изученіе этихъ факторовъ, долженствующее быть предметомъ по преимуществу соціологіи, какъ статической, такъ особенно динамической [2]) съ ихъ подраздѣленіями, еще недостаточно подвинулось впе-

---

[1]) О біологіи говоритъ это самъ *Риккертъ*, Границы, стр. 387 с.с. и 434 с.с.

[2]) *Хѐпорол* (р. 332 s., 349), повидимому, отожествляетъ исторію и динамическую соціологію. Это неправильно: первая изслѣдуетъ конкратныя историческія событія; вторая—должна дать систему факторовъ исторической эволюціи и теорію ихъ дѣйствія.

редъ. Даже болѣе того: извѣстный ирраціональный остатокъ при анализѣ историческихъ событій, весьма вѣроятно, будетъ получаться и при болѣе значительномъ развитіи теоретическихъ наукъ объ обществѣ, такъ какъ въ столь сложныхъ явленіяхъ, какими представляются историческія—проявляется дѣйствіе законовъ природы въ комбинаціяхъ, въ высшей степени запутанныхъ: помимо того, что въ общественныхъ явленіяхъ проявляется дѣйствіе силъ физическихъ и химическихъ, біологическихъ и психологическихъ,—въ то же время комбинація этихъ элементовъ очень прихотлива, ибо большую роль играютъ 1) индивидуальное сцѣпленіе элементарныхъ силъ въ *отдѣльныхъ личностяхъ*, которыя оказываются, благодаря своеобразію своей индивидуальности и своего индивидуальнаго положенія въ обществѣ, особенно «дѣйственными», и 2) скрещеніе причинныхъ рядовъ, которое создаетъ историческіе факты, именуемые въ просторѣчіи *случайными*[1]).

И тѣмъ не менѣе этотъ «ирраціональный» остатокъ съ принципіальной логической точки зрѣнія, не устраняетъ обязанности при анализѣ исторической причинности не довольствоваться донаучными общими положеніями, а стремиться пользоваться общими понятіями, установленными абстрактными или теоретическими науками объ обществѣ. Идя этимъ путемъ, наука можетъ разсчитывать на постепенное уменьшеніе ирраціональнаго остатка. Упомянемъ хотя бы, что дальнѣйшіе успѣхи въ изученіи наслѣдственности, индивидуальной психологіи и проч. сдѣлаютъ менѣе «ирраціональною» роль «великихъ людей» и т. п.

Слѣдуетъ замѣтить, что индивидуальный, мало поддающійся анализу элементъ личный и случайный тѣмъ болѣе выдвигается впередъ въ исторіи, чѣмъ детальнѣе мы стремимся изучить эволюцію отдѣльныхъ обществъ. Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ деталей и устремляемъ свой мысленный взоръ на историческіе процессы на большомъ протяженіи времени,—тѣмъ болѣе индивидуальный и случайный элементъ отступаетъ на второй планъ, а болѣе отчетливо вырисовывается дѣйствіе основныхъ факторовъ общественной эволюціи. Такъ: чѣмъ детальнѣе мы изучаемъ исторію феодальнаго періода въ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ въ хронологической послѣдовательности,—тѣмъ больше намъ придется считаться съ индивидуальнымъ и случайнымъ элементомъ; чѣмъ больше сосредоточиваемъ мы вниманіе на общихъ чертахъ процессовъ феодализаціи и разложенія феодализма въ разныхъ странахъ Европы, тѣмъ болѣе отчетливымъ дѣлается вліяніе общихъ факторовъ и тѣмъ менѣе приходится имѣть дѣло съ индивидуальнымъ

[1]) О роли личности, въ исторіи какъ индивидуальномъ элементѣ ср. *Ed. Meyer*, Zur Teorie und Methodik der Geschichte, 52 ff; *Xénopol*, o. c., p. 264 s. s. О понятіи „случайнаго“ ср. *Ed. Meyer*, o. c., 17 ff.; *Xenopol*, o. c., 274 s. s.

и случайнымъ. То же самое можно иллюстрировать и на многихъ другихъ примѣрахъ, напр., на развитіи и борьбѣ классовъ въ городахъ классической Греціи и т. п.

Совершенно то же замѣчается и въ естествознаніи: изслѣдователь съ несравненно большимъ успѣхомъ возстановитъ физіологическіе процессы въ ихъ общихъ типичныхъ чертахъ, чѣмъ будетъ въ состояніи объяснить причины индивидуальныхъ уклоненій въ строеніи органовъ и въ ихъ отправленіи у отдѣльныхъ индивидовъ.

Таковы, по нашему мнѣнію, задачи исторической науки въ области причиннаго истолкованія фактовъ. Такъ какъ изученіе факторовъ общественной эволюціи является главнымъ образомъ задачей соціологіи, то тотъ типъ исторіи, который мы здѣсь пытались охарактеризовать, можно назвать *соціологической исторіей*. Соціологическая исторія стремится истолковать отдѣльныя историческія событія, сводя ихъ путемъ анализа къ проявленію дѣйствія общихъ факторовъ. Соціологическая исторія не только не исключаетъ исторіи реферирующей и прагматической, но, напротивъ, немыслима безъ ихъ существованія: прежде чѣмъ переходить къ выясненію роли общихъ факторовъ, необходимо точно возстановить историческіе факты и указать связь *отдѣльныхъ* фактовъ съ предшествующими, т.-е. выполнить задачу реферирующей и прагматической исторіи.

Приблизительно ту же общую мысль о задачахъ исторической науки развиваетъ и *Б. Шмайдлеръ*[1]), но онъ не даетъ себѣ яснаго отчета относительно различія въ понятіяхъ: факторъ и результатъ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ факторовъ. Такъ, понятіе «политики», «политической жизни» является результатомъ дѣйствія не только психологическаго фактора, который Шмайдлеръ именуетъ «стремленіемъ къ власти»[2]), а и цѣлаго ряда другихъ факторовъ (экономическаго и проч.). То же приходится сказать о развитіи хозяйства, философіи и проч. Шмайдлеръ ошибается, стремясь свести всѣ эти явленія къ дѣйствію одного какого-нибудь фактора, а другіе факторы, разсматривая лишь какъ побочныя вліянія[3]).

Что касается *Ксенополя*, то этотъ писатель видитъ задачу историка въ установленіи «историческихъ рядовъ» (séries), т.-е. какъ мы уже упоминали, рядовъ событій, связанныхъ между собою причинной связью. Одни ряды включаютъ въ себя другіе—подчиненные первымъ, эти въ свою очередь включаютъ въ себя новые ряды и т. д. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи взглядъ *Ксенополя* на задачу историче-

[1]) O. c., 36.
[2]) O. c., 46.
[3]) Ib. 47.

скаго изслѣдованія представляетъ по существу какъ бы теоретизацію взглядовъ историковъ-прагматиковъ.

Но Ксенополь не удовлетворяется этимъ: онъ считаетъ необходимымъ въ анализѣ исторической причинности выяснить роль основныхъ факторовъ исторической эволюціи и переходитъ такимъ образомъ къ точкѣ зрѣнія, которая выше названа *соціологической*. «Какъ возникаютъ историческіе факты?» спрашиваетъ Ксенополь и продолжаетъ: «Они суть результатъ эволюціонныхъ силъ (des forces du développement), дѣйствующихъ въ извѣстныхъ условіяхъ.... Мы увидимъ, что соединеніе историческихъ фактовъ въ ряды есть результатъ дѣйствія этихъ же самыхъ силъ въ средѣ извѣстныхъ условій.... Каждый простой или сложный историческій фактъ есть результатъ дѣйствія одной силы или комбинаціи нѣсколькихъ силъ въ извѣстныхъ условіяхъ»[1]). Характеристикѣ этихъ силъ Ксенополь посвящаетъ 5-ю, 6-ю и 7-ю главы своей книги[2]). Мы не можемъ входить въ детальный анализъ классификаціи историческихъ факторовъ, данной Ксенополемъ, ибо это выведетъ насъ за предѣлы темы нашей статьи, цѣль которой—отмѣтить лишь теоретическую необходимость ученія о факторахъ общественной эволюціи, а не разбирать вопроса объ этихъ факторахъ по существу[3]). Поэтому я ограничусь здѣсь лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями по поводу классификаціи Ксенополя.

Конечно нужно признать, что понятіе: факторъ общественной эволюціи есть въ сущности сложное понятіе, на которомъ мы останавливаемся лишь условно, признавая это понятіе для исторической науки, какъ нѣчто данное, и признавая анализъ такихъ понятій достояніемъ другихъ наукъ, и главнымъ образомъ соціологіи[4]). Но тѣмъ не менѣе необходимо избѣгать смѣшенія понятій обозначающихъ факторы (или силы), съ понятіями обозначающими результаты этихъ силъ. Между тѣмъ Ксенополь допускаетъ такую ошибку. Основнымъ историческимъ факторомъ онъ признаетъ эволюцію, которую онъ именуетъ une force naturelle[5]). Что такое эволюція на самомъ дѣлѣ? Сущность этого понятія заключается въ понятіи о непрерывномъ измѣненіи чего-либо при условіи

---

[1]) 387; cf. 97.

[2]) Ch. V, Les facteurs constants de l'histoire; ch. VI, L'évolution dans l'histoire; ch. VII, Les auxiliaires de l'évolution.

[3]) Къ этому вопросу мы надѣемся вернуться въ другомъ мѣстѣ.

[4]) О подобныхъ условныхъ „единицахъ“ (Einheiten) въ исторіи см. *Simmel*, о. с., 108 ff. Мы полагаемъ, что психологія и соціологія должны стремиться къ возможно болѣе глубокому анализу такихъ понятій, хотя, конечно, сведеніе ихъ къ элементамъ въ естественно-научномъ смыслѣ слова, при современномъ уровнѣ науки, невозможно. Ср. также о неопредѣлимости понятія сила—*Χénopol*, p. 300.

[5]) p. 210.

постепеннаго усложненія эволюціонирующаго объекта [1]). Эволюцію вызываютъ силы, дѣйствующія на эволюціонирующій объектъ и отчасти въ немъ же и заключающіяся; въ результатѣ получаются новообразованія, которыя сами являются новыми факторами въ дальнѣйшей эволюціи и т. д.; такое постоянное появленіе новообразованій, которыя въ свою очередь сами вліяютъ на дальнѣйшее развитіе, и есть причина все новыхъ измѣненій и новыхъ образованій. Такимъ образомъ отнюдь нельзя говорить объ эволюціи, какъ объ особой силѣ. Эволюція есть *процессъ*, получающійся въ результатѣ дѣйствія нѣсколькихъ или многихъ силъ. Это недоразумѣніе у Ксенополя отмѣтили еще по поводу перваго изданія его книги Bernheim [2]) и Grotenfelt [3]), но онъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи [4]).

Точно такъ же врядъ ли инерцію, вмѣстѣ съ Линднеромъ [5]) и Ксенополемъ [5]), можно называть особымъ постоянно дѣйствующимъ факторомъ (facteur constant). Инерція не есть особая *сила*, а есть свойство и духа и матеріи сохранять то состояніе покоя или движенія, которое разъ создалось, пока не начнетъ вновь дѣйствовать какая-либо сила, измѣняющая это состояніе.

Весьма неудачнымъ представляется намъ выборъ у Ксенополя и другого «постояннаго фактора» въ исторіи, а именно *расы*. Нечего останавливаться на томъ, какъ сбивчиво понятіе *расы*, какъ мало реальнаго содержанія въ этомъ понятіи. Объяснять что либо въ исторіи этимъ понятіемъ,—это значитъ объяснить x посредствомъ y.

Что касается тѣхъ факторовъ, которые Ксенополь именуетъ вспомогательными факторами эволюціи (les auxiliaires de l'évolution) [6]), то здѣсь его классификація крайне суммарна. Ограничусь хотя бы указаніемъ на употребленіе у Ксенополя въ качествѣ «фактора» такого сложнаго понятія, какъ milieu intellectuel [7]). Точно такъ же очень недостаточенъ анализъ понятій: инстинктъ сохраненія индивида и рода; это общее понятіе должно быть изслѣдовано въ различныхъ его проявленіяхъ [8]).

---

[1]) Ср. опредѣленіе у *Bernheim'a*, 10; у *Xénopol'я*, p. 205; у *Grotenfelt'a* Wertschätzung, 100.

[2]) *Bernheim*, o. c., 635. Anm.

[3]) *Grotenfelt*, o. c., 105.

[4]) La théorie, p. 210; ср. его же статью Zur Logik der Geschichte, 478 f.

[5]) *Th. Lindner*, Geschichtsphilosophie, гдѣ употребляется въ этомъ смыслѣ терминъ: Beharrung.

[6]) Терминъ: continuité intellectuelle—La théorie, p. 186 ss.

[7]) Ch. VII.

[8]) *Ксенополь* говоритъ лишь о проявленіи инстинкта сохраненія индивида и рода въ видѣ a) стремленія къ господству (expansion), b) борьбы за существо-

Нѣкоторые существенные факторы Ксенополемъ игнорируются, напр., ростъ населенія.

Такимъ образомъ, при вѣрности общей идеи Ксенополя относительно анализа историческихъ причинъ, его классификація факторовъ страдаетъ существенными недостатками.

V.

Въ заключеніе я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ, которыя иногда наблюдаются въ современной литературѣ въ области теоріи и философіи исторіи.

Во-первыхъ, нельзя думать, что соціологическая исторія исключаетъ изученіе отдѣльныхъ фактовъ, а стремится къ познанію только общаго въ исторіи человѣческихъ обществъ. Напротивъ, возможно болѣе детальное изученіе отдѣльныхъ фактовъ является тѣмъ фундаментомъ, на которомъ зиждется соціологическая исторія.

Во-вторыхъ, нельзя думать, что соціологическая исторія занимается изученіемъ общественныхъ массъ, а не личностей[1]). И то, и другое является предметомъ изслѣдованія соціологической исторіи сообразно степени ихъ «дѣйственности».

Въ третьихъ, понятіе прогресса вовсе не входитъ въ область *исторіи, какъ эмпирической науки*, а является всецѣло достояніемъ философіи исторіи, какъ и всякая оцѣнка прошлаго съ точки зрѣнія нашихъ субъективныхъ идеаловъ.

Михаилъ Хвостовъ.

Казань.
1909 г. Сентябрь.

ваніе и c) подражанія. Болѣе значенія, не смотря на серьезные дефекты, имѣетъ классификація потребностей индивида у *Лакомба*, Histoire considerée comme science.

[1]) Недоразумѣніе это сыграло большую роль въ полемикѣ между *Лампрехтомъ* и его оппонентами, причемъ поводъ къ нему далъ самъ Лампрехтъ. Ср. *Bernheim*, 713.

XLI.

Феодальный терминъ въ грузинскихъ памятникахъ.

„Феодализмъ не есть явленіе франкское или ландгобардское, а общее всѣмъ частямъ Западной Европы, вездѣ развившееся не вслѣдствіе заимствованій, а вслѣдствіе одинаковости историческихъ условій и вездѣ подготовленное еще во время господства Римской имперіи“.

Въ настоящее время историческая наука признаетъ феодализмъ „однимъ изъ тѣхъ широко распространенныхъ типовъ, въ формахъ которыхъ кристаллизуется соціальный строй при наличности извѣстныхъ условій въ весьма неодинаковыхъ территоріальныхъ, этническихъ и культурныхъ средахъ“ [2]). Историки и этнографы нашли феодальныя черты быта у древнихъ кельтовъ, германцевъ, славянъ и византійцевъ, также у китайцевъ, японцевъ, армянъ и турокъ, у гавасовъ Мадагаскара, туземцевъ Полинезіи и др.

Мнѣ пришлось въ разныхъ своихъ работахъ касаться характерныхъ признаковъ процесса феодализаціи въ общественномъ строѣ Грузіи до присоединенія ея къ Россіи въ 1801 году. Настоящій эскизъ посвященъ коммендаціи земель и лицъ, развившейся вслѣдствіе ослабленія государственной охраны частныхъ интересовъ. Крестьянскія грамоты. церковные и дворянскіе акты, дошедшіе до насъ съ XI вѣка, свидѣтельствуютъ о развитыхъ формахъ патроната. Мелкіе собственники и свободные люди, при недостаткѣ защиты со стороны правительства, отдавали себя и свою землю подъ защиту сильныхъ людей съ тѣмъ, чтобы остаться на ней въ видѣ съемщиковъ изъ милости („цкалоба“) новыхъ господъ. Такіе подзащитные люди назывались въ Грузіи *миндобили каци*. На Руси имъ соотвѣтствуютъ люди заступные, закладни, закладчики. В. О. Ключевскій говоритъ, что закладывались преимуще-

---

[1]) *Виноградовъ*. Происхожденіе феодальныхъ отношеній] въ Лангобардской Италіи. Спб. 1880, стр. 3.

[2]) *Гревсъ*. Феодализмъ. Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона, т. XXXV-й, стр. 494.

ственно посадскіе люди, торговые и ремесленные, и обыкновенно за сильныхъ людей", за бояръ, патріарха, епископовъ, за монастыри [1]). Закладничество, по мнѣнію Н. П. Сильванскаго [2]), означало вступленіе подъ защиту сильнаго человѣка, одинаковое съ западно-европейской коммендаціей.

Въ Грузіи закладни—*миндобили каци* коммендировались въ тѣхъ видахъ, чтобы подъ рукою сильнаго „патрона",—терминъ этотъ общеупотребителенъ въ грузинскихъ историко-юридическихъ памятникахъ,—найти себѣ личную и имущественную безопасность отъ посягательствъ и насилій знати и чиновниковъ. Ограничусь нѣсколькими грамотами, которыя характеризуютъ порядокъ добровольной себя отдачи крестьянами подъ защиту патрона-господина. Д. И. Пурцеладзе издалъ цѣлую серію любопытныхъ крестьянскихъ грамотъ (Тифлисъ, 1882), изъ которыхъ мы беремъ два-три образца коммендаціи, практиковавшейся въ Грузіи.

Подъ 1782 г. помѣщено слѣдующее обязательство, данное крестьяниномъ Бердуашвили князю Туманову. „Я, Георгій Бердуашвили и потомки мои даемъ вамъ Мдивану Сулхану Туманишвили, сію грамоту въ томъ, что... я теперь *свободный человѣкъ*. И какъ по обычаямъ Грузіи свободный крестьянинъ, *по своей доброй волѣ*, можетъ поступить къ кому онъ хочетъ, то я пришелъ къ вамъ и *отдалъ себя* вамъ въ крестьяне потомственно. Обязываюсь служить вамъ и платить то, что опредѣлено для подобныхъ мнѣ крестьянъ".

Закабаленіе низшихъ классовъ владѣющими ихъ высшими классами совершалось подъ различными предлогами. Добровольное вступленіе подъ защиту патрона нерѣдко обусловливалось денежною помощью, которую оказывалъ сильный человѣкъ,—будь онъ даже не изъ дворянъ,—маломочному собрату. Такъ, цирюльникъ Миримановъ пишетъ въ 1783 году грамоту Абелу Тершмованову, въ которой заявляетъ, что онъ отдаетъ себя за то, что тотъ уплатилъ его долгъ и „кое-что еще далъ ему". Поступленіе подъ защиту происходило и безъ этихъ мотивовъ благодарности за расплату съ должниками. Въ 1788 г. Захарій Кацицвили даетъ слѣдующую грамоту сильному феодалу—князю Ивану Мухранскому: „Я пожелалъ быть вашимъ крестьяниномъ и отдалъ себя съ семействомъ своимъ вамъ и потомству вашему въ крестьяне. Кромѣ васъ у меня нѣтъ и не можетъ быть другого патрона и покровителя". Въ особенности же вынуждены были искать „патрона" крестьяне-добровольцы, получившіе свободу по возвращеніи на родину изъ плѣна. Такъ, въ 1791 г. Арутинъ Арутинашвили далъ на себя купчую крѣпость, т.-е. поступилъ въ кабалу Липарету Туманшвили.

---

[1]) *В. О. Ключевскій.* Курсъ русской исторіи. М. 1908, ч. III, стр. 204.
[2]) *Н. П. Сильванскій.* Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907, стр. 105.

Въ защитникахъ столько же нуждались чужестранцы, переселившіеся въ Грузію (*Шурцеладзе*, н. с., грамоты 1794 г.). Чужестранцы, освободившіеся изъ плѣна, слабые въ борьбѣ съ насиліями, отдавали себя подъ защиту сильныхъ. Въ свою очередь сильные искали покровительства у лицъ, стоящихъ выше державной силой. Зависимый крестьянинъ искалъ безопасности у господина-дворянина, князя, епископа, царя. Послѣдніе коммендировались-задавались Пресвятой Богородицѣ, св. Георгію и другимъ святымъ, въ честь которыхъ строили храмы, дѣлали вклады, жертвовали имѣнія и крестьянъ. Вотъ образецъ такой коммендаціи Божіей Матери: „Мы съ упованіемъ и съ великимъ усердіемъ положившіяся (*миндобили*) на защиту и покровительство ваше (цва-парва) — я Бараташвили, патронъ Іесе и супруга моя, патронесса Мареха и сыновья наши: Георгій, Гугуна, Автандилъ и Давидъ, потщились и дерзнули донести Тебѣ, преблагословенной царицѣ Нашей, Богородицѣ, приснодѣвѣ Маріи, дабы симъ небольшимъ (приношеніемъ) оказать службу святому престолу твоему въ Гударехскомъ монастырѣ, нашей усыпальницѣ, и жертвуемъ деревню Верхнали, никѣмъ неоспоримую, съ мельницей, садомъ, лѣсомъ, пахатной землей... а также то, что раньше было пожертвовано, но съ теченіемъ времени расшаталось, мы возобновили (грамоту) и вновь пожертвовали [1]). Такимъ образомъ *миндобили каци*, отдавшійся подъ защиту сильнаго патрона, являлся лишь звеномъ въ цѣпи вассальныхъ отношеній между верховными существами, самимъ Богомъ и смертными, начиная отъ царя и кончая простолюдиномъ.

Этотъ терминъ „миндобили“, соотвѣтствуетъ русскому слову „подзащитный“, невѣрно былъ понятъ грузинологами—академикомъ Броссе и историкомъ Бакрадзе. Первый въ своемъ археологическомъ путешествіи (Voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, Спб. 1849) неоднократно переводилъ „миндобили“ то словами confiant en ton secour et protection (см. Voyage VIII, стр. 101), то словами confiant en ton assistance et protection (ib., стр. VIII, 137, ср. I, 59). Во всякомъ случаѣ акад. Броссе ближе стоитъ къ пониманію термина „миндобили“ въ смыслѣ confiant, чѣмъ историкъ Бакрадзе. Въ „Археологическомъ путешествіи по Гуріи и Адчарѣ“ (Спб. 1878) Бакрадзе переводитъ „миндобили“ словомъ „уповающій“ [2]). Несомнѣнно, что покойный историкъ перенесъ на „миндобили“ значеніе слова „мосави“. Недостаточное уясненіе термина „миндобили“ привело Д. З. Бакрадзе къ тому, что онъ совершенно исказилъ его смыслъ при переводѣ свода законовъ грузинскаго царя

---

[1]) Древности—Сидзвелени, на груз. языкѣ изданныя журналомъ *Моамбэ*, стр. 378, грамота 1630 г.

[2]) См. названное сочиненіе стр. 111, 122, 220, въ связи съ словомъ мосави стр. 237 и 245.

Вахтанга VI [1]), союзника Петра Великаго въ персидскомъ походѣ. Въ той части этого сборника грузинскихъ юридическихъ памятниковъ, гдѣ приводятся законы самцхійскихъ правителей Верхней части Грузіи Беки и Агбуги (XIV—XV вв.), имѣется статья 34-я (на груз. языкѣ статья 33-я) о *миндобили каци*—подзащитномъ человѣкѣ. Бакрадзе, неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ, въ этомъ случаѣ „миндобили" переводитъ не словомъ „уповающій", какъ это онъ усвоилъ въ „Археологическомъ путешествіи", а предложеніемъ „кто, бывъ дружелюбно принятъ." Я приведу эту статью въ первой ея половинѣ, чтобы установить ошибочность пониманія Бакрадзе феодальнаго термина *миндобили каци*—„подзащитный человѣкъ", такъ часто фигурирующій въ крестьянскихъ грамотахъ. Статья гласитъ въ переводѣ Бакрадзе: „*Кто бывъ дружелюбно принятъ*, измѣнитъ кому въ кругѣ семейства, въ крѣпости или въ другомъ мѣстѣ и сіе дойдетъ до свѣдѣнія ацхурскаго архіерея, тотъ повиненъ сдѣлать удовлетвореніе за кровь двухъ знатнѣйшихъ особъ изъ числа всѣхъ тѣхъ людей, сколько въ тотъ день на мѣстѣ измѣны находилось"... Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о такомъ *миндобили-каци*, который, бывъ принятъ подъ защиту и поклявшись въ вѣрности своему господину, нарушилъ условіе, связывающее патрона съ зависимымъ человѣкомъ. Другими словами, *миндобили-каци* въ законахъ Беки-Агбуги означаетъ подзащитнаго, а не дружелюбно принятаго человѣка. При ближайшемъ знакомствѣ съ феодализаціей въ Грузіи подобныя недоразумѣнія легко устранимы. Съ другой стороны, изученіе феодальнаго строя въ грузинскомъ царствѣ дастъ кое-что для намѣчающейся у соціологовъ попытки сравнительнаго синтетическаго изображенія эволюціи феодализма не только въ Европѣ, но и во всемъ человѣчествѣ.

А. Хахановъ.

---

[1]) Сборникъ законовъ груз. царя Вахтанга VI, изд. А. С. Френкеля, подъ ред. Д. З. Бакрадзе, Тифлисъ, 1887.

Оглавленіе *).

		Стр.
	Я. Барсковъ. Списокъ трудовъ В. О. Ключевскаго...	V—X
I.	*М. Любавскій.* Къ вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ православныхъ князей, пановъ и шляхты въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до Люблинской уніи	1
II.	*С. Платоновъ.* Столяровъ Хронографъ и его авторъ.	18
III.	*М. Богословскій.* Кредитъ въ земскомъ хозяйствѣ XVII вѣка	29
IV.	*А. Филипповъ.* Положеніе губернатора въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка	43
V.	*Е. Шмурло.* Къ исторіи сношеній московскихъ государей съ римскими папами	57
VI.	*А. Кизеветтеръ.* Дѣлопроизводство русскихъ внутреннихъ таможенъ, какъ историческій источникъ.....	76
VII.	*Ю. Готье.* Слѣдственныя комиссіи по злоупотребленіямъ областныхъ властей въ XVIII вѣкѣ.....	103
VIII.	*С. Рождественскій.* Изъ исторіи отмѣны „урочныхъ лѣтъ“ для сыска бѣглыхъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка	153
IX.	*Е. Щепкинъ.* Порядокъ престолонаслѣдія у древненорвежскихъ конунговъ	164
X.	*С. Смирновъ.* „Бабы богомерзкія“	217
XI.	*С. Котляревскій.* Что даетъ „Боярская Дума“ В. О. Ключевскаго для государствовѣдѣнія	244
XII.	*И. Лаппо.* Къ исторіи сословнаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Конные мѣщане Витебскіе въ XVI столѣтіи.....	254

*) Статьи помѣщены въ порядкѣ ихъ поступленія. Статья проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, къ сожалѣнію, не могла быть помѣщена въ сборникѣ вслѣдствіе поздняго доставленія.

		Стр.
XIII.	*А. Савинъ.* Мѣстничество при дворѣ Людовика XIV	277
XIV.	*С. Веселовскій.* Азартныя игры, какъ источникъ дохода Московскаго государства въ XVII вѣкѣ	291
XV.	*М. Дьяконовъ.* Къ вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабалѣ	317
XVI.	*Д. Егоровъ.* Новый источникъ по исторіи прибалтійскаго славянства	332
XVII*).	*А. Орловъ.* Русское „некнижное“ житіе Николая Чудотворца	347
XVIII.	*В. Сторожевъ.* Монастырское землевладѣніе на Вологдѣ по даннымъ 1627—1630 годовъ	369
XIX.	*С. Богоявленскій.* Расправная Палата при Боярской Думѣ	409
XX.	*П. Виноградовъ.* Годичныя книги англійскихъ судовъ, какъ историческій источникъ	427
XXI.	*Н. Поповъ.* Начало византиновѣдѣнія въ Россіи	435
XXII.	*Д. Петрушевскій.* Страница изъ исторіи англійскаго средневѣкового города	449
XXIII.	*П. Струве.* Проблема роста производительныхъ силъ въ теоріи соціальнаго развитія	458
XXIV.	*М. Покровскій.* Пушкинъ и римскіе историки	478
XXV.	*В. Протопоповъ.* Къ Саксонской Правдѣ (Неудачная разгадка статьи XIV)	487
XXVI.	*Г. Шмелевъ,* Отношеніе населенія и областной администраціи къ выборамъ на земскіе соборы въ XVII вѣкѣ	492
XXVII.	*С. Шамбинаго.* Историческія переживанія въ старинахъ о Суханѣ	503
XXVIII.	*В. Бочкаревъ.* Земельныя нужды русской деревни по крестьянскимъ наказамъ въ Екатерининскую законодательную Комиссію 1767 г.	516
XXIX.	*М. Сперанскій.* Сербское житіе Феодосія Печерскаго.	537
XXX.	*М. Клочковъ.* Очеркъ исторіи ландратской переписи (1715—1721 г.)	547
XXXI.	*В. Поржезинскій.* Къ исторіи русской грамматики и грамматической терминологіи	556
XXXII.	*С. Бахрушинъ.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI вѣка	563

*) Въ текстѣ опечатка—XV вм. XVII.

Стр.

XXXIII. *В. Пичета.* Литовско-польскія уніи и отношеніе къ нимъ литовско-русской шляхты 605

XXXIV. *В. Данилевичъ.* Время образованія Слободскихъ черкасскихъ полковъ 632

XXXV. *Р. Виппперъ.* Нѣсколько замѣчаній о происхожденіи церкви 640

XXXVI. *А. Яковлевъ.* „Безумное молчаніе“ 651

XXXVII. *Б. Сыромятниковъ.* Политическая доктрина „Наказа“ П. И. Пестеля 679

XXXVIII. *А. Лаппо-Данилевскій.* Служилыя кабалы позднѣйшаго типа 719

XXXIX. *В. Эйнгорнъ.* Преподаваніе исторіи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ (1786—1802) 765

XL. *М. Хвостовъ.* Къ вопросу о задачахъ исторіи 791

XLI. *А. Хахановъ.* Феодальный терминъ въ грузинскихъ памятникахъ 825

Оглавленіе ..... I—III

Московская [illegible]ская
Центральная библиотека

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

8